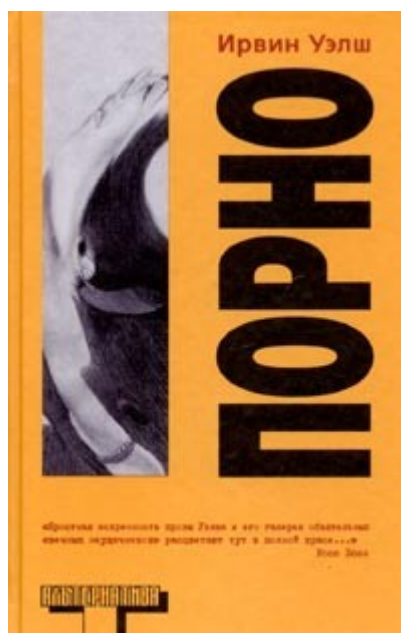

Ирвин Уэлш Порно

OCR Syhar @ EBS_Cat <gron@mail.ru>

«Уэли И. Порно: роман»: АСТ; М.; 2004
ISBN 5-17-019915-5

Аннотация

Роман Уэлиа «На игле», выстреливший в начале девяностых и мгновенно ставший культовым, повествовал о тех, кто вплотную приблизился к бездне, открывающейся за социальным отчуждением и героиновой зависимостью. Новый роман Уэлиа «Порно» – продолжение этой книги: в нем появляются те же герои, однако действие происходит прямо сейчас, десять лет спустя...

Герои романа, принесшего Ирвину Уэлиу славу КУЛЬТОВЕЙШЕГО из КУЛЬТОВЫХ «альтернативных» писателей нашего времени, – ВОЗВРАЩАЮТСЯ! Изменились ли они? Ну, разве что – «от хорошего к лучшему»!

*Посвящается: Джонни Брауну
Джанет Хей
Стэну Кейлттика
Джону Маккартни
Элен Маккартни
Полу Рики
Рози Савин
Франку Саузи
и, конечно же, Джону Бошу*

Нет праздника без жестокости...

Ницше, «Генеалогия морали», рассмотрение второе, глава 6

I. Дешевенькая порнушка

1. Афера № 18732

Крокси, в кои-то веки взмокший от напряжения, а не от наркоты, борется с лестницей, волоча последнюю коробку с записями, а я плющусь себе на кровати, уставившись в депрессивном оцепенении на светло-желтые фанерные стены. Это – мой новый дом. Одна убогая комнатенка четырнадцать на двенадцать футов, еще – коридор, кухня и ванная. В комнате – встроенный шкаф без дверей, кровать и впритык места для стола и двух стульев. Мне здесь противно и гадко: тюрьма и то лучше. Я, блядь, лучше вернусь в Эдинбург и поменяюсь с Бегби: его камеру – на эту промозглую лачугу. Махнем не глядя.

Я задыхаюсь – в этом замкнутом пространстве застарелая вонь табака от Крокси прямо бьет в ноздри. Я не курю уже три недели, но пассивно выкуриваю полторы пачки в день только из-за того, что этот кекс ошивается рядом.

– От работы пить хочется, да, Саймон? Пойдешь в «Пепис» выпить? – говорит он, и его энтузиазм напоминает злорадство, рассчитанную издевку над Саймоном Дэвидом Уильямсоном, который сейчас переживает не лучшие времена.

С одной стороны, это будет мудацкая дурость – заявиться в «Пепис», чтобы они все там фыркали: «Вернулся в Хакни, Саймон?», – но компания мне нужна. Посидеть – попиздеть. Выпустить пар. Да и Крокси не помешает проветриться. Попробовать бросить курить в его обществе – все равно что слезать с наркоты в компании упертых торчков.

– Тебе повезло, что ты отхватил это место, – говорит Крокси, помогая мне разгрузить коробки. Повезло моей вздрюченной заднице. Я ложусь на кровать, и все здание трясется, когда поезд-экспресс на Ливерпуль-стрит пронесется через станцию Хакни-Даунз, примерно в футе от окна моей кухни.

Сидеть взаперти в моем состоянии – это даже хуже, чем выйти наружу, так что мы осторожно спускаемся по истертым ступенькам, ковер такой лысый, что идти по нему опасно – как по краю ледника. Снаружи падает мокрый снег и витает унылый дух послепраздничного похмелья, мы с Крокси шагаем к Кобыльей улице и Таун-Холлу. Крокси вдруг заявляет без малейшего оттенка иронии:

– В Хакни оно по-любому лучше, чем в Айлингтоне. Айлингтон – это вообще уже полная жопа.

Можно всю жизнь оставаться хипом-бродягой. Ему бы вебсайтами заниматься, дизайном – где-нибудь в Кларкенуэлле или Сохо, – а не тусовками и вечеринками в Хакни. Надо бы научить этого перца, что почем в этом мире, и даже не потому, что ему это как-то поможет в жизни, а просто чтобы не дать вот такой вот хуйне безнаказанно просочиться в культуру.

– Нет, это шаг назад, – говорю я и дую на руки, мои пальцы розовые, как непроверенные свиные сосиски. – Для двадцатипятилетнего неформала Хакни – это самое то. Но для активного тридцатилетнего предпринимателя – я показываю на себя – это полный облом. Представь, ты знакомишься с классной телкой где-нибудь в баре в Сохо – и что, ты дашь ей адрес на Восьмой Восточной? Что ты ей ответишь, когда она спросит: «А где тут ближайшее метро?»

– А поверху доберецца, – говорит он, показывая на железнодорожный мост под опухшим не-

бом. Мимо проходит 38-й автобус, изрытая ядовитую копоть. Эти, блядь, мудаки из лондонского департамента транспорта плачутся в своих дорогих брошюрах про ущерб, наносимый частными автомобилями окружающей среде, загрязнение воздуха и все такое, а муниципальный транспорт типа воздуха не загрязняет.

– Ни хуя это не правильно, – огрызаюсь я. – Дерьмо на лопате. Это место, наверное, будет последним в Северном Лондоне, куда проведут метро. Даже в блядском Бермондси и то есть метро, мать его. Они его могут пристроить к этому цирку уродскому, куда не пойдет ни один мудака, а здесь они его сделать не могут, это, блядь, точно.

Узкое лицо Крокси подергивается в подобии улыбки, и он смотрит на меня своими большими, опустошенными глазами.

– Ты у нас седня чегой-то не в настроении, да? – говорит он мне.

И это правда. Так что я делаю то, что всегда: топлю свои печали в вине и говорю им всем в пабе – Берни, Моне, Билли, Кэнди, Стиви и Ди, – что Хакни – это просто на время, так что не думайте, будто я тут окопаюсь надолго. Нет, дорогие друзья. У меня свои планы. Большие планы. И кстати, я часто навещаюсь в туалет, но только чтобы принять вовнутрь, а не вылить наружу.

Но даже когда я занюхиваюсь по самые пончикряки, я все равно сознаю горькую правду. Кокс мне наскучил, он наскучил всем нам. Мы – пресыщенные мудаки, толчемся в местах, которые ненавидим, в городе, который ненавидим, притворяемся, что мы – центр вселенной, уродуем себя говенной наркотой, чтобы избавиться от ощущения, что настоящая жизнь происходит где-то совсем в другом месте; мы прекрасно осознаем, что все, что мы делаем, – это просто подпитка нашей клинической паранойи и вечного непреходящего разочарования, и тем не менее нам не хватает запала остановиться. И я даже знаю почему. Потому что, как это ни прискорбно, вокруг нет ничего интересного, ради чего стоило бы остановиться. Тут расплзается слух, что у Брини есть куча хорошего цзына, и, похоже, его уже начали потихоньку употреблять.

Вдруг выясняется, что уже наступило завтра, и мы где-то на хате – сидим-раскуриваемся, и Стиви все говорит, сколько стоит все это купить, выглядит он больным и недовольным, потом появляются мятые бумажки, и запах нашатыря наполняет комнату. Когда же эта кошмарная трубка обжигает мне губы до волдырей, я ощущаю слабость и поражение, но тут мне вставляет, и я оказываюсь в другом углу комнаты: холодный, заледенелый, удовлетворенный и полный собой – несу совершеннейшую пургу и строю планы мирового господства.

И вот я на улице. Я и не знал, что мы в Айлингтоне. Шатаюсь себе по округе и вдруг вижу девицу – она сражается с картой на Зеленой, пытается открыть ее, не снимая перчаток, – и реагирую низкопробным: «Потерялась, детка?» Меня пугает мой собственный голос: жалобный и чувствительный, весь пронизанный ожиданием, предвкушением и даже потерей. Я аж задохнулся от потрясения, тем более когда заметил у себя в руках лиловую детскую сумочку в форме жестянки для завтраков. Что за еб твою мать это было? Откуда она у меня, эта хрень? Как, черт возьми, я сюда попал? Где весь народ? Было несколько стонов, кто-то ушел, и я вышел прочь под холодный дождь, и сейчас...

Девочка вся из себя напрягается, словно палка из плоти блэкпульского камня у меня в штанах, и шипит:

– Отвали... я тебе не детка...

– Ну извини, куколка, – кисло парирую я.

– И не куколка тоже, – сообщает она.

– Это как посмотреть, милая. Попробуй взглянуть на все это с моей точки зрения. – Я слышу свой голос как будто со стороны, словно это не я говорю, а кто-то другой, и я вижу себя ее глазами: вонючий и грязный пропойца с фиолетовой детской сумочкой. Но у меня есть работа, которую надо делать, и люди, с которыми надо встретиться, и даже чуток денег в банке, и одежда получше, чем этот заляпанный и вонючий тулуп, эта старая шерстяная шапка и драные перчатки, и что вообще за хуйня здесь творится, Саймон?

– Отвали, идиот! – говорит она, отворачиваясь.

– Я так понимаю, мы просто знакомимся не с той ноги. Ничего страшного, единственный путь – это путь вперед, правда?

– Отъебись, – вопит она через плечо.

Женщины... как иногда с ними сложно. Сплошной негатив. Иной раз я с ними теряюсь; и все потому, что я недостаточно знаю женщин. Я знал нескольких, но между нами всегда вставал мой распалившийся причиндал – между мной, ними и чем-то глубоким и важным.

Я пытаюсь вспомнить последовательность событий, восстановить свой покоробленный, перегревшийся разум, как бы растягивая его и разбивая на фрагменты. До меня доходит, что я на самом деле был дома, что утром я совершенно подавленный вернулся в свое новое логово, втянул последний кокаин и улегся потеть и дрончить на газетную фотку Хиллари Клинтон в скафандре во время предвыборной гонки на пост мэра Нью-Йорка. Я толкал ей старую идею насчет того, что, мол, не обращай внимания на евреев, она была все еще очень красивой женщиной, и Моника даже в подметки ей не годилась. Пожалуй, Биллу надо бы показаться врачам – подлечить голову. Потом мы занялись любовью. Потом, когда Хиллари уже спала удовлетворенная, я пошел в соседнюю комнату, где меня ждала Моника. Лейт встретился с Беверли-Хиллз в утонченном и смачном постнаркотическом трахе. Потом я свел Хиллари с Моникой, чтобы они сделали это друг с другом, а я бы на них посмотрел. Сперва они заартачились, но, очевидно, я их все-таки уговорил. Я уселся на этот потертый стул, который мне притащил Крокси, расслабился и с удовольствием закурил гаванскую сигару... ну ладно: тонкую панетеллу.

Полицейская машина воеет на Верхней улице в поисках какого-нибудь тормознутого гражданина, чтобы его покалечить, а я, дрожа, возвращаюсь к реальности.

Вкрадчивая, но подленькая природа воображения вгоняет меня в тоску, но это лишь потому, что у меня сейчас отходняк, и он заставляет эти дурацкие мысли – которым вообще-то положено быть краткими и мимолетными – задерживаться в голове, мешая работе и вынуждая возиться с ними. В результате чего у меня возникает стойкое отвращение к кокаину; тем более что в ближайшее время я все равно не смогу себе что-то такое позволить. Что совершенно не важно, когда ты под коксом.

Я – на автопилоте, но постепенно начинаю осознавать, что направляюсь сейчас вниз от Энджел к Кингз-Кросс, по сути – символу отчаяния, если таковой вообще существует. Захожу к букмекерам на Пентонвилль-роуд – посмотреть, нет ли кого из знакомых, но никого там не узнаю. Оборот афер нынче высок, бдительный полис – повсюду вокруг. Кружат, как катера по болоту из нечистот, лишь разгоняя и перемещая дерьмо с места на место, но не вмешиваясь и уж тем более не уничтожая ядовитые отходы.

Потом я вижу, как входит Таня, похоже, под герычем. Ее сморщенное лицо – пепельно-серое, но глаза зажигаются узнаванием.

– Милый... – Она меня обнимает. У нее на буксире – какой-то тощий и худосочный парень, который, как до меня вдруг доходит, на самом деле девчонка. – Это Вэл, – говорит она с типичным норовым подвыванием лондонской джанки. – Сто лет тебя здесь не видела.

Интересно, почему.

– Ага, я снова в Хакни. Временно, так сказать. Слегка обкурился в эти выходные, – объясняю я, и тут появляется группа безбашенных дерганных ниггеров: возбужденных, поджарых, враждебных. Здесь вообще кто-нибудь делает ставки – или так, погулять пришли? Мне не нравится атмосфера, так что мы потихоньку уходим – эта странная, бледная телка Вэл и один из тех черных мудил еще успевают что-то язвительно бросить друг другу – и направляемся к станции Кингз-Кросс. Таня ноет что-то про сигареты, и, да, я пытаюсь остановиться, но ни фига, нужно, блядь, должен и все, и я ищу в карманах мелочь. Я покупаю какие-то сигареты и прикуриваю, спускаясь в метро. Жирный, опухший, цазойливый белый ублюдок в этой их новой пидорской голубой униформе геев-штурмовиков Лондонского Муниципального Транспорта велит мне выбросить сигарету. Он показывает на доску на стене, где приводятся всякие цифры: в частности, число людей, погибших при пожаре, который начался из-за окурка, брошенного каким-то мудилой.

– Ты что, тупой? Тебя это что, не волнует?

С кем, черт возьми, этот клоун пытается говорить?

– Нет, меня ни хуя не волнует. – Мудак это заслужил. – Если уж едешь, тогда будь готов рисковать, – рывкаю я.

– Я потерял друга в том пожаре, ты, козел! – визжит разозленный олигофрен.

– Он, наверное, был онанистом, если ты – его друг, – кричу я, но все же тушу сигарету, когда мы вместе с толпой спускаемся по эскалатору на перрон. Таня смеется, а эта Вэл просто в истерике, она как взбесилась.

Мы едем на метро до Камдена, где обретается Берни.

– Вам, девочки, лучше бы не шататься вокруг Кингз-Кросс, – улыбаюсь я, точно зная, почему они там шатаются, – и уж точно – не с блядскими ниггерами, – добавляю я. – Все, че им нада, – так это заполучить симпатичную белую птичку и стать ее сутенером.

Детка Вэл улыбается, но Таня копает глубже.

– Как ты можешь так говорить? Мы же к Берни идем. Он один из твоих самых лучших друзей, и он – черный.

– Ну да. Но я же не про себя говорю, это, можно сказать, мои братья, мой народ. Почти все мои здешние друзья – черные. Я говорю о вас. Они же не собираются продавать меня. Хотя, будь уверена, Берни, старый прохиндей, непременно бы попытался, если бы знал, что ему это с рук сойдет.

Крошка Вэл, мальчик-девочка, снова хихикает этак очаровательно, а Таня недовольно дуется.

Мы поднимаемся в квартиру Берни, я на секунду забыл, в каком подъезде он живет, потому что мне необычно приходится сюда днем, при свете. Мы беспокоим одинокого бомжа, пьяного в стельку, который валяется в луже собственной мочи на лестничной площадке.

– Доброе утро, – ору я ему бодрым голосом, и пьянчуга в ответ булькает что-то среднее между стоном и рыком.

– Вам-то легко говорить, – саркастически замечая я, и девочки улыбаются.

Берни еще не ложился, только что сам вернулся от Стиви. Он напряжен, как стоячий член: черно-золотая масса цепей, зубов и перстней. Я чувствую запах нашатыря, и можно даже не сомневаться, что у него там на кухне уже раскурена трубочка, и он даст мне затянуться. Я делаю долгую, глубокую затяжку, его большие глаза горят воодушевлением, а его зажигалка поджигает крэк. Я задерживаю воздух в легких, и медленно выдыхаю, и чувствую это грязное, дымное жжение в груди и слабость в ногах, но я хватаюсь за край стола и наслаждаюсь холодным, пьянящим приходом. Я вижу каждую хлебную крошку, каждую каплю воды в алюминиевой раковине – вижу с болезненной четкостью, которая должна бы внушать отвращение, но не внушает, и меня бьет озноб, загоняет меня в самый холод. Берни времени не теряет, у него уже готова еще одна порция в старой грязной ложке, и он сыплет пепел на фольгу и укладывает его нежно и бережно – как родитель укладывает младенца в кроватку. Я держу зажигалку наготове и поражаюсь рассчитанному неистовству его затяжек. Берни как-то рассказывал мне, что он тренировался задерживать дыхание под водой в ванне, чтобы увеличить объем легких. Я смотрю на ложку, на атрибут, и думаю с отстраненной тревогой, как сильно все это похоже на мои героиновые денечки. Ну и хуй с ним; теперь я старше и мудрее, и герыч есть герыч, а кокс есть кокс.

Мы болтаем о всякой фигне, громко орем прямо в лицо друг другу, хотя сидим совсем рядом, и оба держимся за разделочный стол, как те два главных героя в «Стар Треке» на капитанском мостике, когда вражеский огонь сотрясает корабль.

Берни долдонит о женщинах, о шлюхах, на которых растратил себя и которые сгубили жизнь бедному парню, и я – все о том же. Потом мы переходим на мудаков (мужской пол), которые нас наебали в течение жизни, и как они все в итоге получают свое. Мы с Берни дружно не любим одного парня по имени Клейтон, который раньше считался другом, а теперь заговнился вконец. Клейтон всегда служит нам выручательной темой для разговоров, если в беседе вдруг возникает пауза. Если бы не было вот таких неприятелей, их пришлось бы придумать, чтобы добавить в жизнь чуточку драматизма, чуточку стройности, чуточку смысла.

– Он с каждым днем все притыреннее, – говорит Берни, и в его голосе звучит странная, псевдоискренняя озабоченность, – все малахольнее, день ото дня, – повторяет он, стуча себя по лбу.

– Да... а эта Кармел... он все еще с ней спит? – интересуюсь я. Всегда хотел ей заправить.

– Не, парень, ее давно уже нет, свалила обратно к себе в Ноттингем или другую какую задницу... – Он говорит, растягивая слова, в этой манере, что пришла в Северный Лондон с Ямайки с остановкой в Бруклине. Потом он скалится и говорит: – Вот такой ты, шотландец, видишь на улице новую девочку, и тебе сразу все надо знать, что она тут делает, кто ее парень. Даже когда у тебя есть хорошая жена, ребенок и деньги. Ты не в состоянии остановиться.

– Это просто забота об интересах общества. Я стараюсь поддерживать интерес в общине, и только. – Я улыбаюсь и заглядываю в соседнюю комнату, где девушки сидят на кушетке.

– Община... – Берни смеется и повторяет: – Это хорошо, поддерживать интерес в общине...

И он снова заводит о том же.

– Продолжай в том же духе – шатайся в мире без границ, – фыркаю я, направляясь в соседнюю комнату.

Вхожу туда и замечая, что Таня активно начесывает свои руки сквозь кофточку, очевидно, у нее начинается ломка, и как будто посредством некоей таинственной связи мой собственный глаз начинает подергиваться. Я люблю секс как средство очищения организма от токсинов, но мне не нра-

вится фачиться с наркоманками, потому что они не шевелятся. Просто лежат, как бревно. Хуй знает, что это за птичка такая – девочка-мальчик по имени Вэл, – но я хватаю ее за руку и волоку в туалет.

– Ты че делаешь? – говорит она, не выказывая ни согласия, ни сопротивления.

– Хочу, чтобы ты мне отсосала, – говорю я, подмигивая, и она смотрит на меня без страха, а потом слегка улыбается. Я вижу, что ей очень хочется мне угодить. Есть такой вот тип девушек – совершенно ущербный тип, – которые из кожи вон лезут, лишь бы угодить мужикам, но ни фига у них не выходит. Ее роль в театре жизни: лицо, с готовностью подставленное под кулак какого-нибудь ебанутого урода.

Короче, мы входим, я быстро вытаскиваю из штанов свою штуку, и хреновина сразу встает. Вэл стоит на коленях, я прижимаю ее сальную голову к своему паху, и она сосет, и это как... на самом деле, ничего особенного. Все нормально, но меня бесит, когда она поднимает на меня свои глазки-бусинки, чтобы убедиться, и вправду ли мне это нравится, а я не знаю, нравится мне или нет... Больше всего я жалею, что не захватил сюда свое пиво.

Я смотрю вниз на ее серый череп, на эти гадкие глазки, взгляд которых порхает по мне, и особенно – на здоровенные зубы, торчащие в деснах, они скошены чуть назад из-за злоупотребления наркотой, плохого питания и явного пренебрежения к элементарной личной гигиене. Я себя чувствую Брюсом Кэмпбеллом в «Зловещих мертвецах-3: Армия тьмы» – в том эпизоде, где его пытается зажевать Смертушка Дедит. Брюс бы просто растер в порошок эту хрупкую черепашку, а мне приходится вынимать и бежать, пока меня не переполнило искушение сделать то же самое и пока эти гнилые зубки не разорвали в клочки мой опадающий член.

Я слышу, как открывается входная дверь, и, к моему несказанному ужасу, один из голосов вновь прибывших принадлежит, без сомнения, Крокси, он вернулся для следующего тура. А может, и Брини тоже. Я думаю о своем пиве, и меня вовсе не радует мысль, что какой-то ублюдок может просто так мимоходом схватить мой стакан и отпить из него. Для них это вообще ничего не значит, но для меня, в данный конкретный момент, это – всё. И если это действительно Крокси, тогда мое пиво успешно ушло, если я не спасу его прямо сейчас. Я отпихиваю эту Вэл и прорываюсь на выход, запиная член в штаны и застегиваясь на ходу.

Оно еще цело. Кайф уже прошел, и у меня опять резкая кокаиновая недостаточность. Я валюсь на кушетку. Это действительно Крокси, выглядит он каким-то заебанным, а Брини вполне даже свеженький, но удивленный, как это он пропустил сборище; и они принесли еще пива. Странно, но это меня не радует. И даже больше того: теперь то вождь пиво, которым я так дорожил, кажется тепловатым, выдохшимся и совершенно безвкусным.

Но есть еще!

Так что выпито еще пива, мимоходом настряпано рискованных дел; опять появляется кокс, Крокси набивает трубку из старой бутылки из-под лимонада, чтобы отблагодарить Берни за хлопоты, и очень скоро нам снова вставляет. Крошка Вэл возвращается в комнату, спотыкаясь, как беженка, которую только что выкинули из лагеря. Впрочем, «как» тут излишне. Она подает знаки Тане, та поднимается, и они уходят, не говоря ни слова.

Я потихоньку соображаю, что спор между Берни и Брини становится слишком жарким. У нас кончился нашатырь, и, чтобы сготовить еще, приходится переходить на питьевую соду, а это требует большой сноровки, и Брини колеблет Берни мозги, что тот зазря переводит ценный продукт.

– Хуйня у тебя получается, вот что, – говорит он. У него во рту не хватает половины зубов, а те, которые есть, тоже почти все сломаны, и цвет у них малоприятственный – желтый с черным.

Берни что-то ему отвечает, а я думаю про себя, что мне еще завтра работать, и надо бы малость поспать. Я направляюсь по коридору к выходу, открываю дверь и вдруг слышу крики и звук бьющегося стекла, который ни с чем не перепутаешь. Я собираюсь вернуться, но решаю, что мое присутствие лишь осложнит и без того малоприятную ситуацию. В общем, выскальзываю из квартиры и закрываю за собой дверь, отсекая вопли и угрозы. Выхожу из подъезда и иду вдоль по улице.

По возвращении в гадючник в Хакни, который я должен теперь называть своим домом, я весь в поту, весь дрожу и проклиная собственную тупость и слабость, а Большой Восточный от Ливерпуль-стрит до Норвича опять сотрясает дом.

2. «...в том, что к ним прилагается...»

Колин сползает с кровати. Встает у эркера и на фоне окна обретает форму темного силуэта.

Мой взгляд натывается на его обвисший член. Он выглядит почти виновато, пойманный в треугольнике лунного света, когда открывает шторы.

– Мне этого не понять. – Он поворачивается ко мне, и я замечаю его защитную усмешку приговоренного к казни висельника, а свет из окна заливает серебром его тугие кудряшки. В лунном свете очень отчетливо видны мешки у него под глазами и уродливый кусок плоти, свисающий под подбородком.

О Колине: посредственный ебарь среднего возраста на фоне снижения половой доблести при уменьшении общественного и интеллектуального интереса. Пора с ним завязывать. Да, пора.

Я потягиваюсь в кровати, ноги слегка замерзли, и переворачиваюсь на бок, чтобы прогнать последний спазм разочарования. Отворачиваюсь от него и подтягиваю колени к груди.

– Я знаю, это звучит банально, но такого со мной действительно никогда раньше не было. Это как... в этом году мне дали лишних четыре часа групповых семинарских занятий и два часа лекций. Вчера я всю ночь не спал, проверял тетради. Миранда действует мне на нервы, а у детей такие запросы... кошмар... у меня нету времени, чтобы побыть собой. Нету времени, чтобы побыть Колином Эддисоном. А кого это волнует? Кому есть дело до Колина Эддисона?

Я слушаю эти слезливые причитания по безвременно ушедшим эрекциям, но слышу их как-то смутно – меня клонит в сон.

– Никки? Ты меня слушаешь?

– М-м-м...

– Я вот что думаю – нам надо как-то стабилизировать наши отношения. И это не сиюминутное решение. Мы с Мирандой – у нас с ней уже ничего не будет. Пройденный, можно сказать, этап. Да, я знаю, что ты сейчас скажешь, и да, у меня были другие девушки, другие студентки, конечно, были. – Он позволяет себе нотку самодовольства в голосе. Мужское эго может казаться непрочным и хрупким, но, по моему скромному опыту, на восстановление пошатнувшегося самомнения у них уходит не так много времени. – Но это были подростки, совсем еще девочки, и я так... развлекался. А ты более зрелая, тебе двадцать пять, у нас не такая большая разница в возрасте, и с тобой все по-другому. Это не просто так... я имею в виду, это настоящие отношения, Никки, и я хочу, чтобы они были, ну... настоящими. Ты понимаешь, о чем я? Никки? Никки!

Стало быть, я удостоилась чести вступить в стройные ряды студенток-шлюшек Колина Эддисона, и надо думать, мне должно льстить, что мой статус подняли до уровня любовницы *bona fide*.¹ Но почему-то оно мне не льстит.

– Никки!

– Ну что-о? – издаю я протяжный стон, переворачиваясь, сажусь на постели и откидываю волосы с лица. – Ты о чем? Если уж ты не можешь трахнуть меня как следует, по крайней мере дай мне поспать. Мне завтра с утра – на занятия, а вечером – на работу в эту блядскую сауну.

Колин садится на край кровати. Сидит – медленно дышит. Я смотрю на его плечи, которые ходят вверх-вниз, и он кажется мне больным, раненым зверем во тьме, неуверенным – нападать ему или бить отбой.

– Мне не нравится, что ты там работаешь, – заявляет он тоном раздраженного собственника, который в последнее время стал у него появляться все чаще и чаще.

Но сейчас мое время. Недели споров и ссор в конце концов накопили критическую массу, и то, что происходит сейчас, – это последняя капля, переполнившая чашу, и самое время сказать: а не пошел бы ты, милый, на хуй.

– А может, на данный момент эта сауна – мой единственный шанс хорошо потрахаться, – объясню я невозмутимо.

Холодная тишина и Колин, который вдруг замер, красноречивее всяких слов говорят, что я пала в самую точку. Потом он вдруг срывается с места и бросается, такой весь порывистый и напряженный, к креслу, где лежит его одежда. Начинает поспешно одеваться. В темноте он задел что-то ногой, ножку стула или, может, край кровати, слышится звук удара, и тут же – кошачье шипение: «Черт». Он действительно очень торопится, потому что обычно он сперва принимает душ, для Миранды, но в этот раз никаких секретий не пролилось, так что душ вроде как и без надобности. По крайней мере у него хватает достоинства не включать свет, за что я ему благодарна. Когда он натягивает джинсы, я любуюсь его задницей, может быть, в последний раз. Импотенция – это плохо, вер-

¹ Настоящей (фр.). – Примеч. пер.

ность – это ужасно, но вместе они просто невыносимы. Мысль о том, чтобы сделаться нянькой для этого старого дурака, – омерзительна. Задницы, впрочем, жаль; я буду по ней скучать. Мне всегда нравилось, если у мужика хорошие крепкие ягодицы.

– С тобой невозможно разговаривать, когда ты в таком настроении. Я тебе потом позвоню, – вздыхает он, надевая пиджак.

– Не стоит, – говорю я и натягиваю одеяло, чтобы прикрыть грудь. Интересно, с чего вдруг такая стыдливость, ведь он сосал мои сиськи неоднократно, клал между ними свой член, ласкал, щупал, сжимал и чуть ли не ел их с моего молчаливого благословения, а иногда и по наущению. Почему же меня так тревожит его случайный взгляд в полутьме? Ответ вполне очевиден. Между нами все кончено. Да, нам и вправду пора расставаться. – Что?

– Я сказала, не стоит. Звонить мне потом. Не стоит. Ужасно хочется закурить. Но я не могу попросить сигарету у Колина. Почему-то это кажется мне неправильным.

Он поворачивается ко мне лицом, и я вижу эти дурацкие усики, которые я всегда умоляла его сбрить, и его рот под ними, опять освещенный тусклым серебряным светом сквозь шторы. Его глаза выше и скрыты в тени. Рот говорит мне:

– Ну и ладно, и хуй с тобой! Ты тупая мелкая соска, наглая самовлюбленная телка. Может быть, это сейчас ты такая вся из себя, но у тебя в жизни, детка, будет хуева туча проблем, если ты не повзрослеешь и не примкнешь к остальным членам рода людского.

Во мне продолжается смертная битва между возмущением и смехом, и никто из них не готов уступить превосходство другому. Все, что я могу выдать из себя в таком состоянии, это:

– К таким, как ты? Я от смеха сейчас умру...

Но Колин уже нет. Дверь спальни захлопывается, а потом – и входная дверь тоже. Я с облегчением расслабляюсь, но тут вспоминаю с досадой, что дверь нужно закрыть на замок, причем на два оборота. Лорен очень серьезно относится к безопасности, да и по-любому она будет не шибко довольна – наш скандал наверняка ее разбудил. Покрытый лаком дощатый пол в прихожей холодит ноги, я защелкиваю замок и возвращаюсь обратно в спальню. Я подумываю о том, чтобы подойти к окну, а вдруг увижу, как Колин выскакивает из подъезда на пустынную улицу, но решаю, что мы оба четко уяснили свои позиции и между нами все кончено. Как отрезано. Слово мне нравится. Я даже думаю, разумеется, в шутку, а что, если и вправду отрезать то самое, что между нами было, и послать эту штуку – а именно его член – Миранде по почте? А она его и не узнает. На самом деле они все одинаковые, если, конечно, ты не большая, слезливая и тормознутая старая корова. Если у тебя в этой штуке все туго и эластично, то можно садиться на все, что движется, – ну или почти на все. Проблема не в членах, а в том, что к ним прилагается; поставляется в ассортименте – разных размеров, да, разных размеров и степени раздражения.

Входит Лорен в небесно-голубой ночнушке, глаза сонные, волосы взъерошены; она протирает и надевает очки.

– Все нормально? Я слышала крики...

– Просто жалобный рев климактеричного импотента в ночи. Я думала, это должно прозвучать сладкой музыкой для твоих феминистских ушей. – Я бодро улыбаюсь.

Она медленно подходит, протягивает ко мне руки и обнимает меня. Какая же она милая: всегда относится ко мне с большим сочувствием, чем я того заслуживаю. Она искренне верит, что мой циничный и едкий юмор – это всего лишь маска, чтобы скрыть боль и ранимость, и она всегда смотрит на меня искательно и серьезно, как будто хочет найти настоящую Никки за внешним фасадом. Лорен считает, что мы с ней во многом похожи, но при всей ее манерной претенциозности я гораздо спокойнее и хладнокровнее – ей такой никогда не стать. И хотя она выбрала для себя по жизни резкую манеру поведения, она, в сущности, славный ребенок, и от нее вкусно пахнет – лавандовым мылом и свежестью.

– Прости меня... Я тебе говорила, что ты сумасшедшая, что закрутила роман с преподавателем, но я так говорила лишь потому, что заранее знала, что тебе будет больно...

Я дрожу, по-настоящему дрожу в ее объятиях, и она продолжает:

– Ну что ты, что ты... все хорошо... все в порядке... – Она даже не понимает, что я трясусь от смеха. Мне и вправду смешно, что она вдруг решила, будто мне все это не фиолетово. Я приподнимаю голову и смеюсь, о чем сразу жалею, потому что она очень милая и хорошая, и теперь я немного ее оскорбила. Иногда жестокость проявляется подспудно, помимо воли. Этим не надо гордиться, но надо хотя бы стараться за этим следить.

Я пытаюсь ее успокоить, ласково глажу по тонкой шее, но не могу перестать смеяться.

– Ха-ха-ха-ха... ты неправильно все поняла, моя сладкая. Это не он меня бросил, это я его послала – так что больно сейчас ему. «Роман с преподавателем»... ха-ха-ха... ты говоришь, прямо как он.

– Хорошо, а как еще это можно назвать? Он ведь женат. И у вас с ним роман...

Я медленно качаю головой.

– У нас с ним не роман. Мы с ним просто трахаемся. Или, вернее, трахались. И не более того. Шум, который ты слышала, означает, что мы с ним больше не трахаемся.

Лорен выдает счастливую, но слегка виноватую улыбку. Слишком порядочная она девушка, слишком хорошо воспитана, чтобы в открытую наслаждаться бедами ближних, даже если они – в смысле, ближние – ей не нравятся. И то, что сама Лорен очень не нравилась Колину, что он видел только поверхностный образ, который она хотела, чтобы он видел, было, на мой скромный взгляд, одной из самых непривлекательных его черт. Но в этом весь Колин: ни разу не пронизательный человек.

Я откидываю одеяло.

– А теперь залезай сюда и обними меня как следует, – говорю я.

Лорен смотрит мне в глаза, старательно отводя взгляд от моего обнаженного тела.

– Перестань, Никки, – говорит она робко.

– Я только хочу, чтобы меня обняли и приласкали. – Я надуваю губы и придвигаюсь к ней. Она чувствует, что ее плотная ночная рубашка разделяет нашу нагую плоть и что никто не собирается ее насиловать, и обнимает меня – неохотно и напряженно, – но я ее не отпускаю и натягиваю одеяло на нас обеих.

– Ох, Никки, – говорит она, но скоро я чувствую, что она успокоилась, и медленно улываю в прекрасный сон, который пахнет лавандой.

Утром я просыпаюсь в пустой кровати и слышу, как кто-то деловито возится на кухне. Лорен. У каждой женщины должна быть хорошенькая молодая жена. Я поднимаюсь, натягиваю ночнушку и направляюсь на кухню. Кофе шипит и капает из фильтра в кувшин. В ванной шумит вода, Лорен ушла в душ. Из глубины нашей гостиной красный мигающий огонек автоответчика сигнализирует, что пора бы проверить сообщения.

Я то ли переоценила, то ли недооценила Колина. Он звонил даже не раз. Би-бип.

– Никки, позвони мне. Это глупо.

– Ну здравствуй, глупо, – говорю я в направлении телефона, – это Никки.

Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Би-бип.

– Никки, прости меня. Я потерял голову. Ты мне действительно безразлична, правда. Я это тебе и пытался втолковать. Приходи завтра ко мне на работу. Ну же, Ник.

Би-бип.

– Никки, нельзя, чтобы все так закончилось. Давай пообедаем завтра в учительском клубе. Тебе же там нравилось. Ну давай. Позвони мне на работу.

Большинство девушек с возрастом превращается в женщин, но мужики навсегда остаются мальчишками. Вот почему я всегда им завидовала – из-за этой чудесной способности всю жизнь барахтаться в глупости и незрелости, чему я всегда старалась подражать. Но это бывает весьма утомительно, когда постоянно направлено на тебя.

3. Афера № 18733

Окраина Сохо, жопень еще та; узкие мрачные улочки, запах дешевых духов, кипящего масла, застарелого перегара и перегнившего мусора из разорванных черных мешков, которые здесь, видимо, не убирают принципиально. Сумерки, мелкий дождь, вспышки неона, унылая вялотекущая жизнь, пустые и смутные обещания непомерного кайфа.

Иногда где-то мелькают посредники этих возвышенных удовольствий, какая-нибудь образина с квадратной челюстью, выбритой наголо черепушкой, в дорогом строгом костюме, в дверях златного заведения, или поистаскавшийся дилер, явно плотно сидящий на кокаине, с болезненно желтым лицом в отсветах голой лампочки на мрачной лестнице – пристально изучает лица усталых скучающих завсегдатаев, потенциальных клиентов, нервных туристов и пьяных юнцов и девиц с глумливой усмешкой на рожках.

Но лично я чувствую себя здесь как дома. Прохожу – весь из себя гордый и важный, морда кирпичом – мимо крепкого парня на входе в клуб. Мой знакомый, кстати сказать. Полы его дорогого пальто хлопают на ветру. Для меня это – как знак, что я прошел долгий путь из сауны в Лейте, где я работал вроде как сводником-сутенером и подбирал персонал из девиц-наркоманок, которые трахались за дозу.

Генри Автобус – Автобус это его кликуха – кивает мне:

– Какие люди. Чего не здороваешься?

Я улыбаюсь и стараюсь не раздувать ноздри. Они у меня раздуваются непроизвольно, всегда, когда мне приходится сталкиваться с безмозглыми накачанными олигофренами. Но при всей своей тупости они чувствуют, когда ты относишься к ним свысока, и напрягаются жутко. А напрягать их не стоит – эти парни тебе нужны. Так что я изображаю улыбку, пытаюсь не морщиться.

– Привет, Генри. Прости, я сегодня слегка торможу. Генри мрачно кивает, и мы немного болтаем о том о сем, и я вижу, как он таращится мне через плечо, как будто у меня за спиной что-то происходит. Взгляд холодный и хищный.

– А Колвил сегодня здесь?

– А, этот мудак, – говорит Генри. – Нет, слава Богу. – Мы оба страстно и ревностно ненавидим нашего босса. Я думаю о жене Мэта Колвила, пока болтаю с Генри. Пока кот гуляет... Надо бы привести сюда Таню и заняться делом. Я звоню ей на мобилу, но сюрприз... сюрприз... абонент временно недоступен. Ну да, когда сидишь и на герыче, и на крэке, трудно запомнить, что надо платить за мобилу. Стало быть, не судьбец, и меня начинает корежить, как всегда, когда я обламываюсь из-за чужого распиздяйства.

Но когда в офисе нет Колвила и есть Дьюри – жизнь прекрасна. Марко и Ленни сегодня тоже на месте, оба грамотные разводилы. Так что моя роль чисто декоративная. Я сижу у правой стороны стойки, типа руковожу, задницу отрываю только для того, чтобы обслужить бандюков или если в заведение войдет вполне себе секси-киска или какая-нибудь местная знаменитость, каковой следует оказать уважение. Закончив смену, я захожу в магазин Рэндольфа и беру целую стопку кассет гейской порнушки, которая станет моим анонимным подарком одному старому другу. Потом заруливаю в бар на предмет пива. Я всегда быстренько сваливаю из клуба, когда смена заканчивается, – это как принять хорошую ванну, в переносном, конечно, смысле. Это бар – типа Икеи, монумент банальности и отсутствию всяческого воображения. Это Сохо, но подобную безликость теперь можно встретить везде.

Я немного устал, но все равно удивительно, что мне так скоро дает по шарам. Я думал, что я покрепче. Опять начинаю ощущать себя глупым и слабым. И еще этот Крокси, совсем меня задолбал. Когда он рядом, я себя чувствую так, словно меня целенаправленно травят химией. Совершенно никчемный мудила, они все совершенно никчемные. Эта маленькая сучка Таня, которая предпочла зависать на Кингз-Кросс, когда я предлагал пойти в клуб и развести там каких-нибудь богатеньких кретиннов. Да, я себя чувствую слабым. Чем старше становишься, тем большей роскошью становится эта слабость.

Но ладно, хватит грузиться. Я хорошо отработал смену и сейчас сижу в баре в Сохо с живенькой милой девицей в костюмчике по имени Рэйчел. Она работает в рекламной конторе, и у нее только что закончилась важная презентация, которая прошла хорошо, так что Рэйчел, понятное дело, уже не совсем в кондиции, потому что презентация прошла нормально, и она постоянно твердит «О черт». Я поймал ее взгляд в баре, обмен улыбками и комплиментами состоялся, что называется, честь по чести, и я забрал ее из пьяной компании. Жалко только, в моей квартире в Айлингтоне сейчас ремонт, и мне пришлось остановиться у друга – в жутком клоповнике. Спасибо, Господи, что сейчас на мне костюм от Армани; отдал за него жуткие деньги, но он того стоит. Я предлагаю поехать к ней в Кэмден, но она говорит:

– О черт, у моей соседки сегодня какое-то сборище.

Так что мне ничего другого не остается, и я скрепя сердце называю адрес в восточном районе водителю мини-такси. Парень хотя бы не кочевряжится и везет, куда сказано. А то эти кретины-таксисты обычно туда не ездят, а если и соглашаются ехать, то смотрят на тебя, как злоебучие работники из социальной службы – и все это за счастье стрясти с тебя двадцатник за какие-то пять-шесть миль. Даже арабы и турки, и те не везут меньше чем за пятнадцать фунтов.

Исподлобья поглядываю на эту самую Рэйчел, расчетливо заполняя паузы в разговоре. А эти паузы говорят о том, что она все больше и больше разочаровывается – с каждым кварталом, который

мы проезжаем. И все-таки она довольно разговорчива, и, борясь с похмельными последствиями уик-энда, я вдруг понимаю, что мне трудно поддерживать разговор. Кроме того, когда первое усилие сделано и ты знаешь, что все уже на мази, накатывает эдакая апатия. Ты уже поймал свою рыбку, вы с ней остались наедине, и к чему теперь эти условности... они только в напряг... Ты заводишь какой-то пустой разговор и съезжаешь на шуточки Бенни Хилла. И теперь самое трудное – это слушать, но это и самое важное. Это важно, потому что я вижу, что ей хочется притвориться, что во всем этом есть некий шик, что это (хотя бы в потенциале) больше, чем просто перепихон, больше, чем просто животная похоть. А на самом деле мне хочется ей сказать: «Заткнись, сука, и снимай быстро свое шмотье. Мы с тобой больше не увидимся никогда, и если наши дорожки все-таки пересекутся, мы прикроем свое смущение безразличной гримасой. И я с отвращением буду думать о звуках, которые ты издавала, когда я тебя ебал, и о сожалении у тебя на лице на следующий день. Но зато ты запомнишь меня надолго, потому что хорошее забывается быстро, а плохое запоминается».

Но я, разумеется, ничего этого не скажу, и вот мы уже поднимаемся вверх по лестнице в мой клоповник, я извиняюсь за бардак и выражаю искреннее сожаление, что все, что я могу предложить ей выпить, – это бренди, а когда она спрашивает, отвечаю:

– Да, Рэйчел, настоящий эдинбургский. – Я несказанно счастлив, что у меня нашлась нераспечатанная коробка настоящих стаканов для бренди.

– Ой, здесь так мило. Я однажды была в Эдинбурге, на Фестивале, пару лет назад. Мы тогда здорово повеселились, – сообщает она мне и рассматривает коробки с кассетами.

Это должно звучать грубо и мерзко для ушей шотландского распиздяя – то есть меня, любимого, – но это звучит как-то правильно, и я радостно булькаю бренди в стакане. Я восхищаюсь ее изяществом, ее безупречной кожей, белозубой улыбкой, а она говорит:

– Барри Уайт... Принц... у тебя неплохой музыкальный вкус... куча соула и гранжа...

И это не только влияние бренди, потому что когда она берет свой стакан с грязного кофейного столика, я чувствую, как воображаемая ширинка расстегивается, и говорю себе: ВОТ ОНО. Вот оно – самое время влюбиться. Просто расстегнуть ширинку и позволить всей этой любовной требухе поглотить нас, превратиться в бешеного быка и чокнутую корову. Показать друг другу полными идиотами; нести всякий бред, раздобреть в неге. Но нет. Я делаю все, как всегда, и использую секс, чтобы убить любовь, и я хватаю ее, наслаждаясь ее деланным потрясением, и мы целуемся, обнимаемся, потом раздеваемся, ложимся, лижемся, дразнимся и ебемся.

Кстати, я уже понял, что ее зарплата, должность и социальное положение не столь впечатляющи, как мне показалось сначала. Она просто сучка, вот и все. Иногда приходится попотеть, чтобы узнать человека поближе.

Мы немного поспали, а утром снова занялись сексом. Едва я ей вставляю, как мы начинаем трястись и подскакивать, потому что экспресс на Норвич в 7.21 как раз проходит через станцию Хакни-Даунз, и кажется, что сейчас он отправит нас прямоком в Восточную Англию, и она вопит:

– О Боже... Саймон... Сай-мммммнннн...

Рэйчел засыпает, а я встаю и пишу ей записку, что у меня много дел и что я ей позвоню. Иду в кафе через дорогу, выпиваю там чашечку чаю и жду, когда она спустится. У меня даже глаза увлажняются, когда я вспоминаю о ее смазливой мордашке. Я фантазирую, как поднимаюсь обратно, может, даже с каким-нибудь венком из цветов, открываю ей свое сердце, признаюсь в вечной любви, превращаю ее жизнь в сплошной праздник и становлюсь ее принцем на белом коне. Между прочим, принц на белом коне – это не только женские мечтания, но и мужские тоже. Но только мечтания. Меня охватывает тошнотворное ощущение потери. Легко кого-то любить – как, впрочем, и ненавидеть – в его отсутствие, кого-то, кого мы на самом деле совсем не знаем. И я – крупный специалист в этом вопросе. Но проблема в другом.

Потом, как шпик на посту, я вижу, как она выходит из моего подъезда. Она движется скованно и неуклюже, как будто ей трудно себя контролировать, и выглядит, как птенец, выпавший из гнезда: страшенькая, неуклюжая и глупая, совсем не похожая на ту приукрашенную алкоголем сучку, с которой я прошлой ночью делил постель и даже кусочек жизни. Я закрываюсь спортивными страницами «Сан».

– Мне кажется, Англией должен править шотландец, – кричу я турку Ливану, хозяину кафе. – Ронни Корбетт, блядь, или типа того.

– Ронни Корбетт, – с улыбкой повторяет Айван.

– Мудила тартановый, – говорю я ему, поднося ко рту чашку горячего сладкого чая.

Когда я поднимаюсь к себе в квартиру, я сразу чувствую запах Рэйчел, который еще остался в этом клоповнике, что приятно, и вижу записку – что хуже.

Саймон!

Извини, что не дождалась тебя утром. Хотелось бы снова тебя увидеть. Позвони мне.

Рэйчел.

Уф. Всегда лучше бросать человека, когда он говорит, что хочет снова тебя увидеть, потому что ты знаешь: неизбежно наступит время, когда вы расстанетесь потому, что он больше не хочет тебя видеть. Так что первое намного приятнее. Я комкаю записку и швыряю ее в мусорку.

Я действительно не могу вписать Рэйчел в свое расписание. Когда я начинал в Лондоне, в квартире в заброшенном доме на Форест-Гейт, я решил проложить путь на запад: от девочек из Эссекса до евреечек из Северного Лондона, и закончить на Слоун-Рейнджерах.² Они знают расклад. Для первых секс – это что-то типа путевки в жизнь; для вторых – это своеобразный обмен неврозам; а третьи будут скакать на тебе до третьих петухов, но все равно они – не для тебя, они уже обручены с каким-то там Молчком Чаки. Эти блядские аристократические племенные сучки обязательно с кем-нибудь обручены. Так что я прекратил прочесывать «Дебретт»³ и снова вернулся в Хэмпстед.

А сейчас Таня, которая недоотягивает даже до первой группы в моей классификации, звонит мне на красную мобилу и сообщает, что она скоро заедет. Я представляю себе ее лицо: череп, обтянутый кожей, бледной, как у Носферату, большие губы, как будто у нее там имплантаты, – я представляю ее нескладную фигуру и отсутствующий взгляд. Кобылка – заебись. И где только таких выводят?

Я наклеиваю железнодорожное расписание на спинку кровати, и к тому времени, как приходит Таня, у меня все уже готово. Она жалуется, что этот мудацкий Мэт Колвил вчера ночью выкинул ее из бара. По ее глазам видно, что ей хочется наркоты, а не хуя. Я говорю ей, что она неблагодарная сучка, что ради нее я отложил все дела и что если она не умеет поставить себя в приличном заведении в Сохо, то пусть катится обратно на Кингз-Кросс и подставляет там задницу всяким уродам за дозу.

– Я так для тебя стараюсь, но это все бесполезно, – говорю я, гадая, сколько раз она уже слышала это от родителей, от социальных работников и от копов, которые занимаются с трудными подростками. Она слушает мою тираду, развалившись на диване, с отвисшей челюстью.

– Но он меня вышвырнул, – стонет она. – Колвил. Он меня вышвырнул, сукин сын.

– Ничего удивительного, посмотри на себя. Выглядишь, как дешевка из Глазго. Это Лондон, и здесь надо иметь хоть какой-то стиль. Я, похоже, единственный человек в этом городе, который заботится о стиле...

– Извини, Саймон...

– Ладно, куколка, все хорошо, – мурлычу я, стягиваю ее с дивана и беру на руки, поражаясь тому, какая она легонькая. – Я сегодня малость грубоват, потому что неделька выдалась еще та. Иди сюда и ложись со мной... – Я кладу ее на постель и смотрю на время: 12.15. Я касаюсь ее, ее губы дрожат, и вот мы уже оба голые, я на ней, и я в ней. Она вся сморщилась, типа ей неприятно, а я думаю: ну и где этот чертов поезд?

12.21.

Чертов поезд, чертовы английские железные дороги и все остальное приватизированное дерьмище... 12.21... жопа... должен быть поезд, уже сейчас...

– Ты классная, просто огонь, – говорю я. Ну, чтобы хоть как-то ее расшевелить.

– А-ах... – стонет она.

Ебать-копать, если это все, на что она способна, ей надо идти торговать гамбургерами, потому что по этой части у нее точно нет будущего.

Я стискиваю зубы и жду еще пять минут – до 12.27, – пока ублюдочный поезд наконец не отъезжает от станции, сотрясая наш клоповник, и Таня подо мной начинает издавать неувядающие звуки страсти.

– Сильный финиш, – выдыхаю я. Таким образом я пытаюсь проделать ту штуку, о которой говорил Терри Венаблес: тренер не должен орать на своих подопечных, он должен их поощрять, постоянно напоминать им об их достижениях, а не тыкать носом в неудачи. – Но надо ответственнее под-

2 Настоящей (фр.). – Примеч. пер.

3 «Дебретт» – ежегодный справочник дворянства. Издается с 1802 года. – Примеч. пер.

ходить. Говорю это для твоего же блага.

– Спасибо, Саймон. – Она улыбается, демонстрируя щербатые зубы.

– А теперь извини, у меня дела.

Ее лицо вновь принимает отсутствующее выражение, она встает и быстро натягивает одежду. Я протягиваю ей десятку на проезд, она прощается и уходит.

Оставшись один, я собираю коробку гейской порнухи, которую прикупил вчера в Сохо. Надписываю адрес:

ФРЕНСИС БЕГБИ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ № 6892ВК

СОТОН МЭЙНС

ЭДИНБУРГ ШОТЛАНДИЯ

Я всегда беру что-нибудь этакое для своего старого друга Бегби и посылаю ему всякий раз, когда возвращаюсь в Шотландию, так что он видит местную почтовую марку, когда получает посылку. Интересно, кого он подозревает – наверное, каждого в Лотиане. Все это – в рамках борьбы с моим родным городом.

Иду в ванную и чищу зубы, выскребая изо рта гнилостный вкус Таниной слюны, потом встаю под душ и отмываю мои гениталии от всех следов того мерзкого места, где они только что побывали. И тут начинает звонить телефон, а у меня есть одна слабость – если звонит телефон, я не могу не взять трубку, а автоответчик не включен. Заворачиваюсь в полотенце и выскакиваю из ванной.

– Привет, Саймон, сынок...

На то, чтобы опознать голос, у меня уходит секунда-другая. Это моя тетя Пола из Эдинбурга.

4. «...на халтурных дробилках...»

Каждый раз, как я меняю курс, я все больше и больше чувствую свою несостоятельность. Но академические курсы для меня – как мужчины: даже самые занимательные рано или поздно становятся совершенно неинтересными. Итак, Рождество прошло, и я опять одинокая женщина. Но смена курса – это еще не так плохо, как смена города или университета. И я пытаюсь уверить себя, что вот я учусь в Эдинбургском университете уже целый год – и это совсем неплохо. Сменить литературу на средства массовой информации и кино меня уговорила Лорен. Кино – это новая литература, сказала она, цитируя какой-то дурацкий журнал. Конечно, ответила я, люди теперь узнают обо всем не из книг, но и не из фильмов, а вообще из видеоигр. Если бы мы и вправду хотели держаться в струе, мы бы сейчас проводили время в зале игровых автоматов на Южной стороне и гоняли бы на космических кораблях в компании малокровных школьников-прогульщиков.

Но мне все равно нужно взять хоть какой-нибудь литературный курс, и я выбрала шотландскую литературу, потому что я англичанка, а «от противного» – это достаточный повод.

МакКлаймонт читает лекции всем этим придурковатым и патриотичным шотландцам (черт, а в прошлом году я была точно такой же, из-за какой-то там прапрабабки, которую я никогда не знала и которая как-то приехала на каникулы в Килмарнок или Дамбартон... ладно, проехали...). Очень явно представляется музыкальное сопровождение – все эти волынки-мудянки на заднем плане, когда он втюхивает студентам свою националистскую пропаганду. И на хрена мне все это надо? Опять идея Лорен, она считает, что этот курс легче сдавать.

Жвачка у меня во рту приобретает металлический привкус, и даже усилие, необходимое для жевания, причиняет мне боль. Я вынимаю жвачку и прилепляю ее под парту. Ужасно хочется есть. Вчера я заработала целых две сотни фунтов на халтурных дробилках. Одна из моих служебных обязанностей – дробить мужикам под полотенцем. Эти жирные красные морды – они пожирают тебя глазами, а ты смотришь сквозь них и пытаешься вытянуть из них, чего им хочется: холодную жесткую суку или нимфетку с наивными глазками. Да все что угодно. Это все так далеко, так не важно, это мне напоминает, как мы с моим братом накручивали нашего пса Монти, а потом наблюдали, как он пытается кончить об диван.

Я размышляю о том, что это противоестественно – стремиться делать работу хорошо, когда вся работа заключается в том, чтобы дробить посторонним мужикам. Я размышляю о членах, которые побывали у меня в руках, и скоро МакКлаймонт заканчивает. У Лорен есть все лекции про шотландскую диаспору; Росс, американское чмо, сидит перед нами и покрывает страницы сказками о же-

стокости и несправедливости англичан. Когда я выхожу, МакКлаймонт ловит мой взгляд. Такая совиная рожа. Глупая-глупая. Я не знаю, что думают орнитологи, но настоящие птичники, сокольниковый, все, как один, скажут, что совы – ни разу не мудрые. Наоборот, это самые глупые птицы.

– Мисс Фуллер-Смит, можно вас на минуточку, – чопорно произносит он.

Я оборачиваюсь к нему и убираю прядь волос с лица за ухо. Мало кто из мужиков устоит перед таким призывом: невинное предложение. Это как откинуть свадебную вуаль, открыться перед человеком. МакКлаймонт – циничный старый алкаш, стало быть, изначально запрограммированный на то, чтобы прореагировать должным образом. Я стою слишком близко к нему. Это всегда хорошо работает с застенчивыми по природе, но хищными мужиками. Сработало и с Колином. Чертовски хорошо сработало.

Вечно испуганные темные глаза под стеклами очков загораются. Редущие волосы вздыбливаются, будто наэлектризованные. Смешной костюм с подкладными плечами, кажется, даже слегка раздувается.

– Я все еще не получил ваше эссе за второй семестр, – говорит он, и в его голосе слышится плотоядная нотка.

– Ну, это все потому, что я его еще не написала. Понимаете, по вечерам я работаю. – Я улыбаюсь.

МакКлаймонт, который либо слишком искушенный и опытный (кто бы мог подумать), либо страдает от недостатка определенных гормонов, уныло кивает.

– В следующий понедельник, мисс Фуллер-Смит.

– Зовите меня просто Никки, пожалуйста, – ухмыляюсь я, покачивая головой.

– В следующий понедельник. – Он отворачивается и начинает собирать свои бумаги: его костистые узловатые руки сгребают листы и запихивают их в кейс.

Ну, чтобы выиграть, следует проявлять настойчивость. Я проявляю:

– Мне правда-правда очень понравилась ваша лекция. – Я наклоняюсь к нему.

Он поднимает голову и кисло улыбается.

– Хорошо, – отвечает он вяло.

Я откладываю свою маленькую победу на будущее, потому что мы с Лорен договорились встретиться в столовой.

– А этот твой семинар по кино? Есть в группе приличные парни?

Лорен хмурится, размышляя над возможными претендентами на приглашение к нам домой. Проблема сложная: один – явный неряха, второй – скорее всего альфонс, а третий и вовсе буйный.

– Ну, один, два. Я обычно сажусь рядом с Рэбом. Он постарше, может, тридцатник, но вполне ничего.

– Уже потрахались? – спрашиваю.

– Никки, ты отвратительна. – Она качает головой.

– Я просто девушка без комплексов! – протестую я, мы допиваем кофе и идем в класс.

Преподаватель – здоровый парень с длинными руками. Он такой длинный, что, когда ты сидишь, а он стоит, твой взгляд упирается ему прямо в пупок. Он говорит с мягким южноирландским акцентом. Он ставит нам какой-то короткометражный русский фильм с непроизносимым названием. Полный бред. Где-то на середине фильма в класс входит парень в синем пиджаке с итальянским лейблом и извиняется перед учителем. Он улыбается Лорен, поднимает брови и плюхается на свободное место рядом с ней.

Я смотрю на него, и он быстро оглядывается на меня.

После лекции Лорен нас знакомит. Это и есть пресловутый Рэб. Он дружелюбен, но не назойлив, что мне нравится. Рост где-то пять футов и десять дюймов, ни грамма лишнего веса, светло-каштановые волосы, карие глаза. Мы идем в кафе, чтобы выпить и поговорить об учебе. Этот парень, Рэб, не из тех людей, которые выделяются из толпы, что, кстати, странно, потому что он довольно красив. Впрочем, это какая-то очень банальная красота – с парнями такого типа обычно трахаешься в перерывах между серьезными бойфрендами. После пива он уходит в туалет.

– А у него симпатичная задница, – говорю я Лорен. – Он тебе нравится?

Лорен отрицательно качает головой.

– У него есть девушка, и она ждет ребенка.

– Мне не нужна его биография, – говорю я. – Я просто спросила, нравится он тебе или нет.

Лорен довольно неслабо пихает меня локтем и обзывает придурочной. Она пуританка во мно-

гих аспектах и иной раз бывает такой старомодной. Мне нравится ее почти прозрачная кожа, волосы, убранные назад, и даже ее очки смотрятся по-настоящему сексуально, как и плавные движения рук. Лорен – стройная, изящная и замкнутая девушка девятнадцати лет, и я часто задумываюсь, а был ли у нее вообще хотя бы один серьезный роман. Ну, я имею в виду, трахалась она с кем-нибудь или нет. И, конечно, я слишком ее люблю, чтобы сказать ей напрямик, что все ее феминистские взгляды происходят исключительно из того, что она просто провинциальная ханжа, которую нужно как следует выебать.

Обычно они с этим Рэбом пьют кофе, обсуждают фильмы или треплются об учебе. Ну а теперь у нас *menage a trois*, типа шведская семья. Рэб выглядит уставшим от жизни. «Все это у меня уже было», – написано у него на лице. Мне кажется, что в Лорен ему нравится зрелость и ум. Интересно, нравится ли она ему как женщина, потому что он-то ей точно нравится, это за километр видно. Ха, ну, если ему нужна зрелость, то мне почти двадцать пять.

Рэб возвращается и заказывает нам еще выпивку. Он говорит мне, что подрабатывает в баре у своего брата. Я говорю, что работаю в сауне. Он заинтригован, как это бывает почти всегда. Склонив голову, он изучает меня пристальным взглядом, который полностью меняет его лицо.

– А ты не... ну, э-э-э... ты понимаешь... Лорен недовольно кривит рот.

– Сплю с моими клиентами? Нет, я их только купаю, – говорю я. – Ну, то есть некоторые предлагают, что, мол, давай, но это не в правилах заведения, – вру я, не краснея; типа гну партийную линию. – Я... – Тут я на пару секунд умолкаю. Они оба открыли рты в предвкушении, и я чувствую себя бабушкой, которая рассказывает сказочку на ночь паре невинных детишек, и сейчас как раз дошла до того самого места, где должен появиться злой серый волк. – Я однажды сдрочила одному милому пожилому дядечке, когда он сказал, что скучает по своей жене, которая умерла. Я не хотела брать у него эти двести фунтов, но он так настаивал. Потом он мне сказал, что он сразу понял, что я хорошая девочка, и извинился, что поставил меня в такое неловкое положение. Он был очень милый.

– Как ты могла, Никки?! – мямлит Лорен.

– Это у вас все нормально, вы шотландцы, вам не надо самим платить за обучение, – говорю я. Лорен знает, что на это ей нечего возразить, что меня абсолютно устраивает. А грубая правда жизни заключается в том, что я дрочу нашим клиентам чуть ли не каждый вечер, а что поделаешь? Денег-то хочется.

5. Афера № 18734

Я готов к встрече с Колвиллом, спасибо Тане, что предупредила о том, как вел себя этот козел. Он долго ждал, чтобы от меня избавиться, и теперь у него наконец появилась такая возможность. Конечно, без борьбы я не сдамся, и к тому же за прошедший год меня очень даже неплохо проинформировали о привычках Чеза Колвила.

Разумеется, он дождался конца моей смены. Была тихая ночь. А потом пришли Генри и Генджис с какими-то еще парнями, и все были уже крепко поддавши. Они, видимо, крупно сцепились с какой-то другой компашкой и теперь бурно праздновали победу. Вроде они говорили, что играли «Абердин» и «Тоттенхэм».

– Как тебе нравится эта компания? Не знаешь, кто будет платить за выпивку? Бармен, наверное. – Я смеюсь, и пара ребят присоединяются к моему смеху. Я как король в окружении придворных; наполняю стаканы и ставлю на стойку, потому что предчувствую, что больше мне здесь не заправлять.

В некотором смысле это даже грустно: заведение было мне вторым домом, здесь я не просто работал – я встречался с людьми и общался, но теперь все закончилось. Пришло время отсюда двигать. В таких местах можно работать, но многого ты не добьешься. Надо самому становиться хозяином. Краем глаза я вижу, что появилась Линей, она мне подмигивает и готовится к рабочему вечеру.

Ну да, сплошной пластик, хром и соответствующая подсветка но все равно чувствуется застоявшаяся вонь табака, запах спермы, дешевых духов, пролитого пива и тошнотворного отчаяния под маской всеобщего дружелюбия.

Линей давно просекла фишку. Она всегда тщательно скрывает презрение, которое умная образованная молодая женщина непременно должна питать к этим козлам-клиентам и, как мне кажется, ко мне тоже, хотя всем нам хотелось бы думать, что мы – исключительные, единственные и неповторимые и совсем не похожи на других. Вот Линей и вправду совсем не такая, как большинство, и глав-

ное, она все понимает. Она снялась в нескольких порнофильмах, у нее свой сайт в Интернете, ее имя довольно известно в определенных кругах, и теперь клиенты идут у нее косяками. Никаких сутенеров, она сама по себе, и ее улыбка превращается в лед, как только ты переступишь черту. Она не играет в чужие игры, у нее своя игра, и, стало быть, мне она не подходит.

А жаль. Я смотрю на нее, смотрю на то, что она вытворяет ногами и попкой – Таня, шлюха обдолбанная, даже не отдыхает, а просто валяется в коме, – я смотрю на ее загорелые бедра, на ее серебристое мини и понимаю, почему мужики сразу становятся в стойку при виде Лией. Порнофильмы, в которых она снималась, надо включать во все каталоги «Видео почтой».

В конце смены Дьюри подходит ко мне с улыбочкой гимназиста-олигофрена.

– Колвил хочет с тобой поговорить. Ждет тебя у себя в кабинете. – Ублюдок чуть ли не выпевает слова.

Я знаю, о чем пойдет разговор, и когда я вхожу к нему в офис, то сразу плюхаюсь в кресло напротив Колвила, даже не спросив разрешения. Смотрю на босса в упор: бледная лживая морда, масляные глазки, скользкий бегающий взгляд. Колвил смотрит на меня, как на какую-то инфузорию-туфельку. Пододвигает мне через стол конверт. На лацкане его дурацкого серого пиджака – пятно. Неудивительно, что она...

– Твоя зарплата за этот месяц, – объясняет он своим льстивым, я бы даже сказал, подбострастным тоненьким голоском. – А так как ты не доработал две недели до утверждения на штатную должность, то мы не должны тебе никакой компенсации за увольнение. Такие правила, – ухмыляется он.

Я смотрю на него честными глазами.

– Но почему, Мэт, – говорю я, притворяясь расстроенным, – мы же столько всего пережили вместе!

Нет, мой честный взгляд не сработал. Личико нашего малыша Мэти остается бесстрастным, он откидывается на кресле и медленно качает головой.

– Я не раз тебя предупреждал. Мне нужен старший бармен, который всегда на месте. И самое главное, я тебя предупреждал о твоей маленькой сучке, которая приходит сюда и предлагает себя моим клиентам. – Он с омерзением дергает головой, и я слышу смешок Дьюри, который наслаждается этой беседой не меньше Колвила.

– Ну, у них тоже есть члены, по крайней мере мне так говорили, – улыбаюсь я. Снова слышу тихое похрюкивание из-за спины.

Колвил подается вперед со зверски серьезным выражением на роже. Это – его шоу, и ему не нравится, когда кто-то его переигрывает.

– Ты, Уильямсон, может быть, и считаешь себя шибко умным, но ты просто дешевка, дерьмо из Хакни.

– Из Айлингтона, – поправляю я. Последний удар был явно ниже пояса.

– Да хрен ли разницы. Мне, знаешь ли, нужно, чтобы мой старший бармен вел здесь мой бизнес, а не использовал это место, чтобы проворачивать свои собственные делишки. Все те подонки, которые здесь сейчас крутятся, шлюхи, бандиты, фаны, порнодельцы, наркодилеры... И знаешь что? Это все началось года два назад, с тех пор как ты здесь работаешь.

– Это же грязная забегаловка с танцами, мудацкий стрип-клуб. Ясное дело, тут куча подонков толчется. У нас не особенно чистый бизнес! – зло протестую я. – Я привел сюда платежеспособных клиентов. Людей, которые тратят деньги!

– Слушай, шел бы ты лесом. – Он показывает на дверь.

– Я что, уволен?

Улыбка Мэта Колвила становится еще шире.

– Да, и хотя с моей стороны это будет непрофессионально, я все же скажу: я просто счастлив по этому поводу.

Дьюри у меня за спиной снова хихикает. Ну ничего. Сейчас ему станет совсем не смешно. Я смотрю Колвилу прямо в глаза.

– Кажется, пришло время поговорить начистоту. Я регулярно пялю твою жену, уже почти восемь месяцев.

– Что... – Колвил тупо таращится на меня, и я чувствую, что Дьюри у меня за спиной впал в ступор, а потом тихо смылся, кашлянув напоследок, словно извиняясь, что ему пришлось так быстро ретироваться. Колвил на пару секунд лишился дара речи, но все-таки справился с потрясением, и на его губах заиграла слабая недоверчивая улыбка. Он презрительно фыркает:

– Тяжелый случай, Уильямсон.

– Я ей, кстати, недешево стоил, – говорю я, не обращая внимания на его реплику. – Можешь сам убедиться. Проверь счет на ее кредитке. Отели, шмотки от кутюр. – Я указываю на свою рубашку от Версачи. – Вот на что уплывают денежки. Твои денежки, между прочим.

Страх мелькает у него в глазах, но тут же сменяется яростью.

– Ты, сукин сын. Ты вправду считаешь, что сможешь меня задеть этой чушью? Это же полная...

Я встаю, вынимаю полароидные снимки из внутреннего кармана пиджака и кидаю их на стол.

– Ну, может быть, тебя это заденет. Я держал их на черный день. Лучше один раз увидеть, хых, – подмигиваю ему я, разворачиваюсь на месте и с достоинством прохожу через офис и бар. Волны тревоги вынуждают меня ускорить шаг, когда я выхожу на улицу, но никто не бежит за мной следом, так что я громко смеюсь на задворках Сохо.

Иду по Чаринг-Кросс-роуд немного расстроенный – все-таки только что я потерял самый главный источник регулярных доходов. Пытаюсь утешиться тем, что зато я избавился от геморроя, сопряженного с этой работой, взвешиваю все «за» и «против», думаю о возможностях, которые мне дает эта новая ситуация. Сажусь на поезд на Ливерпуль-стрит на Центральной линии и еду до Хакни-Даунз. Выхожу, встаю у низкой стены на станции и смотрю на свое окно. Оно так близко, что, кажется, можно дотронуться до стекла. На стекле столько грязи и пыли, что оно почти черное. Было бы очень неплохо стрясти денег с этих сук с железной дороги, а то их дизельные поезда все засрали. На пути со станции беру новое расписание.

Вернувшись в свой клоповник, я выглядываю из окна этой конурки, которую агенты по недвижимости называют студией. Вот они, англичане: высокопарные и напыщенные по самое не хочу. Кто бы еще додумался назвать эту ночлежку поместьем?! Я охочусь, ловлю рыбу, стреляю дичь, я, Саймон Дэвид Уильямсон из Поместья Банановые Квартиры Лейта. Смотрю вниз, наблюдаю за молодой мамашей с коляской. Мешки у нее под глазами видны мне даже отсюда. Не мешки, а какие-то чемоданы от Samsonite. Смотрю на нее и пытаюсь понять, какого хрена я переехал на пять сотен миль к югу, на эту мудацкую улицу с мудацким названием Большой Перекресток, где здания трясутся, когда мимо проходит экспресс на Норвич. Смотрю на часы: 6.40, или 18.40, как говорят эти железнодорожники. Точно по расписанию.

Когда у тебя есть возможность вложить свои денежки в выгодное предприятие, надо этой возможностью пользоваться. Это я и пытаюсь втолковать Берни на следующий день, но он был слишком уторчен, чтобы врубиться в мои рассуждения. Это самое главное; то, что отличает победителей от неудачников, настоящих деловых людей – от распиздяев, которые вообще ни на что не годятся, разве что подтирать задницу боссу; такие вечные мальчишки на побегушках. У всех на слуху так называемые истории успеха, растиражированные в СМИ, но на самом-то деле все понимают, что это – только верхушка айсберга, потому что на каждый успех приходится десять провалов. Оно мне надо: вкалывать в баре на чужого дядю, в компании законченных неудачников, которые вечно ноют и винят все и вся – но только не себя, любимых, – что они оказались в глубокой заднице, хотя им обещали золотые горы и билет наверх без пересадки?! Берни, кстати, надо бы поостеречься, а то он начинает мне напоминать одного из таких мудил. Да, мы живем в дерьме и из дерьма не вылезим, но иногда все-таки выпадает возможность урвать свой куш, и уж если она выпадает, упустить ее было бы глупо. А иначе – прямая дорога обратно в дешевый паб, где ты будешь сидеть, заливая глаза и жалуясь на судьбу-злодейку, что вот, могло бы быть все иначе, но – хрена с два, или еще того хуже – к трубке с крэком или лиловой жестянке для завтраков.

Я готов вложиться в дело, но сейчас мне нужно повидаться с Амандой, с этой холодной королевой, у которой и так хренова туча денег, но при этом она еще тянет из меня все соки.

Предложение тети Полы, над которым я смеялся по телефону, начинает казаться все более заманчивым.

В общем, труба зовет, и я еду в Хайгейт, продираясь сквозь толпы в автобусах и электричках, забираю ребятенка и отдаю ей сорок монет за неделю, которые, как я понимаю, прожираются этим мальцом подчистую. Во какой толстый, прямо жирдяй. В последний раз, когда я брал его в Шотландию, чтобы показать моей матери, она сказала с этим своим неистребимым шотландским акцентом: «Ну он прям как ты в том же возрасте». Как я в том же возрасте: нескладный и жирный ребенок, всегда в синяках – легкая добыча для тощих и подлых змеюк с игровой площадки на улице. Спасибо, ебена мать, переходному возрасту и всем этим гормонам – за избавление от жира. Может, мое проти-

воречивое отношение к сыну как раз и объясняется тем, что он напоминает мне себя самого – в более молодой и менее крутой вариации. Но мне не верится, что я был таким. Скорее всего он пошел в своего жирного деда, козла жидовского, со стороны матери, ясное дело.

И теперь мы тащимся по Вест-Энду по направлению к «Хэм-бли», чтобы выбрать ему рождественский подарок. Конечно, праздник давно прошел, но зато мы попадем в эти безумные январские распродажи. Я дал ему ваучеры, потому что свободе выбора нужно учить, причем чем раньше, тем лучше. Но Аманда их забрала и отдала мне обратно. Она настояла, чтобы мы пошли в магазин вместе. Мы прошли-то всего ничего, а мелкий говнюк начинает скулить, что ему холодно и что он натер ноги. Ну и сидел бы дома, рубился в Плэй-Стэйшн. Даже в это праздничное время года я такой же чужой для него, как и он – для меня. Во время прогулки я делаю малодушные попытки поддержать беседу, втайне надеясь, что в магазине хотя бы будет на что поглазеть.

Чем мне не нравится зима: девочки слишком закутаны. Не понятно, что там, под оберткой, пока не притащишь ее домой и не откроешь, а тогда уже поздно будет возвращать. Проданный товар возврату и обмену не подлежит. Рождество. Проверяю сообщения на белой и красной мобилах. Ничего.

Толкотня, суета, магазины – все это начинает меня напрягать. Что до ребенка... никакого контакта. Глухая стена. Я честно старался. То есть не то чтобы очень старался, но сделал все, что смог. Может, пора это все прекращать? Я и так уже весь распух от дешевой высококалорийной пищи, сижу без гроша в кармане. И чего ради? Чтобы исполнить родительский долг? Наладить социальное взаимодействие? Кому-то от этого лучше?

Помню, пару недель назад я водил Бена (имя – это ее идея) в Музей мадам Тюссо. Всю дорогу я только и делал, что думал о ней: какая она была вся из себя довольная, потому что ее теперь пялит какой-то самовлюбленный кобель из яппи, парень ее мечты; как она говорила, что это так замечательно, что я забираю Бена и они наконец могут побыть вдвоем. Я плачу сорок фунтов в неделю и вожу мелкого на прогулку, пока она трахается, – охренеть. Мне нужно сделать татушку на лбу: ДУ-РАК.

Отвожу парня домой. Надо признать, Менд выглядит очень даже неплохо. В этом году я впервые увидел ее более или менее в форме с тех пор, как родился Бен. Я думал, что у нее просто врожденная склонность к полноте, как у остальных членов ее развеселой семейки, но нет. Вполне даже подтянутая фигурка. Если бы она работала, да еще и сидела бы на диете, как тогда, когда мы были вместе, я, может быть, и не стал бы ее оскорблять – а заодно и всю ее семейку, – тогда, в Таскании, пару лет назад. Я человек в меру амбициозный, и ни один парень, который хоть сколько-нибудь себя уважает, ни за что не захочет, чтобы его видели на людях с какой-то жирной коровой под руку.

Но от жирных коров бывает и польза – в качестве добрых тетушек. Добрых и пухлых тетушек. Тетя Пола всегда была моей самой любимой теткой. Бедная старая Пола: ей в наследство достался паб, но она по своей простодушной глупости вышла замуж за мудака, который едва не пропил ее дом, пока она наконец не прогнала его в три шеи. Это лишь подтверждает, что даже у сильных и волевых коров – таких, как моя тетя Пола, – есть свои слабые места. Что только на руку таким прохиндеям, как я. Теперь она предлагает мне паб за двадцать штук. Выплачивать можно частями – по пять штук в год.

Но тут есть две проблемы: во-первых, мне не хватает четырнадцати штук, а во-вторых, паб – в Лейте.

6. «...неприличные секреты...»

В глазах у Рэба – кремневая твердость, качество, которое намекает на что-то еще. Он тщательно взвешивает слова, типа как старые пердуны в местном пабе взвешивают про себя, можно ли пропустить еще по рюмашке или уже пора остановиться. Он явно обхаживает Лорен, но она вся насторожена, словно бродячая кошка, готова шипеть и кусаться, так что он осторожничает. Она пытается оправдать желание, которое испытывает к нему, и как-то избавиться от беспокойства – а ее явно тревожит, что он сейчас с нами, когда мы должны были быть одни, то есть мы с ней вдвоем или, может, она с ним вдвоем, без меня. Мы живем с ней в одной квартире, так что я знаю, что Рэб сейчас получает по полной программе все прелести ее предменструального синдрома. Как у настоящих сестер, у нас даже месячные начинаются в одно время, и Лорен изыскивает причину, чтобы превратить свое желание в неприязнь.

Бедный Рэб, у него на буксире две бешеные коровы. Я чувствую, что у меня сносит крышу, и

еще я заметила утром, что у меня на подбородке появляется прыщик. Мы с Лорен немного взволнованы, потому что в квартиру завтра въезжает новая девушка. Ее зовут Диана, и она вроде как ничего; изучает психологию. Пусть только к нам со своей психологией не лезет, мы сами себе доктора. Мы даже решили немного прибраться дома в честь ее переезда, но после пары стаканов я понимаю, что этому не суждено случиться. Студенческий клуб заполняется, но никаких шумных попок не намечается, все просто сидят и тихонечко выпивают. Роджер за барной стойкой лениво курит. Два парня, которые играют в бильярд, плятятся на меня, один толкает другого локтем, и тот ухмыляется. Ничего выдающегося, как говорится, на пенни – десяток, но я всерьез подумываю о том, чтобы малость с ними пофлиртовать, хотя бы потому, что мне не нравится поворот нашей беседы.

– Мне кажется, если бы я был девушкой, я бы был феминисткой, – говорит Рэб, отражая одну из атак Лорен. Сегодня в клубе несколько лесби, и их присутствие, кажется, пробуждает в Лорен все самое худшее, заставляет ее стать совсем уже правильной. А фишка в том, что большинство этих крутых лесбиянок превращаются в тихих пай-девочек, когда ездят домой на каникулы. Вся бравада и битье в грудь копытом проходят здесь, в безопасной среде, в этой лаборатории реальной жизни.

В общем, атмосфера унылая, и мы решаем переместиться в паб. Выходим на улицу – вечер чудесный, хотя, когда мы углубляемся в темные недра города, солнца уже не видно, и только маленькие кусочки синего неба напоминают о том, какая сегодня замечательная погода. Мы заваливаемся в «Корову», бар, который считается очень пижонским местом, хотя, может быть, это уже устарело недель так на несколько. М-да. Зря мы выбрали этот бар, очень зря. Потому что первое, что я вижу, когда мы заходим, что здесь мой любовник, или бывший любовник, Колин Эддисон, доктор философии.

У Колина на голове начес, отчего он похож на студента. Кстати, мое влияние, потому что до нашего с ним знакомства он ничего подобного не носил. Конечно, на нем эта спутанная шевелюра смотрится по-идиотски. Мы только взяли напитки и сели, и тут он подходит ко мне.

– Нам нужно поговорить, – выдает он.

– Нет, не нужно, – отвечаю я, глядя на пятно от помады у себя на стакане.

– Нельзя, чтобы все закончилось вот так. Я хочу получить объяснения. Хоть это-то я заслужил.

Я качаю головой и поджимаю губы. «Хоть это-то я заслужил». Ну и придурок. Как это скучно и даже немного неловко, а я ненавижу, когда мне скучно, и не люблю, когда меня ставят в дурацкое положение.

– Уходи.

Колин весь надувается и показывает на меня пальцем, тряся им в воздухе, чтобы подчеркнуть свои слова:

– Тебе пора повзрослеть, ты, мелкая сучка, и если ты думаешь, что ты можешь вот так вот просто...

– Слушай, парень, тебе лучше уйти. – Рэб встает. В глазах Колина мелькает вспышка узнавания, и я знаю, о чем он думает: это всего лишь студент, а на студентов есть Университетский сенат, и всегда можно пригрозить исключением, если ему попытаются наругать. Черт подери, он бы лучше побеспокоился о том, что сенат может сделать ему: преподавателю, который трахается со студентками. Похоже, что с тех пор как я его бросила, Колин заикнулся на своей идее, что мне пора повзрослеть. А что же случилось с теми зрелыми отношениями, коими мы наслаждались в те безмятежные дни... э-э... еще на прошлой неделе?

Я уже готова забыть обо всем, но тут Лорен решает вмешаться. Ее лицо скорчилось в неприветливую гримаску, взгляд – злой и жесткий, и она говорит:

– Мы тут сидим, приватно выпиваем.

Я начинаю глупо и пьяно хихикать, пытаюсь представить себе, как можно выпивать приватно в общественном заведении.

Но мне не требуется помощь общественности. Колина я могу отшить самостоятельно.

– Меня от тебя тошнит, Колин. Меня тошнит от твоего вялого алкоголического пожилого члена. Меня тошнит от того, что я себя чувствую виноватой за то, что он у тебя не стоит. Меня тошнит от твоей жалости к самому себе, потому что жизнь прошла мимо тебя. Я выжала из тебя все, что могла. А теперь я хочу просто выбросить на фиг иссохшую оболочку. Я сейчас не одна, как видишь, поэтому сделай нам всем одолжение и отъебись. Чтобы я тебя больше не видела. Очень тебя прошу.

– Ах ты сука, блядская тварь... – говорит он, его лицо становится багровым, как кровоподтек. Он самодовольно оглядывается.

– Ах ты су-у-ука. – Я подражаю его скулящему голосу. – И это все, на что тебя хватает?

Рэб пытается что-то сказать, но я перебиваю его и снова обращаюсь к Колину:

– Слушай, ты что, недотягиваешь до уровня нормального человеческого разговора? Даже за этим столом? Пожалуйста, уходи.

– Никки... Я... – говорит он примирительным тоном, снова оглядываясь по сторонам, нет ли где его учеников, –...я просто хочу с тобой поговорить. Если между нами все кончено, ладно. Просто не хочется, чтобы все закончилось именно так.

– Хватит ныть. Найди мне на замену очередную наивную дурочку, которая будет тобой восхищаться. Если протянешь до конца лета, через пару месяцев появятся новенькие. Боюсь, я не настолько себя не люблю, чтобы продолжать с тобой общаться.

– Стерва, – огрызается он. – Блядища! – И пулей вылетает за дверь. Дверь захлопывается за ним с громким стуком, я на пару мгновений краснею, но это быстро проходит, и мы смеемся. Девушка за стойкой смотрит на меня, я пожимаю плечами.

– Ни стыда, ни совести, Никки, – шипит Лорен.

– Ты абсолютно права, Лорен, – говорю я, глядя в глаза Рэбу. – Заводить роман с преподавателем... это не смешно. А в моей практике это уже второй. Первый был в Лондоне, когда я там училась. Профессор английской литературы. Забавный был тип, а если сформулировать поточнее, то просто повернутый.

– Ой, нет... – начинает Лорен. Она уже слышала эту историю.

Но я снова рассказываю историю Майлса, хотя знаю, что Лорен будет смущаться и злиться.

– Он был и вправду очень начитанным человеком. Как Блум в «Улиссе», он любил привкус мочи в жареных почках. Он покупал свежие почки и заставлял меня мочиться на них, оставлял на ночь мариноваться, а утром готовил их на завтрак. Да, он был извращенцем, но очень культурным, если можно так сказать. Он часто водил меня по дорогим бутикам, покупал мне всякие штуки. Любил выбирать для меня одежду. Особенно если в магазине была молодая симпатичная продавщица. Он говорил, что ему нравится мысль о том, что одна девушка одевает другую, но исключительно в коммерческой среде, так сказать. Когда у него стоял, это всегда было заметно, иногда он даже кончал в штаны.

Лорен очень мила, когда сердится, особенно если она совсем взбешена, в ее внешности появляется какая-то изюминка. Щеки краснеют, глаза блестят. Может быть, поэтому люди и любят ее доводить, им просто нравится смотреть на Лорен, когда она злится.

Рэб смеется, Лорен кривится.

– Смотри, Рэб, какая Лорен красивая, – говорю я. Лорен это совершенно не нравится. Она еще больше краснеет, глаза начинают слезиться.

– Иди ты на хер, Никки, завязывай страдать мудней, – говорит она. – Ты же себя на посмешище выставляешь. Прекрати смущать нас с Рэбом.

Но Рэб ни капельки не смущен. Этот парень нас возбуждает, Лорен – уж точно, но и меня тоже, и даже больше, чем мне бы хотелось. Он обнимает одной рукой Лорен, другой – меня и целует нас в щечки. Я вижу, как Лорен напрягается и краснеет, и почему-то я тоже заливаюсь краской, меня начинает слегка трясти.

– Вы обе красивые, – дипломатично отмазывается он, а может, ему и правда так кажется? Но как бы там ни было, теперь я замечаю в нем спокойствие, глубину и силу чувств, чего раньше как-то не видела. Правда, это ощущение пропадает, когда он убирает руки и спокойно так говорит: – Понимаете, какая фишка, если бы тут не было вас, хрена бы я остался на этом курсе. Мы тут сидим – треплемся об анализе фильмов, как какие-то блядские критики, хотя мы даже камеру в руках не держали. Впрочем, как и те пидоры, которые пытаются нас учить. За все это время нас научили только тому, как рассуждать о том, о чем мы понятия не имеем. И в этом единственный смысл ученой степени по искусству: вырастить очередное поколение паразитирующих зануд.

Я чувствую, как меня накрывает приступ тоски. Намеренно или нет, но этот мальчик дразнит нас, мать его так. Он только что показал нам что-то хорошее и красивое, а теперь почему-то решил вернуть нас на грешную землю.

– Если ты так считаешь, – раздраженно парирует Лорен, хотя ей явно полегчало от того, что проявления приязни Рэба ограничились тем, чем они ограничились, – значит, ты согласен с тэтчеровской парадигмой, что искусство изживает себя как искусство и вся эта сфера становится исключительно профессиональной. Если ты не принимаешь идею познания ради познания, значит, ты не при-

нимаешь возможность критического анализа того, что творится в обще...

– Не, да нет же, – протестует Рэб, – я хотел только сказать, что...

И они продолжают в том же духе, проводя раунд за раундом и убеждая себя в том, что у них нет никаких фундаментальных разногласий, только маленькие расхождения в мелочах. Другими словами, они ссорятся из-за каких-то пустяков в расстановке акцентов, которые мало кому заметны. А если говорить совсем откровенно, они являют собой образчик классических задроченных студентов.

Ненавижу подобные споры, особенно если спорят мужчина и женщина, особенно если один из них только что показал, что оппонент ему небезразличен. В такие моменты мне очень хочется заорать во весь голос: ХВАТИТ ИСКАТЬ ПРИЧИНЫ, ЧТОБЫ НЕ ПОЕБАТЬСЯ ДРУГ С ДРУГОМ.

После нескольких стаканов бар становится малость расплывчатым, время замедляет свой ход, а люди довольны и счастливы уже тем, что могут просто общаться друг с другом и болтать о всякой херне. И теперь мне кажется, что Рэб, пожалуй, ничего. Это не мгновенное озарение, а скорее медленное создание некой умозрительной конструкции, приводящей к подобным выводам. Есть в нем что-то чистое, шотландское, какое-то кельтское благородство. Почти что пуританский стоицизм, который редко встречается в молодых мужчинах, если эти мужчины проживают на территории Англии. Но эти шотландцы гнут свою линию: спорят до хрипоты, ведут какие-то затяжные дискуссии и дебаты, любимое времяпрепровождение обленившихся представителей среднего класса в больших городах.

– В пизду эти ваши бездарные споры, – говорю я им. – Только что я поведала вам о своем маленьком неприличном секрете. Лорен, а у тебя есть какие-нибудь неприличные секреты?

– Нет, – говорит она и опять начинает краснеть. Я вижу, как Рэб приподнимает брови, видимо, пытаюсь заставить меня прекратить этот разговор, похоже, что у них с Лорен образовалось что-то вроде соперничества, и даже не с самой Лорен, а с той болью, которую она сейчас испытывает и которой так не хватает мне.

– А у тебя, Рэб?

Он ухмыляется и качает головой. В его глазах появляется озорной огонек, в первый раз за все это время, надо заметить.

– Нет. Вот мой приятель Терри, он спец в таких делах.

– Терри, значит? Я бы хотела с ним познакомиться. Лорен, а ты его знаешь?

– Нет, – говорит она резко. Девочка еще на взводе, но потихоньку начинает остывать.

Рэб снова приподнимает брови, похоже, он не одобряет эту идею, что меня, разумеется, интригует. Да, мне кажется, было бы интересно познакомиться с этим Терри, и мне очень нравится, что Рэба подобная перспектива совершенно не вдохновляет.

– Так что в нем такого? – интересуюсь я.

– Ну, – осторожно начинает Рэб. – У него есть свой порноклуб. Они снимают дешевую порнуху, ну и все в том же духе. То есть я от этого дела далек, но Терри чем-то таким занимается.

– Рассказывай дальше!

– Ну, Терри часто ходил в один паб, чтобы спокойно побухать. Там были две девочки, его знакомые, ну и, кажется, парочка туристов. Однажды вечером они надрались вдугаря, настроение было ебливое, ну и понеслось. С тех пор они занимаются этим регулярно. А однажды ему пришлось в голову записать это все на камеру службы безопасности, правда, он говорит, что это была чистая случайность. – Тут Рэб закатывает глаза, давая понять, что сам он в это не верит. – Так или иначе, но эти забавы стали началом его карьеры, и теперь он занимается любительским видео, так сказать. Они снимают порнуху, выкладывают отрывки в сеть, а потом рассылают их по почте или обмениваются с другими ребятами, которые занимаются тем же самым. И еще они устраивают шоу, обычно для старых пердунов в баре, за пятерку с носа. Гым... кажется, каждый четверг.

Лорен явно потрясена этим рассказом, Рэб на глазах теряет ее уважение, а ему, надо заметить, этого совершенно не хочется. Однако меня это более чем вдохновляет. А завтра как раз четверг.

– А завтра они снимают? – интересуюсь.

– Ну да, наверное.

– А нам можно туда пойти?

Вот в этом Рэб, кажется, не уверен.

– Ну, э-э... я могу, конечно, за тебя поручиться. Но Терри... э-э... он может попытаться тебя припрячь, так что если мы все-таки туда пойдём, просто не обращай на него внимания. Он еще тот мерзавец.

Я отбрасываю волосы с лица и делаю следующее заявление:

– А вдруг я им подойду! Да и Лорен, наверное, тоже, – добавляю я. – Ебля – хороший способ лучше узнать людей.

Лорен награждает меня взглядом, который мог бы сбить с ног здорового быка.

– Я не собираюсь смотреть порнофильмы в задрипанном баре в окружении похотливых стариков, тем более я не хочу принимать в этом участие.

– Да ладно тебе. Может быть, это будет забавно.

– Нет, не будет. Это будет грязно, отвратительно и тоскливо. Наверное, у нас с тобой разные представления о том, что такое «забавно», – парирует она.

Я знаю, что она на взводе, и совсем не хочу с ней ссориться, но тут есть один нюанс, о котором нельзя не сказать. Я качаю головой.

– Если я ничего не путаю, мы с вами изучаем кино? Массовую культуру? А Рэб говорит, что буквально у нас под носом существует целая подпольная киноиндустрия, совершенно неизведанный пласт культуры. Мы должны это увидеть. Хотя бы в образовательных целях. А заодно поебемся.

– Говори тише! Ты напилась! – Лорен сама орет на меня по весь голос, с тревогой оглядываясь по сторонам.

Рэб смеется над смущением Лорен, а может быть, ему просто надо скрыть собственное смущение.

– Ты любишь шокировать окружающих, да? – говорит он мне.

– Только себя самое, – отвечаю я. – А как насчет тебя? Ты когда-нибудь принимал в этом участие?

– Э-э... не, это не мое. – Он опять акцентирует на этом мое внимание, но вид у него почему-то почти виноватый.

Теперь я думаю о Терри, о парне, который на самом деле занимается такими вещами. Интересно, какой он. Если бы Рэб и Лорен были чуть-чуть посмелее, мы бы так зажигали, все трое – мало бы не показалось.

7. Афера № 18735

Я возвращаюсь (наконец-то) в свой родной город. Еду по железке, раньше дорога занимала четыре с половиной часа, теперь – семь. Прогресс, ебать его в жопу. Модернизация, еб ты. И что самое интересное, цены растут прямо пропорционально времени путешествия, мать его. Я сую пакет, адресованный Бегби, в почтовый ящик на станции. Получите и распишитесь. Беру такси, еду в конец Бульвара. Эта широкая старая улица практически не изменилась. Бульвар похож на дорогуший акминстерский ковер. С виду он, может быть, темный и выцветший, но его качества хватает, чтобы впитать в себя неизбежные крошки общества. Выхожу у дома тети Пола, расплачиваюсь с этим комиком, который воображает себя таксистом – его гонорар за умелое представление, – и тащусь мимо раздолбанного домофона по вонючей зассанной лестнице.

Тетя Пола обнимает меня, проводит к себе, усаживает в своей уютной гостиной и угощает чаем с печеньем. Она выглядит очень даже неплохо, я говорю это исключительно с целью польстить, потому что на самом деле она по-прежнему напоминает жертву автомобильной катастрофы на ножках от рояля. Однако надолго мы тут не задерживаемся. Быстренько собираемся и идем в бар – но не в бар тети Пола, в ее знаменитую таверну «Порт радости». Оно и понятно: ей не хочется отдыхать там, где она обычно работает. Нет, мы идем в «Спей Ландж» пропустить по стаканчику, и я одновременно и радуюсь, и огорчаюсь тому, что не вижу там ни одной знакомой рожи.

Пола вертит в руках стакан и никак не может стереть со своего большого дряблого лица самодовольную улыбку.

– Понимать, я проводила там столько времени. А терь у меня своя жизнь, сынок, – говорит она мне. – Понимать, я встретила одного парня.

Я смотрю тете Поле в глаза и вдруг ловлю себя на том, что непроизвольно поднимаю брови, почти как Лесли Филипс, но ничего не могу с этим сделать. Однако мне срочно надо выдать ей хотя бы какую-то реплику в ответ. Пола всегда была в некотором роде людоедкой, пожирательницей мужиков. Одно из самых душераздирающих воспоминаний юности: медленный танец с Полой на свадьбе моей сестры, Пола схватила меня за задницу, а Брайан Ферри поет «Slave to Love».

– Он испанец, классный мужик, у него свой дом в Аликанте. Я там была, посмотрела. Он хочет,

шобы я жила там с ним. Шобы мы выползали на солнышко, шобы эта старая гузка как следует пропотела. – Она сдвигает бедра и оттопыривает нижнюю губу, которая почему-то напоминает мне красную ковровую дорожку. – Вот такие дела, Саймон. Все говорят мне, все, кто тут есть, – фыркает она, включив в свою усмешку практически весь порт Лейта, – Пола, они говорят, ты живешь в раю для дураков, это долго не продлитца. Не пойми меня неправильно, у меня нет иллюзий, не продлитца, стало быть, не продлитца. И ваще, что значит продлитца? Мне щас любой рай подойдет, – говорит она, вливает в себя остатки выпивки, опрокидывает в рот лимон, пережевывает его вставными челюстями, высасывает его до последней капли и выплевывает обратно в пустой стакан.

Вовсе не обязательно обладать богатым воображением, чтобы представить себе на месте этого несчастного лимона член испуганного испанишки.

Пола с ходу отвергала все возражения, а я не такой зануда, чтобы вообще пытаться возразить. Зачем ломать людям кайф? Ее вера в меня очень трогательна – вся лапша относительно моих небывалых успехов в лондонской индустрии развлечений успешно повисает у нее на ушах. Она хочет, чтобы я управлял «Портом радости». Основная проблема в том, что она хочет двадцать штук за эту развалюху, но эта проблема легко решается: я отдам ей эти деньги, когда бар малость поднимется. А до того времени она будет моим компаньоном.

Это место и вправду потенциальная золотая жила, просто нужно вплотную им заняться. Тут буквально физически ощущается, как гентрификация подбирается незаметно наподобие пресловутого пиздеца, и жизнь дорожает, и я уже слышу звон монет, и он становится все громче по мере того, как «Порт радости» превращается из привокзального пивняка в модное заведение Нового Лейта. При кафешке имеется парковка, большая комната для банкетов в глубине помещения, а наверху располагается старый бар, который давно закрыт и используется как кладовая.

Однако сперва надо подать заявление на лицензию, так что, как только мы расстаемся с Полой, я сразу иду в городскую управу, чтобы взять бланки и заполнить все необходимые формы. После этого я себя балую чашечкой капучино (кстати сказать, для Шотландии он весьма недурен) и овсяным бисквитом в кондитерской за углом. Сижу-изучаю муниципальные бумажки, вспоминая о комнатке в Хакни. Лейт – впереди. Хакни – в глубокой жопе.

Потом я отправляюсь в родительский дом на Южной стороне. Маменька страшно рада, она обнимает меня, так что у меня хрустят ребра, и начинает рыдать.

– Смотри, Дэйви, – говорит она моему старику, который с огромным трудом отрывается от телевизора. – Мой мальчик вернулся. Сынок, я тя люблю!

– Ну хватит, ма... мама, – говорю я, несколько смущенный.

– Подожди, щас Карлотта придет! И Луиза!

– Понимаешь, мне надо ехать...

– Сынок, сынок, сынок... нет...

– Но понимаешь, какая штука, ма, я скоро вернусь. Навсегда.

Мамаша опять начинает рыдать.

– Дэйви! Ты слышал? Мой мальчик скоро вернетца!

– И да, Пола говорит, что я могу забрать «Порт радости». Мой старик наконец поворачивается ко мне вместе с креслом и с сомнением на меня смотрит.

– Што такое с твоим лицом? – говорит моя мамаша.

– «Порт радости»? Как бы он там не помер. Придетца ему всю дорогу слушать каких-нибудь комических певцов. – Папаша явно издевается. Старый пердун выглядит как-то неважно. Усталый какой-то, измотанный. Похоже, он таки уяснил для себя, что больше не может обходиться с матерью так же паршиво, как раньше, иначе она вышвырнет его на улицу, а он уже слишком стар и коряв, чтобы найти себе еще одну тупую корову, которая будет бегать за ним, высунув язык, а уж тем более которая сможет готовить такие же вкусные макароны, какие готовит моя мамаша.

Уступив ее желанию устроить семейный междусобойчик, я решаю остаться еще на одну ночь. Входит моя младшая сестренка Карлотта, восторженно вопит, припечатывает на моих щеках увесистые поцелуи и звонит по мобиле Луизе. Мы сидим на диване, в центре – я, по бокам – сестренки, которые щебечут о каких-то пустяках, а мой старик ворчит и кидает на меня хмурые взгляды исподлобья. Мамаша периодически сдергивает Карлотту или Луизу с дивана и начинает кричать:

– Вставайте! Я хочу обнять своо мальчика. Вы не поверите, но он вернулся домой, совсем вернулся!

Дальше все происходит следующим образом: я направляюсь в Сан-Сити. Иду по Бульвару,

вдыхая морской воздух, а грязный Эдинбург тем временем тащит меня обратно в мою родную гавань. Потом я спускаюсь к бару Полы, и тут меня встречает нехилый облом. Все запущено до крайности: старая красная плитка на полу, столы с покрытием из огнеупорного пластика, стены и потолок в разводах осевшего никотина, – но достает меня вовсе не это, меня достают посетители. Они похожи на толпу зомби из фильма Джорджа А. Ромера, сидят, разлагаясь под резким светом люминесцентных ламп, который только оттеняет их многочисленные грехи. Я видел притоны, где курят крэк, в Хакни и Айлингтоне, но по сравнению с этим гадючником те гадючники – просто дворцы.

Лейт? Как можно снова сюда возвращаться?! Теперь, когда наша престарелая резвушка переезжает на Южную сторону, в этом нет никакой необходимости. Я полжизни провел в попытках выбраться отсюда. Я сижу наверху, в баре, потягиваю виски и наблюдаю, как Пола и ее подружка Морраг, которая очень сильно напоминает мне клон самой Полы, подают еду всем этим ноющим старым пидорам, как будто бы это не бар, а столовка для пенсионеров. В другой стороне бара из музыкального автомата доносится какая-то нелепо громкая танцевальная музыка, а несколько скелетоподобных юнцов сопят, дергаются и плятятся в одну точку. Пожалуй, мне пора убираться из этого бара, подалее отсюда, от тети Полы и от Лейта. Лондонский поезд зовет.

Я извиняюсь и двигаюсь дальше, по новому Лейту: QE2, министерство по делам Шотландии, редакция «Скотсмена», восстановленные подновленные доки, бары, рестораны, дорогие жилые кварталы для яппи. Вот оно – будущее, всего в двух кварталах. А на следующий год оно будет уже в одном квартале. А потом – бинго!

Сейчас мне нужно просто смирить гордыню и, как говорится, залечь на дно, совсем ненадолго. А там я придумаю такую аферу, что чертям станет тошно: аборигены – кондовые провинциалы, куда им угнаться за прохиндеем из метрополиса типа Саймона Дэвида Уильямсона.

8. «...только один объектив...»

Похоже, Рэб нервничает. Он теребит пальцы. Когда я начинаю его поддразнивать, он смущается и говорит что-то про то, что надо бы бросить курить, бормочет что-то про ребенка. Это первый прорыв, если не считать загадочного друга Терри, в его личную жизнь, жизнь вне универа. Даже странно представить, что у людей и вправду есть эта самая личная жизнь; целостные, самодостаточные миры, в маленьких отдельных квартирах. Как у меня. А теперь мы идем на разведку как минимум одной из частей его тайного мира.

Наше такси дребезжит и переползает от одного источника света к другому, счетчик крутится – только цифры мелькают. Мы останавливаемся у маленького паба, но хотя желтый свет из двери льется на серо-синий тротуар и можно услышать, как из прокуренных глоток изрыгается смех, мы не входим. Нет, мы идем по обоссанной боковой улочке к черному входу, к двери, покрашенной черной же краской. Рэб начинает выстукивать по ней какой-то сложный ритм. Ди-ди-ди-ди-ди, ди-ди-ди-ди – ди-ди.

Слышно, как кто-то спускается вниз по лестнице. Потом – тишина.

– Эт Рэб, – шепчет он, снова выбивая мотив какой-то футбольной речевки.

Отодвигается засов, снимается цепочка, и из-за двери, как чертик из коробочки, высовывается лохматая голова. Два острых глаза быстро опознают Рэба, а потом начинают оценивающе скользить по моей фигуре с такой небрежной пристальностью, что мне почти хочется позвать полицию. Но потом ощущение угрозы и неудобства просто растворяется в белоснежной улыбке, которая, кажется, дотрагивается до моего лица, как пальцы скульптора, и лепит из него новое изображение, свое собственное. Эта улыбка просто удивительна, она превращает его лицо из физиономии агрессивного, враждебно настроенного дебила в лицо какого-то буйного гения, который знает все тайны этого мира. Голова поворачивается в одну сторону, потом – в другую, изучая улочку на предмет ненужной активности.

– Это Никки, – объясняет Рэб.

– Проходите, проходите, – кивает парень.

Рэб адресует мне быстрый взгляд из серии «ты уверена?» и говорит:

– Это Терри.

Я молча переступаю порог.

– Большой Терри.

Этот большой курчавый парень улыбается и отступает в сторону, чтобы дать мне пройти по уз-

кой лестнице. Он молча идет следом за мной, судя по всему, он выбрал такую позицию, чтобы полюбоваться моей задницей. Я особенно не спешу, давая ему понять, что этим меня не смутить. Пусть он смущается.

– А у тебя потрясающая задница, Никки, вот што я те скажу, – говорит он с жизнерадостным воодушевлением. Он начинает мне нравиться. Это моя слабость: я очень легко впечатляюсь неправильным типом людей. Мне об этом все и всегда говорили: родители, учителя в школе, преподаватели в универе, даже просто друзья.

– Спасибо, Терри, – спокойно говорю я и поворачиваюсь, поскольку мы уже дошли до конца лестницы. У него в глазах – явное вожеление, я смотрю прямо на него и выдерживаю его взгляд. Ухмылка становится еще шире, он кивает мне на дверь, я открываю ее и захожу.

Иногда необычная обстановка может просто выбить из колеи. Когда проходит лето и начинается семестр, все становится синим, серым и фиолетовым. Свежий воздух в легких, его чистота, которая превращается в холод, и так до тех пор, пока вы все не заваливаетесь в поисках тепла в какой-нибудь тускло освещенный бар, но только не в модное заведение, а в настоящий паб. Надо просто отойти подальше от шумных центральных улиц, и там – на задворках цивилизации – можно найти парочку стоящих мест. Пешая прогулка или пара остановок на автобусе, дорога обычно не занимает много времени. И это – одно из таких мест, когда ты заходишь, и у тебя возникает стойкое ощущение, что ты оказалась где-то в другой эпохе. Действительно, пробирает. Я иду в туалет, чтобы привести себя в порядок. Здешний женский сортир похож на маленький гроб, точнее даже, на египетский саркофаг, в нем едва можно сесть, унитаза сломан, о туалетной бумаге даже и речи нет, дешевый кафель, раковина, не знавшая горячей воды, над ней – треснувшее зеркало. Я смотрюсь в зеркало и тихо радуюсь, что стыдливый румянец, которого я так боялась, кажется, начал сходить. На щеках все еще заметны красные пятна, однако они исчезают. Красное вино. Главное, не пить красного вина. Впрочем, здесь это будет не сложно. Я подвожу глаза, крашу губы пурпурной помадой и быстро причесываюсь. Потом делаю глубокий вдох, выдыхаю и выхожу, готовая к встрече с новым, неизведанным миром.

На меня смотрит множество глаз, глаз, которые смутно тревожили меня по пути в туалет, но только смутно. Девушка с тяжелым взглядом – темные волосы, короткая стрижка – смотрит на меня откровенно враждебно. Краем глаза я вижу Терри, он смотрит на женщину за стойкой и подает ей какой-то сигнал. Зал наполовину пуст, но я все равно не выпускаю Терри из виду.

– Да у меня все тут, на месте. – Он разговаривает с Рэбом, но при этом продолжает смотреть на меня. – Ты, стало быть, Никки. С Рэбом учишься в колледже. Это, наверное... – Терри пытается подобрать нужное слово, но у него ничего не выходит и в конце концов он резюмирует: – Не, есть вещи, о которых лучше вообще не думать.

Я смеюсь. Он и вправду забавный. Пожалуй, не стоит его пока посылать.

– Да, я в универе учусь. Мы с Рэбом ходим на семинары по изучению кино.

– Ну, я вам сейчас покажу кино, которую можно поизучать! Давай садись рядышком, – говорит он, показывая на сиденье в уголке. Сейчас он похож на старательного ученика, отличника, которому не терпится показать папе с мамой, что он сделал сегодня в школе. – А у вас в колледже все телки такие роскошные? Ух, я бы там развернулся, ну, в смысле, обстоятельно поебстись, – говорит он, но сразу понятно, что это сказано ради Рэба. Я уже поняла, что Терри, как и мне, очень нравится смущать Рэба. Выходит, у нас с ним есть что-то общее.

Мы сидим в углу около двух молодых женщин, какой-то парочки и барменши.

На Терри старый черный овечий свитер на молнии, надетый на футболку с V-образным вырезом, джинсы и адидасовские кроссовки. На пальце у него – золотое кольцо, а на шее болтается цепь.

– Так ты, стало быть, и есть тот знаменитый Терри, – говорю я, надеясь на ответную реакцию.

– Ага, – говорит Терри так, как будто это само собой разумеется, как будто бы это широко известный и неоспоримый факт. – Большой Терри, – повторяет он. – Сейчас уже скоро начнется показ, шо мы отсняли вчера ночью.

Толпа престарелых и не очень престарелых мужиков входит в бар, они начинают рассаживаться. Почти все садятся на стулья, что стоят в ряд напротив экрана. Атмосфера похожа на напряжение на стадионе перед футбольным матчем. Знакомства, шутки и выпивка, пока девица с недружелюбным лицом собирает с них деньги. Терри кричит этому коренастому существу, которое вызывает у меня смутное беспокойство:

– Джина, закрой там шторы, што ли.

Она мрачно косится на него, явно хочет что-то сказать, но в последний момент раздумывает.

Начинается шоу. Фильм явно снимался на дешевое цифровое видео; одна камера, никакого монтажа, только один объектив ездит взад-вперед. Камера, судя по всему, стоит на штативе, этим объясняется статичная картинка: это просто изображение того, как люди ебутся, а отнюдь не попытка создать настоящий фильм. Качество картинки нормальное, вполне можно понять, что Терри ебет эту самую Джину, на той самой барной стойке, за которой сегодня разливают напитки.

– Ага, я в этом году чуток похудел, – шепчет мне Терри, он явно доволен этим обстоятельством и похлопывает себя по бокам, судя по всему, демонстрируя мне свою похудевшую тушку. Я оборачиваюсь к нему, чтобы глянуть, но тут на экране появляется еще одна девушка. – Мелани, – шепчет мне Терри. Он кивает на барную стойку, и я понимаю, что это барменша. На экране она выглядит совершенно по-другому: она действительно сексуальная. Теперь Джина делает ей куннилингус. Кто-то из зрителей отпускает комментарий по этому поводу, некоторые смеются, и Мелани застенчиво улыбается, но тут же раздается шиканье. Опять воцаряется тишина, слышно только тяжелое дыхание, отдельные комментарии и едва различимый шепот Терри: «давай», «да» и «вот так вот, куколка». На экране появляется какая-то блондинка, он ее лижет, а она у него отсасывает. Потом он валит ее на диван и вставляет ей сзади. Она смотрит прямо в камеру, ее большие груди раскачиваются в такт его движениям. Потом мы видим голову Терри у нее за плечом, он тоже смотрит в камеру, подмигивает нам и говорит что-то вроде: «Вкус жизни». – Урсула, шведка, – объясняет он мне громким шепотом, – или датчанка... не важно, но зато сиськи какие – умереть и не встать. И страсть как любит ебаться. – По мере того как в кадре появляются другие актеры, Терри поясняет: – Крейг... мой хороший приятель. Высококласный ебарь. Не сказать чтобы очень техничный, но ебется с душой. Ронни... вот кто действительно мог бы представить Шотландию на чемпионате мира по этому делу...

Фильм заканчивается группухой, и качество картинки становится хуже. Временами видны только какие-то размытые розовые пятна. Потом камера отъезжает, и на заднем плане мы видим, как Джина нюхает кокс, видимо, секс ей наскучил. Фильм явно нуждается в монтаже, и мне очень хочется сказать об этом Терри, но он чувствует, что зрители заскучили, берет пульт и вырубает видик.

– И это все о нас, ребята, – улыбается он.

После шоу я треплюсь с Рэбом у бара, спрашиваю у него, сколько времени это все продолжается. Он уже готов ответить, но тут ко мне подкрадывается Терри и спрашивает:

– Ну и как тебе?

– Дилетанты, – отвечаю я, несколько громче и развязнее, чем хотелось бы мне самой, и откидываю волосы назад. Мне слегка не по себе, потому что мне кажется, Джина слышала мою реплику и у нее в глазах промелькнул холод.

– А ты што, можешь сделать лучше? – спрашивает Терри. Я пристально смотрю на него.

– Да.

Он закатывает глаза и корябает на подставке для пива номер телефона.

– В любое время, куколка. В любое время, – мягко говорит он.

– Ловлю на слове, – говорю я, к явному неудовольствию Рэба, который или слышал наш разговор, или просто уловил суть.

Только теперь я замечаю двух других ребят из фильма, Крейг-га и Ронни. Крейг – тощий, нервный, дымит как паровоз, у него модная прическа и светло-каштановые волосы, Ронни – расслабленный парень с тонкими прямыми волосами и идиотской ухмылкой на лице, такой же, какая была у него и в фильме. Кстати, в жизни он толще, чем на экране.

Потом подходит эта скандинавка, Урсула, и Терри нас знакомит. От нее так и веет арктическим холодом, хотя она и старается держаться дружелюбно – на мой взгляд, даже слишком. Урсула не так хороша вживую, как на экране; черты у нее слишком резкие и в то же время какие-то одутловатые – она немного похожа на тролля. Она предлагает принести мне выпить, вечеринка, похоже, только начинается, но я извиняюсь и направляюсь домой. Вполне могло бы произойти что-нибудь интересное, но что-то во взгляде Терри мне подсказывает, что было бы неправильно открывать все карты сразу. Он подождет. Они все подождут. И, кроме того, мне надо закончить эссе.

Я возвращаюсь домой и вижу, что Лорен еще не легла; они болтают с Дианой, которая привезла свои вещи. Лорен, похоже, и вправду обиделась на меня, что я умотала развлекаться и не осталась помочь, или встретить Диану, или что там еще. Да, она жутко на меня злится, что я пошла на этот сеанс порнушки, но я вижу, что она умирает от любопытства, что там и как.

– Привет, Диана! Извини, мне нужно было уйти, – говорю я с порога.

Диана, кажется, не имеет ничего против. Она очень классная и симпатичная. Привлекательная молодая женщина, должно быть, моя ровесница; у нее густые роскошные черные волосы до плеч, подвязанные синей лентой. Глаза полны жизни, взгляд цепкий и пристальный. Лукавые губы и озорная улыбка, которая полностью преобразует ее лицо. Фигурка достаточно ладная, стройная. На ней – синий свитер, синие джинсы и кроссовки.

– Развлекаться ходила? – спрашивает она с местным акцентом.

– Да, в один паб, на сеанс любительской порнушки.

Я вижу, как Лорен краснеет от смущения, и когда она говорит: «Нам вовсе не обязательно это знать, Никки», это звучит как-то жалко, как будто она девочка-школьница, которая стремится казаться взрослой, но ничего у нее не выходит.

– Что-нибудь стоящее? – спрашивает Диана, к вящему ужасу Лорен, совершенно спокойно.

– На самом деле не так уж и плохо. Я ходила туда с приятелем Лорен, – говорю я.

– Никакой он мне не приятель! Он такой же мой, как и твой! – Она говорит слишком громко, и сама это понимает, и следующую фразу произносит уже не с такой горячностью: – Это просто знакомый парень, с нашего курса.

– Это интересно, – говорит Диана. – Я сейчас провожу исследование для своей кандидатской по психологии работников секс-индустрии. Ну, знаете, проститутки, танцовщицы пип-шоу, стриптизерши, секс по телефону, массажистки в маленьких салонах, служба эскорта и все такое.

– Ну и как идет дело?

– Трудно найти людей, которые захотели бы говорить об этом.

Я улыбаюсь:

– Тут я тебе помогу.

– Супер, – отвечает она, и мы договариваемся как-нибудь посидеть-попиздеть о моей работе в сауне, завтра вечером у меня как раз смена. Я иду к себе в комнату, полупьяная, включаю комп и пытаюсь читать свое эссе для МакКлаймонта. Прочитав пару страниц, я натываюсь на фразу, которая вызывает у меня приступ неудержимого смеха: «Нельзя не отметить тот факт, что шотландцы-кочевники обогащали культуру любого общества, с которым вступали в контакт». Редкий идиотизм. Но это все – для МакКлаймонта, пусть порадует. Разумеется, я не стану упоминать об их роли в рабстве, расизме и учреждении ку-клукс-клана. Еще через пару страниц глаза у меня наливаются тяжестью, и меня буквально относит к кровати, и я как бы качаюсь в жарком кочевом фургоне, и вот я уже где-то не здесь...

...он обнимает меня... этот запах... и ее лицо на заднем плане, ее судорожная и страстная улыбка, когда он перегибает меня через барную стойку, как будто я сделана из резины... этот голос, понукающий, возбуждающий... я вижу лица родителей и брата Уилла в толпе и пытаюсь кричать... пожалуйста, прекратите... пожалуйста... но они как будто не видят меня, и меня ощупывают и щекочут...

Это был скомканный и бессвязный похмельный сон, когда просыпаешься совершенно разбитой. Я сажусь на кровати, и кровь стучит у меня в висках, меня тошнит, но потом отпускает. Сердце колотится как сумасшедшее, на лице и под мышками – липкий холодный пот.

Комп я так и не выключила, и когда я берусь за мышшь, электрический импульс выбрасывает на экран макклаймонтовское эссе, как будто бросая мне вызов. Мне нужно его закончить. Диана и Лорен уже ушли. Я наливаю себе растворимый кофе, потом читаю эссе, попутно кое-что правлю, сверяюсь со счетчиком слов, прогоняю через проверку орфографии и кликаю на «Печать». Мне нужно сдать это эссе в универ до полудня; пока принтер печатает мой обязательный минимум в три тысячи слов, я иду в душ и смываю с себя вчерашний проспиртованный пот и тщательно мою волосы, пропахшие табаком.

Потом мажу лицо кремом, слегка подкрашиваюсь, одеваюсь, собираю шмотки для сауны в рюкзак и беру его с собой. Быстро иду через Мэдоуз, не обращая внимания на холодный, промозглый ветер – только когда он заворачивает страницы эссе, которое я пытаюсь читать на ходу. Я только теперь замечаю, что американский корректор орфографии исправил весь текст на американский лад. МакКлаймонта это, я знаю, бесит. Так что всех моих льстивых пассажей на тему великой Шотландии может и не хватить для зачета.

Я сдаю работу на кафедру в 11,47 утра и после кофе с бутербродом иду в библиотеку и сижу там почти до пяти часов, читаю книги по кино. Потом отправляюсь в сауну.

Сауна располагается на грязной, узкой и мрачной улице, по которой поток транспорта въезжает

в город. Запах хмеля из близлежащей пивоварни бередит похмелье – как осадок прошедшей ночи. Все витрины здесь черные от гари от автобусов и грузовиков, и наша «Сауна и Массажный Салон „Мисс Аргентина“ – не исключение. Внутри, однако, все чисто.

– Пыль протирать не забывайте, – всегда говорит нам хозяин, Бобби Ките. Он буквально помешан на чистоте. У нас больше чистящих жидкостей, чем массажных масел. Счета из прачечной за чистые полотенца, должно быть, просто астрономические.

В воздухе постоянно чувствуется привкус какой-то синтетики. Тем не менее смесь запахов мыла, полосканий для рта, лосьонов, масел, тальков и отдушек, которые здесь используют в непомерных количествах, чтобы скрыть затхлый запах спермы и пота, странным образом дополняет зловоние улицы.

Мы должны выглядеть и вести себя, как стюардессы. Исходя из названия сауны, Бобби берет на работу девушек, которые, как он думает, похожи на латиноамериканок. Эта игра называется «профессиональный подход». Мой первый клиент – маленький седенький мужичок по имени Альфред. После основательного массажа с применением ароматерапии и обильным использованием лавандового масла на его плотной шишковатой спине он нервно спрашивает о дополнительных услугах, и я предлагаю ему «специальный массаж».

Я беру его член, стыдливо прикрытый полотенцем, и начинаю медленно его поглаживать. Я знаю свои возможности – дрочу я из рук вон плохо. Меня еще не погнали с работы исключительно потому, что я нравлюсь Бобу. Я думаю о произведениях де Сада, в которых пожилые мужчины учат молоденьких девушек ублажать мужчин руками. Но у меня лично опыт по этому делу скудный: я дрочила только двум своим первым приятелям, Джону и Ричарду, с которыми мы даже не фачились. С тех пор меня клинит: если я дрочу парню, значит, я с ним не трахаюсь, а это как бы урезает мое секс-меню еще до того, как все должным образом началось.

Иногда клиенты жалуются на меня, и Бобби грозитя меня уволить. Но дальше угроз дело не идет. Он регулярно приглашает меня на разные увеселительные мероприятия: вечеринки, походы в казино, большие футбольные матчи, киношные премьеры, бокс, скачки, собачьи бега или просто «выпить» или «чего-нибудь перекусить» в «одном миленьком ресторанчике, который держит его старый друг». Я всегда нахожу отговорки для вежливого отказа.

К счастью, Альфред слишком восторженная натура, чтобы что-то заметить, не говоря уж о том, чтобы обидеться. Любого намека на сексуальный контакт достаточно, чтобы он тут же перевозбудился и выбросил струю спермы практически сразу, и был еще благодарен за это безмерно. Многие девушки, которые делают клиентам минет и дают им по полной, зарабатывают значительно меньше меня, я это доподлинно знаю. Моя приятельница Джейн, которая работает здесь уже очень давно, самоуверенно заявляет, что скоро я тоже буду «делать все». Я бросаю в ответ «ни за что», но иногда случаются дни, когда я чувствую, что она права, что это неизбежно, что это просто вопрос времени.

Когда моя смена заканчивается, я проверяю голосовую почту у себя на мобиле. Лорен говорит, что они пошли выпить, так что я ей перезваниваю, и мы встречаемся с ними в пабе «Коровья застава». С ними – это с Лорен, Дианой и еще Линдой и Корел, двумя девчонками из универа. «Баккарди Бризер» льется рекой, и скоро мы все надираемся. Заведение закрывается, и мы с Дианой и Лорен отправляемся домой.

– Диана, а у тебя есть парень? – интересуюсь я.

– Сейчас нет. Сперва мне надо закончить диссертацию, – важно отвечает она, и Лорен одобрительно кивает, но ее постигает жестокое разочарование, когда Диана добавляет: – Зато потом я буду иметь все, что движется и имеет член, потому что это воздержание меня, блядь, убивает! – Я хихикаю. А Диана смеется, запрокинув голову. – Члены! Большие члены, маленькие члены, толстые, тонкие. Обрезанные, необрезанные! Белые, черные, желтые, красные. Когда я сдам диссертацию, наступит новый этап в моей жизни под девизом ЧЛЕН – УРА – КУКАРЕКУ! – Она складывает ладони рупором и кричит петухом в ночь. Лорен сникает, а я смеюсь. Мне уже нравится жить с этой девушкой.

С утра мне как-то мутно. Сажу на лекциях мрачная и сердитая и огрызаюсь на этого кренделя, Дейва, который неуклюже пытается меня разговорить. Лорен не видно, должно быть, вчера она выпила больше, чем мне показалось. На Джордж-сквер мы встречаемся с Рэбом и еще одним парнем, Крисом, и идем через площадь к библиотеке, профиль Рэба четко очерчен солнцем.

– Я не пойду в библиотеку, мне надо домой, – говорю я ему. Он выглядит немного больным. Даже каким-то заброшенным и несчастным.

– Ладно, – говорит.

– Хочу малость пыхнуть. Не хочешь составить компанию? – предлагаю. Диана говорила, что ее весь день не будет дома, и я очень надеюсь, что Лорен тоже нет.

– Ну, можно, – говорит он. Рэб, по-моему, всегда не прочь покурить травки.

Мы заходим в квартиру, и я ставлю компакт Мэйси Грэй. Рэб включает телик, но без звука. Кажется, что ему нужно как можно больше зацепок. Поводов для отвлечения внимания. Сегодня вечером в пабе «Грассмаркет» будет тусняк по случаю дня рождения Криса. Рэб, насколько я поняла, не очень любит выпивать с другими студентами. Он достаточно общителен и приветлив с ними, но я бы сказала, что считает их мудаками. И я с ним согласна. И если я и собираюсь залезть ему в штаны, то исключительно потому, что мне интересен его внутренний мир. Через штаны – в душу. Я знаю, что он повидал в жизни немало, просто он не из тех, кто любит рассказывать о себе. Меня увлекает мысль, что есть такой человек, о котором я знаю ничтожно мало. Люди наподобие Джюса Терри открывают перед тобой совершенно иной, странный и незнакомый мир.

– Все собираются в баре сразу после студии? – спрашиваю я. Студией мы называем в шутку наши семинары по кино, первый этап на пути к настоящим съемкам. Факультативный предмет. Но я не хочу, чтобы Рэб об этом задумывался.

– Ага, Дэйв сказал, после студии, – говорит он, глубоко затягиваясь и задерживая дым в легких на неправдоподобно долгое время.

– Я тогда переоденусь, – говорю я, иду в спальню и снимаю джинсы. Смотрю на себя в зеркало и решаю пойти на кухню. Потом возвращаюсь в гостиную и встаю сзади Рэба. Волосы у него на макушке торчат в разные стороны, по крайней мере – некоторые пряди. Это меня раздражало весь день. После того как у нас будет секс, и я заслужу право на такую интимность, я их намочу и приглажу. Я сажусь рядом с ним на кушетку, одетая только в футболку без рукавов и белые трусики. Рэб смотрит телевизор. Крикет с отключенным звуком.

– Я только сперва затынусь, – говорю я ему, откидывая волосы назад.

Рэб по-прежнему смотрит в экран, на этот уродский беззвучный крикет.

– Этот твой приятель, Терри, он просто монстр. – Я смеюсь, но смех получается каким-то натужным.

Рэб пожимает плечами. Такое впечатление, что он пожимает плечами всегда. Такой способ отгородиться от мира. И от чего он сейчас отгораживается, интересно? От беспокойства? Неловкости? Вот он протягивает мне косяк, стараясь не смотреть на мои голые ноги, на мои белые трусы из хлопка, и у него, кажется, получается. Замечательно получается, заебись как: такой весь, блядь, из себя холодный и сдержанный. И ведь не голубой, у него есть девчонка, и при этом он меня полностью игнорирует...

Я сама слышу, что у меня в голосе появляются нотки безнадеги.

– Ты думаешь, нам только одно интересно... в смысле, таким, как я или Терри? Что мы только и ищем, кого бы трахнуть? Думаешь, я пошла туда, чтобы тоже в порнушке заснять? Знаешь, а ведь ничего не было, ну, во всяком случае, в этот раз, – хихикаю я.

– Не... то ишь, как хошь, – говорит Рэб. – Я ж те говорил, че он дел'ит. Я ж говорил, што он и тебя втянет. Это от тя зависит, будишь ты с ними общацца и че ты там будишь делать.

– Но ты, как и Лорен, этого не одобряешь. Она вообще меня избегает, – говорю я, затягиваясь еще раз.

– Я знаю Терри. Мы с ним давно кореша. Я знаю, какой он, да, но если б я не одобрял, я бы тебя с ним не свел, – говорит Рэб с таким выражением, как будто он большой взрослый дядя, а я просто девочка, маленькая и глупая. Впрочем, я себя именно так и чувствую – маленькой глупой девочкой.

– Но это же просто прикол, так... ради смеха. Я никогда бы с ним не связалась, – говорю я, но это звучит как-то глупо и неубедительно.

– Ты сама... – начинает он, но умолкает на полуслове и поворачивается ко мне. – Я имею в виду, ты сама выбираешь, с кем тебе трахаться.

Глядя ему прямо в глаза, я кладу косяк в пепельницу.

– Но не всегда получается, – говорю я ему.

Но Рэб уже отвернулся и снова впялился в телик. Блядский тупой крикет. Предполагается, что шотландцы ненавидят крикет, я всегда считала, что это – одно из немногих их достоинств.

Но от меня так просто не отделаешься.

– Я сказала, что у меня не всегда получается.

– Ты о чем? – говорит он, и теперь его голос слегка дрожит. Я прижимаюсь коленом к его коле-

ну.

– Я сижу тут в одних трусиках и хочу, чтобы ты их с меня снял и заправил мне, как положено.

Я чувствую, как он напрягается от моего прикосновения. Он смотрит на меня, потом неожиданным грубым движением прижимает меня к себе и целует, но неловко, грубо и яростно, весь – только злость и ни грамма страсти, но это быстро проходит, и он отстраняется.

Я смотрю в окно. Вижу каких-то людей в квартире напротив. Конечно же. Я встаю и задерживаю шторы.

– Это ты из-за штор напрягаешься?

– Не из-за штор, – огрызается он. – У меня есть девушка. Она беременная, у нас будет ребенок. – Он умолкает на пару секунд, а потом добавляет: – Для тебя это может ниче не значить, но для меня это важно.

Я чувствую укол злости, хочется сказать: да, ты прав, ебаная кочерыжка. Для меня это и вправду «ниче» не значит. Вообще ничего.

– Я хочу просто с тобой потрахаться. Я не хочу за тебя замуж. А если тебе больше нравится смотреть крикет – на здоровье.

Рэб ничего не говорит, но его лицо напряжено, и глаза блестят. Я встаю. Как ни странно, но мне действительно больно. Обидно и больно.

– Это не потому, что ты мне не нравишься, Никки, – говорит он. – Иначе я был бы последний кретин. Это просто...

– Я пойду переоденусь, – обрываю я его и направляюсь в спальню. Слышу, как открывается входная дверь; это, должно быть, Лорен.

9. Афера № 18736

Я иду забирать из-под двери утреннюю почту. В коридоре воняет кошачьей мочой, но хорошие новости меня взбадривают. Официальное уведомление! Я узаконен. Легализован. Етить-колотить. После стольких лет Саймон Дэвид Уильямсон – местный предприниматель милостью Эдинбургского городского совета – возвращается в Лейт, к своим корням. Я всегда говорил, что Лейт – это место, где можно жить, и у СДУ есть все шансы сыграть заметную роль в возрождении портовой зоны.

Мне уже видится статья в «Вечерних новостях»: Уильямсон, представитель нового динамичного поколения молодых эдинбургских предпринимателей, дает интервью специальному корреспонденту «Новостей» Джону Гибсону, своему земляку из Лейта.

ДГ: Саймон, что такого есть в Лейте, что заставляет таких людей, как ты или Теренс Конран – насколько я знаю, вы оба добились немалых успехов в Лондоне, – вкладывать деньги в его развитие?

СДУ: Ну, Джон, это довольно забавно, но буквально на днях мы говорили об этом с Терри на одном благотворительном обеде, и мы оба пришли к одному и тому же выводу: Лейт сейчас на подъеме, и мы, как говорится, хотим поучаствовать. Для меня, местного уроженца, это особенно актуально. Моя цель – сохранить «Порт радости» в качестве традиционного паба, но быть готовым поднять его до уровня ресторана, когда район пойдет в гору, или, если сказать по-научному, вступит в фазу экономического роста. Конечно, это произойдет не за один день, но то, что я делаю, представляется мне как акт веры в Лейт. Я не преувеличиваю, говоря: я люблю старый порт. Мне нравится думать, что Лейт был добрым ко мне, и я был добрым к нему.

ДГ: Так что для Лейта это дорога вперед?

СДУ: Джон, Лейт слишком долго пробыл старой чопорной дамой. Да, мы ее любим, потому что она к нам добра и любит нас по-матерински; теплая мягкая грудь, к которой так хорошо припасть холодными темными зимними вечерами. Но я хочу открыть ее заново как горячую, сексуальную, молодую сучку и продавать эту грязную крошку-шлюшку по максимальной цене. Если коротко: бизнес. Я хочу, чтобы Лейт занимался бизнесом. Я хочу, чтобы люди, когда они слышат слово «Лейт», думали «бизнес». Порт Лейт, Порт Бизнес.

Я внимательно разглядываю письмо от Тома Мэйсона, председателя лицензионной комиссии при городском совете:

Город Эдинбург

Лицензионная комиссия

17 января

Уважаемый г-н Уильямсон!

Счастлив вам сообщить, что ваша заявка на лицензию на продажу алкогольных напитков в помещении в доме № 56 на Мюррей-стрит, Эдинбург, EH6 7ED, известном как паб «Порт радости», удовлетворена. Лицензия вступает в действие сразу же по принятии сроков и условий, изложенных в прилагаемом контракте.

Пожалуйста, подпишите обе копии контракта и верните их нам к понедельнику, 8 октября.

Искренне ваши Т.В. Мэйсон, председатель Лицензионной комиссии.

Нам с Томом обязательно надо встретиться в ближайшее время, может быть, сыграть партию в гольф в «Глениглз», и с Шоном – тоже, когда он приедет в город в следующий раз. Мы можем собраться, скажем, девятнадцатого, хорошо посидеть, выпить-закусить, и я поделюсь с Томом моими планами насчет второго кафе-бара, дальше по Бульвару. Может быть, мне удастся уговорить Шона тоже вложиться в дело, в благородное дело – вытащить город из болота заурядности, в которое он был погружен целые десятилетия.

Да, Саймон, тут можно вложиться, согласен. Но прежде нам надо избавиться от всей этой голытьбы, что сейчас ошивается в пабе.

Точно, Шон. Этим людям не место в новом Лейте.

10. Групповая терапия

Это как будто, когда ента цыпочка Эврил объясняет нам, что у нас не так, и я думаю, вот блин, на фиг, хибсы⁴ опять проиграли, да еще этот дождь. В общем, хреново мне, мутно. Я бы щас с удовольствием посмотрел бы на кошечек в изумрудно-зеленом, ну, которые делают дело. Но это лишь отговорка, ладно, мож, это и вправду из-за дождя, потому что в дождь мне всегда как-то грустно. Когда я был помоложе, мне помогала музыка, но щас этот номер уже не пройдет, продал я почти весь винил, вот так-то, брат, отташил в комиссионку, ну, где пластинки старые принимают, «Виниловые злодеи», ну, на Бульваре, ты знаешь, а денежки все на герыча грохнулись, это ж надо достать, сварить, вмазаться, понимаешь. Даже Заппы и то больше нету, брат, Фрэнка Заппы, ну, нету Заппы, мой котик. Я честно пытаюсь держаться, да, в смысле ширнуться, но вокруг столько крэка и спида, прямо иди и бери, и когда тебе плохо, то есть по-настоящему плохо, хочется хоть чуток герыча, ну, чтобы взбодриться, да.

Милашка Эврил здесь, в группе, считает, что каждому из нас надо составить такой вроде как жизненный план, чтобы не было скучно, чтобы внести в нашу вялую жизнь хоть какой-то порядок и цель. По правде сказать, я согласен. В жизни должна быть цель, да.

– Я хочу, чтобы к следующей нашей встрече вы подумали, что каждый из вас может конкретно сделать, – говорит она, постукивая ручкой по жемчужно-белым передним зубам.

Ох, брат, ох уж эти поганые мысли у меня в голове, но я не должен так думать об Эви, ну, она потому что хорошая девчушка типа.

Хорошо бы подумать о чем-то жизнерадостном, потому что все мысли, что лезут в голову, ну, чисто темные, прям-таки черные мысли, да. Дело в том, о чем я все больше и больше думаю, эта... ну, уехать из этого города на фиг, на поиски лучшей жизни, как та кошечка Вик Годар грила о Джонни Сандерсе. Это щас у меня как наваждение, брат, тоска такая – хоть вой. Это впервые случилось, когда я был в каталажке, читал одну книжку. Я никогда не любил всей этой зауми, да, но я читал книжку «Преступление и наказание» этого русского старикана, как бишь его, ну да ладно.

Я, брат, въехал в нее не сразу. У всех этих русских, у них по два имени, так что сперва было ну ни фига непонятно. А у нас, как ввели подушный налог, так у многих вообще никаких имен нету, официально по крайней мере, так что в общем даже как бы и равновесие получается.

Вот я, значит, сидел-читал, и иногда меня так пронимало – жуть. Такое дело... книжка эта, она заставляла думать. Ну, об аферах. Я думал, что бы мне повернуть такого, что сразу решит все проблемы, ну и вообще чем заняться, когда меня выпустят. Жизнь – штука такая, чтобы выжить, надо пройти естественный отбор, а я для этого не гожусь, да. Типы вроде меня вымирают. Как саблезубые тигры. Не смогли приспособиться, ну и вымерли. Однако, самый-то смех, я так и не въехал, как они ткнулись, енти самые тигры, когда менее крупные кошки спокойно так выжили и ныне

⁴ «Дебретт» – ежегодный справочник дворянства. Издается с 1802 года. – Примеч. пер.

здравствуют. Я имею в виду в борьбе один на один и все такое – я по-любому поставил бы на саблезубого тигра в поединке с любым другим представителем семейства кошачьих, даже с просто обычным тигром. Ответ присылать на почтовой открытке, брат, писать строго на пунктирной линии.

Дело такое: когда становишься старше, но так и не можешь найти себя в жизни, это уже начинает тебя доставать. Было время, когда я им всем говорил: учителям, начальникам, парням из налоговой, судьям, – когда они говорили мне, что я дебил недоразвитый, так вот, я им грил: «Успокойся, старик, просто я – это я, я не такой, как ты, понимаешь?» Теперь же я допускаю, что они, может быть, кое-что понимали такого, во что я не врубался. Чем старше становишься, тем больше удары. Это как с молодым Майком Тайсоном в боксе, сечешь? Каждый раз, когда ты уже приготовился дать сдачи, ты снова промахиваешься. Пусть чуток, но промахиваешься. И в итоге выходит, что ты опять проебал бой. Да, просто я не приспособлен для современной жизни, и в этом-то все, брат, и дело. Иногда все идет гладко, а потом я вдруг впадаю, чисто, в панику, ни с того ни с сего, и все становицца, как раньше. И че мне делать?

У каждого свои грехи, брат. Мой грех – наркота. Но это неправильно, как бы, когда человек столько раз расплачиваецца за один грех. И эти занятия в группе... я не думаю, правда, что они идут мне на пользу. Я имею в виду каждый раз, када я говорю с этими чуваками, я как-то не чувствую, что наркота меня отпускает. Это ваще никогда не проходит. Можно это, ну, проанализировать и рассмотреть со всех сторон, но как только я выхожу из комнаты, я думаю: как бы ширнутца. Однажды после занятия я вышел и побрел сквозь туман, и прежде чем я ваще понял, где я и че происходит, я уже стоял перед дверью своего дилера. Меня как будто встряхнули обратно в сознание, и вот он я – просто стучусь в эту синюю дверь. Я полным ходом припустил оттуда, не дожидаясь, пока мне откроют.

Но я все равно буду ходить на занятия. Это просто, ну, как бы... хорошо, када есть человек, который готов тебя выслушать. А эта Эврил, ну, она милая. И она не сидит на коксе или на чем еще. Я так и не понял, то ли она сама через это прошла, то ли это просто такие ученые штучки. Не то чтоб я против учености, потому что, будь у меня образование, я, может быть, и не вяпался бы в это дерьмо, в котором сейчас по уши. Но у каждого в жизни есть или будет что-то очень плохое; это как хроническая болезнь, от которой не вылечицца. Ни за какие коврижки, брат.

Народ здесь разный, от грубо враждебных до слишком тихих и скромных, чтобы ваще рот открыть. Одна девчонка, ее зовут Джуди – она какая-то странная. Чисто сидит-молчит, но уж если заговорит, ее уже не остановишь. И это все, ну, чисто личное, и все такое, я о таких вещах в жизни не стал бы говорить вслух.

Вот как щас, например. Меня ваще смутить трудно, но хочетца просто закрыть руками лицо, как это делает мой пацаненок, когда ему стыдно.

– А я была девушкой, и после того как мы позанимались любовью, он вколол мне дозу героина для пущего кайфа. Это был мой первый раз... – говорила цыпочка Джуди, вся такая серьезная.

– По-моему, он полный мудака, – вступает Джой Парк. Крошка Парки, мой лучший приятель из всех, кто здесь есть, но тот еще крендель. Без тормозов совершенно, отморозок похуже меня. Пока он держится, все хорошо, но он не может позволить себе даже маленького отступления, которые все мы тут делаем время от времени. Я имею в виду один стаканчик вина, со своей девушкой, за накрытым для двоих столом с зажженными свечами, фактически один глоточек вина – и две недели спустя он уже обретаецца в каком-нить кокаиновом притоне, весь чисто загашенный.

Однако Джуди и вправду расстроилась из-за его слов.

– Ты не знаешь его! Ты не знаешь, какой он хороший! И не говори о нем плохо!

Джуди – она сама по себе симпатявая, и все такое, но наркота явно подпортила ее внешность. Мы берем порошок, чтобы по-ведьмовски сглазить тебя, куколка. Прости.

Эврил, цыпочка, ведущая занятия – совсем другая. Она такая вся тоненькая, с блестящими, почти белыми, коротко подстриженными волосами и глубоким, но не колючим взглядом, как бы напитанным силой, но спокойным, если понятно, о чем я. И Эви не любит, когда говорят на повышенных тонах. Любой конфликт, говорит она, всегда можно разрешить позитивно. И это правильно, и все такое, если об этом задуматься, но, наверное, не для всех. Я имею в виду, нельзя заставить таких парней, как Френк Бегби, или Нелли Хантер, или Алек Дойл, или Лексо Сеттерингтон, или еще кое-кто из ребят, которых я встречал в тюрьме, ну, Чиззи Зверя, или Окорока, или Крэкнута Крэйги, просто сказать: «Эй, брат, давай-ка не будем сейчас заводится, давай разрешим этот конфликт позитивно». Не сработает, брат, не сработает. Никаких обид на этих ребят, но у них, ну, свои методы. Но Эйв и вправду сечет в этом деле, ну, в смысле, уладить все между Джоем и Джуди.

– Я думаю, нам сейчас стоит прерваться, – говорит она. – А что остальные думают по этому поводу?

Джуди грустно кивает, а крошка Джой Парк пожимает плечами. Одна прожженная кокаи-нистка, ее зовут Моника, не говорит ничего, просто сосет свои волосы и кусает палец. Я улыбаюсь Эйв и говорю:

– Вот это по мне. Хороший повод для кофе, ну, и сигаретки. Инъекция кофеина, брат, о-бя-затель-на, или как?

Эйв улыбается в ответ, и у меня что-то дрожит в груди, потому что это классно, когда девушка тебе улыбается. Но это блаженное ощущение длится недолго, потому что я вдруг вспоминаю о том, как много времени прошло с тех пор, как моя Алисон улыбалась мне так.

11. «...уродина...»

– Да ты просто ходячий кошмар, – издеваюсь я над своим отражением в зеркале. Я смотрю на свое голое тело, а потом – на фотомодель в журнале, держа его так, чтобы можно было в уме сопоставить ее и мои размеры, сравнить формы и изгибы. Моя фигура далеко не так совершенна, как ее. Грудь у меня слишком маленькая. Мои фотографии никогда не напечатают в журнале, потому что я явнее – не журнальный материал. Я на нее не похожа.

Я, БЛЯДЬ, НИ РАЗУ НА НЕЕ НЕ ПОХОЖА.

Самое ужасное, что мне может сказать мужчина, – что у меня красивое тело. Потому что я не хочу, чтобы у меня было красивое, хорошее или прекрасное тело. Я хочу, чтобы у меня было тело, подходящее для того, чтобы мои фотографии печатали в журналах, и если бы у меня было такое тело, то мои фотографии бы печатали, а их не печатают, потому что то тело, которое у меня есть, для печати не предназначено. Тушь течет по щекам вместе со слезами. Я плачу?! Да, плачу. А почему? Потому что мою фотографию никогда не напечатают в журнале.

НИКОГДА НЕ НАПЕЧАТАЮТ.

А они все, как один, говорят мне, что у меня роскошное тело – потому что им хочется со мной фачиться, потому что я их возбуждаю. Но если бы одна из этих журнальных девчонок захотела с ними поебаться, они бы на меня и не посмотрели. Так что вот она я, и я знаю, что делаю, я знаю, что я постоянно борюсь с отрицательными образцами совершенства, льющимися на меня потоком из средств массовой информации. И я знаю: чем больше мужчин оборачивается мне вслед, тем больше мне надо сравнивать себя с этими красотками из журналов.

Я вырываю из журнала страницу и сминаю ее в комок.

По идее я сейчас должна бы быть в библиотеке. И вообще мне надо учиться или работать над своим эссе, вместо того чтобы проводить почти половину всего своего времени в книжном, в отделе дамских журналов, бесстыдно просматривать эту погибель: «Elle», «Cosmo», «New Woman», «Vanity Fair», – и мужские журналы тоже, «GQ», «Loaded», «Maxim», – смотреть на все эти тела до тех пор, пока какое-то одно, только одно, не разбудит во мне полное ненависти отвращение к себе самой, потому что я знаю, что я никогда не буду такой, никогда не буду так выглядеть. Ну да, умом я понимаю, что все эти картинки – умелая композиция, они все созданы немалым трудом, отретушированы и подправлены; одна хорошая фотография – это умелый фотограф и визажист, множество света, направленного в нужную сторону, и метры, и метры отснятой пленки; а все эти модели, актрисы, поп-звезды – настоящие суки-неврастенички вроде меня, которые гадят и ссутся в штаны, и кожа у них – сплошь гнойники, вскрывающиеся из-за стресса, и у них постоянно воняет изо рта, потому что их так часто выворачивает наизнанку, и они полностью без тормозов, если речь о коксе, который они нюхают беспрестанно, потому что уже без него не могут, и менструальная кровь у них черная, застаившаяся, и вообще все у них плохо. Да. Но понимать умом – этого недостаточно, потому что «реальное» больше не значит «настоящее». Реальное знание – оно в эмоциях, оно состоит в чувстве, а реальные чувства порождаются ретушированным изображением, лозунгом и фрагментом мелодии.

Я НЕ НЕУДАЧНИЦА.

Четверть века практически позади, лучшая четверть, лучшее время жизни, а я не сделала ничего, ничего, ничего...

Я, БЛЯДЬ, НЕ НЕУДАЧНИЦА.

Я – Никола Фуллер-Смит, красавица, которую любой мужчина, если он в здравом уме и не законченный импотент, хочет уложить в постель, потому что моя красота очень выгодно дополняет его самые лестные представления о себе.

А я думаю о Рэбе, о его карих глазах с янтарным отливом, и как я хочу его, когда он улыбается, а он меня, на хуй, не хочет, да что он себе вообразил, ему должно быть приятно и лестно, что роскошная девушка моложе его хочет... нет, УРОДИНА, УРОДИНА, УРОДИНА, ЗЛОЕБУЧАЯ МЕРЗКАЯ ШЛЮХА...

Дверь. Я быстро набрасываю халат и возвращаюсь к своему эссе, покинутому на столе в гостиной, когда ключ поворачивается в замке.

Это Лорен.

Маленькая, глупая, изящная и красивая Лорен, которая на ШЕСТЬ ЛЕТ моложе меня, и, под этой дурацкой одеждой и идиотскими очками, она – пиздатая маленькая богиня из свежей плоти, а она этого даже не понимает, так же как и большинство мужиков – таких же слепых и тупых, – что ее окружают.

Эти шесть лет. Чего бы только не отдала старая уродина Николая Фуллер-Смит за пусть даже один или два из этих шести лет, которые эта глупенькая маленькая Лорен. Заебись просто потратит впустую, даже не понимая, что у нее есть такое богатство.

ВО-О-ОЗРАСТ, держись от меня подальше.

– Привет, Никки, – говорит она оживленно. – Я нашла классный текст в библиотеке, и... – Тут она видит меня. – Что с тобой?

– Никак не могу включиться в это блядское эссе для МакКлаймонта, – говорю я. Она видит, что моя книга и бумаги лежат точно так же, как они лежали на прошлой неделе или даже на позавчерашней. И еще она видит журналы на столе.

– Сегодня нашла новый сайт о кино, классный такой, суперские обзоры, аналитические, но без претенциозности, если ты понимаешь, о чем я... – бормочет она, хотя знает, что мне неинтересно.

– Диану видела? – спрашиваю. Лорен подозрительно смотрит на меня.

– В последний раз я ее видела в библиотеке, она работала над диссертацией. Она вся сосредоточена на учебе, – говорит она с искренним восхищением, едва ли не мурлычет. В общем, теперь у нее есть новая старшая сестренка, и я живу вместе с двумя помешанными на учебе трудоголичками. Лорен начинает что-то-то говорить, потом сбивается, но все равно продолжает: – Так в чем проблема с этим макклаймонтским эссе? Ты ведь обычно их щелкаешь как орешки?

И я ей рассказываю, в чем проблема.

– Основная проблема не в понимании или интеллекте. Она – в приложении этого самого интеллекта: я занимаюсь херней, которой мне вовсе не хочется заниматься. Единственный выход для меня – это попасть на обложки журналов, – говорю я ей, шваркая «ЕНе» о кофейный столик, так что табак с папиросной бумагой летит на пол. – А этого в жизни не произойдет, если я буду тратить свое драгоценное время на эссе о шотландской иммиграции в семнадцатом веке.

– Но это же поражение, – невнятно произносит Лорен. – Просто представь, что ты на журнальной обложке...

Она говорит это таким безразличным, небрежным тоном, а я только и думаю, что: ну когда же, когда, когда?

– Ты думаешь, это возможно?

Но она не отвечает, не говорит того, что мне нужно услышать. Вместо этого она начинает нести какую-то пургу, которая не дает мне ничего, кроме боли, страданий и тоски, потому что она заставляет меня выслушивать ту правду, которой нам нужно любой ценой избегать – просто чтобы выжить в этом мире.

–...все хорошо, только это ненадолго, уже на следующей неделе тебя заменят какой-нибудь штучкой, которая помоложе и посвежее. И как ты себя будешь чувствовать?

Я смотрю на нее, и меня пробирает озноб, и мне хочется закричать:

МЕНЯ НЕТ В ЖУРНАЛАХ. МЕНЯ НЕТУ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ. НЕТ И НЕ БУДЕТ, ДО ТЕХ ПОР, ПОКА Я НЕ СТАНУ КАКОЙ-НИБУДЬ ЖИРНОЙ БЛЯДЬЮ-НЕУДАЧНИЦЕЙ, КОТОРУЮ УНИЖАЕТ КАКОЙ-НИБУДЬ ЖИРНЫЙ НЕУДАЧНИК-МУЖ НА ТЕЛЕЭКРАНЕ РЕАЛЬНОСТИ, ЧТОБЫ ТАКИЕ ЖЕ ЖИРНЫЕ НЕУДАЧНИЦЫ, КАК Я САМА, МОГЛИ РАЗВЛЕКАТЬСЯ, ГЛАЗЯ НА ЭТО. ЭТО И ЕСТЬ ВАШ «ФЕМИНИЗМ»? ДА? ПОТОМУ ЧТО ЭТО – МОЙ ЛУЧШИЙ СЦЕНАРИЙ, НА БОЛЬШЕЕ МНЕ РАССЧИТЫВАТЬ И НЕ ПРИХОДИТСЯ, МНЕ И МНОГИМ ДРУГИМ, ЕСЛИ ТОЛЬКО МЫ ЭТОГО НЕ ИЗМЕНИМ.

Но вместо этого я говорю ей вот что:

– Замечательно я себя буду чувствовать, потому что по крайней мере я там была, на обложке. По крайней мере я чего-то достигла. Добилась, чего хотела. Вот о чем речь. Я хочу быть наверху. Хочу жить, петь и плясать. Я, понимаешь?! Я хочу, чтобы все видели, что я есть. Что есть на свете такая Никола Фуллер-Смит.

Лорен смотрит на меня в сильной тревоге, как мать – на ребенка, который вдруг заявляет, что ему что-то не хочется идти в школу.

– Но ты же есть...

Но меня уже несет. То, что я говорю, – это бред, но бред из тех, в которых всегда есть доля правды.

– А после любительской порнушки я хочу сняться в настоящем, профессиональном порно, а потом я хочу стать продюсером или режиссером. Чтобы самой всеми командовать, понимаешь? Я. Женщина. Сама по себе. И вот что я тебе скажу: порнография – это единственное, где я смогу чего-то добиться своими силами.

– Ерунда. – Лорен трясет головой.

– Ничего не ерунда, – говорю я. Что она знает о порнографии? Она ни единого фильма не посмотрела, никогда не изучала специфику порновидео, никогда не работала в сфере секс-услуг, даже ни разу не заходила на порносайт. – Ты не понимаешь.

Лорен подбирает с пола бумагу и табак и кладет их обратно на стол.

– Это не твои слова. Наверное, этого... как его... ну, приятеля Рэба, – дуется она.

– Не глупи. И если ты имеешь в виду Терри, то мы с ним пока и не трахались, – говорю я, и мне неприятно в этом признаваться.

– Пока – ключевое слово.

– Да вряд ли у нас что-то будет. Он мне даже не нравится, – огрызаюсь я. Я слишком много говорю. Лорен знает обо мне все, а я о ней – ничего. У нее есть свои секреты, и я надеюсь, ради ее же блага, что это что-то действительно интересное. Она скорбно глядит на меня:

– Я никак не пойму, почему ты так плохо к себе относишься, Никки. Ты самая красивая девушка... женщина из всех, кого я знаю.

– Ха, скажи это тому парню, перед которым я только что выставила себя полной дурой, – фыркаю я, но после слов Лорен мне действительно становится легче. Уж такая я женщина – падкая на лесть. С виду я этого не показываю, но губы непроизвольно растягиваются в улыбке, а в животе возникает какое-то напряжение, которое распространяется до самых кончиков пальцев на руках и ногах. Ничего не могу с собой сделать.

– Какому парню? – Лорен чуть ли не пищит, волнуется, трогает оправу своих очков.

– Да так, просто парень, ну, ты знаешь, как это бывает, – улыбаюсь я, хотя знаю, что она не имеет ни малейшего представления о том, как это бывает, и она вроде как хочет сказать что-то еще, но тут из прихожей доносится скрип ключа в замке. Это вернулась Диана.

12. Цари и ханы

Группа стала как суп, брат. Теперь это, типа, ну, основная пища социального плана, которую получает малец Мерфи. Когда мы с Али лежим в постели, и она всякий раз отдергивается, когда я к ней прикасаюсь, – это погано, брат, чисто погано. Я так прикинул, она просто берет свое, мстит за все те разы, когда я лежал рядом, слишком обдолбанный для занятий любовью, просто смотрел в потолок или сворачивался, как зародыш, в ужасе перед наступающей ломкой, и вся постель пропитывалась моим потом. Теперь обычно я лежу в кровати, как доска для серфинга; голова гудит от мыслей, сам весь на нервах, и я никак не могу уснуть, пока она не поведет малыша в школу.

В последнее время живу как бы разными жизнями, брат. Когда это все началось? На пьянке у

Мони? Забавно выходит: всегда начинается с маленького расслабона, потом переходит в недельный запой, а потом вдруг понимаешь, что твоя жизнь – вроде как и не твоя, то есть живешь типа в том же пространстве, но в параллельной вселенной, вот так-то. Так что эти занятия мне подходят, стараюсь ради Али и малыша, понимаешь?

После кофе Эврил опять собирает нас вместе. На самом деле мне не особенно нравится эта комната. Это здание старой школы, и тут такие неудобные стулья: красные пластиковые сиденья и черные рамы. Надо как следует поднапрячься, чтобы усидеть на таком, а если тебя всего крутит от наркоты или ты себя чувствуешь не фонтан... вообще сидеть невозможно на этой конструкции. Эйв стоит у большой классной доски, укрепленной на трех алюминиевых ножках, и пишет синим «волшебным» маркером:

МЕЧТЫ

Потом она говорит, что мечты – это важно, только мы как-то слишком уж быстро от них отказываемся. Ну, перестаем мечтать. А ведь верно, если подумать. Но тот прикол про астронавтов; ну, те первые пилы на Марсе, о которых мы столько в свое время переговорили с моим старым дружкой Рентсом, в том смысле, что здорово, если бы это были мы, только на самом деле все это было так... несерьезно. Открытый космос, конечно, да, но на земле все-таки проще: не надо столько готовиться.

Старина Ренте. Тот еще крендель был. Строил меня, как хотел.

Эврил говорит, что не надо отказываться от своей мечты, что мы должны потакать своим фантазиям. Джой Парк выдает что-то вроде:

– Нас же посадят, если мы будем того... ну, фантазиям своим потакать. В рот парход! – Он оборачивается ко мне. – Эй, Урод, слышь чего, ты своим-то фантазиям потакай! – Я смеюсь, а Мони-ка, та самая девчонка, которая кусает себе пальцы, вгрызается в них еще яростнее.

А потом Эйв спрашивает у всех в группе, чем бы мы хотели заниматься, ну, в идеале: если бы мы могли делать абсолютно все что угодно. А я, дело такое, был малость ширнутый. Обычно я так на занятия не хожу, просто в последнее время у меня совсем уже сильный стресс приключился, и мне, чисто, надо было слегка расслабиться. Без всякого уважения к продукту я смешал его с коксом, но на занятия все же пришел, чтобы никто потом не говорил, что меня не было на занятиях, что-то типа, ну, ради группы. Однако теперь все молчат, так что я, ну, вношу свою лепту и говорю, что хотел бы сделаться агентом.

– Как агенты у футболистов? Они хорошо зарабатывают, – говорит Эйв.

Джой Парк мотает головой.

– Паразиты. Им только деньги нужны, а на игру им плевать.

– Нет-нет-нет, – объясняю я. – Я насчет этих блондинистых штук, которых показывают по ящику, ну, вроде Ульри-ки Джонсон, Зои Болл, Дениз Ван Оутен, Гейл Портер и все такое. Я бы заделался к ним агентом. – Потом я добавляю, немного подумав: – Но мне это не светит. Я знаю парней, которые займут эту нишу. Псих и компания. Псих – это мой старый приятель, да. Уж он-то задаст этим кошечкам работу, будь здоров.

Псих. Тот еще крендель.

Эйв слушает вроде внимательно, но не сказать, чтобы она была так уж впечатлена. Джой высказывается в том смысле, что хочет быть наркоцарем. После чего кое-кто из собравшихся начинает гнобить эту работу и парней, которые занимаются этим делом, а по мне, так это неправильно.

И я встаю на его защиту.

– Не, брат, я думаю, эта идея – супер, а то в последнее время травы нормальной не купишь, качество – никакое. Пора бы правительству что-то уже с этим делать, вместо того чтобы сажать народ за решетку. То есть по моему скромному мнению.

Паренек по имени Алфи ухмыляется по-идиотски и отворачивается. Парки смеется, качая головой. Он говорит:

– Нет, Урод, ты не с того краюходишь. Этот парень хотел оградить тебя от наркоты. Ну, чтобы ты не потреблял.

Это заставляет меня задуматься, и мне даже жалко этого чудака, что у него вся работа на фиг прекратилась. Я имею в виду, что на собственном опыте знаю, как трудно заставить наркота не принимать наркоту, себя самого трудно заставить, не говоря уже о других. Неблагодарное у него занятие, у бедняги. Я только не понимаю, почему эту работу поручили какому-то русскому парню, что, в

Шотландии мало народу, кто мог бы этим заняться?

А они все продолжают этот разговор. Что в этой группе полезного, так это то, что мы больше времени проводим за разговорами о наркотиках, чем под их воздействием. Иногда, когда ты на чистяке, от подобных бесед очень хочется вмазаться, вроде как они напоминают тебе о кайфе, когда ты об этом и не думаешь, понятно? Но этот русский наркоцарь снова напомнил мне про ту книжку Достоевского, ну, которую читал в тюрьме. «Преступление и наказание». В тюрьме всегда есть один экземпляр, который ходит по рукам, но раньше меня это не волновало, ну, я никогда не был большим любителем почитать. Однако эта книжечка мне понравилась и заставила задуматься о страховке. Про страховку – отдельная тема. Сидел я себе как-то дома, крэк мутил, никого не трогал, и тут заявляется страховой агент, страховки, стало быть, продает. Ну я того... послал его куда подальше. А книжку прочел и задумался.

Так вот, про книжку. Там один крендель мочит бабульку-процентщицу, которую все ненавидят. И я, значит, подумал: вот я сам пойду кинусь, это будет, чисто, самоубийство, и никто по страховке не выплатит. Но что, если меня убьет, ну, то есть зверски убьет кто-то другой? Ага, надо оформить страховку; для Али и мальчика. Это выход из положения. Я ведь хроник, брат, то есть все уже – абзац, так что стоит подумать о близких. Ну, чтобы хоть что-то оставить. Я люблю их до смерти, но давай смотреть правде в глаза, брат, я – сплошная обуза. Не могу зарабатывать деньги, не могу завязать с наркотой. Только и делаю, что приношу горе в дом. Я медленно убиваю свою жену, брат, скоро она сама снова начнет колотиться, а потом малыша Энди у нас заберут. Нет, я этого не допущу. Так что страховка нужна, брат. Оформить страховку и тихо убраться. Оставить кое-какие деньжата, чтобы уж быть уверенным, что Али-киска и котенок Энди обеспечены. Это как в том толк-шоу, «Семейное счастье», где у народа спрашивают, что они выберут: страховку на двадцать тысяч фунтов или задолбанного бедного неумеху, наркомана к тому же, с сильной, уже хронической зависимостью, от которой так просто не избавишься. Небольшой выбор для человека в здравом уме, брат. Так что пора что-то делать, но надо все сделать правильно.

Вчера со мной приключилось кошмарное потрясение, я искал дома сумочку Али, вдруг там деньги какие есть, и случайно наткнулся на ее дневник. Ну, я просто не мог иначе, брат, не мог туда не заглянуть. В смысле, я знаю, что это неправильно и все такое, ужасно неправильно, но мы же с ней не разговариваем, и мне надо было узнать, что у нее там на уме. Лучше бы я этого не читал. Меньше знаешь, брат, лучше спишь. Что меня зацепило, так это то, как она это писала: она как будто обращалась к малышу Энди.

Я не знаю, где он, твой папа. Он снова нас обманул, мой хороший, и снова именно я должна быть сильной. Твой папа может пускаться в загулы, а я не могу. Просто потому, что кто-то должен быть сильным. А у меня это получается чуть лучше, чем у твоего слабого глупого папки. Хотелось бы мне, чтобы он действительно был ублюдком, потому что так было бы проще. Но он – лучший мужчина из всех, и не позволяй никому говорить что-то другое. Да, он самый лучший, но от этого только труднее. Я не могу быть его мамочкой и твоей мамочкой одновременно. Не могу, потому что я не такая уж сильная. Если бы я была сильной, по-настоящему сильной, я бы, наверное, так и сделала, даже если бы знала, что он держит меня за дуру. Но я, повторю, не такая уж сильная, и мне надо заботиться в первую очередь о тебе. Просто потому что ты такой маленький.

Меня это так задело, брат. Прочел раз, другой и, надо сказать, даже слегка прослезился, да не за себя, а за киску, которая это написала. Вся эта любовь, направленная не туда. Я имею в виду, когда я был моложе, я был просто помешан, помешан, помешан на этой девушке, но я думал, что все безнадежно, что мне до нее не дотянуться. Цыпочка из престижного района в предместье не будет якшаться с игроком Восточной Шотландской Лиги. Но герыч, он всех уравнивает, да и нравились мы друг другу с самого начала. И вот однажды, когда мы с ней вместе ушли домой после очередного ширялова у кого-то на хате, это все и случилось. И вот мы вместе уже восемь лет, и я вижу, что они сделали с ней, эти годы, которые она провела со мной. Надо ее отпустить, просто отпустить и все, и оставить ей денег, дать ей хорошее выходное пособие.

Вот что мне надо сделать, брат.

Так что после занятия я иду по Бульвару и пытаюсь придумать, как все устроить, и тут начинаются знакомые судороги, и меня прошибает пот, и я чувствую, что теряю контроль над собой. Стараюсь как-то подбодрить себя, думаю о блондинках и книжках и тарашусь на интеллигентного вида блондинистую деваху, которая явно мужчин ни во что не ставит. С ней можно было бы душевно поговорить, скажем, о русских романах, очень даже душевно. Как раз в тему, вот маленький книжный

магазинчик, он открыт, и я иду через улицу, чтобы заглянуть туда. Но внутренний таймер глючит, и эта резвая машина почти задевает меня – тарыхтит по улице мимо меня, завывая клаксоном. Мне становится страшно, по-настоящему страшно, как будто скелет выпрыгнул у меня из тела и сплясал коротенькую джигу перед тем, как вернуться обратно.

Однако я жив и здоров. Воздух в магазине затхлый и спертый, какой обычно бывает в старых букинистических лавках, но тут есть и новые книжки, и все такое. В магазине хозяйничает какой-то толстый дедулька, седой и в очках, и он не отрывает своих гляделок от Мерфи, который тоже здесь. Я быстро просматриваю книжки и замечаю одну по истории Лейта. Это все старье, хотя старье – это именно то, о чем, как мне кажется, и должна быть история! Заглядываю в последний раздел – о современном Лейте. Полный отстой. Уже давно пора написать настоящую историю знаменитого старого порта, поговорить со стариками в округе; ну, со стариками, которые работали в доках, в порту, на таможне, пили в кабаках, гуляли, в общем, по полной, теперь уже так не гуляют, теперь вокруг одна отморозенная молодежь с кольцами на пальцах, все из себя рэпперы, танцуют хип-хоп, как мой заика-друг Кертис.

Я кладу книгу на полку и выхожу на улицу, и тут, на той стороне, у банкомата, вижу как будто знакомого парня, и это Кузен Доуд, ну, парень из Глазго. Я иду к нему через улицу, на этот раз уже внимательно следя за дорогой.

– Доуд...

– Привет, Урод, – говорит он, моргая глазами как будто неодобрительно, потом вдруг светлеет лицом. – Может, хочешь ширнуться?

Вот так вот, этот пацан Уиджи, он так и сказал, а я просто не мог поверить! Сам сказал, просто так, я же его не спрашивал. Благослови, Боже, хана из Глазго и его ребят. Классный он крендель, Доуд. Такой коренастый пацанчик с сероватыми волосами, он всем рассказывает, как классно в Глазго, но живет почему-то здесь.

– Эх, я и не знаю, когда смогу отдать тебе должок, парень...

– Эй! Это же я! – Доуд показывает на себя пальцем, и мы идем в «Старую соль».

– А я тут в банк заскочил, сменить свой пин-код. В моем банке так можно, ну, поменять свой пин-код, чтобы было удобней его запоминать. Зуб даю, в твоём банке такие услуги не предусмотрены, – говорит он, весь из себя такой важный.

Я типа задумываюсь об этом.

– Ну, вообще-то я никогда реально не заморачивался с банками, брат. Только однажды, когда меня направили на лечение, ну, когда я на крэке сидел, меня заставили открыть счет. Я говорил им, не, парни, не банковский я человек, в натуре, просто дайте мне наличные, так они уперлись и говорят: извини, брат, ну, это, чисто, последняя заморочка такая, ты че, не знаешь?

Доуд кивает и хочет что-то сказать, но я не даю, потому как нельзя позволять Уиджи заводить разговор, брат, он, конечно, хороший парень, но если заводит свою байду типа: «ладно мужик, как дела, между прочим», его уже не заткнешь. Если вдруг нужно будет набрать команду говорунов, ну, типа как сборную Шотландии, я даже не сомневаюсь, что по крайней мере восемь или девять из одиннадцати будут из Уиджи. Так что я продолжаю:

– Ну, в общем, открыл я счет, а они прекратили мне денежки переводить. Счет перешел к Пятой Восточной, ну, ее на самом деле зовут Лимонной Мармеладкой, но я называю ее Восточной, ну, это вроде как принято, понимаешь?

– Ты тот еще крендель, Урод, – улыбается Кузен Доуд и кладет руку мне на плечо. – *Interdum stultus bene loquitur*, да, приятель.

У Доуда светлая голова для такого, грязнули немывтого, знает много латыни и все такое.

– И то правда, Доуд... кстати, а что это значит?

– Это значит, что в твоих... хм... словах есть доля истины, Урод, – отвечает он.

Ну, такое услышать всегда приятно, вроде как потешить свое самолюбие, и все такое, так что вот он я, весь в восторге. А еще та двадцатка, которую добрый Куз вложил мне в руку, она очень мне пригодится, даже более чем.

13. Шлюхи из города Амстердама (Часть 1)

Диджей хорош; это видно хотя бы уже по тому, сколько людей наблюдают за ним, столпившись возле его кабинки, и еще по тому, как он спокоен перед лицом этой почти что меланхоличной

аудитории, которая только и ждет, когда что-нибудь произойдет, и им всем невдомек, что все уже случилось.

Ясное дело, он ставит эту мелодию, и они буквально взрываются, сами слегка ошарашенные своей бурной реакцией, внезапно они понимают, что он с ними играет, водит их за нос уже добрых полчаса. Под нарастающие аплодисменты он выдает лукавую улыбку, которая искрой проносится по танцполу.

По танцполу моего клуба, здесь, на Геренграхт, на «канале джентльменов», в старом Амстердаме. Я потягиваю свою водку с колой, сидя в тени в самом дальнем углу зала, и думаю про себя, что надо присматривать за этим парнем, хотя я всегда очень по-дружески принимаю всех приглашенных диджеев, даже тех, кто, с моей точки зрения, являет собой воплощение мудачества в чистом виде. Но Мартин вполне в состоянии сам за ним присмотреть, вот пусть он и смотрит, а я, образно выражаясь, умываю руки, потому что он из моего родного города, и я его знаю. Я ничего не имею против людей из моего города, просто я не люблю пересекаться с ними здесь.

Я вижу Катрин, она стоит спиной ко мне. Короткое темно-синее платье, плотно облегающее ее изящную фигурку, копна криво подстриженных светлых волос. Она стоит с Мицем и какой-то вполне подходящей для секса малолеткой, которую он притащил с собой. Сложно сказать, в каком Катрин настроении, я надеюсь, она уже закинулась таблеточкой. Я обнимаю ее за талию, но мое настроение резко падает, когда я чувствую, как она напряглась под моей рукой. Тем не менее я предпринимаю попытку.

– Хорошая вечеринка, да? – кричу я ей в ухо. Она поворачивается ко мне и говорит этак мрачно:

– Я хочу домой...

Миц бросает на меня понимающий взгляд.

Я отхожу от них и иду в офис, и нахожу там Мартина с Сайан, и эту девчонку, Брумми, которая теперь зависает с ними. Они выкладывают на столе дорожки из кокаина. Мартин протягивает мне скрученную пятидесятидолларовую банкноту, а я внимательно смотрю на ждущие, жадные, круглые как блюдца глаза девушек.

– Не, мне уже хорошо, – говорю я.

Мартин кивает девушкам, бросает скрученную бумажку на стол и тянет меня в маленькую приемную, где мы держим ксерокс и ведем тайные разговоры.

– У тебя все нормально?

– Ага... Это из-за Катрин... ну, ты знаешь, какие у нас дела.

Мартин морщит лоб под отрастающими темными волосами и его большие зубы хищно сверкают.

– Мое мнение ты знаешь, приятель...

– Ага...

– Извини, Марк, но она – жалкая телка, и ты рядом с ней жалкий, – говорит он мне в сто первый раз, потом показывает на дверь в офис. – Надо ловить кайф от жизни. Выпивка, девочки, наркота. Я что имею в виду, посмотри вон на Мица. – Он встряхивает головой. – Он старше нас всех. У тебя только одна жизнь, парень.

Мы с Мартином партнеры в клубе, мы с ним похожи во многом, но разница в том, что я никогда не был и не мог быть таким непостоянным, как он. Когда у меня появлялась девушка, я твердо верил, что надо быть с ней до конца. Надо терпеть до конца, даже когда уже не было ничего, из-за чего ее стоило бы терпеть. Но он хочет мне добра, и я даю ему проявить себя в качестве доброго друга – то есть слегонца потерзать мне уши, – а потом возвращаюсь в зал.

Ищу глазами Катрин. Почему-то смотрю наверх, и диджей, парень из Эдинбурга, на краткий миг ловит мой взгляд, и мы обмениваемся улыбками, как старые знакомые, собственно, мы и есть старые знакомые, и что-то странное и непростое поднимается у меня в груди. Потом я отворачиваюсь и вижу Катрин у бара.

14. Афера № 18737

Все эти люди, которым нет места в новом Лейте, вот они, все здесь – в мой первый день у руля. Толпа старых грязных вонючек, и эти мелкие клетчатые уродцы с перстнями на каждом, блядь, пальце, любители техно и хип-хопа. Один из этих толстощеких щенков даже называет меня Психом! Ну

ладно, нахальные вы мудаки, хрен с вами, одни только наркотики, которые будут тут продаваться, принесут Саймону Уильямсону полное одобрение общественности. Особенно в свете того, что вчера мне повезло пересечься с одним старым партнером по кличке Искатель, и теперь мои карманы набиты колесами и пакетиками с цзыном.

И старой Мораг придется уйти; Мораг – это такая толстая тетка с формами, полностью соответствующими давно устаревшим понятиям о здоровье нации, слишком уж старолейтская для того типа заведения, который собирается организовать тут молодой Уильямсон. На мой взгляд, Мо какая-то уж слишком семидесятница. Сейчас она обслуживает одного из этих мелких придурков, ну, или пытается обслужить.

– Ч-ч-чет-т-тыре к-к-кружки л-л-л... – говорит пацан под смешки своих приятелей, его лицо искажается, изображая жертву удара, а Мораг стоит с открытым ртом в явном замешательстве.

Да, надо тут вес менять. Алекс МакЛейш?

Ну, я думаю, это правильно, Саймон. Когда я приехал сюда, в клубе был полный бардак. Я сразу увидел, что дело стоящее, то есть в потенциале, но сперва надо расчистить место от, скажем так, омертвевшей древесины, а потом уже можно и об инвестициях подумать.

Уже в процессе, Алекс.

Мораг заведует закупкой продуктов. Мы здесь готовим еду, обед из трех блюд, для пенсионеров – по 99 пенсов с рыла. Меня это совсем не устраивает, поскольку прибыли с этого – ноль. Если бы я хотел заниматься благотворительностью вообще и общественным питанием в частности, я бы вложился в передвижные лотки. А эти комплексные обеды пиздец какие дешевые: выходит, я здорово помогаю этим старым паразитам, благодаря мне они еще живы.

Какой-то старый медведь подваливает ко мне, глаза – злющие-злющие, и сам такой бойкий для столетнего старикана. От мудака так несет мочой, что можно подумать, что он только вернулся со съемок порнушки со всякими уринальными извращениями. Или у них в этом их центре досуга, куда они ходят, есть свой бассейн, и они там и ссут, где купаются?

– Рыба или пастуший пирог, рыба или пастуший пирог... – скрипит он, – рыба в тесте сегодня? Отбитая?

– Не-а, чего ее бить-то? Я просто ей дал разок по морде и велел вести себя прилично, – говорю я с саркастической улыбкой и подмигиваю.

Мои попытки сыграть роль этакого добродушного шутника-хозяина заранее обречены на провал в этом блядском унылом пристанище для протухших старых неудачников. Он тарашится на меня, его лицо старого скотч-терьера все воинственно сморщено:

– В сухарях или в тесте?

– В тесте, – информирую я беспокойного старого члена в отставке.

– Я больше люблю в сухарях, – продолжает он, его надутая рожа кривится, и он кивает куда-то в угол. – И Тэм, и Алек, и Мэйбсл, и Джинти то же самое скажут, верно? – кричит он через зал, и компания старых кретинов согласно кивает.

– Я нижайше извиняюсь, – говорю я, стараясь сохранить хотя бы видимость добродушия.

– А тесто, оно хрустит? Я в том смысле, что оно ведь не мягкое, как иногда бывает?

Вот старый мудак.

– Хрустящее, как новая банкнота в двадцать фунтов, – говорю я ему.

– Ну, с тех пор прошло много времени, когда у меня была новая банкнота в двадцать фунтов, – тянет старый мошенник. – А горох молодой или протертый?

– Никакого гороха, если это не молодой горошек! – вопит из угла Мэйбел, эта жертва феминизма.

Капитанской женой была Мэйбел... и любила она это дело... в отсутствие мужа, после сытного ужина, всю команду обслуживала... тру-ля-ля.

Протертый или молодой. Кажется, меня превращают в шута горохового, прошу прощения за каламбур. Если бы меня сейчас видел Мэт Колвил, то есть в таком унижительном положении, мне пришлось бы потом раз пять трахнуть его жену, чтобы смыть оскорбление. Горячая новость дня. Протертый или молодой. Я не знаю. Мне плевать. Хочется крикнуть в ответ:

– Шел бы ты, дед, отсюда, а то мочой от тебя несет, все заведение мне провоняешь.

Я оборачиваюсь к Мораг Противной и показываю ей жестом, мол, разберись тут с дедушкой. У бара уже собирается очередь. Блядь. Знакомые все лица. Вот он, стоит, весь дрожит и трясется, и я решительно протираю стаканы, стараясь не встречаться с ним взглядом, но он тарашится на меня, и

его глаза – словно яркие лампы, что просвечивают меня насквозь. Теперь я знаю, что чувствуют девушки, когда говорят «он раздевает меня глазами», потому что теперь могу сам со всей ответственностью заявить: «взглядом он проверяет мой банковский счет».

В конце концов я же не могу на него не смотреть.

– Урод, – улыбаюсь я. – Давненько не виделись. Сколько лет, сколько зим. Как жизнь?

– Ничего, да... все в порядке, – бормочет он. Мистер Мерфи – это более мудрая и истощенная версия того человека, каким я его помню, если такое вообще возможно. На самом деле он выглядит как недавно переболевший бродячий кот, тощий и весь ободранный, которого городская лисица вытащила на свет из его убежища на заднем дворе. Взгляд у него совершенно мутный, как это бывает, когда человек принимает одновременно и стимулянты, и депрессанты, для различных долей головного мозга, чтобы когда-нибудь в перспективе снова прийти к единому мнению насчет объективной реальности, данной ему в ощущения, например, по вопросу о том, сколько сейчас времени. Это не человек, а ходячий пиздец, протухшая оболочка человеческого существа, вечно под наркотой, вечно в походах из одного грязного паба в другой, в такой же притон разврата и разложения, в поисках следующей дозы.

– Прекрасно. А как Али? – интересуюсь я, задаваясь вопросом, она все еще с ним хороводится или нет. Я иногда о ней думаю. Странно, но я почему-то уверен, что когда-нибудь мы будем вместе, когда разберемся с собой и со всем окружающим блядством. Она всегда была моей женщиной, но, если подумать, я испытываю то же самое по отношению ко всем своим бывшим подругам. Но они вместе, Али и Урод; и это неправильно, совсем неправильно.

Будь у нее хоть чуть-чуть здравого смысла, она бы выгнала его давным-давно, а тут он даже не удосужился мне ответить. И не спросил, ну хотя бы: «А что ты тут делаешь, Саймон? В Лейте, за стойкой бара? Какими вообще судьбами?» Его угрюмый эгоистичный характер не позволяет ему выказать пусть даже рудиментарное любопытство, ну хотя бы из вежливости, не говоря уж о подлинном дружелюбии.

– Слушай, ты знаешь, о чем я хочу тебя попросить? – кашляет он.

– Вот попросишь, тогда и узнаю, – улыбаюсь я, но улыбка выходит натянутой.

Мерфи хватается нахальства изобразить тихую скорбь, как будто это его злобно предали, чем обидели до глубины души: в его взгляде читается «я так и думал, по-другому и быть не могло». Потом он тяжело вздыхает, и воздух входит со свистом в его хилые, слабые легкие: бронхит, воспаление легких, чахотка, курение, кокаин, СПИД?

– Я бы не стал ничего у тебя просить, но я правда болен. Я такой слабый, пиздец.

Я окидываю его взглядом и решаю, что так и есть. Потом подношу протертый стакан к свету, проверяя его на наличие пятен, и говорю Уроду:

– Полмили вверх по дороге. На той стороне улицы.

– Что? – переспрашивает он, открыв рот, ну прямо как золотая рыбка, тем более в желтом свете.

– Департамент городского совета Эдинбурга по социальным вопросам, – поясняю я. – А это бар. Я так думаю, ты пришел не туда. У нас лицензия на продажу только спиртных напитков. – Я даже не говорю, я сообщаю ему информацию со всей подобающей официальнойностью и принимаюсь за следующий стакан.

Я почти пожалел о своих словах, когда Урод недоверчиво посмотрел на меня, давая обиде впитаться, а потом шмыгнул вон. Прилив стыда тут же сменился волной гордости и облегчения, поскольку я только что отвязался от еще одного жалкого неудачника.

Да, мы столько всего пережили вместе, но времена тогда были другие.

Входит небольшая толпа, потом, к своему несказанному ужасу, я вижу, как несколько ребят в форме Шотландского управления суют головы в дверь и морщат носы, прежде чем быстренько смыться. Потенциальные клиенты с толстыми бумажниками вытеснены затравленными старыми слизняками и молодым мудачьем, которые, кажется, потребляют все наркотики скопом в чрезмерных дозах – за исключением алкоголя, которым я здесь торгую и тем зарабатываю на жизнь. Первая смена обещает быть долгой. Настроение – на нуле, я все думаю о теплом рае для дураков, который держала тут старая Пола.

Много позже я замечаю на входе в паб дружеское лицо под копной непослушных вьющихся волос, остриженных намного короче, чем я это помню. Я смотрю на него и глазам не верю: такой стройный, подтянутый. Когда я в последний раз видел этого человека, я ни капельки не сомневался, что он направляется напрямиком в Ад для Жирдяев. Но он как будто нашел обходной путь во времени,

и вот он опять вырулил на шоссе в Рай для Стройных. Это не кто иной, как самый известный в городе бывший продавец шипучих напитков, Терри Лоусон по прозвищу Сок, из Избранных Саутона. Здесь не совсем его территория, но тем не менее он тут желанный гость. Он сердечно здоровается со мной, и я замечаю, что его манера одеваться также изменилась к лучшему: дорогая кожаная куртка, черно-белая футболка «Лакоста» в стиле футбольного клуба «Квинс-парк», хотя впечатление немного портят джинсы как от Келвина Кляйна и ботинки «Тимберленд». Мысленно я беру себе на заметку, что надо с ним поговорить. Я ставлю ему выпивку за счет заведения, и мы треплемся о добрых старых денечках. Терри рассказывает, чем он занимался все это время, и, надо сказать, это звучит интересно.

–...и девчонки – заебись. Ты не поверишь; снимаем на пленку и показываем народу. Мы уже начали распространять наши кассеты в секс-шопы, по почтовым заказам. Первое время это были грубые поделки, но мы совершенствуемся, мы идем вперед, ну, и еще мы приятельствуем с ребятами из общины в Ниддри, у них есть настоящая монтажная мастерская для цифрового видео. Это только начало; один из ребят хочет сделать веб-сайт, то есть платный веб-сайт – народ переводит нам денежку и загружает, чего ему надо. На хуй весь этот бизнес, Интернет держится на порнографии.

– Звучит интересно, – киваю я, наливая ему еще. – Выходит, ты на подъеме, Терри, дружище...

– Ага, я там главные роли играю сам. Ты меня знаешь, я всегда любил покувыркаться с какой-нибудь птичкой, и это дело как раз по мне – заработать монету-другую, не прикладывая особых усилий, поди плохо. И ребята у нас талантливые, и им это нравится, главное. – Он улыбается, явно воодушевленный.

– Для тебя это как раз то, что надо, Терри, – задумчиво говорю я, а про себя думаю, что это и неудивительно, он и должен был чем-то подобным заняться.

Терри продолжает говорить, и я решаю, что Мо может сама со всем справиться, и мы перемещаемся в глубь бара, заказав предварительно по два больших бренди и по две колы. Вскоре Терри совсем размякает и начинает мне парить про то, как это здорово, что я вернулся и что с моими-то связями мы можем попытаться что-нибудь замутить, открыть общее дело. Разумеется, его желание вытянуть у меня деньги ощущается сразу, на расстоянии в пятьдесят футов.

– Понимаешь, приятель, – его глаза становятся все шире, – фишка в том, что нас могут выпереть из того притона, и я вот думаю, где нам приткнуться.

Это может быть интересно. Я сразу думаю о той большой комнате наверху. Там есть бар, но сейчас она совершенно не используется.

– Ну, есть у меня помещение. Можем попробовать. – Я улыбаюсь.

– Э... а как насчет маленькой пробы прямо сегодня ночью? – говорит он.

Я обдумываю это буквально один удар сердца, потом медленно киваю:

– Давай попробуем, Терри. Терри сжимает мое плечо:

– Слушай, Псих, охуительно просто, что ты вернулся. Ты – как источник положительной энергии. В этом городе одно мудачье, которые подставят тебя ни за что, а если какому-то пидору удастся пробицца наверх, все остальные тут же напрягаются. Но ты не такой, приятель, ты выше этого! – Он поднимается из-за стола, исполняет какой-то танец, потом хватается за мобильник и начинает называть.

Уже пора закрываться, и я изо всех сил стараюсь выставить из помещения уродов, которые по-прежнему толкутся у бара.

– ПОЖАЛУЙСТА, ДОПИВАЙТЕ СВОИ НАПИТКИ, ДАМЫ И ГОСПОДА! – ору я на весь бар, чуть ли не силой выпихивая за дверь этих старых пердунов. Терри по-прежнему треплется по мобиле. Но еще остается молодежь. Этот носатый мелкий урод, кажется, его зовут Филипп, мерзкий маленький ублюдок, тот еще прощелыга, наверняка он просек, что у нас тут что-то намечается. И здоровяк Кертис, его вечно заикающийся приятель, судя по всему, тупой как бревно, я вижу, что Мерфи что-то ему говорит, когда он направляется к выходу. Два сапога пара, именно так.

Я открываю боковую дверь и киваю им, мол, выметайтесь. Они собираются уходить, но Филипп спрашивает у меня:

– А остацца никак низзя, Псих? – Его узкие глаза горят, а во рту поблескивает золотой зуб. – Я ведь слышал, о чем вы там говорили с Соком Терри. – Он ухмыляется, нагло и бесцеремонно.

– Неа, никак нельзя. Тут сейчас будет собрание сраных масонов, – говорю я ему и выталкиваю его тощую тушку на улицу, а его приятель тащится за ним следом, как и вся остальная свита.

– А может, все-таки можно остацца, – улыбается еще один нахальный щенок.

Я полностью игнорирую этого долбоеба, однако подмигиваю симпатичной пташке, что пришла вместе с ним. Сначала она безучастно смотрит на меня, но как только ее кавалер вываливается за дверь, она улыбается. Нет, для меня она слишком молоденькая. Я киваю Мо, которая закрывает бар, запираю дверь и возвращаюсь к стойке, чтобы взять нам с Терри еще по бренди. Несколько минут спустя раздается громкий удар в дверь, на который я не обращаю внимания, за ним следует стандартная футбольная отбивка: ди-ди, ди-ди-ди, ди-ди-ди-ди, ди-ди.

Терри захлопывает крышку мобилы.

– А вот и наша съемочная группа, – говорит он.

Я открываю дверь и вижу за ней паренька, который кажется мне смутно знакомым, волосы у меня становятся дыбом, потому что мне кажется, что это парень старого Хибса, но, если подумать, любой двадцатипятилетний хмырь в Эдинбурге и есть парень старого Хибса. Еще парочка полужнакомых лиц, имен, опять же, не помню. Вот с девочками все куда интереснее: три славные куколочки, тетка покрупнее, которая выглядит как-то не очень опрятно, и миленькая малолетка, которой тут совершенно не место. Одна из куколок особенно соблазнительна. Светло-каштановые волосы, почти что восточные глаза, ухоженные тонкие брови и маленький рот с пухлыми губками. Мать моя женщина, ее тело так и колышется под всей этой дорогой одеждой. Куклочка Numero Duo помоложе, и, хотя она и не так элегантно одета, я бы ее с удовольствием отымел. Третья – просто блондинка для поебаться. Эти два мелких уroda, Филипп и Кертис, по-прежнему толкутся за дверью, валяют дурака и оценивают компанию, как и я, в особенности ту самую великолепную Куклочку Numero Uno, ее длинные каштановые волосы и сексапильную надменную грацию. Эта милашка – классом явно выше, чем те девицы, с которыми обычно работает Терри.

– А она что, тоже масон? – спрашивает тот мелкий наглый урод, Филипп.

– Ложа шестьдесят девять, – отвечаю я и захлопываю дверь у них перед носом, а Терри тем временем со смаком приветствует всех пришедших.

Я поворачиваюсь к новым гостям.

– Ладно, ребята, нам надо подняться наверх, так что давайте, вон дверь, которая слева от вас, – объясняю я. – Мо, ты тут давай закрывай все сама.

Мораг приподнимает брови, пытаюсь понять, что происходит, потом идет в офис и забирает свое пальто. Я поднимаюсь наверх следом за теплой компашкой. Да, думаю я про себя, это может оказаться весьма интересно.

15. Шлюхи из города Амстердама (Часть 2)

Катрин, немочка из Ганновера, была моей девушкой. Я познакомился с ней в «Луксоре», моем клубе, лет пять назад. Детали знакомства я помню не очень. Память вся проебалась из-за чрезмерного потребления наркоты. С героином я завязал, когда поселился в Амстердаме. Но даже экстази и кокаина вполне достаточно – с годами они пробивают дырки у тебя в мозгах, лишают тебя воспоминаний, твоего прошлого. Что вообще-то неплохо и даже где-то удобно.

Потихоньку я научился уважать наркотики и использовать их более разумно. Когда ты еще совсем молод, даже когда тебе двадцать с чем-то, ты можешь творить что угодно, поскольку в таком возрасте человек мало задумывается о собственной недолговечности. Разумеется, это не значит, что ты обязательно переживешь этот период. Но когда тебе тридцать, все круто меняется. Ты как-то вдруг проникаешься мыслью, что в один прекрасный день ты умрешь, и во всех приходах и ломках ты чувствуешь, как эта самая наркота приближает этот «прекрасный день»: истощает твои духовные, умственные и физические ресурсы и вызывает тоску так же часто, как и приятное возбуждение. Это все становится как бы задачей из математики, когда ты развлекаешься с переменными величинами: количество принятой наркоты, возраст, конституция и желание обломаться. Одни вообще ничем не заморачиваются, а просто самоустраиваются. Другие идут до конца, их жизнь превращается в одну большую попытку самоубийства в кредит. Я решил особенно не менять свою жизнь, но употреблять умеренно. Потом была одна очень хреновая неделя, и я тогда начал ходить в спортивный зал и занялся карате.

В то утро мне было необходимо уйти из дома. В наших с Катрин отношениях появилась заметная напряженность. Я спокойно переносил скандалы, но периоды молчания доводили меня до безумия, а ее ядовитые замечания были подобны ударам боксера в тяжелом весе. Так что я взял свою спортивную сумку и пошел туда, куда я всегда хожу в таких случаях.

Так что теперь мои руки впряжены в рычаги тренажера и скрещены на груди. Я глубоко дышу и развожу их далеко в стороны. Сегодня я поднимал штангу, и у меня горят мышцы, когда-то они были как кисель, а теперь это каменные глыбы... перед глазами пляшут красные оргазмические точки... и девятнадцать... кровь шумит в ушах... легкие взрываются, как проколота шина на скоростной трассе... и двадцать...

На тридцати я останавливаюсь. Пот стекает со лба и заливает глаза. Я провожу языком по губам, чтобы почувствовать вкус соли. Потом повторяю свое выступление уже на другом тренажере. Потом – бегущая дорожка минут на тридцать, скорость меняется с 10 до 14 километров в час.

В раздевалке я снимаю свою старую серую футболку, шорты и трусы и встаю под душ, включая горячую воду, потом холодную, потом ледяную и чувствую, как заряжается организм. Я выхожу из душа и чуть ли не падаю, потому что у меня перехватывает дыхание, но все быстро приходит в норму. Когда я одеваюсь, я снова здоровый и теплый, расслабленный и внимательный одновременно.

Я вижу еще парочку парней, которые регулярно приходят в зал. Мы никогда не разговариваем, только киваем друг другу, как люди, которые слишком сосредоточены и слишком заняты, чтобы трепаться. Люди, у которых есть цель. Незаменимые люди; уникальные люди, центр всего.

Или просто нам нравится так о себе думать.

16. «...булавочная фабрика Адама Смита идет лесом...»

Сегодня в сауне был сумасшедший день. Я сделала пару массажей с дрочиловом, но когда этот жуткий мужик, похожий на Артура Скаржилла, попросил у него отсосать, я послала его на хуй (вежливо).

Бобби делает мне выговор: стоит в своем свитере Прингл, который с трудом налазит на его огромное пузо, и отчитывает меня:

– Слушай, Никки, ты здесь пользуешься популярностью, у наших... клиентов. И знаешь, какое дело: иногда надо делать не только то, что входит в твои обязанности, а кое-что сверх того. Я вот о чем, этот парень, которого ты послала, это был Гордон Джонсон. Он типа как человек известный в этом городе, особый клиент, можно назвать и так, – объясняет он мне, а меня тошнит от вида волос, что торчат у него из ноздрей, и еще от того, как нелепо он держит сигарету.

– Что ты от меня хочешь, Бобби?

– Мне очень не хочется тебя терять, но если ты будешь и дальше кобениться, значитца, нам придется расстаться.

Нет, меня сейчас точно стошнит. Я беру полотенца и кидаю их в большую корзину для грязного белья.

– Ты меня слышишь? Я смотрю на него.

– Слышу-слышу.

– Хорошо.

Мы с Джейн надеваем пальто и выходим в город. Я размышляю о том, насколько мне необходима работа и как далеко я могу зайти, чтобы ее сохранить. Проблема с работой, так или иначе связанной с сексом, всегда одна. Все сводится к базовым формулам. Если вы и вправду хотите понять, как действует капиталистическая система, булавочная фабрика Адама Смита идет лесом, учиться надо не там, а здесь. Джейн хочет зайти в обувной за Рынком Вейверли и купить новые туфли, но мне нужно идти на встречу с ребятами в пабе на Южной стороне.

Все уже собрались, и меня больше всего удивляет, что вместе с Рэбом пришла Лорен. Я просто в шоке, когда ее вижу. Я думала, что она проведет вечер с Дианой, что ей хочется выпить вина и устроить себе полуночную трапезу из мороженых полуфабрикатов, в компании своей новой любимой старшей сестренки. Я думала, что в ее понимании за мной уже закрепилась неблагоприятная репутация психованной и блядовитой тетушки. Я знаю, что Лорен пришла сюда лишь потому, что она твердо решила «спасти» меня от этой бардачной жизни. Тоска зеленая. Парень в пабе сказал, что нас отсюда скоро попрут, и Терри весь занят поисками нового места. Он делает пару звонков по мобиле, и мы забиваемся в два такси. Меня опять поражает, что Лорен решила поехать с нами, Рэб убедил се, что лично он раздеваться не будет и что весь этот разврат осуществляется только по доброй воле, а отнюдь не в принудительном порядке.

Новое место сбора – еще более сомнительное заведение в Лейте. Когда мы заходим, оттуда вываливается компания прыщавых юнцов, и они отпускают какие-то комментарии по нашему поводу.

Лорен сердито шипит. В пабе нас представляют какому-то мужику с явно искусственным загаром и волосами, зачесанными назад. У него темные красивые брови и злой перекошенный рот, он похож на Стивена Сигала, только более жесткая версия. Он ведет нас вверх по лестнице, и там наверху – еще один зал, вдоль стены тянется барная стойка, мебели почти нет, только несколько столов и стульев. Пахнет сыростью и затхлостью, как будто это помещение не использовалось очень долго.

– Этот ангел – Никки, – говорит Терри, поглаживая меня по спине. Когда я останавливаюсь и выразительно смотрю на него, он изображает оскорбленную невинность. – Я просто проверяю, на месте ли твои крылышки, никак не могу поверить, что их там нету... – Он поворачивается к Лорен: – А эту милашку зовут Лорен. Мой старый приятель Саймон, – говорит Терри, похлопав парня, похожего на Стивена Сигала, по спине. Он представляет Саймона всем остальным: Рэбу, Джине, Мел, Урсуле, Крейгу и Ронни.

Саймон открывает бар, потом поворачивается к нам и протягивает руку. У него теплая сильная ладонь, а сам он выглядит настолько болезненно искренним, что рукопожатие становится почти ритуальным действием. Я никогда раньше такого не видела.

– Большое спасибо, что вы к нам выбрались, – говорит он. – Очень приятно с вами познакомиться. Я пью солодовое виски. Это мой тайный порок. Буду рад, если вы тоже присоединитесь, – говорит он, разливая по стаканам «Гленморанджи». – Прошу прощения за бардак, – добавляет он. – Я здесь хозяином недавно, а эта комната раньше использовалась как склад... ну, я не буду вдаваться в подробности и рассказывать вам, что именно тут хранилось. – Он смеется, глядя на Терри, который отвечает ему понимающей ухмылкой. – Но я уже все убрал.

– Я не буду, спасибо, – говорит Лорен.

– Да ладно, куколка, сделай глоточек, – убеждает ее Терри.

– Терри, – серьезно говорит Саймон, – это не блядская армия. Если английский язык не изменился с тех пор, как я его учил, слово «нет», как правило, означает «нет». – Потом он учтиво обращается к Лорен: – Могу я вам предложить что-то другое? Что вы предпочитаете? – Он складывает руки на груди, локтями наружу. В его глазах – заботливое внимание и какая-то губительная искренность.

– Нет, ничего не надо, спасибо, – сухо отвечает Лорен, она все еще держит свои позиции, но я же вижу, что в уголках ее губ прячется улыбка.

Спиртное течет рекой, и вскоре мы все оживленно беседуем. Джина по-прежнему держится со мной холодно, похоже, я ей не нравлюсь, хотя она вроде привыкла к моему присутствию, поскольку уже не смотрит на меня волком, как в самом начале. Остальные достаточно дружелюбны, в особенности Мелани. Она рассказывает о своем маленьком сыне. Ее парень бросил ее с ребенком, оставив им одни долги. В общем, история невеселая. Мы прислушиваемся к разговору Саймона (или Психа, как его иной раз называет Терри, на что тот реагирует так, как будто кто-то водит ногтями по школьной доске) с Рэбом. Они уже накачались виски и теперь говорят о съемках порнофильмов.

– Если вам нужен продюсер, так лучше меня никого не найти. Дело я знаю, я в этой области в Лондоне и работал, – объясняет Саймон. – Видео, стриптиз-клубы. Тут можно сделать хорошие деньги.

Рэб кивает, соглашаясь со всем, что ему говорят, к большому неудовольствию Лорен. Она уже изменила свою твердокаменную позицию относительно выпивки и теперь опрокидывает в себя рюмку за рюмкой с двойной водкой и периодически затягивается косяками, которые мы передаем по кругу.

– Да, порнуха всегда лучше смотрится на видео, – говорит Рэб, – ну, в любом случае жесткое порно. Нет ощущения надуманности и искусственности. Это как видеозапись и киносъемки.

– А мне, – говорит Саймон, – хотелось бы снять настоящий порнофильм. В традициях старой школы, на киноплёнке, с эротическим сюжетом, но включить в этот фильм сцены самого жесткого порно, снятые на видео. Помните этот фильм, «В отрыв»,⁵ так его снимали на цифру, Супер 16 и 32 мм, насколько я знаю.

Рэб возбужден из-за виски, да и идея, похоже, ему понравилась.

– Монтаж можно сделать любой, когда доводишь фильм до ума. Но ты же хошь снять не просто дешевый видеофильм поганого качества для дрячащих пацанов, ты хошь сделать правильный порнографический фильм с хорошим сценарием, приличным бюджетом и соответствующей стоимостью конечного продукта. Фильм, который будет не хуже канонических образцов в этом жанре. Великий

5 «Human Traffic» – в российском прокате шел под названием «В отрыв». – Примеч. пер.

фильм!

Лорен резко оборачивается к Рэбу:

– Великий фильм в жанре порнухи?! Канонические образцы?! Да это же мерзость, эксплуататорский мусор, апеллирующий к основным инстинктам... – Она оглядывается и натывается на похотливый взгляд Терри.

Терри качает головой и говорит что-то про «Спайс Герлз», может быть, я не знаю, я пьяна в хлам, а трава просто убойная. Перед глазами все кружится, и мне не хочется тратить силы на то, чтобы сосредоточиться.

Рэб отстаивает свои позиции перед Лорен, его голос гудит, как колокол.

– В жанре порнографии существуют великие фильмы. «Глубокая глотка», «Мисс Джонс, одержимая дьяволом»... некоторые фильмы Рассы Мейера, это классические фильмы, в них больше новаторства и феминизма, чем во всякой высокохудожественной мутотени типа... «Пианино»!

Это был явно удар ниже пояса, и несмотря на пелену у меня перед глазами, я все равно вижу, что Лорен сильно задета этими словами, ей обидно и больно, по-настоящему больно. Она готова наброситься на Рэба, а я боюсь, что она сейчас хлопнется в обморок.

– Как ты можешь... как ты можешь называть это дешевое, грязное дерьмо... как ты можешь... – она смотрит на Рэба, чуть не плача, –...как ты можешь...

– Заебало уже говорить о фильмах, давайте лучше делать фильмы, – усмехается Рэб. Он оборачивается к Лорен, которая смотрит на этого накачанного виски парня так, как будто он вдруг превратился в монстра, который предал ее. – Эти два года я только и делаю, что слушаю всякую трепотню. У моей девушки будет ребенок. А чего я добился в жизни?! Что я сделал?! Я хочу наконец что-то сделать!

Я вдруг понимаю, что тупо киваю головой в окружающем меня тумане и очень хочу закричать «Да!», но меня опережает Терри, который ревет:

– Хорошо сказано, Биррел, – и хлопает Рэба по спине. – Давно пора что-то сделать! – Потом он оглядывает всех нас и пафосно так заявляет: – Вопрос, бля, не в том, почему мы должны это сделать, вопрос в том, что мы сделаем.

Крейг напряженно кивает, Урсула и Ронни ухмыляются, а Саймон полностью одобряет тираду Терри:

– Правильно, Терри! – Он тычет пальцем в грудь Терри и заявляет: – Этот человек, мать его, гений. На все времена. И точка. – Потом он поворачивается к Терри и уважительно говорит: – Божественно, Терри, божественно.

Разумеется, он пьян, как и все мы. Но меня втыкает совсем не спиртное и не трава – разговор, компания, идея о съемках фильма. Мне это нравится, я хочу в этом участвовать, и мне плевать, что по этому поводу думают все остальные. На меня накатывает эйфория, меня озаряет: вот она, настоящая причина, почему я осталась в Эдинбурге. Это карма, это судьба.

– Хочу быть порнозвездой. Хочу, чтобы мужики драчили на мои фотографии, на мое изображение, по всему миру, мужики, о существовании которых я даже не подозреваю! – Я высказываю все это прямо в лицо Лорен и раздражаюсь пьяным ведьминским хохотом.

– Но это будешь не ты, это будет продукт для продажи, просто вещь, товар... так нельзя, Ники, нельзя! – кричит она.

– Неправда, – говорит ей Саймон. – Актеры в обычном кино куда большие бляди, чем в порно. Если ты позволяешь кому-то использовать свое тело или изображения, это все фигня. Хуже, когда ты позволяешь использовать свою душу и чувства, вот это уже настоящее блядство. Этим нельзя, просто нельзя торговать! – высокопарно объявляет он.

Лорен, похоже, сейчас закричит. Она аж задыхается от возмущения. Она кладет руку на грудь, ее лицо искажается.

– Нет, нет, так нельзя, потому что...

– Успокойся, Лорен, бляди ради. Просто тут все упились, да еще обдолбались травой, – говорит Рэб и берет ее за руку. – Мы делаем кино. И какая разница, порно это или не порно. Мы просто хотим показать миру, на что мы способны.

Я смотрю на нее и говорю:

– То, что я буду делать в кино, это просто игра. Та шлюха, которую они будут себе воображать, та роль, которую я буду играть, все это будет моим собственным произведением, и ко мне настоящей это вообще отношения не имеет.

– Так нельзя, – шепчет она со слезами в голосе.

– Можно.

– Но...

– Лорен, ты такая ханжа, а твои взгляды на жизнь устарели еще в прошлом веке.

Она с трудом встает на ноги, рассерженная и злая, добирается до окна, хватается за подоконник и выглядывает на улицу. Ее провожают несколько удивленных взглядов, но все слишком пьяны или заняты беседой, чтобы еще за нее волноваться. Рэб идет за ней и что-то ей говорит. Он примирительно кивает, потом подходит к нам и говорит мне:

– Я сейчас возьму тачку и отвезу ее домой. Поедешь с нами?

– Нет, я пока тут зависну, – отвечаю я, глядя на Терри и Саймона и обмениваясь с ними кривыми ухмылками.

– Она очень расстроена плюс еще эта трава, кто-то должен быть рядом с ней на тот случай, если ей станет плохо, – говорит Рэб.

Терри опять хлопает Рэба по спине, на этот раз достаточно сильно, и мы все чувствуем раздражение, которое проявляется в этом товарищеском жесте.

– Ради бляди, Биррел, займись этой сонной малышкой, и она тут же оттаает.

Рэб смотрит на Терри, и в его взгляде мелькает холодная сталь.

– Мне нужно домой к Шарлин.

Терри пожимает плечами, как будто хочет сказать: это твои проблемы.

– Похоже, опять мне придется спешить на помощь, – улыбается он. – Секстерапевт Лоусон к вашим услугам. Исключительно профессиональный подход, большой опыт работы. Знаешь, што я тебе скажу, Рэб, ты уложи ее в постельку, а я присоединюсь позже, – смеется он.

Рэб выразительно смотрит на меня, но я не собираюсь ехать сейчас домой и оправдываться перед этой маленькой фригидной лесбиянкой-моралисткой. Мне нужен экшн. Всю жизнь я искала именно этого, в следующем году мне стукнет уже четверть века, и сколько у меня останется времени до того, как вся моя красота поблекнет? Да, народ до сих пор сходит с ума по Мадонне, но это скорее исключение из правила. Сейчас в фаворе всякие Бритни, Степсы, Биллисы, Атомик Киттены и С-Клуб Севенсы, но по сравнению со мной они все – пустое место. Я хочу этого, да. Причем сейчас, мне это нужно именно сейчас, потому что завтра не существует. Если ты женщина и твоя внешность – единственное, что у тебя есть ценного, и если ничего больше тебе не светит, а во всех журналах и с экранов телевизоров тебе твердят только одно. ВЕЗДЕ, БЛЯ: КРАСОТА – ЭТО МОЛОДОСТЬ, ПОЭТОМУ НЕ ТЕРЯЙ ВРЕМЯ!

– Пусть с ней Диана побудет, – говорю я Рэбу и оборачиваюсь к остальным. – Мне нужен экшн, – кричу я.

– Ну у тебя и голосина! – Терри сгребает меня в охапку с нежной, неистойвой радостью. У меня кружится голова, а Саймон идет вниз вместе с напряженным Рэбом и трясущейся Лорен, чтобы выпустить их наружу.

Крейг устанавливает камеру, простую БУСишку на штативе, а Терри и Мел начинают истово целоваться. Урсула встает на колени перед Ронни и расстегивает ему ширинку. Когда возвращается Саймон, у меня мелькает мысль, что мне тоже нужно что-нибудь сделать, но когда я встаю, что-то поднимается у меня в груди, и я начинаю блевать. Кто-то – кажется, это Джина – помогает мне добраться до туалета, но комната вертится, и я слышу смех и стоны, слышу, как Терри говорит:

– Легкий вес.

И я хочу выступить в свою защиту, но слышу, как Джина кричит:

– Пошел ты на хер, Терри, не видишь, ей плохо.

Меня трясет и колбасит, и последнее, что я слышу, это как Саймон провозглашает:

– Вперед, к успеху, ребята. Все будет. Все точно будет! У нас есть команда, у нас есть наличность. Так что у нас будет все и еще сверх того.

17. На свободу

Так, бля, и не удалось нормально поспать прошлой ночью. Да, бля, не больно-то и хотелось. Я сидел, глядел на их рожи и думал: утром я убираюсь отсюда нах. Короче, этот пидор Дональд всю ночь слушал мои рассказы. У него был последний шанс послушать кого-то, кто говорит разумные вещи, потому как к нему потом наверняка посадят какого-нибудь очередного пидора. Я сказал ему

так: наслаждайтесь приятным обществом, пока можете, пидоры, потому что к вам наверняка посадят какого-нибудь долбоеба, и вы все передохнете тут от скуки.

– Ну, Франко, такова жизнь.

Я рассказываю им про то, что я буду делать, когда меня выпустят, нах: про все тачки, на которых я буду кататься, и про всех хитрых блядей, с которыми буду ебаться, нах. Я буду просто охуительно крут, и все такое, но, разумеется, я не вернусь сюда, нах, это мертвая маза, но, бля, я знаю точно: есть там всякие пидоры, которые ночами спать, нах, не будут, когда узнают, что я вернулся.

Забавная штука, хотя эта ночь по идее должна была тянуться, но нет, она пролетела достаточно быстро. Мне пришлось пару раз двинуть в дычу Дональду, чтобы его разбудить, когда этот грубый пидор норовил отрубиться. Ему еще повезло, что я был так щастлив, что завтра я убираюсь нах из этого гадючника. А то все бы не обошлось парой тычков нах, можете не сомневаться, бля. Устал – не устал, неумение вести себя в обществе еще никому не сходило с рук, ни одному пидору, нах. Приходит охрана с завтраком. Я говорю:

– Можете унести мой завтрак. Я буду завтракать в нормальном кафе всего через пару часов, нах.

– Ну, может, ты чего хочешь, Франк, – говорит охранник. Я смотрю на этого пидора:

– Чего я хочу, так это переебать всех и вся, это да.

Этот пидор, надзиратель МакКексни, лишь пожимает плечами и вываливается из камеры, оставив один завтрак для Дональда.

– Эй, Франко, чувак, – говорит Дональд, – мог бы сказать, што ты хочешь жрать, тогда мне бы достались две порции!

– Да заткнись ты, жирдяй, – говорю я, – тебе, бля, давно пора худеть, нах.

Забавная штука, как только этот пидор начал жрать, мне тут же есть захотелось. Проголодался, как последняя блядь.

– Слышь, мне кажецца, что ты вполне обойдешься без этой сосиски, – говорю я.

Этот пидор смотрит на меня так, бля, как будто ваще не понимает, што я ему говорю, нах. Но это ж мой последний день, нах, и все такое. Я просто хватаю сосиску с тарелки этого пидора, а он начинает ее у меня отнимать.

– Эй, Франко, чувак! Ты чего, охерел?

– Заткнись, нах, пидор, – говорю я, забирая у него вторую сосиску и яйцо в придачу. Если ты не в состоянии, нах, сделать хоть что-то на совесть, обязательно припрецца какой-нибудь пидор, который заставит тебя делать все так, как надо, нах.

Вот так оно все и происходит: и тут, в тюрьге, и на свободе. Вы объединяетесь... ладно, не объединяетесь: вы сретесь. И теперь этот пидор сидит с такой рожей, как у меня жопа.

Я рассказываю ему парочку славных историй, чтобы его подбодрить, про ту еблю и пьянки, которые ждут меня в Солнечном Лейте, пусть этот бедный ублюдок хотя бы думает о чем-то приятном, когда я выйду отсюда. Он так и не смог прижицца в тюрьге; две попытки самоубийства, и это только в то время, когда он сидел в одной камере со мной, и хуй его знает, что было раньше.

МакИльхон, охранник, который нас выпускает, приходит за мной. Я прощаюсь с Дэвидом, и МакИльхон закрывает дверь перед носом у этого бедняги. Я слышу в последний раз этот поганый звук, нах. Он отдает мне мою одежду и ведет меня через одну дверь, потом – через вторую. У меня, бля, сердце колотится, как хер знает что, я вижу свободу там, впереди, за двумя дверями, а между ними набилась куча посетителей. Мы идем в вестибюль, где находицца комната ожидания и приемная. Я делаю глубокий вдох, дело в том, что какой-то старый пердун открывает дверь, чтобы войти, и до меня долетает порыв свежего воздуха. Я расписываюсь за свои шмотки и выхожу через эту дверь, нах. МакИльхон тащицца за мной всю дорогу, как будто я собираюсь вернуться обратно в этот гадючник. Он говорит:

– Ну вот, Франко.

Я смотрю прямо перед собой.

– Мы оставим твою камеру за тобой. До скорой встречи.

Охранники всегда так говорят, а заключенные всегда пожимают плечами и говорят: «Я не вернусь», – и охранники усмеваются и смотрят на тебя так, как будто хотят сказать: вернешься, нах, никуда ты не денешься, тупой пидор.

Но только не я. Я это уже проходил. И я очень надеялся, что это будет именно пидор МакИльхон, который обычно выпускает заключенных. Я поворачиваюсь к нему и говорю так тихонько, што-

бы больше никто не услышал:

– Теперь я на свободе. Там же, где и твоя драгоценная миссис. Может быть, я сюда и вернусь, но только после того, как отрежу ей голову. Бичам Кресент, дом 12. Два ребенка и все такое, ага.

Я вижу, как он меняется в лице, у него слезы из глаз текут. Он хочет што-то сказать, но губы его явно не слушающца. А я разворачиваюсь и иду. На свободу.

II. Порно

18. Пидористическое порно

Одну вещь я, бля, сделаю, как только выйду, – найду, нах, того припизднутого мудака, который слал мне в тюрягу это отвратное пидористичное порно. Еще полгода к моему сроку, нах, когда я хорошенько размазал по стенке этого мудака, который засмеялся, когда я сказал: «Мы с Лексо – партнеры».

Я говорил о нашем магазине.

Кстати, я первым делом туда. Что-то явно не так, потому что этот мудак, Лексо, уже сто лет как перестал меня навещать в этой блядской тюряге. Где-то около того. И, блядь, никаких объяснений. Так что я сажусь на автобус до Лейта, и когда выхожу на нужной останавке, я вижу, нах, что магазина просто нет! То ись он есть, но все, блядь, изменилось. Теперь здесь какое-то идиотское кафе.

Однако вот он, сидит за стойкой и читает какую-то блядскую газетку: Такого здоровенного хрена просто нельзя не заметить, хотя бы из-за его размеров. Посетителей практически нет; только одна старая кошелка да пара каких-то уродов поедают завтрак. Лексо, подающий еду в кафе, как здоровая блядская баба! Это, нах, что-то с чем-то. Он поднимает глаза, и видит меня, и тарашится, как на диковину какую.

– Все путем, Френк!

– Ага, – отвечаю. Обвожу взглядом эту дыру, все эти крохотные столики и что-то вроде замаскированных надписей на стенах, и дурацких ебучих драконов, и все такое.

– Что это такое?

– Да вот, сделал тут кафешку. На старой мебели денег не сделаешь. По вечерам мы тут устраиваем тайское кафе. Популярно у новых лейтских модников и студентов, – усмехается он, весь такой важный, нах.

Тайское кафе?! Что за хуйню несет этот урод?

– Чего?

– Подружка моя, Тина, она тут заправляет. У нее диплом по ресторанному бизнесу. Она подчитала, что это место даст больше прибыли как кафе.

– Так что ты ниче плохого не сделал. – Я злобно оглядываю помещение, давая ему понять, что я ни хрена не доволен.

Похоже, этот мудила уже готов открыть все свои карты. Его голос становится ровным и тихим, и он кивает мне, чтобы я зашел за стойку. Теперь он смотрит мне прямо в глаза.

– Ага, мне пришлось прикрыть дело. Я типа больше не работаю. Слишком от полисов жареным потянуло. Теперь здесь Тина, – говорит он. – Но ты не думай. Мы о тебе позаботимся.

Я смотрю на него, потом бросаю взгляд на кухню. Я прям чувствую, как он напрягается, нах, как будто боится, что я прямо сейчас и начну его убивать. Хотя он себя высокомерно ставит, руки размером с лопату ни хуя не значат, когда у тебя перо в брюхе. Ага, вот и он тоже зыркает в сторону кухни. Так что я беру этого здоровенного урода прямо за жабры.

– Ты чего ко мне не приходил стока времени? – говорю.

Он тупо смотрит на меня со своей этой блядской улыбочкой. Чувствуется, что у парня действительно нет ни хуя времени на меня, а самая сокровенная его мечта – гнать меня отсюда бегом всю дорогу до Бульвара.

Вот только попробуй, нах!

– А я тебе вот еще че скажу, половина старого магазина была моя, так что теперь половина всей этой, нах, подебени опять же моя... – говорю я, осматривая кафе, свое новое приобретение, бля.

Я прям вижу, что кровища у него аж бурлит в жилах, но он продолжает выдавать пенки дня:

– Я как-то смутно себе представляю, Френк, как ты подаешь чай и рулеты, но к какому-то со-

глашению мы придем. Я тебя не оставляю, дружище, ты же знаешь.

– Ага, – говорю, – мне вот прямо сейчас надо монетой разжиться.

– Ни о чем не волнуйся, приятель, – говорит он и отсчитывает мне несколько двадцаток.

У меня гудит в голове. Он вручает мне деньги, но продолжает нести пургу:

– Слушай, Франко, я слышал, что Ларри Уили все еще с Донни Леингом ошивается, – говорит он.

Башка, нах, раскалывается. Я смотрю на него:

– Правда?

– Правда. Это, кстати, не ты свел их вместе? – Лексо строит из себя эдакую невинность, а потом смотрит на меня пристально и кивает, как будто пытается сказать, что у них все схвачено, а мне хрен собачий.

И я пытаюсь понять своей больной, нах, башкой, что этот пиздюк имеет в виду, и каков вообще расклад, и у кого что схвачено, и кому хрен собачий, а он продолжает:

– И ты ни в жизнь не догадаешься, кто сейчас заправляет «Портом радости». Твой давний знакомый. Псих, так, кажется, звали этого мудака.

И вот теперь у меня начинается настоящая мигрень, как те, что бывали в тюрьме... голова как будто вот-вот взорвется. Здесь все так изменилось... Лексо и кафе... Псих и паб... Ларри Уили работает на Донни... мне надо выйти на воздух, мне нужно время подумать...

А этот урод продолжает:

– Схожу после обеда в банк, подброшу тебе денюжат, Френк, чтобы тебя поддержать. До тех пор, пока мы не придумаем что-нибудь, ну, долгосрочное. Ты сейчас у матери будешь жить, да?

– Ага... – говорю, в голове шумит, и я пока еще даже не знаю, где буду жить, – наверное...

– Ну так я заскочу вечером. Поговорим нормально, ага? – говорит он, а я просто тупо киваю, голова пульсирует болью, а в кафе входит какой-то старый мудака и требует рулет с беконом и чашку чая, и из кухни выходит эта цыпочка в передничке, и Лексо кивает ей, и она обслуживает старпера. Лексо вырывает листок из блокнота и пишет на нем телефон.

– Вот номер моей мобилы, Френк.

Он размахивает своим аппаратом – из тех новомодных, которые без провода, – прямо у меня перед мордой.

– Ага... теперь у каждого мудака есть такой. Мне, блядь, тоже бы пригодился. Достань мне, а? – говорю.

– Попробую, Френк. В общем, будет у тебя мобила.

– Ладно... увидимся, – говорю я, довольный, что теперь наконец можно выйти на свежий воздух. А то меня просто тошнило от запаха жира. Я все никак не могу поверить, как все изменилось, нах, ну, я имею в виду... наш мебельный магазинчик. Захожу в аптеку по соседству, и продавщица дает мне пилюльки, эти, как их, «нурофен плюс». Я съедаю две сразу, запиваю водой из бутылки и иду на Бульвар. Колеса и вправду хорошие, ну, в натуре, минут через двадцать башка проходит. То есть я все еще чувствую боль, но она, нах, уже не такая сильная. Я поворачиваю обратно к кафе и вижу, что Лексо о чем-то спорит со своей барышней, и вид у него теперь не такой уж и самоуверенный. Ладно, половина этого блядского магазина была моя, и если он собрался выплатить мне мою долю, то лучше ему меня не обижать. Дороже выйдет.

Вот он, мать его. Сидит за столом у окна и явно что-то замышляет, нах. Ну, типа, он весь из себя крутой, куда деваться. Ладно, посмотрим. Я иду по Бульвару, вглядываюсь в лица прохожих, пытаюсь найти хоть кого-нибудь из знакомых. И что мы имеем? Два грязных пиздюка с дредами, белые мальчишки и все такое, идут с таким видом, как будто они здесь хозяева, нах, потом шикарно разодетый мудака с маленькой собачонкой – выходит из магазина и садится в роскошную тачку. Что еще за ублюдки? Они не из Лейта. Где все местные, в смысле, по-настоящему местные? Достаяю записную книжку, захожу в телефонную будку и звоню Ларри Уили. Номер, бля, больно похож на номера этих модных мобил. Ладно, у меня скоро тоже будет, и лучше бы Лексо поторопиться...

– Франко, – сразу же отзывается Ларри, весь такой собранный, как будто ждал моего звонка. – Ты из тюрьмы звонишь?

– Неа, с Бульвара, нах, – отвечаю.

Он ненадолго умолкает, потом спрашивает:

– Тебя когда выпустили?

– Не важно. Ты сейчас где?

– В Западном Хейлзе, Френк, на работе, – говорит Ларри. Я на секунду задумываюсь. Не хочу пока идти к своей старухе, опять она будет ебать мне мозги, а у меня и так башка болит.

– Хорошо, давай встретимся через полчаса у «Хейлз-отеля». Я прям щас поймаю такси.

– Э-э... Френк, я работаю на Донни. И он может...

– Блядь, в первую очередь ты работаешь на Донни с моей подачи, – говорю я. – Встречаемся через час в «Хейлзе», я только к матери забегу, шмотки закину.

– Ну ладно. Тогда увидимся.

Я вешаю трубку. Наверняка этот придурок уже звонит Донни, весь в холодном поту. Ну еще бы: дурные вести. Ладно, я хорошо знаю этого мудака. Так что я направляюсь к дому матери, и она встречает меня, и начинает всюю причитать, как это, нах, хорошо, что я вернулся, и все такое.

– Ага, – говорю. Она сильно прибавила в весе. Здесь это более заметно, чем когда она приходила ко мне в тюрьгу.

– Надо нашим сказать, Элспет и Джо.

– Ага. Есть пожрать что-нить? Она упирает руки в бока.

– Ты сильно есть хочешь? Я сварю тебе супу, но попозже. Сейчас я уже убегаю. Играть в бинго. И, ну... обычно мы с Мэйзи и Дафной встречаемся в баре, чтобы сперва что-нибудь выпить... – ее голос падает, – но ты можешь зайти в закусочную. Тебе, наверное, не терпится снова съесть твой любимый рыбный ужин!

– Ладно, – говорю. По крайней мере там можно взять жрачку с собой и поесть прямо в такси по дороге к Ларри.

Так что я отправляюсь в закусочную, беру рыбный ужин и ловлю такси. Водила, придурок, смотрит круглыми глазами, как будто ему не нравится, что я ем на заднем сиденье его блядской машины, но я смотрю на него в упор, и он усыхает.

Мы с Ларри встречаемся в «Хейлзе», идем в бар, и Ларри берет нам выпить. С ним еще пара каких-то парней, но он им кивает, и они растворяются в темном углу. Так что мы с Ларри сидим-трещим, и никто нам не мешает. Ларри – хороший товарищ, и плевать мне, что о нем говорят всякие там уроды. По крайней мере он меня навещал в тюрьге. Но этот крендель – тот еще прохиндей, и мне надо выяснить самому, чем они сейчас занимаются с этим пиздюком Донни. Надо следить за собой, чтоб не ляпнуть чего лишнего, а тут еще деньги Лексо жгут карман. Взгляд Ларри недвусмысленно говорит мне, что мои тряпки слегка поотстали от времени и от моды. Ему явно хочется попиздеть за жизнь, но сперва ему надо выяснить кое-какие вопросы.

Мы приканчиваем свою выпивку, выходим из отеля и направляемся по этой старой дороге – по той, о которой, когда ее только построили, говорили, что это будет новая Улица Принцев. Сейчас это просто бетонная тропа от торгового центра к многоквартирным муниципальным домам, с двумя полосками травы по краям. Строить новую Улицу Принцев в этом районе?! Вот это номер!

Ларри ни капельки не изменился. Скользкий тип. Как всегда. Он смотрит на маленьких девочек на улице.

– Надо будет прийти сюда через несколько лет, – улыбается он.

Девчушки распевают:

– Колдунья Мег сказала мне, кто будет моим парнем... И Ларри бормочет себе под нос:

– У-и-л-и, – произносит по буквам свою фамилию.

– Иди на хуй, грязный мудила, – говорю я.

– Шучу, Френк, – смеется он.

– Не люблю я такие шутки, – говорю я. Кстати, я не уверен, что это шутка. Ларри такой: с виду вроде бы добродушный, но внутри он жестокий мудака. По крайней мере когда у него хрен встает. Разругался, нах, с Дойлами, когда насадил на свою палку одну из сестричек. Вот почему он был рад до усрачки, когда сошелся со мной и Донни. Он рассказывает мне о девчонке, к которой мы идем.

– Этот пиздюк, Брайан Леджервуд, сейчас в бегах. Съебался куда-то. Просто исчез на хуй, да. Оставил свою цыпочку и ребенка с долгами. Ну, в смысле, карточные долги.

– Это неправильно, – говорю.

– Ага, – отвечает Ларри, – жалко птичку. Вся такая порядочная, и вообще. Но бизнес есть бизнес, хм. Что тут поделаешь? Учти, про нее говорят, она не из скромниц. Мелани, – говорит он эдак вкрадчиво. – К ней Терри Лоусон хотел подкатиться. Помнишь его?

– Ага... – отвечаю, пытаюсь привязать лицо к имени, а Ларри уже стучит в дверь.

Открывает эта самая Мелани, и выглядит она очень даже ничего. Ларри прям впечатлился, нах.

Она стоит в дверях, волосы влажные, как будто она только что их вымыла, и они так завиваются... такие длинные локоны. Одета она по-простому: зеленый свитер и джинсы – и кажется, что она только-только их натянула, чтобы дверь открыть. Лифчика на ней нету, и, зуб даю, Ларри это просек, и я даже знаю, о чем он думает: а есть ли на ней трусы, нах, и все такое.

– Так, я ж вам грила уже. Долги Брайана – это его долги, я тут ваще ни при чем.

– Можно войти? Спокойно поговорим, без спешки, – говорит он, а я наконец вспоминаю. Ну да, Терри Лоусон, мы с ним сто лет знакомы, еще с детства. На футболе сошлись.

Мелани скрещивает руки на груди.

– Не о чем нам грить. Вам нада Брайана найти.

– Надо-то надо, вот только бы знать еще, где искать, – отвечает Ларри со своей этой мудацкой улыбочкой.

– Я не знаю, где он, – говорит Мелани.

И тут на лестничную площадку поднимается соседка, такая молоденькая девчушка, примерно того же возраста, довольно миленькая, с черными волосами. С дитенком в коляске. Видит нас и останавливается.

– В чем дело, Мел? – спрашивает она.

– Да тут пришли за деньгами, которые Брай им задолжал, – отвечает та.

Эта хрупкая девочка с черными волосами поворачивается ко мне.

– Брай оставил ей эти долги да еще прихватил и ее собственные деньги. Она с ним не виделась, это правда. И неча к ней лезть.

Я лишь пожимаю плечами и начинаю втолковывать этой цыпочке, что я, нах, ни к кому не лезу и ни о каких деньгах знать не знаю, я просто пришел вместе с Ларри, мы с ним на улице встретились, вот я, чиста, решил компанию ему составить. Я замечаю у нее под глазом желтый синяк. Спрашиваю, как ее зовут. Кейт. Мы с ней стоим – просто треплемся, а Ларри в это время разглагольствует перед Мелани.

– Таковы правила, куколка. Тебя ведь предупреждали. Это как в брачном контракте: хозяйство общее и долги тоже общие.

Мелани, похоже, напугана, но старается этого не показывать. Кейт умоляюще смотрит на меня, как будто хочет, чтобы я его остановил. К двери подходит малыш Мелани и роняет на пол свою игрушку, и она наклоняется, чтобы поднять ее, и замечает, что этот грязный мудила смотрит на ее задницу. Задница, кстати, того заслуживает, но Мелани награждает Ларри таким взглядом... ну прямо убийственным.

– Эй, эй! Зачем так смотреть? – начинает Ларри. – Я на твоей стороне, куколка.

– Ага. Хотелось бы верить, – отвечает она, но в ее голосе явственно слышен страх.

Крошка Кейт все еще смотрит на меня, и я думаю, чиста, я бы прям щас мог залучить этот сладкий кусочек, у меня так давно не было бабы... но этот Ларри, придурок ебучий, он мне всю малину, нах, портит.

– Слушай, Ларри, – говорю, – методы у тебя неправильные.

– Это грубо, я знаю, – примирительно говорит Ларри и добавляет, понизив голос, в смысле, уже не орет, а говорит нормально: – Слушайте... я ниче не обещаю, но мне надо поговорить с одним человеком, может, он даст вам чуть-чуть больше времени, – улыбается он.

Мелани смотрит на этого пиздюка, выдавливает из себя улыбку и сухо благодарит.

– Я знаю, ты здесь ваще ни при чем, ты просто делаешь свою работу...

Ларри на секунду отводит взгляд, потом продолжает:

– Я тут что подумал: может быть, сходим, чего-нибудь выпьем, а заодно и обсудим все в более цивилизованной обстановке, ну, например, вечером?

– Нет, спасибо, – говорит она. Я включаюсь в разговор:

– А ты, Кейт? Позови к мелкому няньку!

– Не могу, денег нет, – улыбается она. Я подмигиваю и говорю:

– А я старомодный. Не люблю, чтобы девушки сами за что-то платили. В восемь часов пойдет?

– Ну, да... но...

– Ты где живешь?

– Да вниз по лестнице, квартира прямо под этой.

– Я зайду за тобой в восемь, – говорю. Потом поворачиваюсь к Ларри: – Ладно, пошли... – Я хватаю его и тащу прочь.

Мы идем вниз по лестнице, и он поет:

– Иди ты на хуй, Франко, она бы пошла, если б ты меня не уволок!

Я говорю ему прямо:

– Ты, мудила вонючий, эту девочку не интересуешь. А вот Кейт я, похоже, глянул.

– Ага, эти цыпочки – они легкая добыча, они всегда без гроша и пойдут за любым, у кого с де-нежкой все нормально.

– Ага, но с тобой почему-то не пошли, – говорю я. Парень не сильно доволен, но сказать-то неча. А я прямо вижу, как его член опадает, и весь гонор сходит, нах, и сам он сникает – ему еще предстоит объясняться с Донни.

Но это его, нах, проблемы. Я всего-то несколько часов на свободе, но у меня уже все схвачено. Хорошенькая молоденькая цыпочка и все такое! Мировой рекорд, блядь. Я за все отыграюсь, уроды. Прямо щас и начну наверстывать упущенное!

19. Друзья-товарищи

Псих шмыгает носом, у него соплей еще больше, чем у меня, брат. Текут ручьем, из носа на верхнюю губу. Он постоянно сморкается в эти свои «клинексы», но это мало помогает, ручей – он ручей и есть. А чего ручью делать? Типа тока журчать и струитца. В общем, нос у него журчит, и сам он журчит, бля. Журчит и журчит. Что меня совершенно не беспокоит, ну, то есть обычно не беспокоит, но сейчас – случай особый, ведь Али его слушает. Слушает всю эту пургу. Чиста, цепляется за каждое слово, знаешь. Это была ее идея пойти в «Порт радости» и повидаться с ним, ну не моя же. Может, дурак я был, что пришел сюда накануне, а может, я и вправду был слишком резок с парнем, но у меня сейчас нервы – совсем ни к черту, а он меня знает уже стока лет и мог бы понять и выказать хотя бы какое-то сочувствие старому бедолаге, да. Но нет, этот кекс думает только о себе, а на других ему наплевать. Он так занят собой, что вообще удивительно, как он еще с кем-то общается. Сейчас он болтает что-то о кино, об индустрии развлечений и всей этой байде. Но меня вот что волнует: его болтовня, похоже, производит впечатление на Али, и я чувствую, что между ними что-то было... давно...

Ревнивый муж... Никчемный муж... И то, и другое, брат, И то, и другое.

А Псих и вправду не изменился. Нет, нет, нет. Такой же, как раньше. Со всеми своими великими планами и проектами. Как заведется – не остановишь.

Мы получаем желанную передышку, когда в баре становитсялюдно, и пожилая официантка, которая явно уже зашивается, кричит:

– Саймон!

На третий раз он наконец поднимается и этак расслабленно идет к ней на подмогу. Элисон поворачивается ко мне:

– Классно снова увидеть Саймона, – и она вспоминает всю нашу старую тусовку, Келли, Марка и Томми, да, брат, беднягу Томми.

– Да, Али, я очень скучаю по Томми, – говорю я, и, чиста, хочу поговорить о Томми, потому что о нем как будто, ну, все забыли, а это неправильно. Понимаешь, какая штука: когда я пытаюсь заговорить о нем, народ напрягается и говорит, что я, ну, типа больной, но это не так, я просто хочу о нем помнить, и чтобы другие помнили, понимаешь?

Али сегодня была в парикмахерской и постриглась короче, но оставила длинную челку. Мне больше нравилось, как раньше, но я не хочу ниче говорить. С девушками так всегда, если у вас с ней и так все не очень чтобы хорошо, подобное замечание может, ну, как сказать... пошатнуть равновесие, в натуре.

– Да, – говорит она, прикуривая сигарету, – Томми был классный парень. – Потом она поворачивается ко мне и вздыхает, и во взгляде моей детки холод. – Но на герыче спекся.

А я сижу и не знаю, чего сказать. Надо было бы сказать, что Томми, по правде, не был таким уж нарком, просто ему не повезло, ведь все остальные, все мы, как-то справились, чиста. Но я просто не успеваю ничего сказать, потому что он возвращается, ну, несет еще выпивку, и вот опять все о нем. Все о Психе.

У меня в голове как будто заела пластинка; ЛОНДОН... КИНО... ИНДУСТРИЯ РАЗВЛЕЧЕНИЙ... ОТДЫХ... ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА...

И я ниче не могу возразить, брат, сижу весь такой задрюченный, слушаю весь этот пиздеж, и,

чиста, тошно становится, и я говорю:

– Так ведь... гм... ниче у тебя толком не вышло, ну, в Лондоне?

Псих выпрямляется, весь такой напряженный, и смотрит на меня так, как если бы я только что сказанул, что его итальянская мамочка отсасывает полицейским. В его глазах – злость и ненависть, да, самая настоящая ненависть, но он ничего не говорит, просто смотрит так холодно, знаешь.

Мне от этого как-то не по себе, и я добавляю:

– Ну, брат, я просто подумал... когда ты сюда вернулся, ну, и все такое...

Он все еще напрягается. Мы с Психом всегда доводили друг друга, но мы были близки. То есть по-настоящему. А теперь мы просто доводим друг друга.

– Давай проясним одну вещь, Ур... Дэниэл. Я вернулся сюда ради новых возможностей: делать кино, держать бар... и это только начало.

– Я не назвал бы занюханное заведение в Лейте и какую-то любительскую порнушку грандиозной возможностью, брат.

– Вот только ты, блядь, не начинай. – Он встряхивает головой. – Неудачник ебучий. Ты посмотри на себя! – Он оборачивается к Али. – Посмотри на него! Прости, Али, но я должен это сказать.

Али смотрит на него, вся из себя такая серьезная.

– Саймон, мы все вроде как друзья.

А теперь этот крендель делает то, что у него лучше всего получается: перекладывает вину на других, оправдывает себя и в то же время опускает ближнего.

– Смотри, Али, я вернулся сюда, и все, что я здесь получаю – негативную энергию от неудачников, – говорит он, – как можно работать в такой обстановке?! Все, что я говорю, что я делаю... как будто на стену натыкаюсь. Друзья, говоришь? Я ожидал поддержки от так называемых друзей. – Он шмыгает носом. Потом указывает на меня таким обвиняющим жестом. – Он тебе говорил, что он был здесь вчера? А до этого мы с ним не виделись черт-те сколько.

Али как бы, ну, качает головой и смотрит мне прямо в глаза.

– Я собирался тебе рассказать... – пытаюсь я объяснить, но Псих меня перебивает:

– И что в итоге? Он не сказал мне даже: «Приветик, Саймон, как твои дела, давненько не виделись», – говорит он ей, всем своим видом изображая обиду. – Нет, кто угодно, но только не он. Он прямо с ходу пытается что-то из-под меня поиметь, не сказав даже сперва: «Привет, как дела!»

Элисон отбрасывает назад челку и смотрит на меня.

– Это правда, Дэнни?

Ну вот. Очередная задница. Когда ты весь замотан и болен, и очень несложно, ну типа, предугадать, что будет дальше. Вот так вот, брат. Я уже вижу, как я встаю, весь дрожу и трясусь, как в тех ранних черно-белых кинах, где все происходит в ускоренном темпе, а кадры плохо подогнаны друг к другу. Я уже вижу, как открываю рот и указываю на него пальцем за секунду до того, как все происходит на самом деле. Потом, ага, я встаю, показываю на него пальцем, на этого мудилу без стыда и совести, и говорю ему:

– Ты никогда не был мне другом, то есть настоящим другом, как Ренте!

Лицо Психа кривится в ухмылке, а его нижняя челюсть выходит вперед, словно, бля, ящик выдвинули.

– Ты о чем говоришь? Этот мудака наебал нас всех!

– Меня – нет! – кричу я в ответ, тыча себя в грудь.

Псих замолкает, то есть совсем замолкает, но при этом таращится на меня, не отрываясь. Ну все, пиздец. Вот я и проговорился. И Элисон смотрит на него, и все такое. Они оба – две пары широко открытых глаз, вопящих о предательстве.

– Так вот оно что, – говорит он жестко, – ты был с ним заодно. – Он смотрит на Али, которая опускает голову и глядит в пол. Али умеет хранить секреты, но не умеет врать.

Я не хочу, чтобы он обвинял ее, пусть даже взглядом, так что я говорю:

– Нет, я об этом ниче не знал, и все пошло на Али и Энди. Взгляд у Психа по-прежнему напряженный, но он знает, что я не вру. Но он также знает, что это еще не все.

Я выкашливаю слова, скребя ногтем промокшую подставку для кружки:

– Уже позже я получил деньги, посланные по почте. Только мою долю, не больше.

Широко распахнутые глаза Психа как будто вгрызаются в меня, и я знаю, что не стоит даже и пытаться его обмануть, он все равно все просечет.

– На переводе был лондонский почтовый штемпель, и он пришел недели через три после того,

как я вернулся сюда. Записки не было. Я его больше не видел и не слышал о нем ничего с тех пор, но я понял, что это он послал деньги, потому что больше вроде бы некому, – говорю я и добавляю, ну, малость хвастливо: – Марк меня все же не кинул! Вернул деньги.

– Полную долю? – спрашивает он.

– До последнего пенни, брат, – говорю я с долей ликования, потом сажусь на место, потому что я вдруг устал. Али укоризненно смотрит на меня, а я лишь пожимаю плечами, и она опять опускает глаза.

Видно, что Псих лихорадочно соображает. Чиста штопор в башке. Мне представляется, что у него в мозгах должно быть что-то типа тех крутящихся хреновин с шариками, ну, которые для лотереи или жеребьевки Кубка Шотландии. У него такой вид, как будто ему вправду больно, он не просто притворяется обиженным, но потом он вдруг улыбается, только улыбочка больше похожа на оскал крокодила, в точности как на логотипе на его голубой лакостовской рубашке.

– Да неужели? И хуеву тучу добра это тебе принесло. Али поднимает голову, смотрит на меня.

– Те деньги, что ты принес тогда для малыша... они были от Марка Рентона?

Я молчу, ничего не говорю.

Псих поднимает свой стакан виски и осушает одним глотком, потом начинает постукивать пустым стаканом по столу.

– Да, это ты правильно делаешь, что сидишь всю дорогу в ебучем ступоре, – говорит он с издевкой. – Ты ничего в жизни не сделал, ты ничего никогда и не сделаешь.

И я уже не могу сдержаться, я выпаливаю ему все; я говорю, что я делаю, делаю – я пишу историю Лейта. Псих разве что не смеется мне в морду.

– Наверное, охуительно получается, – восклицает он на весь бар, так что кое-кто из народа косятся на нас.

Теперь Али смотрит на меня как на идиота или что-то типа того.

– Ты о чем говоришь, Дэнни? – спрашивает она.

А мне просто надо уйти отсюда, выйти на воздух. Я встаю и направляюсь к выходу.

– Негативная энергия, говоришь? Ладно, буду иметь в виду. В общем, увидимся.

Псих вздергивает брови, но Али идет следом за мной к двери, и мы выходим на улицу.

– Ты куда? – спрашивает она, обнимая себя за плечи.

– Мне на занятия надо, – говорю. Дует пронзительный ветер, и ей холодно; дрожит, хотя на ней теплая кофта.

– Дэнни... – начинает она, теребя пальцами застежку молнии у меня на куртке, – я вернусь туда и поговорю с Саймоном.

Я смотрю на нее и, чиста, не могу поверить.

– Ему плохо, Дэнни. Если он что-нибудь скажет про эти деньги, или про Второго Приза... – она в нерешительности умолкает, но продолжает: – ...или про Френка Бегби...

– Ладно, иди к Саймону. Нельзя же, чтобы он из-за нас расстраивался, ведь правда? – огрызаюсь я, но ебись все конем, я ведь все помню. Мы тогда все были в Лондоне: я, Ренте, Псих, Второй Приз и Бегби, и Ренте, чиста, всех кинул. Всех нас. Но мне он деньги вернул. Теперь уже ясно, что Психу он не вернул ни хрена, но об остальных я ниче не знаю. Наверное, Бегби он ничего не вернул, Бегби ведь шизанулся, грохнул этого кекса, Донелли, и сел, хотя этот Донелли был та еще сволочь.

– Возвращайся сегодня пораньше, – говорит она, целует меня в лоб, разворачивается и снова заходит в паб.

Типа пошла утешать Саймона.

Вот так оно все и случилось, и я, ясный перец, был возбужден и встревожен, и волновался, как хрен знает кто, и когда я пришел на встречу, я им все это рассказал, всю эту лейтскую историю. А эта девчушка, Эврил, она была просто счастлива, знаешь, брат, просто счастлива. Оно того стоило, ну, просто чтобы увидеть ее улыбку. В общем, я все-таки проговорился, что я типа как вижу себя писателем, человеком ученым, нах. Самый обычный парень, но мужик с головой, выдающийся местный историк, двигатель прогресса, сотрясатель основ.

Но это, ну, не про меня. Тот парень по ящику, который рассказывает обо всех этих древних цивилизациях, ведь он никогда не скажет: эй, брат, я лучше гляну на этого кренделя из Лейта, на этого новенького. Я лично не имею, чтобы этот псих рыскал вокруг всех моих Пирамид, только оно того – ну, без мазы.

Пора бы уж с этим завязывать, да. Но, знаешь, все-таки надо попытаться, может быть, доказать

Али, что я способен на что-то большее. Им всем доказать.

Когда я впервые встретил Алисой, она была эдакой странной, чудесной девушкой, с таким классным загаром, длинными темными волосами и зубами, ну прямо жемчужно-белыми. Крутая цыпочка, прямо как я, но иногда мне казалось, что будто какой-то невидимый вампир присасывался к ее шее, выпивая из нее энергию.

Она никогда не обращала на меня внимания. Она всегда была с ним. Потом, я помню, однажды она мне улыбнулась, и сердце у меня в груди разлетелось, ну, на осколки. Когда мы стали встречаться, я думал, что это так, временно, и что когда-нибудь мы разбежимся, что ей быстро со мной надоест, и ей захочется двинуться дальше. Но потом родился малыш, и она, типа, просто осталась. Вот, наверно, и причина, брат, наш ребяенок, наверняка единственная причина, почему она осталась со мной.

Но сейчас она снова похожа на ту высосанную вампиром Али, и догадайся, кто этот вампир? Это я, брат. Это я.

Интересно, она все еще там, в «Порте радости»? Я бы сходил – посмотрел, но не хочется снова с Психом встречаться. Я поворачиваю в другую сторону и направляюсь в город, где натыкаюсь на Кузена Доуда, выходящего из «Старой Соли», и мы идем к нему пыхнуть, у него квартира на Монтомери-стрит. Довольно клевая, кстати, квартира: совсем крохотная, ну, как съемные комнаты, зато и плата не в пример меньше, чем за большую. Он ее снял уже с мебелью, со всеми прибабахами, брат, за исключением большой картины Хана, эпохи Сунь, что висит на стене над камином. И кушетка у него очень уютная. Куда я и падаю чиста в изнеможении.

Мне, пожалуй что, нравится Кузен Доуд, хотя иногда он – такой зануда, и после пары косячков и пива я рассказываю ему о своих личных проблемах.

– Ничего, приятель. *Omnia vincit amor*, любовь все побеждает. Если вы друг друга любите, все получится, а если нет – пора двигать дальше. Вот и все, – говорит Доуд.

Я говорю, что не все так просто.

– Есть один парень, мы с ним раньше дружили, и он с ней хороводился, и он теперь снова в городе, вернулся на сцену, ну, ты понимаешь. Мы тут увиделись, парень держался достаточно самоуверенно, ну я и высказал кое-что, что вообще-то не стоило говорить, понимаешь?

– *Veritas odium parit*, – говорит Доуд эдак глубокомысленно. – Правда порождает ненависть, – поясняет он для меня.

С моей стороны это чистое сумасшествие – пытаться написать книгу, хотя я свое имя пишу с трудом, и вот вам Кузен Доуд, парень как будто специально латынь изучал, а он еще и Уиджи к тому же. По Уиджи вообще-то не скажешь, что они вообще в школу ходили, но, наверное, все же ходили, да и школа эта получше нашей будет. Так что я говорю умному Кузену:

– И откуда ты столько всего знаешь, Доуд, ну, латынь и все такое?

Он пускается в объяснения, пока я сворачиваю очередную сигаретку с анашой.

– Я занимался самообразованием, Урод. Ты воспитан в другой традиции, не так, как мы, протестанты. Я не говорю, что ты не можешь быть таким же, как я, – ты можешь. Просто от такого, ну, как ты, потребуется больше усилий, потому что ты вырос в другой культуре. Видишь ли, Урод, мы неизменно придерживаемся Ноксианской традиции образования рабочего класса Шотландского Протестантства. Вот так я и стал инженером.

Что-то я ничего уже не понимаю, чего этот угод там бормочет.

– Но ты ведь охранником работаешь? Доуд трясет головой.

– Это только на время; до тех пор, пока я не вернусь на Средний Восток и не заключу новый контракт. Понимаешь, эта работа в охране, она не дает мне скучать. Не хочу тебя обидеть, приятель, но все же скажу... Тебе можно сказать, потому что в тебе есть потенциал. Понимаешь, это как раз тот случай, когда черт делает свое дело. *Otia dant vitia*. В этом-то и разница между предприимчивым протестантом и беспомощным католиком. Мы будем задницу рвать, чтобы удержаться на плаву, пока нам не представится шанс пробиться. Я ни за какие коврижки не буду сидеть здесь, проебывая оманские денежки.

А я думаю про себя: интересно, а сколько бабла этот угод затарил в свою ячейку в Банке Клайдсдейла.

Было приятно снова увидеться с милой Алисой, даже притом, что перебранка с этим большим торчком, явно сидящим на героине, этим обтрепанным и оборванным неудачником, с которым она связалась, очень сильно меня расстроила. Он стал довольно-таки шустрым. Тощий нагероиненный мудака. Надо было его вышвырнуть прямо на улицу вместе со всем остальным старьем, чтобы его подобрали мусорщики и сожгли в печи. Жизнь – штука такая: может быть лучше, а может быть хуже. И сейчас, думая об Уроде, я прихожу к выводу, что худшее позади. Но нет, все стремительно летит на хуй. Входит он.

– Псих! Оратор хуев! Ты теперь держишь паб в Лейте? Так и знал, что ты не сможешь прожить вдалеке отсюда.

На нем немодная коричневая летняя куртка, старые найковские кроссовки, левисы и что-то похожее на полосатую рубашку от «Paul and Shark» удручающе древнего модельного ряда. Естественно, общий вид во весь голос вопит: тюряга. Может, и есть проблески серебра на висках и парочка лишних «Марсов» на фасаде, но парень выглядит очень даже ничего. Совершенно не постарел, как будто проводил время в загородном клубе здоровья, а не в местах не столь отдаленных. Может, качался по двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Даже мазки серебра кажутся неестественными, словно киношный грим, который актеру накладывают, чтобы он выглядел старше. Я буквально, блядь, онемел.

– Вот уж не думал, что дождусь этого дня! Я же тебе говорил, что ты, мудила, все равно вернешься! – говорит он, демонстрируя мне, что его мания на избитые, явно отрететированные фразы жива, как и раньше, возможно, даже развилась, пройдя длительный инкубационный период в катажке. Представляю себе, каково было его сокамерникам. Ставлю все, что у меня есть, – дикий зверь улепетнул бы первым.

Мои челюсти как будто смыкаются в замок, зубы скрипят. И это совсем не от кокса, который я принял, когда заходил Мэрфи-Смэрфи. Я выдавливаю натянутую улыбку и пробую оживить свой язык.

– Франко! Как дела?

В лучших старых традициях: этот крендель никогда не дает ответов, когда у него есть свои вопросы.

– Ты где остановился?

– За углом, – говорю.

Он смотрит на меня таким взглядом, будто шкуру сдирает, но я вовсе не собираюсь распространяться перед этим кренделем. Потом его взгляд скользит по залу и возвращается ко мне.

– Пиво будешь, Франко? – ухмыляюсь я.

– Думал, ты, блядь, и не спросишь, – говорит он, оборачиваясь к еще одному долбаному неудачнику, который пришел вместе с ним. Я знать не знаю этого придурка. – Парень может позволить себе держать паб, он может позволить себе угостить пивком своего старого друга Франко. Правда, Псих?

– Ага... – Я снова выдавливаю улыбку, поднимая стакан к крану, и стараюсь подсчитать в уме, сколько бесплатных кружек этот мудака опустошит за неделю и как это все отразится на почти нулевом доходе, который эта дыра мне почти приносит. Я треплюсь с Франко, подбрасывая информацию и имена, которые вздрючат его большую голову. Прямо видно, как крутятся шестеренки у него в мозгах, как ему становится все более и более не по себе. Имена и наполовину обрисованные схемы толпятся, пытаюсь пробиться в нужном направлении, как поток машин, столкнувшийся с приближающимся аварийным ограждением. Как бы мимоходом я произношу одно конкретное имя. До меня вдруг доходит, что я одновременно встревожен и странно воодушевлен повторным появлением Франко, и я стараюсь сложить в голове черновой баланс возможностей и опасностей. Я пытаюсь оставаться стабильно нейтральным и терпеливо выслушиваю пургу, которую он тут несет, разве что иногда язвительно усмехаюсь. Я так думаю, найдется немало народу, который не так равнодушно, как я, отнесется к возвращению Бегби.

Этот второй незнакомый парень, широкоплечий такой, мельком поглядывает на меня. Он похож на чуть более худосочную, менее здоровую версию самого Франко: тело накачено на тюремном железе – да, но потом заполировано наркотой и алкоголем. Его глаза – дикие, психопатические щелки, они как будто ищут, что бы испортить хорошего и к какой бы дряни примкнуть. Коротко остриженные волосы покрывают крепкую черепашку, по которой можно хоть целый день колошматить, и только пальцы себе отобьешь.

– Так ты и есть Псих, что ли?

Я просто смотрю на него, наливая пиво. Мое выражение – обнадеживающе неискреннее, вызывающее, когда молчаливое «и?» висит в воздухе и идет битва двух волей, кто – кого. Я молчу, жду, пока этот кретин скажет еще что-нибудь. Но я теряю контроль: все, что я получаю, – улыбка этого пройдохи, и кокаиновый кайф сходит на нет, и я думаю про тот сверток у меня в кармане, в куртке, что висит в офисе наверху. К счастью, он прерывает паузу.

– Меня зовут Ларри. Ларри Уили, – говорит он и смотрит по-деловому, оценивающе. Я пожираю протянутую руку с явным облегчением. Я прямо вижу, как моя лицензия уже тихонько смывается в унитаз – из-за таких вот уродов, как этот.

– Слышал я, мы тут шарились в одном и том же месте, – говорит он с нехорошей улыбкой.

О чем, блядь, речь?

Этот тип Ларри, видимо, уловил мое замешательство и решил пояснить.

– Луиза, – говорит он. – Луиза Малколмсон. Она мне говорила, что ты пытался втянуть ее в грязные игры.

Гм. Звоночек из прошлого, вот оно что.

– Да? – Я киваю, глядя сперва на кран, а потом на него. Ненавижу стоять за стойкой. Нет у меня терпения кружки наполнять. Хорошо еще, эти братцы-алкаши не спросили «Гиннесса». Да, теперь я припоминаю его лицо, вроде бы я его видел в одном притоне, куда обычно ходят поиграть или развеяться.

– За тебя, приятель, – улыбается он. – Я знаю, потому что я тоже там подвизался и все такое.

Бегби переводит взгляд с меня на этого Ларри и обратно на меня.

– Мудачье вонючее, – говорит он с самым что ни на есть настоящим отвращением. И мне вдруг становится страшно – в первый раз с той минуты, как он вошел. Мы стали старше, и я не видел его сто лет, но Франко – это все еще Франко. Смотришь на этого дурачка и знаешь, что он никогда не продвинется; и семьи у него никогда не будет – семья это не для таких, как он. Для этого Нищего Духом – только смерть или пожизненное заключение, и он утянет с собой en route⁶ столько народу, сколько получится. В общем, он и вправду ни капельки не изменился.

С мягким протестом Ларри поднимает ладони.

– Эй, это же я, Франко, – улыбается он, потом оглядывается на меня. – Вот как оно, приятель. Если уж я приладил к цыпочке, которую имеют все кому не лень, да при этом еще проигрался в хлам, единственное, что можно сделать, чтобы как-то поправить положение и вернуть себе денюжки, – это стать ее сутенером. Вот этот парень тебе все расскажет, да, приятель?

Этот урод думает, что я такой же, как он. Но нет. Я – Саймон Дэвид Уильямсон, бизнесмен, предприниматель. Ты – толстый бандит с большой дороги, и у тебя нету будущего. Я киваю, но улыбку оставляю при себе, потому что этот мудила выглядит как человек, которому лучше не противоречить. Классный кореш для Франко, два сапога пара. Им надо бы пожениться прямо сейчас, потому что они никогда не найдут для себя никого более подходящего. Как и Бегби, он не ученый, занимающийся освоением космоса, но хитрость уличной гиены у него прет прямо изо всех дыр, и он знает, когда на него смотрят свысока – чует за сотню ярдов. Так что я гляжу на Франко и киваю на какую-то мелюзгу, что сидит за столом у музыкального автомата.

– А это кто такие, Франко?

Взгляд его голодных глаз перекидывается на молодую тусовку, мгновенно высосав весь кислород из воздуха.

– Да так, молодняк. Кое-какие делишки прокручивают, но так, по мелочи. Хотя среди них попадаются шибко крутые, – объясняет он. – Так что если на ты кто наедет, дай мне знать. Мы друзей не забываем, – добавляет он важно.

Друзья, ебать меня в задницу.

Я думаю про Урода, которого подбил на обман этот рыжий вор Рентой. Ублюдки. А вот интересно, а знает ли Франсуа об этом уютном маленьком бизнесе, мистер Мерфи? Ох, Дэнни, мой мальчик, вовсе не исключено, что трубы могут вострубить очень скоро. И вострубить весьма не хило. Да, я уже почти слышу сей трубный глас. И мелодия, которую они играют, напоминает мне похоронный плач по одному мелкому наркоману из Лейта. Ну да, точно, скорбный плач по безвременно почившему.

⁶ «Human Traffic» – в российском прокате шел под названием «В отрыв». – Примеч. пер.

Но пока что мне не имеет смысла лезть на рожон.

– Спасибо, Фрэнк. Я малость выпал из лейтской жизни, ну, понимаешь, столько лет прожил в Лондоне и все такое, – я, замечая, как в бар входит еще одна кучка этих молодых оборванцев. Они направляются к стойке, прямо ко мне, не заметив Мораг, которая читала в углу, и теперь со скрипом поднимается на ноги.

– Клиенты, блядь. Потом поболтаем, ага?

– Ладно, – говорит Франко, и они с этим типом Ларри усаживаются в углу рядом с игровым автоматом.

Юные мудаки заказывают по пиву и пьют прямо у стойки. Я слышу весь их разговор, про разборки, про звонки тому-то и тому-то, и все в том же духе. Я замечаяю, что Франко и Ларри ушли. Это слегка поднимает им настроение, этим мелким придуркам, и они начинают говорить громче. А этот урод Бегби даже не потрудился принести пустые стаканы обратно на стойку. Он что, думает, я тут официантом работаю для каких-то там люмпенов типа него?

Я иду за стаканами, думая о конфетках, которые я прикупил у Охотника и которые сейчас дожидаются наверху в ящике с наличностью. Очевидно, что кокаин я приберегу для себя, любимого. Я собираю стаканы в стопку, как блядский халдей, и подхожу к самому наглому из этой тусовки, парню по имени Филипп.

– Все нормально, приятель?

– Ага, – отвечает он подозрительно. Подходит его толстый приятель, как бишь его зовут, Кертис, который, кажется, в этой компании служит мишенью для всех идиотских шуток. Как и у остальных, у него все пальцы – в золотых перстнях.

– Клевые у вас кольца, ребята, – говорю я. Жиртрест отвечает:

– Ну да, у меня их пя-пя-пять, и я хочу еще т-т-три, так чтобы было по одному на каждом па-па-па-па-па... – Он стоит с открытым ртом и моргает, пытаюсь выговорить слово, и я думаю, что я мог бы пока протереть все стаканы или послушать Богемскую Рапсодию по музыкальному автомату в ожидании, когда он закончит фразу.

– ...па-пальце, вот.

– Ага, так будет удобней ходить по Бульвару. Предохранит костяшки от ссадин, когда будешь цепляться за мостовую, – улыбаюсь я.

Пустоголовый придурок смотрит на меня с открытым ртом.

– Э... ага... – говорит он, совершенно офигевший, а его приятели ржут до упаду.

– А ты посмотри на мои, – говорит этот недоносок Филипп и предъявляет мне полный набор. Ура, есть контакт. Чего я, собственно, и добивался. Этот мелкий пиздюк напряжен, как член, и в его взгляде явно сквозит намек, что он – мальчик очень плохой. Он стоит так близко ко мне, что козырек его бейсбольной кепки почти тычется мне в лицо. Не люблю, когда люди стоят так близко. Он упакован в этот дорогой, но безвкусный прикид, который так любят все эти мелкие рэпперы.

Я киваю ему, мол, давай отойдем, надо поговорить. Мы отходим в уголок, к музыкальному автомату.

– Надеюсь, колеса вы не продаете, – говорю я шепотом.

– Не-а, – отвечает он, агрессивно трясая головой. Я еще понижаю голос.

– А купить не хотите?

– Ты что, шутишь? – Губы сжимаются, глаза как щелки.

– Ни в коем разе.

– Ну... ага...

– У меня есть голубки, по пятерке за штуку.

– Пойдет.

Крендель достает деньги, и я отсчитываю ему двадцать голубков. Потом торговля идет, как на ярмарке. Мне даже приходится звонить Охотнику, чтобы прислал еще. Конечно, бар он своим присутствием не почтил, прислал вместо себя похожего на хорька курьера. Я продал сто сорок штук, а до закрытия оставался еще час. Потом эти придурки съебались по клубам, и в баре почти никого не осталось за исключением пары одышливых старых пьянчуг в углу за домино. Я откладываю шесть таблов и убираю их в отдельный целлофановый пакетик.

Я смотрю через стойку на Мораг, которая уже помыла стаканы и снова уселась читать.

– Мо, присмотри тут за баром полчаса. Мне надо сбегать по делам.

– Угу, не волнуйся, сынок, – бормочет услужливая старая перечница, не отрываясь от чтения.

Я не спеша иду к Лейтскому полицейскому участку. Обдумываю по пути грандиозную фразу: «Лейтская полиция освобождает нас». И кто ее только придумал?! Вхожу в участок, подхожу к низкорослому копу, сидящему за столом. Резкий запах лечебной мази несется от него, как резвый страйкер – от тяжелого центрального защитника. У парня такой вид, словно он гниет заживо, весь – сплошная экзема, покрытая струпьями кожа дрожит у него на шее, удерживаясь на месте только благодаря жирному, ядовитому поту. Да, все-таки хорошо увидеть настоящего полицейского. Этот кусок шашлыка смотрит на меня и нехотя спрашивает, чем он может мне помочь.

Я бросаю ему на стол пакетик с шестью таблетками.

Теперь его глубоко посаженные глаза загораются концентрированной энергией.

– Что это? Где вы это взяли?

– Я буквально на днях получил лицензию на «Порт радости». Туда ходят всякие люди. Молодые ребята. Сидят, выпивают. Ну, я ничего не имею против, они тратят там свои деньги. Но сегодня я заметил, что двое ведут себя подозрительно, и последовал за ними в туалет. Они зашли в одну кабинку вдвоем. Я толкнул дверь, замок на ней был сломан, надо бы его починить, все никак не соберусь. В общем, я им сказал: «Я только-только лицензию получил, мне тут не нужно никаких безобразий». Ну, я отобрал у них эти таблетки и выгнал их.

– Понятно... понятно... – проговорил Коп-Шашлык, переводя взгляд с таблов на меня и обратно.

– Я сам в этом не разбираюсь, но это могут быть те фантастические таблетки, о которых пишут в газетах.

– Экстази...

Парень выучил слово «экстази» по созвучию с «экземой», что примерно одно и то же.

– Да как угодно, – говорю я, само нетерпение бизнесмена и налогоплательщика. – Дело в том, что я не хочу, чтобы их посадили, если они невиновны, но я никому не позволю продавать наркотики в моем баре. Чего я хотел бы от вас: чтобы вы протестировали эти таблетки и сказали мне, действительно ли это запрещенные наркотики. Если да, я вам сразу же позвоню, если эти придурки снова появятся у меня в баре.

Шашлычок явно впечатлен моей бдительностью, но в то же время ему явно не хочется заморачиваться. Как будто две силы тянут его в разные стороны, и он качается неваляшкой на одном месте, пытаясь выбрать, на какой же блядский путь встать.

– Хорошо, мистер, если вы нам оставите свои координаты, мы отошлем эти таблетки в лабораторию на анализ. Мне кажется, это экстази. К сожалению, большинство нынешних молодых людей их потребляют.

Я решительно встряхиваю головой, как старший детектив в «Полицейском».

– Только не в моем баре.

– Про «Порт радости» тоже ходили такие слухи, – говорит он.

– Этим, возможно, и объясняется, почему я его получил за те деньги, которые заплатил. Ну, наши друзья, кто торгует наркотиками, уже в скором времени обнаружат, что все изменилось! – с пафосом объявляю я. Коп старается выглядеть поощрительно, но, наверное, я где-то переиграл, и он теперь думает, что я один из этих «героев наших дней», член «комитета бдительности», от которых не столько помощь, сколько большой геморрой.

– М-м-м... – мычит он. – Если будут какие-то проблемы, мистер, сразу же обращайтесь к нам. Мы здесь для того и находимся.

Я киваю с суровой признательностью и направляюсь обратно в паб.

Когда я возвращаюсь, Терри Сок уже стоит, подпирая стойку, и потчует старушку Мо какой-то байкой, а та так гогочет, что я опасаясь, как бы она не намочила штаны. От ее рева стены дрожат, что наводит меня на мысль, что надо бы проверить страховку на здание.

Терри выглядит очень даже неплохо. Он бочком придвигается ко мне.

– Псих, то есть Сай, я просто подумал, а чего бы тебе не поехать с нами в Амстердам за Рэбовой порнушкой. Проверим, как там с товаром в районе красных фонарей.

Ни за какие, блядь, коврижки.

– Я бы поехал, Терри, но мне нельзя оставлять паб, – говорю я ему, крикнув этим убищам в углу, чтобы заказывали по последней, бар закрывается. Никто из них пива уже не хочет, так что они просто растворяются в ночи, как привидения, которыми вскорости и станут.

Не испытываю никакого желания ехать в Амстердам с этой толпой шизоидов. Правило первое:

окужай себя женщинами, любой ценой избегая компаний «приятелей». Я закрываю бар, а Терри уговаривает меня пойти с ним в один клуб, где играет этот его кореш диджей, парень по прозвищу Кислота, или Знак-К, как он себя называет. Ладно, чего не сходить. Кислота – личность довольно известная, и там наверняка будет много народу, в общем, я соглашаюсь. Мы садимся в такси, потом пробираемся сквозь толпу на входе в «Корову». Терри кивает и подмигивает охранникам. Один из них, Декси, мой старый знакомец, и я ненадолго задерживаюсь – попиздеть с ним за жизнь.

Поскольку мы в Эдинбурге, а не в элитном Лондоне, VIP-бар отсутствует, так что нам приходится идти в самый обыкновенный бар, где толчется плебс. Кислота рядом со стойкой, а вокруг него – толпа молодых уродов и девочек, суетливо его опекающих. Он кивает нам с Терри, и мы проходим в административную часть клуба с кем-то еще из парней, а там уже нас ждут дорожки. Имеется также и несколько упаковок халявного пива для гостей. Терри представил всех, а я по-любому смутно помню Кислоту, старого дружка Сока из давних времен. Они оба из Лонгстона, или из Брумхауза, или из Стенхауза, или еще откуда-то. В общем, оттуда, где власть держит Джамбо. Забавно, я давно уже не фанатею от «Хибсов», но моя неприязнь к «Хертсам» не убывает ни на йоту.

Терри рассказывает им всем, как мы знатно оторвались на днях.

– Мы заделали большую тусовку у Психа. Была там одна студенточка, учитца вместе с Рэбом Биррелом. – Он поджимает губы и поворачивается ко мне: – Приятная девочка, правда?

Его плохая дикция, особенно под кокаином, вызывает некоторые сложности, в смысле – для понимания, но смачность рассказа заразна.

– Приятная, – подтверждаю я.

– Не умеют даже с анашой обращатца. Сперва ту конопатую малышку чуть не стошнило, а потом эта киска, заточенная под еблю, эта Никки, напиваетца вдрабадан – и все. А этот грязный мудакаводит ее к себе и там ей заправляет, – говорит он, кивая на меня.

Я трясую головой.

– Черта с два я ее поимел. Джина сводила ее в сортир, потом мы притащили ее обратно ко мне и уложили спать. Я проявил себя истинным джентльменом, вел себя выше всяких похвал, ну, по крайней мере с Никки. Я потом Джину отодрал у нее дома.

– Ага, а потом, спорим, вернулся и занялся Никки.

– Не-е-е-е... Мне надо было рано вставать. Из-за поставщиков. Так что я пошел прямо в паб. Когда я позвонил домой, Никки уже не было. Но даже если б она была, я бы и пальцем к ней не при-тронулся. Показал бы себя истинным джентльменом, опять же.

– И ты думаешь, я те поверю?

– Все так и было, говорю же, – улыбаюсь я, – есть девчонки, с которыми надо растягивать удовольствие. Какой интерес ебать облеванное туловище?!

– Ладно, запишем, блядь, в убыток, – ругается Терри, – потому что той крошке явно хотелось того-сего, – говорит он Кислоте, или Карлу, как он его называет. – Да, Карл, ты бы тоже как-нить заглянул в наш паб. Захвати с собой девок побольше, и все такое. Нам всегда нужна свежая кровь, – пристает к нему Терри.

Вроде этот диджей – ничего парень. Мы догоняемся, разделив упаковку на двоих, и он кое-что мне говорит, отчего мое сердце начинает стучать даже чаще, чем от этой дорожки, которую я только что занюхал.

– Я тут неделю назад в Даме был. Видел того парня, который там держит клуб. Вроде как твой приятель. Рентой. Вы поругались, как мне говорили. Ты с ним так больше и не общался?

Что же он такое говорит?

Рентой? РЕНТОЙ?! БЛЯДСКИЙ РЕНТОЙ?!

Я думаю, может, мне все-таки выбратся в Амстердам. Проверить порнопейзаж. Почему бы и нет? Немного кина категории R.⁷ А заодно можно попробовать получить наличность, которую мне задолжали!

Рентой.

– Ага, мы с ним лучшие друзья, – вру я, не краснея. – Как его клуб-то теперь называется?

– «Роскошь», – говорит этот Карл Эварт по прозвищу Кислота, и сердце тяжело колотится у меня в груди.

– Да, – соглашаюсь я, – точно. «Роскошь».

⁷ Фильмы, на которые дети до 16–17 лет допускаются только в сопровождении взрослых. – Примеч. пер.

Я покажу ему роскошь, этому подлому рыжему мудаку.

21. Шлюхи из города Амстердама (Часть 3)

Канал сегодня отливает зеленью; не могу разобраться, то ли это отражение деревьев в воде, то ли канализацию прорвало. Жирный бородатый крендель внизу на барже сидит голый по пояс и с довольным видом курит трубку. Хорошая реклама для табачка. В Лондоне это был бы параноидальный неврастеник, срущийся от одной только мысли, что вот сейчас кто-то придет и попытается отобрать у него нажитое. А здесь плевать он на все хотел. Примерно на полпути по той самой дороге, по которой прошли британцы от понимания сути вещей к званию величайших дрович в Европе.

Я отворачиваюсь от окна, и вот она – Катрин, в коротком голубом платье из искусственного шелка, сидит на диване, обитом коричневой кожей, занимается своими ногтями. Ее нижняя губа напряженно вывернута наружу, брови сосредоточенно нахмурены. Раньше я мог часами сидеть и смотреть, как она делает маникюр или что-нибудь в этом роде. Ценил просто ее присутствие. Теперь же мы раздражаем друг друга.

– Ты достала эти семь сотен гульденов, ну, за квартиру?

Катрин лениво указывает на стол.

– У меня в сумочке, – говорит она, встает, сбрасывает платье слегка театральным жестом и идет в душ. Мне почему-то неловко наблюдать за ее тонким, белым, нагим уходом, который меня возбуждает, но мне в то же время противно.

Я смотрю на ее сумочку, что лежит на столе. Поблескивающий глаз застежки вызывающе мне подмигивает. В этом действительно что-то есть – когда ты открываешь дамскую сумочку. Когда я сидел на игле, я грабил дома и магазины и дурил людей, чтобы получить то, что мне было надо, но самым сильным табу, нарушать которое было больнее всего, была сумочка моей мамы. Проще засунуть пальцы в пизду к чужой бабе, чем в сумочку – к знакомой.

Но мне нужна крыша над головой, так что я рывком открываю сумочку и вытаскиваю купюры. Я слышу, как Катрин поет в душе или, вернее, как она пытается петь. Немцы вааще ни хуя петь не могут, так же как и голландцы, на самом деле, как и все европейцы. Что она может, так это меня достать. Ага, безжалостной иголкой, язвительным словом, неистовой мрачностью; Катрин это умела. Но самой сильной ее картой были попытки грубого вмешательства в мою внутреннюю жизнь – редкие вспышки на фоне ее каменного молчания. В нашей маленькой квартирке с окнами на канал сложилась атмосфера, весьма способствующая паранойе.

Мартин прав. Пора двигать дальше.

22. Большие, нах, квартиры

Вот смотришь на эти деревья, ну, которые борются за существование в тени здоровенных многоквартирных домов. Рахитики и недокормыши, как и все в этом блядском мире, как и младенцы, как старики, ебена рожа, все такие скукоженные и вечно виноватые, вечно трясутся от страха, когда проходят мимо молодых ребят рядом с торговым центром.

Но я спокойненько прохожу мимо, нах, и только смотрю на них, и они сразу как-то сникают, потому што, да, потому ШТО я просто правильно на них посмотрел. Акула не тратит время на всяких, бля, мелких рыбешек, потому што ее это не вставляет. Ага, а от этого мудачья так и несет страхом, они явно малость притухли, потому што судьба у них такая.

Голова, нах, раскалываетца... даже сраный «нурофен» не помогает...

И я, стало быть, размышляю о том, как это все началось, а началось это сѣдня утром, рано утром, еще до того, как я отправился к своей, бля, мамашке. Все началось у Кейт, мы с ней валялись в койке. Она охуительно хорошо выглядела, когда мы проснулись. Последние пару раз я только и делал, што извинялся, говорил ей, што, типа, я никакой. Но сейчас, в этот раз, она смотрела на меня так, как будто со мной и вправду какая-то херня приключилась, нах. Как будто я – один из этих больших пидоров, которые занимаютца в тюрьме хуй знает чем.

Но я люблю девок, я хочу девок. И все, што я делал в тюрьме, нах, так это дрович, думая исключительно о девках, и вот теперь я вышел, нах, и у меня есть девка, которая мне нравитца, а я не могу даже...

ЭТОТ МУДАК, ЧТО ПОСЫЛАЛ МНЕ ВСЕ ЭТО ДЕРЬМО, БЛЯ.

Я не какой-то кретинский пидор...

НО У МЕНЯ НЕ ВСТАЕТ, БЛЯ.

И понимаете, если бы она просто сказала «Да што с тобой, нах, такое», я бы не беспокоился, бля. Но она продолжает, нах: «Может быть, дело во мне? Может быть, я тебе больше не нравлюсь». И вот я начинаю ей парить всякую херню про тюрягу, и што первое, что я собирался сделать после освобождения, – так это потрахатца, нах, как следует, а вот теперь у меня не встает.

Тут она прижалась ко мне, а я весь в напряге, и опять начала мне втирать про того пидора, с которым она раньше жила, и который ее бил, и поставил ей фингал под глазом, я, бля, видел этот фингал, когда мы с ней познакомились. И тут я уже начинаю думать, што пора, бля, отсюда сваливать, потому што у меня голова раскалываетца, нах. В общем, я ей сказал, што мне надо пойти к мамашке.

А когда я захожу в торговый центр, у меня дыхание спирает, нах. Я себя чувствую как в тюряге, прямо весь изнываю – как бы поиметь какую-нибудь блядь. Это как, бля, зависимость... в смысле, когда на игле сидишь...

Может быть, это все потому, што я здесь, снаружи, на воле. Ну, как будто я сюда не вписываюсь, не подхожу этому миру, нах. Моя мамашка, мои братец Джо и сестренка Элспет. Мои приятели: Лексо, Ларри, Псих, Молки. Типа того, что все просто безумно рады тебя увидеть, но на самом-то деле они просто терпят твое присутствие. А потом сваливают потихоньку. Все это очень мило, нах, но вот ведь какая штука: у них, понимаете ли, до хрена всяких дел, которыми нужно срочно занятца, у всех просто дел до херищи, нах. Ну и што это за дела такие, которые нельзя на часок отложить? Да все што угодно, нах, кроме старого друга, вот в чем вся херня. Мы еще обязательно посидим – потрепемся за жизнь. Я от этого начинаю беситца, у меня внутри все вскипает, нах, и эти ломки все сильнее и сильнее: найти какую-нить блядь и сделать ей больно. О чем, бля, мы будет трепаться?

И Лексо. Хуйли делает этот урод вместе со своей бабой и своим китайским рестораном. Китайская жарка в Лейте. Да в Лейте и без него до хера этих китайских заведений! Галстучный ресторан, и дела типа идут очень неплохо. Да ни один урод в Лейте не пойдет жрать в китайскую жаральню и не станет напяливать на себя галстук, тем более если вокруг столько мелких гадючников.

Да, Лексо. Сидит такой весь из себя довольный и сует мне в руку этот сраный конверт, нах. Две штуки. Откупаецца, сука. Я, разумеетца, взял этот конверт, потому што мне нужны деньги, бля. Но Лексо думает через жопу, думает, будто он тут самый крутой.

Но есть еще один урод, вот кого бы прибил вообще нах.

Рентой.

Рентой был моим другом. Моим лучшим другом. И он меня так подставил, нах. Во всем он виноват, Рентой. И это он виноват в моем нынешнем раздрае, бля. И я не успокоюсь, пока не найду этого мудака. Это из-за него я загремел в тюрягу, нах. Донелли тоже тот еще урод, но я б не уделал его так круто, если бы не взбесился, што меня ограбили. Я оставил его на той сраной стоянке в луже его собственной кровищи, оставил его умирать и воткнул ему в руку заточенную отвертку, нах. Потом я отправился домой, два раза ударил второго уroda, один раз в живот и один раз под ребра, для этого у меня нашлась и вторая отвертка, бля. Затем я связал его и поперся в АЕ. И вместо убийства у меня получилось непредумышленное убийство. Если бы я не полез в бутылку, я был вышел значительно раньше. В общем, где-то я сам малость погорячился. Но в итоге все сводитца к этой скотине Рентону.

Ну да, мне надо было выбратца, штобы добратца до Кейт, иначе я, бля, вообще за себя уже не отвечал. Ее бывший дружок был тем еще пидором, нах, он ее бил, а это просто хер знает што такое. Не, есть, конечно, телки, которые даже заслуживают, штобы им надавали пиздюлей, такие бабы просто не кончат, пока им не заткнешь рот кулаком. Но Кейт, бля, не такая, и с ней нельзя так обращатца. Но у меня раскалывалась башка, я там чуть копыта не двинул, так что пришлось свалить.

Но потом, у мамашки, я копался в своем старом барахле и нашел старую фотку, нах, где мы с этим пидором Рентоном в Ливерпуле, на сраном «Гранд Нэшнл». Я очень долго смотрел на фотку, я буквально видел, как ухмылка этого уroda становитца все шире и шире, когда он смотрит на меня. Ну да, бля, его сраная лыба становилась все шире, я это видел, а еще, бля, я видел, как у меня из головы начинают расти этикие мульташные ослиные уши. Поверить этому пидору, нах. Надо же было так лохануться.

В желудке начала образовыватца сраная кислота, голова трещала, казалось, што сейчас у меня спазмы начнутца, нах. Я знал, што могу часами смотреть на эту фотку, нах, пока у меня окончательно

не сорвет башню. Кровь пульсировала в висках как проклятая, и меня расколбасило по самое не хочу, кровь шумела в ушах и в носу. Однако я все-таки взял себя в руки, просто чтобы доказать, што я сильнее этого пидора, нах, а потом я чуть не отрубился совсем, но все-таки уселся на диван и дышал, как марафонец, нах, сердце колотилось, как хрен знает што.

Тут в комнату ввалилась моя мамашка и увидела, што я в полнейшем раздрызге. И она говорит:

– Што такое, сынок?

Ну, я отвечаю, што все нормально. Тогда она продолжает:

– Когда ты пойдешь к Джун посмотреть на детишек?

– Скоро, – говорю. – Сначала кое-какие дела надо сделать. Я слышу, как она парит мне што-то, но это идет как бы вторым планом, она вообще по большому счету трепетца сама с собой, потому што ей совершенно не нужно, чтобы ей отвечали, нах, как будто песню поет, бля. В ее речи про-скальзывают какие-то новые имена, как будто я, бля, должен знать, о чем она там говорит, нах.

Ну, я возвращаюсь в Западный Хейлз и вытаскиваю Кейт из дома. Мы берем такси. Я даю ей бабок, чтобы она расплатилась с парнем, когда мы выползаем из тачки, потому што замечаю старого приятеля Марка, который стоит у дверей, и иду перекинутца с ним парой слов.

Короче, я треплюсь с Марком, стоя на улице, нах, потом оборачиваюсь и вижу, што она стоит на тротуаре, а такси уже отчаливает. Потом к ней подходит этот пидор и говорит:

– Все блюдуешь, сука драная. – Он, бля, шипит на нее, как гадюка, нах, и заносит руку, когда она пытается отойти.

– Не надо, Дэвид, – умоляет она, срываясь на какой-то визг, нах, и бля, вид у него довольный по самое не хочу, потому што он уже это слышал раньше, ему знакомы эти интонации. И я, бля, тоже знаю, што это такое. Марк делает несколько шагов вперед, но я его останавливаю. Потом очень медленно подхожу к этому уроду, в этот момент я наслаждаюсь каждым своим шагом, каждым мгновением этого сраного пути. Теперь этот пидор схватил Кейт за руку, и тут вдруг увидел, как я подруливаю к нему.

– А тебе чего надо, бля? Тебе чего, на хуй, надо, пидор! Ты, нах... – орет он, но видно, что он уже малость притух. Он прекрасно понимает, нах, што я знаю – этими воплями можно напугать только лохов, а я вижу, што весь запал из этого пидора уже выветрился, нах. И этот урод понимает, што его сейчас вздрючат по-любому. На его цыплячьей шейке набухают вены, горло покрываетца пятнами, словно сыпью какой-то, нах. А я – я просто расслабляюсь.

Я улыбаюсь этому пидору, пристально смотрю на него, нах, мариную еще пару секунд, чтоб он подергался, а потом вывожу его из ступора, ударив головой в нос. От моего удара он падает на тротуар, и ради Кейт, а еще потому, што вокруг торчит слишком много уродов, я бью его еще трижды: по башке, по морде и по яйцам. Потом опускаюсь рядом и шепчу этому пидору:

– В следующий раз, когда я тебя увижу, ты умрешь, нах.

Он выдает што-то среднее между всхлипом и стоном.

Я говорю Кейт, што этот пацанчик ее больше не побеспокоит. Надолго мы в клубе не задерживаемся, потому што мне хочетца пораньше оказатца дома. Мы падаем в койку, и я ебу ее всю ночь напролет, нах. Она говорит мне, што у нее в жизни такого не было! И я лежу с ней в кровати, смотрю на ее клевую мордашу и думаю: бля, эта девочка может меня спасти.

23. Афера № 18739

Мы торчим в самом центре огромной кучи дерьма: мы с ним – Саймон с Марком, Псих с Рентом – здесь, в Амстердаме. Далеко от всего. Кислота подсказал, как найти «Роскошь», и мы с Терри, Рэбом Биррелом и его братом, бывшим боксером, быстренько оторвались от всех остальных. Как оказалось, тут все знакомы, еще по прежним денечкам, когда мы фанатствовали за футбол. Лексо, к примеру, старый приятель Бегби, все интереснее и интереснее. Я в основном общаюсь с Терри, всегда нужно иметь в запасе человека, который повернут на женщинах. Его методы ведения разговора несколько наивны, но он может быть очень жестким, поэтому и добивается нужного ему результата.

Мы подходим к клубу Рентона, и я спрашиваю парня у дверей, на месте ли хозяин. Услышав, что он ушел полчаса назад, я изображаю предельное огорчение, и этот парень сообщает мне с ужасным акцентом кокни, что Рентой пошел шляться по клубам и нам стоит его поискать в «Транс Будде». Он общается с нами в раздражающей запанибратской манере, вроде того: «Старина Марк, ну ты же знаешь, что это за чувак». Я-то, блядь, знаю, а вот ты, очевидно, нет. Стало быть, этот урод все

так же внушает людям доверие, не разучился пускать пыль в глаза. И это как раз в духе Рентона: открыть свой клуб, а потом шляться по чужим заведениям.

Вот дерьмо. Я тащу весь народ обратно в район красных фонарей. Терри ворчит:

– А шо было не так с тем клубом, Психом?

Этому членоголовому алкашу мало было называть меня просто Психом, а не Саймоном перед чужими людьми, так что он еще это дурацкое «о» в конце присобачил. Я пока что молчу, поскольку очень надеюсь, что это быстро пройдет. Перед такими, как Лоусон, нельзя выказывать ни малейшей слабости, иначе он тебя с потрохами сожрет. Пожалуй, это мне в нем и нравится.

Рентой. Здесь, в Амстердаме. Интересно, какой он сейчас, бля. Как он изменился за эти годы. Надо очень сильно постараться, чтобы понять, кто ты – а кто не ты. Это наш вечный поиск в жизни. Поиск себя. Того, что ты оставляешь, когда уходишь, и что ты берешь с собой. И я сейчас парюсь, размышляя о том, что я беру с собой, куда бы я ни направлялся, в каком бы состоянии ни находился. Мы заходим в этого «Транс Будду» в районе красных фонарей. Стандартный клуб с танцполом и баром. Разумеется, Рентой – все еще первым пунктом на повестке дня, но мы с Терри как-то инстинктивно напрягаемся и отделяемся от толпы. Эварта останавливают две пташки, и он врубает харизму на полную, Большой Биррел, который боксер, и Рэб трутся рядом. Я покупаю пару таблеток у какого-то голландца, который уверяет меня, что это стоящая вещь. Да пошло оно все. Я совершенно не в настроении для бурного веселья, буду всю ночь околачиваться по углам. Я собираюсь втихую смыться с одной голландской пташкой, красивая кожа и все дела, но Терри уже треплется с двумя английскими девочками, так что я покупаю им выпивку и мы все садимся в тихом уголке. Музыка бьет по ушам, дурацкое голландское техно а-ля школьные дискотеки. Еще одна причина, чтобы возненавидеть Рентона: мне приходится слушать этот отстой.

Я общаюсь с девочкой по имени Кэтрин, она из Рочдейла (тусклые светлые волосы до плеч и привлекающая внимание родинка на щеке), она говорит, что не любит техно, для нее это слишком тяжело. Когда она говорит, я смотрю на ее глаза, подведенные темным карандашом, и думаю: «Рочдейл», – и мне в голову лезут всякие непристойности, к примеру, такое: Грейси Филдс из Рочдейла поет «Салли, Салли, гордость переулка, трали вали», и я трахаю Кэтрин в каком-то темном переулке. Потом, продолжая тему Рочдейла, Майк Хардинг поет «Ковбой из Рочдейла», и я думаю о Кэтрин в качестве подружки ковбоя из Рочдейла, представляю ее в позе наездницы, только задом наперед, классическая порносцена, если требуется показать само проникновение. А вслух я говорю следующее:

– Значит, Кэтрин, Рочдейл, ага.

Сок Терри, который уже прижимает к себе вторую девочку, я так подозреваю, это подружка Кэтрин, слышит этот комментарий и пытается передать мне что-то на телепатическом уровне, судя по всему, ему удалось прочесть мои мысли, выходит, таблеточки были и вправду очень даже ничего.

Мне нравится просто сидеть-расслабляться, потому что я совершенно не могу танцевать под монотонное техно. Как будто бежишь Лондонский марафон. Унца-унца-унца-ца. А где фанк, где соул? Где, блядь, старая добрая классика? Веселая музыка. Но эти придурки-голландцы и туристы, похоже, тащатся от всего этого, каждый на свой манер. Один парень просто топчется на месте, делает какие-то нелепые мелкие шажки вместе с двумя пташками и еще одним уродом, и вот с ним-то что-то не так. Я знаю этого парня. На нем идиотская шляпа, которая все время падает ему на глаза, но я узнаю его манеру двигаться, он полностью поглощен миксом диджея, но время от времени оглядывает танцпол и вскидывает вверх руку, чтобы показать, что он узнал какого-то ублюдка из тех, что тусуются в клубе. Это расщепленная энергия, четкие, размеренные движения не совпадают с резкими ритмами музыки. Не важно, насколько он кажется погруженным в музыку, все равно он как будто извне, он все видит, все подмечает.

От этого пидора ничего не ускользнет.

Это был тот самый парень, с которым мы в прежние времена столько всего перетерли. О том, что когда-нибудь мы будем совсем другими. Как будто бы он не был законченным неудачником, которого вышибли из универа, а я не был злобным уродом, не пропускавшим ни одной маленькой сучки, которая была достаточно тупа, чтобы заглотить жалостливую сказочку и мой потный член.

Это был мой старый приятель Марк.

Это был Рент.

Это был тот самый пидор, который меня ограбил, который меня поимел.

Я не могу и не собираюсь отводить от него взгляд. Сидя тут, в тени, в этом маленьком укрытии,

вместе со своей компанией, Кэтрин, Терри и, как бишь там зовут эту вторую девочку? Ладно, не важно. Он там, на танцполе, а я просто за ним наблюдаю. Вскоре я замечаю, что он собирается уходить вместе с каким-то народом. Я иду следом за ним, вцепившись в руку Кэтрин, она продолжает мне парить что-то про своего приятеля, я целую ее, и она наконец замолкает, но даже когда я ее целую, я смотрю на удаляющуюся спину Рентона, потом поворачиваюсь, чтобы похотливо кивнуть Терри, его гнусная улыбочка заставляет меня пожалеть девчонку, которая сейчас с ним: и саму девочку, и ее пизденку. Когда мы выходим, чтобы забрать одежду, я обжимаюсь с Кэтрин и вдруг понимаю, что, несмотря на то что она молодая и мордашка у нее ничего, все-таки она толстовата. Черная одежда должна по идее скрывать полноту, но эти бедра, как два бочонка для нефти...

Ладно, хуйня-война.

Мы выходим из клуба, и я вижу, что Рент идет по улице, он с какой-то тощей коротко остриженной девкой, и с ними еще одна пара. Мальчик-девочка, мальчик-девочка, как говорил Дэнни Кэй в «Белом Рождестве». Как это мило. Как цивилично. Похоже на айлингтонских попугайчиков из среднего класса. Тупые попугаи. Выдаешь блядам по стаканчику белого вина, зажигаешь камин, и они говорят: это да, это цивилично. Они режут ножом хлеб в «Таскании», как мой жирный тесть в свое время, и говорят: «Вот это цивилично, вот это культурно». И тебе очень хочется ответить: нет, тупая ты блядь, ни хера это не цивилично и не культурно, потому что, бля, культура – это не только вино наливать в стаканы и резать хлеб, а то, о чем вы тут говорите, на самом деле просто расслабуха.

Теперь Кэтрин тоже заладила про цивиличность, и мы идем за комапнией Рентона по тротуару вдоль каналов. Она говорит мне, что тут та-а-ак ци-вы-ль-но, и прижимается ко мне. Цивилизуй меня, bambino, цивилизуй бешеного шотландского итальянца из Лейта. Кэтрин смотрит на свет фонарей, что отражается от мокрых камней и спокойной воды каналов, но я смотрю на вора, только на вора, и если бы у меня на лбу появился третий глаз, он бы тоже смотрел на вора.

Я почти слышу его, и мне интересно, что он говорит. Здесь Рент вполне может высказывать все свои претензии, и никто из Бегби не подойдет к нему и не скажет: «Ах да, хренов наркоша». И не порежет его на маленькие кусочки. Да, я почти понимаю этого вора, понимаю, почему он сделал, что сделал, чтобы больше не плавать до посинения в луже негативной энергии – до тех пор, пока руки не начинают болеть, а потом ты идешь на одно, как и все остальные уроды. Но сделать это со мной, со мной, и расправиться с этим никчемным Мерфи – это рушит всю выстроенную систему аргументов.

Болтовня Кэтрин – как бы саундтрек к моим мыслям, которые с каждой минутой становятся все мрачнее. Как будто кто-то наложил треки из «Звуков музыки» на видеоряд из «Таксиста».

Они перешли через узкий мостик и пошли вниз по улице, которая называлась Brouwersgracht. Потом поднялись по ступенькам дома № 178. В квартире на втором этаже зажегся свет, и я потащил Кэтрин через мост, чтобы посмотреть с другой стороны канала. Она все еще говорит про «ли-би-ра-ли-за-тцию» и «как она вырабатывает другое отношение». Я смотрю на них, вижу, как они танцуют в окне, им тепло, а я торчу тут, на улице, на морозе, и думаю: а почему бы мне просто не подняться по лестнице, не позвонить в дверь и не порадовать этого уродца? Нет, я не буду этого делать – потому что сейчас я наслаждаюсь своей незаметностью. Чувство власти над ним: я знаю, где он, а он понятия не имеет, где я. Никогда не спеши, действуй обдуманно и осмотрительно. И что самое главное: когда я встречу с этим пидором, я буду не под какими-то там колесами, я буду под коксом промышленной мощности.

Brouwersgracht, 178. Его надо как следует проучить, и теперь он получит, что ему причитается. Я знаю, где он живет. Но сначала – Кэтрин. Ее нужно как следует отодрать – это ей только на пользу пойдет.

– Кэтрин, ты такая красивая, – говорю я, прерывая ход ее мысли.

Она, похоже, ошеломлена этим неожиданным заявлением.

– Да ладно, – мямлит она смущенно.

– Я хочу заняться с тобой любовью, – говорю я ей проникновенно.

Глаза Кэтрин становятся черными-черными: искрящиеся омуты прекрасной любви, которая так нужна тебе, которой ты страстно желаешь, так страстно, что готов утонуть в этих глубинах.

– Ты такой милый, Саймон, – смеется она. – Знаешь, в какой-то момент я подумала, что тебе со мной скучно. Мне показалось, что ты меня совсем не слушаешь.

– Нет, это все из-за колес, из-за того, как ты выглядишь... я почувствовал... знаешь... я как будто впал в транс. Но все это время я слышал твой голос, чувствовал твое тепло, и мое сердце трепетало, как бабочка, в потоке теплого, свежего весеннего воздуха... это претенциозно звучит, я пони-

маю...

– Нет, это звучит очень мило...

– Я просто хотел задержать это мгновение, потому что оно было великолепно, но потом я подумал: нет, это все твоя жадность, Саймон. Поделись этим с ней. Поделись с этой девушкой, из-за которой все это стало возможным...

– Ты такой милый...

Я беру ее за руку и веду к ней в отель, который, как выяснилось, на порядок дороже, чем мой.

А ты неплохо устроилась, толстушка.

Утром мне первым делом приходят в голову мысли о бегстве. С годами эта часть действия становится столь же важной, как и само соблазнение. Прошли горькие дни напряжения, когда ты второпях напяливал одежду с одной только мыслью: быстрее смыться, – или просто хватал ее и убегал. Кэтрин лежит рядом со мной, спит, как слон, застреленный на сафари. Она храпит. Хорошо, когда у тебя есть деваха, которая спит по утрам как убитая. Появляется много времени, чтобы побыть собой. Я пишу коротенькую записку.

Кэтрин!

Эта ночь была просто прекрасной, может, встретимся сегодня в девять в кафе Стоуна? Пожалуйста, приходи! С любовью Саймон XXXXX.

P.S. Ты такая красивая, когда спишь, я просто не решился тебя будить.

Иду к себе в отель. Терри там и не пахнет, зато наличествует Рэб Биррел с несколькими приятелями. Этот Биррел мне даже чем-то симпатичен. Ему на все наплевать, он не спрашивает, где я был. Когда почти половину жизни тебя окружают смешливые идиоты, начинаешь ценить в людях это спокойное благоразумие.

В буфете я беру себе булочки, сыр, ветчину и кофе и присоединяюсь к компании. Ну что, как дела, парни? Все хорошо и замечательно?

– Ну да, все заебись, – говорит Рэб, так обычно разговаривает его большой друг Лексо Сеттерингтон. Надо следить за собой, чтобы не ляпнуть чего лишнего про этого уroda, раз уж он друг Бегби. Однако он еще больший придурок, чем большинство знакомых мне психов. Тайское кафе в Лейте, ебена морда. И все же приятно осознавать, что старые друзья все еще остаются друзьями. – Оставил меня в никакой состоянии, с неоплаченными счетами и имуществом на несколько сотен фунтов, в основном всякое старье. Мне стоило бы убить этого самоуверенного уroda... – Он смеется.

Тут у меня своя тактика поведения, я отвечаю уклончиво:

– М-м-м... Потому что этот урод в своем роде такой же, как и Бегби.

– С Франко такая фишка: он никогда ничего не забывает, – говорит Лексо. – Только попробуй пойти против этого пидора, и тебе будет проще его убить. Иначе он в жизнь от тебя не отстанет. Фишка в том, что он взбеситца по-любому. Но когда-нибудь кому-нибудь это остоебенит, и он заставит Бегби за все заплатить, сохранив какому-нибудь уроду пару штук, – ухмыляется он. Я вижу, что Лексо где-то шляется всю ночь и до сих пор еще не протрезвел. Он хватает меня за плечо и, дыша перегаром, шепчет мне в ухо: – Неа. Надо быть очень безжалостным человеком, чтобы не потакать своей жажде насилия ради насилия. Оставь это лузерам типа Бегби. – Он отпускает мое плечо и улыбается, все еще пристально глядя мне в глаза. Я снова пытаюсь отделаться выразительными и подходящими междометиями, на что в ответ получаю: – Нет, разумеется, можно время от времени позволять себе всякие шалости...

Разговор сводится к предсказуемо депрессивному обсуждению местных фанатов, в частности «Фейенорда» и «Утрехта». Билли Биррел, боксер – братец Рэба, и Кислота Эварт, судя по всему, в-смерть устали и совершенно не интересуются футболом. Резонно. Мне не хочется слушать эти кокаиновые прогоны о том, кто и кого собирается замочить; мне этого счастья и в Лейте хватает. Я отставляю свой кофе и выхожу на улицу.

Совершенно случайно набредаю на байкерский магазин, где беру напрокат черный раздолбанный драндулет и еду к дому кидалы и вора. Как раз напротив его окон, на другой стороне канала, есть кафе с большими окнами, я заметил его еще прошлой ночью. Я приковываю мотоцикл и сажусь перед окном этого огромного бара с коричневым паркетом и желтыми стенами, потягивая кофейный коктейль. Деревья загораживают его окна, но я вижу входную дверь и могу наблюдать за всеми, кто входит в дом и выходит из дома.

Да, я сам крал, грабил, тащил все, что плохо лежит и что не прибито гвоздями, но так делают все – ну, если не все, то большинство из моих друзей и здесь, и в Лондоне. Но, по моему скромному

мнению, это не значит, что мы – воры. Вор – это тот, кто крадет у себя самого. Я бы такого не сделал, и Терри тоже такого не сделал бы. Даже этот мудила Мерфи, и тот бы такого не сделал... хотя... тут я, пожалуй, не прав. Это пусть Ковентри-Сити решает. Главное, Рентой заплатит сполна.

24. Шлюхи из города Амстердама. (Часть 4)

Вот он я: выхожу из ванной и стою, глядя на то, как Катрин смотрит на мир. У нее в квартире большие стеклянные двери, которые занимают почти всю стену, она облокотилась на подоконник и смотрит на что-то на улице за каналом. Я примерно представляю, куда направлен ее взгляд, он скользит по узкой улице напротив нашего дома, которая идет вниз, пересекая еще несколько каналов. Я тихонько прохожу у нее за спиной, не хочется ее беспокоить, я почти загипнотизирован ее неподвижностью. Глядя через ее плечо, я замечаю одинокого мотоциклиста, который спускается по дороге, он жмет на газ, и его фигура покачивается в седле. В нем есть что-то знакомое, может быть, он часто ездит по этой дороге. Я вижу верхние балки домов, их специально оставили торчать из стен – для того чтобы таскать мебель в квартиры, минуя узкие лестницы. Они торчат друг напротив друга как два взвода враждующих армий.

Наверное, ей по ногам дует сквозняк. Чего она хочет? Я без понятия, но дальше так продолжаться не может. Я чувствую на лице солнечные лучи, я чувствую их на наших лицах и думаю: может быть, так и должно быть.

Мы пытаемся поговорить, но подбирать слова в таком разговоре – все равно что пытаться найти воду в пустыне. Возвращение к нормальным человеческим отношениям после того, как наши с ней отношения истасканы по дорогам смерти, с каждым разом становится все труднее. Теперь единственное, что нас связывает, – это бурные ссоры, возникающие из ничего. Целую ее в затылок, с болезненным чувством вины и сострадания, с нежной яростью. Никакой реакции. Я отхожу от нее и иду в спальню, чтобы одеться.

Когда я возвращаюсь, она стоит в прежней позе. Я говорю ей, что мне надо выйти ненадолго, и не получаю никакого ответа. Я спускаюсь по нашей улице к Herengracht, иду к Leideseplein, прохожу сквозь Vondelpark, я весь на взводе, что странно, я же не принимал никакой наркоты. Мартин всегда говорит, что главная фишка в наркоте – что еще пару недель после самого прихода ты будешь весь на обломах, с явными признаками паранойи. В конце концов, если ты пьешь и принимаешь наркотики, стало быть, у тебя есть причины для паранойи. Гораздо хуже просто сидеть и мучиться подозрениями, что, вероятно, у тебя имеет место быть какое-то душевное расстройство. Паранойя в Амстердаме – это ничто по сравнению с паранойей в Эдинбурге, но мне все еще кажется, что каждый встречный урод следит за мной. Как будто меня преследует какой-то безумный маньяк.

Потом я иду в клуб и открываю офис. Проверяю мыло по воскресеньям, и все потому, что я не могу находиться в одной квартире со своей девушкой. Грустно это. Хуже, наверное, и не бывает; ну разве что только жить в Лондоне.

Я стараюсь хоть чем-то себя занять: разбираюсь с бумагами, счетами, корреспонденцией, телефонными звонками и прочим подобным дерьмом. И тут меня настигает громадное потрясение, охуительное потрясение. Я тихо-мирно сижу, тупо тарашусь в чековую книжку, просматриваю банковские балансы от ABN-AMRO. У меня по-прежнему засада с письменным голландским.

RekenIng nummer

Расчетный

И тут раздается стук в дверь. Я судорожно проверяю, не оставил ли Марк кокса в офисе, например, под стопками бумаг, но нет, видимо, вся наркота благополучно заперта в сейфе, который стоит у меня за спиной. Я встаю и открываю дверь. Скорее всего это Нильс или Мартин. И тут этот урод толкает меня в грудь так, что я отлетаю от двери внутрь кабинета. Мне в голову приходит только одна мысль, и меня начинает колбасить: МЕНЯ ТУТ ГРАБЯТ, БЛЯ... но потом мысль испаряется, и я вижу этого парня, который стоит передо мной, одновременно чужой и знакомый. Еще секунда уходит на то, чтобы сообразить, кто это. Как будто мозг отказывается принимать сигналы, что посылают ему глаза.

Потому что прямо передо мной стоит Псих. Саймон Дэвид Уильямсон. Псих.

– Рент, – говорит он с холодным упреком в голосе.

– Са... Саймон... какого хера... глазам не вер...

– Рентой. У нас есть одно дельце. Мне нужны мои бабки, – рычит он, его глаза вылазят из

орбит, как у терьера Джека Рассела, когда он видит суку в течке. Он обшаривает взглядом офис. – Где мои деньги, бля?

А я просто стою и смотрю на него, как зомби, и не знаю, что, собственно, говорить. В голову лезет какая-то хрень, типа, что он набрал вес, но это ему идет.

– Мои деньги, Рентой. – Он подходит ко мне вплотную, так что я чувствую жар от его дыхания у себя на лице.

– Пси... э-э... Саймон, я... я отдам тебе деньги, – говорю я. А что еще я могу сказать?

– Пять штук, бля, Рентой, – говорит он и хватает меня за грудки.

– Э? – переспрашиваю я тупо, глядя на его руки у себя на груди, словно это собачье дерьмо.

В ответ на это он слегка ослабляет хватку.

– Я подсчитал. Моя доля плюс компенсация за моральный ущерб.

Я с сомнением пожимаю плечами. В свое время это было такое большое дело, но теперь это все кажется ерундой, просто пара молодых придурков, которые посчитали себя крутыми, влезли в наркобизнес, где мы завязли по уши. И я понимаю это только сейчас, после того, как несколько лет постоянно озирался по сторонам и трусливо оглядывался через плечо. Но теперь меня это не трогает, я всем доволен и даже пресыщен жизнью, и все это дело уже не кажется мне таким важным. Это тот странный семейный визит в Шотландию возродил к жизни мою паранойю, да и волновался-то я в основном из-за Бегби. Насколько я знаю, он все еще сидит за непредумышленное убийство. И я почти не задумывался о том, как все это дело повлияло на Психа. И что самое странное: я же честно собирался отдать ему его долю, и Второму Призу тоже, и даже, наверное, Бегби, как я отдал все Уроду, но почему-то у меня так и не дошли до этого руки. Нет, я никогда не думал о том, как это подействовало на Психа, но теперь, как мне кажется, он мне сам все расскажет.

Псих отпускает меня и отходит: кружит по офису, стучит себя по лбу, расхаживет взад-вперед.

– Потом мне пришлось разбиратца с Бегби! Он думал, что я был с тобой заодно! Я потерял зуб, нах, – выплевывает он, неожиданно остановившись, и показывает мне золотую коронку среди белых зубов.

– А что касается Бегби... Урода... Второго... Псих подлетает ко мне.

– Какое мне дело до этих пидоров! Мы сейчас говорим обо мне! Обо мне! – Он ударяет себя в грудь кулаком. Потом его глаза распахиваются широко-широко, а голос срывается на жалобный вой. – Я же был твоим лучшим другом. Почему, Марк? – говорит он. – Почему?

Я улыбаюсь над его представлением. Я ничего не могу с собой поделать, этот урод совершенно не изменился, и эта улыбка выводит его из себя, он бросается на меня, и мы оба валимся на пол, он – сверху.

– НЕ СМЕЙСЯ НДДО МНОЙ, МАТЬ ТВОЮ, РЕНТОЙ! – кричит он мне в лицо.

Мне было больно, бля, я ушиб спину и теперь пытаюсь восстановить дыхание, поскольку этот толстый урод сидит на мне верхом. Он действительно набрал вес, и я буквально погребен под его тушкой. Глаза Психа просто пылают яростью, и он заносит надо мной кулак. Мысль о том, что сейчас Псих отпиздит меня из-за денег, кажется донельзя глупой. Полный бред. То есть он вполне в состоянии меня отпиздить, но он никогда не любил насилия. Впрочем, люди меняются. Иногда, становясь старше, они становятся и отчаяннее, особенно если чувствуют, что их корабль так и не пришел. И, может быть, это уже совершенно не тот Псих, которого я знал. Восемь, девять лет – это много. Вкус к насилию у некоторых людей проявляется только с годами. Я пока выжидал, ничего не делал, хотя я четыре года занимался карате.

Но даже и без карате я бы сделал его на раз. Я вспоминаю о том, как измучил его еще в школе, на заднем дворе. Это была не настоящая драка, просто потасовка, причем мы с ним оба и драться толком-то не умели, но я был злее и я продержался дольше. Я выиграл ту битву, но он, как обычно, выиграл всю войну, он шантажировал меня эмоционально еще долгие годы после той драки. Используя все те приемы, которые в ходу у лучших друзей: повернул мне в морду большую лампу и заставил меня чувствовать себя скотиной, который по пьяни избил свою жену. Теперь, когда я владею определенными навыками шотокан-карате, я смогу с легкостью его обезвредить. Но почему-то я ничего не делаю, я думаю: какой же парализующей силой обладает подчас чувство вины и как чувство собственной правоты может мобилизовать человека. Мне просто хочется выбраться из этой передраги так, чтобы мне не пришлось делать ему больно.

Он уже готов ударить меня по лицу, и я смеюсь. Псих тоже смеется.

– Ты чего ржешь? – говорит он, явно раздраженный, но при этом продолжает ухмыляться.

Я смотрю ему в глаза. У него появился двойной подбородок, но это как-то его не портит.

– А ты поправился, – говорю я.

– Ты тоже, – говорит он, скорчив недовольную рожу, ему явно неприятно. – Причем еще и побольше меня.

– Это мышцы. А я, знаешь ли, никогда не думал, что ты станешь таким жирным уродом. – Я улыбаюсь.

Он смотрит на свой живот и втягивает его.

– Это, бля, тоже мышцы, – говорит он.

Надеюсь, теперь он понял, насколько все это глупо. Потому что это действительно глупо. Мы можем вес обсудить, прийти к какому-нибудь соглашению. Я все еще потрясен, но уже не удивлен, и, что самое странное, где-то я даже рад его видеть. Я всегда знал, что мы встретимся снова.

– Саймон, может быть, встанем? Мы оба знаем, что ты меня не ударишь, – говорю я ему.

Он смотрит на меня, улыбается, снова заносит кулак, и у меня из глаз сыплются искры, потому что он бьет меня кулаком в лицо.

25. Уголок Эдинбурга

Уголок Эдинбурга в Центральной библиотеке, брат, это несколько комнат, и они просто забиты всяким барахлом, ну, барахлом Эдинбурга. Я вот о чем, это вроде бы и резонно, вроде как так и должно быть. В смысле, никто и не ждет, чтобы найти што-то о Гамбурге, ну, или о Бостоне в Уголке Эдинбурга. Фишка в том, што здесь полно всяких книг про Лейт, кучи, просто кучи всякой фигни, которой по-хорошему место в Публичной библиотеке Лейта на Ферри-роуд, брат. Это было бы справедливо, то есть Лейт – это как часть Эдинбурга, то есть считается так в городском совете, а если и не в совете, так среди парней из района старого Порта. Но, с другой стороны, я говорю о том времени, когда ходили всякие листовки обо всей этой децентрализации и все такое. Так какого же черта парень из Лейта, то есть я, должен тащить аж до Эдинбурга, штобы узнать што-то о Лейте? Зачем этот поход аж к мосту Георга IV, когда можно было бы пройти пару шагов до соседнего дома на Ферри-роуд, а?

Уж поверьте мне на слово, это приятная маленькая прогулка в лучах октябрьского солнца. На Хай-стрит прохладно. Фестивальные толпы уже прошли, и я пропустил всех этих симпатичных девах, которые раздают листовки на свои шоу. Хотя я, разумеется, все равно бы взял эти листовки, потому што такой урод, как я, не должен говорить ничего поперек таким шикарным девчонкам, которые в колледж ходили и все такое, и там они изучали драматическое искусство, да?

У меня всегда были с этим проблемы, брат, то есть с уверенностью в себе. Большая дилемма в том, што наркотики освобождают людей почти так же, как и уверенность в себе. В данный момент мое самомнение не то штобы низкое, но оно, как говорится, сомнительное. Да, брат, сомнительное. И первое, што я заметил, когда добрался туда, это паб через дорогу от Центральной библиотеки, назывался «Растяпа Мерфи». Один из этих ирландских пабов, которые совершенно не похожи на настоящие пабы, которые в Ирландии. Эти пабы для деловых парней, яппи и богатеньких студентов. И когда я на это смотрю, мне становитца как-то паршиво и стыдно. В мире, устроенном справедливо, уроды, которые держат этот бар, должны были бы выплачивать мне компенсацию за моральный ущерб, брат. Я вот о чем, когда я учился в школе, так называли полных придурков: «растяпа Мерфи, растяпа Мерфи». Так што для хорошего человека – это как вызов.

Скажем так, когда я вижу вывеску этого паба, она меня бесит, так што, когда я вхожу в библиотеку, я нахожусь в отвратном настроении. Видимо, поэтому мое появление в библиотеке было странным, странным-престранным. **С-Т-Р-А-Н-Н-Ы-М** со всех сторон, брат. Ну вот, прошел я сквозь большие деревянные двери, и тут у меня сердце начало стучать как бешеное: бум, бум, бум. Мне показалось, што я вломился в эту библиотеку, как будто какой-то урод, обдолбанный амилнитратом. Я чуть не грохнулся в обморок, да, я почти потерял сознание и еле-еле дополз до стола. Такое ощущение, што ты находишься в бассейне под водой или в летящем самолете, такой же приглушенный шум в ушах. В общем, меня трясло, брат, меня откровенно трясло. А потом, когда ко мне подошел парень в форме охранника, я ударился в панику. Подогнался по полной. Я подумал, што влип, то есть конкретно влип, брат, а я ведь даже ничего не сделал, я даже не собирался ничего делать, просто пролистать пару книжек...

– Могу я вам чем-то помочь, – спрашивает этот парень. Ну, я и думаю: я не сделал ничего про-

тивозаконного, я просто пришел в библиотеку. Я ничего не сделал, ничего. Но говорю почему-то вот што:

– Я, э-э... я... мне вот интересно... если можно, если мне можно... э-э... просто глянуть на э-э... зал, где все книги по Эдинбургу... посмотреть книги...

Вроде того, я говорю так, што этот парень сразу понимает, кто я: быдло, люмпен и нарк, трудное детство, недостаток витаминов, отморозок в третьем поколении и вся фигня, брат, потому што сам этот парень – у него все нормально, мальчик из приличной семьи, форма и все дела... отполированные пуговицы, ну и вообще...

– Вниз по лестнице, – говорит этот парень и просто вот так вот выпускает меня. Просто так! Этот парень меня выпускает! Уголок Эдинбурга. Центральная библиотека. Мост Георга IV.

Круто!

Стало быть, я спускаюсь по большой мраморной лестнице и вижу знак: Уголок Эдинбурга. И я становлюсь весь такой из себя довольный, брат, как настоящий ученый. Но когда я вхожу, я вижу такой здоровенный зал, просто охренительно здоровенный, и до хренищи народу сидит за столами и читает, как, блин, в классе в начальной школе. Тихо, как на кладбище, и все они смотрят на меня. И што они видят, все эти уроды? Нарк, который решил спереть пару книжек, штобы заработать себе на дозу?

И я думаю: нет, нет, нет, брат, спокойно. Пока не доказано обратное, ты невиновен. Делай, што говорила Эйв на занятиях, и постарайся избавитца от этой самодиверсии. Когда у тебя стресс, посчитай до пяти. Один-два-три... и на што, интересно, пялитца эта баба в очках... Четыре-пять. И все стало значительно лучше, брат, потому што они все вдруг взяли и отвернулись, да?

Да тут и красть-то особенно нечего. Я вот о чем, все эти книги, может, и представляют какую-нить ценность для коллекционера, но такой товар не впаришь в «Вайн Баре», это все старые фолианты, так они их называют, брат, фолианты, микрофильмы и всякая такая хрень, да?

По-любому я быстренько просматриваю книги, и там говоритца, что Лейт и Эдинбург объединились в 1920 году, после типа как референдума. То есть вроде того, голосование «Скажем „да“ присоединению», за передачу власти, за парламент и все такое, когда люди высказывали свое мнение, и так оно и было, как они скажут. Мне пришло в голову посмотреть «Шотландца», так вот, там все твердили: «Не, брат, скажи нет», – но все остальные просто отвечали: «Извини, брат, мы понять не можем, чего вы там парите в своей газете, поэтому скажем большое и толстое „да“. Демократия, брат, демократия. Кота не заставить жрать „Феликс“, если есть „Вискас“.

Фишка в том, што жители Лейта отклонили объединение, проголосовав против большинством четыре к одному. Четыре к одному, брат, но все равно объединение произошло. Я даже типа как помню, што, когда мы были совсем мелкими, об этом твердили все старые пердуны. Но теперь все они глубоко под землей, и кто расскажет, што эти пидоры сделали в свое время, пойдя против народа, против демократии, тогда, давно, брат? Позовите парнишку Мерфи! Ага, все эти кошки на Кладбище домашних животных Стивена Кинга, спите спокойно, потому што пришел я. Так што, пожалуй, с этого я и начну, неплохое времечко, девятьсот двадцатый год: великое предательство, брат.

Ага, вот оно все уже начинает складыватца у меня в башке. Проблема в том, что я как-то забыл, што, если ты собрался писать книгу, нужны бумага и ручка. Так што я иду в «Baurmeister» и покупаю там блокнот и ручку. У меня все дрожит внутри, и я не могу дождатца того момента, когда вернусь за свой стол и начну серьезную работу. Так-то, брат, история Лейта от объединения до наших дней. Начну с 1920-го, потом вернусь немного назад, потом опять пойду вперед, как в биографиях футболистов пишут.

Знаешь?

Например, глава первая: «Я не мог в это поверить, когда поднял в руках Европейский Кубок, брат. Этот крендель, Алекс Фергюссон, вдруг оказался рядом и сказал мне: „Ну, брат, теперь ты типа бессмертный“. Не то чтобы я так уж думал о победном голе или вообще о матче, ведь я накануне ночью нахуячился крэка, отпустило только за полчаса до того, как я в такси сел, чтобы ехать на матч...» В общем, ты знаешь, как это бывает, брат.

Потом следующая глава: «Но на самом деле история начинается очень далеко от стадиона Сен-Сиро в Милане. Нам придется перенестись назад во времени, в скромный жилой дом на Крысиной улице в районе Горбалз, в Глазго, где я родился и вырос. Я был семнадцатым сыном Джимми и Сэнги МакУиджи. У нас была дружная семья, и я напрасно хотел... бла-бла-бла...», и так далее.

Так что вот так: начать с середины и идти назад.

У них тут есть и газеты того времени, «Шотландец» и «Вечерние новости» и все такое. Ну, даже если их и писали все эти богатые хитрожопые тори, в них все равно может быть хоть немного, ну, местных новостей, что-то типа того, а это именно то, что мне нужно. Проблема в том, что эти газеты уже пересняты на микрофильмы, и мне надо заполнить карточку, чтобы их получить. А потом надо пойти к этой большой, огромной машине, похожей на старый телевизор, и вроде как микрофильмы в нее засунуть, понятно? Только вся эта байда мне не нравится ни фига. Библиотека, брат, это должны быть чисто книжки и все такое, и никто мне ниче об этих микрофильмах не говорил.

И вот получаю я микрофильмы у парня и иду к этой машине, но когда я ее вижу, эту телехреновину, я сразу чувствую что попал – нет, нет, нет, я ведь в технике ни хрена не шарю, и я, ну, волнуясь, что могу се поломать. Я мог бы попросить кого-нить из персонала, шобы мне помогли, но я знаю, что они просто подумают, что я тупой даун, понимаешь?

Нет, я не могу тут разобраться, ну никак не смогу, так что я просто кладу эти штуки на стол и выхожу из зала, поднимаюсь по лестнице, просто довольный из-за того, что я оттуда ушел, и сердце тяжело стучит, стучит, стучит. Но когда я уже на улице, я слышу все эти голоса у меня в голове; они смеются, говорят, что я лузер, ничтожество, пшик, и я вижу эту вывеску «Растяпы Мэрфи», и мне больно, брат, мне так больно, что чиста необходимо избавиться от этой боли. Ну, в общем, я иду к Охотнику, у него всегда есть кое-что, и с этим «кое-чем» я не буду больше чувствовать себя «Растяпой Мерфи», то есть полным придурком, иными словами.

26. «...по поводу монстров секса...»

В тот вечер он привел меня к себе и уложил спать. Я проснулась, полностью одетая, под стеганным одеялом. Приступ кратковременной паранойи – когда я подумала о том, какой я себя выставила идиоткой, и о том, чего Терри мог наснимать на эту свою видеокамеру. Но почему-то я чувствую, что ничего не случилось, потому что Джина за мной присматривала. Джина и Саймон. Когда я проснулась, в квартире не было никого. Это была маленькая съемная квартирка, с гостиной с кожаным гарнитуром и ламинированным деревянным полом, накрытом ковром, на вид – очень дорогим. Обои с рисунком из кошмарных оранжевых лилий. Над камином – эстамп с обнаженной женщиной и наложенным на нее профилем Фрейда, с подписью: «Что у мужчин на уме». Меня удивило, что здесь такая безупречная чистота.

Я прошла в маленькую кухню, где на одной из столешниц нашла записку:

Н.

Тебе было не очень хорошо, так что мы с Джинной привели тебя сюда. Я переночую у нее, потом прямо на работу. Тут есть чай, кофе, тосты, мюсли, яйца – в общем, что захочешь. Позвони мне 07779 441 007 (мобильный), как-нибудь пересечемся.

Всего наилучшего, Саймон Уильямсон.

Я позвонила ему, чтобы поблагодарить, но мы не смогли увидеться в тот день, потому что он был на пути в Амстердам с Рэбом и Терри. Я хотела связаться с Джинной, чтобы сказать ей спасибо, но, похоже, никто не знал ее номера.

Так что теперь я скучаю по моим новым мальчикам: Рэбу, Терри и, да, по Саймону тоже. Особенно – по Саймону. Жаль, что они не позвали меня в Амстердам. Я бы, наверное, поехала. Однако мне по-прежнему весело с моими девочками, потому что Лорен вся светится в отсутствие развратных сексуальных маньяков из Лейта, а Диана, хотя она и занята своей диссертацией, всегда не прочь пошутить и выпить.

Что же по поводу монстров секса, во вторник днем мы таки встретили одного из них, причем действительно монстра. Был удивительно хороший день, и мы втроем сидели в «Грушевом дереве» за столиками на улице, пили пиво, и тут эта скотина подходит к нам и садится за наш столик.

– Добрый день, девочки, – сказал он, поставив свою кружку на стол. Это извечная проблема с «Грушевым деревом»: пивной садик быстро наполняется народом, а столы длинные, так что очень часто получается так, что рядом садится народ, который тебе неприятен во всех отношениях.

– Вы не против, что я присяду рядом, да? – спросил он, грубый и бесцеремонный. У него было жесткое лицо, неуловимо похожее на морду хорька, и редкие светло-рыжие волосы. Он был одет в безрукавку, демонстрировавшую густо татуированные руки. Его кожа была не просто мертвенно-

бледной; от него исходил «запашок тюряги», как однажды сказал Рэб, указывая на какого-то своего знакомого в баре.

– Это свободная страна, – лениво проговорила Диана, скользнула по нему равнодушным взглядом и повернулась обратно ко мне. – У меня уже готово почти восемь тысяч слов.

– Это классно, только напomini, сколько их нужно всего?

– Ну, тысяч двадцать. Если я спланирую все разделы, все будет в порядке. Просто мне неохота набивать слова, а потом обнаружить, что надо выкидывать большую часть, потому что я отклонилась от темы. Надо, чтобы был четкий план, – объясняет она, поднимая бокал и отпивая глоток.

– Вы студентки, че ли? – слышим мы хриплый голос.

Я устало поворачиваюсь к этому уебищу, ведь я сижу ближе всех к нему.

– Да, – говорю я ему. Лорен, сидящая напротив, краснеет и морщится. Диана раздраженно барабанит пальцами по столу.

– Ну и как вы там учитесь, хорошо? – спрашивает парень скрипучим голосом, глаза у него – мутные-мутные, а лицо отупевшее и расслабленное из-за выпитого.

– Замечательно учимся, – говорю я ему в надежде, что он отвяжется.

Он, разумеется, не отвязался. Он тут же цепляется к моему акценту.

– А ты откуда приехала, а? – спрашивает он, тыча в меня пальцем.

– Из Рединга.

Он фыркает, потом улыбается мне и поворачивается к остальным. Теперь и я начинаю беситься.

– А вы две откель, вы англичанки, да?

– Нет, – говорит Диана. Лорен хранит молчание.

– Меня Чиззи звать, между прочим, – говорит он, протягивая свою здоровенную потную руку.

Я слабо пожимаю ее и напрягаюсь – у него очень крепкое рукопожатие, – и Лорен тоже пожимает ему руку, но Диана воротит нос.

– Ого, вот даже как, да? – говорит этот Чиззи. – Ну ниче, – улыбается он, – две из трех – это ведь тоже неплохо, да, девочки? Мне сѣдня везет, попал в компанию таких славных дамочек.

– Это наша компания, – говорит ему Диана. – И тебя в нее не приглашали.

Судя по реакции этого бугая, она как будто ничего и не говорила. Он слышит только себя, и его рот кривится в развратной ухмылке, когда он смотрит на нас.

– У вас у всех, типа, есть парни, да? Спорю, что есть. Спорю, у вас у всех есть приятели, ну?

– По-моему, это не ваше дело, – говорит Лорен, ее голос твердый, но звонкий и тонкий. Я смотрю то на Лорен, то на этого громилу, который раза в три ее больше, и во мне закипает злость.

– Ага, значит, у тя нету!

Диана разворачивается и смотрит ему прямо в глаза.

– Это не важно, есть у нас парни или нет. Даже если бы у нас был миллион членов, пляшущих на веревке, тебе все равно не светило бы повесить туда и свой. Так что можешь идти отдыхать. Даже в случае хронической недостаточности мы все равно тебе не позвоним.

Глаза у парня загораются злобой. Да он же законченный псих. Диане лучше заткнуться, пока не поздно.

– Ты можешь се траблов нажать с твоим язычком, курочка, – говорит он, потом мягко так добавляет: – Больших-больших траблов.

– Отъебись, – рявкает на него Диана, – вали на хуй отсюда, и чтобы мы тебя больше не видели.

Парень устался на нее.

– Сборище лесбиянок, бля, – высказал он, злобная, тупая, уродливая, пьяная рожа. Я бы сказала ему то же самое, что сказала Диана, если бы это был кто-нибудь вроде Колина, но этот парень – явный отморозок. Видно, что Лорен боится его, да и я, наверное, тоже.

А Диана – нет, потому что она встает, и теперь она возвышается над ним.

– Я кому говорю: отъебись. Уебывай, прям щас, грю тебе! Пшел отсюда!

Он поднимается на ноги, и теперь она смотрит ему в лицо снизу вверх, ее глаза полыхают огнем, и на секунду мне кажется, что сейчас он ее ударит, но тут парни за соседним столиком что-то ему кричат, и девушка из бара, которая собирает стаканы, уже подошла и спрашивает, в чем проблема.

Парень выдает холодную улыбку.

– Никаких проблем, – говорит он, берет свою кружку, быстренько допивает и уходит. – Лесбы

ебучие, – кричит он нам, обернувшись.

– Нет, мы нимфоманки, и мы всегда озабочены, где бы взять хуя, но даже у нас есть свои, блядь, стандарты! – кричит в ответ Диана. – **ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НА УЛИЦАХ ЕСТЬ БРОДЯЧИЕ ПСЫ И ХРЯКИ – НА ФЕРМАХ, НАМ НЕ ПРИГОДИТСЯ ТВОЙ ГРЯЗНЫЙ, ПАРШИВЫЙ, НЕДОДЕЛАННЫЙ КРОШЕЧНЫЙ ЧЛЕН, СЫНОК! ТАК ЧТО СМИРИСЬ!**

Он оборачивается, и вид у него такой злой, просто пар из ушей, но потом он просто разворачивается и уходит, униженный смехом, звенящим за всеми столами.

Я преисполнена благоговейного восхищения перед выступлением Дианы. Лорен все еще дрожит, чуть ли не в слезах.

– Он – маньяк, он насильник, ну почему они такие, мужчины, почему?!

– Ему просто ебаться хотелось, придурку, – говорит Диана, закуривая сигарету, – но, как я уже говорила, не с этой девушкой. По-моему, некоторым мужикам просто необходим минет перед выходом из дома. – Она ободряюще обнимает Лорен. – Не переживай из-за какого-то идиота, птичка моя, – говорит она. – Я сейчас принесу еще выпить.

Мы неслабо напились и отправились домой. Надо признать, я немного нервничала по пути – боялась, что мы можем встретить того придурка еще раз. По-моему, Лорен опасалась того же, но я готова поклясться, что Диана была бы только рада. Позже вечером, когда Лорен уже рухнула спать, я дала Диане первое интервью, которое она записала на пленку.

– Агрессивные мужики вроде этого мудака, кого мы сегодня встретили, – спросила она, – ты много с такими сталкивалась? Ну, в смысле, в сауне?

– Сауна – безопасное место, в смысле, для работы, – сказала я ей. – Там нет, ну... никакого недопонимания. Я имею в виду... – я пожимаю плечами и решаю говорить правду, –...лично я ограничиваю свои услуги «ручной работой», ну, в смысле, только подрочить рукой. Я никогда не смогла бы работать на улице. У клиентов в сауне есть деньги. Если тебе не хочется делать то, что им надо, они найдут кого-то другого, кто им это сделает. Конечно, приходят и странные типы, которые бывают навязчивыми, им надо показать свою власть над тобой, и слова «нет» для них просто не существуют...

Диана кинула колпачок своей ручки и сдвинула очки на кончик носа.

– И что ты делаешь в таких случаях?

И я рассказала ей – ей, единственной из всех – о том, что было в тот раз, в прошлом году. Это была моя тайна, и теперь, когда я ее раскрыла, это принесло мне одновременно и возбуждение, и облегчение.

– Один парень дожидался меня, начал ходить за мной по дороге домой. Никогда ничего не делал, просто ходил за мной следом. Когда он приходил в сауну, всегда спрашивал меня. Говорил, что нам предназначено быть вместе и все такое. Я сказала Бобби, а тот вышвырнул его и запретил приходить вообще. Но этот парень продолжал таскаться за мной повсюду. Вот почему я начала гулять с Колином, вроде как это был сдерживающий фактор, – говорю я ей и вдруг понимаю, что я впервые объясняю все это самой себе. – Как ни странно, но это сработало. Он увидел, что у меня есть парень, и оставил меня в покое.

На следующий день я долго валялась в постели, немного поработала и сходила за покупками, потом приготовила запеканку для моих девочек. Уже вечером я позвонила домой. Мама подняла трубку и поздоровалась со мной шепотом и заговорила тихо, как мышка, так что я с трудом разбираю слова, а потом в трубке раздался щелчок – звук, означавший, что подняли трубку на втором аппарате, наверху.

– Принцесса! – пророкотал голос, после чего раздался еще один щелчок, это мама повесила трубку. – Как там холодная Шотландия?

– На самом деле сейчас здесь тепло, пап. Ты не мог бы попросить маму взять трубку?

– Нет! Никак не могу! Она на кухне, вживается в образ доброй женушки и готовит мне обед, ха-ха-ха... ну ты знаешь, какая она, – говорит он, – счастлива в своем царстве. Ну ладно, как там твоя учеба, очень и очень дорогостоящая учеба? Все замечательно, ха-ха-ха?

– Да, все в порядке.

– Когда домой приедешь повидаться, может, на Пасху?

– Нет, у меня будут рабочие смены здесь, в ресторане. Я попытаюсь как-нибудь на выходные выбраться... мне очень жаль, что курс такой дорогой, но он мне нравится, и у меня все идет хорошо.

– Ха-ха-ха... Дорогой, ну и ладно. Я ничего не имею против, сладкая моя, для тебя – все что

угодно, ты это знаешь. Когда сделаешься знаменитым продюсером или режиссером в Голливуде, сможешь вернуть мне деньги. Или дашь мне роль в фильме, например, роль любовника Мишель Пфайфер, вот это мне подойдет. А чем еще ты занимаешься?

Дрочу старым пердунам в сауне...

– Да так, особенно ничем.

– Пропиваешь мои денежки, заработанные тяжким трудом, так ведь? Знаю я вас, студентов!

– Ну, может, немного. Как Уилл?

Голос отца как будто отдаляется и звучит раздраженно:

– Нормально, нормально, я думаю. Я просто хочу... – Да?

– Я просто хочу, чтоб у него были друзья попримичней, вместо этих вообще не пойми чего, которых он, кажется, собирает коллекцию. Этот педераст, с которым он сейчас водится, я ему говорю, ты лучше поосторожней, а то сам таким станешь...

Ритуал еженедельного звонка отцу, и это я его основатель. Вот как отчаянно мне нужна компания. Лорен уехала домой в Стирлинг на все выходные. Диана вообще не вылезает из библиотеки, работает над своей диссертацией. Вчера вечером она пригласила меня к домой к ее родителям, в каком-то районе, которого я совершенно не знаю, и мы слегка выпили с ее мамой и папой, которые, как оказалось, нормальные, классные даже люди. Мы даже травки чуток покурили.

Так что сегодня я слоняюсь по универу в тоске и скуке, жду и как будто слегка опасуюсь, когда ребята вернутся из Амстердама. Крис говорит мне, что он ставит драму для фестиваля, и спрашивает меня, не хочу ли я поучаствовать. Но я знаю, что ему надо на самом деле. Он вполне милый, но у меня была куча парней его типа – с сексом все хорошо где-то месяц, потом мгновенно становится скучно, если только ты не преследуешь какие-то иные цели, как-то: положение, деньги, любовь, интрига, садомазохистские игрища, оргии. Так что я говорю ему, что мне это не нужно, у меня мало времени. Все мое время уходит на этих странных местных парней, некоторые из которых должны вот-вот вернуться из Амстердама. Рэб, скотина, который меня не хочет. Саймон, который, похоже, хочет вообще все, что движется, и который, видимо, воображает, что он все получит – это только вопрос времени; и Терри Сок, вполне всем довольный. А почему нет? Он ебет все и вся, и денег у него достаточно – хотя бы выпивку покупать. И в этом – его устрашающая сила, он как будто живет в осуществленной мечте, воплощение которой готовил всю жизнь. Ему нет нужды что-то менять, все, что он хотел делать в жизни, – это фачиться, пить и страдать хуйней. Чем он, собственно, и занимается.

Терри так часто бывал в районе старого порта Лейта, что я даже шутила с Дианой и Лорен, что он был как Мистер Прайс из «Мэнсфилд-Парка»: «однажды в доках он начал рассчитывать на случайную счастливую встречу с Фанни». Нам это пришло в голову после того, как я поняла, что Терри так называет всех женщин. «Фанни». Так что дома мы называем друг друга Фанни и цитируем фрагменты из книги.

Сейчас я одна, занимаюсь ногтями, и тут звонит телефон. Я подумала, что это может быть моя мама – звонит мне, пока папа на работе, – но это был Рэб. Звонил из Амстердама. Что меня удивило, но удивило приятно. Сперва я подумала, что он соскучился по мне, что он жалеет, что не переспал со мной, когда у него был шанс. Теперь, когда он связался со всей этой порнушкой, его гормоны выжирали, и он уже сокрушается, что не принял участия в этом празднике жизни. Как, впрочем, и я – но у меня еще все впереди. Сейчас он хочет побыть с Терри или Саймоном, несколько недель, часов, минут, до тех пор, пока не родится его ребенок или пока он не затянет узлы.

Я совершенно спокойна. Я спрашиваю, как там Саймон и Терри.

Напряженная тишина на том конце провода длится пару секунд, потом он отвечает:

– Вообще-то я их почти не вижу. Терри целыми днями возится с проститутками, а по ночам ходит с девушками по клубам. Псих, насколько я понял, занят тем же самым. Да, а еще он пытается проворачивать аферы. Заводит контакты с нужными людьми в этой индустрии и все такое, только, сдастся мне, ничего у него не выходит.

Псих: тщеславный, эгоистичный, жестокий. Но мне это нравится. Кажется, Уайльд говорил, что больше всего женщина ценит в мужчине жестокость, и временами я склонна этому верить. И Рэб, я думаю, тоже.

– Этот Псих, он меня очаровал. Лорен была права, когда говорила, что он пробирается тебе в душу, а ты даже и не замечаешь как, – говорю я с тоской, ни на мгновение не забывая о том, что я говорю с Рэбом по телефону, но стараясь показать, что я об этом забыла.

– Так он те нравицца, – говорит он, и мне кажется, что его голос звучит как-то так... – то ли яз-

вительно, то ли слегка снисходительно.

Я сжимаю зубы. Что может быть хуже мужчины, который не трахнул тебя, когда ты сама ему предлагалась, и который потом удивляется, когда ты собираешься переспать с другим.

– Я не говорила, что он мне нравится. Я сказала, что он меня завораживает.

– Он мошенник. Подлец. Терри – тот просто идиот, а Псих – хитрый крендель, – говорит Рэб с неподдельной горечью, которой я никогда от него не слышала. Только сейчас до меня доходит, что он слегка пьян или, может быть, обдолбался, или и то, и другое вместе.

Это странно. Обычно они хорошо ладят между собой.

– Ты же работаешь вместе с ними над фильмом, ты не забыл?

– Как же такое забудешь, – хмыкает он.

Рэб как будто превратился в Колина: ревнивец и собственник, осуждающий и враждебный, а он ведь даже меня не трахнул. Почему я так странно влияю на мужчин, вытаскиваю на свет божий их самые худшие черты? Нет, я с этим мириться не стану.

– У вас у всех сейчас в Амстердаме ночь большой ебли для маленьких мальчиков. Найди себе шлюху, Рэб, проникнись этим безбашенным духом, если хочешь с кем-нибудь поваляться перед женьбой. Здесь у тебя был шанс.

Рэб молчит пару секунд, а потом говорит:

– У тя крыша едет. – Он старается изобразить равнодушие, но по его тону понятно, что он понимает, что вел себя неблагородно, неправильно, а для такого гордого человека, как он, это ужасно.

Никого ему не обмануть, он меня хочет, но вы, блядь, опоздали, мистер Биррел. Поезд ушел.

– Ладно, – говорит он, нарушая тишину, – у тебя седня явно не то настроение. И вообще я звоню, чтобы с Лорен поговорить. Она дома?

Что-то оборвалось у меня в груди. Лорен. Что?

– Нет, – я сама слышу, как дрожит мой голос, – она уехала в Стерлинг. А чего тебе надо?

– Да так, ничего, позвоню ей домой. Я обещал ей проверить, есть ли у моего старика этот софт, для конвертации файлов из Мака, который у нее дома, в Виндоуз. Короче, софт у него есть, и он сказал, что подъедет и поставит его ей на машину. Просто она говорила, что это довольно срочно, потому что у нее на Маке всякая нужная инфа... Никки?

– Я здесь. Приятного продолжения съемок, Рэб.

– Пока, увидимся, – говорит он, вешая трубку.

Я понимаю, почему Терри так из-за него заводится. Сначала не понимала, а теперь догоняю.

27. Давление в башке

Башка как в тисках, нах. Ох уж эта блядская мигрень. Слишком много мыслей, вот в чем моя проблема, и никто из этих жирдяев вокруг этого не поймет. Слишком много всего у меня в башке. Вот к чему приводит наличие мозгов; заставляет тебя много думать, етить-колотить, обо всех этих жирных уебках, которым давно пора разьебать морды. А их ведь целая куча, уродов этих. Паршивые ублюдки, смеюцца над тобой у тебя за спиной, все как один: уж поверьте, я знаю. Они думают, ты не видишь, но ты все нормально сечешь. Ты знаешь. Ты, блядь, всегда знаешь, сто пудов.

Нужно добыть еще «нурофена». Надеюсь, Кейт скоро вернется от матери со своим миленьким малышом, потому что перепихон всегда помогает, снимает все это давление в башке. Ага, когда кончаешь – это как массаж для мозгов, нах. Я понять не могу всех этих мудил, которые стонут: «Нет, не сейчас, у меня голова болит», как будто, бля, в идиотском каком кино. Вот для меня лично, когда голова болит – это как раз тот момент, когда надо ебацца. Если бы все ебались, когда у них голова болит, в мире не было бы столько траблов, нах. Какой-то шум у двери; вот щас она придет. Но погодика минутку. Не-ет, это, бля, не она. Какой-то мудака пытается вломиться в квартиру... потому шо я тихо сижу, без света, все из-за моей больной головы. Вот они и подумали, шо здесь никого нету. Ладно, сейчас я им, нах, покажу. Мяч в игре.

Я скатываюсь с кушетки прям на пол, как будто чиста Брюс Уиллис или Шварценеггер какой-то, ползу по полу и встаю на ноги у стены за дверью в гостиную. Если они знают, что делают, они наверняка первым делом сюда припрутся, вместо того чтобы лезть вверх по ступенькам. Дверь открывается, мудилы с ней справились, мать их. Они уже внутри. Я не знаю, сколько их, но судя по звуку – немного. Впрочем, без разницы, скока их, блядь, вошло, потому что наружу-то они не выйдут. Наружу их вынесут.

Хорошо... вот, блядь, хорошо... я стою за дверью, поджидая этих уродов. Этот мелкий крендель входит в комнату, у него в руках бейсбольная бита, вот, блядь, ублюдок. Какое разочарование для меня. Я захлопываю за ним дверь.

– Ищешь чегой-то, дружок?

Этот недоносок разворачивается и начинает махать битой у меня перед носом, а в придачу еще и орет.

– Прочь с дороги! Пропусти меня! – кричит он. А я узнал этого пацана! Он из паба, из Психова паба! Он тоже меня узнает, и глаза у него распахиваются.

– Я не знал, что это ты тут живешь, мужик, я просто хотел... Да уж, нах, не знал этот малец ни хрена.

– Ну, так вот дверь, – улыбаюсь я и указываю на дверь. – Вот она. Чего ты ждешь?

– Уйди с дороги... я никому не хочу неприятностей... Я прекращаю улыбаться.

– Ты, блядь, уже по уши в неприятностях, хошь ты этого или не хошь, – говорю я ему. – Так что отдай-ка мне эту битую прям шас. Не заставляй меня применять силу. Для твоей же, нах, пользы.

Малец стоит и дрожит, бля, а его глазенки наполняются слезами. Слабак хуев. Он опускает битую, и я хватаю его за запястье и отбираю ее, потом свободной рукой хватаю его за горло.

– Ну и что ж ты не отделал меня, ты, падла? А? Засранец ты мелкий!

– Я не... я не знал, что...

Я отпускаю его и беру битую обеими руками.

– Вот что ты должен был делать, блядь, – и я бью щенка битой.

Он поднимает руки вверх и удар приходится как раз ему по запястью, и он визжит, как побитая собака, а я продолжаю его охаживать, мне даже страшно подумать о том, что бы он сделал, этот мудака, если бы Кейт и ребенок, бля, были дома.

Я останавливаюсь, когда замечаю, что кровь попадает на коврик Кейт. Щенок валяется, скрючившись, на полу и пищит, как, блядь, новорожденный.

– ЗАТКНИСЬ! – кричу я. Стены тонкие, как бумага, и кто-нить из этих злобучих соседей обязательно вызовет полицию.

Я нахожу старое посудное полотенце, прижимаю его к кровящей ране на голове придурка, надеваю ему сверху его бейсболку, это немного приостановит кровь. Потом я заставляю его вывернуть карманы и выдаю ему всякие штуки с кухни, чтобы он отчистил ковер. В карманах ниче нет, только немного мелочи, связка с ключами от дома и маленький пакетик с таблами.

– Это экстази?

– Ага... – говорит он, продолжая отскребать ковер, весь такой напряженный.

– А цзына нету?

– ...нет...

Проверяю замки на двери. Они просто выбиты, видимо, он плечом надавил, но дерево не расщепилось, и я вставляю дверь на место. Она совсем, блядь, слабенькая, и надо бы ее заменить.

Иду туда, где этот крендель скребет ковер.

– Кровь еще капает, вали-ка ты на хуй отсюда. А то если она мне закатит скандал по поводу крови на ковре, я заставлю тебя заплатить по полной и покажу те всю твою блядскую кровь, понял?

– Ладно... ладно... уже ухожу... – бормочет он.

Я выясняю, что зовут мудака Филипп Муир, и он из Лохэнда. Смотрю на ковер. Крови почти и не видно. Недоебок неплохо поработал.

– Хорошо, а теперь мы с тобой прогуляемся, – говорю я ему. Пацан слишком напуган, чтобы что-то говорить, и мы идем к его тачке. Я открываю переднюю дверь со стороны пассажира, и он забирается внутрь. Я неторопливо обхожу машину и сажусь на место водителя, зная, что он слова поперек не скажет – так он обосрался.

– Давай говори, куда ехать, парень.

– Э-э...

– Мы едем к тебе домой.

Я врубаю радио, и мы едем в Лохэнд. Фургон разьебанный вдрызг, еле едет. По радио крутят эту старую хорошую Слэйдов «Мама Weer Aw Crazee Now»,⁸ и я начинаю им подпевать.

– Слэйды, блядь, хороши, – говорю я мальцу.

8 «Мама, мы все сошли с ума». – Примеч. пер.

Мы вытряхиваемся из машины неподалеку от очень даже пиздатого дома.

– Здесь твои предки живут? – Ага.

– Дома кто-нить есть?

– Не-а... но они скоро вернутся.

– Ну так давай поторопимся, пшел.

Так что мы входим, и я оглядываю обстановочку. У них хороший телик, с плоским экраном и все дела, встроенный видак, из этих новых, куда компакт-диски вставляются, а на дисках – фильмы, ну, ебучий VDU или как там их еще называют, блядь. Есть еще новенький музыкальный центр, из этих, с хуевой тучей динамиков.

– Ну ладно, малец-молодец, давай начинай, бля, погрузку, – говорю я уебку.

Парень все еще дрожит как осиновый лист, и я выглядываю на улицу – нет ли поблизости любопытствующих. Если пацан сам проболтается, все пиздюли будут его, и он это знает. Мы грузимся в фургон и едем обратно к Кейт. Хорошая новость – есть сидюк Рода Стюарта со всеми хитами. Я сразу его прикарманиваю.

Когда мы возвращаемся, Кейт с дитенком уже дома.

– Фрэнк... замок... – Она показывает на пол, где валяются винты. – Я просто вставила ключ в замок, и они все выпали... – Она видит пацана, стоящего у меня за спиной. Он опять начал дрожать, из-за чертова замка, так ему и надо, ублюдку.

– Все в порядке, – говорю, и мы выходим на улицу и возвращаемся с телевизором.

Она подхватывает ребенка на руки.

– Замок... Фрэнк, что происходит? Что это такое?

– Вот этот вот мой юный друг... – В общем, я объясняю ей ситуацию и иду обратно к машине. – Он действительно добрый самаритянин, да, парень? Набрел на кое-какую приличную обстановочку, вот я и велел ему приволоочь кое-что сюда. Это же лучше, чем твое прежнее барахло.

– Но замок...

– Ну, бля, я же все объяснил, Кейт. Починим мы твой замок. Я со Стивом, моим другом, на-счет этого побазарю, он слесарь, так что все будет чики-пики. Ты лучше вот посмотри! Новеньки DVD, нах! Теперь придетца продать старые видеокассеты.

– Ента уж-жасно мило, – говорит она. – Пасиба, Фрэнк...

– Ты не меня благодари, а Филиппа, ага.

Кейт смотрит на этого кренделя. А тот таращится на меня.

– Пасиба, Фил... а что у тебя с лицом? Я прерываю ее.

– Это длинная история, нах, – говорю я ей. – Просто Фил был мне должен, так, за одну услугу, так что когда он купил себе новое стерео, то позвонил мне и сказал, мол, старое можешь забирать, если захочешь. Я думал, это старье какое-нить, но этот мудака говорит, что ему всего полтора года!

– Ты уверен, Филипп? С виду оно такое дорогое...

– Ну ты же знаешь эту молодежь, вся эта мода и все такое. Полтора года для такого дерьма – это как каменный век! Да, Фил?

Этот мудака только по-глупому ухмыляется. Кейт включает телик в розетку.

– Классная какая картинка! Как те рождественские эльфы. Иди посмотри, – говорит она ребя-тенку.

– Для тебя – только самое лучшее, детка.

Этот мудака говорит, да пошли вы все на хрен. Пусть бы лучше спасибо сказал, что живой. Я так думаю, надо бы юзануть этого раздолбая. Я вывожу его наружу.

– Ладно, теперь можешь валить, но нам нужно встретиться. Скажем, в понедельник, в «Кафе Дель Соль», в одиннадцать утра.

– На фига? – спрашивает он, испуганно смотря на меня.

– Работа, сынок. Такие вот подростки вроде тебя, от них один геморрой, если они не работают. Лень, чтоб ее, как говорится, мать всех пороков. Запомни, «Кафе Дель Соль», понедельник, одинна-дцать утра. Если я опоздаю, спросишь Лексо. Ни о чем не беспокойся, потому что теперь ты работа-ешь на меня. В общем, я тебя жду.

Он прекратил трясти головой, но вид у него удивленный.

– И что, мне зарплату дадут?

– Ага, догонят и еще дадут. Будешь жить, и даже не калекой. Вот и вся твоя гребаная зарпла-та, – говорю я. – Скажи-ка мне, – продолжаю я и вижу вдруг, что у него кольца чуть ли не на каждом

пальце. – Хех, милые цацки, дружок. Давай-ка снимай.

– Нет, пожалуйста, только не мои кольца, пожалуйста...

– Так, я жду.

Мудак начинает дергать за перстни.

– Они не слезают... Я достаю нож.

– Ща я тебе пальцы отрежу, тогда точно слезут, – говорю я ему.

Слезли враз.

Этот мудак жалобно смотрит на свои кольца, я убираю их все в карман, а одно отдаю обратно.

– Все сегодня прошло нормально. Держись молодцом и получишь обратно их все. А теперь брысь с глаз моих. А в понедельник жду тебя в кафе. – Я возвращаюсь к Кейт и запираю дверь.

Потом звоню Стиву на мобилу и говорю ему, что это срочно. Кейт говорит:

– Это стерео просто отличное, Фрэнк! Мне даже не верится! Это так классно!

– Ага, – говорю, – смысленный попался пиздюк. Будет теперь на меня работать. С ними надо поостроже. И делом их надо занять, чтобы дурь всякая в башку не лезла.

– Это хорошо, пристроить парнишку. Ты такой добрый, на самом деле котик. Такая душка.

Мне приятно, что она так говорит. С одной стороны, это мило, но с другой стороны, я понимаю, почему ее бывший сбежал, если тебя все время зовут душкой и котиком, тут поневоле сбежишь. Хотя я доволен, что сумел ее порадовать.

– Просто это такой бизнес: хочешь оставаться на плаву, помогай другим, тогда и другие тебе помогут. Поняла, что я хочу сказать? Надевай свой жакет, пойдём где-нить поедим.

– А ребенок...

– Да отведи его к своей маме. Пошли, мне надо развеяться. Сегодня работы было до хуя. Хочу поесть где-нить. Музычку послушать. Пивка дерябнуть, чтобы расслабиться. Ты отведешь мелкого к матери, а я пока подожду Стива, чтобы он починил дверь. Это не займет много времени, я сделаю запасные ключи, и ты забереши их в почтовом ящике, когда все будет готово. Я зайду за тобой к твоей матери.

Кейт одевается, красится и сажает ребенка обратно в коляску.

Я вытаскиваю старый телик в прихожую и подключаю его к новой антенне, по Sky идет передача про шотландский футбол. Хочу посмотреть. Забавно, башка уже не болит, сама прошла – даже без поебатца.

28. Афера № 18740

Странно так получилось. Бегби, Урод, а теперь вот и Рентой снова вошли в мою жизнь и стали главными героями этой странной драмы под названием «Жизнь Саймона Дэвида Уильямсона». Назвать первых двоих хроническими неудачниками – это смертельно их оскорбить. Рентой, напротив, пробился – теперь у него свой клуб в Амстердаме. Никогда не думал, что в нем есть такой потенциал.

Конечно, я не слишком порадовал этого мудака. Я сказал ему, что я не выпущу его задроченный хуй из поля зрения, пока он не вернет мне деньги, и вот они у меня – в бумажнике. Мы сидим в подвальной кафешке на Prinsegracht, и он осторожно дотрагивается до своего разбитого носа.

– До сих пор не могу поверить, что ты меня ударил, – хнычет он. – Ты всегда говорил, что насилые – для неудачников.

Я сижу и медленно покачиваю головой, глядя на этого пиздюка. Мне хочется снова его ударить.

– А у меня раньше не было друга, который свалил бы с моими деньгами, – говорю я ему. – И у тебя еще хватает наглости меня обвинять. Ты не только меня обул, – рычу я и бью кулаком об стол, но потом понижаю голос, поймав на себе любопытные взгляды двух жирных америкосов за соседним столиком, – ты, сука, вернул деньги Уроду! А этот ебаный наркояср все эти годы молчал, никому ничего не сказал! И даже теперь это все выплыло только тогда, когда его отымали как следует!

Рентой подносит кофе к губам. Дует на него, отпивает глоток.

– Ну, я же уже извинился. Я действительно хотел отдать тебе деньги, если тебя это хоть немного утешит. Я так и хотел сделать, но ты же знаешь, как оно с деньгами бывает, они испаряются непонятно куда. Я думал, ты просто об этом забудешь.

Я смотрю на него. О чем этот кретин тут толкует? С какой, бля, планеты он к нам прилетел? Планета Лейт, мудакские девяностые, держу пари.

– ...ну, может, и не забыл, а в том смысле... – он пожимает плечами, – это действительно было немного эгоистично с моей стороны. Но мне нужно было оттуда убраться, из Лейта, из всего этого наркодерского дерьма.

– А мне, типа, не нужно, так тебя понимать? Да ты был чисто конкретно эгоист. – Я снова стучу по столу. – Немного эгоистично, он говорит. Как-то оно слабо сказано, ты не находишь? Я бы сказал по-другому.

Я слышу, как америкос говорит что-то своему приятелю; звучит как-то по-скандинавски. Выходит, это не американцы, а шведы или датчане какие-нибудь. Забавно, они выглядят слишком жирными и глупыми в этих своих претенциозных шмотках, чтобы быть кем-то еще, кроме янки средних лет.

Рентон опускает козырек своей бейсболки, чтобы скрыть блеск в глазах. Вид у него усталый. Однажды нарк – нарк навсегда... то есть если ты не Саймон Дэвид Уильямсон, а я все-таки Саймон Дэвид Уильямсон.

– Ну, я решил, что сначала заплачу Уроду, – говорит он, теребя кофейную чашку, – Я подумал, Псих... Саймон... он сам кого хочешь наебет, предприимчивый мальчик. С ним все будет в порядке, у него есть голова на плечах.

Я отворачиваюсь и смотрю на лодку, которая плывет по каналу. Один тощий пиздюк в лодке замечает нас и машет нам рукой.

– Эй, Марк! Как ты?

– Нормально, Рикардо, наслаждаюсь солнышком, – кричит Рент и машет ему в ответ.

Ебанный Рент, опора нашей фанатской коммьюнити. Забыл, наверное, что я видел его вусмерть обдолбанным, видел, как он визжит от ломки, набрасывается на украденный бумажник, как голодный хищник на беззащитную жертву.

Теперь он мне рассказывает свою историю, и мне интересно, хоть я и пытаюсь казаться равнодушным.

– Сперва я приехал сюда, потому что это был единственный город, где я бывал прежде, – начинает он. Я закатываю глаза, и он говорит: – Ну, кроме Лондона и Эссекса, где мы работали курьерами. И я решил поехать сюда, когда вспомнил, как мы после смены катались на лодках, помнишь?

– Ага... – Я киваю в смутном согласии. Я даже не знаю, изменилось ли это место. Сложно вспомнить, на что это было похоже, после всей той наркоты, которой мы тут закидывались.

– Забавно, но в глубине души я даже не сомневался, что4 здесь вы меня быстро найдете. Было бы забавно, если бы кто-то приехал на выходные и наткнулся на меня, я думал, что это будет первое место, где вы станете меня искать, – улыбается он.

Я проклиная собственную тупость. Никто из нас даже и не подумал про Амстердам. Черт его знает почему. Я всегда считал, что мои знакомые, да и я сам в случае чего, будут прятаться в Лондоне или Глазго.

– Мы первым делом об этом подумали, – лгу я с ходу. – И мы были здесь несколько раз. Тебе просто повезло – везло до этого раза.

– Так ты расскажешь обо мне остальным? – говорит он.

– А поебаться не завернуть? – ворчу в ответ. – Думаешь, меня волнует, что происходит с Бегби? Если этот мудозвон хочет вернуть свои денежки, пусть сам жопу рвет, а я вовсе не собираюсь облегчать задачу этому психопату.

Рентой задумывается ненадолго и принимает на веру мои слова.

– Забавно, когда я первый раз сюда приехал, я остановился в отеле там, дальше по каналу, – говорит он, указывая на «Принс-грахт». – Потом я нашел комнату в Пджипе, это что-то вроде амстердамского Брикстона, – объясняет он. – Парень, с которым я дружил, Мартин, раньше работал со звуком, там, в Ноттингеме. Мы начали проводить вечеринки в клубе, так, для развлечения. Мы оба слушали хауз, а тут все прибивались по техно. Наши вечеринки стали достаточно популярными, а потом один парень, Нильс, пригласил нас проводить дискотеки у него в клубе, раз в месяц, потом – раз в две недели, потом – раз в неделю. Потом у нас появились предложения поинтереснее.

Рентой понимает, что его речи звучат слишком самодовольно, и добавляет, как бы извиняясь:

– Ну, я хочу сказать, что мы стали жить малость получше, но две или три плохие ночи – и все для нас было бы кончено. Мы бы тогда хуй на это забили – раз закончилось, так закончилось. Я не хочу делать клуб ради клуба.

– Так вот, что у нас получается, – я чувствую, как **меня** захлестывает возмущение, – ты тут кру-

тишь пластиночки, а своих старых друзей просто кинул. Ублюдок.

Рентой нерешительно протестует, что лишь подтверждает мои слова.

– Я же тебе рассказал, как все было. Когда мы собирали деньги за вечеринки, уже после того, как всем отстегнем, мы просто делили все пополам. У нас даже счет в банке появился только пару лет назад. И завели его мы только после того, как нас ограбили. Каждую субботу я шел по улице с тысячами фунтов в карманах. А так я живу хорошо. У меня квартира в Броуверграхте, – говорит он, теперь и вправду донельзя самодовольно.

Что случилось с его шилом в заднице? Это, должно быть, ужасно скучно – столько лет проводить дискотеки в клубах.

– Так что, ты играешь все в том же клубе все еоссмь лет? – говорю я чуть ли не с осуждением.

– Ну, на самом деле это не один и тот же клуб, он очень изменился за эти годы. Теперь мы устраиваем фестивали, типа вот «Танцевальная долина» и «Королевский день» здесь, и «Любовный парад» в Берлине. Мы ездим по всей Европе и даже в Штаты, на Ибицу, в Майами – на танцевальные фестивали. Мартин – пиаровское лицо «Роскоши», для прессы и типа того, а я держусь в тени... по очевидным причинам.

– Ага, ну прям как я, Бегби, Второй Приз и Урод... хотя кет, Урод выпадает, с ним ты рассчитался, – опять придираюсь я. Я до сих пор удивляюсь, что он выбрал Мерфи, а не меня.

Рыжий агент Апельсин вновь поворачивается ко мне.

– Кстати, а как там Урод?

Я коротко киваю, позволяя довольному презрению обозначиться у себя на лице.

– В глубокой жопе, – говорю я. – То есть он был на чистяке до тех пор, пока не подвалили твои деньжата. Потом он затарился целой кучей наркоты. И пошел путем Томми, Мэтти и всей той толпы.

Пусть этот предатель почувствует себя виноватым. Бледная морда Рентона даже не зарумянилась, но глаза малость оттаяли.

– Что, положительный анализ?

– Ага, – говорю я, – и ты сыграл в этом немалую роль. Хорошая работа, прими мои поздравления.

– Ты уверен?

Ну вот, как будто дел у меня больше нет, кроме как беспокоиться за иммунную систему нашего солнечного мальчика. Если у него еще пока нет СПИДа, он его заслужил.

– Положительно уверен, так же положительно, как и его анализ.

Рент обдумывает это какое-то время и наконец выдает:

– Это плохо.

Я не могу устоять перед искушением и добавляю, чтобы добить его окончательно:

– И Али тоже. Ты же знаешь, они были вместе. Британские налогоплательщики должны тебя благодарить, – саркастично замечаю я. – Устраняешь всякие отбросы общества.

Рентой выглядит немного растерянным. Ложь во спасение – так это называется, я бы не удивился, если бы у Мерфи обнаружили СПИД. Но это еще не все. Это еще самое легкое из того, что предстоит перенести нашему мальчику Рента. Он уже почти успокоился и теперь пытается напустить на себя безразличие.

– Грустно это. А здесь хорошо, – улыбается он, глядя на эти узкие здания, которые поддерживают друг друга, как подвыпившие гуляки. – Ебанный Лейт. Пойдем, может, в квартал красных фонарей, дернем по пивку, – предлагает он.

Мы отправляемся по пиву и, кстати, неплохо проводим время. Я вижу, что мои страшные сказочки подействовали на Рента, хотя после пива он заметно взбодрился.

– Я пытаюсь держаться на плаву и при этом не мешать жить другим, по возможности, – говорит он, глядя на группку хулиганистых молодых англичан, что проходят мимо.

Это будет охуительный день, я уже чувствую.

– Да, согласен, это тяжело. Они и вправду – наш самый главный ресурс, – говорю я, и он смотрит на меня с явным недоумением, так что я объясняю: – Мы – люди с амбициями. То есть единственные из людей, которых сейчас принимают в расчет.

Рентой вроде как собирается протестовать, но потом обдумывает это получше, смеется и хлопает меня по спине, и я понимаю, что каким-то извращенным образом, где-то уже за чертой, мы снова стали вроде как друзьями.

Той ночью я предпочел переночевать у Рентона, вместо того чтобы возвращаться в этот дур-

дом, в смысле отель. Насколько я понял, вчера приятели Рэба решили отыметь всех шлюшек поголовно, как будто они вдруг прониклись мыслью, что скоро уже возвращаться домой, и теперь только и делали, что укуривались и еблись. Сегодня они планировали поехать в Утрехт, чтобы покататься на лодках с какими-то идиотками. Пошло все в задницу, я остаюсь здесь с Рентоном.

Рентой живет с немецкой пташкой по имени Катрин, угрюмой тощей нацистской кошечкой. У нее нет груди, но, насколько я помню, Рентой всегда таких предпочитал. Похожа на мальчишку. Всегда знал, что он пидор, просто ему не хватает смелости себе в этом признаться, так что он трахает девочек, которые похожи на мальчиков. Небось еще и в задницу, ха, удовольствие только для мужиков с маленьким членом. А эта птичка Катрин, она, наверное, худшая из них всех. Возможно. Тощие плоскогрудые девицы с полным отсутствием зада обычно довольно распушены, это как компенсация за то, что у них нет того, что нравится нам, парням. Эта холодная тевтонская корова едва ли сказала мне пару слов, даже не среагировала на мои попытки с ней пофлиртовать – чисто из вежливости. Она мне на фиг не нужна – разве что чтобы позлить Рента. Забавно за ним наблюдать. На вид – почти как европеец. Он все еще довольно худой, но уже не такая скелетина. На его веснушчатой рожеросло малость мяса. Его волосы слегка поредели и обнажили лоб: ранняя лысина – проклятие многих рыжих.

Лучший способ начать водить эту суку за нос – дать ему проникнуться ко мне доверием. Тогда он попался. А я знаю, что почему. Это не из-за денег, а из-за предательства. Так что я плавно подъезжаю к интересующей меня теме, когда он уже готов после очередного пива.

– Бегби считает, что ты был героем того ограбления в Лейте. – Конечно, все это – откровенное вранье. Тем более что Бегби ублюдок и его мнение мало кого волнует.

И Рентой это знает. Он не так глуп на самом деле. В том и проблема, что этот рыжий Иуда может быть кем угодно, но только не идиотом. В его глазах мелькают циничные искорки, и я понимаю, что он мне не верит.

– Что-то я сомневаюсь, – говорит он. – У Бегби много Малахольных приятелей. Эти мальчишки порвут любого – просто по приколу. А я дал им повод.

Слишком близко к правде, воришка. Интересно, а как бы отреагировал большой Лексо Сеттерингтон, бывший «партнер» Бегби, который живет сейчас в отеле в полумиле отсюда, если бы он узнал, что Рент сейчас в городе. Да, он поливал грязью Бегби, но это еще ничего не значит для таких уебков, как эти двое. Наверняка сразу бы ломанулся звонить своему драгоценному Франко, и тот примчался бы первым рейсом. Ага, он бы секунды не утерпел – сразу бросился бы звонить Бегби, мол, вот тебе адресок Рентона.

Искушение велико, но нет. Я хочу сам донести эту хорошую новость до мира. У Рентона здесь клуб, квартира, подружка. Вряд ли он куда-то сорвется, тем более если здесь он чувствует себя в безопасности.

– Ну, может быть, – говорю я угрюмо и, сменив тон, добавляю: – Но тебе надо съездить в Эдинбург, повидаться с ребятами, – говорю я, и это при том, что я сам едва ли виделся с кем-то из наших – из бывших наших, – с тех пор, как вернулся.

Рентой пожимает плечами.

– Да был я там несколько раз. По-тихому, конечно.

– Йопть, а я и не знал... – Меня действительно бесит, что я ничего не знал, пока этот ублюдок спокойно мотался туда-сюда.

Рыжая сволочь громко ржет.

– Я думал, что ты вряд ли захочешь меня увидеть.

– Да нет же, я был бы безумно рад тебя видеть, – говорю я.

– Ну, именно это я и имел в виду, – говорит он, потом добавляет, с надеждой распахнув глаза: – Я слышал, Бегби все еще сидит.

– Ага. Ему еще несколько лет осталось, – изворачиваюсь я, стараясь говорить ровным голосом. Вроде как у меня получилось.

– Ну, тогда можно и съездить, – улыбается Рентой. – В Эдинбург, в смысле.

Класс. Похоже, этот пиздюк купился. Я начинаю собой гордиться.

Позже я звоню Терри и предлагаю им с Рэбом встретиться с нами. Я подумал, что Рентой может оказаться полезным со своими музыкальными и вообще амстердамскими контактами. Я говорю ему о нашей задумке, и он, похоже, заинтересовался. Так что мы встречаемся в джаз-кафе «Хилл-Стрит» на Вармоэ-страат, мы – это я, Рэб, Терри, Билли и Рент, сидим, пьем пиво, курим и болтаем.

Терри и Билли смутно помнят Рентона по прежним временам, девки, диско, футбол, хуйня всякая. Терри то и дело поглядывает на него, как будто не совсем уверен. Вот ведь как: ни один уебок не доверяет мошеннику, который думает только о своей выгоде, и, черт подери, твердо уверен, что получит свое.

Рэб Биррел, который решил пропустить поездку в Утрехт, благоразумно объяснив это тем, что сломанный нос и синяки под глазами будут плохо смотреться на свадебных фотографиях, что-то нам впаривает. Мы с Терри считаем, что Рэб – большая зануда, но он много знает, этот Биррел, так что его занудство все же терпимо. А сейчас он делает предложение, которое нам с Терри кажется сомнительным.

– Я так и не понял, почему фильм нужно снимать именно ТУТ, – говорит Терри Рэбу.

Рэб смотрит на меня, такой весь из себя серьезный.

– Ты про полицию не забывай. Такие фильмы... – он колеблется, и улыбается, когда Терри морщит губы и потирает запястья, –...ну, в общем, Терри, такие фильмы, как тот, что мы пытаемся снять, запрещены АРГТ.

– Ну хар-рашо, мистер вумный студент, – говорит Терри, – а просвети-ка нас, темных, что такое АРП.

Рэб кашляет и смотрит на Билли, потом на Рента, как будто ища поддержки.

– Это Акт о распространении порнографии, закон, который регулирует производство и распространение порнопродукции.

Рентой молчит с загадочным выражением на лице. Рентой. Кто он такой? Что он такое? Предатель, стукач, сука, подлец, себялюбивый эгоист – он воплощает в себе все, что нужно рабочему классу, чтобы успешно интегрироваться в капитализм. И я ему даже завидую. Я, блядь, в самом деле завидую этому ублюдку, потому что он пальцем не пошевелит ни для кого, кроме себя, любимого. Я пытаюсь быть таким же, как он, но огонь – дикий, страстный итальянско-шотландский огонь – горит во мне слишком ярко. Я наблюдаю за ним: вот он сидит и смотрит на все будто из зрительного зала – и я чувствую, как мои руки сжимают подлокотники кресла, так что костяшки пальцев белеют.

– В общем, у нас могут быть крупные неприятности с полицией, – нервно заключает Рэб.

Я смотрю на него и бодро качаю головой.

– Есть много фишек, чтобы обвести полицию вокруг паяца. Ты не забывай: копы – это всего лишь недоразвитые долдопы.

Рэб явно сомневается. Тут вмешивается Рентой.

– Псих... э-э... то есть Саймон. Люди становятся преступниками, потому что они растут в криминальной среде. Большинство копов начинают как противники преступников, но так как через свою работу они тесно соприкасаются с преступным миром, они волей-неволей проникаются этой средой. Сейчас самое лучшее место для всяких ублюдков – как раз в полиции.

Биррела, похоже, это прикалывает. У него такой вид, будто он вдруг обрел родственную душу. Да, Терри прав насчет этого ублюдка. Он – тот еще пиздобол, и если ему позволить, он может часами болтать о том, живут ли кролики на Луне. Так что я вступаю в беседу, чтобы опередить Биррела и Рента, а то они как заладят – их потом не остановишь:

– Ладно, хватит уже пиздеть. Полицию я беру на себя. Все будет путем. Тут на днях все должно решиться. Я сейчас как бы там вентилирую все вопросы.

Я выхожу из бара и пытаюсь поймать сигнал на зеленой мобиле. Она по идее должна работать в Европе, но хрена с два она тут работает. Я чуть не выкидываю эту хрень в канал, но все-таки убираю ее в карман, иду в ближайший табачный магазин, покупаю телефонную карту и звоню домой из автомата. Я чувствую сладкую дрожь, сексуальное напряжение накачивается без причины, и я звоню в «Интерфлору» и посылаю Никки дюжину красных роз и еще дюжину красных роз – для ее соседки Лорен, еще больше возбуждаясь при мысли о том, как она на это отреагирует.

– Записки не будет, – говорю я женщине на линии. Потом я звоню в полицейский участок Лейта.

– Здравствуйте. Меня зовут Саймон Уильямсон. Я владелец «Порта радости». Я хотел бы узнать результаты экспертизы конфискованных пилюль, – говорю я, доставая из кармана листок бумаги, который мне дал коп Шашлык. – Мой идентификационный номер ноль семь шесть два...

После длинной паузы извиняющийся голос на другом конце провода говорит:

– Извините, сэр, в лаборатории много заказов...

– Хорошо, – роняю я возмущенным тоном недовольного налогоплательщика и кладу трубку.

Когда я приеду, первое, что я сделаю, – подам жалобу главному констеблю.

29. «...дюжина роз...»

Мы с Лорен потрясены этой посылкой; дюжина роз – каждой, кроваво-красных, на длинных стеблях, посланы анонимно, на сопроводительных карточках – только наши имена. Лорен совсем в замешательстве, она думает, что это кто-то из колледжа. Мы слегка подвисаем, потому что вчера напились по случаю возвращения Лорен из лона семьи в Стерлинге. Заходит Диана, наши букеты производят на нее впечатление.

– Девочки, да вы просто счастливицы, – говорит она и изображает обиженного несчастного ребенка. – Ах, а когда же и мне будет счастье? Где мой мудаккий принц на белом коне?

Лорен с каменным лицом осматривает цветы – так осторожно, как будто в них спрятана бомба.

– В магазине должны знать, кто их послал! Я сейчас позвоню и выясню, – говорит она. – Это же сексуальное домогательство!

– Остынь, – говорит Диана, – вот тот мудак в «Грушевом дереве» на прошлой неделе – это было домогательство. А это – романтика. Лучше порадуйся за себя, подружка.

Эти цветы вносят в скучные будни немного тайны, что помогает мне пережить скучные лекции в универе. Потом я возвращаюсь домой и начинаю готовиться к смене в сауне. Я хочу поменяться сменами с Джейн, и она согласна, но я не могу найти Бобби, чтобы поставить его в известность. Он, надо думать, в одной из парилок, распаривается со своими приятелями. Сегодня четверг, то есть гангстерский вечер. Так что там много-много золотых цепей, и пот течет градом с крепких, но все же немного заплывших жирком тел. Забавно у нас получается: с понедельника по среду приходят в основном бизнесмены, в пятницу развлекаются обычные парни, в субботу – футболисты, а по четвергам – криминальные элементы.

К концу смены я вижу, что у меня кончаются полотенца, и заглядываю в массажную комнату. Джейн разминает огромную тушку плоти на столе: мужик ярко-розовый, только что из парилки, и его тело отсвечивает зеленым от светильников на сосновом полу. Лицо Джейн опущено, я вижу ее улыбку, но не вижу глаз. Я киваю на стопку белых – всегда девственно белых – полотенец, беру пару штук и возвращаюсь к себе. На выходе слышу, как колышущаяся тушка стонет:

– Сильнее... не бойся, давай сильнее... не бойся, сильнее...

Я уже почти вышла, когда вдруг поняла, что это – тот самый парень, который обычно спрашивает меня. Впрочем, какая разница. Все равно мы меняемся сменами с Джейн. Надо все-таки Бобби найти. Бобби парится с парнем по имени Джимми, а фамилии я не знаю. Джимми спрашивает, не думала ли я о том, чтобы поработать в эскорт-службе. Я смотрю на него с сомнением, но он продолжает:

– Нет, я просто хочу сказать, что ты бы здорово подошла одному моему коллеге. Это хорошие деньги, и тебя к тому же кормят и поят... – Он улыбается.

– Меня беспокоит другое. То, что после кормежки и выпивки, – улыбаюсь я ему в ответ. – В смысле, дела интимные.

Джимми энергично трясет головой.

– Нет-нет, ничего такого. Этот парень просто любит компанию. Выйти в свет с хорошенькой девушкой – вот и все. То есть такой договор. А все, о чем вы с ним договоритесь в дальнейшем... это останется между вами. Он политик, иностранец.

– А почему я?

Он сердечно смеется, демонстрируя вес свои тридцать два зуба.

– Ну, во-первых, ты в его вкусе, и, во-вторых, ты всегда хорошо одета, у тебя есть вкус. Могу поспорить, что ты из тех девушек, у которых в гардеробе есть пара-тройка просто сногшибательных нарядов, – говорит он. – Ты все же подумай.

– Хорошо, я подумаю, – отвечаю я и иду домой, так ничего и не выпив, впервые за несколько месяцев. Я захожу в свою комнату и проделываю несколько упражнений на растяжку и дыхание. А потом просто падаю в кровать и шикарно высыпаюсь – опять же впервые за несколько месяцев.

Утром у меня – приступ небывалой активности. Я спорю с Лорен и Дианой за право первой идти в душ и потом целую вечность решаю, что мне сегодня надеть. Откуда вдруг такое возбуждение? Ну ладно, он возвращается, и я жутко рада, что он возвращается. Это странно, но последние несколько дней я действительно по нему скучала. Когда я прихожу в паб, я понимаю, в чем дело.

Этот Псих, или Саймон, как я должна его называть, за такое короткое время успел превратиться для меня из десерта в основное блюдо. И когда я увидела Саймона в начищенных ботинках, черных брюках, зеленой футболке, я сразу подумала: держись, подруга, тут что-то есть. У него отросла щетина, и он сменил прическу: зализанные назад волосы под Стивена Сигала уступили место легкой, почти пушистой стрижке, которая делала его как-то мягче. Его глаза сверкали, перебегая от одного собеседника к другому, и казалось, вот-вот остановятся на мне.

Он выглядел так потрясно, что я даже засомневалась насчет собственной внешности. После долгих раздумий я надела белые хлопковые слаксы, черно-белые спортивные туфли, короткий синий жакет, который, когда я застегиваю нижние пуговицы, акцентирует внимание на моей груди, обтянутой тоже синим, но чуть более светлым топом с V-образным вырезом.

Я смотрю на Рэба и вижу теперь просто очень красивого мужика, но напрочь лишенного харизмы. Зато от Саймона харизма просто-напросто прет, сминая все на своем пути. И все его жесты: как он сгибает локоть и лениво опускает подбородок на запястье, как он поглаживает себе шею... И мне хочется прижаться к нему и самой гладить его шею.

Что-то тут происходит. Причем Саймон явно всем верховодит. Терри вроде бы удивлен, а Рэб кажется задумчивым. У него через пару месяцев свадьба, но он, похоже, решил пуститься во все тяжкие по собственному почину, не дожидаясь, пока его накачают наркотиками и погрузят на поезд в Варшаву или что-нибудь в этом роде. Я поглядываю на Саймона, но он не дает мне никакого намека, что это он прислал розы.

Мелани приходит с небольшим опозданием и садится рядом со мной. Я замечаю, что Саймон раздраженно смотрит на часы. Кажется, они с Рэбом беспрестанно спорят насчет фильма. Теперь в их разговорах всплывает еще одно имя, некий таинственный персонаж по имени Рент, из Амстердама. Саймон поднимает руки, как будто сдается;

– Ладно, ладно, фильм надо снимать в Амстердаме, чтобы не было неприятностей с властями, или, что еще лучше, он должен смотреться так, как будто его снимали в Амстердаме. Мы можем создать нужные интерьеры и в пабе. То есть нам нужно всего-то несколько уличных съемок, трамваи, каналы и все дерьмо. Никто ничего не поймет.

– Ну да, наверное, – уступает Рэб, хотя видно, что он встревожен.

– Вот и славно, – пафосно произносит Саймон, потом смотрит прямо на меня, и у меня все внутри обрывается, когда я вижу эту лучезарную улыбку. Я натянуто усмехаюсь в ответ. Саймон снова лениво проводит ладонью по своей щетине. И я вдруг понимаю, что мне очень хочется побрить его опасной бритвой, намылить ему лицо и посмотреть на те чувства, которые отразятся у него на лице, когда я медленно проведу по нему лезвием...

Мои мысли приходят в полнейший раздрай, поскольку мне очень сложно думать о чем-то другом, кроме Саймона. А он говорит:

– Терри, ты вроде как пишешь сценарий, ну и как успехи? А я думаю только о том, как мне хочется тебя трахнуть, мистер Саймон Псих Уильямсон, облепить тебя собой и впитать каждую каплю тебя, использовать тебя, заставить кончить, так тебя ублажить и вымотать, чтобы ты больше никогда не захотел никакую другую женщину...

– Успехи просто охуительные, но я ничо еще не написал. Все здесь, в голове. – Терри ухмыляется, качая головой и улыбаясь мне, как будто это я задала ему этот вопрос, как будто здесь больше вообще никого нет. Терри. Он не красавец, но он из тех мужиков, с которыми ты все равно станешь трахаться, хотя бы из-за того, с каким горячечным энтузиазмом они ко всему относятся. Может быть, это он послал нам цветы.

– Терри, все знают, что у тебя в голове. У тебя на уме исключительно секс. Но нам нужен сценарий: не в голове, а на бумаге.

– Я знаю, знаю, – он улыбается во все свои тридцать два зуба, запустив пальцы в свою вьющуюся шевелюру, – но я ни фига не могу ничего записывать. Я могу, к примеру, надиктовать на пленку или пусть кто-нибудь записывает за мной, – добавляет он, с надеждой глядя на меня.

– Значит, ты хочешь сказать, что просто-напросто все похерил, – вдруг заявляет Рэб.

Я смотрю на Мелани, которая нерешительно пожимает плечами. Ронни усмехается. Урсула невозмутимо ест быстрорастворимую лапшу из стаканчика, а Крейг сидит с таким видом, как будто у него неожиданно открылась язва желудка. Потом Терри застенчиво извлекает на свет пару листов формата А4. Почерк у него даже не «курица лапой», а скорее «паук брюхом» или даже «скорпион хвостом».

– И это все, на что ты сподобился? – спрашивает Рэб, забирая у Терри листы и пристально их изучая.

– Писательство – это не мое, Биррел, – пожимает плечами Терри, но он явно смущен. Рэб трясет головой и передает листы мне.

Я начинаю читать, но это настолько глупо, что я не могу не зачитать это вслух, чтобы и другие тоже порадовались.

– Терри, это же полный бред! Послушайте: «Парень имеет девочку в жопу. Девочка лижет другую девочку». Это ужасно.

Плечи Терри поникают, и он опять запускает пальцы себе в шевелюру.

– Детский минимализм, мистер Лоусон, – фыркает Рэб, забирает у меня листы и размахивает ими перед носом у Терри. – Это не сценарий, Терри. Это дерьмо на лопате. Здесь нет сюжета. Это просто ебля, – смеется он, передавая листы Саймону, который совершенно спокойно изучает написанное.

– Именно ебля нам и нужна, Биррел, это же порно, – защищается Терри.

Рэб морщится и откидывается назад в кресле:

– Ну да, именно то, што нужно всем этим уродам, тем, которым вы крутили свою доморощенную порнушку. А мы собираемся снимать настоящее кино. Я вот о чем, сценарии так не пишутся. – Он резко машет рукой.

– Может, сейчас тебе кажетца, шо это никакой не сценарий, Биррел, но у тебя есть актеры, которые вдохнут в него жизнь... ну, как у этого Джейсона Кинга по телику, – говорит Терри, неожиданно вдохновившись этой идеей. – Косвенные намеки и все такое. Сейчас снова мода на свингующие шестидесятые, так что должно прокатить.

Во время этой дискуссии все остальные молчат, они явно скучают и думают о чем-то своем. Саймон кладет бумаги Терри на стол, расплывается в кресле и начинает стучать пальцами по подлокотнику.

– Позвольте мне вмешаться, все-таки я имею какой-то опыт в этой индустрии, – говорит он в своей претенциозной манере, пойдя разберись, то ли он и вправду такой весь пафосный, то ли просто стебется. – Рэб, почему бы тебе не взять сценарий Терри и не прописать сюжет.

– А хуйли толку? – говорит Рэб.

– Да ведь это же не диссертация в колледже, Биррел, – достаточно громко провозглашает Терри.

– Правильно, – говорит Саймон, зевая и потягиваясь, как кот; в полумраке даже кажется, что у него светятся глаза. – Я думаю, Терри, тебе нужно немного помочь. – Повернувшись к нам, он предлагает следующее: – Я думаю, лучше всего сделать так. Рэб и Никки возьмут основные идеи Терри и переведут их в формат сценария. На базовом уровне, просто чтобы разбить фильм на сцены, включить натурные съемки... и чего я вам это рассказываю, вы же кино изучаете, вы сами знаете, как писать сценарий. – Он так улыбается нам обоим, что, кажется, даже Рэб малость оттаивает.

Но я не с Рэбом хочу работать, Саймон, я хочу работать с тобой.

Тут в разговор вклинивается Терри:

– Я считаю, што не стоит... ничего личного, ребята... но не стоит привлекать слишком много студентов. А што, если я поработаю с Никки? – с надеждой спрашивает он, потом оборачивается ко мне и добавляет: – Я вот о чем, ну, попробуем парочку позиций и все такое. Штобы убедиться, что все получится на съемках.

– По-моему, у нас и так все получится, Терри, – быстро говорю я. Я смотрю на Саймона, думая о том, что мы с ним вполне могли бы попробовать некоторые позиции, но он в этот момент шепчет что-то на ухо Мелани, а она улыбается.

– Я думаю, что нам с Никки будет гораздо проще работать вместе, мы же каждый день видимся в универе, да и вообще, – говорит Рэб, глядя на меня.

Мне бы хотелось, конечно, чтобы это был Саймон, ну, тот, кто прислал цветы, но я киваю, соглашаясь, потому что теперь я уже думаю: может быть, это был Рэб? Но тогда почему и Лорен тоже?

– Да, – говорю я тихо, – в этом есть свой резон.

Терри явно обижен моим отказом. Он сидит и с отсутствующим видом изучает бар.

– Вот и ладушки. В сценарии должны быть все необходимые порнографические элементы, то есть минет, обычный секс, две девочки, анальный секс и извержение спермы, – говорит Саймон, потом добавляет: – Также немного садо-мазо, и вообще, ребята, не стесняйтесь, проявите изобретатель-

ность.

Терри слышит, что Саймон перешел непосредственно к сексу, и вновь оживает.

– У нас самая большая проблема – это анальный секс. – Саймон смотрит на нас с Мел. – Точнее, девочки, это у вас большая проблема.

От его холодного взгляда, который сопровождает эти слова, у меня все внутри замерзает.

– Я этого делать не буду, – говорю я ему.

Мел качает головой и говорит, в первый раз за сегодня:

– Я тоже не буду. – Она ловит взгляд Терри, смущается и бьет его по ноге. – Терри, мать твою, не перед камерой же!

Саймон морщится:

– М-м-м, нам нужно это обсудить. Понимаете, мне кажется, что сейчас это важно. То есть не то, чтобы это важно лично для меня, меня, если честно, подобные вещи не прикалывают, но мы с вами живем в анальном обществе.

Рэб закатывает глаза, а Терри с энтузиазмом кивает.

– Я вот о чем, сами подумайте, – продолжает Саймон. – В захолустных городишках живут уроды, которые сообщают всему миру, что пришельцы притащились сюда аж из другой галактики, только чтобы взять какие-то пробы у них из жопы... современное порно, теперь в каждом фильме – тройное проникновение. Возьмите, к примеру, картины Бена Довера. В наше время молодых и красивых всегда ебут в жопу.

– Кстати, великолепные фильмы, – глубокомысленно замечает Терри.

Саймон нетерпеливо кивает в знак согласия.

– Дело в том, что раньше, если какую-то бабу имели в жопу на экране, это была старая карга с отвисшей грудью и запущенным целлюлитом, которая больше ни на что не годилась. Но теперь ситуация изменилась. Если девочка хочет стать порнозвездой, анальный секс – это почти что обязательная процедура, вроде экзамена.

– Только не для меня, – тихо говорю я, так что меня слышит только Саймон, но он пропускает мою реплику мимо ушей. Приходится повысить голос. – В жизни многие женщины вообще не занимаются анальным сексом. Допускают для себя, может быть, лесбийские игры или даже групповуху. Мы же не собираемся снимать грязную порнуху для озабоченных мужиков, которым только и нужно, что подрочить. По крайней мере мне казалось, что мы собираемся делать что-то новое, ввести диалоги и сцены, не относящиеся к теме секса. И что получается? Все похерилось после одного уик-энда в Амстердаме? И что же такого там произошло, а, мальчики?

– Но мы по-прежнему будем новаторами, – настойчиво продолжает Саймон, – но нам нужно охватить все базовые аспекты, включая анальный секс. Это же не жизнь, Никки, это кино.

Нет. Это жизнь. Это должно смотреться как обычная жизнь. Ебля – это всегда ебля; это, может быть, единственное в нашей жизни, что всегда настоящее.

– Ну да, – говорит Рэб, невольно становясь на сторону Саймона, – мы должны помнить о том, что изображение секса и настоящий секс – это две разные вещи. Порнуха – это просто шоу уродов. Я вот о чем, много ты знаешь народу, который в жизни практикует тройное проникновение?

– Вообще-то немного. Только ты и твои дружки-пидоры в колледже, – говорит Терри.

Рэб игнорирует его реплику и продолжает говорить, он очень хочет, чтобы его поняли правильно:

– Давайте снимем реальную историю про обыкновенных живых людей, которые занимаются обыкновенным сексом. Анальный секс – это уже экстрим, и если девочки не хотят этим заниматься, так и не надо.

– Нет. – Псих качает головой. – Понимаешь, Рэб, все зависит от того, как мы относимся к собственным жопам. Мы полагаем, что если в нашем теле и присутствует бессмертная душа, то она расположена именно в жопе. Вот с чего все начинается. И в этом есть смысл. Именно поэтому в последнее время в нашем обществе и возник культ задницы, всякие шутки на анальные темы, анальный секс, анальные хобби... задница – не мозги, не космос, а именно задница – это наш последний оплот. Если мы революционеры, то только поэтому.

– Но я все равно не хочу, чтобы меня трахали в задницу. – Я смотрю на Урсулу и Мел в поисках поддержки. – Еще раз повторяю, мне это не нравится. Я уже пробовала. Мне такой секс кажется очень болезненным, долгим, нудным и неудобным. Мне нравится трахаться, а не сидеть враскоряку и думать, а сколько еще сантиметров члена поместится у меня в заднице.

– Может, тебе не хватает практики? Некоторые из девочек, которые достаточно долго трахаются в попку, становятся настоящими фанатками этого дела, – говорит Терри.

– Мне совершенно не хочется, чтобы моя задница стала похожа на тоннель под Ла-Маншем, Терри. Я не ханжа, – тут Терри мне подмигивает, – просто это не мое. Я ничего не имею против, но лично я анальным сексом заниматься не хочу, вот и все.

– Ну, что до меня, я не против, могу и в жопу потрахатца, просто не хочется, чтобы люди об этом знали, – говорит Мелани. – Я вот о чем, есть какие-то фишки, которые не хочется никому показывать. Типа нужна ж человеку какая-то частная жизнь.

– Ага-ага, я не такая, я жду трамвая, – ржет Терри.

– Ну, Терри, если для тебя это нормально, это твои проблемы. А у девушек все немного по-другому, если ты вдруг не знал.

– Какого черта по-другому, у нас же эра феминизма или хуйли? – Он поворачивается к Рэбу. – Или даже, пожалуй, постфеминизма. Слышь, Биррел, все-таки я иногда слушаю ту байду, которую ты нам паришь.

– Безумно рад это слышать. Саймон хлопает в ладоши:

– Давайте рассуждать так: в этом бизнесе никому не нужна кисейная барышня, которая поет: «Я настоящая леди». Мы хотим услышать: «Да, сэр, я могу и я хочу».

– Все это правильно, Саймон, – улыбаюсь я, – просто у каждого своя песня.

Он открывает бумажник.

– Вот наша песня. – Он показывает мне толстую пачку купюр. Потом демонстрирует афишку какого-то фильма. – И вот. Мы с вами – на передовой. Давайте подумаем. То есть попробуем разобраться, с чего вдруг началось все это анальное наваждение.

– Ну да. Идеальный образ того общества, в котором мы живем: эгоцентризм, люди не видят дальше собственной жопы, – говорю я.

– Нет, дорогуша, все началось с порно. Девочки, что снимаются в порнухе, – вот настоящие первопроходцы. Порнография рулит, поп-культура сосет. Людям нужен секс, насилие, жратва, домашние зверушки, а вечером – подрочить и забыться. Так давайте дадим им секса, много секса. Возьмем телевидение, там одно насилие и унижение, возьмем газеты и журналы, возьмем всю нашу классовую систему, всю зависть и горечь, что так и прут из нашей так называемой культуры: в Британии все хотят посмотреть, как будут ебать других, – говорит он, и сейчас он похож на пришельца из фильма «Близкие контакты с инопланетянами», вот так, в лучах солнца, что пробиваются сквозь жалюзи. – Ладно, все это мы обсудим позже.

Терри хитро смотрит на него и говорит:

– Знаешь, што я тебе скажу, возьми лучше Джину. Она ничего не имеет против того, чтобы ее трахали в жопу.

– Ни за что, Терри, для мальчишников она, может быть, и годится, но у нее совершенно не тот класс. В смысле чтобы сниматься в серьезном кино. Оставь кастинг мне. Я тут случайно встретился с одним парнем, Мики Форрестер его звать, мы с ним давно знакомы, так у него есть сауна. И там работают симпатичные девочки. Так что с актрисами проблем не будет. А Джина нам не нужна, – говорит он, чуть ли не морщась при одном только звуке ее имени.

Терри пожимает плечами:

– Дело твое, но она сказала, что она тебе глаз на жопу натянет, если ты ее не возьмешь, – сообщает он Психу с радостной улыбкой.

Мелани кивает и подтверждает его слова:

– Ага, я бы лично не стала с ней связыватца, круче нее только яйца, сам знаешь. Раз сказала натянет – значит, натянет.

Саймон, Псих, бьет себя по лбу:

– Великолепно. Мне угрожает какая-то старая манда, а мои ведущие актрисы не хотят заниматься анальным сексом. Ладно, можешь передать этой Невесте Бегби, чтобы она отъеблась от меня раз и навсегда.

– Сам ей скажи, – ухмыляется Терри. Я придвигаюсь к Саймону и говорю:

– По поводу кастинга... может, я тоже смогу помочь. Спрошу своих знакомых, может, они согласятся. Девочки, которые в курсе дела, так сказать.

Саймон медленно кивает.

– Мне пора идти, увидимся позже, – говорю я, потому что вижу, что Рэб ждет меня и взгляд у

него явно ревнивый.

30. Посылочки

Я снова закинулся каким-то дерьмом, которое должен был отдать Охотнику. Али сказала, что если я снова сорвусь, могу вообще домой не возвращатца, чтобы Энди, типа, не видел папу в таком состоянии. Вообще-то это справедливо, так што я и не стал возвращаться. В последние дни творится всякая херня: Монни, мамаша и Парки, у которого, похоже, вообще чердак сорвало. И что самое голимое – один небольшой рецидивчик, и приходитца платить такую цену. И, главное, чувствуешь: все, ты завязал, совсем завязал, а потом все равно срываешься, когда тебя начинает конкретно ломать. Как будто старая система напоминает тебе обо всем, что ты сделал в прошлом, и говорит: «Извини, парень, но вот тебе еще».

Так что я таки вмазался, в первый раз за несколько дней. Энди в школе, Али, надеюсь, в ближайшие пару часов не вернетца. Так што хата пуста, как Сахара, я сижу в большом старом кресле, кручу свою кассету с «Алабамой-3» и подпеваю вслух. Вижу этого кренделя, Заппу, как наяву. Вот уж кто никогда меня не осудит, што бы я ни сделал. Просматриваю свои записи, ну, из библиотеки. Я ваще-то зашел туда только укрытца от дождя, а все закончилось тем, что я начал читать книжки про Лейт и даже записи делать. Я так и думал, што Лейт от меня так просто не отцепится, и пришлось мне заниматца всей этой фигней. Включаю телик, вырубаю звук и поливаю цветы, надеюсь, что Заппа не выкопал в очередной раз большой куст юкки.

Но день действительно не задался. Потому што раздается звонок в дверь, я иду открывать и буквально охуеваю.

Вот он, собственной персоной, стоит на пороге. А я и не знал, что он вышел, сердце в груди колотитца, как ненормальное, ни хера себе приколы, как сказал бы Псих. Я пару секунд тупо молчу, не знаю, что сказать, потом он улыбаетца, а я наконец нахожу нужные слова:

– Франко, рад тебя видеть, дружище. Когда ты вышел?

– Да уже две недели как, бля, – говорит он, проходя мимо меня в квартиру, а я замечаю, что его каблуки обдирают лак с паркета. Али будет в бешенстве, потому што домовладелец – та еще сварливая тварь. – Но я, бля, времени не терял, разбирался, што тут и как, якшался с одной девочкой. А ты съебался в Шотландию, а, пидор? – спрашивает он меня. – Какого хера ты тут делаешь? – продолжает он, и его лицо становитца совсем мрачным. – По-прежнему сидишь на герыче, мать твою, а?

Ну, когда на тебя глядит натуральный тигр, тут главное – не пиздеть слишком много.

– Не, ну не совсем, брат, так, раз в сто лет, по большим праздникам, понимаешь? Не так, как раньше. Совсем не как раньше.

– Твое счастье, если так, потому што меня уже блевать тянет от вас, торчков. Ну што, хочешь кокса?

– Ну, э-э... даже не знаю, брат. Я вообще ни хрена не знаю.

Бегби решил, что это положительный ответ, и выудил на свет божий пакет с коксом. Отсыпал хорошую дозу, и хотя я вообще-то кокс не Люблю; я понял, што придется занюхать, типа как из вежливости. Понятно, што это развязка и все такое, но от одной дороги ведь хуже не будет, наверное.

Франко начинает делать дорожку.

– Мне тут сказали, што ты в Перте сидел, – говорит он. – Голимое место, очень голимое, бля. А мне тебя не хватало, ты, пидор, – продолжает он, улыбаясь так, штобы я понял: он скучал именно по мне, а не по мне в тюрьге.

Ну и што тут скажешь?

– Ну, мне тоже тебя не хватало, Франко, брат, а ты, кстати, неплохо выглядишь, держишься в форме и все такое, вот што я тебе скажу.

Он напрягает мышцы на животе.

– Ну да, я в тюрьге работал над собой, не то што некоторые. А теперь это приносит свои дивиденды, да, приносит, – продолжает он и занюхивает нехреновую такую дорогу. – У меня есть девочка, в Западном Хэйлсе, у нее хата на Лорн-стрит. Держись, нах, подальше от этого места, честно тебе говорю. Но девочка што надо, формы и все дела, – говорит он, показывая руками эти самые формы типа песочных часов. – Ну да, у нее есть ребенок, но так и хер бы с ним. Раньше она жила с одним пидором, а потом пришел я и въебал ему прямо в рожу. Этом уроду еще повезло, что у меня настроение было хорошее. Я держал себя в руках, остался со своей бабой, но што делает эта дура, она про-

должает ебать мне мозга по поводу Элспет и этого пидора, с которым она жила раньше, – продолжает Франко, выплевывая слова, словно пули из штурмовой винтовки типа АК-47.

Я наклоняюсь и занюхиваю свою дозу. Потом выпрямляюсь и начинаю тереть нос.

– Ну да... и как ребенок?

– Я тут ездил на днях их проведать, да. Да все типа в порядке, но Джун продолжает трепать мне нервы. Какого хера я во все это впрягся, непонятно. Надо вообще пойти и проверить, все ли у меня нормально с башкой.

– А ты, ну это, уже отвык от тюремной системы?

Глаза Бегби тут же наливаются кровью, и он так смотрит на меня – как будто прямо сейчас оторвет мне башку, на хрен.

– Это, бля, что еще значит? А?

– Ну... просто мне потом долго пришлось приспособливаться к нормальной жизни и все такое, вот почему я и спрашиваю, – говорю я ему. Но Бегби уже несет, и он начинает парить мне про тюрьму, и это очень меня беспокоит, брат, потому что я начинаю думать про Рентона, и про бабки, которые я получил, и про то, как я проговорился Психу об этих бабках, и про то, не проговорился ли, в свою очередь, Псих Бегби.

Франко всасывает в себя очередную дозу кокса, а я все еще не отойду от первой. Он еще пару минут говорит обо всех этих ебанутых пидорах там, в тюрьме, а потом смотрит на меня, очень-очень нехорошо смотрит, и говорит:

– Эй, Урод, когда я был в тюрьме... я получил посылку. Рентой, видать, и ему выдал его долю!

– Ну да, брат. Я тоже такую получил. От Марка... Бегби застывает на месте и смотрит на меня, нет, он пялится прямо мне в душу, брат.

– Ты, бля, получил посылку от Рентона?!

А я под кайфом и не хрена не знаю, что говорить, поэтому начинаю просто гнать:

– Ну, типа того, Франко, не, я точно не знаю, от кого эта посылка. То есть, понимаешь, мне ее просто под дверь подложили. Но я типа подумал, что это, наверное, от Рентона.

У Франко, кажется, приступ ярости. Он бьет себя кулаком по ладони и начинает ходить взад-вперед. У меня в голове звучит сигнал тревога, брат. А что, если он выяснил все про бабки?

– Именно, Урод! Я, бля, ровно то же самое подумал! Только этот сраный удалбанный ворюга может прислать эту пидорскую порнуху, где сраные пидоры имеют друг друга! Только он мог прислать нам такое! Да он тоже нас поймел, Урод! СУКА! – ревет Франко и со всей дури бьет кулаком по столу, роняя стеклянную пепельницу, которая, к счастью, не разбивается.

Гейская порнуха... что за нах...

– Ну да, это очень даже похоже на Рентона, – говорю я, пытаюсь сообразить, что к чему, и тихо радуюсь про себя, что ничего не успел спизднуть про бабки.

– Когда я мудохал этих пидоров в тюрьме, я представлял себе, что на их месте находится Рентой, – выплевывает этот бешеный. Потом занюхивает еще две дороги. Одна из них пропадает зазря, потому что он чихает и продолжает орать: – Я видел Психа, в его ебучем новом пабе, в этом сраном «Порте радости»! Нуда, этот пидор типа продвинул свое вонючее заведение. И сказать ему, нах, ничего нельзя, потому что его голова забита очередными аферами.

– Мне ли не знать, брат, – киваю я и занюхиваю вторую дорогу, хотя меня все еще колбасит после первой.

– Ну да, и я видел Второго Приза, в одной занюханной забегаловке, среди всех этих бездомных придурков.

– Я слышал, парень стал похож на Кристофера Рива, – с трудом говорю я, наркота в этот момент сшибает меня с катушек, как поезд с рельсов, нах.

Бегби падает в кресло.

– Ну да, так все и было, но мне удалось-таки вернуть парню башку на место. Я потащил его в «ЕН1». Этот урод не хотел пить, так што я вылил ему пару порций водки прямо в его сраный лимонад, – говорит он, грустно так ухмыляясь. – Ну он и выпил, и ничего. Ему нужно, бля, развлекалово. Распевать гимны, читать библию, на хуй. Етить-колотить, в общем, я стал для него Добрым Самаритянином и спас этого пидора от тоскливой и занудной жизни, понимаешь? Они хорошо промывают мозги, эти уроды в своей блядской миссии. Но я уделал их всех, я им показал это долбаное христианство...

И я думаю, что это и вправду неплохо, что Второй Приз вернулся к нормальной жизни.

– Но врачи говорят, что ему нельзя пить, Франко, – я провожу пальцем по горлу, – или все, пиздец.

– Он мне ту же херню парил, типа «доктор то, доктор ее», но я сказал ему прямо, в наше время учитываецца не количество, а качество жизни. Лучше один год отрыватца по полной, чем прожить пятьдесят лет жалким уродом. Бля, он становился похож на всех этих пидоров в «Порте радости». Я, бля, сказал ему так: раз все так херово, так пусть, бля, сделает себе трансплантацию печени. И все типа будет в порядке.

В общем, он парит и парит, целую вечность, а я все это слушаю, так что когда Бегби наконец уходит, я рад немерено, потому что весь этот поток насилия, который обычно вываливает на тебя Бегби, иногда просто невыносим, слушать его охренительно тяжело. Тебе начинает казатца, что ты киваешь, когда надо было помотать головой, ну и всякие прочие измены в голову лезут. Так что я, даже когда на конкретных приходах, все же стараюсь себя контролировать и жду, пока парень уйдет подальше, а потом выползаю на улицу, под мелкий дождь, и настраиваю автопилот на Центральную библиотеку на мосту Георга IV.

Меня вдруг прошибает: я замечаю, что город меняется. Город больше не мой. Таких ребят, как я, оттесняют все дальше и дальше, центр полностью отдан на откуп всяким бизнесменам, покупателям, студентам и туристам. Уберите отсюда старинный замок, и это место может быть где угодно.

К тому моменту, когда я добираюсь до Уголка Эдинбурга, у меня все еще туман в голове, и я тупо тарашусь на девушку, которая выдает микрофильмы.

– Из... извините, вы не могли бы помочь мне с этой штуковиной? А то я никогда ею не пользовался, – говорю я, показывая на свободную машину.

Она смотрит на меня и отвечает:

– Конечно, – и показывает мне, как заправить пленку в машину. Фишка в том, брат, что это охренительно просто, так что я чувствую себя полным дебилем. Но это ладно. Вскоре я уже начинаю читать про великое предательство 1920-го, когда Эдинбург всосал в себя Лейт против воли народа. Вот когда начались все проблемы, брат! Четыре к одному, брат, четыре к одному, что все началось именно тогда.

Когда я выбираюсь из библиотеки в город и собираюсь идти к порту, погода в очередной раз меняется, и начинается натуральный ливень. А у меня нет бабок на автобус, так што приходится бегом бежать. В Центе святого Джеймса отирается какая-то молодежь, среди них – мой приятель Кертис.

– Все нормально, парень? – спрашиваю я, меня уже почти отпустило.

– Нормально, Ур-ур-урод, – отвечает он. Маленький торчок порядком нервничает из-за своего заикания, но если на него не давить, то уже очень скоро мальчик выбирает правильный ритм, и разговор идет просто как по маслу. Мы с ним трепемся пару минут, потом я направляюсь к Пикардии, жмусь к стенам домов и пытаюсь найти хоть какое-то укрытие.

Пересекая границу между Пилригом и Солнечным Лейтом, я натыкаюсь на Психа, и в этот раз настроение у него получше, судя по всему. Я думал, что он меня проигнорирует, но парень типа хочет извинитца, по крайней мере подходит ко мне, как будто хочет извинитца.

– Урод. Слушай... давай забудем о том разе, брат, – говорит он.

Очевидно, что он не заложил меня Бегби, хотя Генералиссимус и навестил его паб, так что я перестаяю паритца.

– Ну да, мне типа как жаль, что все так получилось, Саймон. Спасибо, что не сказал ничего Франко.

– Да ебать я хотел этого урода, – говорит он, трясая головой. – Мне кажется, я вообще слишком уж заморачиваюсь по поводу таких, как он. – Потом он приглашает меня завернуть в ближайший паб, типа пивка попить. – Давай пропустим по кружечке, пока дождь не закончится, – говорит он.

– Хорошо бы, но... тебе придется проставляться, приятель, потому што я на нуле совершенно, – говорю я, штобы сразу прояснить ситуацию.

Псих вздыхает, но все равно заходит в паб, ну я типа иду за ним. Первый, кого я там вижу, это Кузен Доуд: сидит у барной стойки с парочкой таких же мерзавцев. Доуд парит что-то на тему англичанин в Эдинбурге: мол, у них и футбольные команды покруче, и транспортная система, и пабы, и клубы, в общем, все у них круче, и такси дешевле, и люди душевнее, ну и как обычно. Может быть, он и прав, но сейчас-то он в Эдинбурге.

Когда он отваливает в сортир, Псих мрачно провожает его взглядом и спрашивает:

– Это што еще за хер с горы?

Ну, я ему и рассказываю, што это кузен Фелли, говорю, што мне бы очень хотелось узнать пин-код Доуда, потому што, если бы я знал пин-код, я бы пошарился у него по карманам и надыбал бы его кредитку, а на счету у него лежит куча бабла.

– Ну да, он постоянно всем парит про то, как там все происходит в этом их сраном Банке Клайдсдейл.

Доуд возвращается, берет еще пива и усаживаетца. А вот потом происходит настоящее чудо! Этот урод стягивает с себя куртку, и мы с Психом переглядываемся. Фишка в том, брат, что перед нами сидит наш шанс! Потому что мы видим татуху Доуда, изображающую льва, и под ним надпись: «А вы готовы?» – на одном предплечье, а на втором предплечье у него набит Король Билли верхом на лошадке. А под лошадью, на свитке выбит пин-код, видимо, чтобы Доуд его не забыл. 1690.

31. «...половину задницы...»

Наша квартира в Толкроссе – это как небольшая фабрика. Косяки с травкой и чашки кофе сменяют друг друга. Мы с Рэбом работаем над сценарием. Диана сидит тут же, рядом; закопалась в свои записи для диссертации, смеется над нашими приколами, а мы толкаем друг друга локтями, пытаюсь работать за одним компом. Диана время от времени бросает взгляд на экран, одобрительно мурлычет и выдвигает совершенно безумные, но заслуживающие внимания предложения. Лорен забила в угол, корпит над своим домашним заданием и пытается пристыдить нас, что мы занимаемся всякой пакостью вместо того, чтобы писать курсовую. Она явно заинтригована, но тем не менее упорно отказывается читать наш сценарий. Мы с Рэбом подначиваем ее, произносим шепотом слова вроде «дрочить» и «в задницу» и посмеиваемся, а Лорен краснеет и бормочет «Феллини» или «Пауэлл и Прессбургер». В конце концов Диана сдаётся и собирает свои бумажки.

– Пойду я отсюда, не могу этого выносить, – говорит она. Лорен смотрит на нас сверху вниз.

– Тебе они тоже мешают?

– Нет, – говорит Диана печально, – просто каждый раз, когда я смотрю на экран, я еся возбуждаюсь. Так что если услышите вздохи и звуки моторчика из моей комнаты, вы, я думаю, догадаетесь, чем я там занимаюсь.

Лорен страшно надулась – кусает нижнюю губу, вся такая сердитая. Если ей так противно, то чего она здесь сидит? Что ей мешает уйти в ее комнату? К тому времени, как мы закончили первый черновик – примерно на шестьдесят страниц – и распечатали его, ее любопытство все-таки взяло верх, и она подошла к нам. Прочитала заглавие, потом нажала на кнопку «page down» и уставилась на экран. На лице у нее отражалось недоверие и отвращение.

– Это ужасно... омерзительно... непристойно... и даже не забавно. Непотребство сплошное. И по содержанию, и в смысле художественных достоинств. Мне даже не верится, что вы сподобились написать такую низкопробную, эксплуататорскую мерзость... – кипела она. – И вы собираетесь продельвать все эти вещи с незнакомыми людьми и позволите им делать такое с вами?!

Я едва не ляпнула ей в ответ: позволим-позволим, все, кроме анального секса, – но вместо этого я отвечаю цитатой, которую запомнила специально для таких случаев.

– «Хотела бы я знать, что хуже: быть похищенной и сто раз изнасилованной неграми-пиратами, лишиться половины зада, пройти сквозь строй у болгар, быть высеченным и повешенным во время аутодафе, быть разрезанным, грести на галерах, – словом, испытать те несчастья, через которые все мы прошли». – Я смотрю на Рэба, и он присоединяется к выступлению:

– «Или прозябать здесь, ничего не делая?»⁹ Лорен качает головой:

– Это еще что за чушь? Рэб поддразнивает ее:

– Это Вольтер, «Кандид», – объясняет он. – Странно, что ты не знаешь, Лорен, – говорит он нашей девочке, которая нервно передергивает плечами и закуривает сигарету. – И что ответил Кандид? – Рэб показывает на меня пальцем, и мы опять отвечаем хором:

– «Это большой вопрос!»

Лорен по-прежнему смотрит злобно, как будто мы нарочно над ней издеваемся, а мы опять принимаемся за сценарий.

– Хорошенькие цветучки, – говорит Рэб, указывая взглядом на мои розы. – И второй букет,

⁹ «Мама, мы все сошли с ума». – Примеч. пер.

там в ведерке. – Он дерзко улыбается. – Какой-нибудь пылкий поклонник, я так понимаю?

Лорен стреляет в него взглядом, но я сразу же понимаю, что цветы нам прислал не Рэб, и первое, что мне приходит в голову: значит, это был Пси... Саймон. В общем, можно с уверенностью вычеркнуть Рэба из списка подозреваемых.

Мы сидим до открытия магазинов, просматриваем черновик, вносим дополнения. Да, мы с Рэбом ужасно устали, и еще мы нервничали из-за того, как наш проект воспримут остальные, но когда пришло время идти, мы покидали квартиру сильно подбодренные замечаниями Лорен. Мы заходим отксерить и сброшюровать несколько копий сценария. Когда мы устраиваемся в кафе, чтобы позавтракать, до меня наконец доходит – сквозь наше приподнятое настроение и нашу усталость, – что мы, похоже, обидели Лорен. Ощущая внезапный укол вины, я говорю Рэбу:

– Как ты думаешь, может, стоит вернуться и проверить, как она там?

– Не, мы только масла в огонь подольем. Дай ей время остыть, – отвечает Рэб.

Я охотно с ним соглашаюсь – мне и самой не особенно хочется возвращаться. Потому что мне нравится сидеть с Рэбом в кафе. Нравится крепкий черный кофе, апельсиновый сок и булочки. Нравится, что на столе перед нами лежит сценарий. Сценарий фильма, который мы написали сами. Вот так просто сели и написали. Мы добились хотя бы чего-то, мы с Рэбом. Мы вроде как стали ближе, и я подумала, может быть, мне бы хотелось, чтобы у меня в жизни было побольше таких моментов. Сейчас речь шла не просто о сексе, как это было с моей одержимостью Саймоном, – на самом деле у меня вдруг возникло чувство какой-то странной асексуальности. Не просто ебля, а вот такие моменты – вроде теперешнего.

– Как ты думаешь, твоя девушка одобрит твоё поведение, если узнает, что ты всю ночь писал сценарий порнофильма вместе с другой женщиной? – говорю я.

Рэб принимает это все за чистую монету. Он резко замыкается в себе, делает вид, что не слышал вопроса, и наливает себе еще кофе из кофеварки. Он молчит еще минут пять, а потом вроде бы хочет что-то сказать, но не говорит, и мы рассчитываемся, и выходим из кафе, и садимся в автобус до Лейта.

Всю дорогу до Лейта я думаю только о нем, а потом мы заходим в бар – и он там. Саймон Уильямсон. Собираются все остальные. Урсула в спортивном костюме, который на англичанке смотрелся бы просто ужасно, но ей он идет. Крейг и Ронни, сиамские близнецы. И Джина. Я вижу ее в первый раз с того вечера, когда она мне помогла. Я подхожу и кладу руку ей на плечо.

– Спасибо тебе большое, что помогла мне в тот раз, – говорю я.

– Тя вырвало прямо на мой топ, – говорит она резко, так что я даже вздрагиваю и убираю руку, но ее агрессивность – явно показная, и она улыбается мне: – Так, самую малость, беленькая. С кем не бывает.

Потом входит Мелани, вся открытая и дружелюбная, обнимает меня, как будто мы большие подруги и сто лет не виделись. Мы с Рэбом раздаем копии сценария.

– Только имейте в виду, – объясняю я, – это еще черновой проект. Все комментарии и предложения приветствуются.

По крайней мере название им понравилось. Они все ухмыляются, когда читают на титульном листе:

СЕМЬ РАЗ ДЛЯ СЕМИ БРАТЬЕВ

Я по-быстрому объясняю сюжет.

– Вкратце речь вот о чем: семь парней работают на нефтяной буровой установке в море. Один из них, Джо, заключает пари с другим, Томми, что каждый из семи «братьев» должен найти себе девушку на ночь, когда они поедут на берег на выходные. Но им надо не просто поебаться, они должны воплотить в жизнь свои самые безумные сексуальные фантазии. Но у двоих из семи свои планы на выходные: культурная программа, спорт и все такое, а третий – безнадёжный девственник. Так что дополнительная нагрузка ложится на Томми. Но у Джо есть приятельницы, Мелинда и Сьюзи, которые держат высококлассный бордель и которые берутся найти семь девушек для семи братьев.

Саймон энергично кивает, хлопая себя ладонью по бедру.

– Звучит неплохо. Нет, правда. Задумка хорошая.

Пока остальные читают, мы с Рэбом решаем пойти вниз и выпить в закрытом, пустом пабе. Мы даем им полчаса. Сидим, выпиваем в холодной, нервной тишине. Я до сих пор не могу поверить, что

выставила себя перед ним такой душой, когда ему на меня наплевать. Но, может быть, это все потому, что я точно знаю: если бы он повелся, я бы, наверно, и не посмотрела бы на него, если бы он весь горел. Он был бы лишь бледным эхом ебли с Колином, вот и все.

Через полчаса мы возвращаемся. Народ тихо сидит в потрясении. Я думаю: о нет, – но потом до меня доходит, что они смотрят на нас чуть ли не с благоговением.

Вдруг – громкий смех Мелани высасывает воздух из комнаты. Она швыряет сценарий на стол и чуть ли не на пол сползает от смеха.

– Это, блядь, просто шиза. Вы оба крезанутые. Потом вступает Терри. Он обращается к Рэбу:

– Ладно, все просто пиздато, но послушай, Биррел, это же не проект для колледжа, блядь. Порно – это когда много хуев и дырок, а не когда все так завернуто.

Рэб раздраженно смотрит на него.

– Прочти, нах, сценарий, Лоусон. Есть семь парней на нефтяной вышке, они приезжают на берег на выходные, и все, что им надо, – это встретить и отыметь семь цыпочек.

Саймон враждебно смотрит на Терри, потом оборачивается к нам, и вид у него неподдельно взволнованный.

– Это, бля, гениально, – говорит он, поднимается и хватая Рэба за плечо, потом целует меня в щеку, перегибается через барную стойку и наполняет стаканы. – Нет, правда. Мне очень понравились сцены садо-мазо и эпизод с поркой. Такие смачные!

– Да-а, – тяну я, пребывая в совершенном восторге, но стараясь сохранить некоторую трезвость ума, а еще на меня накатывает усталость от наших ночных бдений. – Британский рынок, ну ты понимаешь. Это ведь очень британский фетиш, правильно? Происходит еще от публичных школ и от традиции «государства-няньки».

Рэб с энтузиазмом кивает.

– Там так же показано наше наследие в сфере легкого порно и репрессивная природа цензуры в нашей культуре, – говорит он. – Как могла бы сказать Лорен, здесь нет искусства, здесь все на потребу плебса.

– Да в жопу искусство, Биррел, мне понравился кусок про пацана, одержимого минетом. – Терри подмигивает и смачно облизывает губы.

Саймон кивает и говорит с видом сурового, но довольного инквизитора:

– Остается еще подобрать актеров.

– Я хочу играть всех братьев, – говорит Терри. – Это можно устроить с помощью спецэффектов и монтажа. Разные парики, несколько костюмов, ну, очки и все такое...

Мы все смеемся, но преимущественно – скептически, поскольку мы знаем, что Терри не стебется. Он говорит совершенно серьезно. Саймон встряхивает головой.

– Вообще-то мы все хотим поучаствовать.

– Ну, без проблем, – говорит Терри, хлопывая себя по промежности. Потом он оборачивается к Рэбу: – Чтой-то ты приумолк, Биррел! Не хочешь роль получить?

– Отъебись, Терри, – говорит Рэб с натянутой улыбкой.

– Я бы отъебся, Биррел, но тебя так и хочется подъебнуть, – насмешничает Терри.

– Что вы как дети, – важно говорит Саймон. – Может быть, это и ускользнуло от вашего внимания, но здесь присутствуют дамы. То, что мы делаем порногра... гм, развлекательный фильм для взрослых, это еще не значит, что мы должны в жизни нести похабщину. Если у кого в голове помойка, так и держите ее при себе.

Мы с Рэбом взволнованны. Еще бы – наше творение ребятам понравилось. Когда мы собираемся уходить – нам надо зайти в универ, проверить оценки за курсовые, – Саймон подходит ко мне и шепчет мне на ухо:

– Всю жизнь ты была для меня как мираж, а теперь ты настоящая.

Это он послал цветы.

Мы садимся в автобус, и Рэб продолжает говорить о фильме и о кино вообще, но мои мысли блуждают где-то далеко. Я не вижу его и не слышу, я могу думать только о Саймоне. «Всю жизнь ты была для меня как мираж, а теперь ты настоящая».

Для него я настоящая.

Но наша жизнь – не настоящая. Это не настоящая жизнь. Это развлечение. МакКлаймонт поставил мне пятьдесят пять. Оценочка так себе, но это зачет. Есть несколько неудобочитаемых замечаний.

Попытка хорошая, но эффект смазан из-за раздражающей привычки применять к нашему языку ублюдочную, прощу прощения, американскую орфографию. Тем не менее вы сделали несколько неплохих наблюдений, однако не стоит недооценивать влияние шотландских иммигрантов в науке и медицине – а не только в политике, философии, образовании, машиностроении и строительстве.

Зачет. Теперь можно уже навсегда забыть и об этом предмете, и об этом старом ублюдке.

32. Афера № 18741

Выглядываю во двор, где чья-то женушка развешивает свои постирушки. Тяжелые, мрачные тучи – как серые кляксы на небе приятственного голубого цвета. Женушка смотрит наверх и хмурится: похоже, дождь собирается, – и в расстроенных чувствах пинает свою корзинку.

Подобрать актеров для фильма было просто; Крейг и Урсула будут делать эпизод садо-мазо, Терри как главный ебарь обработает Мел вплоть до ануса. Ронни будет боксером, который кончает, наблюдая за Никки и Мелани (и не только он, кстати), а я буду мужиком, который мечтает о групповухе. Для сцены с минетом можно взять Мики Форрестера с одной из его тупых шлюшек. Что нам нужно – так это еще один брат для сцены обычного секса, но тут можно с Рэбом поговорить или даже с Рентоном. И еще нам нужна молоденькая студенточка для эпизода с лишением девственности.

С этим фильмом единственная проблема – если мы собираемся делать его именно так, как хотим, – это деньги. Я хорошо понимаю, что снять кино – это не яичницу пожарить. Я им всем покажу, как они были не правы, когда сбросили СДУ со счетов – как силу, как игрока индустрии. Но фильм нельзя снять задешево, потому что именно дешевки они и ждут. У меня нет таких денег, которые эти извращенцы выбрасывают за просто так. Но Урод и его тупой приятель, звезда мыльных опер, подали мне идею, и я уже начал работать в этом направлении. И тут может выгореть. Конечно, наравне с его хреновенькой прикидочной схемой у меня в голове есть и другой, разработанный до мельчайших деталей план, который должен, если так будет нужно, исключить участие Дэниела Мерфи. Алекс МакЛейш?

Главное – это качество кадров, Саймон, и мне понравилась команда, которую вы собрали, особенно эта девчушка, Никки. Очень талантлива. С другой стороны – этот Мерфи, ну, он, конечно, сделал кое-какую работу, когда только-только тут появился, но, по моему скромному мнению, он не обладает достаточными профессиональными качествами для того, что вы пытаетесь делать.

Спасибо, Алекс. А вот мое скромное мнение: Мерфи – это чисто временное явление. И я слушаюсь его же собственного совета, и прочесываю местность в поисках замены, согласно правилу Босмана. Я понимаю, как это будет непросто – заманить Марка Рентона, всеобщего любимца прежних дней, обратно в Лейт. Так что я начинаю искать ближе к дому. Было несколько сообщений, оставленных в пабе неким Полом Карамаландиносом из Агентства по Связям, рекламной конторы яппи, что на улице Королевы Шарлотты, «воплощение нового Лейта», как сказано в их рекламной брошюрке. В сообщениях говорится, что Карамаландинос хочет собрать форум «Бизнесмены нового Лейта против наркотиков». Я весь напряжен, и у меня начинается обильное слюноотделение – верный знак, что что-то такое назревает. Я ему перезваниваю, этому Карамаландиносу. Разговор получается очень даже плодотворным: парень сообщает мне, что представители других сфер бизнеса уже с ним связались, и он предлагает провести инаугурационное собрание на следующей неделе. Он спрашивает, нет ли у меня на примете еще кого-то, кого я хотел бы видеть за тем же столом. Я думаю о том, что мои здешние законные контакты прискорбно скудны. Кого, блядь, мне с собой привести? Лексо, с его жирноложечным Тайским кафе? Мики Форрестера с его сауной и паршивыми шлюхами? Ни хрена. Это мое дело, и только мое. Я даю Полу понять, что, может быть, лучше не привлекать ничьего внимания, только я, он и еще несколько человек, которых он упоминал в разговоре.

– Может, и вправду имеет смысл, – говорит он рассудительно, – по крайней мере до тех пор, пока мы не поднимемся и не раскрутимся. Не стоит влезать в это дело большой толпой.

Я исправно издаю все положенные в таких случаях звуки, вешаю трубку и вношу предполагаемую дату – мы ее обязательно уточним ближе к делу – в свой ежедневник. Я уверен, что сделаю это сборище просто на раз: они будут жрать содержимое моей задницы с подбострастной признательностью. Ободренный успехом, я решаю, что можно добиться большего, и переключаюсь на Рыжего Вонючку.

Я начинаю «большой охмуреж»: звоню Рентону и рассказываю ему об этой афере. Не все, разумеется, а только то, что ему надо знать. Мы говорим по телефону, и поэтому мне трудно справиться

с его молчанием, которое с определенного момента становится просто мучительным. Я хочу видеть это лицо, хочу видеть эти хитрые, расчетливые глаза.

– Ну, и чего скажешь? Он, кажется, впечатлился.

– Возможности, безусловно, есть, – говорит он, как будто изо всех сил сдерживая энтузиазм.

– Точно-точно, и они за них точно ухватятся.

– Ладно, Уиджи вполне предсказуемы, – заключает Рент. – В том смысле, что любой другой человек в Соединенном Королевстве и Ирландской Республике может десятками лет надеяться, что вот эти шесть графств просто исчезнут, типа как в воздухе растворятся, а эти задроты продолжают себе потихонечку изображать наихудший пиздец из всех возможных.

– Да, я согласен, они совершенно не оригинальны, особенно Ханы. Называют свои сборища вслед за «Вест-Хэмом», песни-речевки передирают у «Миллуолла». Но зато можно смело держать пари, что большинство из них держит деньги в Королевском Банке Шотландии, но наверняка найдутся и такие, у кого счет в Клайдсдейле.

– Так что конкретно ты собираешься делать?

– Как я уже говорил, мне просто нужна пара-тройка оффшорных счетов. Приезжай сюда, Марк, присоединяйся, – говорю я, потом сглатываю комок, подступивший к горлу, и добавляю: – Ты мне нужен. Ты мне должен денег. Ну как, ты в деле?

Если он и колеблется, то недолго:

– Ага. Сможешь как-нибудь сюда заехать? Чтобы мы все обсудили и утрясли детали.

– В четверг, наверное, смогу, – говорю я, стараясь, чтобы мой голос не выдал радости.

– Ну, тогда и увидимся, – отвечает он.

Да уж, блядь, вор ублюдочный, не сомневайся. Непременно увидимся.

Как только я кладу трубку, звонит зеленая мобила, и это Франко.

– Я вот тут тоже мобильником обзавелся, – говорит он. – А круто оно, етить. У нас тут сборище вечером, в карточной школе, Малки МакКаррон, Ларри и вся пиздобратия. А Нелли укатил обратно в Манчестер, мудила.

– Слушай, я работаю, – говорю я с фальшивым сожалением, хотя меня, ясное дело, совершенно не тянет в этот клуб кидал и психопатов, который они зовут карточной школой Бегби. Когда пьяные ублюдки разводят тебя на деньги, да еще и развлекаются за твой счет, – это не самое, на мой взгляд, приятное времяпрепровождение.

Но вот что интересно: Бегби позвонил мне сразу после того, как я поговорил с Рентоном. Я думаю, это знак. Что они, эти двое, спонются.

33. Горы грязной посуды

Али зашла только раз, с ребенком, и у нас не было шанса поговорить. Но у нас вроде бы все нормально, что мои изыскания идут хорошо, так что я вроде как и доволен. Али была такая... скептическая... но это она так выделяется, брат, но так, наверное, и справедливо. Вторая хорошая новость: похоже, мы с Психом опять вроде как подружились. Мы с ним позже увидимся, потому что сейчас этот мудила работает.

Я тут заходил к моей младшей сестренке Ройзин, которая, если уж честно, совсем не та цыпочка, с которой я бы хотел иметь дело. Она на десять лет меня моложе, пытается пробиться наверх, и она никогда не одобряла традиционный уклад жизни клана Мерфи. Ее бойфренд, сладкий мальчик, сейчас на заработках в Испании, так что она теперь вроде одна кукует. И в футболе все вроде неплохо. Этот Алекс МакЛейш немного напоминает мне Рента и чуть-чуть – того парня из «Полиции Нью-Йорка», как, черт подери, его звали? Робинзон Крузо? Нет, но что-то вроде того. Может быть, из-за цвета волос. Так что теперь у нас этот француз в защите, и черный в полузащите. Тут скоро наши с «Данфермлайном» играют дома, наверное, надо сходить – посмотреть, разогнать скуку. Скука – твой злейший враг. Скука и тревога. Мы – всегда впереди. Мы – лучше всех. Но тревога все равно остается.

Все-таки не люблю я общаться с сестренкой. Да и с ней невозможно общаться. Я хочу сказать, что когда-то мы девять месяцев арендовали одну и ту же утробу, но теперь, когда мы оттуда выбрались, мы живем как будто в разные времена, да, бля, в разные эпохи. Так что мне сунули в руки билетную книжку и велели выметаться.

Спускаюсь по лестнице и слышу крики и ор. Спускаюсь еще на один пролет и вижу, что это

Джун, френковская бывшая, с двумя мелкими Бегбитятами. Младший орет как резаный, а старшего колошматит Джун, которая, кажется, чокнулась.

– Я ВИДЕЛА, КАК ТЫ ЕГО УДАРИЛ! БЛЯДЬ, И НЕ СМЕЙ ОТПИРАТЬСЯ! ЕБ ТВОЮ МАТЬ, Я ТЕБЕ ЧТО ВСЕГДА ГОВОРИЛА, ШОН?!

Старший бегбивский ребенок тоже начинает орать, он раскачивается под ударами Джун, словно сломанная кукла, хотя вряд ли ему очень больно. Младший ребенок сейчас молчит, будто язык проглотил, и вид у него – перепуганный до смерти.

– Эй, привет, – кричу я. – Джун!

– Урод. – Она улыбается мне и трясет головой, как китайский болванчик.

Вот, бля, в дурацкую ситуацию я угодил. Я в том смысле, что я ведь даже не знал, что она живет в этом подъезде.

– Э-э... ну ты как, нормально? – говорю я и забираю у нее мешки с покупками.

– Да... спасибо, Урод, только вот эти меня доводят, – всхлипывает она, кивая на юных террористов.

– Вы чего маму доводите? – улыбаюсь я. Младший улыбается мне в ответ, но старший Бегбенок смотрит на меня как-то странно, мне даже малость не по себе становится. Да, это точно сын Франко, больше ничего и не скажешь.

Джун вставляет ключи в замок и открывает дверь. Детки вламываются в квартиру, старший что-то кричит про спортивные новости на канале Sky. Джун смотрит им вслед – спецназ из двух человек, – потом оборачивается ко мне и продолжает:

– Я бы пригласила тебя зайти, Урод, но у нас такой бардак. Бля, да разве в бардаке дело. Джун явно в полном раздрае.

Ее голос звучит так, будто ей действительно необходимо с кем-то поговорить. Я помню, что должен встретиться с Психом и Кузеном Доудом в пабе, но время у меня есть.

– Ну, бардаком меня не напугать, – говорю я, и Джун смотрит на меня так, словно раздумывает, из вежливости я это сказал или нет, а потом, надо думать, решает, что я произнес это искренне.

Вхожу в квартиру, там – свалка одежды и детских игрушек. Башни из грязной посуды в раковине – как будто ее там копили несколько лет. Я ищу место, куда можно поставить пакеты.

Джун трясет, и я предлагаю ей сигарету и даю ей прикурить. Она ставит чайник, но не может найти чистых чашек. Она пытается сполоснуть одну, пытается выдавить в чашку моющее средство, но пузырек пуст – только воздухом пукает. Она достает из пакета с покупками новый пузырек, но ей никак не удается открутить крышку, потому что у нее дрожат руки. Она вдруг начинает рыдать, что, в общем, понятно в таком состоянии.

– Извини, это все мои нервы, здесь все не так... посмотри на эту квартиру. Это разве квартира? А эти дети... я с ними с ума схожу... и мне никто не помогает, я имею в виду, Фрэнк вернулся, но он только раз пришел с ними увидеться, даже ни разу не забрал их к себе! Я себя чувствую как в тюрьме. Вырваться бы отсюда хотя бы на десять минут, надеть красивое платье... украшения... кольца... я уже не могу, Урод, не могу... Я смотрю на горы посуды.

– Ну, я вот что тебе скажу, я тебе помогу, давай хотя бы в кухне вместе уберемся. Тебе сразу же станет легче, я знаю, потому что когда все дерьмово, и сил нет вообще никаких, и ты видишь гору невымытой посуды в раковине, это худшее, что может случиться, это совсем беда. Кажется, что вся жизнь вообще не задалась. Но если проблему с кем-нибудь разделить, то у тебя остается уже полпроблемы, а полпроблемы – это уже полегче, да, Джун?

– Да нет, все нормально...

– Эй! – Я надеваю фартук. – Давай тут устроим блицкриг! Джун пытается возражать, но я набрасываюсь на тарелки, а потом и Джун тоже, и мы уже близки к успеху, и все уже сделано, проблема решена, и все снова прекрасно и все возможно. Если в жизни бардак, надо только найти в себе силы начать, и ты его потихонечку разберешь. Понимаешь, брат? Надо просто найти в себе силы начать, и у тебя все получится.

Я помог Джун, и мне самому стало лучше. Нет, правда. Я был как будто под кайфом, словно спидом закинулся, самым крутейшим спидом. Да и Джун вроде стало полегче, ага.

Но когда я прихожу в паб, Псих с Кузеном уже сидят и тряндят. Похоже, уже давненько сидят. Кузен Доуд оборачивается ко мне и смотрит.

Сижу в этом баре, который похож на пещеру, ну, вы знаете, на Бульваре, жду, когда придет этот мудацкий нарк и спасет меня от этого нудного Уиджи с преждевременно поседевшими волосами, тяжелыми чертами лица и глазами, в которых застыла бессмысленная агрессивность, как у козлов на ферме Джорджи. Добро пожаловать обратно в Шотландию, ага. У этого ебаря, Кузена Доуда, этого псевдосаксонца, североевропейца, толстозадого обывателя, недотраханного гуннского ничтоже-ства, этого троглодита-мутанта из трущоб западного берега, еще хватает нахальства цитировать что-то там по-латыни, цитировать – мне, средиземноморскому Человеку Возрождения. Он делает глоток и поднимает свой стакан:

– *Urbi et orbi.*

– Твое здоровье, *similia similibus curatur*, – язвительно ухмыляюсь я.

Зрачки кузена Доуда вдруг расширяются, как черные дыры, засасывающие в себя все вокруг.

– Не знаю этого выражения, – говорит он с неподдельным, невъебенным, я бы даже сказал, восхищением. – А это что значит?

Я тоже не знаю, что это значит, но я никогда не признаюсь в этом Кузену Доуду, этому жирному мудаку.

– Вино для опохмелки, – подмигиваю я. – Очень даже подходит к случаю.

Кузен Доуд наклоняет голову и внимательно смотрит на меня.

– Ты, я вижу, человек интеллигентный. Приятно встретить кого-то, кто с тобой на одной волне, – он трясет головой, и у него на лице появляется страдальческое выражение, – а самое грустное, я очень мало встречаю людей, которые со мной на одной волне.

– Как я тебя понимаю. – Я сочувственно киваю.

– Ну вот, скажем, этот твой приятель Урод, прикольный парень, но нет в нем остроты ума. А у тебя, у тебя это есть. – Он постукивает указательным пальцем по виску. – Да, Урод говорит, что ты типа фильмы снимаешь и все такое.

Странно, что Мерфи отрекомендовал меня так положительно. Не порнушка, а фильмы – не меньше. Меня это прикалывает и настраивает на несколько сентиментальный лад. Мне даже приходит в голову, что я был, наверное, слишком жесток к моему приятелю с липкими пальцами.

– Ну, мы пытаемся что-то сделать, Доуд. Как говорится: *ars longa, vita brevis*.

– Искусство вечно, время коротко, о, одно из моих любимых, – кивает он и улыбается по все тридцать два зуба.

И тут наконец подгребают Мерфи, и вид у него малость странный. Когда Доуд уходит отлить, я позволяю себе скорчить недовольную мину.

– Еб твою мать, где ты шляется? У нас нету времени бегать до Типперери и обратно. Пришлось тут сидеть и выслушивать этого мудака. А он кого хочешь своей болтовней заебет!

Но он, похоже, чертовски доволен собой.

– Ну, я ниче не мог поделаться, брат, я там Джун встретил. Помог ей убраться, так нада было, понимаешь?

– Ага, – понимающе киваю я. Вообще-то мне следовало догадаться. Этот Урод вообще не способен противиться никаким искушениям, он по жизни такой, а я тут типа в отчаянном положении, пока он там с Джун тусуется. Лично я бы о ней и не вспомнил, тем более у нее дети, и вид у нее слишком замотанный и поблекший, хотя, все-таки надо быть справедливым, при такой жизни кто угодно поблекнет.

– Ну, и как там Джун? – спрашиваю я, сам не знаю почему. Ну, в смысле, мне в общем-то наплевать.

Урод складывает губы в трубочку и выдыхает воздух с вульгарным и слишком громким звуком, как будто он пернул. Это, наверное, означает некоторое смущение.

– Выглядит она ужасно, если честно, брат, – говорит он, и тут Кузен Доуд возвращается из сортира и делает заказ по второму кругу.

– Да уж, готов поспорить, – киваю я, – и все мы знаем почему.

Доуд поднимает стакан лагера и чокается с Уродом.

– Здорово, Урод! Твое здоровье.

Потом он повторяет это упражнение со мной, и я изображаю фальшиво-дружелюбную ухмылочку.

Во мне растет раздражение насчет всей этой компашки, и я улыбаюсь молодой барменше своей

лучезарной улыбкой, которая, будь я помоложе, конечно, заставила бы ее бессознательно поправить волосы. А теперь все, что я получаю в ответ, – безразличное движение уголком рта.

Мы обходим еще несколько баров и направляемся в город, а там случайно заходим в знаменитое «Сити Кафе» на Блэйр-стрит, я там раньше всегда тусовался, в прежние времена. Я замечаю бильярдные столы, раньше их не было. А теперь вот поставили – привлекать простофилю. Меня уже окончательно задолбало жужжание Кузена Доуда, так что я просто счастлив увидеть Мики Форрестера, который подходит к нам с совершенно дебильной с виду, но весьма сексуальной блядюшкой на прицепе.

Я, наверно, получу почетное звание Мистер Сама Популярность в «Сити Кафе», я реально поднял им качество клиентской базы. У меня на буксире – самая что ни на есть наркоманская рожа из Лейта, Хан из Уиджи, а теперь еще и паршивый Форрестер, одетый в какие-то лохмотья с претензией на стиль. Мне вдруг кажется, что я стал героем какого-то дешевого сериала. В общем, к закрытию заведения бармена гарантированно хватит кондратий.

– Это Мики Форрестер, – говорю я Доуду. – У него доля в паре саун, так что он управляет конюшней весьма аппетитных лошадок, которые трудятся в поте лица. Он их подсаживает на героин, чтобы у них был стимул работать, в смысле, себе на дозу.

Доуд поворачивается и кивает, глядя на Мики с легким неодобрением и завистью пополам.

– Ну да, Охотник тоже теперь занимается чем-то подобным, – говорит Урод. Эта вялая идиотская гримаса трудного подростка из неблагополучной семьи все еще липнет к его лицу, как дерьмо к подошвам, даже после стольких лет.

Я качаю головой.

– Охотник их просто пялит, потому что иначе ему бы никто не дал, – говорю я. Этот нарк начинает меня беспокоить. Я безотчетно нащупываю в кармане бутылек GHB, которым Охотник снабдил меня не далее как сегодня. Еще один очень даже полезный чувак, в своей области. Я притягиваю Урода к себе, чтобы шепнуть ему на ухо пару слов, и вижу, что его ухо забито коричневой серной пробкой. Я с отвращением морщу нос – запах еще тот.

– Нам с Мики нужно поговорить об одном деле. – Я сую ему в руку двадцатку. – Развлекайтесь, ребята. Прошу прощения, парни, но мне действительно надо потолковать со старым приятелем, – объясняю я Доуду и отвожу Форрестера в сторонку.

Форрестер, он из тех парней, которые на самом деле никому не нравятся, но у всех с ними дела. Он улыбается мне, и его зубы напоминают Бингэмский округ города, где все перестроено так, что уже и не узнать – с тех пор, как я был там в последний раз. Меня удивляет только, что Мики предпочел коронки натурального цвета, а не золотые фиксы. У него искусственный загар, к тому же он сбрил свои седеющие редкие волосы и теперь ходит лысый, как бильярдный шар. Его серебристо-голубой костюм вполне даже качественный. Только ботинки из дорогой кожи, но их явно не помешало бы почистить, и белые носки по типу вафельного полотенца – неременный рождественский подарок каждому психу от его мамочки, выдают в нем прежнего друга Мерфи.

– Ну че, Саймон, как жизнь?

Я безмерно ему благодарен за то, что он назвал меня Саймоном, а не Психом, и отвечаю соответственно:

– Спасибо, Майкл, замечательно. – Я улыбаюсь его спутнице. – Это та самая очаровательная молодая леди, о которой ты мне рассказывал?

– Одна из, – ухмыляется он. – Ванда, это Пси... э-э, Саймон Уильямсон. Я тебе про него рассказывал, он только что вернулся из Лондона.

Цыпочка очень опрятная, тоненькая, прилизанная, темненькая, ну, латиношка, как сказал бы Кузен Доуд. Она в первой стадии героиновой зависимости, когда девочки выглядят просто супер, перед тем как уже окончательно развалиться. Потом ей придется идти работать в пип-шоу, чтобы догоняться, и продолжать вкалывать в поте лица, чтобы хватило на дозу, но очень скоро она поблекнет, и Мики или другой какой-нибудь пиздюк выкинет ее из сауны на улицу или в притон в лучшем случае. Ах, Леди Коммерция, великолепная старая дама, воистину исповедимы пути твои.

– Ты снимаешь кино? – якобы равнодушно спрашивает она, изображая то деланное и чуть брезгливое безразличие, с которым ко мне обращаются все вокруг с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать. В общем, выделяется по полной. Из себя меня корежит.

– Рад с тобой познакомиться, милочка, – улыбаюсь я, беру ее за руку и чмокаю в щечку.

В общем, вполне подойдет.

Так что мы с Мики быстренько договариваемся. Мне нравится эта цыпочка, Ванда. Хотя она полностью зависит от Мики и, стало быть, целиком в его власти, она не боится показывать ему свое презрение. От чего ему только приятнее укреплять эту зависимость. Ну, вроде как укрощение строптивой. У нее есть гордость, хотя героин высосет эту гордость еще до того, как подпортит ей внешность. И Мики это прекрасно знает.

В общем, мы договорились, и я возвращаюсь к Уроду и Доуду. Доуд как раз рассказывает Уроду о женщинах, причем достаточно громко.

– Единственное, что надо делать с женщинами, – это любить их, ну да, любить, – пьяно вещает он. – Эй, у ты там все в порядке, Саймон?

– В порядке, в порядке, Джордж, не волнуйся, – улыбаюсь я.

– Люби их, найди в себе силы и мужество их любить. Fortes Fortuna ajuvat... фортуна благоволит храбрым. Скажи, Саймон, я прав? Я прав?!

Урод пытается вклинить в разговор, спасая меня от прискорбной необходимости отрывать рот и озвучивать восторженное согласие с этим идиотским утверждением.

– Да, но иногда это... как бы сказать...

Кузен Доуд обрывает его речь, взмахнув рукой и чуть не выбив кружку с пивом из руки какого-то парня. Я молча киваю ему, мол, извини.

– Никаких «но», никаких «иногда». Если они начинают жаловатца, дай им больше любви. Если они все еще жалуютца, дай им еще больше любви, – громогласно провозглашает он.

– Именно так, Джордж. Я твердо верю, что возможность мужчины давать любовь превосходит возможность женщины эту любовь принимать. Вот поэтому мы и правим миром, все очень просто. – Я стараюсь быть как можно лаконичнее.

Доуд смотрит на меня, открыв рот, его глаза медленно начинают закатываться, напоминая игровой автомат, который вот-вот выдаст джек-пот.

– Урод, ты знаешь, что этот чувак просто гений, бля! Кузен Доуд – типичный Уиджи: очень быстро надирается и начинает гнуть пальцы уже после пары кружек. А потом, вместо того чтобы тихомирно отрубиться, он пребывает в этом мудацком состоянии целую вечность, бля, капает всем окружающим на мозги, повторяя одну и ту же назойливую херню, но с каждой минутой пафоса в этой херне становится все больше и больше.

– Спасибо, Джордж, – говорю я. – Только я вот что хочу сказать, я уже сыт по горло всеми этими барами. Понимаешь, тут тусуется одна деревенщина, а все эти дикарские пляски совершенно не по мне. – Я киваю на Форрестера. – Вот с ним, к примеру, мне в одном помещении находиться не хочется совершенно. Давайте свалим отсюда, пойдем куда-нибудь еще.

– Точно! – орет Доуд. – Поехали все ко мне! У меня есть одна охуительная кассета, ты просто обязан это послушать. Знакомые ребятки сколотили группу – круче них нет никого. Они лучшие, это я тебе говорю.

– Вот и славно. – Я улыбаюсь во все свои тридцать два зуба. – Ничего, если я позвоню кое-кому, чтобы они тоже с нами потусились, скажем так, разбавили нашу сугубо мужскую компанию? – Я просто трясу перед ним красной тряпкой.

– Ничего?! Да это вообще заебись! Какой чел! Нет, ну какой чел! – орет Доуд, так что его слышат все, кто есть в баре, а мне от стыда хочется сквозь землю провалиться. Я глубоко убежден, что хорошее отношение со стороны тупого урода куда опаснее, чем порицание со стороны интеллигентных людей.

Мы идем к выходу, я веду все компанию за собой и с крейсерской скоростью проталкиваюсь сквозь толпу, остановившись лишь раз – для того чтобы улыбнуться девочке в зеленом костюмчике, у нее симпатичная мордашка, но вот идиотская химическая завивка портит все впечатление или это просто парикмахер слажал, я не знаю. Еще одна непреднамеренная задержка случается, когда я прохожу мимо двух разевшихся баб, которым уже хорошо за тридцать, они похерили диету и решили, что теперь их жизнь будет складываться исключительно из водки, «Ред Булл» и вкусной жрачки. Потом я обхожу компанию ребят с бегающими глазами и золотыми зубами на все две челюсти, которые пытаются пробиться в бар.

Доуд все еще поет мне дифирамбы, и мы наконец вываливаемся на улицу. Меня трясет. Но это не из-за холода и даже не из-за наркоты. Просто я ощущаю всю высоту, глубину и широту своего обмана, и еще меня пробирают мурашки от похвал Кузена Доуда. Нет, блядь, все-таки хорошо жить.

35. Пин-деньги

Приходим, значит, в берлогу Доуда, прихватив с собой выпивку. Псих купил батл абсента и все такое, хотя это, кажется, перебор, ведь ужратца-то надо одному Доуду, а не всем нам. Псих с отсутствующим видом пялитца на фотографию Ханов на стене, а я падаю на большой кожаный диван. В ногах правды нет, это точно.

Кузен Доуд, кажетца, безумно доволен, что должны подгрести девчонки, с которыми можно будет задарма поебатца, и, если быть откровенным, брат, это было бы очень неплохо. Но я думаю, Псих сказал про девчонок только для того, чтобы попасть сюда, к Доуду.

Но я не говорю об этом Кузену, потому что ни один чел с Западного побережья не захотел бы услышать такое.

– Ну и где твои девочки, Саймон, они нам как вообще, дадут?

– Бля буду, – кивает Псих. – Просто отличные девочки. Они снимаются в порнухе, – мурлычет этот самый психованный из всех психов, а Доуд закатывает глаза и причмокивает губами.

Потом Псих кивает мне, шевелит рукой около рта, типа «пизди, не останавливайся», и наполняет стаканы абсентом.

– Ну это, – начинаю я, пытаюсь сменить тему, – а расскажи, Доуд, как ты стал Кузеном Доудом? – Я вижу, как Псих закидывает Доуду в стакан ГНВ. Честно сказать, брат, мне это не слишком нравитца. Говорят, если переборщить с этим дерьмом, сердце может не выдержать, так-то вот. Но Псих вроде как знает, что делает, вроде как прикидывает на глазок дозняк. Доуд безмерно счастлив, что у него появился благодарный слушатель в моем лице.

– Ну, тут вот какое дело: есть у меня приятель, в Глеска, его зовут Бобби, и этот чел всех подряд называет кузенами, – в этот момент Псих вручает ему стакан, – понимаешь, у парня такой прибабах, еще с тех пор, как мы совсем мелкими были и жили в Дrame, – говорит он, делая глоток. – А потом мы нашли компашку, стали с ними тусоватца, а они, ясно дело, были не в курсе, просто слышали, что этот чел меня постоянно кузеном называет... ну и типа прицепилось... – Он делает еще глоток.

Скоро Доуд начинает клевать носом, он даже не замечает, что Псих вырубил пленку с записью его приятелей и поставил вместо них «Chemical Brothers».

– Порнушка, – бурчит он, падает на диван, и его вырубает.

Мы с Психом тут же начинаем шаритца у него по карманам, хотя я как-то себя неуютно чувствую, ведь этот Доуд оказался почти нормальным и совсем даже не злобным мудаком. Но какая кому на хер разница, этот старый ворюга продолжает шаритца по карманам, а я пытаюсь ему што-то впарить, на что Псих отвечает мне:

– Ты чего, охуел совсем, положи на место, – и кивает на пачку бабла, которую я вытащил у Доуда из кармана.

И он прав, брат, я просто пожадничал, подумал, что парень не хватитца, если из этой огромной кучи бабла пропадет пара бумажек. Но я знаю, што нужно Психу, кредитка Клайдсдейла, и в конце концов мы ее находим.

Мы спускаемся к банкомату в 11.57 вечера, вставляем карточку и вводим пин-код, причем как-то не удивляемся, ни разу не удивляемся, когда код подходит, и мы получаем из банкомата 500 фунтов. Потом повторяем эту процедуру в 12.01.

– Уиджи, – хихикает Псих, а потом ласково так добавляет: – Педрилы хреновы.

– Да, круто у нас получилось, – говорю я ему.

– Тут ты прав, – говорит Псих и вручает мне примерно половину пачки денег, правда, предварительно отложив пару купюр. – Никаких наебок, брат. Просто маленький подарок для одной миссис, ага.

– А, ну да, конечно, – говорю я. Он даже вроде как мне рассказывает, на что потратит эти бабки, брат, и это не просто пиздеж. Мне хорошо, как будто вернулись те старые времена, когда мы с Психом то и дело чего-нибудь да мутили, и мы тогда были лучшими, брат. Мы были лучшими. Может, мы были не так хороши, как некоторые из тех, кого я знаю сейчас, но это не важно. Мне только как-то хреново и неудобно перед Кузеном Доудом, потому что он вроде как и ничего даже чел, но дело сделано, чего уж теперь. Да и нечего было выделываться – пальцы гнуть, правильно? Если ты корчишь из себя богатенького и крутого, всегда найдется кто-то, кто поможет тебе стать беднее. Наверное, Психу это бы не понравилось, но я себе сейчас напоминаю Франко!

Мы возвращаемся в квартиру Доуда, засовываем кредитку обратно в бумажник, а бумажник – обратно ему в карман. Псих делает черный кофе и остужает его, а потом заставляет Доуда выпить. Кофеин возвращает его к жизни, только у него ноги начинают дергаться, он задевает кофейный столик и проливает что-то из бухла.

– Спокойно, парень, спокойно!

– Ты отрубился малехо, Доуд, – смеется Псих, а наш любимый мальчик Уиджи потихонечку охреневает, садится на диване и дико вращает глазами.

– А, ну да, – говорит Доуд, приходя в себя. – Этот абсент – убойная штука, по ходу дела, – стоит он и смотрит на каминные часы. – Бля, *tempus fugit*, однозначно.

– Вот так всегда бывает, – говорит *Felinus Vomitus*, это моя новая латиносская кликуха для Психа. – Трепаться все горазды, а как доходит до дела, куда им тягаться с парнями из Лейта.

Доуд встает и тащитца к выходу, он явно обижен до глубины души.

– Хотите посмотреть, как бухают? Я покажу вам, как надо бухать!

Мы с Психом переглядываемся, очень надеюсь, что Доуд окончательно отрубится до того, как у него кончатся бабки.

36. Афера № 18743

Лязг тяжелых алюминиевых бочек, упавших на каменный пол. Громкие вопли грузчиков, которые привезли выпивку, они катят еще одну бочку вниз по деревянному настилу, парень внизу не дает ей упасть, ловит и ставит на пол. Но эти звуки, эти громкие голоса!

Голова просто раскалывается, бля. Я с ужасом вспоминаю, что сегодня вечером мне еще предстоит поход к матери, на семейный ужин. Даже не знаю, что будет бесить меня больше, ее снисходительная забота или безразличие моего старика – безразличие на грани полноценной враждебности. Я помню одно Рождество, давным-давно, много лет назад, когда он затащил меня в кухню и прошептал мне с пьяным злорадством: «Я знаю, в какие игры ты тут играешь, пидор поганый». Что я такого сделал, что он на меня накинулся? Позже я понял, что никакой особой причины для этого не было, просто он так сублимировал свою ненависть к себе, именно поэтому он и сказал, что понимает меня, потому что он сам такой же. Есть только одно существенное различие, о котором он Не подумал: он – неудачник, а я – нет.

Башка скоро просто лопнет. Это вчерашнее шоу: чего только не сделаешь ради пяти сотен наличными. И все-таки денежки этого Уиджи мы сняли. Разумеется, мистер Мерфи безумно счастлив, что ему тоже досталась часть наших совсем даже нетрудовых доходов, но для меня все это мероприятие было простой пробой пера.

Урод, может быть, и ничего, но исключительно для дешевых разводов, скажем так, для домашнего чемпионата, но это еще не значит, что его можно выставлять на европейские соревнования. Алекс?

Каждому свое, Саймон. Я бы лично предпочел взять в дело Рентона – нашего европейца. Да, он слишком азартный игрок, и разок он нас кинул, но иногда приходится рисковать и на таком Уровне. Алекс Фергюссон доказал это в истории с Эриком Кантона, а вот Мерфи на такой глубине просто не выплывает, это мое твердое убеждение. Мне больше нравится эта девочка, Никола Фуллер-Смит.

Не могу с тобой не согласиться, Алекс. Талант видно сразу.

Это похмелье меня доконает, меня аж трясет, когда наши пивные парни начинают горланить какие-то залихватские песни. А тут еще Мораг на меня орет:

– Ты бы все-таки нам помог, а?!

Не такую жизнь я себе представлял. Я собираюсь с силами, ташу наверх один ящик, потом второй и начинаю планомерно рассовывать бутылки по холодильникам в баре. После этого я решаю дать нервам отдых, иду к себе в офис, сажусь и закуриваю. Слезть с наркоты проще, чем бросить курить, честное слово. Приходит почта, хорошие новости в виде письма из офиса начальника полиции!

Полиция Лейта

Мы служим обществу

Уважаемый мистер Уильямсон.

Re: Бизнесмены Лейта против наркотиков

Большое спасибо за ваше письмо, датированное 4-м числом сего месяца.

Я всегда полагал, что война против наркотиков может быть выиграна только с помощью законопослушных граждан. Поскольку распространение наркотиков обычно происходит в общественных заведениях и клубах, бдительные граждане, такие, как вы, находятся на передовой этой битвы, и я очень рад, что кто-то способен открыто и смело объявить свое заведение зоной, свободной от наркотиков.

Искренне ваш Р.К. Лестер Начальник полиции Полиция Лейта.

До открытия остается еще целый час, я иду с этим письмом на Бульвар, в багетную мастерскую, и заключаю его в элегантную позолоченную рамку. Потом возвращаюсь и вешаю письмо в рамке на самое почетное место – над барной стойкой. По сути дела, эту бумажку вполне можно считать лицензией на распространение наркотиков, поскольку ни один настырный урод не посмеет устроить здесь облаву и не будет пытаться помешать мне заниматься своими делами. Теперь меня наконец оставят в покое, и это все, что нужно человеку, все, что ему требуется от жизни: чтобы тебя оставили в покое, пока ты занимаешься очень нелегким делом – мешаешь жить другим. Иными словами, хорошо быть *bona fide*,¹⁰ признанным и заверенным членом капиталистического общества.

Наконец привозят солярий, который я заказал. На съемочной площадке не должно быть бледных тел. Я решаю расслабиться и устраиваю себе получасовой сеанс загара.

Распаленный, в прямом смысле слова, я выхожу на улицу, подхожу к ближайшему автомату, звоню в «Evening News» и говорю, зажав нос:

– Тут в Лейте есть один парень, держит бар «Порт радости», ага, он пытается начать эту кампанию, типа «Бизнесмены Лейта говорят „нет“ наркотикам», ага. Он тут даже письмо получил от начальника полиции, ага.

Как они вскинулись, как только услышали про начальника! Не прошло и часа, как ко мне заявился какой-то прыщавый придурок с фотографом на буксире. Они вошли в бар как раз тогда, когда появились первые посетители – старый Эд и его компания, которые тут же принялись изучать меню на предмет, что сегодня у нас блюдо дня (пастуший пирог). Репортер сделал пару снимков и задал пару вопросов, а я сидел с умным видом и вешал ему лапшу на уши. Я рассказал ему, что выпечка Мо славится на весь Лейт и сравнима по популярности с выпечкой Бетти Турпин в Везерфилде. Парнишка тупил по-страшному, но, кажется, заглотил все, что я ему впарил.

Очень даже неплохое начало дня, и плюс к тому – я стал на пятьсот фунтов богаче. Разумеется, для того, чтобы начать производство полноценного порнофильма, этого маловато, но у меня на горизонте замаячила еще одна, более крупная афера. Я решил поработать в жанре порнографии, но я все не собираюсь слишком долго задерживаться в этой области. Хрена с два, у меня другие перспективы. С победным видом я занюхиваю приличную дозу кокса, и она делает свое дело, хотя приходится бежать за бумажными салфетками, потому что из носа течет кошмарно.

Странно, что обычная пьянка с Уродом Мерфи и каким-то придурком из уиджи, так меня вдохновила. Порошок первоклассный, и похмелье проходит на раз. Звонит телефон, трубку берет Мораг на другом конце стойки. За каждый килограмм се жира вполне можно дать столько же золота. Разумеется, я мог бы взять молоденькую студенточку вроде Никки, для услады глаз и члена, но она никогда не смогла бы управиться здесь так, как Мораг, эта старая курица.

– Тебя, – говорит она.

Я ожидаю чего-нибудь милого и приятственного, даже надеюсь, что это Никки, но нет, это блядский Урод, как говорится, урод и есть. Он собирается в клуб – тратит бабки бедного Доуда – и приглашает меня составить ему компанию, словно мы с ним опять лучшие друзья.

– Извини, приятель, но я сейчас занят, – быстро говорю я.

– А как насчет четверга, к примеру?

– Четверг отпадает. А как насчет никогда? Никогда тебя устроит? – грубо спрашиваю я и говорю: – Вот и славно! – обращаясь к тишине на том конце провода, прежде чем грохнуть трубку на рычаг. Потом поднимаю трубку и звоню человеку, который действительно может быть мне полезен, а именно – Скрилу, своему старому приятелю из Поссила, и прошу его узнать для меня кое-что.

Когда-то давно я решил, что люди – это всего лишь объекты, которые можно передвигать с места на место, располагать их так, как тебе нужно, извлекать из них прибыль и выгоду, а заодно и мо-

10 В доброй вере (нем). – Примеч. пер.

ральное удовлетворение для себя, любимого. Я также понял, что уговоры действуют куда лучше, чем угрозы, и что любовь и понимание приводят к цели быстрее, чем грубое насилие. С учетом всего вышесказанного, чтобы управлять человеком, надо просто лишить его этой любви и внимания или дать ему понять, что он может лишиться их в любой момент. Разумеется, всегда находятся люди, которые непременно тебя подставят, и все твои планы накроются медным тазом. Как правило, это друзья и любовницы. Мой лучший друг сбежал с моими деньгами. Рентой. Вторым человеком, наебавшим меня, оказался папаша моей жены.

Я еще доберусь до них обоих. Но сейчас мне нужно поговорить со Скрилом, с моим старым приятелем из уиджи. Да, надо снова налаживать старые связи, теперь, когда я вернулся уже насовсем. Я здороваюсь, после этого следует стандартный треп, и, наконец, я задаю вопрос, а Скрил на другом конце провода явно не верит своим ушам:

– Ты хочешь, чтобы я нашел тебе девочку, которая работает где?

– В кассах на стадионе Иброкс, – терпеливо повторяю я. – Желательно, чтобы это была робкая девочка, тихая, ранимая и достаточно невинная. Живет с родителями и все такое. И не важно, какая она на лицо. Можно и страшненькую.

Последняя фраза вызывает у него еще больше подозрений.

– Ты што, бля, задумал, Уильямсон?

– Так ты мне поможешь?

– Положись на меня, – произносит он проникновенно. – Еще што-нибудь надо?

– Еще надо какого-нибудь простофилю-жирдяя, который живет со своей мамочкой...

– Ну, это фигня!

–...и при этом работает в центральном отделении Банка Клайдсдейл в Глазго.

Скрил просит меня еще раз повторить, что мне нужно, а потом начинает ржать прямо в трубку:

– Ты что, решил сводничеством заняться?

– Ну можно сказать и так, – отвечаю я. – Перезвони, как все сделаешь, Купидон, – говорю я и лезу в карман, чтобы потрогать пакетик с дозой. Все-таки хорошо, когда у тебя есть в запасе пакетик хорошего цызна.

37. «...политкорректная ебля...»

Лорен куда-то пропала, нигде не могу ее найти. Может быть, она в Стирлинг вернулась. И это хороший знак. Это значит, что ей не все равно. Диана вообще не волнуется по этому поводу, она работает над своей диссертацией. Сидит, постукивает ручкой по зубам и задумчиво говорит:

– Лорен – хорошая девочка, хотя и напрягается по пустякам, но это все потому, что она еще слишком молода, но скоро и на нее снизойдет просветление.

– Скорее бы уж, что ли, – отвечаю я. – Из-за нее я себя чувствую распоследней шлюхой... – Я произношу это слово, и оно буквально режет меня на части: я думаю о том, на что согласилась во вчерашней беседе с Бобби и его приятелем Джимом. О том, куда я иду вечером. В сауне все по-другому, ты сама решаешь – нужны тебе чаевые или нет, и если нужны, тогда ты обязана как минимум подрочить мужику, что конкретно в моем случае превращается в неуклюжее и непрофессиональное приложение к моей не менее убогой и непрофессиональной технике массажа. Мне нужна работа, и мне нужны деньги, особенно если учесть, что скоро пасхальные каникулы. Но сауна – это одно, а пойти к кому-то в гостиничный номер – это уже другое. Это как пересечь очередную черту, а ведь я сама же кричала, бия себя пяткой в грудь, что я на такое в жизни не пойду. Всего лишь ужин и пара коктейлей, сказал Джимми. Все остальное решается между вами, в сугубо приватном порядке.

Я уже собираюсь на выход. Выгляжу на все сто: черно-красное платье под черным пальто от Версаче. Я пытаюсь улизнуть незаметно, чтобы Диана меня не увидела, но мне это не удастся, она смотрит на меня и присвистывает.

– Свиданьице наметилось, да?

Я улыбаюсь как можно загадочнее.

– Ах ты корова счастливая, – смеется Диана.

Я выхожу на улицу. Я очень давно не ходила на каблуках, как-то все не приходилось, так что я ловлю такси. Высаживаюсь из машины в пятидесяти ярдах от роскошного отеля в Новом Городе. Мне не хочется сразу появляться на месте, я собираюсь насладиться своим прибытием и попутно во всем разобраться. Фасад отеля явно сохранился еще со времен короля Георга, однако внутри все

перестроили, и теперь там сплошь и рядом – ультрамодный дизайн. В фойе – огромные окна, почти во всю стену, от пола до потолка. Автоматические двери открываются с тихим шуршанием, и портье во фраке приветливо мне кивает. Я иду к бару и слышу, как мои каблуки стучат по мраморному полу.

Я не хочу показывать, что кого-то ищущу, хотя так оно и есть, потому что если меня спросят, кого именно я ищущу, я даже не смогу ответить. Как выглядит этот баскский политик? Почему в таких ситуациях мне всегда не хватает самообладания? А бармен за стойкой уже тарашится на меня, он меня уже видел раньше, я знаю, только не знаю где, может быть, в сауне, и он напряженно мне кивает. Я тепло улыбаюсь в ответ и чувствую, как по щекам разливается краска, как будто я только что залпом выпила двойной скотч. Нет, все гораздо хуже, я себя чувствую голой или, что еще хуже, я себя чувствую уличной шлюхой в мини-юбке и высоких чулках-сапогах до середины бедра. Однако служба сопровождения работает исправно, им совершенно не хочется, чтобы их клиентов что-то огорчило. Если бы я была просто проституткой на вольных хлебах, меня бы уже давно вывели отсюда за ухо, может быть, даже в сопровождении двух здоровенных копов.

Мой клиент – известный баскский политик, националист, который приехал сюда якобы для того, чтобы посмотреть, как работает шотландский парламент. Мне сказали, что на нем будет синий костюм. В баре сидят двое мужчин в синих костюмах, и оба они смотрят на меня. У первого – седые волосы и хороший загар, у второго – темные волосы и кожа с оливковым оттенком. Я очень надеюсь, что это темноволосый, тот, который помоложе, но скорее всего все будет с точностью до наоборот.

Потом, совершенно неожиданно, кто-то кладет ладонь мне на плечо. Я оборачиваюсь и вижу совершенно типичного, стереотипного, я бы даже сказала, испанца в синем костюме, точнее, не в синем, а темно-голубом. Под цвет глаз. Ему уже за пятьдесят, но сохранился он очень даже неплохо.

– Вы Никки? – с надеждой спрашивает он.

– Да, – отвечаю я, и он целует меня в обе щеки. – А вы, наверное, Севериано?

– У нас есть один общий знакомый, – улыбается он, демонстрируя ряд безупречных искусственных зубов.

– А как же его зовут, нашего общего знакомого? У меня такое ощущение, что я снимаюсь в очередной серии Бондианы.

– Джи-им, вы знаете Джи-има...

– Ах да, Джим.

Я боялась, что он сразу потащит меня наверх, но он заказывает напитки и говорит мне, вроде как по секрету:

– Вы очень красивая. Прекрасная шотландская девушка...

– На самом деле я англичанка, – говорю я ему.

– Да? – Он явно разочарован.

Ну разумеется, он же баск. И если он ищет девочку для ебли, это должна быть политкорректная ебля. В общем, я быстренько исправляюсь:

– Хотя во мне есть и ирландские, и шотландские корни.

– Да, в вас чувствуется кельтская кровь, – убежденно говорит он. Ага, примерно столько же, сколько в какой-нибудь Мисс Аргентине. Мы разговариваем, допиваем то, что осталось в бокалах, выходим на улицу, где нас уже ждет такси, и едем на другую сторону Нового Города, в место примерно в пятнадцати минутах ходьбы, а если на моих каблуках, то, может быть, двадцать. Я приторно улыбаюсь и изо всех сил пытаюсь удержаться от язвительных комментариев.

– Прекрасная Ни-икки, такая прекрасная... Следующий пункт нашей программы: ужин в ресторане. Я для начала беру ассорти из морепродуктов, которое включает в себя кальмаров, крабов, омаров и креветки, к ассорти подают какой-то невообразимый лимонный соус. Основным блюдом был запеченный барашек а-ля nouvelle cuisine, со шпинатом и овощами, на десерт я взяла апельсины в карамели с мороженым. Все это запивается бутылкой «Дом Периньон», тяжеловатым шардоне с фруктовым вкусом и двумя большими бокалами бренди. Я извиняюсь и удаляюсь в сортир, где выблеваю весь ужин, потом чищу зубы, глотаю молочко магнезии и полощу рот листерином. Ужин был просто великолепный, но я никогда не ем после семи. Потом Севериано вызывает такси, и мы едем обратно в отель.

Я немного нервничаю, тем более что, когда мы поднялись в номер, спиртное порядком двинуло мне в голову, поэтому я включила телевизор, где шли новости или какой-то документальный фильм про голодающих африканских детей. Севериано достает шампанское из ведерка со льдом и разливает его по двум бокалам. Он снимает туфли и ложится на кровать, откидывается на взбитые подушки и

улыбаются мне: нечто среднее между застенчивой улыбкой маленького мальчика и порочной ухмылкой старого извращенца.

– Сядь рядом со мной, Ни-икки, – говорит он и хлопает по кровати.

На какую-то долю секунды мне очень хочется отказаться, но потом снова включается деловой режим.

– Я делаю только массаж и прочие расслабляющие упражнения.

Он печально смотрит на меня. Кажется, еще чуть-чуть – и он пустит слезу.

– Ну, если так должно быть, значит, так должно быть, – говорит он и начинает расстегивать ширинку. Его член выскакивает наружу, как веселый щенок. А что обычно делают с веселыми щенками?

Я начинаю его поглаживать, но тут возникает старая проблема, я просто не очень хорошо умею дрочить мужикам. Я пожираю его глазами, я обволакиваю его своей страстью. Его горящие глаза – полная противоположность ледяным глазам Саймона, в его глазах лед, который, как говорится в рекламе, мне очень хочется растопить, и я уже чувствую, что от методичных движений у меня устала рука, и вообще весь процесс меня совершенно не заводит. Наоборот, мне становится скучно. Это чувство передается ему, и он выглядит разочарованным, расстроенным и даже слегка раздраженным. Но мне нравится, как головка его члена пробивается наружу сквозь невообразимо длинную крайнюю плоть, поэтому я решаю не отказывать себе в маленьком удовольствии. Я смотрю на него, облизываю губы и говорю:

– Обычно я этим не занимаюсь, но... Баск счастлив до поросычьего визга:

– О Ни-икки... Ни-икки, детка...

Я быстренько назначаю хорошую цену, воспользовавшись своим умением торговаться, и беру у него в рот, предварительно убедившись, что во рту у меня скопилось достаточно слюны, которая поможет смягчить процесс. У него действительно очень большая крайняя плоть, так что поначалу мне кажется, что член у него грязный, и с этим придется смириться. Однако при непосредственном контакте оказывается, что у его члена свежий и острый вкус, он чем-то напоминает испанский лук, хотя это могут быть просто мои этноцентричные ассоциации. Может быть, я хреново дрочу, но в том, что касается минетов, у меня все хорошо: я и в детстве все время тянула все в рот – так называемый оральный тип.

Я понимаю, что он собирается кончить, поэтому быстренько достаю его член изо рта, а он стонет, умоляет и ноет, но я не собираюсь глотать его сперму. Он весь на взводе, и когда он хватается меня, мне становится по-настоящему страшно, что сейчас меня изнасилуют и мне придется вспоминать все приемы самообороны. Но потом я понимаю, что он хочет просто потереться об меня, как собака, он горячо дышит мне в ухо и исступленно шепчет что-то по-испански, а потом кончает мне на платье.

Разумеется, это было не изнасилование, но мы на такое не договаривались, и я чувствую себя оскорбленной. Разозлившись, я отталкиваю его от себя, и он залазит обратно на кровать, его мучает раскаяние, он беспрестанно извиняется:

– О Никки, мне так стыдно... пожалуйста, прости меня... – и он тянется к своему пиджаку и достает деньги, чтобы как-то загладить свой промах, а я иду в ванную с зеркальными стенами, нахожу полотенце, смачиваю его водой и вытираю с платья его кончину.

После этого эпизода он снова становится лапочкой и продолжает извиняться, я успокаиваюсь, и мы допиваем вино. Похоже, я явно переборщила с выпивкой, и он спрашивает меня, можно ли сделать несколько снимков полароидом, я при этом должна быть в лифчике и трусиках. Я начинаю очередной прогон про то, как нелегко живется бедным студентам, и он достает еще денег. Я снимаю платье и сушу мокрое пятно встроенным феном, а он готовит камеру.

Он показывает мне, как надо позировать, а когда он делает пару снимков, я тихо радуюсь, что надела поддерживающий бюстгальтер. Я замечаю, что на первой фотографии выгляжу какой-то уж чересчур жестокой и угрюмой, поэтому для второго снимка использую улыбочку в стиле «Скажите секс». Я беспокоюсь о том, как будут выглядеть на фотографиях мои костлявые коленки, и почему-то замораживаюсь на мысли, что у меня появляется животик. Отступив перед его непомерным восторгом и своей зарождающейся паранойей, я устраиваю настоящее шоу, демонстрируя некоторые гимнастические трюки. И это оказывается большой ошибкой, потому что Севериано снова заводится, сползает с кровати и пытается меня поцеловать. Я почти обнажена, уязвима и поэтому начинаю всерьез беспокоиться. Отстранившись от него, я поднимаю руку и устремляю на него ледяной взор, что,

похоже, слегка остужает его пыл.

– Прости меня, Никки, – скулит он. – Я просто сви-инья...

Я влезаю в платье, убираю деньги в сумочку и мило, хотя и прохладно, прощаюсь, после чего ухожу.

Я иду по коридору к лифтам, переживая безумную смесь брезгливости и эйфории, похоже, эти эмоции соперничают за право главенства у меня в душе. Я намеренно заставляю себя думать о деньгах и о том, какой халявной была работа, и эти мысли помогают мне более-менее прийти в себя.

Приходит лифт, внутри стоит молоденький портье с плохой кожей и тележкой, заваленной багажом. Он коротко мне кивает, и я вхожу в лифт, попутно заметив красную сыпь у мальчика на подбородке. Но это не просто подростковые прыщи, потому что эта самая сыпь присутствует лишь на одной стороне лица. Судя по всему, он недавно подрался или просто нажрался в хлам и расцарапал лицо об стену или о тротуар. Все время, пока мы спускаемся, он смотрит на меня с виноватой улыбкой, а я пытаюсь выдать ему в ответ что-то похожее. Двери лифта с щелчком открываются, и я выхожу, в голове у меня по-прежнему – полный бардак. Хочется лишь одного: как можно быстрее убраться из этого отеля, скрыться с места преступления, так сказать.

В общем, я иду к выходу, уже подхожу к стеклянным дверям, тротуар снаружи блестит от дождя и уличных огней. И тут дверь внезапно открывается, и то, что я вижу, вгоняет меня в настоящий ступор. В отель заходит мой преподаватель МакКлаймонт и идет прямо ко мне, и его лицо расплывается в Улыбке.

Боже ты мой.

А потом это лицо мнется, как газета, и в его глазах возникает какое-то похабное презрение.

– Мисс Фуллер-Смит... – Этот голос, мягкий, но все равно неприятный, как будто вползает ко мне в сознание.

Боже ты мой. Кровь стучит у меня в висках, а стук каблуков по полу кажется оглушительным грохотом. У меня возникает кошмарное ощущение – мне кажется, что все взгляды устремлены на нас с МакКлаймонтом, как будто мы вдруг оказались на сцене, высвеченные прожектором.

– Здравствуйте, я... – Я пытаюсь начать разговор, но он смотрит на меня как-то странно, как будто он знает все тайны моей души. МакКлаймонт обводит меня пристальным взглядом, с головы до ног, и в глазах моего явно развратного препода появляется стальной блеск.

– Может быть, выпьем чего-нибудь. – Он кивает в сторону барной стойки, и эта фраза звучит как приказ, а не как предложение.

Я не знаю, что сказать.

– Я не могу, я, гм... МакКлаймонт медленно качает головой.

– Если вы откажетесь, Николая, вы очень меня огорчите, – говорит он, закатив глаза, и я сразу же понимаю, что он хочет сказать. Разумеется, я уже сдала курсовую, но все равно... С посещаемостью у меня были большие проблемы, и при желании он вполне может меня завалить на экзамене. А если я срежусь на экзамене, папаня урежет мое содержание, и вот тогда-то случится полная жопа. Так что я совершаю разворот на 180 градусов, иду за ним к бару и попутно пытаюсь взять себя в руки. МакКлаймонт спрашивает, что я буду пить, а бармен холодно смотрит на меня.

Ну вот, теперь я сижу в баре с этим старым мерзавцем, и прежде чем я успеваю нанести первый удар и спросить его, что он тут делает, он задает мне тот же самый вопрос.

– Я ждала своего парня, – говорю я, поднося к губам стакан солодового виски. Это Саймон меня к нему пристрастил, а МакКлаймонт явно одобряет подобный выбор напитка. – Но он позвонил мне на мобильный и сказал, что задерживается.

– Какая жалость, – говорит МакКлаймонт.

– А вы что здесь делаете? Вы здесь часто бываете? – любопытствую я.

Тут МакКлаймонт весь напрягается, суровый такой, дальше некуда. Судя по всему, он считает, что раз я его студентка, или женщина, или просто моложе его по возрасту, то вопросы здесь задает только он.

– Я был на встрече Шотландского Общества, – пафосно заявляет он, – а по дороге домой попал под дождь и решил зайти сюда выпить. А вы здесь где-то рядом живете? – спрашивает он.

– Нет, я живу на Толкросс, я, ну... – Тут я вздрагиваю, потому что краем глаза вижу баска Севериано, который спускается в бар вместе с еще одним мужиком в костюме. Я быстро отворачиваюсь, но мужик в костюме, даже не сам баск, направляется прямо к нам.

– Ангус! – кричит он, МакКлаймонт поворачивается и улыбается, они явно знакомы. Затем

мужчина замечает меня и приподнимает брови. – А кто эта прекрасная леди?

– Это мисс Николя Фуллер-Смит, Рори, студентка университета. Николя, это Рори МакМастер. Я пожимаю руку этого МакМастера, похожего на кабана-регбиста.

– Может, присоединитесь к нам, – говорит он и показывает на баска, который смотрит на меня с перекошенным лицом.

Я пытаюсь возражать, но МакКлаймонт забирает со стойки наши напитки и несет их к столику. Я пытаюсь улыбнуться баску, мол, «мне очень жаль, что все так получилось», но он смотрит волком, как будто я его подставила по полной программе. Сажусь за столик, стараясь при этом выглядеть как можно целомудреннее (по крайней мере насколько это позволяет платье). Чувствую себя совершенно беспомощной и уязвимой, наверное, я бы чувствовала себя намного увереннее, если бы просто еблась с каким-нибудь незнакомцем перед камерой.

– Это сеньор Энрико де Сильва, из Баскского регионального парламента в Бильбао, – говорит МакМастер. – Ангус МакКлаймонт и Николя... гм... Фуллер-Смит, правильно?

– Да. – Я кротко улыбаюсь, пытаюсь при этом вжаться в стул, а в идеале – вообще исчезнуть. Значит, Энрико. А мне он сказал, что его зовут Севериано. Он угрюмо поглядывает на меня.

– Это ваша девушка, нет? – с некоторым беспокойством спрашивает он у МакКлаймонта.

МакКлаймонт слегка краснеет, и его лицо вновь сминается от натянутой улыбки, и только потом он позволяет себе рассмеяться.

– Нет, нет, мисс Фуллер-Смит моя студентка.

– И-и что она изучает? – спрашивает Энрико, или Севериано, или просто баск.

Меня это все достает. Я в общем-то тут тоже присутствую.

– Мой основной курс – кино. Но я еще факультативно изучаю предметы, связанные с Шотландией. Это очень интересно. – Я выдавливаю из себя улыбку и думаю о том, что всего несколько минут назад пенис этого человека был у меня во рту.

Я извиняюсь, и иду в туалет, и спиной чувствую, как они пялятся на мою задницу. Я знаю, как только я отойду, они примутся меня обсуждать, но я ничего не могу с этим поделать, мне нужно подумать. Я чувствую себя совершенно беспомощной и даже не знаю, кому можно было бы позвонить. Мне так плохо, что я почти решаюсь набрать домашний номер Колина, но потом все же звоню Саймону.

– У меня тут жопа случилась, Саймон. Я сейчас в отеле «Роял Стюарт» в Новом Городе. Ты мне не поможешь?

Саймон держится холодно и даже с некоторым раздражением, возникает неудобная пауза, но потом он все-таки говорит:

– Я думаю, Мо вполне справится и без меня. Так что я скоро буду. – И он вешает трубку.

Скоро? Интересно, что это может значить? Я подкрашиваюсь, причесываюсь и возвращаюсь в бар.

Когда я возвращаюсь к столику, эти трое сидят с видом участников тайного заговора развратников. Они говорили обо мне. Я знаю, что они обо мне говорили. МакКлаймонт, к примеру, умудрился порядком надраться. Он как раз произносит какую-то нудную фразу, кажется, про положение Шотландии в Союзе, которая заканчивается словами:

–...и именно это наши английские друзья никак не могут понять.

Меня выводит из себя не столько его фраза, сколько язвительный взгляд, направленный на меня.

– Я не уловила сути. Вы отстаиваете националистическую или унионистскую позицию?

– Да я так, в общем, – говорит он, щурясь. Я тянусь за своим стаканом со скотчем.

– Забавно, но мне всегда казалось, что «Северные Бритонцы» – это термин, который используется исключительно Шотландскими националистами, и носит где-то даже саркастический характер. Я очень удивилась, когда обнаружила, что этот термин используют унионисты, которые, насколько я понимаю, хотят войти в Объединенное Королевство. – Я смотрю на своего баска и этого МакМастера. – Это очень показательный термин, потому что ни один англичанин не станет называть себя «Южным Бритонцем». Между прочим, «Правь, Британия» тоже была написана шотландцем. Это мольба о том, чтобы вас приняли в Соединенное Королевство, мольба, которая так и не будет услышана. – Я печально качаю головой.

– Именно, – говорит МакМастер. – Именно поэтому мы и считаем...

Я продолжаю «пиздеть за политику», не сводя взгляда с МакКлаймонта.

– С другой стороны, очень грустно, что Шотландии до сих пор не удалось добиться полной свободы. А сколько уже прошло времени. Вот посмотрите, к примеру, на достижения ирландцев.

МакКлаймонт взбешен и уже собирается что-то сказать, но тут я замечаю, что в фойе входит Саймон, и машу ему рукой. В пиджаке и футболке он выглядит весьма впечатляюще. И к тому же он загорел. Наверняка валялся где-нибудь в солярии.

– О Никки, детка... прости, что я опоздал, дорогая, – говорит он и целует меня в щеку. – Ну что, ты готова к неземным наслаждениям? – спрашивает он, и только после этого смотрит на остальных мужчин, как будто он только что их заметил. Сейчас он похож на капризного кота, которому предложили полакомиться остатками хозяйской трапезы; у него на лице – брезгливое презрение, однако взгляд острый как бритва. Он быстро обменивается рукопожатиями со всеми троими. На мой взгляд, он как-то уж слишком помпезен и высокомерен, особенно если учесть ситуацию.

– Саймон Уильямсон, – резко говорит он, а потом немного смягчает тон. – Надеюсь, моя девушка была в хороших руках?

Все смотрят на баска и начинают нервно и виновато улыбаться. Его присутствие явно их угнетает, он выводит их из равновесия, даже не прилагая особых усилий. Но я себя чувствую просто отвлеченно, в первый раз за долгое время, в первый раз после первого мужика, которому мне пришлось дрочить, – я чувствую себя шлюхой. Саймон помогает мне надеть пальто, и я с большим облегчением покидаю этот поганый отель.

Мы садимся в машину, и я вдруг понимаю, что плачу, но по крайней мере больше не ощущаю себя шлюхой. Я знаю, что плачу совершенно неискренне, я просто хочу, чтобы Саймон отвез меня домой и уложил в кроватку. Я хочу, чтобы он думал, что это он меня соблазняет, хотя я жутко его хочу, я хочу его прямо сегодня, прямо сейчас. Но Саймона мои слезы не впечатляют совершенно.

– Что такое? – равнодушно спрашивает он, выводя машину на Лотиан-роуд.

– Вляпалась в совершенно дурацкую ситуацию, – говорю я ему.

Саймон обдумывает мои слова, а потом устало отвечает:

– Такое случается. – Хотя, судя по его тону, такое случается с кем угодно, кроме него самого. Мы останавливаемся у моего дома и смотрим на небо. Сегодня оно ясное и, что самое удивительное, очень много звезд. Я никогда не видела столько звезд, по крайней мере здесь, в городе. Колин как-то возил меня на Восточное побережье, недалеко от Колдингхэма, вот там все небо было усеяно звездами. Саймон тоже смотрит наверх и говорит:

– Звездное небо надо мной и нравственный закон во мне.

– Кант... – говорю, ощущая странную смесь восхищения и испуга, и думаю о том, что он имеет в виду, говоря о нравственных законах. Он что, понял, чем я занималась? Но он резко оборачивается ко мне, и вид у него обиженный. Но он ничего не говорит, только настороженно смотрит на меня.

– Это моя любимая цитата из любимого философа, – объясняю я. – Из Канта.¹¹

– А... да, это и мой тоже любимый философ, – говорит он и улыбается.

– Ты изучал философию? Изучал Канта? – спрашиваю я.

– Немного, – кивает он. А потом объясняет: – Старая шотландская традиция. От Смита к Хьюму, а потом – к европейским мыслителям вроде Канта.

В его голосе проскальзывает некое самодовольство, которое действует мне на нервы, поскольку чем-то напоминает МакКлаймонта. А мне очень не хочется ассоциировать его с МакКлаймонтом, так что я иду ва-банк:

– Хочешь, поднимемся ко мне, выпьем кофе... или вина. Саймон смотрит на часы.

– Пожалуй, лучше кофе, – говорит он.

Мы поднимаемся по лестнице, я еще раз благодарю его за помощь, типа, он меня просто спас. Я надеюсь, что он спросит меня об этом, но он, судя по всему, не придает случившемуся никакого значения. Когда мы заходим в прихожую, у меня замирает сердце, потом что я вижу полоску света из-под двери гостиной.

– Диана или Лорен, наверное, еще не спят, жгут электричество, полуночничают, – объясняю я шепотом и провожу его к себе в комнату. Он садится в кресло, потом начинает рассматривать стойку с сидюками, встает, чтобы внимательнее изучить коллекцию, но при этом его лицо по-прежнему остается непроницаемым.

Я иду на кухню, делаю кофе и приношу две дымящиеся кружки обратно в спальню. Когда я

¹¹ В доброй вере (нем). – Примеч. пер.

вхожу, он сидит на кровати, читает сборник современной шотландской поэзии, одну из обязательных книг в курсе МакКлаймонта. Я ставлю чашки на ковер и сажусь рядом с ним. Он откладывает книгу в сторону и улыбается мне.

Мне очень хочется наброситься на него, но у него в глазах – гранитный холод, который меня и удерживает. Его взгляд устремлен сквозь меня, внутрь меня. Его взгляд пронзает меня насквозь. А потом его ледяные глаза неожиданно наполняются невероятным теплом, которое казалось вообще невозможным всего секунду назад. Свет у него в глазах такой яркий, что я впадаю в какой-то ступор, чувствую себя существом без формы, без размеров и плотности. Во мне осталось только желание. Я слышу, как он что-то говорит, на каком-то иностранном языке, а потом берет мое лицо в ладони. Несколько секунд он пристально смотрит на меня, его темные глаза словно пьют меня, и он целует меня: в лоб, в щеки, – его поцелуи сильные и нежные одновременно, в них есть некая точность, они посылают импульсы в самое сердце той странной туманности, в которую я сейчас превратилась.

Мои тело и разум существуют как бы отдельно друг от друга, я чувствую, что наша страсть может сравниться по температуре с батареей центрального отопления, что находится рядом с нами. Когда он гладит меня по спине, я думаю о красных розах, их закрытые лепестки распускаются, и я падаю на кровать. И тут во мне неожиданно просыпается воля, и я думаю: он изменяет меня, и мне нужно попробовать изменить и его тоже, – я обнимаю его за шею, притягиваю к себе и приоткрываю рот. Я целую его так крепко, что у меня клацают зубы. Потом я провожу языком по его глазам, носу, пробую на вкус соленый след, идущий от носа к верхней губе. Потом я убираю руки с его шеи, чтобы заняться его телом, пытаюсь снять с него футболку, но он не поднимает руки, чтобы помочь мне, потому что он занят, снимает с меня платье. Но я тоже не убираю руки и впиваюсь ногтями в его мускулистое тело, так что положение безвыходное: я не могу снять с него футболку, он не может снять с меня платье. Потом он все-таки исхитряется, как заправский взломщик, расстегнуть на мне лифчик. Он так яростно пытается сорвать с меня платье и лифчик, что мне приходится отпустить его спину, потому что если я этого не сделаю, у меня порвутся шлейки на платье. Он обнажает мою грудь, и после этого все замедляется, он начинает ласкать ее очень бережно, нежно и немного испуганно, как ребенок, которому разрешили погладить какую-нибудь пушистую зверушку.

Он снова смотрит мне прямо в глаза, и лицо у него очень серьезное, почти печальное и даже несколько разочарованное, и он говорит:

– Похоже, что это случится сейчас.

Потом он встает и снимает футболку, а я спускаю ноги на пол и снимаю платье и трусики. У меня между ног – пульсирующий жар, я почти готова к тому, что у меня сейчас загорятся волосы на лобке. Я смотрю на Саймона, как он снимает брюки и трусы от Кельвина Кляйна, и на секунду просто замираю в потрясении, потому что мне кажется, что у него нет пениса. Его нет! В голову лезут безумные мысли, что он кастрирован, и именно поэтому относится к сексу так сдержанно, у него просто нет члена! А потом я понимаю, что член есть, еще как есть, просто я смотрю на него под таким углом, что член направлен прямо на меня, как дуло пистолета. И я хочу его. Я хочу, чтобы он оказался во мне. Прямо сейчас. Я не хочу, чтобы мне пришлось говорить ему, что заняться любовью мы можем и позже, позже я у тебя отсосу, позже ты можешь вылизать меня всю, подрочить мне, сделать со мной все что угодно, но, пожалуйста, не сейчас. Сейчас просто грубо выеби меня, да, прямо сейчас, потому что я горю. А он смотрит мне в глаза и кивает, этот мужчина кивает мне, как будто он прочитал мои мысли. А потом он оказывается на мне и во мне, наполняя меня, раздвигая меня, проникая в самую суть меня. Я тяжело дышу, и он прибавляет мощности, а потом мы с ним переворачиваемся и становимся переплетенной скомканной массой, и я даже не понимаю, кто из нас сбавляет темп, мы опять начинаем ласкать друг друга, но сама наша любовь овладевает нами, и мы снова набрасываемся друг на друга в этой битве один на один, в этой войне всех против всех. На какую-то долю секунды мне кажется, что я победила – и его, и себя, – но я хочу больше, больше, чем он может мне дать, больше, чем я вообще могу получить от кого бы то ни было. Я кончаю, и когда спазмы оргазма проходят, я думаю, а не слишком ли громко я кричала, и очень надеюсь, что ни Лорен, ни Дианы нету, потому что в противном случае это было бы слишком похоже на глупое показушное представление. Саймон воспринимает мой оргазм как разрешение на свой, он убирает волосы с моего лица, и смотрит мне прямо в глаза, и кончает, кончает так яростно, что своим оргазмом он продлевает мой оргазм. После этого он прижимает меня к груди, но я все-таки вижу мельком его глаза, и мне кажется, я почти уверена, что видела слезы. Но проверить свою догадку у меня нет никакой возможности, потому что он крепко держит меня, да и у меня самой не осталось уже никаких сил. Мы ле-

жим в мокрой от пота кровати, и все, что успеваю подумать, засыпая в этом жарком поту, в этом запахе пота и нашего секса: как это все-таки здорово, когда тебя выебут так, как надо.

38. Афера № 18744

Это был приятный сюрприз, как, впрочем, и всякий звонок на белый мобильник. Конечно, секс с Ники получился отменным, но в нем все же присутствовал этот синдром «первого раза»: не важно, насколько хорош сам процесс, всегда имеется некоторая поверхностная небрежность, которая портит всю картину. Позже, когда я уже собирался уходить, она спросила меня, играю я с ней или нет. Звучало это скорее игриво и ни в коем случае – как претензия, хотя, может быть, это значило что-то более важное. В сексе – точно как в спорте, самые талантливые спортсмены знают, что сосредоточиться надо на своей игре, а не на игре противника. Так что я загадочно улыбнулся и не стал ничего отвечать. Долбанные либералы гонят пургу насчет «честности» в отношениях. Честность – это такая скука. Нет, отношения – это в первую очередь власть, и сейчас пришло время несколько охладить свой пыл. Она сломается, я точно знаю, что она сломается, и это будет весьма приятно. Я говорю ей, что у меня изменился номер телефона, и даю номер красного мобильного. Вот он, лучший момент в отношениях – стереть номера с белого мобильного и занести его в красный.

Был один странный момент, на улице, когда она заметила, что я смотрю на звезды. Я выдал ей цитату из Кейва и подумал, что в ответ она обозвала меня плохим словом. Я не понял, что она говорит про философа Канта. Я даже позвонил Рентону по этому поводу. Он сказал, что Кейв взял эту строчку из книги Канта. Куда, бля, катится мир, если твои любимые поэты так тебя подставляют?

Да, секс был просто великолепным. Меня впечатлили ее физическая форма, напор и гибкость, правда, это означает, что мне тоже придется следить за весом и не забивать на походы в спортзал. Но кайф, полученный мной от этого секса, не идет ни в какое сравнение с тем оргазмическим удовольствием, который я пережил, когда подошел к газетному киоску и купил последний выпуск «News». Статья на шестой странице, с фотографией вашего покорного слуги и вступительным словом начальника полиции Рэя Леннокса, неожиданно молодого парня, немного похожего на второго гитариста из «Village People». Я, заруливая в Бар Мака, который находится рядом с газетным киоском, покупаю бутылку «Becks» и читаю взахлеб:

Владелец бара в крестовом походе против наркотиков

Барри Дэй

Владелец одного из баров в Лейте объявил войну торговцам наркотиками-убийцами, такими, как экстази, спид, марихуана и героин. Местный житель, Саймон Уильямсон, новый владелец бара «Порт радости» в Лейте возмущен до глубины души, когда поймал в своем баре двух молодых людей, торгующих таблетками. «Я думал, что многое повидал, но все равно был просто в шоке. Меня поразило то, что все это происходит практически в открытую. Так называемая наркокультура проникла во все сферы жизни. И с этим необходимо бороться. Я видел, как эта дрянь разрушает человеческую жизнь. То, что я предлагаю, это больше, чем просто кампания, – это своего рода крестовый поход. Пришло время нам, бизнесменам, сказать свое веское слово». Мистер Уильямсон недавно вернулся в Лейт из Лондона, где жил в последнее время. «Разумеется, мне жалко молодых ребят, которые в наше время не имеют возможности заработать себе на жизнь иначе, как незаконными способами. Я ведь тоже человек. Но приходит время, когда жалость должна отойти на второй план, в такой ситуации мы должны быть жесткими и непреклонными. А то слишком многие сидят, забившись в уголок, и предаются жалости к себе...»

Да, именно так и сказал Саймон Дэвид Уильямсон. На фотографии изображен невероятно серьезный Уильямсон собственной персоной. И подпись: «Наркотики – это угроза жизни: Саймон Уильямсон боится за будущее эдинбургской молодежи».

Но больше всего меня впечатляет колонка редактора:

Лейт может гордиться этим принципиальным молодым бизнесменом, владельцем бара, Саймоном Уильямсом, инициатива которого положит начало всеобщей борьбе с заразой, разъедающей наше общество. Разумеется, проблемы подобного рода не ограничиваются исключительно Эдинбургом, это проблема глобальных масштабов, однако местные жители могут сыграть важную роль в

искоренении этой проблемы. Мистер Уильямсон являет собой образец нового жителя Лейта, прогрессивного и перспективного человека, который тем не менее чувствует себя ответственным за «свой народ», особенно за тех молодых ребят, что попадают в сети к дилерам, беспринципным мерзавцам, которые в погоне за наживой походя губят жизни этих ребят. Преступники должны помнить о том, что есть люди – такие, как Саймон Уильямсон, – которых им следует опасаться. «News» всецело поддерживают начатую им кампанию.

Чудесно. Я добываю бутылку пива, возвращаюсь к себе и занюхиваю основательную дорогу, чтобы как-то отпраздновать это радостное событие. Моя кампания. Они повелись. Я думаю о Мальколме Макларене и «Sex Pistols». Знаешь что, старина Мальколм, в твое руководство к действию надо внести коррективы, эта инструкция явно устарела.

Я решаю взять такси и отправиться к матушке. Когда я к ней приезжаю, она чуть ли не пищит от восторга:

– Я так тобой горжусь! Мой Саймон! В «Вечерних новостях»! После всего, что я натерпелась с этими проклятыми наркотиками.

– Пришло время отдавать долги, ма, – говорю я. – Я знаю, что никогда не был ангелом, но рано или поздно приходит время, когда человек должен расплачиваться за свои грехи.

Бросая самодовольные взгляды на моего старика, она начинает цитировать статью из газеты:

– «Ответственность за свой народ»! Я знала, что все будет хорошо! Я знала! – объявляет она с видом победительницы, косясь на отца, который безучастно тарашится в свою газету с результатами бегов, и по нему видно, что эта статья его ни в чем не убедила. Он всегда просматривает результаты бегов, правда, в последнее время перестал делать ставки.

Ну что ж, остается только нанести ему последний удар.

– А еще у меня появилась новая девушка, мам, совершенно особенная девушка, – говорю я ей, и она снова меня обнимает.

– Сынок... ты слышал, что он сказал, Дэйви?

– Хм-м, – ворчит старый мерзавец, скептически глядя на меня. Вот так-то, папа. Мы с тобой по-прежнему на разных полюсах. Саймон Дэвид Уильямсон – молодой преуспевающий бизнесмен. Дэвид Джон Уильямсон, с другой стороны, обломавшийся по всем статьям, ожесточившийся старый дурак, пережиток прошлого, который добился в жизни лишь одного – превратил в ад жизнь замечательной женщины, моей мамы.

Разумеется, я помню, что когда был ребенком, я смотрел на него с обожанием, да и он был со мной добрым и ласковым. Он таскал меня повсюду, даже к своим любовницам, а потом дарил мне всякие подарки, чтобы я не настучал маме. Да, тогда он относился ко мне очень хорошо. Ребята всегда мне завидовали, говорили: «Вот бы мне такого отца». А потом, когда у меня начался пубертатный период и я стал интересоваться женщинами, тут-то все и началось. Я сделался соперником, а соперника нужно выводить из строя, любыми способами. Впрочем, ему это особенно не помогло, потому что даже тогда я опережал его на голову.

– Ну что, угадал победителей, пап? – спрашиваю я.

– Пару раз, – неохотно отвечает он, пытаясь быть вежливым. Но это только потому, что мама сейчас в комнате. Если бы ее не было, он бы просто опустил газету, посмотрел бы на меня неподвижным взглядом и прорычал: «Ну и что тебе тут понадобилось?» Это было бы крайним проявлением гостеприимства.

Мама продолжает расспрашивать меня про мою девушку, и я вдруг понимаю, что сам точно не знаю, кого я имею в виду. Может быть, Никки, после того, что случилось сегодня ночью, или Алисон, которая теперь работает у меня в баре, а может быть, эту толстую девочку? Я не знаю. Я не могу думать вообще ни о чем, кроме своей аферы. Если дело выгорит, то это будет гениально, это будет просто произведение искусства. Но кто бы из них ни стал моей новой женщиной, ей придется иметь дело с мамой.

– Если она будет присматривать за моим мальчиком и не станет его у меня отнимать, – мурлычет она, угрожая этой невидимой шлюхе.

Я не могу оставаться у них надолго, в конце концов я вроде как управляю баром. Но как только я выхожу за дверь, звонит зеленый мобильник, это Скрил, и у него есть для меня информация.

– Я все сделал, што ты просил, – говорит он.

Я выражаю ему бесконечную благодарность, потом сразу же звоню в бар, оставляю Мо и Али

заниматься делами, нагнав что-то про конференцию по торговым лицензиям, о которой я якобы совершенно забыл. После этого я отправляюсь напрямик в Беверли и сажусь на поезд до Глазго. У меня с собой сценарий, и, чтобы не тратить зря время, я просматриваю его на предмет порядка съемки сцен. Сначала будем снимать сцены с еблей: снимать и ебаться, снимать и ебаться – набирать материал. Начнем с оргии – и понеслась. Когда я прихожу в себя в Соапвиле, у меня обнаруживается эрекция, которая, правда, тут же проходит – и слава Богу, потому что я вижу Скрила, который ждет меня на платформе. Он представляет собой именно то, чем и выглядит: человек, настолько убитый наркотой, что глаза у него перманентно дикие. Есть большая разница, некая депрессивная энергия, которая отличает бывших наркоманов из рабочего класса от их «коллег» из класса среднего. Героин плюс культура нищеты и полное отсутствие опыта в чем-то еще – и ожиданий чего-то еще. Между прочим, дела у Скрила сейчас идут лучше, чем можно было бы предположить. Когда Гарбо, его друг, откинул копыта от якобы высококачественного героина, это очень хорошо прочистило ему мозги. Теперь он чист, ну, насколько может быть чист человек, который не моется неделями. Он спрашивает про Рентона, отчего у меня тут же портится настроение, ну и про моего вновь обретенного товарища с Восточного побережья.

– А что нащел Урода, как он ваще?

Я трясу головой, как это обычно и делается, когда тебя спрашивают про человека, который когда-то был тебе другом, а теперь стал просто знакомым, присутствие которого ты если и можешь выносить, то с большим трудом. Нет, не так. Скорее он даже враг. Я думаю, что Мерфи имеет смысл переехать сюда, по сути дела, он всего лишь заблудившийся уиджи, та еще деревенщина.

– Да ничего у него не изменилось, Скрил. Стену лбом не пробьешь. Я в том смысле, что я много лет пытался хоть что-то с ним сделать, как-то ему помочь... – Я выдерживаю скорбную паузу, а заодно и пытаюсь решить, стоит ли дальше давить эту ложь, и добавляю: – И не я один, мы все пытались. Делали, что могли.

Скрил отрастил волосы, видимо, чтобы прикрыть свои огромные уши, похожие на два лопуха. Его кадык ходит ходуном под редкой козлиной бородкой.

– Жалко, хороший был парень.

– Урод это Урод, – улыбаюсь я, думая о том, как мы с Алисон... нет, отставить. Лесли. У меня вдруг появляется странное свербящее чувство в груди, и я спрашиваю: – А Лесли... она все еще здесь?

Скрил смотрит на меня с сомнением.

– Да, но не смей к ней подкатывать.

Я удивлен, что она еще жива. В последний раз видел ее в Эдинбурге, почти сразу после того, как умер маленький Дон. Я слышал, что потом она вернулась в Глазго, тусовалась со Скрилом и Гарбо. Потом я слышал, что она передознулась. И решил, что она повторила печальную участь Гарбо.

– Она так и торчит?

– Нет, оставь ее в покое. Она соскочила. Теперь замужем, и ребенок маленький.

– Я бы хотел с ней повидаться, вспомнить прошлое.

– Я не знаю, где она живет. Один раз видел ее в Центре Бачанан. У нее теперь все в порядке, она соскочила, – повторяет он, на мой взгляд, как-то уж слишком настойчиво. Можно, конечно, подумать, что он просто не хочет, чтобы я встречался с Лесли, и в этом есть свой резон. Но я чувствую: дело не только в этом, тут есть что-то еще.

В общем, мы добираемся до Клайдсдейла. Парень, который стоит за конторкой в банке и на которого мне показывает Скрил, идеально подходит для моих целей: толстый, инертный, взгляд скучающий – такое ощущение, что он наелся транквилизаторов, – картину довершают очки в стиле Элвиса Костелло. Когда моя маленькая сучка придет к нему, кровь тут же ударит ему в голову – и, главное, в причинное место, – и он будет ходить за ней как привязанный. Да, Никки сделает так, что он будет драить ей сортир зубной щеткой, да при этом еще и спасибо скажет, что ему это доверили. Да, это именно то, что мне нужно, мой мальчик. Точнее, ее мальчик.

Она кое-чем мне обязана, все-таки я ее выгасил из заварухи с теми тремя уродами в дорогих костюмах. Они так на нее смотрели, как будто хотели трахнуть ее втроем, причем немедленно. Она была явно встревожена; крутая, шикарная, сексуальная девочка. За такое надо платить, я только надеюсь, что она согласится играть в эти игры.

Что касается меня, мне не терпится заняться девушкой моей мечты. Я чувствую себя Терри Томасом на палубе океанского лайнера под руку с богатой вдовой. Провожу пальцем под носом, чтобы

убедиться, что на нем не осталось следов кокаина. Моя афера, мое кино, моя сцена.

39. «...вопрос сисек...»

Лорен вернулась из Стирлинга. Интересно, что случилось с ней в отчем доме, почему-то после возвращения в ней проснулся дух «живи и давай жить другим». Она почти извиняется передо мной, что позволяла себе вмешиваться в мою жизнь, при этом, естественно, подразумевается, что я все равно не права. К счастью, звонит телефон, это Терри. Он приглашает нас на ленч. Я хочу пойти, потому что всего через пару дней у нас с ним будет секс перед камерой, так что, наверное, было бы неплохо узнать его получше. А вот Лорен приходится уговаривать, потому что она хотела отпраздновать наше примирение – покурить травы, посмеяться, посмотреть новости по телевизору, – перед тем как отправиться на лекцию к этому уроду. Но я настояла на своем и даже заставила ее подкрасить глаза и губы. В общем, мы едем в центр.

Мы уже стоим на пороге, и тут снова звонит телефон, на этот раз это мой папа. Я чувствую себя виноватой за то, чем занималась прошлой ночью в отеле, потому что папа опять говорит про Вилла, он все еще не может оправиться от потрясения, что его сын – голубой. В чем разница между двумя детьми? Они оба сосут члены, только сын – по природной склонности, ради собственного удовольствия, а дочь таким образом зарабатывает себе на жизнь. Я с трудом дожидаясь конца разговора.

Бизнес-Бар – это нечто среднее между клубом и пабом, здесь есть даже диджейский пульт. Народу много, потому что на вывеске написано, что сегодня играет диджей Знак-К, скорее всего – это тот старый приятель Терри и Билли, брата Рэба. Терри представляет нас Билли, который оказывается весьма привлекательным парнем. На мой взгляд, он гораздо приятнее Рэба. Билли улыбается и пожимает нам руки – вежливым и слегка старомодным, однако достаточно элегантным жестом. Он красив и хорошо сложен, что вызывает во мне немедленную гормональную реакцию, однако он стоит за барной стойкой и слишком занят, так что пофлиртовать с ним никак не получается.

Зато Терри всюду пытается флиртовать с Лорен, которая из-за этого чувствует себя не в своей тарелке. В какой-то момент она говорит ему, чтобы он не распускал руки.

– Извини, куколка, – Терри поднимает руки, – у меня просто тактильный тип восприятия, так сложилось по жизни.

Она хмурится и ретируется в сторону туалета. Терри поворачивается ко мне и говорит:

– Слушай, поговори с ней, что ли. Чего она такая зажата? По-моему, девочке просто нужен хороший член. Да, вот именно.

– Пока ты не начал к ней клеиться, она была в норме, – возражаю я, но потом понимаю, что он все-таки прав. Если бы кто-нибудь наконец переспал с Лорен, я была бы в неоплатном долгу перед этим человеком, потому что хороший переписхон наверняка привел бы ее в норму. Она слишком зациклена на себе, и только и делает, что огорчается, беспокоится и тревожится по пустякам. Причем таким пустякам, которые редко имеют отношение к ней самой.

– Слушай, а это не Матиас Джек вон там за столиком, в углу? – спрашивает Рэб у Терри.

– Нуда, точно он! – Билли говорит, что на прошлой неделе здесь были Рассел Латипи и Дуайт Йорк.

– Где футболисты, там и девочки, – ухмыляется Терри. – А что касается этой парочки, они просто великолепны, правда, Рэб? – Он обнимает меня за талию и протягивает вторую руку, чтобы обнять Лорен. Однако она отстраняется и смотрит на часы.

– Мне надо на лекцию.

Мы с Рэбом поняли намек. Мы быстренько допиваем и встаем, оставляя Терри радостно напииваться в компании Билли. Когда мы уходим, я улыбаюсь.

– Увидимся в четверг.

– Жду не дождусь, – отвечает Терри.

– Прости, что все так дерьмово вышло, – говорит Рэб, когда мы идем по Северному мосту к новому «Отелю Шотландец».

День ясный, но дует сильный ветер, у меня растрепались волосы.

– Это было забавно, перестань извиняться за своих друзей, Рэб, я знаю, что представляет собой Терри, и мне кажется, что по-своему он просто великолепен, – говорю я, пытаюсь убрать волосы за уши. Я смотрю на Лорен, которая жует «Кит-Кат», пытается взять себя в руки и морщится из-за ветра в лицо, ругаясь и часто моргая, когда ей в глаза попадает песок. Я думаю о том, что сейчас у нас се-

минар по Бергману, но мне очень не хочется туда идти. Я, однако, смиряюсь, но чувствую себя виноватой за то, что мне скучно, в то время как Рэбу с Лорен, похоже, ужасно интересно. Шляться где-нибудь после занятий мне как-то не хочется, поэтому Рэб уходит, а мы с Лорен возвращаемся домой, где Диана готовит макароны с какими-то хитрыми соусами.

Еда очень вкусная, на самом деле великолепная, но я чуть ли не давлюсь этими макаронами, потому что по телевизору показывают ее. Британская Сенсация Олимпийских Игр, как называет ее Сью Баркер. Каролина Павитт. У Каролины отменная улыбка и крашенные светлые волосы, которые слегка отросли. Она строит из себя бог весть что, но в этом «бог весть что» проскальзывает некий динамизм, который будит зверя в Джоне Парроте и в каком-то приглашенном футболисте. Я очень надеюсь, что команда Али Маккойста растопчет эту толстую корову, у которой и груди-то нету, и она таки выставит себя идиоткой, каковой, в сущности, и является. Вопрос спорта? Да она ни хера не знает о спорте. Это скорее стоило бы назвать «вопрос сисек». Ага, и где же тогда твои сиськи, моя дорогая?

Я смотрю на нее еще раз. Да вот же они. В смысле, сиськи. Я в ужасе пялюсь в экран и понимаю: она сделала себе грудь! Английская олимпийская медалистка, безгрудая корова-гимнастка сделала себе – вместе с блондинистыми волосами и белоснежными искусственными зубами – новую грудь, вставила себе имплантаты, видимо, готовясь к карьере на телевидении.

Я, бля, знаю эту лживую лицемерную корову...

В этот вечер Диана уходит к какому-то своему приятелю. Мы с Лорен остаемся дома и продолжаем смотреть телевизор. Ее очень взволновало какое-то шоу по искусству, где несколько интеллектуалов сидят и обсуждают феномен японских новеллисток. Они показывают несколько авторских фотографий с суперобложек, где молоденькие девчонки изображены чуть ли не в порнографических позах. «Но умеют ли они писать?» – спрашивает один эксперт. И какой-то Профессор Популярной Культуры на полном серьезе ему отвечает: «Я не понимаю, а какая, собственно, разница?!»

От этого Лорен приходит в ярость! Мы курим травку, после чего нас, разумеется, пробивает на хавчик. Я накладываю себе макарон, а Лорен открывает бутылку красного вина. Вторая порция макарон была совсем небольшая, но я все равно чувствую тяжесть в желудке, думаю о полароидных фотках, которые сделал с меня Ссвериано-Энрико, иду в туалет и блюю, потом чищу зубы и пью молочко магнезии, чтобы успокоить желудок.

Я возвращаюсь и с завистью наблюдаю за тем, как Лорен уплетает свои макароны – для своих скромных габаритов она ест очень много. Она представляет собой воплощенную мечту всех этих девочек из шоу-бизнеса, которые заявляют, что у них нет никакой анорексии и что они едят, как лошади. Мы, разумеется, знаем, что все это ложь, однако Лорен представляет собой исключение из правил. Она всегда что-нибудь жует. Потом у нас заканчивается вино, и мы открываем еще бутылку, на этот раз белого. Мы расслабляемся, как в старые добрые времена, только мы с ней вдвоем – одним словом, девичник. А потом раздается стук в дверь, и Лорен буквально подскакивает от неожиданности, а потом начинает хмуриться.

– Не открывай, – говорит она.

Я пожимаю плечами, но в дверь по-прежнему звонят, и звонят очень настойчиво. Я встаю.

– Ну, Никки, не надо... – умоляет Лорен.

– Это, наверное, Диана, ключи потеряла или еще что-нибудь.

Я открываю дверь, и, разумеется, никакая это не Диана. Это Саймон, и улыбка у него – от уха до уха. Он выглядит так ослепительно и аппетитно, что я не могу его не впустить, хотя знаю, что он просто играет со мной. Он входит в комнату, и Лорен меняется в лице.

– Я учуял запах макарон. – Он широко улыбается, глядя на тарелку Лорен, которая уже почти пуста. – Там для меня ничего не осталось?

– Вроде бы что-то еще осталось. Угощайся, – говорю я, а Лорен отводит глаза.

– Спасибо, но я уже поел. – Он стучит себя по животу и смотрит на Лорен. – Красивый топик. Где покупала?

Она смотрит на него, и мне кажется, что сейчас она скажет: «Какая тебе хуй разница», – но она только мямлит:

– Это из «Nexta». – Потом встает и относит тарелку на кухню, и я слышу, что она направляется напрямик к себе в спальню, а мне становится интересно, не такой ли реакции ожидал Саймон, когда выдавал свой последний комментарий.

Как бы в подтверждение моей догадки он приподнимает брови и понижает голос.

– Девочке надо что-то с собой делать, однозначно, – доверительно говорит он мне. – Хотя она миленькая. Это видно даже под всем тем фуфлом, что она на себя напяливает. Она ведь не лесбиянка, правда?

– Не думаю, – говорю я, пытаюсь не рассмеяться.

– Жаль, – задумчиво говорит он, с вполне натуральным сожалением в голосе.

Я фыркаю, но он не реагирует, поэтому мне приходится соображать, что говорить дальше.

– Когда я вижу Лорен, мне всегда вспоминается первая глава «Миддлмарч» Джорджа Элиота.

– Напомни, – просит Саймон, потом добавляет: – Я много читал, но с цитатами у меня плохо.

– «Она обладала красотой того рода, для которой скромное платье служит особенно выгодным фоном. Ее черты, сложение и осанка благодаря простоте одежды словно обретали особое благородство».

Саймон обдумывает эту фразу и решает, что его это не впечатлило. Я почему-то расстраиваюсь и одновременно ненавижу себя за то, что расстраиваюсь. Давно пора было послать его на хер. Почему одобрение этого мужчины со странным – я бы даже сказала, сомнительным – характером вдруг стало для меня таким важным?

– Слушай, Никки, у меня есть к тебе одно предложение, – говорит он, вдруг посерьезнев.

У меня начинает кружиться голова. О чем это он? Я пытаюсь спустить все на тормозах.

– Знаю я эти твои предложения, – говорю я. – Я пила с Терри. Сегодня днем. Даже не знаю, как он дотерпит до четверга, бедолага.

– А, ну да, это великий день, – задумчиво говорит он, – но я не об этом. Я хочу, чтобы ты мне помогла, с финансовой, так сказать, стороной дела. Исключительно деловое предложение.

Исключительно деловое? После того, что случилось вчера ночью? Что он такое говорит?! Но он уже начал рассказывать о своем странном плане, и это так увлекательно, что мне не остается ничего другого, кроме как согласиться.

Псих. Не зря его так называют.

Я знаю, что он пытается задурить мне голову – цветочки прислал и все такое, – но ведь я тоже пытаюсь вскружить ему голову. Вся близость и нежность прошлой ночи исчезли. Теперь я его деловой партнер, порнозвезда. Я иду по минному полю и знаю об этом, но остановиться уже не могу. Ладно, Псих, мы будем играть в эти игры, пока тебе этого хочется.

– Сегодня я познакомилась с Билли, братом Рэба. Он милый, – говорю я, ожидая реакции.

Саймон приподнимает бровь.

– Бизнес Биррел? – говорит он. – Забавно, я не знал, что Рэб его брат. А ведь они и правда похожи. Я потерял с ним связь несколько лет назад, когда он открыл Бизнес-Бар. Я был там с Терри. Ну, мы слегка надрались. Я сказал Бизнес Биррелу: «Бокс – это же буржуазный спорт, правильно?» Я пошутил, разумеется, но у него это явно застряло в голове. В любом случае он нас обслужил, – смеется Саймон. Он не ревнует к брату Рэба, он просто его презирает.

– И все-таки у него там хорошее место, – говорю я.

– Ну да, парень неплохо устроился. Только он – всего лишь фасад. Как говорится, лицо заведения. Он не владелец. Бизнес-Баром владеют другие люди. Билли Баррел – всего лишь известный бармен. Не веришь мне, спроси у Терри.

Может быть, Саймон и не ревнует к Билли, зато он явно завидует его бару. Честно сказать, Бизнес-Бар будет всякого получше, чем «Порт радости».

– Слушай, Никки... – начинает Саймон. – Что касается прошлой ночи... я хочу, чтобы ты все правильно поняла. В пятницу я уезжаю в Амстердам, чтобы повидаться с Рентоном, это мой старый приятель, нам надо подумать, откуда взять деньги. В четверг у нас съемки, потом, разумеется, будет пьянка. Какие у тебя планы на завтра?

– Никаких, – говорю я. Хочу добавить «поймать тебя», но все же воздерживаюсь от подобного комментария. Надо держать себя в руках. – Ну... то есть я собиралась сходить в бассейн. После смелых в сауне.

– Великолепно! Я тоже люблю бассейн. «Роял Коммен-велс», да? Только я еще и в фитнес-центр хожу. Может быть, встретимся там, а потом пообедаем. Хорошо?

Это больше, чем хорошо. Сердце колотится так, что, похоже, сейчас оно просто выпрыгнет из груди. Потому что он теперь мой. Он мой, а это значит... а что это, собственно, значит? Что это мой фильм, моя команда, мои деньги: это значит буквально все.

После этого он практически сразу уходит, и в комнату возвращается Лорен, которой явно по-

легчало, когда он ушел.

– Чего он хотел? – спрашивает она.

– Да так, обсуждали некоторые моменты, связанные с фильмом, – говорю я и вижу, что она опять начинает хмуриться.

– А этот парень очень себя любит, да?

– Ну разумеется. Когда ему хочется подрочить, он снимает номер в отеле. Причем номер люкс.

И мы громко смеемся, вместе – в первый раз за черт-те сколько времени.

Разумеется, я его знаю еще не настолько хорошо, но почему-то мне кажется, что самолюбие у Саймона действительно непомерное, хотя он вряд ли на этом вообще заморачивается. Но теперь мы с ним вместе – неизбежно и неумолимо.

40. Афера № 18745

Мы пообедали в «Милой Мелинде» в Марчмонте. Мы встретились в бассейне, Никки была просто сногшибательна в своем красном бикини, я подумал, меня хватит удар. Я испугался, что окончательно потеряю контроль над собой, и прыгнул в воду, и она легко проплыла вместе со мной шестнадцать бассейнов, что равняется примерно тридцати обычным. Потом мы поехали на такси в ресторан. Она была так красива... больше, чем просто красива... это была почти божественная красота, и я с трудом себя сдерживал, чтобы смотреть ей в глаза, а не куда-нибудь еще. Кажется, Никки немного смутило то, что я повез ее в «местный» ресторан, а не в центр, но, похоже, осталась довольна, когда увидела интерьер, уровень обслуживания и выбор морепродуктов в меню. Я наслаждался жареным кальмаром с Перно и чесночным майонезом, а Никки – королевскими гребешками со сметаной и сладким соусом чили. Мы пили шабли и ели великолепный домашний хлеб.

Я думаю лишь об одном: скорее закончить с обедом и отвезти ее к себе домой. Образ ее великолепного тела в красном бикини накрепко засел у меня в голове, мне даже разговаривать было сложно, не говоря уже о том, чтобы думать о своей афере. Впрочем, девочка не стала стесняться. На заднем сиденье такси она расстегивает мне ширинку, и ее рука проскальзывает в штаны, а она в это время целует меня с ошеломляющей свирепостью. В какой-то момент мне даже становится больно от того, что она впилась мне зубами в нижнюю губу, так что я еле сдерживаю крик и отталкиваю ее.

Мы останавливаемся и расплачиваемся с таксистом, ширинка у меня по-прежнему расстегнута, и, пока мы поднимаемся по лестнице, Никки принимается за ремень. Я задираю ее кофту и снимаю с нее лифчик. Мы стоим на лестнице и чуть ли не раздираем друг друга на части, и в этот момент открывается дверь соседней квартиры и оттуда выглядывает этот педофилический тип, который живет со своей мамой, он смотрит на нас и захлопывает дверь. Я умудряюсь вытащить ключи и открыть квартиру, Никки уже стаскивает с себя черные джинсы из потертого вельвета, мои штаны тоже падают на пол, и мы сами тоже оказываемся на полу, успев только захлопнуть за собой дверь. Я помогаю ей снять джинсы, стаскиваю с нее кружевные белые трусики и принимаюсь лизать ей промежность, чувствую легкий, приятный привкус хлорки из бассейна, потом начинаю сосать ее клитор. Я чувствую, как ее ногти впиваются мне в шею, потом – в лицо, мне тяжело дышать, она отталкивает меня, но я не хочу отрываться от своего занятия, но она поворачивается, чтобы добраться до моего члена. Проводит по нему языком, а потом берет его в рот. Потом мы отрываемся друг от друга, смотрим друг другу в глаза, и все вдруг становится странным и медленным, как это бывает во время автомобильной аварии. Мы начинаем ласкать друг друга, отражая движения друг друга, осторожные, изучающие прикосновения. Я чувствую каждую мышцу, каждое сухожилие под ее нежной кожей, и она так же тщательно изучает меня – странное ощущение, как будто кожу медленно снимают с костей.

Атмосфера накаляется, она прижимает меня к себе, в ее бедрах, таких хрупких на вид, заключена огромная сила. Она берет мой член и трет его о него лобком, а потом вводит его в себя. Но все продолжается очень недолго, потому что мы оба так возбуждены, что почти сразу кончаем. Потом мы все-таки забираемся на кровать и ложимся поверх моего пухового одеяла. Я тянусь к тумбочке и достаю кокс. Сначала она отказывается, но я делаю две дороги, переворачиваю ее и вытираю одеялом ее мокрую от пота спину у основания позвоночника.

У меня перехватывает дыхание при виде ее потрясающей задницы, я высыпаю порошок в ложбину около копчика и занюхиваю. Потом я раздвигаю ее ягодицы, провожу пальцем по анальному отверстию, от чего она слегка напрягается, а потом засовываю палец в ее влажную щель. А когда кокс шибает мне в голову, как поезд в Норвич, проезжающий через Хакни-Даунз, я снова вхожу в

нее, а она становится на колени, прижимаясь ко мне.

– Ты тоже нюхни, – шепчу я, показывая на кокаин на тумбочке.

– Я не... нюхаю... это... дерьмо, – выдыхает она, выгибается, как змея, и садится на меня, двигаясь с потрясающей силой, но при этом великолепно контролируя ситуацию.

– Нюхай, бля, – кричу я, она смотрит на меня, морщится, говорит: «О Саймон», – тянется к дороге и нюхает, а я в это время ебу ее, притормаживаю на пару секунд, чтобы она смогла нормально втянуть в себя кокс, потом опять отпускаю тормоза и пялю ее по полной программе, обняв руками ее тонкую талию, извивающаяся змея застывает, и мы движемся, как две детали одного поршня, и оба кричим, когда кончаем.

В ту ночь мы еблись еще пару раз. Когда зазвонил будильник, я встал, сделал испанский омлет и сварил кофе. После завтрака мы опять занялись сексом. Никки отправилась в университет, а я занюхал еще одну дорогу, выпил еще один двойной эспрессо, побросал в сумку какие-то шмотки и туалетные принадлежности, чтобы прямо с работы поехать в Дам, закинул сумку на плечо и отправился в бар, в состоянии странного восторга.

Ничто так быстро не возвращает в реальности, как проблемы на работе. Только я прихожу, как мне сразу же сообщают, что старый бойлер вот-вот взорвется.

– Опять в Амстердам?! Да ты там только што был! Не, Саймон, так не пойдет, – бурчит Мо, вытирая стойку, она качает головой и избегает встречаться со мной взглядом.

– Мораг, может быть, я слишком многого требую, да, я это признаю, но я же тебя не одну оставляю. Алисон будет тебе помогать, для этого она здесь и находится. Это очень важная деловая встреча, – говорю я и поспешно смываюсь.

Когда я приезжаю в аэропорт, на улице начинает подмораживать. Рейс, понятное дело, задерживают, в общем, я приезжаю к Ренту уже под вечер. У Рента дома весьма напряженная атмосфера, что-то у них с Катрин не так, и я никак не способствую улучшению ситуации (какая удача), презентовав ей флакон духов от Кельвина Кляйна, который я купил в дьюти-фри. Такие духи обычно дарят девочкам третьего разряда и ниже.

– Это тебе, Катрин, – улыбаюсь я ей, но наталкиваюсь на взгляд из тевтонской стали. Эта маленькая немка тот еще экземпляр. После парочки комплиментов ее взгляд оттаивает, она даже выглядит несколько смущенно.

– Ну, спа-а-а-асибо, – тянет она.

Разумеется, я это все делаю исключительно для того, чтобы позлить Рентона, но если он и психует, то никак этого не показывает и тем самым портит мне все удовольствие. Мы идем в Кафе Тиссен, которое прямо через дорогу, этот задрот тыкает в кнопки мобилы, звонит какому-то своему приятелю, с которым он хочет меня познакомить. Кажется, парень работает местным дистрибьютором порнопродукции. Да, этот ублюдок все-таки может быть мне полезным. Идея такая: мы заводим в Цюрихе два банковских счета, в разных банках, один – для общего фонда фильма, другой – непосредственно для производства. В первом банке мы даем следующие инструкции: как только сумма счета переваливает за 5000 фунтов, любые суммы, поступающие на этот счет, переводятся на производственный счет в банке номеро дуо.

– В швейцарских банках не задают лишних вопросов, – объясняет Рентой, – а счета в двух разных банках означают, что проследить наши деньги будет практически невозможно. Все здешние порнодельцы именно так и делают, и, кстати, не только они, но еще и владельцы клубов.

– Отлично, Рент, – говорю я ему. Мы сидим, обсуждаем дела, но потом у него явно портится настроение, и я даже знаю почему. – Прекрасная Катрин не хочет пойти выпить с нами, Марк? – говорю я с улыбкой, когда мы переходим через мост, чтобы зайти в паб на углу.

Он что-то бормочет, явно уходя от ответа.

Этот бар тоже оказывается очень приятным, старый и темный голландский бар с деревянным полом и стенами и большими затемненными окнами. Я делаю вид, что наслаждаюсь чудесным видом, так что Ренту приходится заказывать самому. Старые привычки так просто не умирают.

– Два пива, – говорит он улыбчивой девушке за стойкой. Вскоре приходит его приятель, голландец по имени Петер Мурен, которого Рент называет «Миз». Миз, очевидно, распространяет то, что он сам предпочитает называть «взрослой эротикой». Этот приятель выглядит так, как будто слово «аморальность» придумали, держа в голове исключительно его образ. Худой, с короткими темными волосами, иссохшее лицо, пронзительные хищные глаза и грязная редкая бородка. С таким надо держать ухо востро. Он ведет нас в квартал красных фонарей и пиздит как сивый мерин.

– У меня маленький офис в Нейзиде Вурбургвол. Оттуда я и рулю распространением фильмов, тех, что делает моя студия, тех, что делают друзья, европейской и американской продукции... в общем, мы даже обычную дровичовку продаем, если она хорошо сделана, ясный пень. Если девочки хороши, если картинка четкая, а сам секс интересен или если видно, что люди занимаются этим с удовольствием, тогда я за это возьмусь, – говорит он. Блядский отвратный урод.

Мы поднимаемся по лестнице в его офис. В задней части помещения располагается застекленная монтажная, там стоит пульт, несколько мониторов и все необходимое оборудование. Миз объясняет мне, что привозит сюда американские диви-дишники и делает пиратский монтаж, то есть режет их и вставляет дополнительные сцены, и, таким образом, получают новые фильмы.

– Все дело в монтаже, – говорит он, – и еще в обложке. Я использую издательское оборудование одного своего приятеля.

Миз пытается показать, что он большой человек, но этого дерьма я уже наелся в Лондоне. Конечно, это все впечатляет, но не настолько, чтобы валяться в экстазе. Поэтому очень скоро мне становится скучно, и я предлагаю выпить еще по пиву.

Мы выходим из офиса и идем мимо шлюх в неоновых стеклянных витринах. Я вспоминаю былые подвиги в этих кварталах.

– Помню, когда мы сюда приехали в первый раз, нам было лет по шестнадцать, да, Рент? – Я оборачиваюсь к Мизу. – Мы тогда сняли одну на двоих. Мы подбросили монетку, и Рент пошел первым, а я ждал снаружи. Когда пришла моя очередь, она сказала: «Надеюсь, ты продержишься дольше, чем твой дружок. Он кончил очень быстро, а потом спросил, может ли он посидеть тут еще немного, и я сделала ему кофе». В общем, я вышел оттуда пару часов спустя, а девочка была в таком состоянии, как будто по ней проехался японский скоростной поезд... – Я смеюсь, потому что мой старый приятель Рент бубнит что-то в том смысле, что с японским скоростным поездом я могу сравниться разве что по скорости. Но я продолжаю, не обращая внимания на его жалкие потуги оправдаться: – И я сказал этому кренделю: «Ну как тебе кофе?»

Мы идем в клуб, Рент на ходу раскланивается со всеми так, как будто его член дюйма как минимум на четыре длиннее, чем те белые тонкие штуки на идиотских картинках, которые мы приклеивали на стенках автобусных остановок. Мы снова тусуемся вместе, и мне это странно. Мне охуительно хорошо, но при этом меня не гложет идиотская ностальгия, а то, что мы по-прежнему не доверяем друг другу, придает всему нашему мероприятию некий элемент интриги.

Я выпиваю несколько рюмок и пару пива, но почему-то совсем не пьянею. Потом Рент обгоняет меня, и все становится точно как в старые добрые времена: его слабость состоит в том, что, несмотря на стоическое отношение к реальности, как только он выпивает определенное количество спиртного, у него начинается настоящий словесный понос. Сейчас он еще невыносимее, чем обычно, он говорит мне, что в последнее время почти не пьет и не принимает «тяжелую» наркоту. К счастью для него, обычно я слишком удалбан, чтобы запомнить ту пургу, которую он там несет. Но только не сегодня, Рент.

– У нас с Катрин ни хрена не получается, – говорит он. – Скорее всего я скоро вернусь в Шотландию. Мне нравится эта афера, она может выгореть. – Он колеблется пару секунд. – Бегби все еще за решеткой?

– Насколько я знаю, ему еще несколько лет сидеть.

– По обвинению в непредумышленном убийстве? Да иди ты, – ухмыляется Рентой.

Я медленно качаю головой.

– Франко вряд ли был примерным заключенным. Этот пидор избил нескольких заключенных. И пару охранников. Так что, я думаю, его еще очень нескоро выпустят.

– Хорошо. Тогда я вернусь.

Это очень хорошие новости для Саймона де Буржуа, или Саймона, который вот-вот станет буржуа. Веселье набирает обороты, потому что Миз предлагает нам кокс, который он купил у марокканских педрил, один из них строит мне глазки как будто меня может заинтересовать его тощая задница. Я сваливаю в сортир вместе с дозой и отправляю в каждую ноздрю по дороге.

После бурной дискуссии о расах и наркотиках, во время которой Рентой пытается обвинить меня в расизме, мы возвращаемся в зал и садимся рядом с Мизом.

– Со мной эти антирасистские штучки не пройдут, Рентон, потому что я написал сценарий. Я ни разу вообще не расист, – говорю я ему и вдруг замечаю, что Миз общается с девочкой с огромным носом. Кажется, что ее нос начинается на середине лба и заканчивается где-то в районе подбородка,

где располагается симпатичный маленький ротик. Она такая, бля, такая... мне охуительно хочется заняться с ней любовью, но вместо этого мне приходится слушать Рента, который теперь бубнит мне в ухо что-то насчет кокаина.

А девочка с красивым большим носом между тем встает и уходит, и я поворачиваюсь к Мизу и спрашиваю, кто это, а он отвечает, что это просто его подруга, и я говорю:

– А у нее есть парень? Верни ее. Скажи ей, что она мне нравится. Скажи ей, что я хочу ее выебать.

Он обиженно и серьезно смотрит на меня и заявляет:

– Слушай, это моя подруга. Очень хорошая подруга.

Я тут же «искренне» извиняюсь, но у него, видимо, напрочь отсутствует чувство юмора, поэтому он вполне серьезно принимает мои извинения. Я встаю, чтобы догнать эту девочку возле бара, но вместо этого вдруг оказывается, что я клеюсь к Джил из Бристоля. Я не знаю, умеет ли она читать, писать или водить трактор, я только знаю, что с ней можно как следует поебаться. И, как выясняется, я был прав, мы едем к ней в отель и почти до утра развлекаемся именно таким способом. Я звоню Ренту на мобильник. Он, разумеется, обижен.

– Где тебя черти носят?

Я сообщаю ему, что я нашел себе милую девочку, а он может возвращаться домой к своей сумасшедшей бабе и наслаждаться единственным видом секса, который ему доступен, а именно мозгоебством. Кстати сказать, а как звали ту малахольную бабу, с которой он встречался когда-то давно... Хэзел. Да, хоть все и меняется, на самом деле все остается таким же, как было.

Эта Джил – девчонка что надо, милая, непритязательная барышня, у нее выходной, и она занимается именно тем, чем занимаются все милые, непритязательные барышни на выходных – здоровым сексом. На следующее утро мы проходим обязательную в таких случаях процедуру обмена телефонными номерами.

Я немного расстроен, что мне не удастся позавтракать на халяву в ее отеле, потому что мне нужно еще добраться до квартиры Рентона и забрать свою сумку. Я еду туда и почти ожидаю увидеть его в сладких объятиях Миза и марокканцев, но мне открывает дверь Катрин в халате.

– Саймон... – говорит он своим мрачным драматическим голосом.

Рентой наверху, он валяется на диване в оранжевом махровом халате и щелкает пультом, переключая программы на телике. У меня в голове возникает образ морковки-переростка.

– Марк, у меня села мобила, я могу взять твою? Мне нужно отправить сообщение этой горячей девочке.

Он встает и извлекает телефон из кармана пиджака. Я вбиваю текст.

ЗДРАВСТВУЙ КУКОЛКА. ВСЕ ЖДУ МОМЕНТА КОГДА СМОГУ ДОБРАТЬСЯ ДО ТВОЕЙ МИЛОЙ ПОПКИ. НАДЕЮСЬ ЕЕ НЕ СЛИШКОМ РАСТЯНУЛИ В ТЮРЯГЕ. СКОРО ОНА СНОВА БУДЕТ МОЕЙ. ТВОЙ СТАРЫЙ ДРУГ

Я достаю записную книжку и вбиваю номер Франко. Сообщение отправлено. Зовите меня Купидоном.

Я быстро прощаюсь и отправляюсь на станцию, где сажусь в электричку до аэропорта. Уже в электричке меня пробивает, что Рентой мог спиздить чего-нибудь ценное, и проверяю вещи. Мой великолепный свитер от Рональда Мортersonа на месте. Но что самое главное, не было ли там чего-то, что могло меня выдать? Я знаю этого кренделя – наверняка он облазил всю сумку. Но вроде бы все на месте.

В аэропорту я беру такси и еду прямиков в бар. Рэб с народом уже на месте. Видимо, тоже студенты. Приволокли с собой оборудование: бетакамы, цифровые камеры, 8-миллиметровые камеры, монитор, аппаратуру для записи звука и осветительные приборы. Рэб представляет мне своих друзей – Винса и Гранта, – и мы идем наверх.

Декорации у нас выдержаны в стиле минимализма, куча матрасов на полу. Они устанавливают оборудование. Актеры уже потихонечку собираются. В комнате царит почти осязаемая атмосфера всеобщего возбуждения. У меня перехватывает дыхание, когда в комнату входит Никки. Она подкрадывается ко мне и мурлычет мне на ухо:

– Ну, как там в Амстердаме?

– Отлично, подробности позже, – улыбаюсь я и поворачиваюсь, чтобы помахать Мелани. Моя вторая ведущая актриса – очень сексуальная леди, в том случае, если вы любите холодную рыбу, но вряд ли это можно назвать изысканной кухней. Она могла бы быть очень красивой при благоприят-

ных экономических и социальных условиях. В общем, до Никки ей далеко. Когда у меня возникают подобные мысли, мне остается только благодарить Господа за то, что у меня мать итальянка.

Мои актеры. Очень, кстати сказать, неплохой состав. Кроме Мел, Джини и Никки, есть еще Джейн, девочка, что работает с Никки в сауне, и эта шведка (или норвежка) Урсула, которая, может, не слишком роскошно выглядит, зато отменно ебется. Есть еще Ванда, шлюха Майки, которая из-за своих удолбанных глаз выглядит несколько странно и сидит в углу, скрестив ноги. Я, Терри и его приятели-ебари – Ронни и Крейг. Рэбу и его команде явно не по себе.

На репетиции сразу же стало ясно, что у меня будут большие проблемы с Терри и его лавочкой. По части секса все очень даже неплохо, благо, практики у них было достаточно, но они совершенно не понимают разницы между просто еблей перед камерой и съемкой порнофильма. Более того, с актерской игрой все совсем уже плачевно. Даже самые элементарные диалоги – а они действительно элементарные, дальше некуда, – и те у них не выходят. Придется мне постараться, чтобы внушить им уверенность в себе, начав с того, что у них действительно получается. Так что сначала мы снимаем шесть сексуальных сцен, начиная с оргии, которая вообще-то является финальной. Но эта сцена должна вдохновить их и помочь создать ощущение *esprit de corps*, сиречь командного духа.

У нас изначально возникло слишком много проблем. Мелани по сценарию играет роль девочки-подростка, что, может быть, и нормально, с учетом ее возраста. Но я смотрю на ее руки, где вытатуировано «Брайан» и «Кевин».

– Мелани, ты же играешь невинную девственницу. Эти татуировки надо загримировать или чем-то прикрыть.

Она поднимает глаза и смотрит на меня туманным взором, в котором плещется не одна порция виски. Потом они с Никки начинают хихикать. А Джина хищно оглядывается по сторонам так, как будто хочет выебать, порвать на куски, а потом сожрать всех, кто находится в комнате. Вот, бля, не-насытная сучка. Жалко только, что шлюха прожженная.

Я хлопаю в ладоши, чтобы привлечь к себе внимание.

– Ладно, ребята, слушаем меня. Сегодня начинается новый этап вашей жизни. Все, что вы делали до этого, – жалкая дрочиловка. Теперь мы будем снимать настоящее взрослое кино. Так что для вас сейчас самое важное – умение с ходу начать и вовремя остановиться. Все выучили свои роли?

– Ага, – протягивает Никки.

– Типа того, – хихикает Мелани.

Терри пожимает плечами с таким видом, что мне сразу понятно – ни хуя он не выучил. Я задираю голову и пристально изучаю потолок в поисках вдохновения. Хорошо, что мы начинаем с ебли.

Первые съемки – сцена Мелани и Терри. Приятели Рэба занимаются оборудованием. Это так странно – смотреть на Терри через объектив, Рэб показывает мне сцену на бетакамовском мониторе. Я включаю одну из цифровых камер и пытаюсь взять в кадр их обоих. Грант колдует со светом, освещающая часть комнаты, где будет происходить действие, а Вине говорит нам, что вот-вот пойдет запись звука.

– Мотор! Давай, Тез, оприходуй ее, – говорю я, но он совсем не нуждается в моих ободряющих репликах. Он залазит на нее и ласкает ее пальцами и языком. Я медленно приближаю картинку, пытаюсь сфокусировать объектив на его движущемся языке и ее влажном влагиалище. Однако она напрягается, и я прекращаю съемку.

– Мелани, ты вся зажата, что такое, любовь моя?

– Я не могу, когда все смотрят, – говорит она. – Когда мы все в баре... того... так вы все это делали.

– Ну, придется тебе как-то себя перебарывать. Тут надо работать. Это, милая, порнобизнес, – говорю я. Я украдкой наблюдаю за Никки, которая смотрит на них, взгляд у нее развратный и даже какой-то-то животный, она облизывает губы своим острым маленьким язычком, и я чувствую прилив вдохновения. Я читаю ее как открытую книгу, она рвется в бой.

– Так, у нас новые правила. Либо вы все раздеваетесь, либо спускаетесь вниз, – говорю я, расстегивая ремень.

Рэб замирает возле штатива в состоянии глубочайшего шока. Он смотрит на Никки, потом на Джину, которая уже начинает снимать свой топик. Никки следует ее примеру, и я на секунду замираю, наслаждаясь тем, как она стаскивает через голову свою маечку. Мать моя женщина, эта девочка просто великолепа. Она обращается к остальным в этакой рассудительной манере:

– Давайте, мальчики, не отставайте, – снимает лифчик и обнажает свою смуглую грудь, ее со-

ски затвердели, вся эта картина отзывается у меня в промежности вполне предсказуемыми симптомами. Она расстегивает юбку, спускает трусики и делает шаг в сторону, демонстрируя свежесбранный лобок.

– Ник-ки, – говорю я, невольно подражая Бену Доверу в его фильмах, в моем голосе явно прослеживаются нотки искренней благодарности.

– Всегда готова, – говорит она и мурлычет, как кошка. Бля, почему я не встретил эту девочку раньше. Вдвоем с ней мы могли бы править миром. И мы будем им править.

Сосредоточься, Саймон. Я капитулирую к объективу, пытаюсь вернуться в рабочий режим.

Теперь куда ни глянь – везде болтаются огромные груди Джинны. У Терри глаза лезут на лоб. Иногда он меня просто убивает, для него количество важнее качества.

Бедняга Рэб все еще стесняется, но по крайней мере можно точно сказать, что он хочет остаться.

– Ну, я же по творческой части... у моей девушки будет ребенок... я не хочу... я хочу снимать фильмы, а не сниматься в порно!

– Как хотите, съемочная группа может делать что угодно, но я от своих слов не отказываюсь, – заявляю я, снимая футболку и глядя на себя в настенное зеркало. С животом вроде бы все в порядке, спортзал и диета делают свое дело. Просто небольшое изменение режима: никакой жареной пищи, крепкие напитки вместо пива, спортзал три раза в неделю вместо одного, пешие прогулки вместо такси, кокаин вместо травы, и снова начать курить. Результат: лишние килограммы исчезли.

Ванда смотрит куда-то вверх и заявляет с отсутствующим видом, что самые сексуальные парни – это одетые парни, что озадачивает и меня, и всю остальную съемочную группу.

– Видишь, Рэб, ты пользуешься успехом у наркоманок, – говорит Терри, и Ванда показывает ему рожки из пальцев – знак виктории.

Но как бы там ни было, моя тактика сработала, потому что Терри и Мелани уже готовы, да и я сам возбужден изрядно. Никки подходит ко мне и говорит:

– Хочу сесть к тебе на колени.

Я собираюсь сказать ей: «Не мешай, я снимаю», – но вместо этого у меня получается: «Хорошо», – хриплым сдавленным шепотом, потому что ее великолепные ягодицы уже опустились мне на бедро. Мы наблюдаем за Терри с Мелани, и я чувствую, как мой член встает и упирается ей в спину. Но я режиссер, мне надо следить за всем, что происходит на съемочной площадке, чисто с профессиональной точки зрения.

– Терри, ложись, Мел, садись на него... Дисциплина.

Мел сосет член Терри, облизывает головку, и вскоре Терри заставляет ее перегнуться через спинку большого кресла... Никки слегка поворачивается, прислоняясь ко мне...

Дисциплина утолит мой голод.

Мелани опирается локтями о кресло, и Терри ебет ее сзади. Волосы Никки падают ей на спину, запах персика щекочет мои ноздри... и вот-вот заглушит все остальные чувства...

Дисциплина утолит мою жажду...

...теперь уже Терри почему-то тушует, а я выдавливаю из себя какие-то ободряющие слова, моя рука лежит на бедре Никки, на ее гладкой, безупречной шелковистой коже...

Дисциплина сделает меня сильнее...

Терри снова вошел в Мел, теперь они просто сосредоточенно ебутся, Мел задает темп, она скачет на нем с таким остервенением, как будто хочет проглотить его член. У Терри самодовольный и отрешенный вид, который обычно бывает у мужчин, когда они наслаждаются сексом. Эта отрешенность нужна, чтобы не кончить слишком быстро, когда ты с хорошенькой девочкой, или чтобы у тебя не опало, когда ты пытаешься что-то такое заделать со старой уродливой шлюхой. Хотя, по сути, какая разница?

...если она меня не доконает раньше...

Я решаю прекратить съемку на этом месте.

– Стоп, снято! Стоп, Терри! Стоп!

– Какого хера... – рычит Терри.

– Так, Мел, Терри, я хочу, чтобы вы попробовали позу наездницы задом наперед, это классическая сцена для любого порнофильма.

Терри смотрит на меня и стонет:

– Да так толком и не поебешься.

– А тут фишка не в том, чтобы хорошо поебаться, а в том, чтобы сделать вид, что ты хорошо ебешься. Это же искусство!

Я смотрю по сторонам, чтобы убедиться, что все занимаются друг другом, поддерживая аморальных дух, за исключением Рэба и съемочной группы. Джина смотрит на меня с хищной улыбкой и спрашивает:

– А когда наша очередь?

– Я скажу когда, – отвечаю я, очень надеюсь на то, что большинство сцен с ее участием не переживет монтажа.

Мелани достаточно хорошо проводит сцену с позой Папа Иоанн Павел (так мы называем позу обратной наездницы или ОН), легко и гибко, но при этом с необходимым напором. Терри лежит, как бревно, а Мелани скачет на нем, как заведенная. Он обнимает ее за талию и притягивает к себе, чтобы войти в нее еще глубже, она начинает хмуриться.

– Это игра, Терри, зарабатывай бабки. Еби ее! Мел, смотри в камеру. Смотри только в камеру. Еби Терри, но люби камеру. Терри всего лишь подпорка, только довесок к твоему удовольствию. Ты звезда, детка, ты звезда...

Никки протягивает руку и обхватывает мой член.

–...а ты просто великолепна, это твоё шоу...

Я мягко отталкиваю Никки, потом встаю и беру ее за руку.

– Стоп, снято! – кричу я. Потом объясняю Никки, что делать дальше: – Я хочу, чтобы ты присоедилилась к ним и отсосала у Терри. Терри, все хорошо. Теперь ты будешь лизать Мел, а Никки будет отсасывать у тебя.

– Но я, бля, кончить хочу! – кричит он, но Урсула уже подает ему полотенце, и он вытирает лицо, а потом встает и идет в туалет, чтобы привести себя в порядок.

– Слушай, Тел, – кричу я ему вслед, – не будь ты такой тварью неблагодарной. Я сказал, ты вылизываешь Мел, а Никки отсасывает у тебя. Да, бля, а кому сейчас легко?!

Мы разбираемся и с этой сценой. Когда я вижу, как Никки сосет член Терри – и ей это, кажется, нравится, – мне становится как-то не по себе. Когда все это кончается, я чувствую, как меня отпускает, и мы все идем перекусить, то есть все остальные идут, а мы с Рэбом просматриваем на мониторе отснятый материал. Потом мне приходится шугануть остальных, потому что они накрепко засели в баре и пинают хуи. Никки, судя по всему, методично напивается, может, для храбрости. У меня появилось к ней очень странное, собственническое отношение. Мне совершенно не нравится, что она отсасывала у Лоусона перед камерой. А дальше будет только хуже.

Джина по-прежнему ворчит:

– Мы с Урсулой, Ронни и Крейгом, мы ни хрена еще не сделали.

– Мы представляем каждого участника один раз, и таким образом приближаемся к кульминации, – объясняю я ей еще раз. – Терпение! – Я опять возвращаюсь к Терри и Мел. – Теперь ты будешь иметь ее в задницу, Терри, – говорю я. – Да, Лоусон, нам нужно анальное представление...

Но мои мотивировки никому не нужны, это примерно то же, что уговаривать Дракулу куснуть кого-нибудь в яремную вену. Терри отодвигает от себя Мел, перекладывает ее и закидывает ее ноги себе на плечи. Он елозит, пытаюсь засунуть член ей в задний проход, а потом медленно входит в нее. В этот момент я киваю Никки, и мы раздвигаем ягодицы Мел. Я дал Рэбу инструкции установить камеры так, чтобы одна камера снимала сам акт, а другая – лицо Мел, чтобы в процессе монтажа переходить с одного плана на другой.

Мелани сжимает зубы и строит болезненные гримасы (сцена, рассчитанная на магнатов-женоненавистников, которые «хотят, чтобы эта сука страдала»), но потом процесс захватывает ее, она начинает искать более удобную позицию, находит, и на лице у нее появляется мечтательное выражение (кадры, нацеленные на ленивых, похотливых, романтических яппи, у которых был тяжелый день на работе и которые хотят расслабиться, просто поваляться на диване и посмотреть, как кого-то ебут в жопу). Очень важно показать в порнофильме все эмоциональные стадии. Совместить эмоциональные и социальные запросы всех слоев общества. Чтобы реакция возникла у всех. В области гениталий, само собой... Никки крепко целует меня в губы и опускается на колени, я вижу Рэба, стоящего возле бара, и Джину, которая пожирает его глазами и выглядит явно раздосадованной; вижу, как Крейг ласкает языком соски Ванды, и думаю, что никто из них не будет контролировать меня, никогда... а потом вдруг понимаю, что чего-то не хватает.

– Стоп, снято! – кричу я, а Никки берет в рот мой член.

– Что?! – Терри продолжает ебать Мел. – Ты что, издеваешься?!

Никки отпускает мой член и смотрит на меня снизу вверх.

– Нет, Терри, ты не понимаешь. Кончить надо в позиции наездницы. ОАН, обратная анальная наездница.

– Бля, – говорит он, но все-таки вынимает свой член. Никки смотрит на Терри, потом на Мел.

– Ну и как это было? – спрашивает она. Мел выглядит очень даже довольной.

– Сначала больно, а потом ничего, привыкаешь. Терри и вправду умеет все делать, как надо. Он просто берет и вставляет. Не все знают, как это делается, но Терри знает, как надо вставлять член в задницу. Нежно и твердо, – говорит она.

Терри с гордостью пожимает плечами:

– Постоянная практика, вот и все.

– Ночи в Саутоне, а, Тел? – язвительно спрашиваю я, и Рэб Биррел смеется над моей шуткой, и Джина, баба, на которой и пробы-то ставить негде, тоже смеется. Чтобы продолжить тему, я пою на мотив «Летних ночей» группы «Grease». – Но, ах, эти саутонцы, расскажи мне еще... расскажи...

Смеются все, даже Терри.

Но у Никки, кажется, деловой настрой, она перехватывает у меня инициативу и стартует с места в карьер.

– Слушай, Мел, – говорит Никки. – Знаешь, что мне действительно понравилось, что меня завело? Момент, когда Терри ласкал тебе задний проход языком. И, ну... засовывал его туда, да? А можно мне тоже?

– Ну да, если хочешь, – улыбается Мел.

Терри это особо не беспокоит, а я чувствую очередной душевный подъем. Да, Никки – звезда. Девочка знает, как и что надо делать. Алекс МакЛейш?

Хищники будут кружить вокруг, если мы не привяжем ее как следует, Саймон. Причем надо бы поторопиться. Подумай об Агате, Латапи...

Я думаю, так все и будет, Алекс. Не беспокойся, я этим займусь. Много чего происходит за сценой.

А сейчас пришло время для «тренерских наставлений». Я напоминаю Терри, что это командная игра и что мы должны поддерживать дисциплину и форму.

– Слушай, Терри, тебе нельзя кончать в Мел. Это будет прерванный акт, потом ты дронишь и кончаешь ей на лицо. Помнишь повествовательный принцип порнографии: минет, ебля, куннилингус, ебля, разные позиции, анальный секс, двойное проникновение и, наконец, сцена, в которой должно быть видно, как брызжет сперма. Старая апробированная схема.

У Терри явно свои сомнения на этот счет:

– Я не буду ебать девочку, если я не собираюсь в нее кончать.

– Терри, ты не забывай: это не секс. Это игра, представление. Не важно, нравится это тебе или нет...

– Разумеется, мне это нравится. В этом смысл жизни, – говорит он.

– ...потому что мы с тобой просто члены. Вот и вес. А рулят женщины.

На заднем плане Ронни с Урсулой отрабатывают стандартную схему, а Крейг ебет Ванду, которая лежит, как труп. Это только обои, заставка, а все основное действие – на переднем плане.

– Я готов, – говорит Терри. Рэб невозмутимо наблюдает за всем происходящим. Грант ставит свет. Он кивает Рэбу, и Вине говорит, что пошла запись звука.

– МОТОР!

И мы снимаем, как Никки ласкает языком задницу Мел. Джина отсасывает у Терри, а Мел, раскорячившись, как краб, собирается садиться на его член. И тут вдруг открывается дверь и входит Мораг.

– Саймон... ой... – говорит она, и глаза у нее вылазят на лоб. – Там... з-э... там человек из «Сандэй Мэйл». Они с фотографом... – Она резко разворачивается и выходит, захлопнув за собой дверь.

Сандэй, бля, Мэйл... фотограф... какого хрена... в памяти смутно всплывает, что сегодня вечером у меня деловая встреча в рамках проекта «Бизнесмены Лейта Против Наркотиков», но до нее еще столько времени...

И тут я слышу ужасный крик. Поворачиваюсь и вижу, что Мел упала, причем упала на Терри.

– АААААААААААААААА! БЛЯЯЯЯЯЯЯЯЯЯЯЯДЬ! – орет он.

Мелани встает и говорит:

– Ой, Терри, прости, дверь открылась, я испугалась и не удержалась...

Член у Терри выглядит просто кошмарно. Он съежился, он почернел, покраснел и посинел одновременно. Кажется, он там себе что-то сломал. Терри орет как резаный, Никки вызывает по мобильнику «скорую», а я думаю; блядский «Сандэй Мэйл»... что, интересно, я буду делать, если член Терри выйдет из строя? Это же мой ведущий ебарь...

– Рзб, ты отвезешь Терри в больницу...

– Но что...

– Внизу, блядь, пресса!

Я спускаюсь вниз и вижу там молодого и энергичного мудака, который, судя по всему, теперь выполняет ту же работу, которой раньше, лет двадцать назад, занимались неряшливые старые уроды.

– Тони Росс. – Он протягивает мне руку. Я сердечно ее пожимаю, потому что тут фотограф, и смотрю на Мо, которая подает мне странные знаки. – Мы по поводу программы «Бизнесмены Лейта Против Наркотиков». Мы хотим сделать статью.

– А... как вы вовремя. Я как раз собираюсь на первую встречу, в Ассамблее. Пойдемте со мной, – говорю я, думая только о том, что нужно срочно убрать их отсюда.

– Нам нужны фотографии бара, – обижается фотограф.

– Бар вы можете сфотографировать в любое время. Пойдемте со мной на Ассамблею, там будут все основные игроки, – говорю я журналисту и направляюсь к дверям, так что они вынуждены идти за мной.

Но есть еще Мораг, и она машет мне рукой.

– Саймон, – шепчет она, – что тут происходит?

– Сейчас придет «скорая», Мо. Терри плохо, Я ухажу, а ты оставайся за главную.

Иду по улице Конституции, за мной плетутся журналисты; и я вдруг понимаю, что иду на встречу раньше назначенного времени, приходится сказать товарищу у дверей Ассамблеи:

– Черт, я был абсолютно уверен, что встреча начнется в половине седьмого.

Тони Росс хочет, чтобы мы вернулись в «Порт радости», но я веду его в «Ноблз» и рассказываю о моем проекте по борьбе с наркотиками. Однако я все равно малость выбит из колеи: волнуясь о члене Терри и о том, что эта травма очень сильно нас задержит. Я извиняюсь, выхожу за дверь и звоню Рэбу по зеленому мобильнику. Кажется, все совсем плохо.

Потом я отвожу Росса и фотографа обратно в Ассамблею Лейта, чтобы они полюбовались на первую встречу нашей организации «Бизнесмены Лейта Против Наркотиков». За главного здесь Пол Карамаландинос, яппи, рекламщик – делает рекламу алкоголя для наркобаронов, которые пытаются удержать свою Долю рынка.

Пол – действительно важная шишка. Остальные участники форума «Бизнесмены Лейта Против Наркотиков» – классические представители общественности, «которым не все равно», то есть невежественные уроды, которые никогда не пробовали наркотики и никогда их не попробуют, они даже не знают никого, кто их пробовал. Есть там парочка владельцев магазинов, торговцев старой закалки, но большинство представляет солидные сферы бизнеса. Есть один парень из местного совета, краснолицый алкаш, который выпустил весь пар еще лет двадцать назад и теперь прилежно посещает все мертворожденные сборища, на которые, кроме него, никто и не ходит.

Росс задает несколько вопросов, его приятель делает несколько фотографий, но им быстро становится скучно, и они ретируются, и я их за это не виню. Во время обсуждения орг-вопросов происходит мало чего интересного; все предложения исходят от трех человек, а остальные безбожно тупят. Но им хотя бы хватает угла молчать, а это значит, что дискуссия пройдет на должном уровне. Мы решаем взять деньги, приготовленные правительственным департаментом на образовательные нужды, и выбираем комитет, который будет распоряжаться этими деньгами и вести дела группы. Я уже немного сблизился с нашим средиземноморским другом Карамаландиносом и поддерживаю его кандидатуру на пост председателя, чувствуя, что он, в свою очередь, поддержит выбранную мной должность. Да, я просто счастлив быть Гордоном Брауном при этом Тоне Блэре. Я объясняю им свою позицию в отношении финансов, в режиме «Суровый шотландец».

– Это, конечно, занятие неблагодарное, но я готов стать казначеем. – Я вижу, как вытягиваются лица сидящих за столом. Бля, если эта толпа представляет сливки деловой части Лейта, значит, порту действительно следует беспокоиться о стабильности своей предполагаемой регенерации. – Я имею в виду, что, по моему мнению, казначеем должен быть кто-то из финансовой сферы. Я думаю, что в

ситуации с общественными деньгами очень важно, чтобы все не только было в порядке, но и смотрелось пристойным образом.

Народ энергично кивает.

– Резонно. Предлагаю назначить Саймона казначеем, – говорит Пол.

Кандидатура предложена и утверждена. После беспредельно скучной встречи мы с Полом идем выпить в бар «Ноблз», кое-как отогнав советника, который болтался поблизости в надежде, что его тоже пригласят. Пьем мы достаточно быстро, и нас слегка развозит.

– Этот джемпер, – спрашивает он. – Это Рональд Мортерсон?

– Да, – киваю я с гордостью, – и, заметьте, шотландская шерсть.

За барной стойкой стоит молодая, очень привлекательная барышня, и я посылаю ей ослепительную улыбку.

– Я вас здесь раньше не видел.

– Правильно, я начала работать только на прошлой неделе, – говорит она.

Мы обмениваемся шутками, Пол с неприкрытым энтузиазмом присоединяется к нам, собственно, все это было затеяно исключительно ради него. Когда мне было двадцать, я мог и просто болтать с девицами в барах, но теперь я завожу разговоры, только если впереди маячит награда финансового или сексуального свойства.

«Ноблз» закрывается, и, выяснив, что Пол не дурак выпить и поебаться, я отвожу его в «Порт радости» и открываю верхний этаж.

– В баре была потрясающая девочка. Сто к одному, ты мог бы ее поиметь, – говорит он.

– Я покажу тебе кое-что лучше, – отвечаю я и ставлю кассету с одной из сегодняшних записей. Брови Пола неудержимо ползут вверх, выдавая его явно равнодушное отношение к сексу. Хорошо. Я иду в офис и включаю одну из камер системы безопасности, предварительно убедившись, что там стоит чистая кассета. Затем отбираю остальные пленки, которые мы отсняли сегодня, и начинаю видеопредставление.

На экране появляется великолепная задница Никки, и мы смотрим, как она сосет член Терри, а он лижет пизду Мел, которая наклонилась над ним.

– Это невероятно... – шепчет Пол. – Вы снимаете это здесь?

– Да, мы делаем полнометражный фильм, – говорю я, а на экране Никки отсасывает у Терри, крупный план, ее голодные глаза пожирают душу зрителей так же, как ее рот – его член. Она стопроцентный профессионал, настоящая звезда. Эта сцена мне очень нравится. – Хорошая девочка, а?

Пол выпивает содержимое рюмки, глаза у него при этом – как у болонки, которую ебет ротвейлер, голос срывается.

– Да... а кто это? – хрипло спрашивает он.

– Ее зовут Никки. Ты с ней познакомишься. Она мой хороший друг, милая девочка, образованная. Учится в Университете, в настоящем Университете, Эдинбургском, а не в каком-то задрипанном колледже, который изжил себя еще в восьмидесятых.

Он прикрывает глаза и ухмыляется.

– А она... э... она... то есть, ну, другие вещи она делает?

– Я уверен, что с ней можно договориться. Сам понимаешь, только для тебя.

– Я был бы очень благодарен, – говорит он, а его брови поднимаются еще выше.

Я отхожу от первоначального сценария, просто чтобы посмотреть на реакцию этого пидора.

– Может, нюхнем?

Пол неуверенно и испуганно смотрит на меня, прямо как какая-нибудь молоденькая дура из дешевого порнофильма, когда она вдруг понимает, в какое дерьмо она вляпалась, что мир разглядывает ее с помощью цифровой камеры и Интернета, и это не совсем то, чего она ожидала.

– Думаешь, нам можно... это, ну... это, наверное, не совсем то, что мы могли бы себе позволить в данных обстоятельствах...

И я начинаю парить ему на тему: «да ладно, тебе понравится». Если он никогда не нюхал, тогда я консультант по моде у мистера Даниэля Мерфи.

– Да ладно, Пол, – улыбаюсь я, делая дороги. – Мы бизнесмены, образованные, культурные люди, а не какое-то быдло. Мы знаем, что почем, мы знаем, когда надо остановиться и подвести черту.

– Ну... наверное... только немного, – улыбается он и задумчиво поднимает бровь.

– Правильно, Пол, как я уже говорил, мы – не какое-то сторчавшееся быдло. Мы знаем, как и

что нужно делать. Всего лишь маленький допинг.

Я занюхиваю свою дозу, Пол пожимает плечами и следует моему примеру. А дороги-то ничего так, солидные. Как говорится, скорее ляжки барана, чем лапки пуделя. Я опасался, что мой онанист увидит камеру слежения, которая снимает его, но, похоже, мои опасения были напрасны.

– Ох... хорошая штука... – выдыхает Пол и начинает дробить. При этом он говорит без умолку: – Мой босс в агентстве, он привозит наркоту из-за границы. Парень летает из Ботафого в Мадрид, а потом сюда. А порошок везет в заднице, в запечатанном пакетике. Я никогда такого не пробовал... но это просто отлично...

Ну разумеется, друг мой. Теперь, когда моя миссия выполнена, я решаю по-быстрому свернуть лавочку.

– Ладно, Пол, извини, приятель, – говорю я и показываю ему на дверь. – У меня еще кое-какие дела.

– Я бы продолжил... мне так встало...

– Придется тебе продолжать в одиночку, Пол, у меня сейчас встреча с одной дамой. – Я улыбаюсь, и Пол кивает в ответ и ухмыляется, но явно не может скрыть своего разочарования. В общем-то я его понимаю – так обломаться. Я провожаю его на улицу и пожимаю ему руку. Этот бедный ублюдок попал по полной программе. Он ловит такси и уезжает. Я бы мог позволить Полу остаться, но он уже сделал все, чего я от него хотел. Мой старик в таких случаях всегда произносит фразу из одного старого фильма Кэгни: «Никогда не давай слабаку расслабиться», – пожалуй, это лучший совет из всех, которые я от него получил. Разумеется, это жестоко. Но если человеку все сходит с рук, он так никогда ничему и не научится. А это значит, что его так и будут всегда подставлять, а он даже не сможет дать отпор. Выходит, что я преподаю ему ценный урок на будущее. Жестокость во имя доброты, как сказал Шейки. Или это был Ник Лоу?

Пол. Какой же ты все-таки идиот. Познакомить тебя с Никки, с моей Никки?! Да ты, наверное, издеваешься. Такой товар идет по очень высокой цене, и вообще он слишком шикарен для такого уебка, как ты.

Я думал о ней весь день. Есть девочки, которые западают в душу только потому, что ты не можешь понять, что именно тебе в ней нравится. Никки как раз из таких: красивая – да, – и каждый раз в ней открывается что-то новое. Контактные линзы или очки. Волосы распущенные, или собранные в хвостик, или в пучок, или приподнятые и заколотые. Одежда: дорогая дизайнерская или просто спортивная. Отношение и язык тела: сперва – теплота, потом вдруг – прохладная отчужденность. Она точно знает, какие нажимать кнопки, чтобы завести мужика, и делает это на уровне инстинктов, даже не задумываясь. Да, это моя женщина.

41. Лейт никогда не умрет

Субботнее утро, друг, Али еще спит, так што я иду в библиотеку. Вроде бы у нас отношения получше стали, потому што теперь я пишу эту книгу, но все еще далеко не так гладко, как мне бы хотелось. Мне кажется, кто-то ей какает на мозги. Не знаю, может быть, ее сестрица или Псих, што более вероятно, потому што она щас работает у него в пабе. Этот хитрый урод просто использовал меня, штобы провернуть эту аферу с Кузеном Доудом. А теперь он меня и знать не знает, и видеть не желает. По крайней мере он не разболтал Франко про деньги Рентона, и, может, теперь уже и не разболтает, потому што у нас есть компромат друг на друга.

Ну што ж, в отсутствие друзей есть один явный плюс: у меня появился шанс занятца своей книгой про Лейт. Суббота – день искушений, по улицам болтаетца слишком много парней, у которых полно наркоты, так што иду в город и направляюсь в Уголок Эдинбурга. Странные эти штуковины – микрофильмы. Вся информация, вся история, даже если она написана чуваками, которым просто надо было втюхать людям свои сказки. Но я уверен, што если как следует покопатца, можно найти кое-что ценное.

1926 год, всеобщая забастовка в Лейте. Читаешь про все это, и про то, што они там говорили, и понимаешь, почему люди верили Партии Труда. Свобода для простого человека. Теперь говорят «уберите от нас тори» или «держите тори от нас подальше», но это только красивый способ сказать «оставьте нас здесь, ребята, оставьте нас здесь, потому што нам здесь нравитца». Я делаю кучу заметок, и время летит как оголтелое.

Возвращаюсь обратно в Порт, и чувствую: что-то сейчас случится. Вбегаю в квартиру со свои-

ми заметками, радостный по самые уши. Энди в кои-то веки убрал свои машинки, а потом я смотрю на Али и вижу, что у нее в руках собранные чемоданы. Ну да, и похоже на то, што они собрались уходить.

– Где ты был? – спрашивает она.

– Ну, в библиотеку ходил, собирать материал для своей книги по истории Лейта, я же тебе говорил.

Она смотрит на меня, и я понимаю, што она мне не верит, ни единому слову, и мне хочется усидеть се и, типа, показать ей все свои записи, но у нее такое лицо... напряженное и виноватое... и я ничего не делаю. Ничего.

– Мы едем к сестре. В последнее время все как-то... – Она смотрит на Энди. Тот играетца с пластмассовым Люком Скай-уокером, который деретца с Дартом Вейдером, и понижает голос: – Ты знаешь, о чем я, Дэнни. Я хотела оставить тебе записку. Мне нужно время, штобы подумать.

О нет, нет, нет, нет, нет.

– И надолго вы? Вы надолго?

– Не знаю. На несколько дней. – Она пожимает плечами и закуривает сигарету. Обычно она не курит, когда рядом Энди. Она надела свои золотые сережки и белый жакет, и выглядит просто классно, дружище, сногшибательно выглядит, да.

– У меня ничего нет, – говорю я ей. – У меня ничего нет, – повторяю я и начинаю выворачивать карманы. – То есть у меня нет никакой наркоты, я действительно занимался книгой.

Она медленно качает головой и поднимает чемоданы. Я не смогу ее убедить. Она просто не будет со мной разговаривать.

– О чем тебе надо подумать? – говорю я. – Тебе надо подумать о нем, да? Так ведь, да? – Я даже чуток повышаю голос, но тут же беру себя в руки, не хочетца сцен устраивать перед пацаном. Он-то чем виноват?

– Нет никакого него, Дэнни, што бы ты там ни думал по этому поводу. Проблема в тебе и во мне. То есть такого понятия, как мы, больше не существует. Твои приятели, твоя группа, теперь твоя книга. А где место для меня?

Теперь уже я молчу. Сын смотрит на меня, и я пытаюсь улыбнутца.

– Если я вдруг понадобится, ты знаешь, где меня найти, – говорит она, подходит ко мне и целует меня в щеку. Мне хочетца схватить ее и сказать ей, штобы она не уходила, што я люблю ее и хочу, штобы она была рядом со мной, всегда.

Но я ничего не говорю, потому што не могу, просто не могу. Скорее ад замерзнет, чем я сумею сказать такое, а я хочу это сказать, я так хочу это сказать... но я физически, што ли, не могу, понимаешь.

– Покажи мне, што ты сможешь справитца со всем сам, Дэнни, – шепчет она и сжимает мою руку, – покажи мне, што ты это сможешь.

И маленький Энди смотрит на меня, улыбаетца и говорит:

– Пока, пап.

И они уходят, друг, просто уходят.

Я смотрю в окно и вижу, как они идут по дорожке к Джанкшн-стрит. Я падаю в кресло. Заппа, мой кот, запрыгивает на подлокотник кресла. Я глажу его и плачу, без слез, просто всхлипываю, буд-то у меня припадок какой. В какой-то момент мне становитца тяжело дышать. Потом я чуток прихожу в себя.

– Ну вот, приятель, остались мы с тобой одни, – говорю я коту. – Тебе проще, Заппа, вы, кошки, ни к кому не привязываетесь. Ты просто вылазишь на крышу, и туда-сюда, извините, мадам, мне пора, – говорю я ему, глядя в его зеленые глаза. – Блин, ты же не знаешь, шо это такое. – Я вдруг начинаю смеяться. – Ты уж прости нас, што мы тебе яйца отрезали, это ж для твоего блага, друг, понимаешь? Мне тоже было хреново, когда я тебя на эту операцию таскал, честно слово.

Кот открывает пасть и мяукает, так што я встаю, чтоб посмотреть, што там у него и как. В смысле, пожрать. Жрать почти нечего. И не только для Заппы. В лотке навалена куча, а нового наполнителя нету.

– Спасибо, друг, – говорю я ему, – ты мне очень помог.

Вместо того штобы сидеть и жалеть себя, я пойду за кошачьей едой и наполнителем. Буду общатца с миром и все такое. Пойду в Киркгейт и, может, куплю какой-нить кошачьей мяты или еще чего, все для тебя, друг, штобы тебе было хорошо.

Да, только на душе у меня по-прежнему скребут кошки, я места себе не нахожу. Иду в Киркгейт, затариваюсь в «Квик Сейв» и выхожу у статуи Королевы Виктории, что в начале Бульвара. Сегодня тутлюдно, потому што денек выдался неожиданно теплый для начала ноября. Пацаны шатаютца, слушают свой хип-хоп, который орет из бум-боксов. Жены и дети жуют сладости. Еще тут околачиваютца какие-то политические ребята, пытаются всучить прохожим свои революционные газеты и все такое.

Это забавно, друг, похоже, все эти революционеры вышли их хороших семей, студенты и все такое. Не то штобы я против, просто мне кажетца, што за перемены должны боротца такие, как мы, а мы только и делаем, што торчим. Совсем не как раньше, во времена всеобщей забастовки. Што с нами случилось?

Навстречу идет Джои Парк. Он замечает меня.

– Привет, Урод? Как оно? Пойдешь на занятия в понедельник?

– Ну да... – говорю я ему. А я и не помню, што у нас в понедельник занятия в группе.

И бедный Парк получает по полной программе, я говорю ему, што Али от меня ушла, и што она забрала Энди, и што они уехали к ее сестре.

– Плохо, приятель, это очень плохо. Но она вернетца, да?

– Ну, она сказала, што это всего на несколько дней, што ей надо подумать чего-то там. Вроде как ей хочется посмотреть, смогу ли я справитца сам. И вот от этого у меня депресняк, понимаешь, друг? Она работает в пабе, у Психа, ну, то есть это паб Психа. Тут вот в чем дело, дружище, если я смогу жить один, тогда она скажет «у него все будет в порядке» и бросит меня. А если я облажаюсь, тогда она скажет «нет, ну какой же урод, Урод – он урод и есть» и все равно меня бросит. В общем, полный пиздец.

У Парка какие-то свои дела, так што я возвращаюсь домой, приношу Заппе еды и новый наполнитель. Собираю кошачье дерьмо газетой и засовываю в мешок для мусора. Я даю ему валерьянки, смотрю, как он таскает ее по полу, бегаёт кругами и катаетца, и думаю: а я бы, наверное, тоже не отказался, друг.

Так што вот, сижу дома один, и мне отчаянно не хватает компании. Я начинаю думать, што можно было бы провести день с пользой, и достаю свои заметки, то, што я выписал из исторических книг, и снова их перечитываю. Почерк у меня поганый, так што я сам с трудом разбираю, чего я там понаписал. Потом раздаетца звонок в дверь, и я думаю, может быть, это Али вернулась, потому што подумала: «Нет, мой глупенький Дэнни без меня не справитца», в общем, я открываю дверь, весь из себя обрадованный, но это не Али.

Это совсем не Али, то есть абсолютно.

Это Франко.

– Как ты, Урод? Зашел вот поболтать, ага.

Я вот думал о том, што мне очень нужная компания, любая компания, но оказалось, что все-таки не любая – почти любая. Мне эти тюремные байки еще в тюрьме надоели, когда я там сидел. А уж дома их слушать, так это вообще кошмар. Так што я пытаюсь, насколько это возможно при разговорах с Франко, говорить о чем-то другом, ну, к примеру, о моей книге про Лейт. Я говорю, што мне бы хотелось взять несколько интервью у крутых лейтских парней, вот типа как он, интервью про Лейт.

Но я, видимо, што-то не то сказал, потому што Франко ни разу не обрадовался.

– Ты какого хера имеешь в виду? Я, типа, не понял, ты што со мной хочешь сделать, а?

Так, спокойно, спокойно.

– Нет, Франко, друг, ты меня не так понял. Я просто хочу написать книгу про Лейт, знаешь, типа про реальных людей, настоящих людей. Таких, как ты, друг. Тебя в Лейте все знают.

Франко привстает в кресле, кажетца, он решает, што пришло время бить морды.

Я пытаюсь его успокоить, я себя чувствую, как кошка на раскаленной крыше.

– Понимаешь, друг, все меняетца. С одной стороны, у нас министерство по делам Шотландии, с другой – новый парламент. «Обуржуазивание общества», так это называют всякие интеллектуальные ребята. Еще лет десять, и таких, как мы, тут вообще не останетца. Взять хоть «У Томми-младшего», друг, теперь это кафе-бар. А ты вспомни, как мы там до утра зажигали.

Франко кивает, и я понимаю, што я задел его за живое, но я типа как нервничаю, а когда я нервничаю, я говорю и говорю, просто не могу остановитца... когда ты стесняешься, ты молчишь, когда ты нервничаешь, тебя несет.

– Мы теперь как саблезубые тигры, друг. Скоро выйдем. Им нужны только ребята с бабками, а мы им на хер не сдались, нас хотят выселить на окраину города, вот што я тебе скажу, Франко.

– Да иди ты, не собираюсь я выселятца ни на какую окраину – говорит он. – Я всю жизнь тут живу, и пошли все в жопу.

– Ага, но понимаешь, Франко, скоро старого Лейта не станет. Посмотри на Толкросс, друг, теперь это финансовый центр. Посмотри на Саус Сайд: студенческий городок. Стокбридж – какой-то япписвилль для уродов, старый добрый Стокери. Уз и Джорджи-Далри скоро останутца единственными местами для ребят из рабочего класса, да и то только из-за футбольных клубов. Спасибо, бля, што хотя бы хоть что-то осталось.

– Я, бля, не рабочий класс, – говорит он, тыча пальцем себе в грудь. – Я, бля, бизнесмен, – продолжает он, повышая голос.

– Но, Франко, я только хотел сказать, што...

– Ты понял, бля?

Ну вот, это мы уже проходили, причем не раз. Если я чему и научился, так это тому, как прогибать в таких ситуациях.

– Ну да, друг, конечно. – Я примирительно поднимаю руки.

Бегби вроде бы чуток успокаиваетца, но он все еще на взводе, это видно.

– Я тебе вот што скажу, Лейт никогда не умрет, – говорит он.

Он меня ни хрена не понимает.

– Может быть, Лейт и не умрет, друг, но вот тот Лейт, который мы знали, того Лейта скоро не станет, – говорю я ему, но не развиваю тему, потому што знаю, што бывает в таких случаях. Он скажет: «Нет, Лейт не умрет», я скажу: «Нет, он умрет, он уже умирает», а он ответит: «Я так сказал, бля, значит, так оно есть», и на этом все и закончитца.

Он насыпает две неслабые дороги, и я вспоминаю о том, што обещал Али, но тут вот какое дело: я обещал ей завязать к героинном, сказал, што не буду больше ширятца, а про кокс я ничего не говорил, про кокс речи не шло. К тому же это Франко – ему никак нельзя отказать. Себе дороже.

Мы уже почти на приходах, идем выпить пива, и я пытаюсь увести Бегби подальше от «Порта радости», што оказываетца достаточно просто, потому што ему хочется выпить в «Николь». У него пищит мобильник, пришла СМСка. Он читает ее, и у него глаза лезут на лоб.

– Што случилось, Франко, друг?

– КАКАЯ-ТО БЛЯДЬ ПЫТАЕТЦА МЕНЯ НАЕБАТЬ! – орет он, и две девочки с колясками, что проходят мимо, шарахаютца в сторону и испуганно смотрят на нас.

– Што случилось?

– Блядская СМСка... от кого, не понятно... – Чуваку явно совсем не весело. Он лихорадочно жмет на кнопки на телефоне. Мы заходим в паб, он по-прежнему мудрит што-то с мобилой, а я заказываю напитки. У Бегби снова звонит мобила, и он рывкает в трубку:

– Кто это?

Пауза, после чего он явно расслабляетца, слава яйцам:

– Ладно, Малки. Отбой.

Он вырубает мобильник и говорит мне:

– Сегодня в карты играют у Майки Форрестера. Норри Хартон, Малки МакКаррон и еще там народ. Давай к ним подвалим.

Я говорю, што у меня нет денег, это неправда, но играть в карты с Бегби – значит играть до тех пор, пока он тебя не обдерет как липку, и по хуй, сколько времени это займет. Так што я пас.

– Ну ладно, пойдем хоть выпьешь, мудила, – говорит он.

Ну, как я уже говорил, отказать Бегби практически нереально, поэтому мы идем играть в карты, и всю дорогу Бегби долдонит про Марка Рентона и про то, как он его, на хер, убьет. Мне совершенно не нравитца такое его настроение, и я не особо люблю Малки, Норри и Майки Форрестера. Они сидят вокруг стола, а на столе – до хрена кокса, и бутылки с вискарем, и банки с пивом. Я выхожу из игры, проиграв тридцать фунтов.

– Поставь пока музычку, – говорит мне Бегби, но я не могу поставить, что хочу, потому што он тут же добавляет: – Поставь Рода Стюарта, пидор... каждый день я кайфую... пью вино, мне хорошо...

– У меня нет Рода Стюарта, – говорит Майки. – Был, но когда она от меня уходила, она забрала кучу записей.

Франко смотрит на него.

– Так, забери их обратно, бля, пидор! Какие, бля, карты без Рода Стюарта?! Што мы делаем, когда играем в карты: надираемся, поем Рода Стюарта. Это традиция, нах.

– А вы видели фоты Стюарта на буклете в последнем альбоме? – говорит Норри. – Он одет как-то странно. А есть ваще фотка, где он на пидора похож!

Я очень хорошо помню эти фотки, у Рода Стюарта там волосы зачесаны назад, он в очках и у него усы. Но я молчу, потому што знаю, как на это среагирует Франко.

– Ты што щас сказал, Норри?

– Ну, этот сборник, где лучшие вещи. На одной фотке он в бабу переоделся, а на другой на пидора похож.

Бегби начинает трясти.

– Што значит одет как пидор? Ты што, бля, думаешь, што Род Стюарт пидор? Род, бля, Стюарт? Ты так, на хуй, думаешь?

– Я не знаю, пидор он или нет, – смеетца Норри. Малки видит, што дело пахнет керосином, и пытаетца вмешаться.

– Давай, Франк, сдавай. Майки говорит:

– Род Стюарт не пидор. Он ебал Бритт Экланд. Вы ее видели в этом фильме с Каланом, который у нас снимали?

Но Франко уже ничего не слышит. Он говорит Норри:

– Так што, если ты думаешь, што Род Стюарт пидор, так ты, наверное, думаешь, что и ребята, которые любят Рода Стюарта, тоже пидоры, да?

– Не... я... я.

Слишком поздно, дружище, я отворачиваюсь, чтобы этого не видеть, но я слышу удары и крики, и когда я опять поворачиваюсь к ним, лица у Норри не видно, будто он надел черную маску.

– Эй, Франко, друг, там еще кое-што оставалось бутылке, – стонет Майки, а Франко встает и идет к двери. Майки помогает Норри добратца до ванной. Я иду следом за Франко, выхожу и спускаюсь за ним по лестнице.

– Блядский урод со своими блядскими замечаниями,»-говорит он, глядя на меня, но я не смотрю на него, я думаю, што надо бы доползти до «Николь» и выпить по пинте пива, штобы он малость остыл, а потом – побыстрее слитца домой. Да, мне хотелось компании. Но не такой, честное слово.

42. «... перелом пениса...»

Бедный Терри, ему пришлось очень несладко. Мы вызвали «скорую», его отвезли прямо в больницу, там быстро обследовали и сказали, что у него перелом пениса. Это, видимо, серьезно, потому в больницу его забрали сразу.

– Если все срастется как надо, – сказал доктор, – тогда все будет хорошо. Функции полностью восстановятся. Могут быть осложнения, но пока что об ампутации речи нет.

– Что... – Терри в ужасе, потому что он понимает, что они не шутят.

Доктор мрачно смотрит на него:

– Это самый худший вариант, мистер Лоусон. Надеюсь, до этого не дойдет. Но должен заметить, что травма очень серьезная.

– Я знаю, што очень серьезная! Я, бля, лучше вас знаю!

Это ж мой член!

– Значит, вы понимаете, что вам сейчас нужно отдыхать и избегать нагрузок любого рода. Лекарство, которое мы вам дали, должно предотвратить возникновение непроизвольной эрекции, а ткани восстановятся сами. Это один из худших переломов за всю мою практику.

– Но мы только...

– Это случается гораздо чаще, чем вы думаете, – говорит ему доктор.

У Рэба звонит мобильный, это Саймон. Рэб говорит, что Саймон очень расстроен, но скорее из-за задержки в съемках, а не из-за самого Терри. Даже нам с Рэбом трудно шутить на эту тему. В конце концов он поворачивается ко мне и говорит:

– Я всегда говорил, что член Терри доведет его до беды, и не только я, кстати. Но мы себе и представить не могли, что в конечном итоге он устроит такую беду своему члену!

Он вроде пытается нас подбодрить. Но никому не смешно. Джина, Урсула, Ронни и Мелани

пребывают в каком-то ступоре и, кажется, до сих пор еще не верят в происходящее. Мел хуже всего.

– Я не нарочно. Я ничего не могла сделать...

– Это был просто несчастный случай, – говорю я, поглаживая ее по спине. Расцеловавшись со всеми, иду домой и рассказываю обо всем Лорен и Диане. Диана прикрывает рукой рот, а Лорен едва скрывает свое ликование. Она сделала вегетарианскую лазанью, и мы садимся есть.

– Значит, теперь ваши планы насчет порнофильма накрылись, – говорит Лорен, наливая себе стакан белого вина.

Мне почти стыдно ее разочаровывать, она так счастлива.

– О нет, дорогая, шоу должно продолжаться.

– Но... – Лорен сражена этой новостью наповал.

– Саймон не будет менять своего решения, мы продолжаем снимать фильм. Он найдет замену.

Теперь Лорен начинает беситься.

– Тебя эксплуатируют. Как ты можешь?! Тебя же просто используют!

Диана набирает полную вилку еды, засовывает ее себе в рот и смотрит на меня. Взгляд у нее напряженный. Она с трудом глотает, пожимает плечами и говорит очень ровным голосом:

– Лорен, тебя это никак не касается. Успокойся, пожалуйста. Теперь уже я начинаю заводиться. Меня бесит ее заикленность на себе. Надо заставить ее увидеть хоть что-то, кроме собственного невроза.

– В универе мы изучаем кино только теоретически, а тут у меня появляется шанс сделать свой собственный фильм. Почему тебя это так раздражает?

– Но это же порнография, Ники! Тебя используют! Я медленно выдыхаю.

– Но почему тебя это волнует? Я не глупая дура, это мой выбор, – говорю я.

Она смотрит на меня со спокойной и тихой ненавистью во взгляде.

– Ты моя подруга. Я не знаю, что они с тобой сделали, но я им этого с рук не спущу. То, что ты делаешь, – преступление против собственного пола. Вы порабощаете и угнетаете женщин! Ты же это изучаешь, Диана, скажи ей! – нудит она.

Диана берет деревянные вилки и накладывает себе еще салата.

– Все не так просто, Лорен. Здесь есть много нюансов. Я не думаю, что порно само по себе представляет проблему. Все дело в нашем восприятии.

– Нет... все не так, ведь мужчины-то все равно сверху. Диана одобрительно кивает, как будто Лорен сказала что-то, что не успела сказать она сама.

– Нуда, только в порноиндустрии, возможно, меньше, чем где бы то ни было. А как насчет фильмов, где сексом друг с другом занимаются женщины, такие фильмы снимаются женщинами и для женщин? Каким образом лесбийское порно укладывается в твою концепцию? – говорит она.

– Это фальшивое самосознание, – отвечает Лорен. Мне это все надоело.

– Это даже не забавно, Лорен, – говорю я, встаю из-за стола и беру свою сумку. – Оставьте посуду, девочки. Я помою, когда вернусь. А то сейчас я уже опаздываю.

– Ты куда? – спрашивает Лорен.

– К подруге, надо кое-что отрепетировать, – говорю я и направляюсь к двери.

Лорен даже привстает, но Диана хватает ее за локоть и заставляет сесть на место.

– Лорен! Хватит! Садись и ешь. – Она обращается к ней как к капризному ребенку, на которого Лорен сейчас и похожа.

Я выхожу на лестницу и спускаюсь вниз, из квартиры все еще доносится какой-то шум. Сажусь на автобус до Западного Хейлса и еду к Мелани. Приходится побегать по району, прежде чем мне удастся найти ее дом. Она как раз укладывает сына спать. Мы репетируем реплики, потом – некоторые сцены с действием, и я остаюсь у нее ночевать.

На следующее утро мы дожидаемся ее маму, потом садимся на 32-й автобус и едем в Лейт. Идет сильный дождь, и в паб мы приходим, промокшие до нитки. Мужская часть актерского состава выглядит несколько растерянной и подавленной, и тут я замечаю, что камеры что-то не видно. Зато в кресле сидит какой-то высокий и тощий мужчина лет тридцати пяти, с вьющимися волосами и бакенбардами.

– Это Дерек Коннолли, – объясняет мне Саймон. – Дерек – профессиональный актер, и он согласился помочь нам, в смысле, поднатаскать вас в плане актерского мастерства. Может быть, ты его даже видела. Он играл шотландских злодеев в «Большом клюве», «Катастрофе», «Эммердэйле» и «Таг-гарте».

– На самом деле в «Таггарте» я играл адвоката, – возражает Дерек.

Мы начинаем с ролевых упражнений, а потом работаем со сценарием. Если Дерек и разочарован нашими потугами на «актерское мастерство», он никак этого не показывает. Я сразу же пожалела, что прогуливала занятия по драматическому искусству. Но все еще можно исправить.

Потом мы с Саймоном едем к нему, и я рассказываю, как мы с Мел репетировали.

– Надо было и ее тоже позвать, – говорит он.

Ну уж нет, Мел как-нибудь обойдется. Он – мой и только мой.

43. Афера № 18746

Хотя уже наступила весна, на улице еще прохладно, и мне непросто оторваться от Никки. К тому же я начинаю нервничать, встречая в пабе Мо или Али. Так что я отложил все это, и мы с Никки сходили позавтракать, а потом заглянули в монтажную, где я сделал несколько копий кассеты с развлекающимся Полом.

– Что это?

– Да так, дополнительный источник доходов, – говорю я ей и звоню рекламщику всея Лейта по зеленому мобильнику. Никки говорит, что ей нужно в университет и что она позвонит мне позже. Она идет к двери, а я смотрю ей вслед. Ее задница в длинной юбке движется весьма элегантно. Забавно, но в наше время, в расцвет унисекса, только очень немногие женщины обладают достаточной грацией, чтобы правильно носить юбку – такую женщину ты замечаешь всегда. Никки надевает длинное пальто с капюшоном, застегивается, и я различаю ее ослепительную улыбку даже под меховым капюшоном, она машет мне на прощание и уходит.

Я звоню Полу и говорю ему, что нам нужно срочно встретиться, в полдень, в баре «Берег», что рядом с портом. Мы приходим туда приблизительно одновременно. Пол явно обеспокоен, но это только цветочки, вскоре ему предстоит беспокойства по самое не хочу. Я достаю счет, чековую книжку и ручку и кладу перед ним.

– Так, Пол, будь так добр, подпиши вот это.

– А ты умный, – говорит он, доставая очки, видимо, у него дальнозоркость, и начинает изучать счет и чековую книжку. – А это никак не могло подождать... что... деньги на образовательное видео... это еще что такое? Я не видел этих счетов. Что за «Бананацурри фильмз»?

Я оглядываю бар с высокими потолками, солидными деревянными панелями и большими окнами.

– Это моя кинокомпания. Называется так в честь квартала Банана, он тут рядом находится, я там вырос, ну и маленький реверанс в сторону моих итальянских корней.

– Но... почему?

– Ну, – объясняю я. – Шон Коннери назвал свою кинокомпанию «Фонтанбридж фильмз», по названию места, где он вырос. Мне показалось, что это стильно, и вполне можно повторить этот трюк.

– А какое отношение это имеет к образовательному видеопроекту кампании «Бизнесмены Лейта Против Наркотиков»?

– Абсолютно никакого. Это частичное финансирование фильма, который называется «Семь раз для семи братьев». На начальные расходы. Сфера взрослых развлечений, или, если вам так больше нравится, порнографический фильм.

– Но... но какого хера! Так нельзя! Нет! – Пол встает, у него такой вид, как будто он сейчас бросится на меня с кулаками. – Так мы не договаривались.

– Слушай, я верну деньги, как только они придут из другого источника, – примирительно объясняю я. – Это бизнес. Иногда нужно ограбить Питера, чтобы заплатить Полу, ну или еще как-нибудь. – Я улыбаюсь, думая о голландском порнобароне Петере Мурене, он же Миз.

Пол разворачивается и явно собирается уходить. Но потом оборачивается ко мне и утыкает в меня обвиняющий перст.

– Если ты думаешь, что я это подпишу, то ты просто псих. И вот что я тебе скажу: сейчас я пойду в комитет и в полицию и расскажу им всем, что ты всего лишь мошенник!

Он говорит достаточно громко. К счастью, бар пока еще почти пуст.

– Забавно, – говорю я ему. – Вообще-то я сразу понял, что ты урод, но я подумал, что ты урод, который хотя бы разбирается, что к чему. Выходит, я ошибался. – Я вытаскиваю кассету. – Я так думаю, эта пленка очень даже заинтересует твоего босса. Если хочешь, можешь ее уничтожить, я сде-

лал копии. Не только для твоего босса, одну для «Ньюз», еще одну – для уроды-советника. Здесь зафиксирован тот чудесный момент, когда ты нюхаешь кокс и рассказываешь про порошок, который где-то там покупает твой босс.

– Ты шутишь... – медленно произносит он, пристально глядя на меня. У него в глазах появляется паника.

– Вообще-то нет. – Я протягиваю ему кассету. – Вот, возьми, если не веришь. Хотя забирай в любом случае. А теперь сядь.

Он зависает на пару секунд, обдумывая сложившееся положение. Потом с обреченной покорностью плюхается обратно на стул. Официантка приносит нам два капучино. Они здесь знают толк в капучино. Правда, мне кажется, что одна порция хорошего кофе будет потрачена впустую, потому что Пол явно думает о другом, видимо, уже готовит свои вкусовые рецепторы к тюремной пище. Да, это все куда хуже, чем его самые жуткие кошмары. Но я не хочу, чтобы он окончательно расклеился, потому что это заметят люди, и тогда он выдаст себя.

– Не вини себя в том, что случилось. Ты не первый, кого наебывают таким образом, – говорю я, думая о Рентоне, – и уж точно не последний. Считай, что ты просто набрался опыта. Никогда не доверяй наркоманам с деньгами, – заговорщицки говорю я ему, – потому что эти деньги наверняка появились из кармана какого-нибудь наивного, доверчивого пидора. В данном случае наивный, доверчивый пидор – это ты, – говорю я, тыкая в него пальцем. – Но теперь ты станешь умнее, это я тебе гарантирую.

– Кто дал тебе право поступать так со мной?

– Ты только что сам ответил на свой вопрос. Подумай об этом. А теперь, если тебе не сложно, съебись отсюда, у меня есть еще кое-какие дела. Нет, сначала выпей капучино. Капучино у них тут потрясающий.

Но нет, он уходит, а я размышляю о том, как избавиться от зависимости от двух главных наркотиков тысячелетия: кофеина и кокаина. И пока он неверным шагом добирается до машины и уезжает, со своей висящей на волоске карьерой, я выпиваю его кофе и, глядя на чаек, кружащихся над пристанью, думаю: да, Лейт – это то самое место, где можно и нужно жить. Как я мог так надолго зависнуть в грязном, сером Лондоне?

У нас появилась дополнительная сцена с Дерекон Коннолли, актером. Он со своей девушкой, Самантой, участвует в сцене соблазнения брата, который хочет обычного секса, а вместо этого получает групповуху с двумя бисексуалами. Для съемок заказываем номер в «Дюнах». Рэб поначалу отказывается, ссылаясь на свою учебу, но после нескольких льстивых фраз все-таки уступает, и мы едем, прихватив с собой Винса, Гранта, аппаратуру и цифровые камеры. Съемки мы стилизуем под скрытую камеру: обычный секс, сцена соблазнения, – результаты меня впечатляют. Если считать незаконченную оргию, то я уже «сделал» двух братьев из семи.

Я иду в паб, чтобы проверить, как там дела. Там достаточнолюдно. Я вижу Бегби, лицо у него страшное, включился режим охотник-убийца, а в боковую дверь входит Лари, так что я решаю навестить Терри до того, как поеду в Глазго с Никки. Мо снова бесится, мол, опять она должна справляться со всем в одиночку. Входит Али, лицо у нее тоже не радостное. Я говорю Мораг, что мне действительно нужно поехать в Глазго, провентилировать почву насчет расширения.

– Расширения? Глазго? Ты о чем?

– Цепь пабов в стилистике Лейта. «Порт радости» распространяет свое влияние на запад, потом на юг. – Я обвожу взглядом зал и вижу только разлагающуюся помойку. – Экспорт брэнда, – смеюсь я. – Ноттинг-Хилл, Айлингтон, Камден-Таун, Манчестерский городской центр, Лидс, они все посыпятся, как костяшки домино!

– Не покатит, Саймон, – говорит она, качая головой, а я пытаюсь смяться, пока меня не заметили Бегби и его дружок. Но, как говорится, поздняк метаться. Он видит меня и, разумеется, подваливает.

– Не останешься, бля, пива попить? – Это даже не вопрос, это как бы приказ.

– Я бы с удовольствием, Френк, но мне надо еще навестить приятеля, он в больнице, а потом у меня поезд в Глазго. Звякни мне на трубу на неделе, тогда и пойдем побухаем.

– Ага... какой, бля, у тебя номер?

Я диктую ему номер зеленой мобилы, и он вбивает его в свой телефон, судя по всему, отмечая, что это не тот номер, с которого ему пришло сообщение.

– Это, бля, единственный твой телефон?

– Нет, у меня есть еще один для рабочих звонков. А что? – спрашиваю я, невинно хлопая глазами. На самом деле, у меня три мобилы, но ту, которая для девочек, я вообще никому не даю. Кроме девочек.

– Я, бля, тут получил сообщение от какого-то пидора, который грозитя меня поиметь. Вроде как номер заграничный. А когда я перезвонил, труба была отрублена.

– Да? Тебя уже достают по телефону? Скоро за тобой начнут следить, Франко, – шучу я.

– Это, бля, что еще значит? – сразу вскидывается Бегби. Я чувствую, как у меня холодеет кровь, я и забыл, до какой.

степени развита паранойя у этого человека.

– Я пошутил, Френк, расслабься приятель, бога ради. – Я сжимаю кулак и по-приятельски, но неуклюже стучу его по плечу. Потом, когда мне уже начинает казаться, что я был слишком фамильярен, он вроде бы успокаивается и даже сам пытается пошутить.

– Никто меня, бля, не преследует, наоборот, кажетца, всякий пидор торопитца, на хер, убраться от меня подальше. Мои так называемые, бля, приятели, и все такое, – говорит он, глядя на меня с надеждой, но взгляд у него все равно тяжелый.

– Я же сказал, Френк, мы пересечемся на неделе, сейчас я, правда, немного занят, с этим пабом столько мороки, но я скоро освобожусь, – говорю я ему.

Ларри смотрит на меня с хитрой ухмылкой:

– А я слышал, ты другими вещами занят, приятель.

У меня по спине ползет холодок. Интересно, и кто же ему напиздел про «другие вещи». Но я только загадочно киваю и сматываюсь. По пути говорю Мораг:

– Пиво для мальчиков, Мо, за мой счет. Веселитесь, ребятки! – говорю я, и когда мне удастся-таки выйти наружу, я буквально пролетаю весь бульвар, ноги у меня невесомые, как у ребенка. Я безумно рад, что мне удалось избежать разборок.

44. «...рекордные темпы...»

Может быть, это все из-за народа, с которым я в последнее время общаюсь, но у меня такое ощущение, как будто я здесь родилась и выросла. Как будто здесь – мой дом. Жизнь прекрасна, теплый осенний день, и в шагах моих – весна, и когда какой-то строитель свистит мне вслед, я воспринимаю этот вульгарный знак внимания с обычным высокомерным удовлетворением, ощущая себя грязной, заносчивой, похотливой сукой. Теперь я могу с полным правом наслаждаться жизнью, потому что сдала курсовую. Иду по городу, который уже наводняют туристы. К Терри в больницу. Бедный Терри.

Воздух прохладный, еще пощипывает морозцем, но на мне теплый свитер, и мне совершенно не холодно. Я понимаю, что мне очень нравится процесс съемок. А вот секс мне нравится не очень. Я готова этим заниматься, никаких проблем, но он никогда не приносит ожидаемого удовольствия. Это скорее работа, игра перед камерой, и поэтому сам процесс часто бывает скучным и... как бы это сказать... стесненным. Иногда возникает чувство, что все эти рекордные темпы, технические перерывы, все эти «Стоп, снято», «Мотор» – они вообще не нужны для съемок, Саймон просто выделяется, проверяет границы своей власти над нами. Но главная фишка в том, чтобы быть сопричастной чему-то, быть внутри, в процессе – вот отчего я себя чувствую по-настоящему живой.

Вчера мы снимали сцену в Замке, потенциально – одну из самых сложных. Снимали все в Танталлоне, в Северном Бер-вике. У Саймона есть приятель, который сделал нам бутафорские колодки. Ронни был в очках, а Урсула – в короткой белой юбке и футболке, выгодно оттенявших ее светлые волосы и бронзовый загар. Рано утром мы сняли Ронни, который садится в экскурсионный автобус, а она в это время за ним следит. Потом мы отправились на автобусную станцию. Автобус до Северного Бервика был почти пуст. Из салона мы сняли, как Ронни садился в автобус. Такой типичный зануда – очки, ноутбук и фотоаппарат. Рэб сидел в задней части фургона, который вел Крейг, и снимал виды.

В автобусе мы снимали Урсулу, которая заговорила Ронни:

– Ничего, если я здесь присяду. Я из Швеции.

Уроки актерского мастерства пошли Ронни на пользу, наверное, даже больше, чем всем остальным. Дерек говорит, что он играет весьма натурально.

– Разумеется, я не против, – говорит он. – Я исследую старые замки.

Потом мы снимаем сцену с колодками. Это когда она лезет в колодки в музее и застревает. И ему просто ничего больше не остается, кроме как поиметь ее сзади. Так наш третий брат получает свое.

Вхожу в палату и вижу, что споры между Рэбом и Терри так и не утихли, несмотря на серьезную травму Терри. Я думаю, Рэб втайне злорадствует, что с Терри случилась такая фигня – типа, ведь я говорил, что все это добром не кончится, – хотя сам Терри, кажется, воспрял духом. Тумбочка возле кровати ломится от фруктов, которые, разумеется, никто не съест, еще там полно консервов и всякого фаст-фуда в картонных коробках. Вокруг бедер Терри установлена рама, которая должна защищать его поврежденный пенис.

– Слушай, а что это? Гипс? Или шина? Или что? – спрашиваю я.

– Не, это что-то типа повязки.

Влетает Саймон, оглядывает палату с **таким** видом, будто это его частная собственность, которую он только что приобрел. Здесь тепло, и он снял свитер, но обвязал его не вокруг пояса, а вокруг шеи, как франтоватый игрок в гольф. Он улыбается мне, потом поворачивается к пациенту:

– Как здесь с тобой обращаются, Терри?

– Ну, здесь есть парочка симпатичных сиделок, но это меня убивает. Всякий раз, когда у меня встает, больно так, што подохнуть можно.

– Тебе же вроде должны были дать лекарство, чтобы у тебя не вставал, – говорит Рэб.

– Эта херня, может быть, и работает, когда ее принимают такие, как ты, Биррел, а чтобы у меня не вставал, нужно что-нибудь по сильнее. Док волнуется, говорит, если не перестанешь возбуждаться, у тебя ничего никогда не заживет.

Саймон мрачно смотрит на него и начинает выдавать плохие новости:

– Мы не можем остановить съемки, Терри. Нам нужно будет найти тебе замену. Извини, приятель.

– Меня никто не заменит, – говорит Терри абсолютно серьезно.

– Ну, пока съемки идут отлично, – говорит Саймон, – Ронни с Урсулой вчера были просто великолепны, а до этого Дерек со своей девушкой так зажигали – это что-то.

Терри смотрит на Саймона и явно собирается его приложить.

– Кстати, Псих, ты почему джемпер на шею повесил, ты чего, педик, что ли?

Одарив его раздраженным холодным взглядом, Саймон потер свитер пальцами.

– Это свитер от Рональда Мортсона. Если бы ты разобрался в одежде, ты бы понял, что это значит и почему я ношу этот свитер именно так. В любом случае, – он смотрит на меня, потом снова на Терри, – я рад, что у тебя все хорошо и что ты поправляешься. Никки, нас ждут дела.

– Разумеется, – улыбаюсь я.

Рэб буквально мечет из глаз молнии и безумно хочет спросить, что это у нас за дела, но он упускает свой шанс, потому что мы быстро уходим и направляемся на вокзал, чтобы сесть в поезд на Глазго.

В поезде Саймон вкратце рассказывает мне о нашем клиенте, это все очень интересно, но, с другой стороны, это все странно, мне кажется, мы прилагаем как-то уж слишком много усилий, чтобы раскрутить этого парня. Саймон описывает его, и я представляю его себе очень ясно. Саймон, со своей четкой манерой изложения, в которой нет ни грамма иронии, заставляет меня почувствовать себя так, как будто мы с ним – агенты военной разведки.

– У него нет друзей, домосед, собирает модели поездов, небольшой избыточный вес. Из той породы людей, у которых родители – бессознательно или сознательно, это уже другой вопрос – пытаются привязать их к дому, заставляют их много и часто есть, отчего те толстеют и становятся непривлекательными для противоположного пола. Из-за этого у него также очень плохая кожа. В смысле, прыщи, которые можно было бы легко устранить с помощью здоровой диеты и косметических средств по уходу за кожей. В Восточной Европе такие проблемы еще встречаются, посмотреть хотя бы на некоторых футболистов по телику, но на Западе это редкий типаж, даже в Глазго. Наш мальчик, должно быть, большой консерватор. От него нам нужен список клиентов: имена, адреса и номера счетов. Одна распечатка, а еще лучше – на диске.

– А вдруг я ему не понравлюсь? – спрашиваю я.

– Если ты ему не понравишься, значит, он не той ориентации, все очень просто. А если он не той ориентации, тогда я сам им займусь, – говорит он и улыбается. – Если так будет нужно, я смогу изобразить из себя голубого. Легкий флирт, но не более того. – У него на лице появляется гримаса

отвращения. – Никакого секса.

– Глупости ты говоришь. Я, кстати, нравлюсь далеко не всем натуралам. – Я качаю головой.

– Разумеется, всем, а если нет, значит, они или геи, или аскеты, или...

– Или что?

Его улыбка становится все шире. Я замечаю морщинки около глаз. Да, он и вправду похож на итальянца... есть что-то такое в лице.

– Прекрати меня провоцировать.

– Или что? – настаиваю я.

– Или он просто не хочет смешивать бизнес и удовольствие.

– Тебя это, кажется, не остановило, – улыбаюсь я.

Саймон изображает на лице крайнюю степень огорчения.

– Да, признаю. Но я не могу противиться твоим чарам. И он не сможет, поверь мне. – Он умолкает на пару секунд и добавляет: – Я в тебя верю, Никки.

Я знаю, чего он добивался, когда произнес эти слова, и, надо сказать, своего он добился. Я готова действовать. Мы сходим с поезда и находим нужный нам паб, и я вижу его, он сидит в баре один, герой моих маленьких, потных, навязчивых кошмаров. Саймон кивает мне и исчезает, а я смиряю гордыню и делаю свой ход.

45. Беспечный ездок

В голове – полный бардак, в основном потому, што я вышел на Лу Рид и сожрал парочку колес, так што, когда позвонил Чиззи, я уже был не в себе. Я как-то особо о нем и не думал, об этом кренделе, потому што он натуральный отморозок, но в тюрьме он типа как защищал меня. Я не знал, што его выпустили. Дело в том, што мне очень хотелось с кем-нибудь стусоватца, а Чиззи знал имя лошади, которое ему заложил один тип по имени Марсель, а он никогда не ошибаетца. Так што Бенни в Слейтфорде принимает нашу ставку, а мы, стало быть, возвращаемся в бар, штобы увидеть, как наш мальчик, аутсайдер, на которого ставки были восемь к одному, выигрывает в Хейдоке в 2.45.

Я не мог в это поверить, друг. С самого начала наш мальчик помчался как ошпаренный. К середине забега он уже оторвался от всех. На последних двухстах метрах к нему приблизилась еще парочка лошадей, но наш мальчик летел – просто летел. На самом деле это была самая неравная гонка из всех, што я видел. Но мы не жалуемся, друг, нет, нам даже в голову не приходит жаловатца. Мы орем – ДААААААААААА! – и все обнимаемся перед телевизором в баре, и я вдруг замираю на секунду и думаю, кого еще он хватал этими руками и каково было тем, кого он хватал. Так што я отстраняюсь, извиняюсь и говорю, што я, пожалуй, возьму нам еще по одной, штобы типа победу отпраздновать. Лезу в карман за деньгами и вдруг обнаруживаю, что у меня еще остались колеса.

Мы сидим – пьем, лицо Бенни постоянно расплывается в улыбке.

– Хорошая наводка, а, – рычит он.

– Это точно, друг, – улыбаюсь я.

– Нам надо ушки держать на макушке и смотреть в оба, – ухмыляется Чиззи. – Удача штука такая, где-то выиграешь, где-то проиграешь.

Это просто охренительно, друг, потому что я выиграл четыре штуки, а Чиззи – восемь с половиной. Четыре штуки! Можно будет отвезти Али и Энди в отпуск, в Диснейленд. В Париж! Марсель молодец, да и Чиззи тоже молодец, что дал мне наводку, што уж тут говорить.

Мы типа празднуем – еще по пиву, – а потом решаем пошлятца по городу. Я хочу побыстрее отделатца от Чиззи, но этот парень мне очень помог, я перед ним вроде как в долгу, так што, наверное, будет правильно прогулятца с ним слегонца. Мы ждем такси или автобуса, но ни того, ни другого нет, только проезжает автобус Шотландской футбольной ассоциации в окружении мотоциклов. Чиззи тихонько отходит куда-то в сторону парковки при пивоваренной компании SN. Я думал, он пошел отлить, но вдруг я вижу, как с парковки выезжает синий «форд-сьерра», а за рулем – этот псих ненормальный по имени Гари Чизхолм.

– Экипаж подан, – говорит Чиззи, у него во рту блестит золотой зуб, похожий на тигровый клык.

– Ага, – говорю я и сажусь в машину. – Ну а что, друг, если политики говорят, што у нас должно быть бесклассовое общество, так, значит, это не важно, чью машину ты берешь. Все для всех, так ведь?

– Сейчас мы поедem в город, а там наступит волшебный час, ты, пидор, – говорит он и начинает смеяться своим этим жутким высоким смехом, от которого по коже бегут мурашки.

Мы оставляем машину на Джонстон Террас, идем в Майл и поднимаемся по лестнице в «Дикон». Киваем знакомым, которые тоже, кажется, только что вышли из тюрьмы. Еще пара кружек пива, и я понимаю, што в меня уже больше не лезет, я вообще выпивать – как-то не очень. Я всегда по наркоте прибывался, друг.

Чиззи начинает рассказывать про старых знакомых: ребят из тюрьмы, извращенцев и все такое. Мне такие разговоры, честно скажу, не особенно нравятся, потому што все эти ребята, про которых он говорит, – они психи, самые натуральные психи. Я сваливаю в туалет и думаю о деньгах, которые лежат у меня в кармане, с такими деньгами я бы запросто мог снять себе девку, и почему-то покупаю в автомате гондоны и сую их в карман. Я прямо чувствую колеса, как они жгут карман. Ладно, недолго им там лежать. Скоро я их заглочу.

Когда я возвращаюсь обратно, оказываюся, что Чиззи думал о том же, о чем и я, и я из-за этого начинаю дергаться.

– Надо бы поебаться, бля, – говорит он. Потом объясняет: – Сейчас хорошее время для съема, с четырех до шести. Можно подцепить телок, которые всю ночь бухали или кайфовали и теперь ни хера не понимают, где они и что, бля. И тут, нах, появляется Чиззи.

Ну да, даже ходить далеко не приходится. У бара сидит какая-то баба с рыжими волосами. Ее белые леггинсы растянулись, как будто бы вся элатичность из них вдруг куда-то пропала, а внутрь засунули размоченное дерьмо. Она удалбана в ноль, друг, удалбана так, что даже рядом стоять не хочется, но Чиззи уже нацелился на нее. Он покупает ей выпивку, что-то ей говорит, и она садится за наш столик.

– Как дела, приятель? – спрашивает она у меня. – Я Касс, – говорит она. Ебанный в рот, эта баба, похоже, еще и сексуально озабоченная, даром что уродина, каких поискать. Она громко смеется, все время ко мне наклоняется, кладет руку мне на яйца, а потом хватает меня за бедро. Ее большое красное лицо, обрюзгшее и блестящее от выпивки, оказывается рядом с моим лицом, а зубы у нее желтые и гнилые. Ну да, у меня с зубами тоже все херово, и морда у меня наверняка такая же бухая, как и у нее. Единственное што, она у меня не красная, потому што, когда я нажираюсь, у меня кровь от лица отливает, и я бледнею, сижу весь белый. Она явно пришла сюда, штобы кого-нибудь закадрить, потому што нарядилась, как на парад, тушь, помада и все такое, и она спрашивает, какие у нас знаки Зодиака и всякую чушь, которую бабы несут в таких случаях.

Но она отвратительна, брат, она реально себя доконала.

У меня уже перед глазами все плывет, потому што последнее время я почти и не пью. Это тяжелое, мерзкое пиво. Чиззи берет все под контроль, выводит нас из паба – опять на Джонстон Террас – и опять в угнанный автомобиль. Чиззи чуть не въезжает задом в припаркованную рядом машину, но ему все-таки удается вывернуть, и мы едем по бульжной мостовой к Холируд-Парку, а на улице уже темнеет.

А эта девчонка – она довольно забавная. Сначала она материла СССР, а теперь выставляет на показ свой рыжий лобок и перебирается с заднего сиденья на переднее, чтобы сесть между нами. Чиззи ругается, потому что она сидит на рычаге переключения передач, и он не может переключить скорость, и мы с грохотом съезжаем с холма.

– Вы посмотрите сюда, мудацье! Кому нужна эта блядская дырка? – орет она нам. Я вот к чему, у нас с Али уже сто лет ничего не было, но это как же надо изголодатца, чтобы запасть на такую чужырлу.

Чиззи хохочет и почти врывается в большие черные ворота Холируд-Парка, но вовремя поворачивает – и вот мы внутри. Он закидывается колесами, глушит двигатель, и мы идем в парк. Я оглядываюсь на большой холм, который называется Трон Артура. Там идут какие-то крупные строительные работы. Что-то типа правительственного заказа для выборов, и парламента, и всей этой мутотени. Солнце садится, и становится даже холодно.

– Куда мы идем-то? – время от времени спрашивает она, глотая слова. Похоже, Чиззи ведет нас за стройку. Мы кое-как перелезим через забор, прочь от дороги и лицом к холму. Вокруг – никого, хотя через стену по-прежнему слышно, как работают строители-сверхурочники, но они нас не видят.

– Ищем местечко, классное-шикарное, – подмигивает Чиззи. Становится все темнее. Я нахожу в кармане табл и заглядываю его, чиста из-за нервов, брат, чиста из-за нервов.

– А сейчас мы тебя оприходуем, цыпочка, – смеется Чиззи и просто расстегивает ширинку и

вытаскивает наружу свой член, жирную мягкую штуку. Вот что интересно, брат, каждый мужик очень гордится своим причиндалом, но у других парней члены выглядят просто уродливо. Да. – Эй, ты, иди-ка сюда, – говорит он этой девчонке с настоящей угрозой в голосе. – Давай бери в рот.

Она смотрит, как будто слегка озадаченно, словно только сейчас поняла, о чем речь. Но потом она вся передергивается, и встает на колени, и начинает сосать член Чиззи. А Чиззи просто стоит со скучающим видом. Спустя пару минут он говорит:

– Хуйня какая-то. Ты даже не знаешь, как это правильно делается, – говорит он, потом оглядывается на меня с усмешкой и продолжает: – Слышь, Урод, надо бы научить эту тупую давалку, как сосать член.

Он хватается за волосы, отрывает от себя и тащит на кучу разбитых кирпичей.

– Ладно... я иду... иду, блядь, – визжит она и колотит его по руке.

Вот тут он не прав.

– Остынь, Чиззи! Мать твою, – кричу я, но тут мне вставляет от табла, и мой голос просто, типа, замирает.

– Заткни пасть, – рявкает Чиззи, это он к ней обращается, на меня он вообще вроде как не обращает внимания, а она смотрит на него, вся такая обиженная. Он опять заставляет ее встать на колени.

– Иди сюда, Урод, – говорит он. Я уже совсем никакущий, так что я просто забираюсь на эти кирпичи.

– Хорошо, – говорит Чиззи, – давай доставай свои причиндалы.

– Ага, сейчас! Надо... фу-у... – бубню я, а перед глазами все плывет... и я начинаю хохотать как безумный.

– Да, ты, дерьмовый ублюдок, – кричит мне эта ненормальная деваха, и лицо у нее такое злобное, брат, как будто это я ее за волосы тащил, а я ваще ничего не делал.

– Не-ет... это, ну... нет, не так, – говорю я, – я просто пытаюсь, ну, чтобы всем хорошо было...

Чиззи хохочет и кричит:

– Ну, ты, парень, и сказанул! А я вот просто пытаюсь, блядь, ну, научить эту ебаную потаскушку...

А девчонка, ну, вся как потерянная, и я тоже теряюсь.

– Раймонд мне говорит, ну, типа, что мне можно забрать ребенка обратно, – лепечет она, совершенно пьяная, где-то в своем собственном мире, ну прямо как я...

– Ты еще разрыдайся мне тут, мудака, – говорит Чиззи, когда я смотрю на него и начинаю хихикать, как тупой мелкий пацан, когда он, типа, расстегивает мне ширинку и вытаскивает мой член наружу. Я ничего не чувствую, но Чиззи наклоняет голову к моему члену. Чиззи! Он смотрит на эту девчонку. – Никогда не встречал ни одной телки, чтобы могла правильно сделать минет. Ты, еб твою мать, смотри и учись. – Он опять оборачивается ко мне: – Вот они, блядь, цыпочки твои. Всю жизнь вот думаешь, что девки умеют готовить, потому что твоя мама умела, но если даже они и нормально справляются с простой жрачкой, все равно их нельзя допускать ни к чему такому, что требует воображения или... ну, тонкого подхода. Так вот и выходит, что все лучшие шеф-повара – мужики, ну, по ящику их показывают и ваще. То же самое и с минетом. Большинство из них просто засовывает его себе в рот и начинает сосать. Елозят по нему вверх-вниз, как будто это не рот, а пизда. В тюрюге был один парень, он нам показывал, как это делается... сперва пройдишь языком по всей длине члена... – и он хватается мой член и начинает его лизать... – в случае с Уродом это не займет много времени... аах-аах-аах...

Ох и ни хрена себе... предполагается, что это должно быть приятно.

– Ублюдок чертов, – ору я благим матом, когда его холодный язык проводит легкую линию по сверхчувствительной коже моего пениса... перед глазами все кружится и темнеет...

– Давай, блядь, вперед! – шипит Чиззи, и на секунду мне кажется, что это он ко мне обращается, но это – к девчонке, и она начинает под его чутким руководством: берет кончик его члена в рот.

– Так, уже лучше... лучше, – говорит он, – потом нужно слегка ударить языком по головке... теперь нежно и мягко, детка...

Я, может быть, и хочу что-то почувствовать, но не чувствую ничего. Просто совсем ничего.

Я слушаю Чиззи, а думаю о том парне, который получил «Оскар», ну, когда он говорит «Я владыка мира», хотя фильм был слегка подзатянут, и я о нем думаю потому, что видел его прошлым летом, и сейчас вдруг вот вспомнилось, и еще я думаю о Психе, я почему-то нисколечко не сомнева-

юсь, что он тоже так делает, говорит перед зеркалом «Я владыка мира»... а Чиззи продолжает:

– ...потом берешь его глубже в рот, аккуратно,, аккуратно... здесь нужен тонкий подход... это не соревнование, кто глубже засунет... продолжай работать языком... води им вокруг и вдоль члена... да, вот так лучше... лучч-шше...

– Ох, блядь, Чиззи, – вскрикиваю я, ощущая слабость в желудке, и смотрю вниз, на мерзкую рожу Чиззи, а он, стало быть, умудряется мне отсасывать, и при этом еще умудряется что-то втолковывать той девчонке, я, конечно, не против, когда у меня сосут, но уж меньше всего мне хотелось бы, чтобы это был этот псих ненормальный, и до меня, типа, только теперь доходит, что тут вообще происходит, и я резко вытаскиваю свой член...

Его глаза блестят, и он смотрит на меня, потом – вниз на пьяную телку, которая все еще продолжает сосать его член.

– Эй, ты чего? – говорит он мне. – Неужели не нравится?

– Просто я с кирпичей чуть не упал... с кирпичей... – бормочу я.

Но теперь я все вижу, типа, как через тонкую водяную пленку, а Чиззи резко хватается руками голову этой девицы:

– Теперь надо ускорить темп, пора сосать по-настоящему... понимаешь, сосать... СОСИ, ШЛЮХА ЕБАНАЯ! – И он яростно ебет ее рот, запихивая член прямо ей в глотку, и раздражается комментариями по ходу дела: – И вот Чиззи выходит на финишную прямую, он дает тупой шлюхе хороший урок и вот Чиззи... ВООООАААААТТ!!!

Он крепко держит ее за рыжую гриву, толкая ее членом в лицо, потом отстраняется, а она давится спермой, задыхается, кашляет и вытирает рот. Он кивает ей.

– Поздравляю, вы только что закончили обучение в школе секса Чиззи.

Это было не правильно, брат, нет – нет – нет, я с трудом подхожу и встаю на колени рядом с этой девчонкой.

– Все в порядке, – говорю я, пытаюсь ее успокоить. И вдруг она говорит:

– Вы двое, вы оба ублюдки. – И она вроде как начинает давить мне на пах, но меня это не возбуждает, так что я начинаю целовать ее в губы, приговаривая:

– Все хорошо, все хорошо. – И я снимаю с нее леггинсы и трусики. Тяну их вниз, чтобы освободить доступ к этой сухой кучке дерьма, типа, ну, коричневого мячика для гольфа, и потом лезу пальцами ей в пизду, и тут у меня встает. Я пытаюсь достать из кармана резинку и натянуть на член, но мне нужно... мне нужно... мне нужно... липкие, мерзко пахнущие шарики, типа загустевшие выделения из влагалища, остаются у меня на пальцах, и у меня сразу же опадает. Я слышу его, мудака Чиззи; хихикает и глумится, – а она типа ворчит на него, и я чувствую себя так, как будто я ни разу не здесь. Я типа все-таки ей вставляю, но надолго меня не хватается, потому что все это дерьмово, совсем не так, как я себе представлял, как я мог быть таким идиотом, что даже думал, что это будет, как было с Али, и я злюсь, брат, злюсь на себя самого, и она визжит, типа насмехается, и говорит:

– Ну, давай же! Еби сильнее! Это что, все, что ты можешь? – И я продолжаю пихать в нее свою штуку и худо-бедно кончаю...

Я выворачиваюсь и пытаюсь натянуть штаны, так и не сняв гондона. Теперь Чиззи навис над ней, он хватается ее и толкает лицом вниз, отхаркивает мокроту, а она говорит:

– Какого хуя... – Но он снова харкает прямо на ее измазанный дерьмом анус. У Чиззи положительная реакция, ну, в медицинском смысле, так что ему уже все равно, и он не заморачивается с гондоном. В общем, он энергично ебет ее в жопу и ни о чем не беспокоится. Так вообще-то не делается, начинать надо медленно... как мы с Али, хотя мы с Али давно уже ничего не делаем... а она, эта деваха, стонет и плачет тихими слезами, похожая на выброшенного на берег жирного кита или тюленя, который просто не может добраться до воды.

Он кончает, вынимает из нее свой измазанный в говне член и вытирает его чистой частью ее белых леггинсов.

Она переворачивается, лицо у нее все красное, из носа сопلي текут, и она кричит, натягивая леггинсы:

– Ты ебучий ублюдок!

– Заткнись, еб твою мать! – огрызается Чиззи, пихая се прямо в лицо. Раздается какой-то непонятный щелчок, и я весь напрягаюсь, несмотря на все таблы и выпивку, как будто это он меня ударил. Потом она издает тонкий такой и пронзительный визг, когда он дает ей пинка прямо в грудь.

Я наконец обретаю голос, потому что это, ну, хуево это, брат.

– Эй, ты полегче, Чиззи... – говорю я. – Это неправильно.

– Я скажу те, что правильно, а что неправильно, детка, – говорит он, показывая на деваху. Она сидит, тихо всхлипывает, потирает ушибленную грудь. – Грязные потаскушки, которым, блядь, необходимо помыться! Вот это неправильно, да. Так вот ей и помывка, нах!

И он ссыт ей на волосы, грязной и затхлою пивной мочой, брат. А она даже не двигается и вообще ничего такого, просто сидит на месте и плачет. Она такая трогательная и жалкая, даже как будто и не человек, а так, не пойми чего, и я типа думаю, уж не таким ли и я кажусь со стороны, когда я, ну, реально обдолбанный и все такое? Одиноким спортсмен, весь в белом, пробегает мимо нас, смотрит, потом быстренько разворачивается и убегает прочь, не сбиваясь с ритма. Слышно, как парни со стройки кричат друг на друга. Да, Чиззи – та еще скотина, все это знают. Любому, кто бы сделал то, что сделал он... но Чиззи в свое время постарался. Заплатил свои долги обществу и все такое. Но мне прямо стыдно становится, что я вот с ним вроде как вместе. Нашел, с кем затусоваться, бля.

Меня словно пыльным мешком прибило. Выходит, что и я тоже – мерзкий ублюдок и все такое. Вот только нету у меня злобы... ну, злорадства какого-то, чтобы совсем уже было по-скотски. Как и у большинства людей в этом мире, моя мерзость – она такая, типа, пассивная, что-то вроде мерзости по недомыслию, не из-за того, что я делаю, а из-за того, что я вообще ничего не делаю, потому что на самом деле мне на всех наплевать, чтобы вмешиваться во что-то, ну, кроме разве что тех людей, которых я хорошо знаю. Чиззи, ну, он опасный псих, чтобы с ним водиться, но он был моим товарищем в тюрьме, и он дал мне наводку на скачках, и это тоже считается... потому что я повезу Али и Энди в Диснейленд, и все у нас будет хорошо, и это все – только благодаря Чиззи.

Мы с Чиззи уходим, идем через парк к выходу на Эббей-хилл, и напрямиком – в паб. Глупая телка сидит на месте, глотает соплю, и я оборачиваюсь, чтобы взглянуть на нее на прощание, потому что она уже там, где я сам когда-нибудь буду, брат, я это знаю, однажды Али меня бросит, и это будет конец... на самом деле она уже меня бросила, так что, может быть, вот оно... но нет, потому что у меня есть деньги, и я опять веду себя с ней, как надо, и у меня есть моя книга о Лейте, и мы собираемся в Диснейленд, брат...

Заходим в паб, и я типа говорю Чиззи, что он неправильно себя вел, а он отвечает:

– Не надо жалеть этих придурков. Вот в чем твоя проблема, Урод. Ты слишком добр к дуракам. Типы вроде тебя считают, что если каждый будет любить всех, блядь, несчастеньких и убогих, то все в результате будет хорошо, но так не бывает. И знаешь почему, детка? – Его лицо в нескольких дюймах от моего, но я все равно различаю с трудом. – Знаешь почему? Потому что они позволяют ссать себе на голову, вот почему. Запомни мои слова.

Меня чуток отпустило, и в кармане – солидная пачка бабла. Но что-то в лице Чиззи меня нервирует. На самом деле это никак не связано с тем, что он сказал или сделал с той женщиной, или еще с чем-то. Просто мне очень не нравится эта его манера, когда он вроде бы поднимает брови и пристально смотрит на тебя, а потом откидывает голову назад. И я уже знаю, что сейчас будет. Да и он тоже знает.

Я чиста с размаху бью его в морду и думаю, что промахнулся, потому что я ничего не почувствовал, но потом вижу, как у него кровь хлещет из носа, и слышу крики вокруг нас.

Чиззи закрывает лицо руками, потом поднимается, он стоит на ногах и берет в руки стакан, и пиво проливается. Я тоже встаю и все такое, и он замахивается на меня, но – мимо, и бармен орет на нас. Чиззи бросает стакан, но бармен визжит:

– ПОШЛИ ВОООН!

И я направляюсь на улицу, но останавливаюсь и думаю; я не собираюсь выходить вместе с Чиззи, ни за что, брат, без мазы, так что я останавливаюсь перед дверью и пропускаю его вперед. Когда он выходит, я захопываю за ним дверь паба и закрываю ее на замок. Чиззи пинает дверь, рвется обратно, но уже подошли два бармена, и они открывают дверь и кричат, чтобы он убирался отсюда на хуй. Чиззи пытается прорваться внутрь, но один из барменов хватается за него, и Чиззи дает ему в морду. Этот парень и Чиззи лупят друг друга, а другой парень хватается за меня и вышвыривает вон. И вот уже вроде как мы с Чиззи вместе против парней из паба, что, типа, легко для этих молодцов, потому что Чиззи пьяный, а я пьяный и обдолбанный в ноль, так что я сейчас не в состоянии нормально драться. В общем, мы еще пару минут помахались, а потом бармены ушли внутрь, а мы с Чиззи остались расплюснутыми на тротуаре.

Мы поднимаемся и идем вдоль по улице, на некотором расстоянии друг от друга, но при этом кричим и материм друг друга на чем свет стоит. Потом мы типа миримся и пытаемся продолжить

пить. Нас не обслуживают ни в одном пабе, кроме этого вшивого крысятника, куда любого пускают, будь ты хоть псих ненормальный, пьяный в жопу, избитый и весь в крови. На каком-то этапе я типа отрубаясь, а когда прихожу в себя, я понимаю, что Чиззи уже рядом нет. Я встаю, иду к выходу – это где-то на Эббей-хилл, только я толком не понимаю где.

– АЛИСОН! А-ЛИ-СООООН... – слышу я чей-то крик, а маленькие дети, что играют на улице, смотрят на меня, ну, настороженно, и я поскользываюсь, и падаю вниз с нескольких ступенек, и поднимаюсь, держась за перила. Крик доносится снова, и только тут до меня доходит, что это кричу я сам.

Я иду, шатаюсь, вниз к Роззи Плейс, минуя большие красные дома на пути к улице Пасхи, и продолжаю кричать, как будто у меня два мозга: один думает, а другой кричит.

Две девчонки в топах с эмблемой «Хибсов» проходят мимо, и одна из них говорит:

– Заткнись, ты, придурок.

– Я собираюсь в Диснейленд, – говорю я им.

– Я думаю, ты уже там, дружок, – отвечает мне кто-то из них.

46. Афера № 18749

Никки – просто богиня. Я наблюдал за ней; она знает, как играть людьми, как заставить их чувствовать себя особенными. Например, она не спрашивает тебя, хочешь ли ты курить, она говорит, «Может быть, вместе покурим?» Или: «А не выпить ли нам вина?» И вино всегда красное, никогда не белое. Это и отличает шикарную птичку от ужасной манчестерской смеси Файфа и Эссекса¹² с их пошлым белым вином. «А не попить ли нам чаю? Я сейчас сделаю», или «Я бы хотела послушать „Битлз“. Вместе с тобой. Норвежский лес. Это было бы су-упер», или «А почему бы нам обоим не переодеться во что-то новое?»

В нашей финансовой афере она продвигается лучше меня, а я уже, честно сказать, начинаю слегка беспокоиться. Прогресса пока не видно. Но съемки идут хорошо, хотя вчера я удостоился сомнительной чести снимать Мики Форрестера, которому Ванда делает минет в лифте на Мартелло Корт. Брайан Куллен, старый приятель из Лейта, работает охранником в самой высокой башне Эдинбурга, то есть в Мартелло Корт, я про нее говорю, а не про тощий член Мики. Тем не менее на так мы разделались с братом номер четыре.

В общем, я весь издергался из-за этой аферы, но, к счастью, мои молитвы были услышаны, и мне звонит Скрил.

– Все в порядке, мой мальчик, – говорит он, а я пытаюсь не чихнуть, чтобы не пропала даром большая дорожка кокаина, которую я только что втянул. В последнее время у меня перманентный насморк. Хрен чего в себе удержишь. Когда я продуваю свой клюв, на платке остается больше, чем попадает в легкие. Мой нос уже никуда не годится, мне нужна трубка.

– Скрил. Я только что о тебе думал, дружище. Говорил себе: Скрил, мой кореш из Глазго, вот это парень. Никогда меня не подводил. Есть какие-то новости, а?

– Чем ты там обдолбался, Псих?

– А что, это настолько заметно? – хихикаю я. – Кокаин это. Лучший кокс. Я, видишь ли, заодно с Сатаной в разрушительном, медленном и дорогом путешествии в ад.

– Ага-ага. В общем, так. Телку, которая тебе нужна, зовут Ширли Дункан. Это такая жирная маленькая цыпочка, живет с мамой в Гованхилл. Парня нет. Тихоня. Они с подружками регулярно выпивают по пятницам после работы в «Баре № 1». То есть сегодня она там будет.

Вот это, я понимаю, мужик.

– Давай встретимся в шесть у Сэмми Доуса.

– Заметано!

Я прихожу на станцию, одетый в куртку и слаксы от Армани и тонкий свитер от Роналда Мортсона. Ботинки – Гуччи. К сожалению, я не смог найти в шкафу достойной пары носок, так что пришлось надеть белые спортивные Аидасы, фактурой слегка напоминающие полотенце. В общем, до поезда мне еще надо успеть забежать в галантерейный магазин на Уэйверли и прикупить нормальные носки, иначе я просто с ума сойду.

Я покупаю пару тонких темно-синих носков и подумываю о том, что можно было бы сохранить

12 Графства из «6 центральных графств». – Примеч. пер.

Адидасы для Скрила, но он может неправильно меня понять. Уже на вокзале, перед тем как сесть в поезд, я проверяю сообщения на мобиле. Рентой сообщает, что он вернулся в Шотландию. У парня, похоже, тяжелый случай клинической паранойи. Даже не сказал мне, где остановился, наверное, боится, что я проболтаюсь кому-нибудь из коллег Франсуа. Но скоро я это выясню.

Я звоню в «Малмэйсон» в Глазго, рассуждая примерно так: если я поселюсь в дорогой гостинице, это придаст мне дополнительный стимул к действию.

Сойдя с поезда и добравшись до Сэмми, я сразу же вижу Скрила. Он стоит у барной стойки. Я вдруг понимаю, что мы с ним не виделись уже почти четыре года. Я стараюсь не вздрагивать, когда он представляет меня парочке присутствующих тут же уиджи, как Психа.

– Псих, он ваше мировой мужик.

Уиджи. Если отобрать у них ножи и научить их правилам личной гигиены, из них получаются прекрасные домашние питомцы. Однако Скрил – на коне, он проделал большую работу, так что прямо сейчас я готов проглотить обиду и позволить ему доиграть свою роль. Пусть потешит свое самолюбие, тем более что от меня не убудет, а он мне еще может понадобиться.

– Ну ладно, а где эта крошка? – Я понижаю голос и начинаю петь, как в том мультике, кажется, «Герман и Валерьянка». – Я настроен на любо-оф-фь...

– Я даже знать ничего не хочу об афере, которую ты собираешься тут проверить, хитрый ты крендель, – улыбается Скрил, что значит, что он очень хочет узнать, в чем дело. Чтобы успокоить его любопытственный зуд, я сую ему в карман конверт.

– Когда-нибудь я тебе все расскажу, но не сейчас, – говорю я резко, тоном, не терпящим возражений.

Мы выходим и направляемся под скучным дождиком через площадь Георга, в Торговый Город, как уиджи в шутку называют эту принаряженную часть своей ночлежки. Полисмен останавливает какого-то алкаша – за распитие спиртного – и велит ему убрать фляжку. Фигня какая-то. Если Глазго всерьез собирается действовать по схеме «пьянству – бой», им попросту придется посадить все население города в вагоны для перевозки скота и отвезти их всех в горы.

Я говорю об этом Скрилу, а он отвечает, что он бы зарезал меня, если бы я не был его приятелем.

Я отвечаю, что ничего другого и не ожидал.

Это классический «Бар № 1», такой может быть где угодно. И отсутствие своеобразия в таком заведении, кажется, уравнивает и всех клиентов. Это как демонстрационный зал ИКЕИ, куда одинокие бабы и мужики приходят выпить с коллегами по окончании рабочей недели в надежде найти кого-нибудь достаточно пьяного или озабоченного, чтобы пойти с ним домой и выебать. Или дать себя выебать. Я углядел кучу ужасных манчестерских девок с кошмарной химией на башке; больше, чем можно встретить в Арндейлском Центре в субботу.

Мы подходим к бару, Скрил показывает мне Ширли Дункан, после чего отбывает с беспечным напутствием:

– Удачи.

Ну ладно, привет, малышка. Я мог бы и сам догадаться, что это она. Она сидит с двумя подругами, одна из которых очень даже ничего, а другая чем-то похожа на поджарую гончую. Но моя девушка, моя Ширли – она если еще не страдает клиническим ожирением, то уже очень к тому близка. В чем я согласен с Рентоном, так это в том, что нет ничего отвратительнее жирной бабы. Это никак не простительно, это уже настоящее уродство, которое наводит на мысль о жадности и отсутствии самоконтроля, и, давайте уж скажем прямо, болезни психики. Это если говорить о женщинах; лишний вес у мужчины может служить показателем наличия характера и *joie de vivre*.¹³

Я бы сказал, что ей около двадцати (хотя толстые молодые девчонки всегда кажутся старше своих лет – жир убивает все преимущества молодости), и одевает ее властная мамочка. «Это платье из дешевой материи в стиле ретро пятидесятых годов, которое я купила на барахолке, просто ужас как хорошо смотрится на тебе, детка». Я стою у стойки, попиваю себе потихонечку виски с колодой, и тут как раз к стойке подходит подруга моей коровушки, та, что похожа на гончую. Я сверкаю ей улыбкой, она отвечает мне тем же, откидывает челку с глаз, на лице выражение натянутой скромности. Но эта старлеточка никого не обманет. Ей тоже нужен большой мужской половой хуй, как и всем бабам, несколько дюймов эрекции, которые засчитываются как дополнительные очки в этой ве-

13 Графства из «6 центральных графств». – Примеч. пер.

ликой игре под названием «Да, я живу, живу по-настоящему», в которую мы все играем.

– Здесь всегда так людно в такую рань, по пятницам? – спрашиваю я у нее, пока Стинг в колонках поет о том, как несладко приходится англичанину в Нью-Йорке.

– Ага, это ж Глазго, – отвечает она. – А ты откуда?

Ой, как же все просто. Ну почему мне нужна не она, а эта Большая Толстуха?!

– Да из Эдинбурга, приезжал по делам, уже собираюсь обратно, просто решил выпить слегка на дорожку. А ты только что с работы?

– Ага, совсем недавно пришла.

Я представляюсь этой девушке, которую зовут Эстель. Она предлагает угостить меня выпивкой. Я настаиваю на том, что угощаю я. Она говорит, что пришла с подругами, так что, поддерживая репутацию истинного эдинбургского джентльмена, я покупаю выпивку на всех.

Девчонка явно под впечатлением, и вполне очевидно – из-за чего.

– Это ведь свитер от Рональда Мортсона? – спрашивает она, пробуя пальцами качество шерсти. Я лишь улыбаюсь, неопределенно подтверждая ее догадку. – Я так и знала! – Она бросает на меня оценивающий взгляд. Здесь молодые девчонки так на тебя смотрят, в Эдинбурге и Лондоне так на тебя смотрят тетки в два раза старше. Я из задрипанного Лейта, ох-ох-ох...

Когда я подхожу к их столу с напитками, выясняется, что они уже совсем тепленькие, даже Ширли Дункан. Эстель смотрит на меня и оборачивается к Мэрилин, третьей из присутствующих девушек.

– Она сейчас в настроении поохотиться, – подхихикивает она и кашляет, подавившись напитком.

– Что, не в то горло попало? – улыбаюсь я, ловя взгляд Ширли Дункан. Взгляд у нее, надо сказать, забитый, какой-то травмированный. Определенно она – самая страшенькая из всех трех.

– Странно, обычно у нее все выходит из горла, – смеется Мэрилин, и Эстель пихает ее локтем. Я стараюсь обуздать свои природные инстинкты, чтобы не нацелиться на Мэрилин, и даже Эстель сгодились бы на крайняк, но дело есть дело.

Ширли выглядит очень смущенной. Да, в этой теплой компашке она явно случайный человек.

– А чем ты занимаешься, Саймон? – робко спрашивает она.

– Да пиаром. По большей части рекламой. Я недавно вернулся в Эдинбург из Лондона, раскрутить кое-какие проекты.

– А в какой области?

– Кино, телевидение, все в этом роде, – говорю я. В общем, сижу, как говорится, жую дерьмо, потом заказываю еще выпить, и прямо вижу, как прыщи на их лицах становятся все больше и краснее, по мере того как алкоголь проникает в организм, зажигая их, как маяки, а гормоны играют просто повсюду. Да, это как тот рекламный щит в Вегасе, на котором написано: МНЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ЧЛЕН.

И я уже знаю то, что эта Эстель ебучая работала бы у меня на Кингз-Кросс просто за ужин, если б я ею занялся по полной программе. Да, есть такие стремные цыпочки, от них так и разит катастрофой, трудное детство и все такое... извращенец-папаша или, скажем, отчим... психическая травма на всю оставшуюся жизнь, рана, которую не залечишь, что-то вроде социальной экземы, вроде бы все и нормально, болезнь никак себя не проявляет, но она только и ждет момента, чтобы прорваться. Это – в глазах, такой губительный признак болезни, болезненного стремления одаривать разрушительной любовью самую что ни на есть злую силу, все одаривать и одаривать – до тех пор, пока она тебя не поглотит. Такие штучки всю жизнь проводят под знаком жестокого обращения, они прямо сами на это напрашиваются, добровольные жертвы – они изначально были запрограммированы охотиться на следующего обидчика, так же яростно и безустанно, как хищники охотятся на них самих.

Ночь растекается над Клатти, и я отделяюсь от Эстель и Мэрилин, вместе с Ширли Дункан, к полному их изумлению, да и к ее изумлению – тоже. Она вся такая жирная и свежая, и я чувствую себя одновременно и коварным соблазнителем, и социальным работником, и вскоре мы уже целуемся и направляемся в сторону моего отеля. Она говорит: – Я всего один раз это делала...

Когда мы оказываемся в постели, я сжимаю зубы и думаю об афере. Я напряжен, как член. Мои руки скользят по ее тяжелым грудям, вверх-вниз – по этим отвислым штуковинам и по лунному пейзажу необъятной задницы. Я еще толком в нее не засунул, а она уже кончила. Замечательно. Вот, кстати, повод потренироваться в технике сдерживания оргазма. Я на миг замираю в притворном напряжении, выдаю тихий стон и совершаю спазматические толчки тазом, симулируя бурную эяку-

ляцию.

Я понимаю, что вот сейчас я в первый раз в жизни сымитировал оргазм. Ощущения несколько странные, но я доволен.

И только когда наступает утро, я проникаюсь размерами своего самопожертвования и едва сдерживаю тошноту. Она вылезает из кровати и говорит:

– Мне пора, я сегодня с утра работаю.

– Что? – говорю я, слегка встревоженный. – Сегодня же «Рейнджеры» не играют. То есть сегодня они на выезде.

– Да нет, я уже не работаю на Иброксе.¹⁴ На прошлой неделе уволилась. Теперь я работаю в турагентстве.

– Ты не...

– Все было так хорошо, Саймон. Я тебе позвоню! Все, я побежала, а то опоздаю. – И она уже за дверью, а я лежу, весь как будто оплеванный, изнасилованный жирной вонючей сучкой, и все – из-за этого придурка Скрила!

Я съедаю гостиничный завтрак, иду на Куин-стрит и звоню Скрилу на мобильный. Он весь – оскорбленная невинность, но этот скользкий чувак меня подставил, и я это знаю.

– Я не знал, брат, честное слово. Ну, да ты не расстраивайся, поболтайся с ней еще, а она, может, подскажет, кто еще там работает.

– Хм-м. – Я отключаюсь, очень надеюсь, что у Никки дела продвигаются лучше, чем у меня.

47. «...Вездесущие Чипсы...»

Я вся – усталая и больная. Мы с Мел и Крэйгом снимались в сцене на боксерском ринге. Хорошо еще, мне потом не пришлось с ним трахаться. В сценарий внесли изменения, это было первое, что мы заметили, когда пришли утром в Лейте – кий боксерский клуб. Рэб занимался установкой камеры, и он подошел ко мне.

– Ты не должна была этого делать, этого не было в сценарии. Я ничего ему не отвечаю, но подхожу к Саймону.

– А что это еще за дополнение? «Джимми достает восемнадцатидюймовый дилдо, с головками на обоих концах. По всей его длине нанесены мерные насечки».

– Ага, – говорит он, движением руки подзывая Мел. – Мне показалось, что надо ввести еще один элемент напряжения между девушками перед большой сценой лесбийской любви. А то все было слишком мягко, слишком по-сестрински, слишком уютно. Я подумал, что лучше будет показать характеры, доведенные до крайности. Они не хотят делить Тома, обе хотят эксклюзивное право на его член, понимаешь?

Я смотрю на Мел, и она похлопывает меня по руке.

– Все будет хорошо.

Но сделать эту сцену не так уж и просто. Мы с Мелани стоим на четвереньках на боксерском ринге, а член – между нами, внутри нас. Нам нужно давить назад, друг в друга, и та, в которой в момент касания ягодицами окажется большая часть дилдо, и есть победительница, и она будет трахаться с Крэйгом. А хуже всего то, что придумал все это Саймон, он даже притащил каких-то людей из паба, где они смотрели старые порнушки Терри, чтобы они поболели за нас.

Все не так. Теперь все совсем по-другому. В первый раз с тех пор, как я ввязалась в это дело, я себя чувствую так, как будто меня и вправду используют, словно я больше не человек, а просто объект – а все эти уроды из паба окружают ринг, и лица у них перекошенные, безобразные, они воют и визжат. В какой-то момент я чувствую, как у меня по щекам текут слезы. Да еще Саймон подбадривает:

– Давай, Никки, давай, детка... ты лучшая... такая самая сексуальная... – Только меня, блядь, это раздражает. От этого мне только хуже. Я чувствую, как высыхаю и напрягаюсь. Лучше бы он заткнулся. Что бы он ни говорил, я хорошо помню его слова: мы, британцы, любим смотреть, как ебут других. После бесчисленных дублей мы с Мел в изнеможении обнимаем друг друга. Мне больно, все внутри саднит, я чувствую слабость.

¹⁴ Иброкс – стадион в Глазго, на котором проводит свои домашние матчи лучший футбольный клуб Шотландии «Рейнджеры». – Примеч. пер.

– Сделаем перерыв, девочки. Мы отсняли немало горяченького материала для монтажа, – говорит Саймон.

Мел как «победительница» еще и участвует в сцене с Крейгом. Саймон кладет руку мне на плечо. Как будто подлизывается.

– Не трогай меня, – говорю я ему, сбрасывая его руку. Когда Мел заканчивает, мы с ней уходим вместе, идем в Ботанический сад, наблюдаем за мужиками всех возрастов, что проходят мимо, и пытаемся определить, смотрят ли они порнографию. Потом мы играем в такую игру: громко высказываем догадки, какие на ком трусы и что в этих трусах, рьяный конь или маленький хомячок, – в общем, забавляемся, как можем. Мы разговариваем все громче и жестче, все более насмешливо и резко – вроде как мстим за обиду, лечим себя.

Ближе к вечеру Саймон заходит ко мне домой.

– Ты замечательно справилась, Никки, это была трудная сцена.

– Мне было больно, – говорю я резко.

Саймон смотрит на меня так, как будто он сам сейчас расплечется.

– Прости меня... я не знал, что все будет так... это все из-за этой толпы, они пришли потусоваться, эти уроды из порноклуба Терри... – Я замираю в его объятиях. – Ты была так хороша, Никки, но я никогда больше не допущу... я не позволю тебе пройти через что-то подобное еще раз.

– Обещаешь? – спрашиваю я, глядя ему в глаза. Мне так хорошо, когда он меня обнимет. Я себя чувствуя такой маленькой.

– Обещаю, – говорит он.

– В любом случае, я думаю, брат номер пять остался доволен, – говорю я.

– А что с другим нашим делом? – спрашивает он, и я отвечаю, что все под контролем.

Потому что я знала, что он позвонит. После работы он повел меня пообедать в местечко под названием «Вездесущие чипсы». Это я предложила, чтобы мы пошли именно туда, потому что мне понравилось название. Саймон, Терри и все остальные здесь, в Эдинбурге, с презрением относятся к Глазго и его обитателям, но я пару раз туда ездила с народом из универа, мы там очень неплохо ходили по клубам, и, будучи непредвзятой, нашла, что мне нравится этот город – по сравнению с Эдинбургом он более своеобразный, дружелюбный и живой.

В «Чипсах» было наше второе свидание. На первом свидании, в «О'Нэйле», я заболтала его на раз и спросила, не хочет ли он перебраться куда-нибудь в другое место. Мы пошли в маленький тихий паб, и мне показалось, что «клиент» сражен наповал.

Под конец вечера бедняге пришлось возвращаться домой пешком, потому что он проводил меня на последний поезд обратно на Куин-стрит. Я разрешила ему поцеловать меня на платформе и почувствовала, как он прижимается ко мне своим вставшим членом. Но я была настоящей леди и не показала, что я это заметила.

Я села в поезд и помахала ему на прощание так церемонно, как только смогла. Глядя ему вслед, я попыталась представить себе, а как бы он выглядел, если бы похудел и очки поменял, взял бы что-нибудь в более стильной оправе или вообще перешел бы на линзы, и подумала... нет.

Итак, наше следующее свидание в «Чипсах», и я начинаю свою игру. Саймон мне говорит, что я должна быть расчетливой и холодной, но он не знает, насколько этот Алан одурманен мною.

– Все, что мне нужно, это распечатка данных по всем клиентам вашего филиала, Алан. Они и не узнают, что это от меня. Я собираюсь продать ее маркетинговой компании. Плюс номера счетов.

– Я... я... я подумала, что можно сделать.

Я иду в туалет, звоню Саймону с мобильного и сообщаю хорошие новости.

– Нет, Никки, действуй скромнее, предупреждай все его возражения.

– Но он от меня без ума! Он готов на все!

– Может быть, он и готов на все прямо сейчас, но, чтобы вытянуть из него все, что нам нужно, тебе придется быть рядом с ним постоянно, двадцать четыре в сутки семь дней в неделю. Тебя прельщает такой расклад?

– Нет, но...

– Это сейчас все прекрасно и замечательно, но когда он будет лежать один у себя в постели, после того как отчаянно на тебя задрочит, и ему будет стыдно и горько, и он начнет сомневаться.

Может, у Саймона нет обширных познаний в области человеческой природы в целом, но он хорошо разбирается в ее половом аспекте. Это имеет смысл. Но даже если все так, кто же не сделает небольшую приятность объекту своих сексуальных фантазий? Хотя бы в надежде на вознаграждение?

Но Саймон был прав, у Алана уже были подобные мысли. Когда я была рядом, все – замечательно, но стоило мне оставить его одного, и он сразу же приходил в себя. Когда я вернулась, он сказал мне, что мог бы достать имена с адресами, но только не номера счетов, а то у него могут быть крупные неприятности. И вообще, зачем для маркетинга номера счетов?

Что мне было ответить?

– Да понимаешь, какое дело, хочу запродать их знакомому хакеру, который сможет взлезть в систему и очистить счета.

– Нет! Я не могу!

– Я же шучу, – смеюсь я над ним.

Он нервно смотрит на меня, потом смеется в ответ.

– Я ведь не знаю кодов авторизации. И образцов подписи у меня нет. Это просто сэкономит компании время на составлении базы данных на потенциальных клиентов. – Я беру чипсу с тарелки. – Вкусные чипсы, – говорю я ему, и это – чистая правда. Чипсы действительно хороши.

48. Шлюхи из города Амстердама (Часть 5)

Эдинбург – точно такой, каким я его помню, то есть холодный и мокрый, – хотя зима вроде бы и закончилась. Сажусь в такси, называю адрес на Стокбридже, там квартира моего друга, Гэвина Темперли. Темпе – один из немногих моих друзей, который никогда не притрагивался к наркоте, так что он был, опять же, один из немногих, с кем я продолжал общаться. Тем более что он не водился с такими, как Бегби.

Когда я приезжаю к нему домой, из квартиры выходит девушка, лет этак двадцати. Вид у Темпе смущенный. Похоже, они поссорились.

– Ты извини, что я тебя не представил, – говорит он, когда мы проходим внутрь. – Это была Сара. М-да, в данный конкретный момент я ни разу не первый номер в ее хит-параде.

Я подумал, что сам был бы не прочь оказаться хотя бы в ее десятке.

Я оставляю сумки, и мы с Гэвом идем в паб, а потом – в индийский ресторанчик. Это милое и недорогое местечко, и оно пользуется популярностью у влюбленных парочек, но есть и компании подвыпивших пацанов. В Даме тоже есть парочка неплохих азиатских забегаловок, но там все равно не умеют готовить карри. За пару столиков от нас сидит компания шумных и пьяных тупиц, но я сижу к ним спиной, так что могу наслаждаться бринджай бхаджи и креветками по-мадрасски с большим, скажем так, успехом, нежели Гэв, которому приходится лицезреть их утомительное криклянье. Но потом мы надираемся сами и перестаем замечать этих крикливых алкашей. До тех пор, пока я не иду вниз пописать.

На выходе из туалета мое сердце замирает и подкатывает комком к горлу. Какое-то уебище, кулаки, как гири, бежит вниз по лестнице прямо на меня. Я застываю. Блядская жизнь... это он... я перехвачу его и вмажу ему изо всех сил, сперва по ноге, а потом...

Нет.

Это просто какой-то мудака вызывающе прет в сортир мимо меня, но у меня нет к нему неприязни. На самом деле мне хочется расцеловать этого социопата просто за то, что он не Бегби. Спасибо тебе, заебанный придурок.

– В табло не желаешь? – интересуется он, проходя мимо.

– Извини, приятель, просто я тебя кое с кем перепутал, – объясняю я.

Урод бормочет что-то себе под нос, потом направляется к кабинкам. В первые пару секунд я думаю, а не пойти ли за ним, но решаю, что лучше не нарываться. Единственное, что вколотил в меня Реймонд, мой инструктор по сетокан-карате, что самое важное в боевых искусствах – не применять их без надобности.

Поев, мы в Гэвом возвращаемся к нему и сидим за полночь, пьем, травим байки, пиздим за жизнь, в общем, наверстываем упущенное. В его манере себя вести есть что-то такое... удручающее. Мне стыдно, что я так к нему отношусь, и не то чтобы я такой весь из себя исключительный, ведь мне действительно нравится этот парень, блядь, но дело в том, что он как будто наталкивается на стену собственной ограниченности, так и не научившись любить то, что у него есть. Он говорит мне, что у него все тот же ранг в Департаменте по трудоустройству, и выше ему уже не подняться. Его прощения о продвижении столько раз отфутболивали, что он перестал их подавать. Наверное, говорит он, это все из-за того, что он отметил в своей анкете, что употребляет алкоголь.

– Забавно, когда я только-только начинал там работать, пить считалось чуть ли не обязательным. Предполагалось, что если ты ходишь по клубам, то ты общительный человек, не замкнутый. А теперь это считается пьянством. Сара... она хочет, чтобы я бросил все это и уехал с ней путешествовать, в Индию и дальше в ту степь. – Он качает головой.

– Так поезжай! – говорю я ему убежденно.

Он смотрит на меня так, как будто я предлагаю ему оприходовать девочку-первоклассницу.

– Марк, ей двадцать четыре, а мне тридцать пять. Это большая разница.

– Не пизди, Гэвин. Если ты этого не сделаешь, потом будешь всю жизнь жалеть. Если ты не поедешь, ты потеряешь ее и так и будешь сидеть до скончания дней в своем этом мудацком офисе, а лет через двадцать превратишься в трясущегося пьянчужку, жалкого пидора, на которого и смотреть-то противно. И это еще самый лучший вариант из всех возможных, тебя вообще могут выкинуть на улицу – просто так, по самой пустяковой причине.

В глазах у Гэвина – пустота, и я вдруг понимаю, насколько мое пустословие унизительно и оскорбительно для него. В свое время мы все орали, что работать – это для идиотов, но со временем ты понимаешь, что не работать нельзя, и с возрастом ставки растут и растут.

– Я не знаю, – говорит он устало, поднося ко рту стакан. – Иногда мне кажется, что я слишком уж засиделся на месте. Что вот это – тупик, – произносит он, оглядывая свою хорошо оформленную и стильно обставленную квартиру. Это и вправду отличная квартира в викторианском Эдинбурге; вид на залив, большой мраморный камин, отшлифованные полы, коврики, старая или стилизованная под старину мебель, стены покрыты клеевой краской. Все – идеально, безукоризненно, и можно с уверенностью сказать, что закладная на эту квартиру – это очень веская причина, почему он не хочет терять работу. – Я думаю, я, наверное, уже упустил свой корабль, – заявляет он с юмором висельника.

– Нет, еще не упустил. Сейчас у тебя появился шанс, главное – его не упустить, – говорю я настойчиво. – Ты ведь можешь сдать эту хату, – говорю я ему, – и она никуда не денется, когда ты вернешься.

– Посмотрим, – улыбается он, но мы оба знаем, что ничего он не сделает, упертый мудака.

Гэв чувствует мое презрение и говорит:

– Для тебя это, может быть, просто, Марк; а я не такой, как ты. – Он почти защищается.

Я собираюсь возразить, почему это для меня все просто? Ни хуя для меня не просто. А вот ты просто вбил себе в голову всякий бред. Но я должен иметь в виду, что я здесь гость, и он мой друг, так что я только и говорю:

– Это все от тебя зависит, приятель, твою жизнь никто за тебя не проживет, и ты один знаешь, что для тебя лучше.

Он задумывается над моими словами и делается еще более мрачным.

На следующий день я решаю пойти прошвырнуться по городу. Надеваю шляпу, чтобы прикрыть мои характерные рыжие волосы, и напяливаю очки, которые обычно ношу только в кино и на футбол. Надеюсь, что этого хватит для маскировки. Тем более прошло десять лет, а десять лет – срок немалый. В любом случае я не собираюсь соваться в Лейт, где у Бегби наверняка есть дружки, которые могут знать меня в лицо. Я слышал, что Охотник живет все там же, в начале Бульвара, и я направляюсь туда, к своей второй депрессивной встрече.

Нижние зубы Охотника стянуты металлической проволокой. Называется скоба. От этой скобы его зловещая улыбка стала еще страшнее, чем обычно – как у того парня, который Челюсти из Бондианы эпохи Роджера Мура. Гэв Темперли мне говорил, что кодла Файфа – или Глазговца, в зависимости от того, с кем ты в данный момент беседуешь, – пыталась выбить ему зубы. Я рад, что попытка не увенчалась успехом. Его мертвенная улыбка была просто произведением искусства. Темпе говорил, что Охотник им всем отомстил – причем отомстил страшно. Хотя, может быть, это пиздеж. Но одно я знаю твердо: он – единственный человек из всех, кого я здесь знаю, чье общество предоставит мне что-то вроде страховки от старой команды Бегби. Может быть.

Охотник встретил меня так, как будто я никуда и не уезжал, сразу же, прямо с порога, попытался продать мне героин, и вроде как удивился, когда я вежливо отказался. В общем, я быстро понял, каким я был идиотом, что приперся сюда. Мы с Охотником никогда не дружили и даже не приятельствовали; это был, чиста, бизнес. У него вообще не было друзей. У этого парня на месте сердца – большой кусок льда. И еще меня удивило, что я совсем его не боюсь, хотя он по-прежнему выглядит очень внушительно – такой огромный угрюмый амбал, – и мне интересно, так ли все будет и с Бегби.

Что в Охотнике пугает по-настоящему, так это его тихая, грустная даже порочность. Он вытаскивает из-под кушетки что-то похожее на крышку от коробки с «Монополией», но перевернутую вверх дном. Я даже не сразу врубаюсь, что это: несколько использованных презервативов, полных, завязанных узелочком, лежат на картонке в строго определенном порядке.

– Неделя упорной работы. – Он ухмыляется и откидывает с лица свои длинные патлы. – Вот это была та маленькая птичка, которую я подцепил в «Абсолюте», – говорит он с прохладцей, показывая на одну из резинок. Они похожи на мертвых солдат на поле боя после кровавой резни. Я представил себе, как Охотник раскладывает их на крышке, и мне стало дурно.

Я молчу, потому что не знаю, что говорить. Замечаю на стене флаер Дэвида Холмса из «Склепа».

– Классный был вечерок, надо думать, – говорю я, кивая на флаер.

Охотник как будто меня и не слышит. Он тычет пальцем в другой гондон.

– А это была студенточка из богатеньких. Англичанка, – продолжает он. И на какую-то долю секунды мне представляется, будто все это действительно женщины, уменьшенные и расплавленные до полосок из розовой тонкой резины каким-то кошмарным лазерным лучом, который бьет у Охотника из члена. – А вот эту птичку, – показывает он на еще один, – я подцепил в «Виндзоре». Ебал ее по-всякому, во все дырки, – ухмыляется он и выдает стандартный набор в стандартной последовательности: рот, пизда, задница.

Нетрудно представить Охотника на какой-нибудь совершенно безголовой девчонке, как он ебет ее в задницу, как она стискивает зубы от боли, а в качестве безжалостного саундтрека к ее боли и унижению – предупреждения родителей и друзей, что не надо водиться с плохой компанией. Может, потом она даже пытается прижаться к этому мудаку, чтобы убедить самое себя, что это был ее выбор, что она сама захотела, что ее злобно не изнасиловали. А может быть, она просто съебалась отсюда как можно скорее.

Взгляд Охотника, как след от мочи в глубоком снегу, перемещается к следующему презервативу.

– Вот это была действительно грязная шлюха, я трахал ее долго-долго...

Все знали, что он пичкает девчонок наркотой. Они с Мики Форрестером кололи им героин, а потом ебли их по-всякому, пока те были под кайфом. Это они так развлекались: сажали девочек на иглу, а потом трахали их за дозу. Я смотрю на Охотника и думаю, как люди могут вот так безропотно подчиняться злу, сужая и ограничивая свои возможности за столь малое и сомнительное вознаграждение. А что получал сам Охотник? Еблю с почти бездыханным телом. Удовольствие ниже среднего, на мой скромный взгляд.

В общем, вот с кем я сейчас общаюсь: замотанный младший служащий и старый знакомый, торгующий наркотой. Нет, я только приехал, а уже не могу дождаться, когда уеду. Звоню родителям, они сейчас живут за городом, в Дунбаре, и говорю, что заеду к ним – повидаться. Когда я направляюсь к выходу, Охотник кричит мне вслед:

– Имей в виду, если ты вдруг передумаешь и захочешь купить...

– Ага, – киваю я.

Я выхожу и смотрю на Бульвар. Лейт одновременно и манит меня, и отталкивает. Все равно что стоять у обрыва – так и тянет подойти к самому краю, но в то же время ужасно страшно. Я думаю, а не выпить ли чаю с яичным рулетом в Канасте или, скажем, пинту «Гиннеса» в Центральном. Простые радости жизни. Но нет, я поворачиваю в другую сторону. В Эдинбурге тоже есть кафе и пабы.

Я звоню Психу, который так все и пытается выяснить, где я остановился, но я ни за что не доверюсь ему в этом плане, тем более что мне не хочется нервировать Гэва. Спрашиваю у него, как идут дела, и у него все отлично – он доволен и фильмом, и прогрессом в афере. Потом он сообщает мне печальную новость по поводу Терри Лоусона.

– А ты к нему сядня не собираешься? – спрашиваю я. Он шипит мне в ухо сквозь треск помех:

– Я бы с удовольствием, но мы тут играем в пятерки у Джека Кейна. Биррел, кажется, собирался, – говорит он и дает мне номер Рэба Биррела. Рэб мне понравился, когда мы встречались с ним в Амстердаме. Я немного знал его брата, давным-давно – хороший парень и хороший боксер. Я звоню Рэбу, и он повторяет историю о том, что случилось с Терри. Рэб собирается зайти к нему в больницу, так что мы встречаемся в пабе «У Дока», и с ним приходят две сногшибательные девицы, которых он мне представляет как Мел и Никки.

Я сразу же понимаю, кто это, и, очевидно, они тоже кое-что знают про меня.

– Так ты и есть знаменитый Рент, о котором мы так много слышали, – зазывно улыбается Никки, зубы как жемчужины, а взгляд буквально впивается в меня. У нее потрясающие глаза, очень красивые. Эта девчонка мне нравится. А когда она прикасается к моему запястью, меня как будто бьет током. Потом она хватает сигарету и говорит:

– Давай за компанию покурим.

– Я бросил. Уже несколько лет не курю, – отвечаю я.

– Во как. Стало быть, никаких вредных привычек, никаких слабостей и пороков, – поддразнивает она меня.

Я этак загадочно пожимаю плечами и говорю:

– Ну, я старый друг Саймона.

Никки убирает с лица свои длинные каштановые волосы, запрокидывает голову и смеется. У нее легкий носовой акцент провинциального юга Англии, речь очень правильная, без манерного шика. Видно, что девчонка из хорошей, интеллигентной семьи. Внешне она поразительно привлекательная, а вот голос у нее самый обыкновенный, я бы даже сказал, невыразительный. И это даже немного обидно.

– Ну да, Саймон. Тот еще персонаж. А ты тоже будешь сниматься в фильме?

– Хочу вот попробовать, – улыбаюсь я.

– Марк займется финансами и распространением. У него куча связей в Амстердаме, – объясняет Рэб.

– Храашо, – говорит Мелани с изумительным акцентом девчонки из рабочего квартала Эдинбурга. Вот это я понимаю – колоритный выговор, таким только краску со стен сдирать.

Я покупаю всем еще выпить. На самом деле я жутко завидую Психу, Терри, Рэбу и всем остальным, кто снимался в постельных сценах с этими двумя девчонками, и я решаю как можно скорее проникнуть в этот закрытый клуб. Я абсолютно уверен, что Псих живет с кем-то из них или даже с обеими.

Но нам пора к Терри в больницу.

Терри, кажется, рад меня видеть.

– Все путем, Марк? – говорит он. – Как там Дам поживает?

– Неплохо, Терри. Неплохо. А вот ты-то как?

Терри мне нравится, он хороший мужик. Еще один человек из прошлого, и он всегда был классным парнем.

– Да я тоже неплохо... однако тут есть свои трудности. Его сейчас нельзя напрягать, это довольно тяжело – со всеми здешними хорошенькими сестричками.

– Ладно, думай о будущем, Терри, – подбадриваю его я, кивая на девочек, которые увлеклись разговором и ничего вокруг не замечают. – Он тебе еще пригодится.

– Ты охуительно прав, дружище, в этом вся прелесть жизни. Будущее без секса... – Он трясет головой в неподдельном страхе, одна мысль об этом пугает.

Я вижу, что Мел и Никки ухмыляются, о чем-то секретничая. Точно задумали какую-то каверзу. Потом они внезапно задергивают занавески вокруг кровати Терри. К моему изумлению, Никки обнажает грудь, Мел делает то же самое, и они начинают медленно, по-настоящему целоваться, лаская груди друг друга. Я в полном улете; пытаюсь сравнить это с тем Эдинбургом, откуда я уезжал.

– Нет... хватит... не надо... – вопит Терри, у него, должно быть, расходятся швы из-за мощной эрекции. – ПРЕКРАТИТЕ, МАТЬ ВАШУ...

– Ты что-то сказал? – Мел невинно хлопает глазками.

– Пожалуйста... я не шучу... – стонет он, закрывая глаза рукой.

В итоге они прекращают, хохочут как сумасшедшие, а Терри вертится, словно на вертеле. Из-за этой «невинной проказы» нам приходится сократить свой визит, да и Терри явно ждет не дождется, чтобы мы побыстрее свалили.

– Пойдешь с нами выпить, Марк? – предлагает Мел, когда мы выходим из палаты.

– Да-а, давайте все вместе накатим по виски, – мурлычет Никки. Я встречал в клубах сотни таких же красоток, игривых, кокетливых, источающих мощную сексуальность. Сперва она от тебя не отходит, чего-то такое щебечет, так что ты чувствуешь себя каким-то особенным, пока до тебя не доходит, что она так ведет себя с каждым. Но мне не нужны никакие дополнительные стимулы, чтобы присоединиться к их теплой компании. Я – очень даже с большим удовольствием, хотя мочевого пузыря у меня сейчас лопнет, да и перистальтика беспокоит.

– Ребята, мне надо сходить в туалет. Я-то после этого карри... и всего пива...

В общем, я отделяюсь от компании и нахожу мужской туалет. Большой у них тут сортир; писсуары, ряд раковин и шесть отдельных срален. Захожу в самую дальнюю от двери кабинку, отрываю туалетной бумаги и сперва вытираю испачканный стульчак, а потом уж устраиваюсь опорожнить кишки. Какое облегчение. Я уже начинаю вытирать задницу, когда кто-то входит в сортир и заходит в кабинку рядом с моей.

Пока он там усаживается, я уже закончил подтираться и собираюсь выходить, но тут слышу ругань, а потом – стук по металлической стенке. Голос кажется мне знакомым.

– Эй, приятель, в этой мудацкой кабинке нет бумаги туалетной. Ты мне чуток не подсунешь снизу?

Я собираюсь сказать, типа, да, без вопросов, и разделить его праведное негодование по поводу прискорбного отсутствия туалетной бумаги, и тут вдруг узнаю этот голос, и кровь леденеет в жилах. Нет, так не бывает. Только не здесь. Быть такого не может.

Я смотрю в щель, дюймов так в десять, между стенкой кабинки и полом. Пара хороших черных ботинок. Но с металлическими набойками. И еще носки.

Носки белого цвета.

Я инстинктивно отдергиваю свои ноги, обутые в кроссовки, от края, а голос злобно кричит:

– Давай, нах, пошевеливайся!

Стараясь унять дрожь, я отрываю немного бумаги и просовываю ее под перегородкой.

– Спасибо, – хрипло бормочет голос.

Я натягиваю трусики и брюки и отвечаю:

– Да не за что. – Я весь потный от страха. Я быстро смываюсь, даже не помыв руки.

Рэб, Никки и Мелани ждут меня у автомата с напитками, но я поворачиваю в другую сторону и бегу по коридору, меня бьет дрожь. Подальше отсюда. Быстрее. Хотя умом-то я понимаю, что мне надо бы успокоиться, остановиться и издали посмотреть, кто выйдет из сортира, чтобы либо убедиться в правильности своей жуткой догадки, либо ее опровергнуть, потому что определенность – это всегда по-любому лучше, чем мучиться сомнениями, но нет, я бегу сломя голову скорее из этого блядского госпиталя и подальше отсюда. Этот мудака – настоящий. Он живой. Он на воле.

49. Один дома-2

Звонит эта сука Джун, говорит, чтобы я немедленно ехал к ним, потому что, блядь, Шон поранил Майкла. А я себе думаю, так ему, Майклу, и надо, мелкому дурачку, а то не пацан, а девчонка какая-то, честное слово.

– И не лезь щас ко мне со своими проблемами, – говорю я Джун. Если бы она нормально смотрела за детьми, и проблем бы не было никаких.

А теперь и эта еще прицепилась:

– Что там такое, Фрэнк? Я закрываю трубку рукой.

– Да это Джун, блядь. Говорит, дети подрались. А по-моему, это нормально. Чего еще пацанам делать, как не махаться. Не понимаю, чего такой хай поднимать. – Я убираю руку с трубки.

– Фрэнк, блядь, приезжай сейчас же! – визжит Джун в трубке таким, бля, высоким, пронзительным голосом. – Здесь все в крови!

Я бросаю трубку и хватаю куртку.

– Мы же собирались пойти погулять, – говорит Кейт, и вид у нее недовольный и кислый.

– Блядь, ты, идиотка, там мой сын кровью истекает! – ору я ей, выбегая из квартиры. Вообще-то надо было перед уходом пару раз сунуть ей в рыло, суке бесчувственной. Нет, правда. Удивительно даже, что я удержался. А мог бы и вправду ей вмазать в челюсть. Что-то она начинает меня раздражать. Вот это птичка – специально для тебя. И да, сперва все очень даже ниче: медовый месяц, и все дела, но ведь не может же он длиться вечно. В конце концов наступают суровые будни, да.

Машина в разьебанном состоянии, так что я выхожу на Бульвар, и первый, кого я встречаю на улице, – это Малки, Выкатывается из букмекерской конторы. И сразу понятно, куда он направляется. В кабак он идет, не иначе. Тут и к гадалке не ходи. Не видел этого кренделя с тех самых пор, как мне пришлось врезать по морде тому зажавшемуся мудаку, Норри. Ну, когда мы в карты играть собрались.

– Привет, Франко! Есть время? А то, может, выпьем? Мне надо бы поторопицца, но жажда уже

просто душил.

– Только по-быстрому, Малки. Домашний кризис, блядь; одна сука ебет тебя по телефону, а другая – прямо на месте, дома. Уж лучше обратно в тюрьгу.

– Ну-ка, ну-ка, давай поподробнее, – говорит Малки. Правильный он мужик, этот Малки. Забавно, как скачут мысли. Вспомнив о Норри, я вспоминаю, как однажды разбил бутылку Малки – я уж не помню, о чем мы спорили, что-то там по ящику показывали, ну мы и сцепились. Что же это было... а, теннис. Не помню уже, кто играл, но это был точно Уимблдон. Ага, я тогда жутко завелся и разбил бутылку шерри о голову этого пидора. Теперь-то все уже забыто, на каждого накатить может, да. А кто старое помянет... Да и Малки вроде как цел и невредим. Он покупает два пива и рассказывает мне об этом тупом уебке Сейбо из Лохэнда.

– У этого Сейбо было перо на кармане. И он повздорил с кодлой Денни Сазерленда, и какой-то мудила пнул его по яйцам, да промахнулся и ударил по карману с ножом. Нож выскочил, а один из этих парней как раз на него прыгнул, и нож попал ему прямо в яйца.

А я все вспоминаю, из-за чего я тогда врезал Малки бутылкой. Из-за тенниса или все-таки из-за сквоша? Ох уж мне эти игры с ракетками. Он уложил одного мудака, я – другого... хуй знает, все как в тумане.

Малки рассказывает мне, что Нелли вернулся назад из Манчестера и свел с морды все татуировки. Ни хуя удивительного, у него такой бардак был на роже; пустынный остров на лбу, змея на одной щеке, на другой – якорь. Ебучее ничтожество; мнит о себе невесть что, а других опускает. Типа он самый крутой. Да. Это неплохо, что он вернулся – до тех пор, пока он не начнет выделяться, как говорится, из себя меня корежить.

После пары кружек я еду к Джун. Она стоит у подъезда и собачится с какой-то коровой, которая разворачиваетца и уходит вовнутрь, как тока видит меня.

– Ты где был? Я такси уже вызвала! – говорит она.

– Дела, – отвечаю я, глядя на Майкла. У мальчика какая-то тряпка к подбородку прижата. И она вся в крови.

Я смотрю на Шона и иду к нему, а он пятитца, съезжившись.

– Что ж ты, блядь, сделал? Джун начинает орать:

– Ты мог ему шею повредить! Мог попасть прямо по вене!

– Что, блядь, здесь было?

У нее глаза из орбит вылезают, как будто ее распирает.

– Он где-то добыл кусок проволоки и натянул в дверях, как раз на уровне шеи Майкла. Потом он его позвал, сказал, что по ящику Еврокубок показывают, типа вроде как «Хибсы» будут «Хертам» бить пенальти. Майкл и побежал. Хорошо хоть немного не так намерил, и Майк шеей в проволоку не врезался. Чуть ниже – и мог бы и без головы остаться!

А я думаю: это ведь хорошо, значит, у парня, блядь, есть смекалка. Мы с Джо тоже такие штуки друг другу устраивали, когда мелкие были. У парня хотя бы есть задор попроказничать, а не только сидеть и играть во всякую хрень вроде видеоигр, как сейчас многие пацаны. Я смотрю на Шона.

– Я это в фильме увидел. «Один дома-2», – говорит он. А я стою руки в боки и гляжу на эту тупую сучку Джун.

– Это ты виновата, – говорю я ей, – ты ему разрешаешь смотреть эти блядские фильмы.

– Какого хуя, я...

– Это блядское видео – оно учит детей насилию, – ору я на эту сучку, но я сейчас не собираюсь с ней спорить, ну не на улице же, нах. Потому что если я буду с ней здесь разговаривать, я ее разьебу на хуй, и поэтому, собственно, у нас с ней все и не сложилось, эта чертова кукла так меня заводит, что пока я ей не въебу как следует, я не остановлюсь. Подъезжает такси.

– Я его отвезу в больницу, ему там наложат швы, а ты отъебись, – говорю я ей. Потому что я не хочу, чтобы меня видели с этой дурой. А то еще люди подумают, что мы все еще вместе живем. Но ты же не станешь глотать куриные кости недельной давности, если можешь взять свежий бигмак, я так всегда говорил.

Ага, а вид у нее, как у шлюхи на герыче, и если она и вправду ширяется, когда дети рядом... но нет, она даже не знает, как это, ширятца, просто вид у нее такой... ну, потасканный.

Я хватаю Майкла и сажаю его в такси, и мы уезжаем, оставляя их прямо на улице, в смысле Шона и эту сучку. Маленькое уебище все еще прижимает какую-то дрянь к подбородку. Все-таки это неправильно, что Шон так с ним обращается.

– Он к тебе часто лезет? – спрашиваю я.

– Ага... – отвечает Майкл, а глаза у него все красные от слез, как у девчонки.

Я понимаю, что должен сказать этому маленькому пизденышу какие-то умные, правильные слова, причем прямо сейчас, иначе он вырастет слабаком и будет мучиться всю свою жизнь. Парня надо как-то поддержать. А она и не побеспокоитца, нет, кто угодно, но не она. Она просто дождетца, когда еще что-нить случитца, а потом будет рыдать крокодилыми слезами.

– Ладно, ты не реви, Майкл. Твой дядя Джо, он мой старший брат, и я сам через все это прошел. Ты должен уметь за себя постоять. Вот, скажем, возьми обычную бейсбольную битку и долбани мудака по башке, дождись, когда он заснет – и давай. Это поставит его на место. Тогда, с Джо, это сработало, только я двинул его по макушке половинкой кирпича. Вот что тебе нужно сделать. Может быть, он и сильнее тебя, но уж никак не сильнее половинки кирпича в морду.

Вижу, малец задумался над моими словами.

– И тебе еще повезло, что есть я, чтобы тебе все это рассказать, потому что, послушай, когда я был маленьким, в твоём возрасте, и меня донимал твой дядя Джо, у меня никогда не было никого, кто бы меня научил, мне пришлось самому до всего доходить. Этот старый мудака, мой отец, он вообще ни хуя не мог.

Парень весь скорчился на сиденье и соорстил глупую рожу.

– Ну что такое с тобой опять? – спрашиваю я.

– Нам в школе сказали, что ругаться нельзя. Мисс Блейк говорит, это нехорошо.

Мисс Блейк кричит, это нехорошо. Неудивительно, что Шон попытался его отделать.

– Я знаю, что нужно твоей мисс Блейк, – говорю я ему. – Учителя идут на хуй, это я тебе говорю, – показываю я на себя. – Если бы я слушался каких-то мудацких учителей, я бы вообще ниче в жизни не добился.

Вижу, пацан снова задумался. Этот малец похож на меня – глубокий мыслитель, блядь. Мы приезжаем в больницу, прямо в приемное отделение, и выходит дежурная медсестра и проводит этот дурацкий осмотр.

– Нужно несколько швов наложить.

– Ага, – говорю я, – я знаю. Но вы сможете это сделать нормально?

– Да, вы пока посидите здесь, вас позовут, – отвечает она. А потом нам приходится ждать черт знает сколько. Вот ведь блядство. За то время, что ушло на осмотр, можно было и швы наложить. У меня уже нет никакого терпения, и я готов забрать пацана обратно и сделать все дома сам, когда нас наконец вызывают. Все эти их мудацкие вопросы – это они типа думают, что это я его так измудохал. Я весь в психозе, но держу себя в руках и молчу, потому что хочу убедиться, что он не наядбедничает на Шона, пусть даже нечаянно. Когда все наконец закончено, я говорю ему:

– И в школе на Шона не вали, ни мисс Блейк своей, или как ее там, хорошо? Скажи им, что ты упал. Да?

– Да, папа.

– На хуй мне твое «да», просто запомни как следует, что я тебе говорю.

Потом я ему говорю, ты меня подожди, а я загляну в сортир покурить. Теперь, бля, везде повешали «Не курить», так что и сигаретку спокойно не выкуришь.

Охуеешь, пока найдешь этот хренов сортир. В конце концов приходится подниматца на целый пролет по лестнице. Когда я добираюсь дотуда, мне уже и просратца надо, и все дела. Я уверен, что мне кокс слабительным разбодяжили. Ладно, один уебок – и я даже знаю кто – точно себе поимеет разбитую челюсть. Я забираюсь в одну из кабинок, быстренько оправляюсь, и тока тогда понимаю, что нету бумаги. А ведь задницу надо держать в чистоте, это же прямо рассадник для инфекции. Хорошо еще, что какой-то крендель засел на соседнем толчке.

– Эта... тут нет бумаги. Ты мне чуток не подсунешь снизу? И тишина.

– Давай, нах, пошевеливайся! – ору я.

Он мне просовывает бумагу. Как раз вовремя, бля.

– Спасибо, – говорю я и вытираю задницу.

– Да не за что, – отвечает парень, такой типа весь из себя шикарный пидор. Может, один из этих докторов, что здесь везде шляютца, все такие самоуверенные, аж жуть. Я слышу, как открывается одна дверь, за ней – другая. Грязный пидор даже руки не помыл. Вот больница ебучая, тоже мне!

К счастью для него, когда я вышел, его уже нигде не было. А я хорошенько отмываю руки, потому что я не какой-то там пидор невымытый, как некоторые. И все-таки, бля, интересно, а вдруг это

был тот же док, что пацана моего зашивал... грязными-то руками... жалко, что я не увидел, кто это был. А то, нах, прибил бы.

50. «...рыбное жаркое...»

Этот Марк – ничего так, забавный парень. Вот интересно, смутился он или нет, когда мы сиськами перед Терри сверкали? Мы ждали его на выходе из туалета, но он просто в воздухе растворился – не то что выпить с нами не пошел, даже не попрощался.

– Мож, он обосрался, – смеется Мел, – вот и пришлось ему быстро бежать домой, переодеватца!

Так что мы выпили по парочке, и я пошла домой, и в ожидании звонка из Глазго готовила рыбное жаркое и болтала с Дианой. Она поговорила с девушками из сауны, с Джейн, Фридой и Натали.

Диана довольна тем, как идут дела.

– Я очень тебе благодарна, что ты свела меня с этими девушками, Никки. Теперь у меня достаточно материала для статистически репрезентативной группы, что придает моим тестам что-то вроде научной достоверности.

Она умная девушка и знает, что ей нужно. Иногда я ей завидую.

– Ты будешь править миром, детка, – говорю я ей. Иду на кухню, наполняю лейку водой и ставлю кассету Полли Харви. Потом поливаю цветы, которые малость подвяли.

В гостиной звонит мой мобильный, и я кричу Диане, чтобы она подошла. Я слышу, как она говорит:

– Извините, по-моему, вы перепутали. Я Диана, мы с Никки вместе снимаем квартиру.

Она передает мне трубку – и это Алан. Он такой весь из себя отчаявшийся, что даже не смог различить английский и эдинбургский акцент. Я думаю про него, как он там работает у себя в банке, ждет свои премиальные золотые часы.

– Никки... мне нужно снова тебя увидеть... нам нужно поговорить, – хнычет он, а г. в это время иду к себе в комнату. Бедняжка Алан. Мудрость юности в сочетании с двигательной энергией пожилого возраста. Банковская комбинация, но не принимаемая к зачету. Не для него в любом случае.

Им всегда нужно поговорить.

– Никки? – Он уже умоляет.

– Алан, – говорю я с нажимом, как бы подчеркивая, что – да, я еще здесь, но возможно, совсем ненадолго, если он не перестанет попусту тратить мое время.

– Я тут много думал... – говорит он настойчиво.

– Обо мне? О нас?

– Да, конечно. О том, что ты сказала...

Я не могу вспомнить, что я такого сказала. Какое глупое обещание я ему дала. Мне от него кое-что нужно, причем прямо сейчас.

– Слушай, что на тебе надето, боксерские трусы или плавки?

– Что ты имеешь в виду? – поскуливает он. – Что это за вопрос? Я на работе!

– А ты что, белье на работу не надеваешь?

– Да, но...

– А ты не хочешь узнать, что надето на мне? Долгая пауза в трубке, потом протяжное:

– Что-о...

Я почти чувствую его горячее дыхание у себя над ухом. Бедняжка. Мужики, они все такие... суки. Вот оно, это слово. Они называют нас суками, но это только проекция, потому что они все знают, что это в точности то, что они собой представляют, это их природа: слюнявая, возбужденная, лишенная чувства собственного достоинства свора псов. Неудивительно, что собак называют лучшими друзьями человека.

– Это не сексуальное дамское белье, это выцветшие, застиранные хлопковые трусики с парочкой дырок и протершейся резинкой. Это все из-за того, что я – бедная студентка. Я бедная, потому что ты не даешь мне распечатку с именами клиентов вашего филиала с номерами счетов. У меня нет их пин-кодов, я не собираюсь никого обкрадывать. Я просто хочу передать эту информацию одной маркетинговой компании. Они платят мне пятьдесят центов за имя. А это уже пять сотен за тысячу имен.

– В нашем отделении более трех тысяч клиентов...

– Милый, это же пятнадцать сотен, я отдам все долги. И моя благодарность к тебе будет просто неизмеримой. Уж я придумаю, как тебя отблагодарить.

– Но если меня поймают... – Он медленно выдыхает. Постоянные мучения Алана опровергают всеобщее убеждение, что счастье – в неведении.

– Да никто тебя не поймает, – говорю я, – ведь ты такой предусмотрительный.

– Давай встретимся завтра, в шесть. Я принесу списки.

– Ты просто ангел. А сейчас я должна бежать, у меня жаркое на плите стоит. До завтра, милый!

Я отключаюсь и иду на кухню – к плите. Диана выглядывает из-за горы своих книг на столе.

– Проблемы с мужчинами?

– Да никаких с ними проблем, с бедными маленькими пупсиками, – отвечаю я покровительственным тоном. – Ну, просто вообще никаких проблем. – Я качаю бедрами и глажу рукой промежность. – Власть влагилица безгранична.

– Да-а, – говорит Диана, постукивая ручкой по зубам. – Это самое грустное, что я обнаружила в процессе своих исследований. Все эти девушки, с которыми я говорила, у них есть вся полнота этой власти – сисек, задницы и влагилица, – но они слишком задешево себя продают. Они фактически отдаются за так. Вот в чем трагедия жизни, девочка моя, – говорит она, как бы мне в предостережение.

Звонит городской телефон с автоответчиком, и я даже не сразу соображаю, кто это.

– Привет, Никки, мне Рэб дал твой номер. Я хотел извиниться за то, что вот так вот исчез вчера. Это было невежливо, да... просто так получилось... – И тут я понимаю, что это Марк Рентой, и беру трубку.

– Да ладно, Марк, не волнуйся. Забей. – Я давлюсь смехом, а Диана насмешливо смотрит на меня. – Мы вроде как догадались. Ты ведь упоминал это карри. Так какие у тебя планы?

– Прямо сейчас? Никаких. Парень, у которого я остановился, ушел гулять со своей девушкой, а я сижу и смотрю ящик.

– Весь такой одинокий?

– Ага. А ты что делаешь? Выпить не хочешь?

Я не уверена, что хочу, и я не уверена, что мне нравится Марк.

– Ну, у меня не то настроение, чтобы тащиться в паб, но ты можешь зайти к нам выпить стаканчик вина и покурить травки, если хочешь, – говорю я ему. Нет, он не мой тип, но он много знает о Саймоне, который точно мой тип.

Так что примерно через час Марк появляется у нас, и я удивлена, если не сказать ошарашена, тем, что, оказывается, они с Дианой знают друг друга, причем очень давно. Мир тесен, а Эдинбург – большая деревня. Так что мы посидели, курнули травки, и я все пыталась перевести разговор на Саймона, но очень скоро мне стало понятно, что Марк и Диана поглощены друг другом. Я чувствую себя совершенно лишней. В конце концов он предлагает пойти в «Беннетт» или в «Аи Би».

– Ага, давай, – говорит Диана. Это странно, она никогда так вот запросто не бросает работу, а ведь она собиралась сегодня вечером еще поработать со своей диссертацией.

– А мне что-то не хочется никуда идти, – говорю я, смеясь. – Я думала, что ты тоже сегодня настроена поработать.

– Да куда она не убежит, эта работы. – Диана улыбается, но зубы у нее стиснуты. Когда Марк отлучается в туалет, я корчу ей рожу.

– Что? – спрашивает она с бледной улыбкой.

Я изображаю руками рьяную еблю. Диана томно закатывает глаза, но при этом она ухмыляется. Он возвращается, и они уходят.

51. Афера № 18748

Рентой так и не сунулся в честный порт Лейт. В общем-то его можно понять. Он даже не говорит, где остановился, хотя я знаю, что его родители сейчас живут где-то за городом.

Никки рассказывает, что по квартире практически искры летали – между Рентоном и ее соседкой Дианой. Он явно нацеливался покататься на ней в тот же вечер. Я ничего не имею против нее, да и бывшие любовницы Рентона отнюдь не являют собой море лиц, как на январской распродаже на Принс-стрит. Прикинь, он всегда старался держать своих девушек подальше от меня, может, боялся, что я их отоблю. Рентой всегда имел склонность к серьезным и продолжительным отношениям, ино-

гда даже совсем по-дурацки болел любовью. Но что же это должна быть за женщина, чтобы пойти с этим рыжим?

Скрил свел меня еще с одной девчонкой, ее зовут Тина, с которой было меньше проблем, чем с первой, и я без особых хлопот получил список обладателей сезонных билетов. Она мне сказала, что втайне болеет за «Селтик». Вот что бывает, когда при найме на работу применяешь принцип равных возможностей.

Я сижу в пабе, весь из себя раздраженный, и презрительно наблюдаю за молодыми придурками у музыкального автомата. Этот Филипп что-то губы свои раскатал, я видел, как он пару раз с Бегби о чем-то шептался. Он точно думает, что он здесь самый крутой, но хотя бы когда он со мной разговаривает, то разговаривает уважительно, потому что он знает, что мы с Бегби как-то завязаны.

Сейчас Филипп всю забавляется, насмехается над своим длинным напарником, дурачком Кертисом с нарушением речи, и других тоже подначивает насмехаться. Кертис у них – типа козел отпущения. Они выдвываются перед девчонками, которые с ними, но ловить там нечего.

– Да он же пидор, мать его, – говорит он своим кретинам, и те дергают плечами, словно у них нервный тик такой. А я смотрю на все это убожество и думаю, что вот мы точно не были такими скучными и банальными в их возрасте.

– Н-н-нет! Я н-н-не п-п-пидор! – вопит бедняга Кертис и направляется в туалет.

Филипп видит, что я за ними наблюдаю. Он поворачивается к девочкам, а потом – снова ко мне.

– Может, он и не пидор, зато он девственник. У него еще никого не было. Ты бы дала ему, Кэндис, что ли, – говорит он какой-то молоденькой шлюшке с лицом клинической идиотки.

– Иди ты в жопу, – отвечает ока, поглядывая на меня типа в смущении.

– Ах, девственность, – улыбаюсь я, – не спешите расстаться с ней, мальчишки-девочки. Большинство проблем в жизни возникает тогда, когда мы теряем невинность. – Но этим тупым идиотам ирония недоступна по определению.

Так, мне надо отлить. Встаю и иду в сортир, и этот пацан Кертис, он тоже там, да, он и вправду слегка тормознутый. На самом деле само его присутствие на этой планете противоречит заявлению анархистов о том, что хороших законов нет и не может быть; например, запрет на инцест – очень даже хороший закон, иначе таких вот, как Кертис, было бы значительно больше. Он как спитой чай, и он вроде сдружился с Уродом, что, в общем, и неудивительно. Ученик Бегби и одновременно ученик Урода, взращенный под моей собственной крышей, блядь. Похоже, этот ублюдок Филипп со товарищи все время мучают Кертиса – как я мучил Урода в школе, и на реке, и на Стрелках, и на железной дороге. Странно, но мне почему-то становится стыдно, когда я вспоминаю об этом. Парень писает рядом со мной и оборачивается ко мне с идиотской улыбкой, весь такой нервный и скромный. Я небрежно опускаю взгляд и вижу это.

Вот это.

В жизни не видел такой здоровенной дуры; я про член, а не про жалкое к нему приложение.

Стало быть, я заканчиваю писать, смотрю пару секунд на свой собственный пенис, встряхиваю его, убираю обратно и застегиваю ширинку. Я не могу удержаться, чтобы не посмотреть, как он делает то же самое. У этого имбецила член больше, чем у меня; я, повторюсь, в жизни не видел такого большого члена. Какая прискорбная расточительность! Потом, уже направляясь к раковине, я небрежно спрашиваю у него:

– Ну и как у тебя дела, приятель; Кертис, да? Тебя ведь Кертис зовут?

Парень оборачивается и нервно смотрит на меня. Он подходит к раковине рядом со мной, весь чуть ли не в благоговейном страхе.

– Ага... – отвечает он. – Не п-п-плохо. – Глаза у него слезятся, и он моргает, а изо рта у него разит, как будто он сам себе отсосал свой немывтый член – что в его случае вполне возможно, даже если спина не особенно гибкая, – и заглотил свою сперму, прогорклую из-за дешевой выпивки и некачественной наркоты. У меня сразу же возникают ассоциации с передвижным биотуалетом, какие бывают на рейв-вечеринках и на концертах, – который давно пора вычистить. Но я думаю о достоянии этого кренделя. За такое прощается многое, если не все.

– Ты ведь дружишь с Уродом, так? – говорю я и продолжаю, не дожидаясь ответа: – Урод – мой хороший приятель. Друг детства.

Этот пацан, Кертис, смотрит на меня, пытаюсь решить, смеюсь я над ним или нет. Хотя если бы я и вправду над ним смеялся, вряд ли бы он в это въехал. Потом он говорит:

– Мне н-н-нравится Урод, – и с горечью добавляет: – Он единственный, кто не п-п-пытается насмехаться...

– Отличный парень... – киваю я, и из-за его заикания вспоминаю старую антивоенную песенку: «Средний возраст солдат во Вьетнаме был девятна-на-на-надцать».

– Он знает, что это такое, когда человек иногда смущается, – тихо так говорит этот мелкий придурок.

Приятель Урода. Боже, я представляю себе разговор этих двоих. «Иногда я чиста смущаюсь». – «Ага, та же хуйня». – «Ладно, забей, съешь лучше парочку таблов». – «Ага, ну давай».

Я сочувственно киваю ему, пока мою руки, и, Господи Боже, этот вонючий сортир уже давно нужно почистить. Мы нашим уборщикам за что платим? Чтобы они убирались. Нет, жизнь была бы слишком прямолинейна, слишком не по-шотландски скроена, если бы люди делали то, для чего они, собственно, и предназначены. Вот этот скромный и робкий мальчик, для чего предназначен он?

– Если человек скромный, в этом нет ничего плохого. Все мы когда-то такими были, – вру я, не краснея. Сую руки под сушилку. – Давай-ка я тебя чем-нибудь угощу, – улыбаюсь я, стряхивая капли воды.

Пацан, похоже, сражен моим предложением.

– Я не хочу здесь оставаться, – говорит он, со злостью показывая за дверь. – Только не с ними, они все время см-см-смеются!

– Знаешь что, парень. Я как раз собирался выпить пивка у Кэйли. Мне нужно сделать перерыв. Давай со мной.

– Хорошо, – говорит он. Мы выскальзываем через боковую дверь и выходим на улицу. На улице холодно, да еще какая-то хрень с неба падает типа мокрого снега. Вот такая у нас, бля, весна! Этот пацан, он прямо скелет ходячий, кожа да кости, хотя в его случае, наверное, стоит сказать – член и ребра, как будто все питательные вещества, поступающие в его тело, сразу уходят в член. Если бы он был девчонкой, он бы, возможно, дошел до такой степени обезвоживания, что пришлось бы везти его в реанимацию. Здоровенное адамово яблоко выпирает, земляная кожа вся в пятнах... нет, он точно не кинозвезда. Но в мире порно, если на него будет спрос... а спрос обязательно будет, с таким-то хозяйством...

Мы приходим в теплый и гостеприимный Кэйли, с его огромным камином с открытым огнем, я беру по паре пива и бренди, и мы садимся за столик в тихом уголке.

– И за что эти твои приятели так на тебя наезжают?

– Это все потому, что я не-не-немного застенчивый... и еще из-за заикания...

Я на пару секунд задумываюсь, изображая заинтересованность – на самом деле это очень не-просто, скрывать свое полное безразличие, – и задаю вопрос:

– Это ты из-за своего заикания такой застенчивый или ты заикаешься потому, что всего стесняешься?

Кертис пожимает плечами.

– Я ходил к врачу, чтобы выяснить, и мне сказали, что это п-п-просто не-не-нервное...

– А с чего это ты такой нервный? Ты вроде ничем не отличаешься от своих приятелей. У тебя же не две головы, и ничего такого. Вы все одеваетесь одинаково, принимаете одни и те же наркотики...

Пацан наклоняет голову, и кажется, что под этой бейсболкой ваще ниче не происходит. Потом он говорит страдальческим шепотом:

– Н-н-но... когда ты еще ни-ни-никогда не делал... ну, этого самого, а они все уже да-да-давно...

Средняя длина члена шотландского онаниста – девятна-на-на-надцать дюймов...

Тут мне сказать нечего. Я просто киваю, изо всех сил изображая сочувствие. С нарастающим напряжением я понимаю, что эти мелкие мудаки в большинстве своем еще недостаточно взрослые для того, чтобы ебаться законно, не говоря уж о выпивке. Благодарение Богу за сертификат мира от Главного Констебля Леннокса.

– Филипп ду-ду-думает, что он самый крутой, потому что вертится вокруг Бе-бе-бегби. Он бы-бы-был моим лучшим другом ваще. Я, может, и скромный с девушками, но я не пи-пи-пидор. Дэнни... Урод, он понимает, что можно ваще оробеть перед де-де-де-девушкой, которая тебе нравится.

– Так ты никогда не ходил на свидания с кем-нибудь из девчонок, которые с вами тусуются?

Лицо этого мелкого пиздюка становится свекольно-красным.

– Нет... нет... ох, нет...

– Хотя для них это, может, к лучшему. Ты бы их напололам разорвал своей палкой. – Я указываю взглядом вниз. – Не мог не заметить, приятель. Готов поспорить, тебя мать сама грудью кормила. В тебе есть итальянская кровь? – говорю я.

– Не... я шотландец, да. – Он смотрит на меня так, как будто я злостный маньяк-педофил.

В войне полов этот мудака – законченный пацифист. Для цыпочек это и к лучшему, потому что с таким оружием он бы их всех просто поубивал.

– У тебя наверняка были возможности, – говорю я.

Паренек уже просто в смятении, глаза у него слезятся, когда он, заикаясь, невнятно рассказывает о своих былых унижениях.

– Я был с... с... одной девочкой... один раз... и она мне сказала, что у меня слишком бо-бо-большой, что я урод.

Вот ведь какое дурацкое счастье у пацана, первая возможность потрахаться подвернулась – и с такой душой.

– Неправда, приятель. Это она уродина, блядская корова. – Я качаю головой, наставляя его на путь истинный. Ну да, он сутулый, дерганый, с нервными, бегаящими глазами и таким запахом изо рта, что любая женщина скорей согласится в задницу его целовать, да еще и ужасно заикается. Я также готов поспорить, что все это – из-за той глупой уродины, у которой просто мозгов не хватило понять, какое ей привалило счастье.

– Слушай, ты знаешь Мелани? Глаза у парня слегка загораются.

– Это та, с которой вы порно снимаете на втором этаже?

– Блядь! Вообще-то об этом никто знать не должен! – Я резко втягиваю воздух и борюсь с искушением спросить у него, откуда он знает о нашем закрытом клубе. – Да, это она, – говорю я тихо.

– Да, конечно, я се, типа, ну, ви-ви-видел.

– Она тебе нравится?

Он весь расплывается в задумчивой улыбке.

– Ага, она всем нравицца... и та, другая, тоже, которая го-го-говорит красиво... – мечтательно тянет он.

Ага, разбежался. Пусть сначала ходить научится, а потом уже бегать.

– Хорошо, потому что ты тоже ей нравишься. Им обеим то есть.

Бедный маленький убок заливается краской.

– Не, быть не может. Не, ты изде-изде-издева...

В сутках просто не хватит часов, чтобы о чем-нибудь договориться с этим заикой, который к тому же и жуткий тормоз.

– Слушай, парень, я наполовину итальянец, по матери. Ты католик?

– Ну да, но я ни-ни-никогда не хожу в це... Я останавливаю его взмахом руки.

– Не важно. Я – убежденный католик, и я клянусь тебе жизнью моей матери, что ты нравишься Мелани, и она очень хотела бы сняться с тобой в одном из любительских порнофильмов. – Я встаю и с непроницаемым лицом иду к бару, чтобы заказать еще выпить. Оставляю придурку время подумать. Когда я возвращаюсь, он вроде как хочет что-то сказать, но мне время дорого, и я его обрываю: – И еще тебе заплатят. Заплатят за то, что ты оприходуешь Мелани, и других цыпочек тоже. И не только в любительских фильмах, но и в настоящем порнокино. Что скажешь?

– Ты шу-шу-шутишь...

– А разве похоже, что я шучу? Мой основной актер Терри сейчас небоеспособен, и нам нужна новая кровь. Ты – как раз то, что нам нужно. Покататься на Мел, да еще деньги за это срубить – моему, очень неплохо. Давай, приятель, решайся!

– Мне просто нравится Кэндис, – настороженно сопит он. Еще один сортирный романтик. Как это грустно. Я ее, кажется, знаю. Такая лохматенькая.

– Слушай, друг, я знаю, они там над тобой издеваются как хотят. Но они сразу же перестанут над тобой потешаться, когда ты будешь порнозвездой, который трахает телок из первого эшелона. Подумай об этом. – Я подмигиваю ему и, допив, ухожу. Пусть сидит – думает.

Возвращаюсь обратно в «Порт», в углу сидит мрачный Урод, а Али всюю его игнорирует. Минут через десять он поднимается и пытается всучить ей какие-то деньги, а она говорит, чтобы он уходил. Он совсем съехал с катушек и выглядит просто позорищем. Самый что ни на есть настоящий

бомж-наркоман: нечесанные волосы, настолько засаленные, что жира хватит на все забегаловки в Лейте, глаза так заплаыли, что выглядят перманентно закрытыми, вокруг глаз – черные круги, как шайбы, сосуды светятся кровью, а фиброзная кожа текстурой и цветом напоминает гнилую чапати.¹⁵ Типа, привет, красавчик! Муженек появился, Али, моя куколка, ну и ну, вот это приобретение! Стоило выпустить тебя из виду на несколько лет, и посмотри, что с тобой стало. Это ж надо так низко опустить планку, чтобы заделаться конченной комедианткой. Но ни одна забавная пиздюшка со времен Марти Кейна с Французенкой и Сондерса с Каролин Агерн не вызывала, наверное, столько смеха, сколько вызвала ты, придя в бар с вот этим уебищем рядом с собой. Вот он повышает голос, и я чувствую, что мое присутствие только подольет масла в огонь, так что я ловлю взгляд Али и показываю ей знаками, чтобы гнала его отсюда.

Возвращается Кертис. Он намеренно игнорирует своих приятелей и даже стряхивает руку Филиппа, когда тот пытается ухватить его за плечо. Он идет напрямик к Уроду, чтобы помочь тому выйти из бара. Мой новый ведущий актер. Новый Терри Сок!

Мо с Али вроде справляются, если судить по тому, что они даже и не заметили моего отсутствия. Я решаю еще малек пофилонить, воспользовавшись счастливой возможностью, незаметно выскальзываю из бара через боковую дверь и направляюсь к себе домой. Хочу посмотреть видео Рассы Майера для пушего вдохновения. Проходя мимо зеркала, ловлю в нем свое отражение. Скулы выдаются больше обычного. Да, я заметно сбросил вес, что не может не радовать.

Саймон, прими мои искренние пождравления. С кино у тебя получаетца прошто шупер.

Ну шпашибо, Шон. Порнография на шамом деле это – не мой конек, но я в шоштоянии оценить хорошо шделанный фильм, не говоря уж о хорошеньких жадницах.

Все одно к одному. Почти все. Я о том, что Мо мне сказала, что Френсис Бегби опять был здесь и спрашивал меня.

Для пушей уверенности я проверяю последние сообщения на мобильнике – и вот, есть одно от него, или от «Френка», как он теперь подписывается;

НАДО УВИДЕТЬСЯ ПРЯМО ЩАС НАСЧЕТ ОДНОГО МУДАКА КАТОРАМУ СКОРО КРАНТЫ

Я уже понял, «Френк». Вот уебище. Это, должно быть, про Рентона. Которому – или «катораму» – скоро кранты. Есть еще одно сообщение. От Охотника. Иногда у меня возникает впечатление, что эсэмэски изобрели специально для него:

В ЛЮБОЙ МОМЕНТ

Наркотики. Хорошо. У меня как раз совсем мало осталось. Вытаскиваю из кармана пакетик. Хватило на неслабую дорогу, которой, в общем, почти достаточно. Жутко хочется курить, и я прикуриваю сигарету, дым такой чистый и свежий у меня в легких, припорошенных коксом.

Я говорю, глядя в зеркало:

– Слушай, Франко, давай вспомним то время, когда у нас с тобой был небольшой такой, скромненький междусобойчик. Давай вспомним твою одержимость Рентоном. Я имею в виду, давай уж поговорим с тобой начистоту и скажем то, что должно быть сказано, Франко, и я уверен, что ты оценишь мою искренность в этом вопросе, это ведь все началось и тянется с тех самых денег. Ты как отвергнутый любовник. Конечно, это все про Лейт. Хорошо, давай примем как данность, что ты на нем явно сдвинулся. А все эти мальчики в тюрьме, когда ты их трахал, ты представлял себе Рентона на их месте? Жаль только, что этот метод не сработал – для вас обоих. Забавно, но я раньше думал, что ты – это тот, кто ебет, а Рент – тот, кого ебут. А теперь я в этом сомневаюсь. Я просто вот что хочу сказать: ты – как побитая сучка, отодранная во все дыры, ты ноешь и плачешь, валяешься с задраннм платьем, а он говорит тебе всякие гадости, и разворачивает к себе твою засранную грязную задницу, и когда он тебе вставляет, ты ухмыляешься и хнычешь, как маленькая злоебучая мокрощелка, которую...

Звонок в дверь.

Я открываю – и вот он. Просто стоит передо мной.

– Франко... а я как раз про тебя думал... заходи, приятель, – мямлю я, заикаясь, получается

¹⁵ Иброкс – стадион в Глазго, на котором проводит свои домашние матчи лучший футбольный клуб Шотландии «Рейнджерс». – Примеч. пер.

очень похоже на юного Кертиса, с которым я недавно расстался.

И, судя по его взгляду, этот ублюдок, кажется, читает мои мысли. Блядь, я ведь вроде негромко говорил... вроде не очень... но если он сперва приоткрыл крышку почтового ящика, чтобы подслушать... и если он слышал, что я тут нес...

– Блядский Рентой...

Ох, бля, Господи, пожалуйста, только не это...

– Что? – выдавливаю я.

Бегби чувствует, что что-то не так. Смотрит на меня угрожающе или оценивающе, непонятно, и говорит:

– Рентой вернулся, нах. Его видели.

Я смотрю ему прямо в глаза и весь цепенею, а в голове у меня одна мысль: давай, Саймон, действуй. За Шотландию, нет, лучше давай за Италию.

– Рентой?! Где?! Где этот мудака, бля?! – Я смотрю прямо в ад, в это пустынное черное пятно за зрачками его сумасшедших глаз, и изо всех сил изображаю праведное негодование, что сравнимо с попыткой затушить пылающую топку водяным пистолетиком. Я жду, что вот сейчас он ударит, молниеносно, как кобра, и почти умоляю про себя: ради всего, что угодно, сделай это сейчас, избавь меня от страданий, потому что даже под коксом я не смогу продержаться долго.

Бегби выдерживает мой взгляд, и, слава Богу, его голос снижается до тихого шипения:

– Я надеялся, что это ты мне подскажешь, нах.

Я дергаю головой и отворачиваюсь, и начинаю ходить по комнате взад-вперед, думая о всей той хрени, что нам когда-то устроил Рентой, что он устроил мне лично. Внезапно я останавливаюсь и тычу пальцем во Франко, и да, это как обвинение, потому что это все из-за него, это он виноват, что у нас спиздили сумку, он за нее отвечал.

– Если этот мудака вернулся, я хочу мои деньги назад... – Потом я быстренько соображаю, как Бегби может это воспринять, и добавляю, потирая лоб ладонью: – Я тут пытаюсь кино снимать за просто так, бля!

Прекрасный удар. Франко вроде бы даже удовлетворен ответом. Его глаза еще больше сужаются.

– У тебя есть номер моей мобилы. Если Рентой с тобой свяжетца, звони мне прям сразу.

– И ты тоже, Франко. И не трогай его до тех пор, пока я не получу мои деньги, плюс компенсацию, а потом можешь делать с ним все, что захочешь... а я, естественно, помогу.

Наверное, я сыграл хорошо, потому что Бегби говорит:

– Договорились. – Потом он разворачивается и идет к выходу.

Рентой. Мне самому даже не верится, что я защищал этого пидора. Но это все – ненадолго. Банковские счета уже подготовлены. Как только фильм будет отснят и уложен в коробку, наши дорожки опять разбегутся.

Я выхожу вслед за Франко и спускаюсь по лестнице, и он оборачивается и спрашивает:

– Ты куда это, блядь, собрался?

– Ну... мне надо обратно в паб, я просто выскочил ненадолго и должен вернуться обратно.

– Хорошо, тогда вместе выпьем, – говорит он.

Так что этот образец упертости тащится за мной в паб, и мне приходится пить с ним у барной стойки. Единственный выигрыш – он вручает мне пакетик кокса, который по крайней мере поможет мне продержаться, пока я не доберусь до Охотника. Но ситуация, скажем так, далека от идеальной. Хорошо хоть Урод свалил, хотя и не раньше, чем расстроил Али. Которая явно плакала. Это ничтожество теперь мне еще и моральный дух персонала будет подрывать.

Бегби все такой же параноик, все говорит о посылках с гейс-кой порнухой – от чего мне становится не по себе – и о том, какой Рентой пидор-извращенец, что отдается в моих ушах сладкой музыкой. Да, мне даже хочется, чтобы Рентой с ним встретился, просто хочется это увидеть, чисто из любопытства – как далеко может зайти Франко. К моему удивлению, он спрашивает меня о фильме.

– Ну, – говорю я, как бы играя на понижение, – это так, для развлечения, Френк.

– А эти твои порнозвезды, ну, мужики, у них что... я имею в виду, у них действительно очень большие?

– Не обязательно, но, конечно, чем больше, тем лучше. Франко совершенно по-обезьяньи потирает пах, от чего меня начинает подташнивать.

– Ну, значит, я вам подойду!

– Ага, но самое главное – это чтобы вставало перед камерой. У кучи парней с большими членами просто не встает перед камерой, особенно когда надо снимать крупный план. Способность к эрекции в нужный момент – это ключевое требование, вот почему нам так подходил Терри... – Я затыкаюсь, внезапно соображая, что Франко смотрит на меня с неистовой ненавистью во взгляде. – Ты в порядке, Френк?

– Ага... я просто опять про Рентона вспомнил... – говорит он, отставляя свою кружку, – и вот он уже снова завел шарманку, рассказывает про детей, про то, что Джун не заботится о них так, как надо. – Да ты б на нее посмотрел, бля, ну чистый бельсенский кошмар. Вся потасканная, запущенная...

– Да, Урод говорил, что она пошла по кривой дорожке. Это все из-за трубки. Я в том смысле, ну, я тоже вот коксом балуюсь, Френк, но трубка – это совсем уж дерьмово, она из тебя все вытягивает. Это точно. – Я очень доволен собой. Вот и Мерфи приплел. Как бы к слову пришлось. Замечательно.

Бегби смотрит на меня в шоке, и его пальцы белеют на стекле. Я делаю глубокий вдох, а этот мудака уже готов взорваться.

– Трубка... кокс... Джун... И ТАМ МОИ ДЕТИ?! Вот он, мой шанс, – и я за него хватаюсь.

– Послушай, Урод говорил, что они вместе бодяжили, с Джун... я тебе все рассказываю только потому, что тебе надо знать, из-за детей и вообще...

– Хорошо, – говорит он, смотрит поверх стойки на Алисон и кричит ей: – ТВОЙ ПАРЕНЬ МУДАК! ОН ПРОСТО НАРК БЕСПОЛЕЗНЫЙ! А МЕЛКОГО ВАШЕГО НАДО В ПРИЮТ ОТДАТЬ!

Потом Франко вылетает из бара, а Алисон стоит пару секунд, вся такая потерянная, как будто даже и не поняла, что случилось, а потом начинает тихонечко всхлипывать. Мо тут же бросается ее утешать.

– Что... – бормочет она, – что он такое, блядь, говорит... что Дэнни сделал...

Мне приходится встать за стойку, поскольку они уже совершенно недееспособны. Я счастлив, что Человекообразный Бегби свалил, пусть даже до этого он привел моих заебанных сотрудинок в нерабочее состояние. И тут входит очередной мой клиент на ленте конвейера заблудших душ, что проходит у меня через паб. Не кто иной, как бедняга Пол, мой сотоварищ по заморочке «Бизнесмены Лейта Против Наркотиков», и у него такой вид, как будто все тяготы мира лежат у него на плечах. Я отвожу его в тихий уголок, и он сразу же начинает ныть про деньги.

– Ты меня убиваешь, Саймон!

Я говорю ему прямо, этому пиздюку:

– Заткнись-ка ты, а то вся твоя жалкая карьера рухнет, на хрен, это я те обещаю! – После этого заявления я перехожу на более спокойную позицию. – Слушай, Пол, не волнуйся. Ты просто не понимаешь экономику бизнеса. Моей индустрии. Мы все получим обратно, – говорю я ободряюще и просто тащусь от того, что мне удается сохранить голову там, где все их теряют.

Ну что за дерьмовый и жалкий уебок.

– А вот и мужик, понимающий экономику, – улыбаюсь я, когда старый Эдди, шаркая ногами, входит в бар; нос кверху, как у римского императора. – Эд, как дела, старина?

– Неплохо, – мычит он в ответ.

– Замечательно! – улыбаюсь я. – Что тебе предложить? За счет заведения, Эд.

– Ну, раз за счет заведения, тогда пинту особого и большой виски, Груз.¹⁶

Даже вопиющая наглость этого старого алкаша не может сегодня выбить меня из колеи.

– Сию секунду, дон Эдуардо. – Я опять улыбаюсь и кричу лейтской Марджори Прупс: – Мо, обслужи гостя, ага? Окажи честь. – Кивая на совсем поникшего Пола, я оборачиваюсь к Эду. – Пытаюсь вот обучить моего незадачливого друга Пола хитростям правильной коммерции. А ты чем занимался раньше, Эдди?

– Китобоем был, – говорит эта старая нищая развалюха. Мореплаватель. Ну здравствуй, моряк. Или надо – здравствуй, рыбак?

– Ну ладно, а ты знал Боба Марли? Старикан энергично трясет головой.

– Не было никакого такого Боба Марли на лодках в Грантоне. Не было в мое время, – сообщает нам Эд с потрясающей искренностью и вливает в себя виски.

– Твоя очередь, Пол, – лучезарно улыбаюсь я, – и я бы тебе посоветовал поставить Эду еще ста-

16 Famous Grouse – очень хорошее и дорогое виски. – Примеч. пер.

канчик золотистого. То, как мы относимся к старшему поколению, – это как знак принадлежности к обществу, признак цивилизации, а мы здесь, в Лейте, всегда стариков уважали. Я просто прав или я полностью прав, а, Эд?

Эдди агрессивно таращится на Пола.

– Я хочу виски, да, но только сперва убедись, что это действительно Грузз, – предупреждает он сбитого с толку рекламщика, как будто делает ему огромное одолжение.

Я оставляю ноющего шикарного яппи наедине с его невеселыми мыслями, потому что в паб входит Терри Сок.

– Тел! Тебя выпустили?

– Ага, – улыбается он. – Надо ходить на осмотры и пить таблетки, но хоть домой отпустили, и то радость.

– Супер. Что будешь пить?

У меня даже настроение поднялось. Скоро у нас все будет. Все-все. Алекс?

Ты, Саймон, поднял очень важный вопрос. Я бы даже сказал, ключевой вопрос. К сожалению, на одиннадцать штук ничего нельзя сделать просто по определению. Нам нужно около сорока, причем сразу все.

– Да мне сейчас пить нельзя из-за этих мудацких таблеток, – стонет Терри, зарываясь рукой в свои кудрявые волосы.

– Господи, Тел, это же просто кошмар. Ни потрахаться, ни выпить, – смеюсь я, кивая на приятелей Эда, которые сидят в углу, лелея свои полупинтовые кружки. – Но ты хоть знаешь, за что страдаешь. Чем быстрее ты вылечишься, тем быстрее приступишь к работе, да.

– Ага, – говорит он уныло, а я наблюдаю за этим дровичилой Полом, который теперь уже в курсе, что я могу запросто избегать его хоть весь вечер. Бедняга решает вернуться к суровой реальности и, весь такой из себя подавленный, направляется к выходу.

Чтобы немного подбодрить Терри, я увожу его в офис и разоряюсь на пару дорожек из грамма, что мне дал Бегби. Говорю ему, что меня посетил мой бывший коллега месье Франсуа Бегби.

– На ум приходят слова «искать» и «повод», – говорю я, выравнивая дороги своей кредиткой и кивая Терри, чтобы он угощался. – Однако мы сейчас пользуем порошок, который от него, так что парень тоже бывает полезен.

Терри смеется, наклоняется над столом и готовится втянуть.

– Ищет повод подраться? Да ему даже повод не нужен, чтобы заехать кому-нить в рыло, – говорит он, прежде чем употребить первую из двух дорожек.

Я следую его примеру и начинаю делиться своими планами относительно фильма. Терри как будто становится нехорошо.

– Ты в порядке, Тел?

– Не-е... мой член... это, наверное, из-за кокса... больно кошмарно.

Бедняга Терри направляется к выходу, сложившись практически пополам. Так грустно видеть ранее гордого собой мужчину в таком плачевном состоянии. Поскольку он все еще никакой в этом смысле и, похоже, оправится еще не скоро, я начинаю всерьез беспокоиться о половой жизни бедняжки Мелани, так что я звоню ей, держа в голове, что это было бы во всех отношениях неплохо, если бы Мел познакомилась с юным Кертисом.

52. Шлюха на крэке

Я просто на хуй расвирепел. Убью, блядь, суку, раз за детьми присмотреть не может. Ага, она еще и наркоманка поганая... но детей в приют я не отдам, и если моя мать их не возьмет... так что придется ей закрутить гайки, потому что мы с Кейт просто не можем, блядь, взять этих придурков... **ВОТ ВЕДЬ ГРЯЗНАЯ ЕБУЧАЯ ШЛЮХА!**

Из-за нее я даже под дождь попал, бля, такой мокрый душ, словно с неба на тебя кто-то ссыт. И даже в ботинках вода из-за этих ебучих луж, как будто дренаж засорился или там что. В общем, я добежал до дома и только куртку накинул, стянул старые мокрые ботинки и надел новые, тимберлендовские. Кейт спрашивает:

– Ты куда-то намылился, Френк?

– Да к этой шлюхе-наркоше, совсем охуевшей, у которой мои дети.

Блядский дождь. Почти все вокруг хлюпают носом, типа насморк с простудой, но, между про-

чим, в половине случаев это Колумбийская лихорадка, из-за злоупотребления кокаином, бля. Псих – клинический случай, то есть не то чтобы я так уж против хорошей понюшки, но никаких злобных подсадок, это для неудачников, и уж никак, нах, не рядом с моими детьми!

Ну, приезжаю я к ней и смотрю на нее, а она глядит на меня так, как будто она вообще ни при чем. Я говорю детям:

– Собирайтесь давайте, поедете к моей матери.

Я ни за что не возьму их к себе. Хуй вам. Я думаю, мать их оставит, она же все понимает, видит, в какой они щас опасности.

– Что... что случилось? – лепечет Джун.

– Ты, ты грязная ебучая шлюха, заткни пасть, нах. – Я просто предупреждаю ее. – А то как бы чего не вышло. Я за себя уже не отвечаю, я даже не знаю, что я с тобой сделаю, если вякнешь хоть слово!

Она меня знает достаточно хорошо и понимает, я ни хуя не шучу, и глаза у нее раскрываются на всю ширь, а лицо становится еще, блядь, блее, чем обычно. Глаза бы мои ее не видели, просто развалина, страшная, как смертный грех, и как это я раньше не замечал? Мне интересно, сколько она уже на наркоте сидит. Мальцы уже оделись и спрашивают:

– А куда мы идем, пап?

– К бабушке. Она хоть знает, как надо детей воспитывать. – Я смотрю на нее. – И она не проводит время под кайфом с другими наркошами.

– Что ты такое несешь?! Ты о чем?! – У этой суки еще хватает наглости изображать возмущение.

– Так ты еще и отпираешься? Ты что, отпираешься, что Урод, блядь, Мерфи был здесь на прошлой неделе?

– Ну да... но ниче не было, и по-любому, – продолжает она, глаза блестят безумным огнем, – это ты не касаецца, че я вааше делаю.

– Что ты тут, нах, колешься рядом с моими детьми? Не мое, блядь, дело? – Я поворачиваюсь к ним: – Вы двое, марш из квартиры. Нам с мамой надо поговорить. С глазу на глаз. Идите на лестницу и ждите меня! Давайте быстренько, брысь отсюда!

– Колюсь... да... но... – Она сдалась. – Мне просто трудно одной, без помощи...

Когда пацанята выметаются, я поворачиваюсь к ней.

– Я те щас покажу колоться! ЩА Я ТЕБЕ ТАК ВКОЛЮ, БЛЯДЬ! – И с разворота даю ей в рыло, кровиха хлещет у нее из носа. Я хватаю ее за волосы, и они такие грязные и засаленные, что мне приходится наматывать их на руку, чтобы нормально ухватиться. Она визжит, когда я вставляю затычку, выкручиваю оба крана на полную и наполняю раковину. Когда она наполняется, я сую туда ее голову. – А ВОДИЧКИ ПОПИТЬ НЕ ХОЧЕШЬ, ТЫ, СУКА! ДА И БОШКУ ТВОЮ САЛЬНУЮ ПОРА ВЫМЫТЬ!

Я вытягиваю ее голову наверх, и вода вместе с кровью ручьями течет у нее из носа, а она бьется, как рыба, пойманная на леску. Я слышу голос – это мелкий Майкл стоит в дверях и спрашивает у меня:

– Что ты делаешь с мамой, пап?

– Убирайся обратно на лестницу, бля! Я просто ее умываю, у нее кровь из носа пошла! Пошел! Я кому говорю?!

Пацан выматается, и я снова макаю ее головой в раковину.

– Я ТЕ ЩАС ПОКАЖУ КОЛОТЬСЯ, ТЫ, БЛЯДЬ, ШЛЮХА НЕМЫТАЯ, Я ТЕ ЩАС ПОКАЖУ ТАКОЙ КРЭК, ВСТАВИТ ТАК, ЧТО ПОТОМ ЕЩЕ ДОЛГО НЕ ОКЛЕМАЕШЬСЯ!

Я снова вытаскиваю ее голову наверх, но эта шлюха-психопатка хватает из сушилки маленький ножик для овощей и тычет им в меня! Ножик втыкается мне прямо в ребра. Блядь. Я отпускаю ее, и она швыряет в меня тарелкой, которая разбивается о мою голову. Я опять бью ее, и она налетает на стол и начинает, блядь, визжать, а я вытаскиваю ножик из своих ребер. Кровь просто везде. Я пинаю ее, и оставляю лежать на полу, и выхожу к детям, но когда мы уже на лестничной площадке, там стоит старая сука из квартиры напротив, прямо в дверях, и обнимает моих пацанов.

– Пошли, ребята, – говорю я им, но они продолжают стоять, тупо таращатся на меня, так что я хватаю Майкла за руку, потому что мне некогда с ними валандаться, а потом эта блядская Джун все-таки встала на ноги, и выходит из квартиры, и вопит на меня, и кричит этой старой суке:

– ВЫЗОВИТЕ ПОЛИЦИЮ! ОН ХОЧЕТ ДЕТЕЙ УВЕСТИ!

– Мам! – хнычет этот мелкий трусишка Майкл, уж лучше бы Шон ему голову, на хуй, отрезал, может, он ваще не от меня, эдакий мелкий пизденыш, и я слегка поддаю ему тыльной стороной руки, а она хватает его за руку на ступеньках, и похоже, что мы перетягиваем мальчика, как канат. Он вопит, и я отпускаю его, и они оба падают на ступеньки. Старая корова опять орет благим матом, и два полицейских поднимаются прямо к нам, и один из них спрашивает:

– Что здесь происходит?

– Ниче. Занимайтесь своими делами, – говорю я.

– Он пытается забрать моих детей! – визжит она.

– Это правда? – спрашивает у меня старший коп.

– Это мои дети, блядь! – отвечаю. Старая корова на лестнице говорит:

– Он ударил девушку, я видела! И вот этого маленького, маленького тоже! – Она оборачивается ко мне и продолжает: – Он плохой человек, прогнил до самой сердцевины!

– Заткнись, сука старая! Уебать тебя мало! Старший коп говорит:

– Сэр, если вы сейчас же не выйдете на улицу, я вас арестую за нарушение общественного порядка. Если эта леди станет настаивать на обвинениях, у вас могут возникнуть проблемы, и очень серьезные!

В общем, я ухожу, потому что совсем не хочу загреметь в тюрьму из-за этой суки. А эти мудаки полицейские, блядь, смотрят на меня, как будто я маньяк-педофил какой. Конечно, зря я ударил Майкла, но это она виновата, она меня довела. Ну ладно, я пойду в эту гребаную Социальную службу, и все узнают, что это она, она, эта ебучая грязная шлюха, принимает наркотики прямо рядом с моими детьми...

Если им так уж охота кого-нить арестовать, так пусть арестуют того уебка из «Один дома-2». Я знаю, что он сам был еще пацаном, когда снимался в этих фильмах, но я не знаю, как у него получается жить сейчас в мире с собой.

53. «...даже в расслабленном состоянии он был больше фута длиной...»

Прихожу к Саймону на квартиру. У него беспорядок, но это меня не волнует. Я бросаюсь на Саймона прямо в прихожей, обнимаю его крепко-крепко и тянусь губами к его губам. Он напряжен, сдержан.

– Гм... у нас гости, – говорит он.

Мы проходим в гостиную. На кожаной софе сидит молодой парень, которого я вроде как видела у Саймона в пабе. Один из этих смутных, неясных и пресных сущностей, которых замечаешь только уголком глаза. Сейчас он выглядит как самый обычный молодой парень: хулиганистый, вонючий, прыщавый, нервный. Я улыбаюсь ему и замечаю, что лицо у него становится пунцовым, глаза слезятся, и он отводит взгляд в сторону.

Я смотрю на него и гадаю, что здесь происходит. Саймон молчит, ничего не говорит. Потом раздается стук в дверь, и я иду открывать – это пришли Мел и Терри. Она целует меня, проходит внутрь и обнимает Саймона, потом садится рядом с парнем.

– Все путем, Кертис, дружок?

– Д-д-да, – говорит он.

Терри все еще какой-то подавленный. Он садится на стул в углу.

– Это Кертис, – говорит мне Саймон. – Он будет с нами работать. В качестве актера. – Пока парень пытается выжать из себя слабую ответную улыбку, я думаю, уж не шутка ли это. Потом Саймон переводит взгляд с Мел на меня и говорит: – я хочу, чтобы вы, девушки, сформировали из этого малообещающего материала самого рьяного и горячего жеребца из Лейта. Ну, второго по рьяности и горячности, – говорит он с усмешкой, хвастливо-скромно кланяясь.

– У него и вправду большой, – хихикает Мел, – если ты понимаешь, о чем я.

– Покажи ей, Керт, не стесняйся, – говорит Саймон по пути на кухню.

Глаза у Кертиса так и слезятся, а его лицо стало уже малиновым.

– Давай, ты ж мне вчера показал, – усмехается Мел.

Я мельком гляжу на нее, а он нервно расстегивает ремень, а потом и молнию. А дальше... дальше он начинает вытаскивать его из трусов, а он все не кончается и не кончается. Даже в расслабленном состоянии он был больше фута длиной, свисал вниз, доставая почти до колен. У меня просто челюсть отвисла. И что еще более важно, толщина... Раньше я никогда не думала, что размер – это

важно, но... Так что парня приняли в команду вообще без вопросов. Четырнадцать дюймов – кому же такое не подойдет, в смысле, порно снимать? Девственник (до вчерашнего вечера, пока Мелани не приложила к нему свои ручки, держу пари), внешне просто урод, но он как будто специально создан для нашего шоу.

Саймон говорит ему, что нужно выбрить волосы в паху, чтобы все его хозяйство выглядело еще больше, как делают настоящие порнозвезды.

Терри добавляет:

– Посмотри на его лицо, как он бреется. И ты доверишь ему брить вокруг эдакого богатства?

– Тебе хорошо говорить, Терри. Швы еще не сняли? Мне интересно другое: как его расшевелить, чтобы он смог играть, хотя я думаю, Мел уже работает в этом направлении.

– Я тебе помогу, в смысле, побриться, – сказала Мел. Так что с этим, похоже, проблем не будет.

Саймон отзывает меня на кухню.

– Вчера Мел лишила его девственности, она с ним разберется, – подтверждает он мои мысли. – Нам нужно сперва разобрать это дите на кусочки, – продолжает он. – А потом воссоздать по собственному проекту. Нам нужно сделать из этой Элизы Дулиттл настоящего человека.¹⁷ И дело не только в технике ебли. Любой недоумок может ебаться, и любой идиот при наличии усердного партнера может пройти по сексуальным позициям. – Он украдкой кидает взгляд на Терри. – Боже, как мы запариваем себе мозги своей любовью к сексу. Но вот чтобы привести его в порядок, сделать из него что-то похожее на разумное существо... Одежда. Внешний вид. Поведение. Манеры.

Я согласно киваю, но первое, на что надо обратить внимание, это деловой подход. Мы говорим остальным, что встретимся с ними в пабе, Саймон на выходе вручает Кертису какую-то коробку в обертке.

– Это тебе подарок, открывай.

Кертис разрывает бумагу, и становится видна безвкусная, страшненькая, блондинистая голова надувной резиновой куклы. Саймон говорит:

– Ее зовут Сильвия. Это тебе для практики одинокими ночами, хотя очень скоро про одинокие ночи ты просто забудешь. Добро пожаловать в «Семеро братьев»!

Бедный Кертис толком не знает, что ему делать с Сильвией. Они все спускаются вниз и направляются в «Порт радости». Саймон просит меня ненадолго задержаться – обсудить, как идут дела с нашей «аферой», как он это называет.

Мы раздобыли два списка, каждый – на отдельном диске. Отец Рэба помог совместить их и записал в одинаковом формате. В наличии сто восемьдесят два владельца сезонных билетов на «Рейнджеров», у которых есть счет в Отделении «Торговый город» Клайдсдейлского банка. Из этих ста восьмидесяти двух у ста тридцати семи пин-код – 1690. Я не понимаю, как Саймон об этом узнал, и он терпеливо мне объясняет, так же как Рэб и Марк, но я все равно не догоняю. Хоть я и ходила на курс по Шотландии у МакКлаймонта, я даже и близко не подошла к пониманию шотландского менталитета или культуры. Из этих ста тридцати семи у восьмидесяти шести есть возможность управления счетом через Интернет.

Важно, что количество денег на этих счетах колеблется от долга в 3612 фунтов до положительного баланса в 42 214 фунтов. Саймон объясняет, что они с Марком залезли в он-лайно-вую банковскую систему Клайдсдейла. Используя пин-код 1690, они сняли в общей сложности 62 412 фунтов с самых крупных счетов, положили эту сумму на общий счет, который они открыли в Цюрихе, в Бизнес-Банке Швейцарии, сообщает мне Саймон, выравнивая две дорожки кокаина.

– Без меня, – говорю я и достаю из рюкзака травку, бумагу и табак.

– Да, я знаю. Это я для себя. У меня ведь две ноздри, – улыбается он. – Ну, во всяком случае, в настоящий момент. Ага, через три дня все деньги за исключением 5000 будут переведены на счет на предъявителя, который мы открыли в Швейцарии, в Цюрихском банке, на имя компании «Банана-цурри филмз».

– Так что, сейчас мы идем в паб праздновать?

– Нееее... – говорит Саймон, – деньги нашли ты, я и Рент. И больше об этом никто не знает. И ты никому не говори, – предупреждает он, – или нам всем придется отправиться в тюрьму, и надолго. Мы оставим деньги на этих счетах – это больше, чем нужно, чтобы закончить наш фильм. А остальным мы потом скажем. А сейчас я, ты и Рент будем праздновать в узком кругу.

17 Famous Grouse – очень хорошее и дорогое виски. – Примеч. пер.

Я вся в восторге и ликовании, и еще мне немного страшно – во что мы такое ввязались. Так что мы направляемся в ресторан «Кафе Ройаль», где назначена встреча с Марком, и втроем наслаждаемся устрицами и дорогим «Боллинже». Марк разливает шампанское по бокалам и шепчет мне:

– Ты была великолепна.

– Вы оба тоже неплохо поработали, – говорю я слегка ошеломленно, но теперь уже вполне осознавая масштабы нашей аферы. – Это ведь все останется строго между нами? – Я нервничаю и почти умоляю, и Марк кивает, серьезно соглашаясь со мной. – То есть Диана об этом узнать не должна?

– Совершенно верно, – мрачно отвечает Марк. – За такое можно и в тюрьму угодить. Но послушайте, а что насчет Рэба? – добавляет он с внезапной тревогой. – Что мы ему скажем? Он же наверняка что-то сообразил. Его батя писал программу.

– С Рэбом все в порядке, – говорит Саймон, – но он такой пуританин и наверняка наложил бы в штаны, если бы въехал в размах аферы. Но он думает, что речь идет просто о какой-то депозитной кредитке. Я рассчитался с ним за его услуги. Так что тут можно не волноваться, – улыбается он, а потом начинает тихонечко напевать, странная песенка, я никогда ее раньше не слышала:

На берегу Война, покрытом зеленой травой,

Там, где встретились Рыжий и Уильям

И где бились они за наш славный город,

На берегу Война, покрытом зеленой травой.

Рыжий всегда остается надежным и верным,

Что бы ни случилось,

Мы должны помнить наш боевой клич

«Не сдаваться!»

И помнить, что Бог за нас...

– Я люблю Шотландию, – говорит Саймон, потягивая шампанское. – Здесь так много обдолбанных мудаков, таких доверчивых и наивных – это же легкие деньги. Весь этот шум вокруг Кубка «Селтик» с «Рейнджере» – это же самая лучшая афера. Это не просто лицензия на сбор денег с тупых идиотов, это лицензия на сбор денег с их детей и детей их детей. Такой вот франчайзинг. Мюррей, МакКанн, эти парни знают что делают.

Марк улыбается мне, потом поворачивается к Саймону:

– Ну, раз уж мы стали такие богатенькие, я так понимаю, что твои намерения по поводу этого фильма не изменились?

– Разумеется, – отвечает Саймон. – Тут речь не о деньгах, Рент, теперь я это понимаю. Любой кретин может делать деньги. Речь идет о создании чего-то, что будет само приносить деньги. Речь идет о самовыражении, самореализации, о жизни, о том, чтобы показать этим изнеженным богатым уродам, что родились с серебряной ложкой во рту, что мы тоже кое-что можем. Не хуже их. И даже лучше.

– М-м-м, – говорит Марк, поднимая свой бокал. – За это я выпью.

Саймон смотрит на меня и говорит:

– И никаких магазинных оргий, Никки, я буду следить за завязками на денежном мешке. Если окажешься на мели, просто скажи.

Я не знаю, доверяю ли я Саймону, и я не думаю, что они с Марком доверяют друг другу. Но мне плевать и на деньги, и на всякие разные цацки. Мне просто нравится, что происходит. Я живу. По-настоящему.

– В любом случае, если нас возьмут за задницу, все, что тебе надо сделать, – это посмотреть на судью широко открытыми глазами и сказать ему, что тебя обдурили два коварных интригана – и ты свободна, а мы с Рентой уж как-нибудь выкрутимся, да, Марк?

– Однозначна, – отвечает тот, наливая нам всем еще шампанского.

А позже мы направились в бар «У Рика» на Ганновер-стрит.

– А это, случаем, не Маттиас Джек? – говорит Саймон, указывая на парня в углу.

– Может быть, – задумчиво отвечает Марк, заказывая еще одну бутылку шампанского.

Мы с Саймоном возвращаемся к нему в Лейт и трахаемся всю ночь, как животные. Наутро я прихожу домой, как говорится, усталая, но довольная, у меня все болит и саднит, и я усаживаюсь за свою курсовую, а у меня еще вечером смена в сауне. Когда я возвращаюсь с работы, у нас сидит Марк, общается с Дианой. Он коротко здоровается со мной и уходит.

– Ну и что это значит?

– Он мой старый друг. Мы завтра опять собираемся пойти куда-нибудь выпить.

– Исключительно ради старой дружбы, я так понимаю? Она скромно улыбается и поднимает одну бровь. На щеках у нее румянец, и мне интересно, трахнулись они уже или нет.

Позже мы с Саймоном и Рэбом заходим в монтажную в Ниддри, куда Саймон уже приводил меня раньше. Я и не знала, что в Эдинбурге есть такие местечки, по правде сказать, я вообще никогда не видела ничего подобного. Парень, который держит «Видео в Ниде», – старый приятель Рэба, еще с тех времен, когда они всей толпой ходили на футбол. Теперь они почти все бизнесмены и предприниматели, так или иначе, а этот парень по имени Стив Байуотерс больше похож на работника социальной сферы, нежели на бывшего футбольного хулигана. Они чем-то напоминают масонов – они все связаны общим прошлым, и если кому нужна помощь, ему никогда не отказывают.

– У нас есть все необходимое, так что мы можем все сделать прямо здесь, – говорит он, прямо как свежеспойманный и заново рожденный христианин.

Уже на пути к выходу Рэб говорит:

– Здорово, да? Псих качает головой:

– Ага, но мы можем сделать все в Даме. АРП, Рэб, АРП.

– Да, все правильно, – отвечает Рэб, но я подозреваю, что у Саймона есть другой план.

54. Афера № 18749

В Сити-Кафе уже полно клубной публики, и тут входят Кертис и его малолетние дружки и приглашают меня в их компанию. Мы садимся за столик рядом с какими-то студентами, которые полностью погружены в свои скучные теории тайных заговоров – обсуждают, кто из мертвых знаменитостей на самом деле не умер: Элвис, Джим Моррисон, принцесса Диана. Они слишком полны этого юношеского ощущения своей бессмертности, чтобы поверить, что кто-то может и вправду покинуть сей бранный мир. Погрязли в своем жизнеутверждающем и отрицающем смерть буржуйском мире мечты.

Но есть и хитренькие пацаны вроде Филиппа, которые глумятся и насмеваются над их слабостями; они-то знают, что все это – дерьмо собачье. В этом городе, в спальных районах и в центре, они с раннего возраста видели столько смертей – от эпидемии СПИДа в 80-е годы, – так что они уже не поддаются этим наивным фантазиям. Забавно, но я уверен, что наше поколение чувствовало то же самое, что и эти ребята из пригорода. Хотя, конечно, не в большей степени. И уж конечно, не я.

– Все эти уебки давно уже сдохли и так дохлыми и останутся, – говорю я одному из студентов, и вся окольцованная мелюзга хохочет, чуть ли не писаюсь от восторга.

Я потихонечку привлекаю внимание Кертиса.

– Посмотри на своих приятелей, они из этих студентов щас всю кровь высосут. – Он медленно опускает голову. – А теперь представь себе, что прошло лет пятнадцать: у кого будет все, хорошие дома, работа, бизнес, деньги, машины, а кто по уши завязнет в трупобах и наркоте?

– Ага... – кивает Кертис.

– А почему, знаешь?

– Потому что у них, типа, образование и вся хуйня? Неплохо. Даже очень неплохо.

– Да, но только отчасти. Еще какие-нибудь причины?

– Потому что у них богатые предки, которые им дадут деньги для старта? И связи, и все такое?

А этот парень, оказывается, не такой тупой, как я думал.

– В точку, Керт. В самую точку. Но если рассмотреть все вместе, то что получится?

– Без понятия.

– Ожидания. Они все получают все это, потому что они именно этого и ожидают. А чего им еще ожидать? Такие, как ты или я, ничего такого от жизни не ждут. Мы знаем, что нам придется работать, вкалывать до потери сознания, чтобы все это заработать. Сейчас для меня, образованного, но все же недостаточно квалифицированного мужчины, для меня просто нет места, где бы вклиниться в эту жизнь. Как ты думаешь, какого хуя я хожу кругами по черному сектору экономики, на самой границе приличного общества? Потому что мне нравятся эти колоритные характеры? Потому что придурки, и шлюхи, и наркоманы, и дилеры – это мой круг? Ни хуя подобного. Я был сутенером, занимался кражами со взломом, воровством, подделкой кредитных карточек и торговал наркотиками не потому, что мне это нравится, а потому, что я не могу прорваться в законный бизнес того уровня, статуса и оплаты, которые соответствуют моим знаниям и умениям. Я – клинический случай, Керт, просто

клинический случай. Но это может измениться – и изменится обязательно. – Я смотрю на часы, скоро мне надо срываться, встречаться с ребятами. – Слушай, – я прикладываюсь к своему напитку, – ты хоть раз вообще использовал эту куклу надувную?

– Да нет... – говорит он, смущаясь. – Я просто игрался с ней, а она на мне сдулась...

– Она на тебе сдулась! Ебать-копать, если б я знал, что так будет, я б ее лучше себе забрал! – смеюсь я над его смущенной рожей.

Мы допиваем и направляемся в клуб Кислоты – будем снимать клубную публику в действии. Кертис танцует со своими приятелями, и камера Рэба нацелена на него. Потом в кадр попадает Никки, которая до этого разговаривала с Мел, а теперь направляется к нему. Она какое-то время танцует рядом с ним, потом берет его за руку и ведет в офис клуба, который освободил для нас Карл.

Потом, когда клуб закрывается, мы начинаем работать по-настоящему – готовимся снимать одну из наших ключевых сцен. Рэб и его дружки-студенты устанавливают в офисе оборудование.

– Как ты думаешь, я де-де-действительно н-н-нравлюсь Мелани и Никки? – спрашивает Кертис.

– В каком смысле?

– Ну, я думаю, они хорошо ко мне относятся, потому что ты им ве-ве-велел.

– Что еще за хуйня? В тебе, парень, есть сила, – говорю я.

– Но я не н-н-н... – его лицо передергивает судорожная гримаса, – не нравлюсь де-де-девушкам.

– Мелким тупым потаскушкам – да. Но это еще не все женщины мира. А вот женщина, которая понимает... которая знает, как фильтровать всякую шелуху, чтобы докопаться до сути... такая женщина сразу тебя оценит. А потом, есть еще и такая вещь, как широта взглядов, – улыбаюсь я, напевая ди-лим-дилим-дилим-дилим-дилим-дилим-дилим... начало припева этой классической вещи Боуи. Однако в случае с Кертисом это не шибко-то и помогает. Когда он уходит в сортир, чтобы еще раз нервно поссать, я подхожу к Никки. – Попробуй заставить Кертиса почувствовать себя крутым и желанным, а то у него самооценка ниже плинтуса.

Когда он возвращается из туалета, Никки подходит к нему, и я слышу, как она говорит:

– Кертис, я жду не дождусь, когда ты меня выебешь. Юный придурок стоит с отпавшей челюстью, тупо моргает и краснеет:

– Та-та-так что ты хочешь сказать? Меня просто разрывает от хохота.

– Ты гений комедии, Кертис! Это сразу же идет в сценарий! – И я начинаю резво царапать буквочки на своей копии рабочего сценария.

Я произношу пламенное обращение к моими звездам, и Рэб кивает мне – все готово. Можно снимать.

– Ладно, народ, это ключевая сцена всего фильма. Момент, где «Джо» выигрывает пари у «Тэма». Кертис, это место, где твой герой «Керт» лишается девственности. Так что не беспокойся о том, что ты нервничаешь, ты и должен нервничать. Я просто хочу, чтобы вы повторили, что только что тут сказали. Итак, Никки, ты приводишь его в офис, закрываешь дверь, прислоняешься к ней спиной и говоришь...

– Я хочу, чтобы ты меня выеб, – развратно тянет Никки, глядя на Кертиса.

– А ты, Кертис, ей отвечаешь, – киваю я ему.

– Та-та-так что ты хочешь сказать?

– Великолепно. Никки, потом ты подводишь его к столу. Кертис, пусть Никки тебя ведет. Хорошо, давайте попробуем еще раз.

Конечно, нет ничего лучше спонтанного оригинала, но после многих попыток мы получаем парочку очень приличных дублей. То есть шесть братьев уже оттраханы, единственная проблема – что поврежденный член Терри еще недостаточно крепок для анального секса. Но ничего страшного, у меня есть идея.

55. Шлюхи из города Амстердама (Часть 6)

Я сказал Мартину с Нильсом, что мне надо немного развеяться, а то я уже сатанею от клуба. Кэтрин я сказал, что мне надо съездить домой, повидаться с родителями. Но что мне действительно было нужно – вот это самое. Это все, что я мог сделать, чтобы оторвать себя от нее. От Дианы Коулстон.

Мы занимались любовью почти до утра, на свободной кровати Гэва. Просто хотеть ее, до боли

желать ее, истощиться сверх всяких возможных пределов, но скоро опять быть готовым к действию. Опыт подсказывал мне, что это не любовь и не чувства вообще, это просто реакция двух чужих, незнакомых тел на близость друг друга. Что это быстро пройдет. Но в пизду этот опыт. Так что вот чем мы с ней и занимались всю неделю, обычно – у нее, чтобы не смущать Гэвина.

Сегодня утром она надела мою футболку, а мне всегда нравилось, когда девушка так делает. Мы с ней сидим на кухне, пьем кофе. Входит Гэв, уже готовый идти на работу – при полном параде. Он видит ее, широко распахивает глаза и выскакивает из кухни как ошпаренный. Я окликаю, я не хочу, чтобы он чувствовал себя чужим в своем доме.

– Гэв! Иди к нам!

Он покорно возвращается.

– Это Диана, – говорю я ему.

Диана улыбается и протягивает ему руку. Он пожимает ее, садится за стол и пьет чай со мной и, ага, с моей девушкой. А я думаю о Кэтрин и о том, что я скажу Диане. С этими невеселыми мыслями я покидаю ее и направляюсь в город.

Когда все по идее нормальное кажется таким странным, ты понимаешь, что жизнь ведешь вздрюченную. Я сижу в Прин-сесс-Стрит-Гарденс с моей невесткой Шэрон и племянницей Мариной, которую я никогда раньше не видел. Да и Шэрон я не видел уже несколько лет. Я думаю, в последний раз мы с ней виделись, когда я трахал ее на похоронах моего брата, в туалете, когда она была беременна Мариной.

Я не только не могу найти эмоциональную связь с тем собой, которым я был тогда, теперь я не могу даже представить себе, что это был за человек. Конечно, может быть, я пытаюсь себя обмануть, никогда нельзя быть уверенным, но я так чувствую. Остался бы я таким, каким был, если бы не уехал отсюда? Наверно, нет. Но, опять же, кто знает.

Шэрон растолстела. Вся заплыла жиром. Прежняя Шэрон, с большими сиськами, сладострастная, теперь превратилась в жирную корову. Наверное, я ей тоже кажусь далеко не красавцем, но это, как говорится, ее проблемы, я просто честен в своей негативной реакции. Но при этом я чувствую вину за это свое отвращение к Шэрон. Она – хорошая женщина. Мы сидим в «Пиатце», пьем кофе, а Марина катается на карусели, на такой мрачномордой лошадке, и машет нам рукой.

– Я тут узнал, что у тебя ничего не вышло с тем парнем, за которым ты была замужем. Жаль, – говорю я ей.

– Да нет, мы разошлись еще в прошлом году, – говорит она, закуривая «Регал», она предлагает мне сигарету, но я отказываюсь. – Он хотел детей. А я не хотела больше детей, – объясняет она и, помолчав, добавляет: – Но, наверное, было и что-то еще, кроме этого.

Я лишь молча киваю, чувствуя смущение и неловкость на этом празднике откровения, когда люди вот так вот с ходу выкладывают тебе всю свою подноготную.

– Все в жизни бывает. – Я пожимаю плечами.

– А ты-то как, у тебя кто-то есть?

– Ну, тут все запутано... я тут на прошлой неделе встретил одну девушку, – говорю я и буквально чувствую, как лицо у меня озаряется странным светом, а губы складываются в улыбку, когда я думаю о Диане. – Одну старую знакомую, я ее знал еще до отъезда. А еще у меня есть подруга в Голландии, но там сейчас напряженный период. Хотя, наверное, с ней все кончено.

– Узнаю старину Марка.

Я всегда предпочитал длительные отношения, а не встречи на одну ночь «трахнулись-разбежались», хотя у меня почему-то никак не складывалось ни с тем, ни с другим. Но когда ты встречаешь женщину, и не важно, сколько раз вы успели когда-то потрахаться, ты всегда думаешь... да. Надежда, как говорится, умирает последней.

– Слушай... – Я лезу в сумку и достаю оттуда конверт. – Это тебе и Марине.

– Мне ничего не нужно. – Она отталкивает мою руку.

– Но ты даже не знаешь, что там внутри.

– Я могу догадаться. Это ведь деньги, да?

– Да. Возьми. – Не.

Я смотрю ей в глаза.

– Слушай, я знаю, что про меня тут болтают в Лейте.

– Никто про тебя не болтает, – говорит она, вроде бы пытаясь меня успокоить, но на самом деле это звучит унижительно для моего самолюбия. Мне даже как-то обидно. Почему это никто не болта-

ет?! Должны болтать...

– Эти деньги не с наркоты. Честное слово. Это от моего клуба, – объясняю я, борясь с искушением рассмеяться. Любой, кто держит музыкальный танц-клуб, делает деньги, пусть даже и не напрямую, именно с наркоты. – Возьми. Я хочу что-нить сделать... для моей племянницы. Пожалуйста, – говорю я и уточняю: – У нас с братом не было ничего общего. Хотя про нас и говорили, что два сапога – пара. Оба психи, но каждый – по-своему. – Шэрон в ответ улыбается, и я вдруг проникаюсь мыслью, что я ведь любил своего брата Билли, я вспоминаю его лицо, как он всегда меня защищал, и мне становится очень жаль, что мы с ним так и не сумели общаться нормально. Менее агрессивно, менее категорично и все такое. Но все это – дерьмо. Ты был тем, кем ты был, и есть то, что ты есть. И на хуй все сожаления. – Знаешь, что странно: даже не столько я скучаю по Билли, сколько жалею, что мы не смогли с ним поладить. Будь он жив, все было бы совсем по-другому. Я, знаешь, сильно изменился. И он бы тоже, наверное, изменился бы, я так думаю.

– Может быть, – говорит она с сомнением, и я не знаю, кого она имеет в виду: его, меня или нас обоих. Она смотрит на конверт, щупает его. – Там, должно быть, несколько сотен.

– Восемь кусков, – говорю я. У нее глаза лезут на лоб.

– Восемь тысяч фунтов! Марк! – Она понижает голос и озирается по сторонам, как будто мы с ней – герои в шпионском фильме. – Нельзя так вот просто ходить по улице с такими деньжищами! Тебя могут ограбить или еще что-нить...

– Ну, так сразу неси их в банк. Смотри, я их с собой не возьму, так что если ты не забираешь конверт, он так и останется тут лежать. – Она хочет что-то сказать, но я перебиваю: – И не думай, что что-то такое... я бы не стал этого делать, если бы не мог себе этого позволить. Не такой уж я и придурок.

Шэрон кладет конверт к себе в сумку и сжимает мою руку, а в глазах у нее блестят слезы.

– Я даже не знаю, что сказать...

Я отвечаю, что ничего говорить не надо. Я говорю, что мы с Мариной пойдем в кино, на «Игрushечную историю», пока сама Шэрон уладит все дела с банком и ходит по магазинам. И вот я иду, держу за руку ребенка и думаю, а что бы сделал Бегби, столкнись мы с ним сейчас. Он бы наверняка не стал... Хотя он такой отморозок, что все может быть. Так что мы загружаемся в такси и едем в «Доминион», потому что я вряд ли налечу на Франко в Морнингсайде. Когда фильм заканчивается, я завожу Марину к Шэрон и отправляюсь по своим делам.

В тот же день, позже, я иду по мосту Георга IV и замечаю еще одно знакомое лицо, но такого не может быть – этот чел просто по определению не может выходить из библиотеки! Я подхожу к нему сзади и подцепляю его пальцем за воротник, как будто я полицейский. Он практически из штанов выпрыгивает, прежде чем обернуться, и его враждебный взгляд сменяется лучезарной улыбкой.

– Марк... Марк, братишка... какими судьбами?

Мы заходим в ближайший бар. И в чем самый прикол, бар называется «Растяпа Мерфи». Так все когда-то дразнили Урода. Я уже и не помню, за что. Я заказываю два «Гиннеса» и думаю про себя, что Урод ни капельки не изменился – с виду он все такое же ходячее недоразумение, что и раньше. Мы усаживаемся за столик, и он рассказывает мне о своем проекте по истории Лейта, над которым сейчас работает, что просто напрочь срывает мне крышу. Кто бы мог подумать, что Урод вдруг займется чем-то таким?! Но он рассказывает об этом с большой увлеченностью, а потом разговор переходит на старые времена.

– Как Суани? Наверняка ведь куда-нить свалил, – спрашиваю я про одного старого друга.

– В Таиланд, – говорит Урод.

– Ничего себе. – Я опять в потрясеии. Суани всегда мечтал о Таиланде, но мне просто не верится, что он действительно взял и уехал.

– Ага, взял и свалил, хитрый перец, – кивает Урод, кажется, его самого зацепил этот расклад. – На одной ноге – и вот, понимаешь.

Потом мы принимаемся обсуждать Джонни Свана, но есть одна вещь, которую мне надо знать, и я спрашиваю этак небрежно, как бы между прочим:

– Скажи мне, Урод, а Бегби вышел из тюрьги?

– Ага, да уж давненько, – говорит Урод, и мне как-то сразу плохее. Лицо застывает, в ушах звенит. Голова кружится, и мне уже трудно сосредоточиться на его словах. – Почти сразу после Нового года. Он тут ко мне заходил, ну, на днях. Законченный псих, еще даже хуже, чем раньше, – говорит он серьезно. – Держись от него подальше, Марк, он не знает про деньги...

Я изображаю святую невинность:

– Какие деньги?

Урод в ответ расцветает открытой и теплой улыбкой и обнимает меня, я бы даже сказал, что с излишним энтузиазмом. Для такого тщедушного парня его объятия достаточно крепки. Потом он отрывается от меня, его глаза полны слез.

– Спасибо, Марк, – говорит он.

– Не знаю, о чем ты говоришь. – Я пожимаю плечами. Нельзя проболтаться о том, чего ты не знаешь. Я даже не спрашиваю о его отношениях с Али, как у них все теперь, или об иммунной системе его ребенка. Псих – патологический лжец, и получается у него много хуже, чем раньше – или он просто так развлекается? Я бросаю взгляд на настенные часы. – Слушай, приятель, мне надо идти. У меня свидание.

Урод как будто даже слегка огорчился, чего-то он мнетя, а потом все же решается:

– Слушай, друг, а ты... ну, не сделаешь мне одно одолжение?

– Да, конечно, – киваю я, пытаюсь угадать, сколько он у меня попросит.

– Ну, мы с Али... мы, ну, избавляемся от квартиры. Я пока поживу у друзей, но к ним нельзя взять кота. Ты не мог бы его приютить на время?

Я мучительно соображаю, какого кота он имеет в виду, а потом до меня доходит, что он говорит об обычной настоящей кошке. А кошек я ненавижу. Всем сердцем.

– Прости, приятель... я не особый любитель кошек... и потом, я у Гэва живу, а он точно не разрешит.

– А-а... – говорит он с таким разнесчастным видом, что мне просто нужно попробовать сделать хоть что-то, и я звоню Диане и спрашиваю, как она отнесется к тому, чтобы присмотреть за кошкой. Диане нравится эта идея, она говорит, что Никки и Лорен давно собираются завести кошку, так что это будет для них испытанием, проверкой, смогут ли они это выдержать. Она говорит, что сейчас свяжется с ними, отключается, перезванивает мне буквально через пару минут.

– Все в порядке. У кошки есть временный дом, – говорит она.

Урод жутко рад, что все так славно устроилось, и мы договариваемся, когда он привезет животину в Толкросс. Когда мы с ним расстаемся, я чувствую, как ужасная ярость пробивается сквозь мое оцепенение, разъедая меня изнутри. Я собираюсь с духом и звоню на мобильный моему деловому партнеру.

– Саймон, привет. Как дела?

– Ты где?

– Не имеет значения. Ты уверен, что Бегби все еще в тюрьме? Мне тут сказали, что его давно выпустили.

– И кто те это сказал?

Показушный переход Психа на шотландский народный звучит очень уж неубедительно.

– Это не важно.

– Не, это гон. Насколько я знаю, он еще сидит. Лживый мудака. Я отключаюсь, иду вниз по Грассмаркет и вверх по Уэст Порт по направлению к Толкроссу, лихорадочные мысли пронесаются у меня в голове, и самые жуткие чувства раздирают меня изнутри.

56. «...а он лежит у меня на плечах...»

Я, кажется, привязалась к Заппе, к коту, который у нас поселился. Я с ним занимаюсь кошачьей гимнастикой. Есть такая гимнастика, называется кэтфлексинг, на прошлой неделе по телевизору была передача, по Четвертому каналу. Я поднимаю его тридцать раз в позе номер один, когда я приседаю, а он лежит у меня на плечах, как воротник. Потом – приседания в позе номер два, когда я поддерживаю его под животиком одной рукой и под грудкой – другой. По тридцать повторов с каждой стороны.

Входит Лорен и удивленно таращится на меня.

– Никки, что это ты делаешь с бедным котом?

– Занимаюсь кошачьей гимнастикой, – объясняю я, испугавшись, как бы она не подумала, будто я еще и зоофилией страдаю. – Когда ты ведешь напряженную жизнь, домашние животные обычно испытывают недостаток внимания, так что это – хороший способ для поддержания формы и восстановления дефицита общения с котом. Ты выполняешь физические упражнения, что всегда полезно, а

животное не чувствует себя заброшенным. Хочешь, попробуй сама, – говорю я, опуская котяру на пол.

Лорен в сомнении качает головой, а мне уже пора уходить – мы сегодня снимаем последнюю порносцену с Терри, Мел и Кертисом в роли запасного ебара. Я еду в Лейт, потому что мы договорились встретиться на квартире у Саймона.

У Кертиса на лице придурочная улыбочка. Вообще-то мальчик не сказать чтобы совсем безнадежный, худо-бедно его можно натаскать, по крайней мере в том, что касается секса. Он ходит за мной и Мел, как больной щенок, который выпрашивает еду, или, в данном конкретном случае, пизду. Хотя это, наверное, не совсем справедливо. Мальчику хочется большего. Он хочет любви, хочет принадлежать к какому-то кругу, хочет, чтобы его приняли за своего. На самом деле мы все хотим того же, только Кертис более искренен и бесхитростен в своих желаниях. Он очень хочет понравиться нам. Даже не так, не просто понравиться – ему хочется, чтобы мы его полюбили. Со своей стороны, мы смеемся над ним, причем иногда наши шутки выходят на грани жестокости.

Почему? Это мы так наслаждаемся своей властью или это все из-за того, как сказала бы Лорен, что мы ненавидим то, что мы делаем?

Нет, как я уже говорила, в Кертисе мы узнаем себя. Вроде как он – вариация нас самих, только более жалкая, напрочь лишенная чувства собственного достоинства. Печальный странник в вечных поисках чего-то такого – который так и не нашел, что искал. Но у Кертиса еще есть время. А у нас времени все меньше и меньше. Может быть, это как раз и влияет на наше к нему отношение. Мне кажется, я до сих пор еще чувствую его у себя между ног. Штучка у меня аккуратная, маленькая, и я никогда не думала, что в меня поместится такое. Иногда я сама на себя поражаюсь.

– Тебе нравится? – спрашиваю я, подставляя ему под нос свою шею.

– Ага, пахнет зыко.

– Я научу тебя пользоваться парфюмерией, Кертис. Я тебя многому научу. А потом, когда я стану старой и мудрой, а ты все еще будешь красивым молодым мужчиной, не пропускающим ни одной девственности в этом городе, причем все девочки – как минимум вдвое моложе тебя; как и должны поступать все состоятельные пожилые мужчины, ты будешь меня вспоминать добрым словом. И будешь ко мне относиться, как к человеку. И не будешь меня обижать.

Мел улыбается, прихлебывая красное вино. Скорее всего она даже не понимает, насколько я сейчас серьезна.

Кертис же, кажется, ужасается моей фантазии.

– Я не буду тебя обижать, никогда-никогда! – Он почти пищит.

Эти молоденькие мальчики, такие сладкие, нежные сердцем – какие же из них вырастают чудовища! Но с годами, на склоне лет, они, как правило, снова становятся милыми, добрыми и воспитанными. Вот только Псих Саймон об этом не знает. И он тоже многому учит Кертиса, и мне далеко не всегда нравятся те уроки, которые он ему преподает.

Рэб и команда спускаются вниз и устанавливают камеры. Но Кертис – он такой милый. Он отказывается трахать Мел в задницу.

– Это грязно и нехорошо, я не хочу занимацца такими делами.

– Хорошо сказано, Кертис, – говорю я, а Мел говорит со значением:

– Мне это вовсе не в лом, Кертис. Саймон вдруг заявляет:

– Ладно, давайте пока это оставим. – Он смотрит на часы. – Собирайтесь, ребята, мы идем в кино!

Мне интересно, в какую игру он играет, Рэб начинает бурчать, но Саймон вытаскивает нас наружу, усаживает в машину и везет в Дом кино, где идет ретроспектива фильмов Скорсезе. «Бешеный бык» с Робертом де Ниро.

После кино мы идем в бар, и Кертис поворачивается к Саймону, совершенно очарованный:

– Это было великолепно!

Саймон собирается что-то сказать в ответ, но я быстро встречаю:

– Так зачем ты нас туда потащил? – говорю я. – Явно не просто так.

Саймон как будто меня и не слышит, он обращается к Кертису:

– Ты актер, Керт. Де Ниро актер. Думаешь, ему хотелось навешивать на себя всю эту тяжесть и шататься там, как колобок? Думаешь, ему хотелось, чтобы его побили на ринге? Нет. Но он все делал как надо, потому что он – актер. Он что, орал на Скорсезе на съемках, что, мол, «это грязно», или «это больно», или «это холодно, далеко и вообще вы меня эксплуатируете»? Нет. Потому что он – ак-

тер, – говорит он с нажимом и вдруг смотрит на Мел. – Это к тебе не относится, Мел, потому что ты не примадонна.

Теперь я вижу, что он выделяется не только перед Кертисом, но и передо мной тоже. Это же очевидно. Прямо само лезет в глаза – как эрекция Терри.

– Мы не актеры, мы занимаемся порнографией, – говорю я ему. – Нам нужно установить нашу собственную...

– Нет. Все это дерьмо для среднего класса. Только до сливок общества еще не дошел тот факт, что порнография теперь – удел большинства. Девственники продают порнофильмы. Грег Дарк ставит видео Бритни Спирс. Порнографические журналы, журналы для мужчин и журналы для женщин – все то же самое. Даже сдержанное, цензурированное Британское телевидение издевается над нами, намекая на это самое. Молодежь как потребитель уже не видит разницы между порнографией, развлечениями для взрослых и развлечениями для всех возрастов. Точно так же, как они не делают разницы между употреблением алкоголя и употреблением наркотиков. Если тебе это важно – пожалуйста, если нет – то и не надо. Тут все очень просто.

– А тебе не кажется, что это как-то звучит... слишком уж свысока... когда ты объясняешь Керту, что думают молодые люди? – говорю я, но получается у меня совершенно неубедительно. Тем более что Саймон на сто процентов уверен в своей правоте.

– Я говорю о том, как все это видится мне. Я пытаюсь снять фильм.

– Так что согласие или несогласие людей, которые у тебя снимаются, для тебя ничего не значит?

– Согласие и несогласие – это все относительно. А если нет, как же тогда нам расти и развиваться? Как нам эволюционировать? Развитие – оно есть всегда. Должно быть. Смена взглядов с течением времени, и все такое. Согласие – понятие эластичное, я бы сказал.

– А вот мой анус, он не эластичный, Саймон. И придется тебе с этим как-то смириться.

– Никки, вопрос не в этом. Если ты не хочешь анального секса, хорошо. Ты в своем праве. Но как режиссер этой кинокартины я оставляю за собой право ненавязчиво так указать одной из моих ведущих актрис, что она строит из себя непрофессиональную недотрогу, – улыбается он.

Если он думает, что он выиграл этот мудацкий спор, то он в корне не прав.

– Мы, между прочим, ебемся по-настоящему, а не делаем вид, что ебемся. У нас тут самые что ни на есть настоящие сексуальные отношения. А в таких отношениях главное – это согласие. Если нет согласия, это уже не отношения, а принуждение или насилие. Вопрос номер один: хочу ли я, чтобы меня изнасиловали для того, чтобы сделать фильм? Ответ – нет. Может быть, кто-то другой смотрит на это иначе. Но это их дело, – говорю я, старательно избегая смотреть на Мел. – Вопрос номер два: захочешь ли ты стать насильником для того, чтобы снять этот фильм?

Он смотрит на меня широко открытыми глазами.

– Я не буду заставлять людей делать то, чего им не хочется. Ни под каким видом.

Я почти верю ему – до тех пор, пока не подслушиваю, что он говорит Кертису под кокаином в такси, когда мы едем обратно в Лейт.

– Если задействован только член, это ебля и ничего больше. А заниматься любовью – это совсем другое. Когда любовь, это не только тело, но и душа. Члену бы только где поебаться. На самом деле я тебе больше скажу: член может стать твоим злейшим врагом. Почему? Потому что члену всегда нужна дырка. А это значит, что девушка всегда управляет ситуацией, пока отношения строятся лишь на физической основе, то есть на трахе. Не важно, какого он у тебя размера и как ловко ты им орудуешь, своим членом, все равно незаменимых нет. Тысячи, миллионы членов стоят в очереди на твое место, и хорошенькая девушка с некоторой долей смекалки об этом знает. К счастью, большинству не хватает ума это осмыслить. Нет, единственный способ победить в борьбе с девушкой за контроль в отношениях – это воздействовать на ее мозги.

Ага. Я приму это к сведению. Предупрежден – значит вооружен. Стало быть, мне не за задницу надо тревожиться, а за мозги.

Но сейчас я тревожусь за задницу Мел. Защищаю ее, как свою собственную. Так, надо бы сдать назад, а то я прямо чувствую, что превращаюсь во вторую Лорен. Это партия Мел; и она мне сама говорила, что ей это нравится.

Мы возвращаемся к Саймону, и он принимает еще кокса, и я слышу его разговор с Кертом, пока Мелани переодевается.

– Кертис, дружок, у тебя уже кое-что получается с твоим орудием. Ты уважаешь девушек, да, и

это правильно, но для этой сцены нам нужно побольше экспрессии. Ты когда-нибудь слышал такое выражение «пусть эта сука вопит от боли»?

– Ага, но мне нравится Мелани... Саймон, псих ненормальный, качает головой.

– Начинай нежно и ласково, но когда ты уже внутри, то засаживай энергичней, они любят боль. Они лучше ее переносят, чем мы. Они же детей рожают, еб твою мать.

– Но не через задницу, – вмешиваюсь я.

Он понимает, что я слышала его речь, и хлопает себя по лбу.

– Я стараюсь помочь Керту освоиться с ролью, – бросает он, – так что, может быть, ты позволишь мне делать мою работу, Николя, дорогая? Все уже поняли, что ты очень щепетильно относишься к анальному сексу, так что позволь нам продолжить.

– Пусть эта сука вопит от боли, вот от чего ты пляшешь, от этого женоненавистнического дерьма?!

– Никки, пожалуйста, давайте сначала закончим фильм, а потом будем дискутировать.

Слава Богу, понадобилось всего по одному дублю по каждой из анальных позиций: с прижатыми ногами спереди, сзади классическим раком и обратная анальная наездница. Потом я отвожу Мел в сторонку, и она делится впечатлениями.

– Как это было? – спрашиваю я.

– Больно, ужасно больно, – морщится она, дыша сквозь сжатые губы. – Но и хорошо тоже. Просто когда начинало казаться, что это просто непереносимо, вдруг становилось хорошо, а когда казалось, что хорошо, – становилось непереносимо.

– Ого, – говорит Псих, обнимая ее. – Хорошо поработали, ребята, вот и последний братец, Терри Сок, получил свой кайф. Мел, я хочу, чтобы вы с Терри изображали позиции, а для проникновения крупным планом мы покажем член Кертиса. Нам еще нужно доснять кое-что для оргии, несколько постановочных кадров, но все братья у нас оприходованы. Так что съемки почти закончены! В общем, мы молодцы!

57. Кларнет

Здорово было снова увидитца с Марком, и еще меня очень порадовало, што он одобрил идею насчет мою книги. Я был в таком замечательном настроении, когда вернулся домой, и хотя я был малость удолбанный, все равно вытащил свою рукопись и еще раз перечитал последнюю главу. Рент вроде как меня вдохновил. Последняя глава – она про наркоту, и СПИД, и про сторчавшихся парней, полных уродов и вполне нормальных ребят вроде Томми.

И я, значит, просмотрел книгу и глазам своим не поверил, она, оказывается, закончена, друг. То есть орфография там, конечно, хромает, но этим они уже сами займутца, к тому же я не хочу, штобы книжка слишком прилизанной вышла – што-бы ребятам в редакторском отделе было чем занятца.

Гляжу за окно – уже утро, так что я решил вообще не ложитца, а сразу же сходить на почту и отправить рукопись в издательство, то, которое печатает всякие штуки по истории Шотландии. А потом можно сходить повидать Али и рассказать ей про деньги, рассказать, што мы все вместе поедем в Диснейленд, ну штобы порадовать ребятенка и все такое. Я пытался рассказать ей об этом на днях в «Порте радости», но она была занята, а я был удолбанный в хлам, и у нас как-то не получилось нормально поговорить. Она хотела только одного – штобы я ушел. В общем, спать уже поздно, да и колбасило меня не по-детски, так што я поставил кассету «Алабамы» и немного потанцевал, так, чисто для себя.

Потом я пошел в магазин, купил большой конверт и отправился прямиком на почту. Поцеловал этот конверт на удачу и опустил его в почтовый ящик.

Красота, блин!

Я подумал, што надо бы привести себя в порядок и пойти повидатца с Али, когда она будет забирать пацана из школы – надо рассказать им новость про Диснейленд! Может, даже не тот, который в Париже, а тот, который во Флориде! Да, там, на солнышке, будет еще даже лучше, после этой хреновой погоды, которая тут у нас. Терри Лоусон говорил, што он типа был в том Диснейленде и что там круто.

Да и вообще надо бы мне это дело отметить, ну, што я книгу закончил! Да! Все долги отданы, бабки есть, и мы с Али скоро поедем в Диснейленд. Так што вполне можно выпить кружку-другую пивка. И вот я решаю, куда бы пойти отпраздновать. А в Лейте с этим надо быть поосторожнее, друг,

потому што Лейт – это не Эдинбург. В Лейте ты в любом пабе непременно найдешь компанию, хочешь ты этого или нет, и это может быть совершенно не та компания. Надо очень внимательно подходить, с кем ты празднуешь.

Так што с улицы Объединения я сворачиваю на бульвар и иду мимо бара Мака. Я смотрю на Центральный бар, потом смотрю на бульвар, тут у нас Бар У Моста, ЕН6, Корона, Гостиная Дельфин, Спей, Шотландский бар, Моррисонс, Далмени, Лорн, Вики, Аламбра, Воли, Балфур, Бар На Бульваре, который сейчас называется у Джейн, Роббис, Шраб, Бар На Границе, Брюнсвик, Красный Лев, Старая Соль, Виндзор, Джо Пирс, Вяз... и это только, што я могу вспомнить навскидку, на самом бульваре, не считая примыкающих к нему улиц и все такое. Так што нет, друг, нет, у каждого алкаша в голове крутитца то же самое. И та же байда с улицей Герцога и улицей Объединения и даже с проспектами Конституции и Бернарда. Так што я иду к Набережной, там все более понтово и солидно, друг, именно там должен пить настоящий писатель.

Теперь тут все по-другому, друг, в районе доков теперь только крутые бары и рестораны, и эти огромные современные склады. В газете писали, што отсюда убрали все-все зланные заведения, потому што местные начали жаловатца. Я считаю, што это нечестно, эти гадючники тут всегда были, и те, кто сюда переехал, должны были это знать.

Я захожу в большой старый бар, где сплошные деревянные панели, и заказываю холодный «Гиннесс». Смотрю за окно, там орут чайки, и в док входит крейсер.

А потом вдруг случаетца полная лажа. Я сижу – никого не трогаю, и вдруг в бар входит Кертис.

– Мне показалось, што я увидел, как ты сюдаходишь, и я с-с-сказал себе, што... – бедный парень начинает нервничать и моргает, – што Урод сюда бы ни в жизнь не зашел.

Да уж, приятель, кажется, я лоханулся. Вчера ночью мы тусовались с Рентой, и теперь все выпитое пиво легло на старые дрожжи, так што уже после нескольких пинт меня глобально развезло. Кертис в полном восторге, потому што он поучаствовал в какой-то оргии, вместе с девочками из того фильма, который снимает Псих. И я просто не знаю, што думать по поводу Али – ну, што Али работает в этом пабе, а вокруг происходит вся эта херня. Иногда мне приходит в голову, што он может и ее тоже привлечь к участию в этой хрени, и тогда у меня кровь холодеет в жилах. Потому што я знаю, Псих может запросто уговорить людей делать то, што они не хотят, то, што они никогда бы не сделали сами. Но только не Али, друг, только не моя Али. И мне вовсе не хочется прийти к ним с Энди загруженным, так что я начинаю активно трезветь.

В общем, когда я добираюсь до школы, мне кажетца, што у меня все нормально, но, судя по взгляду Али, это у меня просто состояние такое, когда тебе кажетца, што ты трезвый как стеклышко, а на самом деле ты убитый по самое не хочу. На ней куртка с капюшоном, отороченная мехом, я ее раньше не видел, свитер, брюки и ботинки. Выглядит просто потрясно. Пацан тоже упакован как надо, шарф, шапка и все такое.

– Што тебе нужно, Дэнни?

– Привет, папа, – говорит мой пацан.

– Как дела, солдат? – спрашиваю я у парня, потом обращаюсь к Али: – Хорошие новости. Я тут разжился деньгами и хочу вас свозить в Диснейленд... в Париж... или во Флориду, если захочешь! Я закончил книгу и уже отослал ее в издательство! А вчера я встречался с Марком, ну то есть с Рентом! Он был в Амстердаме, но теперь вот вернулся, и мы с ним пива попили, за жизнь побазарили. Он сказал, што это хорошая мысль, ну, с книгой, и все такое...

Она даже в лице не изменилась, друг.

– Дэнни... ты о чем?

– Слушай, давай пойдём посидим в кафе, там и поговорим, – говорю я, улыбаясь пацану. – Молочный коктейль у Альфреда, а, приятель?

– Ага, – говорит он, – но только в «Макдоналдсе». Там коктейль лучше.

– Нет, друг, нет, потому што у Альфреда используют только качественные продукты, а в «Макдоналдсе» в этих коктейлях один сплошной сахар, а сахар вреден для здоровья. И вообще это все зло. Глобализация, и все такое, это неправильно, друг... – Я понимаю, што начинаю гнать, и Али уже коситца на меня. – Но если хочешь, можем пойти и в «Макдоналдс», вот так.

– Нет, – холодно говорит мне Али.

– Ну мама, – начинает ныть Энди.

– Нет, – говорит она. – У нас много дел, нас ждет тетя Кэт, а вечером я работаю. – Потом она поворачиваетца ко мне и чуток подается вперед, и мне на миг кажетца, што она сейчас меня поцелу-

ет, но она шепчет мне на ухо: – Вали отсюда, торчок. И не приближайся к моему сыну, когда ты на приходах! – Потом она отворачиваетца, берет Энди за руку, и они уходят.

Пацан оборачиваетца и машет мне рукой, а мне приходитца выдать из себя улыбку и помахать ему в ответ, надеясь, што он не увидит, што я плачу.

Я возвращаюсь на набережную и захожу в другой паб. Там полно народу, и играет какой-то джаз-банд. А я думаю, какой понт в том, штобы иметь бабки, если люди, на которых ты хочешь эти бабки потратить, не хотят быть с тобой. Што у меня есть теперь, когда они от меня ушли? Нет, друг, не жизнь, а сплошная херня. Я смотрю на группу, на кларнете играет молоденькая девчонка, симпатичная, и музыка очень красивая, можно прямо прослезитца, друг. А потом я вижу у стойки какого-то старика, он улыбаецца. И тут ко мне вдруг приходит страшная мысль: все в этом баре, все, кто здесь есть, все-все, и Али, и даже мой маленький Энди, – все скоро умрут. Через десять лет, или двадцать, или тридцать, или сорок, или пятьдесят, или шестьдесят, в общем, когда-нибудь, все равно, дело ведь не в количестве лет. Все хорошие люди, и все психи, и все уроды – они все исчезнут, их просто не станет. Совсем-совсем скоро.

Это я вот к чему: а какой тогда смысл выебыватца и все такое?

Возвращаюсь домой. Не знаю, чем бы себя занять. Звонит Франко и говорит, што хочет встретитца со мной сегодня вечером, в баре «У Николь». Говорит, што хочет поговорить со мной насчет Джун. Может быть, Франко заметил, што она неважно выглядит. Может, ему все-таки не все равно, что с ней будет. Он говорит, што с ним придет Второй Приз. Было бы здорово с ним повидаться.

– Приходи к восьми. Буду, бля, рад пообщатца.

Ну, я типа думаю над его предложением, но сейчас мне совершенно не хочется общатца с этими товарищами. Потом снова звонит телефон. Это Чиззи по прозвищу Зверь, а я беру трубку. Прямо после звонка Франко и все такое. Наверное, все это как-то с тюрьмой связано. А я вообще-то стараюсь поменьше общатся с Чиззи, а по возможности – не общатся вообще.

– Хорошо в прошлый раз потусовали, а? Может, выпьем сегодня? – говорит он.

– Нет, друг, не могу, ты уж не обижайся, – говорю я и думаю про себя, што с ним я вообще никогда больше не пью.

И тогда у него в голосе появляются такие зловещие нотки:

– А я вчера твою бабу видел, приятель, она работает в баре, в «Порту радости». Симпатичная она у тебя. Говорят, вы разбежались, а?

Я чувствую, как у меня внутри все холодеет. И я ничего не могу сказать.

– Я вот думаю, может, ее как-нить на свиданку пригласить, а? Ну там, вино, ужин, и вся херня. Уж я знаю, как надо бабу обхаживать, да! Уж кто-кто, а я знаю.

У меня сердце колотитца, будто бешеное, друг, но я смеюсь, типа я въехал в шутку, а потом говорю:

– Ладно, выберусь, выпьем по кружечке. Мне оно тока на пользу пойдет. Может, даже настроение маленько улучшитца. Знаешь што, давай встретимся в баре «У Николь», это на улице Объединения, знаешь? Там у них две симпатичные девочки работают. Очень даже стоит занятца.

И он ведетца.

– Вот теперь узнаю старину Мерфи. Когда?

– В восемь.

Но я вовсе не собираюсь тащитца в этот гадючник на улице Объединения, я пойду в «Порт радости», штобы убедитца, што все в порядке.

58. Счастливая случайность

Я выцепил этого пидора, Второго Приза, и позвонил Уроду Мерфи, потому што хотел разобратца уже до упора во всем этом дерьме, что касается Джун. Тут, бля, кто-то што-то не так понимает или меня снова пытаются наебать. Мои же друзья. Не может быть у человека никаких друзей – чем старше становишься, тем яснее это понимаешь. Второй Приз стоит у бильярдного стола, нервничает, пытаятца пить томатный сок, как пидор какой-то. Я ему покажу сок томатный, уроду. Блядский антисоциальный урод.

– Вся эта хуйня насчет алкоголизма – это все бред собачий. Ты вполне можешь позволить себе кружку пива, это тебя не убьет, точно тебе говорю. Одну кружку, бля!

– Нет, мне нельзя пить, Франк, мне доктор сказал, – говорит он, а в его мелких глазенках чита-

етца, што мозги ему проебали по полной, так што теперь там нет ничего, кроме того говна, который они, мудаки, называют светом Господним. Господний свет, ебать меня в жопу, охуеть можно.

На хер, на хер.

– Да што, бля, они понимают? Они моей маме сказали, што ей нужно бросать курить. Она выкуривает по три пачки в день. Она мне говорит: «Што мне делать, Франк, мне нужно курить, штобы успокаивать нервы. Это единственное, што мне помогает, потому што все эти таблетки – фигня». Ну, я ей и сказал: «Вот если ты бросишь курить, тогда все будет и правда херово». Потому што для нее это будет как шок, и этот шок ее точно убьет. Реально. Я ей говорю: «Если еще ничего не сломалось, так и на хер чинить». Так што ты вполне можешь позволить себе кружку пива, бля.

– Не, не могу.

– Слушай, бля, я сейчас беру тебе кружку пива, и разговор, бля, на этом закончен, – говорю я ему, иду к Чарли, который работает в баре, и беру две кружки лагера. И он у меня ее выпьет, эту мудацкую кружку, я, бля, деньги запросто так не трачу. И когда я несу обе кружки обратно к бильярду, я вижу, как в бар вваливается какой-то урод, и это явно не наш Урод. Я говорю Второму Призу, который мнетца у бильярда:

– Ну што, пидор, готовься к смерти.

Я думаю про свою маму, и как я пытался ей помочь. Только ей, бля, все это по барабану, буду я ей помогать или нет. У нее есть ее блядское бинго, а остальное ее не ебет. Будь моя воля, я бы позакрывал все эти ублюдские лотереи, пустая трата бабок и времени. Это не скачки, от этого дерьма никакого кайфа.

В любом случае Второй Приз нарвался. Я проигрываю ему партию, и мы начинаем еще одну. Я смотрю на дверь. Урода по-прежнему не видать.

– Ты не пьешь пиво, – говорю я Призу.

– Ну, Франко, я не могу, правда, друг...

– Не могу или не буду? – спрашиваю я, глядя ему в глаза. Потом, непонятно почему, я оглядываюсь и смотрю на парня, который стоит у барной стойки и читает раздел про скачки в «Record». Есть в нем что-то знакомое. Я знаю этого пидора или знаю што-то о нем. Этот парень – зверь. Я знаю эту породу людей, это, бля, моя работа, разбиратца в таких вот людях. Они обычно пытаются от меня сныкатца, потому што знают, што я захочу посмотреть им в глаза. Што он там сделал? Похитил ребенка, изнасиловал слепую бабу, отрезал голову младенцу? Да это, бля, и не важно. Важно только одно: он сейчас здесь, и в нем сидит зверь. И он здесь, в одном пабе со мной и со Вторым Призом, сидит, бля, у барной стойки со своим ебаным «Record».

А Чарли, бармен, обслуживает этого пидора, наливает ему пиво, блядь, как будто все так и надо, а какие-то козлы, что сидят в углу, плятца на меня. Старые пердуны. Они типа приветливо улыбаютца, но смотрят на меня так же, как и на этого пидора. И видят только одно: вот, бля, урод, который только что отсидел. Ну, так вот, я, бля, совсем не такой же, как этот пидор, и я, бля, никогда таким не буду. А этот козел сидит себе, пьет свое пиво и радуется жизни, блядь! Шляетца по улицам, ошиваетца около школ, поджидает маленьких мальчиков и идет за ними...

И он здесь, в этом ебаном пабе, в моем ебаном пабе. Зверь. Пьет он тут бля!

– Вон сидит зверь, – говорю я Второму Призу, который катает шары, – тут сидит зверь, понимаешь. Зверь на свободе, – говорю я ему.

Второй Приз тупо тарашитца на меня и, судя по всему, ничего не собираетца предпринимать по этому поводу. Все это блядское христианство, всепрощение, любовь к ближнему, у него явно сорвало резьбу из-за всей этой поебени. Все мы – заблудшие души и паства Господня, бля.

– Парень просто зашел сюда попить пива, Франк, оставь ты его в покое. Хватит, – говорит он, быстро разбивая шары, как будто он знает, што я собираюсь подойти к этому пидору.

Да што, бля, такое со всеми творитца?! И он смотрит на меня и моргает, как будто он што-то такое увидел у меня во взгляде, и говорит:

– Твой удар, Франк, по полосатому. – Но я его особенно не слушаю, потому што по-прежнему смотрю на этого пидора у бара.

– Зверь, – говорю я, делая упор на букву «р», а потом бью по шару. Когда я наклоняюсь, мне становитца больно в том месте, куда меня пырнула Джун. Я морщусь и луплю со всей дури по зеленому полосатому, представляя себе, што это голова зверя. У меня, бля, терпение кончатца.

– Хороший удар, Франко, – говорит Второй Приз, или он што-то еще говорит, я не слушаю, потому што смотрю на барную стойку.

– А может быть, он выжидает, может, он рыщет в поисках ребенка. И это может быть мой ребенок, – говорю я, бросаю кий и иду к стойке.

Второй Приз съезживаетца и говорит:

– Франко, да ладно тебе. – Он берет эту свою кружку с пивом, которую я ему купил, и говорит: – Давай выпьем. – Но уже, бля, слишком поздно, он знает, што я его не слушаю, я просто иду вперед и подхожу к этому пидору у стойки.

– Шесть, шесть, шесть, нах. Число зверя, – шепчу я ему на ухо.

Парень резко поворачиваетца ко мне. И смотрит так, словно он, бля, все это уже слышал. А я смотрю ему прямо в глаза, прямо в его нутро, всматриваюсь в его душу и вижу его блядский страх, но я вижу еще кое-што, кроме страха, я вижу, што его душа давно прогнила, блядская грязная гниль поглотила его, но такая же гниль есть и во мне, как будто бы, бля, она у нас одна на двоих. Так што надо немедленно что-то делать, пока этого не заметили все остальные, потому что я, бля, не такой, как он, совсем не такой.

Што я в нем вижу...

Как он сам видит себя, сквозь призму жестокости других, оно рушитца, это видение, когда он стоит передо мной, перед парнем, которого он едва знает и которого вроде бы зовут Бегби. Да, он испуган, его трясет от боли и страха, извращенного страха, страха, что доставляет ему тошнотворное удовольствие. Этот пидор видит, как его сила влияет на окружающих, – теперь он это видит, потому што моя сила влияет на него точно так же. Он чувствует абсолютное освобождение, освобождение отступления, он отступает перед другим человеком, который сильнее. Это не имеет никакого вообще отношения к насилию или к сексу, это, бля, любовь, странное, тщеславное самолюбование, спрятанное даже глубже, чем его блядское эго. Я вижу што-то такое, я...

Нет, прекрати. Это уже бред собачий.

Вот оно, вот в чем кайф быть крутым, это дорога, движение к цели, которое уничтожает тебя, эта цель – найти свой предел. А твой предел – это человек, который окажетца круче тебя. Кто-то большой, сильный и очень крутой, тот, кто сможет тебе показать, чего ты стоишь на самом деле, показать тебе твое место. Чиззи... вот как его зовут... Чиззи.

Так... этот пидор собираетца што-то сказать, но я не дам ему заговорить. Мой стакан поднимаетца к горлу этого зверя, как там его зовут, Чиззи, и все это происходит само собой – как бы без моего участия.

Этот пидор визжит и хватается за горло, а кровь брызжет по всему бару. Кажетца, я попал ему в вену или, может, в артерию, хрен его знает. Самое смешное, што я ничего такого с ним делать не собирался, это, бля, просто случайность. Счастливая случайность. Счастливая – для него, потому што я лично хотел, штобы все это случилось гораздо медленнее. Я хотел услышать, как он будет вопить, и стонать, и умолять меня, как те дети, которых он убил. Но единственный крик, который я слышу, это крик Второго Приза, он вопит, когда на него попадает кровь зверя, да еще кто-то из старых козлов говорит:

– Господи Иисусе.

Тут я разворачиваюсь и бью Приза в челюсть, штобы он перестал орать, как баба:

– Заткнись, еб твою мать!

Теперь зверь сползает по барной стойке и падает на пол, его кровь льетца на пол. Вторым Призом стоит у музыкального автомата и шевелит губами, явно читая какую-то свою мудацкую молитву.

– Хреново дело, Франко, – говорит Чарли, качая головой. Зверь, бля, или не зверь, но это мой паб.

Я смотрю на пидора на полу и показываю на него пальцем. Вторым Призом все еще молитца, идиот.

– Слушайте, – говорю я Чарли и двум старикам в углу, – этот пидор – зверь. Следующим мог быть ребенок кого-то из вас или даже мой, – говорю я, и в этот момент зверь на полу поддыхает, и тут на меня нисходит вроде как умиротворение такое, я чувствую себя, бля, святым или что-нибудь в этом роде. – Так што, Чарли, – говорю я, – дай мне десять минут, потом можешь вызвать полицию. Этого пидора замочили два каких-то парня, – говорю я, обращаясь к Чарли и двум пердунам. – А прикончить паршивого зверя – это правильно, да. Это по-человечески. Или кто-то против?

Чарли говорит:

– Никто не против. Я только говорю, што пытаюсь вести свое дело. Лет пять-шесть назад Джонни Бротон застрелил тут какого-то парня, прямо у меня в баре. Вот и подумай своей головой,

каково оно мне теперь?

– Я тебя понимаю, Чарли, бля, но ничем не могу помочь. Я прослежу, чтобы у тебя все было в порядке, на этот счет можешь не волноваться, – говорю я и иду запереть входную дверь. Очень не хочется, чтобы сейчас в бар ввалился Урод или еще кто-нибудь. Я беру из-за стойки тряпку, вытираю край стола, кий и все шары. Потом выливаю пиво из всех стаканов и мою их в раковине. Я поворачиваюсь ко Второму Призу:

– Рэб, мы выходим через заднюю дверь. Пошли. Чарли, мы договорились? Десять минут, а потом звонишь в полицию. Нас здесь не было, ясно?

Я смотрю на двух старых козлов. Одного зовут Джимми Дойг, второго – Дики Стюарт. Они ничего не скажут. Чарли, хоть и пиздит что-то такое насчет разборок с полицией, никогда нас не заложит, это железно.

– Я бы на твоём месте как следует все здесь проветрил и вымыл, – говорю я. – В смысле, что тут был зверь. И так вот с ходу не скажешь, заражен теперь паб или нет, – говорю я, обращаясь к старикам в углу. Один из них держитца молодцом, второго явно трясет.

– Да-да, Франк, да-да, сынок, не беспокойся, – говорит тот, который спокоен, Джимми Дойг. Старина Дики весь белый, но все-таки он выдавливая из себя:

– Да, Франко, сынок.

И мы с Призом выходим через заднюю дверь в боковую аллею, предварительно убедившись, что вокруг никого нет и никакие пидоры не пялятся на нас из окон.

Я как ни в чем не бывало иду к Уроду, надеюсь, что этот пидор еще дома. Второму Призу я говорю, чтобы он от меня отъебался и не тащился в город, потому что его трясет, как Трясунчика Стивенса, того парня, который изображал Элвиса в «Top of The Pops».

Урод стоит на лестнице, он явно куда-то намылился и, когда видит меня, начинает заметно нервничать.

– А, Франко... прости, што я опоздал, друг. Заболтался по телефону с Али... пытались выяснить отношения и все такое. Я как раз собирался к вам.

– Да я сам еще там не был. Болтался по городу со Вторым Призом, он не хотел в Лейт, – говорю я. – Говорил, што не хочет развязыватца со спиртным.

Он смотрит на меня и говорит:

– Ага, – а потом спрашивает: – Ты хотел што-то узнать... насчет Джун?

– В пизду, это все херня, – говорю я. – Слушай, я не смогу пойти с вами в «Николь». Я тут поссорился со своей бабой, мне нужно вернутца, поговорить с ней и все такое, а до этого я еще должен зайти к братцу Джо.

– Ага... ну, тогда я пойду в «Порт радости», пивка пропущу, повидеюсь с Али.

– Нуда, – говорю я. – Чертовы бабы. – И я оставляю его на лестнице и иду к Джо, надеюсь, што его тупой и громкой жены нет дома. А по бульвару как раз проезжает «скорая» и две полицейские тачки.

III. На большом экране

59. Шлюхи из города Амстердама (Часть 7)

Я вернулся в Амстердам, но я больше не чувствую себя здесь как дома. Интересно, это потому, что рядом нет Дианы, или потому, что рядом есть этот лживый мудила Саймон. Но по-любому Амстердам – больше мне не убежище.

Я еле-еле сумел от нее оторваться и буквально заставил себя сесть на самолет вместе с Саймоном. Ее любовь прогоняет страх, даже моя паранойя относительно Бегби пошла на убыль. Этот урод вполне мог зарубить меня топором во время наших долгих прогулок по опавшим листьям в Коллингтон Делл, запросто. С него бы случилось. Когда мы с ней познакомились, она была всего-навсего школьницей, стервозной и развитой не по годам – чего про меня точно не скажешь. Про меня того, каким я был тогда. Тогда я был идиотом. Теперь Диана стала женщиной, спокойной и умной, это уже не та сумасшедшая рейверша, которую я когда-то знал, она умна и начитанна, и из-за этого стала очень сексуальной. Сейчас она сексуальнее, чем тогда. По крайней мере для меня.

Диана.

Я не такой кретин, чтобы думать, что это судьба или предназначение. Если вспомнить прошлое и быть честным, тогда я бы не выделил ее из кучи других девчонок, с которыми встречался. Но меня интересует сегодняшний день. То, как она сдвигает очки на кончик носа и смотрит поверх них, когда я говорю что-то такое, с чем она не согласна. То, как я называю ее «очкарик», а она меня «рыжий и малахольный», что само по себе должно настораживать. Но что самое страшное: мне это нравится. Мы были вместе так мало, а между нами уже появилась такая близость. Это нормально? Наверное, да.

Я люблю ее, и мне кажется, она меня тоже любит, по крайней мере она так говорит, и я думаю, что она не врет, что она прислушивается к своему сердцу и не пытается себя обманывать. Сердце не обманешь.

Я оставил Катрин сообщение на автоответчике, хотел узнать, когда мне можно зайти и забрать свои шмотки. Она не ответила. Я встречаюсь с Мартином, мы идем на Бруверстрахт, и я захожу в квартиру. Мы загружаем мои личные вещи в его фургон, пока что они полежат у меня в офисе. Все остальное она может оставить себе. Я запикиваю в фургон последнюю коробку и чувствую я себя просто отлично, у меня получилось уйти и забрать с собой все, что нужно.

Псих, которого я оставил в отеле, домогается до меня по мо-биле. Мы идем в монтажную студию Миза. Саймон уже там – сидит, прогоняет эпизоды фильма вместе с парнем по имени Джек, приятелем Миза. Псих использует оборудование Миза и при этом ведет себя с ним нагло и просто похамски. Это как-то напрягает. Чтобы разгрузить ситуацию, я забираю Миза с собой, и мы идем обедать. Псих, кажется, счастлив, он монополизировал монтажный пульт, и даже когда он приходит в «Браун-Бар», где мы забили стрелку, он по-прежнему весь сияет.

Миз пышет энтузиазмом относительно фильма и говорит, что надо отдать одну копию его другу, который весь из себя крутой – круче некуда – оператор порнофильмов.

– Ларе едет на Каннский фестиваль порнофильмов, – говорит он. – И мы поедем туда вместе с ним.

В баре я отвожу Саймона в сторону и спрашиваю:

– Чем тебя Миз не устраивает, интересно? Тебя что, охота взяла монтировать фильм в Ниддри? Потому что мы именно там и окажемся, если ты не перестанешь выебываться.

– У меня от этого уroda мурашки по коже, – говорит он. – Да и вообще. Откуда у него, интересно, завязки на таких людей, как Ларе Лавиш...

– Он не пиздит. Он может помочь нам пробиться на порнофестивали вроде этого, Каннского.

– Ну да, – говорит Псих вполголоса. – Мне не нужна его помощь, чтобы раскрутить фильм. И если он думает, что ему удастся примазаться к «Бананацурри», пусть валит на хрен прямо сейчас. Ну да, в данный момент он нам необходим, но, честно тебе скажу, этот голландский придурок меня раздражает, да и наркота у него очень посредственная. Если мне повезет, я стану первым, кто провезет контрабандную клубничку в Амстердам, а не из Амстердама.

На следующий день, с утра пораньше, я звоню ему в номер, но его нет. Нахожу я его, разумеется, в монтажной, где он, видимо, хорошо обдумав сказанное мной вчера, исправно лижет жопу Мизу. Он дает мне понять, что мое присутствие нежелательно, поэтому я отправляюсь в офис и занимаюсь делами. Я неохотно сообщаю Мартину, что мы расторгаем договор о сотрудничестве и что ему нужно ввести в дело еще кого-нибудь из наших компаньонов. Он отнесся к этому спокойно, что меня очень порадовало, все-таки он потрясающий человек.

Потом мы встречаемся в клубе с Мизом и Психом, который теперь набивается к Мизу в лучшие друзья. Смотреть на это противно, но это по крайней мере лучше, чем то, что он вытворял раньше, так что я мил и расслаблен, а потом я вдруг вижу Катрин, она подходит ко мне. Я пытаюсь с ней заговорить, но она выплескивает мне в лицо свой напиток и материт на чем свет стоит. Она даже пытается наброситься на меня с кулаками, но, к счастью, ее друзья оттааскивают ее и уводят из клуба.

Меня начинает трясти, а этот ублюдок Псих веселится.

– Ураган, это был просто ураган, – радостно напевает он с каким-то дурацким гнусавым акцентом и хлопает ладонями по бедрам.

Я смотрю на его лицо, расплывшееся в улыбке, и думаю о наших с ним странных отношениях – мы не виделись несколько лет, но ничего не изменилось. Наверное, все дело в том, что он был немного похож на меня, мы оба знали, что декаданс, разложение духа – это дурная привычка всех, кто арендует квартиры у муниципалитета. Идиотская привычка на самом деле. Raison d'etre¹⁸ нашего

18 Смысл существования (фр.). – Примеч. пер.

класса – выжить, вот и все. Вот, бля, наше поколение, поколение панков и уродов, – мы не только цвели и пахли, у нас даже хватило мужества разочаровываться в этой жизни. С самого начала мы с Психом были братьями по разуму, точнее, по его отсутствию. Презрение, насмешки, ирония, издевательства – мы создали свой собственный маленький мирок еще до того, как у нас в жизни появились выпивка и наркота, которые помогли нам очиститься и дали возможность жить в этом мире с полной отдачей. Мы отсекали по этому миру, сочась непробиваемым и совершенным цинизмом и презрением ко всем и вся, и мы знали – нас никто не поймет, просто не сможет понять: родители, братья, сестры, соседи, учителя, идиоты, крутые, хипстеры. Но в Форте Банановых квартир было очень непросто быть декадентом. Наркотики стали самым простым решением.

А потом, когда мы конкретно на них подсели, они захватили нас целиком, безжалостно уничтожая мечты и грезы, которые сами же и создали для нас, разрушая ту жизнь, к которой они дали нам доступ. И все это стало похоже на работу, на тяжелый, изнурительный труд – то есть на то, чего мы пытались избежать. И теперь я боюсь не героина, не наркотиков, а наших с ним странных симбиотических отношений. Сдается мне, все это выльется в большую резню. Вот этого я и боюсь. Тем более если учесть, что Урод рассказал мне про Франко.

Но Псих в любом случае хорошо поработал над монтажом фильма. Что да, то да. А это, в свою очередь, дало мне возможность решить проблемы с клубом.

– У тебя есть копия фильма? А то уже хочется посмотреть, – говорю я, – Не дашь мне кассету?

Он скрипит зубами.

– Не-е-е... В первый раз будем смотреть все вместе.

– Вот так вот, значит? И когда будет просмотр?

– Надеюсь, когда мы вернемся. То есть уже завтра утром, первым делом пойдем смотреть, что получилось. В моем пабе в Лейте.

В его пабе в Лейте. И все потому, что он думает, будто меня там не будет.

– А с чего вдруг такая секретность?

Но этот наглый мудила сопротивляется до последнего.

– А с того. Пока ты тут играл в Мистера Клубного Босса, а Биррел торчал дома, играя в примерного семьянина, один придурок, которому больше всех надо, – он показывает на себя, – торчал в монтажной, пока у него не начало рябить в глазах, и монтировал этот мудацкий фильм. И мне очень не хочется получить пиздюлей сначала от тебя, потом – от Биррела, потом – от Никки, потом – от Терри. Нет уж, спасибо большое, я лучше их получу все разом.

Судя по всему, он думает, что пиздюлей получу я, если встречу в Лейте с Бегби. Ну что ж, посмотрим.

60. «...Фильм Саймона Дэвида Уильямсона...»

Тупая, сверлящая боль в голове, где-то около глаза. Я стою в душе, пытаюсь смыть с себя очередное похмелье, мне очень хочется, чтобы стекающие по моему телу струи воды стали вдруг всепроникающими, чтобы они смогли вымыть меня изнутри. Такая мгновенная регидрация. Беру пузырек с гелем для душа, выдавливаю на руку эту склизкую массу с синтетическим запахом растений, размазываю ее по телу и беспокоюсь о своем животе, не начал ли он провисать. Надо бы сходить в спортзал. Спускаясь ниже, пытаюсь думать конструктивно, в деловом ключе. Пытаюсь не думать о Саймоне, о его темных бровях, тонком итальянском лице, холодной улыбке и сладких словах, которые он произносит своими змеиными губами. И самое главное – я стараюсь не думать о его глазах, которые словно два омота. Они карие, но кажутся черными, как будто в них нет ничего, кроме зрачка. Даже когда Саймон чего-то не одобряет, он не прищуривается, не отводит взгляда, его глаза просто теряют свой блеск, они становятся тусклыми, матовыми, и ты больше не видишь в них свое отражение. Как будто тебя вообще не существует, как будто ты умер.

На краю ванны стоит маленький приемник. Я пытаюсь сосредоточиться на передаче по радио. Сладкий, подбострастный ведущий спрашивает какую-то женщину о ее любимой музыке и о том, что эта музыка значит для нее. Я сразу же узнаю этот робкий, скучный, гнусавый голос, который ему отвечает. Она говорит про какую-то песню, кстати, дерьмо дерьмом, и я узнаю ее еще до того, как ведущий произносит ее имя.

– Джив Бани и Мастермиксес «Свинговое настроение»! Как же мне нравится эта песня! Она... я

не знаю... наверное, у каждого в жизни есть песня, которую он слушал тогда, когда все казалось возможным... ну, мне было четырнадцать, и моя карьера в гимнастике только начиналась... Эта пизда Каролина Павитт.

В свое время мы с Каролиной Павитт были лучшими подругами, в кавычках. Лучшими подругами нас считали окружающие: родители, учителя, одноклассники и, что самое отвратительное, наши тренеры. Хотя мы с ней вместе начали заниматься спортом, мы никогда особо друг с другом не общались и уж точно не были лучшими подругами. Но мы были хорошими, славными девочками и демонстрировали всем и каждому, как нам хорошо вместе. На самом деле мы с ней были заклятыми врагами. Еще тогда, с самого начала.

Когда мы занимались гимнастикой в подростковом возрасте, мы всерьез состязались друг с другом. Сначала я была явно лучше этой коровы, хотя этот гадкий утенок умудрялся превращаться в прекрасного лебедя, стоило ей только ступить на мат. Проблема в том, что когда у нас наступил пубертатный период, мне достались нормальные сиськи, а ей – все трофеи.

До меня даже не сразу доходит, что я выкрутила холодную воду до максимума, чтобы только не слушать «британскую Каролину Павитт». Я чувствую лишь обжигающий холод, тяжесть и резь в желудке, и мне кажется, что я сейчас упаду в обморок, но я все-таки умудряюсь вылезти из ванны, с трудом глотая воздух. Я выключаю радио и вытираюсь полотенцем, уютное тепло разливается по телу, рождаясь откуда-то из глубины. Каролина Павитт, блядь.

Я иду к себе в комнату и одеваюсь. Решаю, какой надеть свитер: облегающий кашемировый или бесформенный из ангорской шерсти. Потом я опять вспоминаю, что мне уже явно пора в спортзал, и выбираю второй вариант. Интересно, а какой свитер выбрала бы она. Но сегодня ничто не сможет испортить мне настроение, по крайней мере надолго. Я волнуюсь, вчера поздно вечером мне позвонил Саймон и сказал, чтобы я пришла в паб к 9.30. Он покажет нам финальный вариант фильма! Я думаю о Каролине. Можешь засунуть свою дурацкую бронзовую медаль себе в жопу, корова, в ближайшем будущем тебе в этой жизни останется только артрит!

Я добираюсь до Лейта, Саймон уже на месте, он весь взбудоражен. Судя по всему, занюхал кокса. Он целует меня в губы и выразительно подмигивает.

Рэб тоже здесь, мы говорим с ним о курсовой. Судя по всему, дела у него продвигаются явно получше, чем у меня. Я говорю, что скорее всего провалю этот экзамен, потому что ни черта не занималась. Мы ведем вроде бы вполне приличную светскую беседу, но меня начинает подташнивать от его взгляда, одновременно осуждающего и снисходительного. Я сажусь рядом с Мел, Джиной, Терри и Кертисом. Входит Марк Рентон, он как будто бы всю дорогу пытался от кого-то скрыться и теперь напряжен и явно нервничает. Саймон кричит:

– Наш мальчик Рент наконец-то вернулся в Лейт! Надо будет собрать всю остальную старую компашку! И забуриться по лейтским пабам!

Марк как будто его и не слышит. Он кивает мне и здоровается с остальными. Саймон идет к барной стойке и смешивает напитки. Он говорит, обращаясь к Марку:

– А я все задавался вопросом, когда у тебя все-таки перестанет играть очко и ты заявишься к нам сюда. Брал такси от двери до двери, да?

– Как я мог пропустить режиссерский дебют моего старого друга, – почти фыркает Марк, – тем более что он убедил меня в том, что я здесь в безопасности.

Между ними явно что-то происходит, но Саймон отвечает на явную агрессию Марка только многозначительной улыбкой:

– Ну да... кого еще нету... Микель говорил, что придет... – и он поворачивается к двери как раз в ту секунду, когда входит Мики Форрестер. На нем шикарный белый спортивный костюм, а сам он весь в золоте. Как новогодняя елка. За ним идет Ванда. – Ага, вспомни дурака... Микель! Ты как раз вовремя, заходи! Неплохо прикинулся, я погляжу, – саркастически добавляет он. Форрестер как будто его и не слышит, настроение у него, судя по всему, приподнятое, но остается приподнятым очень недолго – до тех пор, пока он не замечает Марка Рентона. Повисает холодная отвратительная пауза, потом они обмениваются сдержанными кивками. Единственный, кто не обращает на это внимания, разумеется, Саймон. – Ну что, ребятки, приступим, – торжественно объявляет он, открывает коробку с видеокассетами и вручает каждому по экземпляру.

Потом Саймон достает кокс и предлагает всем присутствующим угоститься, но угощаются только Терри и Форрестер.

– Тем лучше, нам больше достанется, – говорит Саймон со смесью презрения и облегчения, но

мы вообще не реагируем на его реплику, потому что, не веря своим глазам, изучаем обложки кассет.

Мне становится тошно и гадко. У меня ощущение, что меня предали. Я смотрю на обложку и получаю первую пулю в сердце. Мое лицо – и этот макияж, отвратительный, кричащий, отпечатанный на плохом принтере. И самое главное, он взял ту фотографию, которую клятвенно мне обещал не использовать, ту, на которой одна грудь кажется меньше другой. На обложке я похожа на дешевого трансвестита или на резиновую женщину, которую он купил Кертису. Кошмарная, отвратительная фотография и надпись большими буквами: Никки Фуллер-Смит в фильме «Семь раз для семи братьев».

Но убивает меня не это, убивает меня другое:

ФИЛЬМ САЙМОНА ДЭВИДА УИЛЬМСОНА

ПРОДЮСЕР – САЙМОН ДЭВИД УИЛЬЯМСОН

СЦЕНАРИЙ САЙМОНА ДЭВИДА УИЛЬЯМСОНА ПРИ УЧАСТИИ

НИККИ ФУЛЛЕР-СМИТ И РЭБА БИРРЕЛА

Все остальные, судя по всему, чувствуют то же самое, что и я.

– Да уж, сделали кино, – говорит Рэб, качая головой, и кидает свою кассету обратно в коробку.

– Не мы сделали, а он сделал, – раздраженно говорю я, переводя взгляд со стопки кассет на Саймона и обратно. Мне даже трудно дышать от злости. Я сжимаю кулаки, так что ногти впиваются в ладони.

Теперь мне уже совершенно не трудно назвать Саймона, моего любовника, Психом. Теперь возмущаются все, но он притворяется, что не слышит, он невозмутимо насвистывает и вытаскивает из коробки еще одну кассету.

– Какое, бля, ты отношение имеешь к сценарию? – взвизгивает Рэб. – И где затраты на оформление? Дерьмовенько все это выглядит, честно тебе скажу, – говорит он, пиная коробку.

Сай... нет, Псих даже и не собирается как-то оправдываться.

– Вы словно неблагодарные дети, – насмешливо говорит он. – Я мог бы записать Терри в помощника режиссера, а Рента в сопродюсеры, но им для контактов нужно какое-то одно имя, чтобы избежать неразберихи в деловой части вопроса. И дрючить, если вдруг что, будут меня. – Он возмущенно показывает на себя. – И что я получаю вместо «спасибо»?!

– Какое ты отношение имеешь к сценарию? – еще раз спрашивает Рэб. Он говорит медленно и ровно, глядя при этом на меня.

– Я внес в сценарий некоторые изменения. Я режиссер, продюсер и режиссер монтажа. У меня было на это право.

Терри бросает взгляд на Рентона, который лишь поднимает брови. Терри отводит взгляд и поднимает глаза к потолку, желтому от никотина. У меня внутри все кипит, и даже не столько от самого факта предательства, сколько от того спокойствия, с которым Саймон все это сделал. Он стоит, словно темный ангел, черная футболка, черные брюки и туфли, сложив руки на груди, и смотрит на нас так, как будто мы все – дерьмо, прилипшее к его ботинку. Получается, все это время я была влюблена в непроходимого подонка.

Мы сидим молча, предчувствуя, что дальше будет еще хуже, а радостный Саймон запикивает кассету в видеомагнитофон. Он целует обложку.

– Мы это сделали. У нас есть продукт. Мы живем, – говорит он. Потом он подходит к окну, смотрит на кишашую людьми улицу и кричит: – Вы слышите? МЫ ЖИВЕМ!

Я смотрю фильм, сидя рядом с Мел и Джинной, – смотрю первую полноценную копию нашего фильма. Он начинается как и задумывалось, со сцены с телевизором, нашей с Мел сцены. Я невольно думаю про себя, что у меня все-таки очень красивое тело – гибкое, смуглое, стройное. Я выгляжу явно лучше Мел, которая, между прочим, моложе меня на пять лет! Я изучаю лица остальных, пытаюсь понять их реакцию. Терри с головой ушел в порнуху и расслабился, Кертис, Мел и Ронни пока выжидают, лица Рентона и Форрестера не выражают вообще ничего. Джине явно неловко, похоже, она стесняется.

Потом начинается сцена, когда «братья» обсуждают свою поездку в «Глазбург». Она очень сма-

хивает на любительское неуклюжее подражание первой сцене из «Бешеных псов», но смотрится все равно неплохо. Дальше все вроде тоже идет нормально, пусть даже Саймон бормочет что-то про «градуирование» и «приличные копии». Начинается сцена, когда мы с Саймоном едем в поезде, а потом ебемся в туалете в вагоне, хотя снималось все это в здешнем сортире.

– Ух ты, блин, – говорит Терри. – Вы посмотрите на эту задницу... – потом он поворачивается ко мне и улыбается: – Прошу прощения, Никки.

Я улыбаюсь в ответ, потому что меня начинает слегка отпускать. Получилось практически то, чего мы и хотели добиться, и, надо отдать Саймону должное, монтаж просто на высоте. В общем, все выглядит достаточно ровно, хотя актерская игра практически отсутствует, иногда очень заметно, что Кертис заикается, а Рэба явно не устраивает качество картинки. Однако в фильме действительно что-то есть, какая-то энергетика. И только когда мы просмотрели уже три четверти фильма, я вдруг понимаю, что Мел жутко злится. Я слышу, как она говорит тихонько, почти неслышно:

– Нет, нет... все не так.

Я оборачиваюсь и вижу, что она в полном шоке: "Мы смотрим ту сцену, где она сосет большой член Кертиса. Но она сосет его после того, как он выебал ее в задницу.

– Это еще что такое?! – кричит она.

– Где «что такое»? – спрашивает Саймон.

– Ты так все смонтировал, что получается, что я сосу его член уже после того, как он ебал меня в жопу, – рычит она.

Со мной сделали то же самое. Крупный план моего лица, потом – член Кертиса, который вроде бы ебет меня в зад, но это не моя задница, это кадр с задницей Мел.

– Меня никто в жопу не трахал! Что еще за хуйня, Саймон?!

– Ну да, – говорит Кертис, – ты не хотела, вот мы и не... того.

– Это только монтаж, – говорит Псих. – Креативный подход. Мы использовали кадры с Мел, которую имеют в задницу, а потом сделали небольшую корректировку цвета, чтобы задница Мел стала похожа на твою.

Я повторяю еще раз и понимаю, что голос у меня срывается:

– Я сказала, что меня никто не ебал в жопу! Почему эти сцены идут в такой последовательности? Это не я! Это Мел!

Псих качает головой.

– Послушай, это было решение уже в процессе монтажа, творческое решение. Ты не хотела, чтобы тебя имели в зад, и никто тебя в зад не имел. Неужели ты думаешь, что Вина Раймса действительно трахали в задницу, ну, тот парень, который играл Зеда в «Криминальном чтиве»?

– Нет, но это же порнофильм...

– Это кино, – говорит Саймон. – Мы смонтировали эпизод. Мы сделали то же самое, что Тарантино сделал с Вино Раймсом, это был монтаж. Ты что, думаешь, что Вин Раймс пришел к Тарантино и заявил: «Не-е-е, я не буду сниматься в этом эпизоде, а то люди могут подумать, что я, типа, пидор». Так что ли?

– Нет, – кричу я. – Это совсем другое! Это порнофильм, когда люди смотрят порнофильмы, они думают, что никто ничего не подделывает и не монтирует, что все это по-настоящему.

– Ну, Никки, мы прислушались к советам опытных режиссеров в Голландии. Мы с Марком подумали... ну, понимаешь...

Я поворачиваюсь Марку, и он поднимает руки,

– Меня только не впутывай, хорошо? – говорит он Саймону. – Это ты у нас суперзвезда. Это даже на кассетах написано. – Он поднимает коробку и машет ею в воздухе. Рэб вмешивается в разговор. Злой донельзя, он тычет пальцем в Саймона и говорит:

– Это нечестно, Саймон. Мы же договорились. Ты обманул девочек.

Мел явно на грани срыва, она сидит, схватившись за подлокотники кресла.

– Получается, бля, что мы какие-то грязные шлюхи. Я не знаю ни одной женщины, которая стала бы отсасывать мужику после того, как он отымел ее в задницу.

Терри спокойно смотрит на нее.

– Есть бабы, которые это делают, честное слово, – говорит он.

Но ее это не утешает.

– Но не на видео, Терри. Не когда тебя все видят! Саймон сует руки в карманы брюк, чтобы не размахивать ими в воздухе.

– Слушайте, люди прекрасно знают, что так не бывает. Они прекрасно понимают, что после того, как ты поимел кого-то в жопу, ты пойдешь и вымоешь член, прежде чем станешь совать его женщине в рот.

– Но в сценарии этого не было, блядь, – говорит Мел, потом встает с места и кричит на Саймона: – Ты нас наебал!

Псих вытаскивает руки из карманов.

– Никто никого не наебывал! – кричит он и бьет себя ладонью по лбу. – Процесс монтажа требует творческого подхода, это искусство, которое призвано довести эротические переживания, заложенные в фильме, до самых крайних пределов. Я провел в монтажной четверо суток, у меня глаза до сих пор болят, и вот что я получаю в качестве благодарности! Чтобы довести материал до ума, нужна свобода. Свобода творчества! Фашисты хреновы!

Теперь они орут друг на друга на пару.

– Хренов ублюдок! – кричит Мел. Джина говорит:

– Успокойся, – но она явно злорадствует.

– Заткнись, примадонна хуева, – орет Саймон на Мел, и мне становится совсем уже гадко. Я никогда и не думала, что он может быть таким. Не тем спокойным и элегантным мужчиной, каким он мне виделся прежде, а отвратительным, грубым, дешевым аферистом.

Но Мел это ни капельки не пугает, потому что она и сама становится совершенно другой, совсем не такой, какой я ее знала. Она подходит к нему и кричит:

– ТЫ, ПИДОР ГНОЙНЫЙ!

Они стоят и орут друг на друга, и я понимаю, что больше так не могу, не могу выносить их визгливые голоса, и больше всего меня пугает, с какой легкостью они общаются на таком уровне. Как будто я вдруг попала в детский кошмар, когда родители ссорятся и превращаются в какие-то демонические пародии на самих себя.

Джина оттаскивает Мел, а Рэб успокаивает Психа, который продолжает стучать себя по лбу, точнее, он бьется головой о собственную руку. Терри устало смотрит на Марка. Мики Форрестер пытается защищать Саймона, несет какой-то уже полный бред, а потом говорит Марку что-то совсем уже непонятное: что он, мол, нищий, или что ему нужно пойти повидаться с нищим. Марк резко ему отвечает:

– Вообще-то это ты у нас на такие штуки горазд, мудила дешевый.

Мики орет что-то в том смысле, что Марк сам себя обокрал, и я вздрагиваю, потому что мне кажется, что он имеет в виду нашу аферу с банком. Теперь кричат уже все. Я не выдерживаю. Выхожу, спускаюсь в бар и выбираюсь на улицу. Вдыхаю вонючий воздух, пропахший выхлопными газами, и иду вверх по бульвару Лейта – даже не знаю куда. Просто подальше от этого ора. Я не думаю, что хоть кто-то заметит мое отсутствие.

Я иду в город, устало сражаясь с холодным ветром, и думаю о том, что мы живем в очень скучные времена. И в этом наша трагедия, ни у кого, кроме деструктивно настроенных эксплуататоров вроде Психа и тихих приспособленцев вроде Каролины, нет никакой настоящей страсти. Все остальные подавлены серой посредственностью, что нас всех окружает. Если в восьмидесятые годы мир означал «я», в девяностые – «оно», то сейчас это скорее «-ый». Все должно быть расплывчатым, но качественным и стильным. Да, именно так. А я думала, что они настоящие. Саймон и все остальные.

И тут до меня вдруг доходит – понимание обрушивается, как тяжелый кулак на голову, – что в этой деревне глобальных коммуникаций как-нибудь и когда-нибудь мой отец все равно увидит, как меня трахают в жопу, чего никогда не было на самом деле. Я никогда не занималась анальным сексом. Мне противна сама мысль о том, что меня будут трахать в задницу – это было бы отрицанием моей женской сути. И что самое обидное: меня просто использовали. И обманули. Моя семья. Парни в университете, мелковатые, страшные, недоделанные, те, кого я послала, те, что смотрят порнуху и дробят под одеялом. Они увидят меня на экране и будут думать, что знают меня, знают обо мне все. МакКлаймонт, который дождетя, пока его женушка не пойдет спать, а потом сядет перед телевизором, нальет себе виски и будет дробить, глядя на то, как меня пьют в жопу. Садитесь, мисс Фуллер-Смит. Или вам предпочтительнее постоять... ха-ха-ха. Колин увидит меня на экране и, может быть, даже придет ко мне. «Никки, я видел этот фильм. Теперь я все понимаю, я понимаю, почему ты решила порвать со мной. Это был призыв, просьба обратить на тебя внимание, а я ничего не заметил... я понимаю, как тебе больно, как стыдно...»

Мимо проезжает машина, и меня окатывает водой. Холодная, грязная, она затекает мне в бо-

тинки. Домой я прихожу совершенно убитая, и Лорен, которая только что встала, сидит в гостиной в ночной рубашке. Я сажусь рядом с ней. Я так и держу кассету в руках.

– Нас наебали. – Я почти плачу.

Она поворачивается ко мне и видит слезы у меня на глазах.

– Что случилось?

Я бросаю ей кассету. И тут меня прорывает, я падаю к ней в объятия и начинаю рыдать, а она гладит меня по голове. У меня странное ощущение, что это плачу не я, а кто-то другой, я же чувствую только ее тепло и ее свежий запах, который проникает в нос даже через все сопли и всхлипывания.

– Не надо, не расстраивайся, Никки, все будет хорошо, – причитает она.

Я хочу быть ближе к ее теплу. Я хочу окунуться в это тепло, в это пламя, я хочу, чтобы оно защищало меня от всего, что причиняет мне боль. Я прижимаюсь к ней еще крепче и слышу, как она непроизвольно издает слабый стон. Я хочу, чтобы она... я поднимаю голову, чтобы поцеловать ее. Она целует меня в ответ, у нее в глазах тоже стоят слезы, слезы сопереживания. Я хочу, чтобы она расслабилась, чтобы не напрягалась, как обычно. Я хочу, чтобы она дала себе волю и покорилась... но когда моя рука спускается к ней на живот и начинает ласкать его, она напрягается и отталкивает меня.

– Не надо, Никки, пожалуйста.

Я тоже напрягаюсь. Такое ощущение, что мы обе занюхали хорошую порцию кокса.

– Прости, я думала, что ты этого хочешь.

Лорен трясет головой, она явно потрясена и не понимает, что происходит.

– Ты что, и вправду подумала, что я лесбиянка? Что я тебя соблазняю? Почему?! Почему ты не веришь, что есть люди, которые просто симпатизируют тебе, просто любят тебя и не хотят при этом тебя поиметь? Неужели у тебя все так плохо с самооценкой?

Да? Не знаю, как там насчет моей самооценки, но от нее я таких слов не потерплю. Кем она себя возомнила? Кем они все себя возомнили, бля: Каролина Павитт в «Спортивном вопросе», Псих Саймон, который считает себя великим киномагнатом. А теперь и Лорен, маленькая морализаторша Лорен, которая напрягается, когда получает то, чего хочет, и предпочитает тут же сбежать подальше и не думать об этом.

– Лорен, тебе девятнадцать. Ты читала не те книги и говорила не с теми людьми. Живи на свои девятнадцать. Не притворяйся, что ты – твоя мама. Это неправильно.

– Не учи меня, что правильно, а что нет, уж кто бы вообще говорил, после того, что ты тут устроила, – отвечает она с видом триумфатора, ее аж распирает от собственного целомудрия.

Мне сложно придумать, что на это ответить, в голову лезет всякий бред:

– Значит, секс между женщинами – это неправильно, да?

– Не глупи, блин. Ты не лесбиянка, я тоже не лесбиянка. И не надо играть в эти дурацкие игры, – говорит она.

– А ты мне нравишься, – кротко говорю я, чувствуя себя так, как будто это Лорен – моя старшая сестра, а я – глупая мелкая целка.

– А ты мне не нравишься, не в этом смысле по крайней мере. Так что веди себя прилично и ебись с теми, кто тебя хочет, ну, или можно еще за деньги, тоже вариант, – фыркает она, встает и идет к окну.

Я чувствую, как у меня внутри все цепенеет.

– Тебя надо как следует выебать! – говорю я и иду к себе, и тут входит Диана. Она подстриглась, теперь у нее прическа «под пажа». Ей идет.

– Привет, Никки, – улыбается она, сражаясь с ключами, кошельком и какими-то папками. Она хитро улыбается – явно слышала мою последнюю реплику.

А Лорен кричит мне вслед:

– Да, они очень тебе помогают, все эти члены! Диана поднимает брови:

– Я пропустила что-то интересное?

Я выдавливаю из себя слабую улыбку и иду в свою комнату, где мне хватает сил только рухнуть в постель. Все, в порнухе я больше не снимаюсь, и в эту блядскую сауну я больше – ни шагу.

Я уже по ту сторону боли, такое ощущение, што все мое тело – это сплошные зубы, и они все болят. Потому што парень, кого убили, – это был Чиззи. И я знаю, кто его убил. И што еще хуже, я знаю, из-за чего все так получилось: ни друзей, ни любимой девушки, ни семьи Мерфи. Потому что мистера Мерфи вместе с миссис Мерфи и их пацаном, тоже Мерфи, больше не существует, их нету. Есть только Урод, одинокий лузер.

Али не хочет со мной разговаривать, друг, она даже не позволяет мне видитца с Энди. С каждым разом все хуже и хуже. Вчера я ходил в «Порт радости», чтобы снова попробовать ей объяснить, что к чему. Я думал, ей будет приятно услышать про деньги и про то, как я хочу их потратить, но она мне сказала:

– Я никуда не хочу с тобой ехать, Дэнни, и я не хочу, чтобы моего сына везли куда-то на эти грязные деньги, заработанные на наркотиках.

– Это не наркотики, это... – и тут я вижу, как из задней двери выходят Саймон и Терри, и в руках у них какие-то видеокассеты. – Это работа.

– Да ну? И што же это за работа такая? Вот работа, Дэнни, – говорит она, показывая мне на паб, и тут как раз входит какой-то парень, потому што бар уже открылся, и она обслуживает его. – И я была бы очень тебе благодарна, если бы ты сюда не приходил. Я тут пытаюсь работать.

И вот я опять возвращаюсь домой, к своему одинокому существованию. Я думаю об этом парне, которого видел на Бернхард-стрит, он кричал кому-то: «У меня полетел компьютер. И все накрылось. Я все потерял». И я чувствую себя одновременно и этим парнем, и его компьютером. И дома мне только хуже. Оставшись один, ты впадаешь в жуткую депрессию. Надо забрать Заппу обратно, друг, зря я его отдал – мне сейчас очень нужна компания, – и я звоню Ренту, но у него отключена мобила.

«Порт радости» теперь меня вовсе не радует, теперь, когда я услышал про Чиззи. Я вот о чем, я, конечно, предполагал, што будут какие-то разборки, но мне и в голову не приходило, што все получится именно так. Хотелось бы мне узнать, как оно было на самом деле, но только – не от Бегби, я не хочу его больше видеть, но я могу попытатца выцепить Второго Приза. Но нет, друг, нет, я не могу шлятца по Лейту, когда где-то там ходит Бегби. Чиззи... што я сделал с Чиззи?

Все плохо, друг, очень плохо.

А потом на горизонте вдруг появляетца лучик света, и я бегу к нему сломя голову. Приходит почта – это письмо, а не счет, как обычно. Нет, точно письмо.

Из издательства. Потому што на конверте стоит отметка: «Издательство Шотвар». И я думаю: вот оно. Они собираютца опубликовать мою «Историю Лейта»! Ура, ура! Я очень хочу показать это письмо Али! Тогда она, может быть, передумает насчет поездки в Диснейленд. Я просто войду в паб и покажу ей письмо, я всем покажу письмо, буду размахивать им перед носом у каждого, и особенно когда рядом окажетца Псих. Да, друг, так оно все и будет! А потом меня пригласят выступить по телевизору, рассказать о книге! Может, мне даже дадут аванс, да, друг, наверняка дадут, и я думаю, што надо бы осторожнее открывать конверт, на тот случай, если внутри будет чек. Я пытаюсь рассмотреть, што там в письме, но конверт слишком толстый. Так што я открываю его. Чека там нету, но они вряд ли прислали бы его сразу. Все эти вопросы с деньгами мы обговорим позже, вроде бы так обычно бывает.

Издательство Шотвар Эдинбург, Кэйллард Гров, 13, EH3 6NH Тел.: 0131 987 5674 Факс: 0131 987 3432 Сайт в Интернете: www.scotvar.co.

Ваша ссылка:

Наша ссылка: АЖН/МС

1 апреля.

Дорогой мистер Мерфи Re: История Лейта

Спасибо за присланную вами рукопись, которую я только что закончил читать. К несчастью, это не совсем то, что нам требуется в данный момент, и, обсудив этот вопрос, мы пришли к выводу, что не будем издавать ваше произведение.

Искренне ваш

Алан Джонсон-Хогг.

Регистрационный номер: 671 0987 276. Ответственные директора: Алан Джонсон-Хогг, Кирсти Джонсон-Хогг, Конрад Доналдсон, королевский адвокат.

Это плохо, друг. Очень плохо. И я сижу в полном шоке, и внутри у меня – сплошная пустота. Так бывает, когда тебя отшивает девчонка, которая тебе нравилась, со мной такого давно не случилось, потому что я все это время жил с Али, но это как будто ты долгие годы был в кого-то влюблен, и вот типа ты говоришь ей, ну а почему бы нам не быть типа вместе... типа того... а она говорит: нет. Ни за што! Иди на хер!

Отказ, дружище.

А потом я задумался, а был ли это отказ? То есть этот товарищ пишет, што они там совещались, прежде чем решили, что книгу публиковать не будут, ну то есть они, значит, думали, что публикация возможна, друг. К тому же она им не требует «в данный момент», то есть, может, они захотят напечатать ее через пару месяцев. Когда изменится ситуация на рынке, и все такое.

Так што я беру телефон и звоню этому редактору.

– Могу я поговорить с Аланом Джонсоном-Хоггом? Мне отвечает женский голос, совсем не шикарный, скорее усталый:

– А кто его спрашивает?

– Ну, я писатель, он заинтересовался моей книгой, и я получил от него письмо, и вот звоню, понимаете?

В трубке начинает играть какая-то музыка, а потом я слышу реально деловой голос:

– Джонсон-Хогг. Чем могу помочь?

Деловые ребята всегда заставляют меня нервничать, если я начинаю об этом задумываться, но сейчас я не думаю ни о чем, сейчас я зажигаю.

– Добрый день, друг, меня зовут Мерфи, Дэнни Мерфи, но можно и просто Урод, ага? Я вам рукопись послал. И я типа не очень понял, што значило ваше письмо. Понимаете?

– А, да. – Он типа хмыкает в трубку. – История Лейта, правильно?

– Ну да, вы, может быть, думаете, что я, в натуре, тупой, но мне просто хотелось бы выяснить, што означает ваше письмо, вот так.

– Я думал, там все предельно ясно.

– А мне вот так не показалось. Потому што вы написали, што книга не интересуется вас в данный момент. То есть, может, заинтересует потом? Так вот я и хотел это выяснить. Чтобы сразу прислать вам еще экземпляр, если он вам вдруг понадобится.

В трубке раздаётся кашель, а потом Джонсон-Хогг говорит:

– Прошу прощения, если я недостаточно четко сформулировал свою мысль, мистер Мерфи. Честно сказать, это очень незрелая работа, и она не отвечает стандартам нашего издательства.

– То есть?

– Ну, грамматика... орфография...

– Ну да, но вроде всем этим редакторы занимаютца?

– ...не говоря уже о содержании, которое нас не устраивает.

– Но вы же раньше публиковали книги по истории Лейта... – Я чувствую, што начинаю кричать, потому што это нечестно, нечестно, нечестно...

– Это были серьезные труды профессиональных писателей, – говорит он, – а это пропаганда культуры подонков, людей, которые ничего не достигли и не сделали ничего полезного для общества. И плохо написанная к тому же.

– Кто бы говорил...

– Прошу прощения, мистер Мерфи, но ваша книга нас не устраивает. У меня много дел. Всего хорошего.

И он просто вешает трубку. Все эти недели, все эти месяцы, когда я убеждал себя, што делаю важное дело, што-то такое большое и нужное, и ради чего? Ни хрена. Это все – просто куча дерьма, как и я сам.

Так што я беру оригинальную копию и швыряю в камин, развожу огонь и смотрю, как еще одна часть моей жизни превращается в дым, как и все остальное. Глядя на пламя, я думаю о Чиззи... я убил Чиззи... он был очень плохим человеком, но он этого не заслужил, и это был Бегби, зуб даю, Бегби... я помню, в каком виде он приперся ко мне в ту ночь... сказал, што он еще сам не был в баре, но я ему не поверил...

И вот я сижу, и деньги жгут мне карман, так што я иду вверх по улице, вверх, потому што Бегби не пьет дальше Пилрига, и захожу в «Старую Соль», где вижу Кузена Доуда. Он такой же убитый, как и я.

От его самоуверенности ничего не осталось, теперь он похож на потрепанного Дональда Дакка.

– Я не понимаю, Урод. Я думал, што у меня оставалась еще куча бабок, хотел отвезти дочку куда-нибудь на каникулы. Но у меня ни хера не осталось. Я даже не могу позволить себе мотануть на неделю в Батлинс. Теперь она не разрешит мне даже просто повидатца с дочей. Я не могу оплатить закладную, не могу оплатить расходы. Я знаю, што шибко потратился, но у меня оставалась штука, я ее точно не тратил. И вот куда-то она проебалась. Это меня убивает, я теперь не могу даже дочку куда-нить свозить на каникулы.

Бедный Доуд... он ведь хороший парень, он всегда мне помогал... нельзя было с ним так поступать... мир стал бы куда приятней, если бы в нем не было бесполезного, удолбанного, жалкого мудака Мерфи... убийцы Чиззи, человека, который разрушил жизнь Кузена Доуда... бедная Али... бедный Энди...

Доуд пытается протестовать, когда я вручаю ему триста фунтов.

– Нет, Урод, не надо...

– Возьми, друг, у меня сейчас бабки есть, а ты мне всегда помогал, – говорю я. Я не могу смотреть ему в глаза, поэтому сразу же ухожу.

Я слышу, как он говорит кому-то в бар:

– Видишь этого человека, друг, он святой, просто святой, бля...

А я думаю только об одном, если бы он знал, друг, если бы он только знал... и теперь мне осталось только сделать еще одно доброе дело, друг, только одно...

...я иду домой, и первое, што я там вижу, это книга, «Преступление и наказание».

62. Шлюхи из города Амстердама (Часть 8)

Мне было странно приятно снова увидеть Али, в Городском Кафе, потому что, хотя мы в свое время и были в одной тусовке, и вместе сидели на наркоте, мы с ней никогда особенно не общались. Я думаю, это все потому, что она всегда видела меня насквозь, всегда чувствовала, что я притворяюсь, что на самом деле я – победитель, который только играет лузера. Ага, блестящий, идущий вверх гад, который в один прекрасный день просто съебется и оставит за собой кучу дерьма, которую придется разгрести другим. Может быть, она поняла, что я собой представляю, еще до того, как я сам это осознал. Хотя, может быть, я удивил ее своим отношением к Уроду. Я никогда не думал, что они будут вместе, хотя это не совсем верный термин, потому что на данный момент они совсем даже не вместе.

– Марк, – говорит она и обнимает меня, просто и тепло, отчего я чувствую себя неловко.

– Привет, Али, это Диана. Диана, это Саймон.

Диана тепло здоровается с Али, но к Саймону она отнеслась настороженно, я думаю, это сыграли роль мои намеки насчет него, хотя обычно в подобных случаях она предпочитает делать выводы самостоятельно. Скорее ее прохладное отношение к нему объясняется тем, как он обошелся с Никки. А он чуть ли не плачет.

– Пойдем в город, Марк, выпьем. Никки меня послала. На звонки не отвечает и не перезванивает.

А я думаю про себя: все она правильно делает, так тебе и надо. Я не хотел с ним встречаться, но согласился, когда он сказал, что возьмет с собой Али.

– Как мило, – говорит Псих, – старая команда почти в полном сборе. Наверное, надо было бы позвать Франсуа, – хихикает он, глядя на меня. Я пытаюсь не реагировать. Но я понимаю, что если Бегби такой же двинутый, как и раньше (а судя по тому, что я слышал, он свихнулся уже окончательно), значит, мой старый приятель Псих, мой деловой партнер, урод, которому я дал денег, все это время пытался меня убить. Это уже не предательство, это уже не месть – это хуже. А он весь такой из себя довольный. Наверное, опять накачался коксом. Али толкает меня в бок, но я почти и не слышу, что она говорит, потому что прислушиваюсь к тому, что Псих шепчет на ухо Диане.

– Знаешь, Никки очень хорошо о тебе отзывалась.

– Я тоже к ней хорошо отношусь, – терпеливо говорит Диана, – и к ней, и к Лорен.

– А вот Лорен, если выражаться в манере рэперов, сучка с кучей проблем, – хихикает Псих, а потом говорит: – Хочешь повеселиться, Ди? Я отсыплю вам порошка, и вы с Али можете уединиться в сортире...

– Нет, спасибо, – спокойно говорит Диана. Ей не нравится Псих. И это просто замечательно, он

ей не нравится! Похоже, его убойное обаяние начинает слегка притухать. Да и вообще он какой-то потасканный. Лицо стало более одутловатым, блеск в глазах почти не заметен, движения какие-то нервные, дерганые... возраст?.., кокс?

– Ну ладно, – ухмыляется Саймон и примирительно поднимает руки.

Я действительно очень рад, что его игры никак не действуют на Диану, и теперь я могу уделить больше внимания Али. Хотя это непросто, потому что я слышу, как этот мудака говорит:

– Я думаю, что нельзя сравнивать этого жалкого неудачника Бернса с великими шотландскими поэтами современности.

Диана качает головой, она спокойна, но тем не менее отвечает на его провокацию:

– Бред какой-то. Что еще за великие поэты современности? Назови мне хоть одного, кто был бы лучше Бернса.

Псих яростно трясет головой и машет рукой.

– Я итальянец, я предпочитаю думать по-женски, то есть на уровне эмоций, а не вдаваться в сравнительные характеристики, которые так любят все те, кто родом из Северной Европы. Я не могу вспомнить имен, да и не хочу вспоминать, но я прочел книгу современной шотландской поэзии, и все, что там было, куда круче того, что писал Берне.

Судя по тому, как он громко кричит и поглядывает на меня, он хочет вовлечь и меня в этот спор, но я пытаюсь сосредоточиться на разговоре с Али, а она, со своей стороны, пытается сделать то же самое.

– Ты замечательно выглядишь, Марк, я никогда тебя таким не видела, – говорит она.

– Спасибо, – я пожимаю ей руку, – ты тоже выглядишь великолепно. Как мальчик?

– Какой из? С Энди все в порядке. А второго я только что бросила. – Она печально качает головой.

– Он ведь не начал снова ширяться? – спрашиваю я, и мне становится несколько неуютно. Когда мы с ним пили, все вроде бы было в порядке, он был какой-то потерянный, но не удалбанный, это точно. Бедняга Урод. Я никогда не встречал человека лучше – никого, кто был бы таким же ранимым и при этом таким же добрым. Но он слишком долго торчал, и теперь мне уже сложно добраться до его сути, ее практически не видно за всей той наркотой, которой он себя травил. Благие намерения по-прежнему остаются при нем, и именно ими и будет вымощена его личная дорога в Ад. Он представляет собой ту форму жизни, которую полностью уничтожил новый порядок, но при этом он все-таки остается человеком. Сигареты, алкоголь, героин, кокаин, спид, нищета и промывка мозгов со стороны СМИ: оружие массового уничтожения, которое капитализм использует куда эффективнее всего того, что изобрели нацисты, – и Урод против них просто бессилён.

– Не знаю, и, кажется, мне уже все равно, – говорит она, но уверенности в голосе я не слышу.

Вот она, основная проблема, возникающая при общении с этим больным удалбанным щенком: ты заботишься о нем, а он наебывает тебя, раз за разом. Возможно, он причинил людям куда больше вреда, чем Бегби, Второй Приз и вообще все мы, вместе взятые. И даже с учетом того, что я не общался с ним уже черт-те сколько времени, я знаю, что все осталось, как было, что он никогда не изменится. Но Али не все равно, именно поэтому она сидит и сжимает мою руку в ладонях, и я вижу морщинки вокруг ее карих глаз, хотя в них все еще горит огонь, и она по-прежнему очень красивая, да, Али выглядит потрясающе, и для Мерфи этого должно быть достаточно. Даже слишком.

– Поговори с ним, Марк. Ты же был его лучшим другом. Он всегда только о тебе и говорил... Марк это, Марк то...

– Это все потому, что меня не было рядом, Али. Это он не обо мне говорил, а о своем представлении обо мне. Я был для него как спасительная фантазия. Уж я его знаю.

Она даже не пытается спорить, и это настораживает. Теперь я чувствую себя виноватым, потому что я поливаю его грязью, вместо того чтобы защищать.

– Теперь все еще хуже, Марк. Я не думаю, что он ширяется, вот что самое печальное. Он просто ходит убитый, и самомнение у него ниже плинтуса.

– Если то, что рядом с ним была такая женщина, не подняло его самомнения, значит, он просто идиот, – говорю я, чувствуя, что надо как-то разрядить обстановку.

– Вот именно! – говорит Псих, вклиниваясь в разговор, и поворачивается к Али. – Я рад, что вы с ним разбежались.

Потом он вдруг срывается с места и несется к музыкальному автомату. К моему ужасу, он ставит песню «Элисон» Элвиса Костелло и смотрит при этом прямо на Али. Это так отвратительно, и

мы с Дианой не знаем, что делать.

Он идет к стойке и заказывает всем по бренди, а мы смотрим друг на друга, думая, как бы отсюда смыться. Потом он направляется в туалет и машет мне, мол, ты тоже иди, и я по инерции иду за ним. Там он достает кокс и начинает делать дороги. Я говорю ему:

– Сбавь обороты, приятель, ты смущаешь Али.

Он как будто меня и не слышит и втягивает в себя кокс.

– Я итальянец. Страстная натура. И если эти ублюдки, эти неблагодарные сволочи этого не понимают, они могут пить в каком-нибудь другом пабе, благо в Лейте их до хера. Мы с ней... – он втягивает дорогу другой ноздрей, – вот, блядь... да мы с ней... ух! Понимаешь, это судьба. Давай, Рентой, давай, урод ты голландский, перестань ковыряться со своей ширинкой и нюхай уже.

Я, не задумываясь, занюхиваю по дороге на каждую ноздрю. Это, бля, не дороги, это автобаны какие-то, и я чувствую, как сердце бешено бьется в груди. И чего на меня накатило?

– ...потому что ей нужен хороший хуй. Точно. Спорим, я с ней пересплю. На что спорим? Еще пару стаканчиков, и она сама будет просить, чтобы я ее выебал... вот увидишь. Смотри, как действуют профессионалы, Рент... ты ведь так ее и не выебал, правда? Так что смотри...

Кокаин превращает людей в ухудшенный вариант их же самих в восемнадцать лет. Я пытаюсь собрать себя в кучку – сделать так, чтобы наркотик не превратил и меня в этот самый ухудшенный вариант.

Он идет к бару, а я возвращаюсь за столик. А когда он подходит с бренди и пивом, меня прошибает пот. Бля, я вижу ужас в глазах Дианы и Али, когда он садится рядом.

– Не хочу показаться излишне сентиментальным, – проникновенно говорит он и подмигивает Али. – Но вы с Уродом не подходите друг другу, Али. Ты должна быть со мной, это было понятно еще тогда, – говорит он, вручая нам всем стаканы.

Али явно злится, но все же пытается держать себя в руках:

– Ага, значит, пытаешься и меня втянуть в свои игры?

– Разве я когда-нибудь что-то такое пытался, Али? Я всегда относился к тебе, как к настоящей леди, – ухмыляется Псих.

Диана толкает меня локтем в бок:

– Ты нюхал кокс?

– Так, чуть-чуть, чтобы он не бесился, – шепчу я, запинаясь, сквозь сжатые зубы.

– Вот я и вижу, как он не бесится, – язвительно замечает она.

А Псих продолжает обхаживать Али, скроив при этом ангельскую мордашку.

– Разве не так? А?

– Так, но только потому, что при всяком другом раскладе я послала бы тебя на хуй, – говорит Али, поднимая свой стакан.

В ответ на это он деланно улыбается и говорит:

– Я так и думал, что ты никогда не простишь мне того, что эта Лесли от меня залетела.

Мы с Али не верим своим ушам. Дон, дочка Лесли, умерла почти сразу же после рождения, и это, кажется, первый раз, когда Псих вообще признал принародно, что это был его ребенок.

Кажется, он понимает, что сказал что-то не то, и у него на лице на мгновение пояшгаются что-то похожее на сожаление, которое тут же сменяется жесткой ухмылкой.

– Ну да, я слышал от Скрила, что она вышла замуж за какого-то урода. Живет себе в пригороде. Двое детей. Как будто бы нашей дочери, нашей маленькой Дон, никогда вообще не было, – фыркает он с отвращением.

Тут Али выходит из себя:

– Ты что говоришь, а?! Да я в первый раз слышу, чтобы ты вспомнил о том, что этот ребенок вообще существовал! Ты обращался с Лесли, как с последним дерьмом!

– Она и была дерьмом, бля... не смогла уследить за ребенком, – говорит Псих, качая головой.

Али сидит с отвисшей челюстью, явно не веря своим ушам, а я судорожно пытаюсь придумать, что сказать.

Псих смотрит на нее, как будто собирается научить ее жизни.

– Вот что я тебе скажу, Али, ничего личного, но ты такая же, как она. Если останешься с Мерфи, то вашего ребенка точно возьмут под опеку. Нет, правда...

– ПОШЕЛ НА ХУЙ, ПСИХ! – кричит Элисон и плескает свой бренди ему в лицо. Он моргает и пытается вытереться рукавом рубашки. Она стоит над ним пару секунд, сжав кулаки, а потом выбега-

ет за дверь. Диана встает и идет за ней.

Девушка за стойкой, которая наливала нам бренди, подходит с тряпкой и помогает Психу вытереться.

– Она вернется, – говорит он, и в его голосе слышится некое подобие грусти. Потом он добавляет с улыбкой: – Она работает на меня, и ей нужны деньги!

Он выпивает свой бренди. На меня вдруг наваливается какой-то иррациональный страх, я все смотрю на дверь и жду, что сейчас войдет Франко. Ситуация настолько мерзкая, что его появление почти неизбежно. Как говорится, до кучи. Я боюсь, но не за себя, это не измена, нет. Я боюсь за Диану. Ублюдок Форрестер, жополиз хренов. Я просто взбесился, когда увидел его в «Порту радости». Наверняка он теперь ищет Бегби, чтобы рассказать ему обо мне. Хотя... если Псих явно повыходся, то, может, и Франко постигла та же судьба. У меня в голове возникает картинка: мой кулак, летящий в лицо Франко и вдавливающий его нос прямо в мозг.

Возвращается Диана, но Али с ней нету.

– Она села в такси, – говорит она и добавляет: – Я хочу уйти.

– Ага, – говорю я, допивая свой бренди. Я смотрю на нее и понимаю, что ей просто скучно, ситуация ее несколько не напрягает и не нервирует. Надо сказать, что меня это впечатляет. И я думаю о том, что ей совершенно не нужно все это дерьмо. Я выдавливаю из себя извинения, и мы собираемся уходить. Псих не возражает.

– Передай Никки, пусть она мне позвонит, – говорит он, скаля белые зубы. Этакая ухмыляющаяся пародия на себя самого.

Мы идем на Хантер-сквер и садимся в такси. С пульсом у меня явные неполадки, это все от наркоты. Я на приходах, мы едем в никуда. Я знаю, что буду всю ночь лежать рядом с ней, как бревно, или засяду перед телевизором, пока меня не отпустит.

Диана молчит, но я понимаю, что я в первый раз ее подвел. Я не хочу, чтобы это вошло в привычку. Проходит еще минут десять, молчание становится напряженным, и я говорю:

– Извини, милая.

– Твой приятель – просто мудака, – говорит она.

Я никогда не слышал от нее таких слов, и мне не нравится, как они звучат. Бля, да я, похоже, старею. Чувствую я себя отвратительно, как будто бы в меня воткнули металлический стержень. И этот стержень все еще внутри, и рядом с ним моя плоть смотрится просто кошмарно: старая, худосочная, рассыпающаяся и, что хуже всего, смертная.

Такси проезжает Медоуз, и от Медоуз до Толкросс я успеваю заметить на улице Бегби как минимум раза три.

63. «...ты можешь расслабиться...»

Ну вот, я опять в сауне, куда я вроде как поклялась себе не возвращаться. А это Бобби, и он опять до меня докапывается. Вот она, основная проблема хищников – старых и молодых, красивых и просто уродливых, – они охуенно жестоки, точнее, они жестоки во всем, что касается их хуя лично и ебли как таковой. Он говорит, что держит меня в сауне только потому, что я ему нравлюсь. Это похоже на правду, моя техника массажа оставляет желать лучшего, да и подрочить я как следует не могу, однако большинство клиентов отчаянно хотят кончить и поэтому не замечают моей апатии и не обращают внимания на отсутствие техники. Но теперь Бобби решил, что пришло время меня «повысить» – перевести с дрочилова на минеты.

– Клиентам ты нравишься. Ты можешь делать на этом хорошие деньги, лапуля, – говорит он.

Если бы он только знал, что я еще и не такое проделывала, причем не только со своими бойфрендами, но и с совершенными незнакомцами – перед камерой. Но тогда почему меня так напрягает перспектива быстренько отсосать у кого-нибудь за закрытыми дверями «Мисс Аргентины»? Во-первых, я не хочу, чтобы у меня в жизни было еще больше секса на коммерческой основе. Все мое время и место, и все хорошо на своих местах, как говорит мой папа. Мне и так есть чем заняться и о чем подумать, помимо «рабочих» минетов.

Во-вторых, печально, но факт, большинство наших клиентов – отвратительные уроды, и меня тошнит при одной только мысли о том, чтобы взять у них в рот.

Бобби, что делает ему честь, наделен неплохим деловым чутьем и понимает, что его присутствие, как он сам это называет, «на представительских ролях» явно снижает тон. Кстати, о снижении

тона. Как бы невзначай я упоминаю, что знаю Мики Форрестера. Он тут же звереет и говорит:

– Он дерьмо. Преступник и нарк. У него бордель, а не сауна. А ты нас всех под одну гребенку метешь.

– Я еще не видела, как выглядит его массажный салон.

– Массажный салон, ебать-колотить! Да там нет вообще никаких ограничений, они даже и не пытаются делать вид, что занимаются массажем или еще чем! Девочки, которые там работают, понятия не имеют, што такое массаж. Они там в открытую торгуют наркотой, коксом. По мне, так им всем давно пора в тюрьгу. – Он понижает голос и становится совсем серьезным: – Ты такая хорошая девочка, ты не должна общаться с этим сбродом. Потом проблем не оберешься. Тут понимаешь, какое дело, рано или поздно они сделают так, што ты окажешься на их уровне. Серьезно тебе говорю.

Я думаю о том, что они уже опустили меня дальше некуда, и вежливо улыбаюсь Бобби. Похоже, мистера Форрестера не любит никто, и мне кажется, ничего удивительного в этом нет. Я возвращаюсь домой и делюсь этой мыслью с Марком, который торчит на кухне вместе с Дианой. Она готовит пасту. Марк запрокидывает голову и смеется:

– Микки...

– Этот сутенер? – спрашивает Диана.

– У него вроде как сауна, – говорю я и быстро добавляю: – Не та, где работаю я, другая.

– А можно с ним как-нибудь поговорить? Мне это нужно для диссертации, – говорит она.

Марк не может скрыть своего неодобрения.

– Я его плохо знаю, – говорю я. Потом обращаюсь к Марку: – Мне показалось, что у вас несколько натянутые отношения, судя по тому, что случилось в пабе.

– Мы с Микки никогда не дарили друг другу подарки на Рождество, – усмехается Марк, бросая нарезанный лук, чеснок и перец в кипящее масло. Он поворачивается к нам с Дианой и смеется, как будто бы прочитав наши мысли. – Ну, то есть не то чтобы мы вообще дарили подарки хотя бы кому-то.

Я думаю, что Микки или вообще кто-нибудь из моих новых друзей вряд ли окажется в рождественском списке Бобби. А вот мне вполне светит там оказаться. Поскольку Саймон теперь для меня персона нон-грата, я провожу больше времени в сауне и беру как можно больше клиентов, чтобы заработать хоть какие-то деньги. Я не хочу просить Саймона, поскольку после скандала с фильмом никто из «наших» с ним не разговаривает. Как говорится, он вкушает свой хлеб в одиночестве. Чтобы выказать солидарность со своими коллегами, я не отвечаю на его звонки: странные, тревожащие меня сообщения, которые явно указывают на то, что он выбит из колеи. И разумеется, молчаливое соглашение между мной и Марком, что мы не должны окончательно разрывать отношения с Саймоном. Все-таки мы партнеры по афере.

Если возможно испытывать к человеку сильную антипатию и при этом скучать по нему, то у меня с Саймоном как раз тот случай. За ужином – а мы ужинаем вчетвером: я, Диана, Марк и Лорен – я только о нем и говорю. Каким он оказался жадным, о том, какой он оказался двуличной сволочью. У них с Марком очень странные отношения, они вроде друзья, но при этом, судя по всему, терпеть друг друга не могут. Насколько я понимаю, он знает Саймона лучше, чем кто бы то ни было, и, видя, как я бешусь, он говорит мне:

– Ты не психуй. Спокойствие всегда лучше злости.

Он прав, но надо признать, что при всей моей показной ярости моя враждебность по отношению к Саймону начинает сходить на нет. Мне не хватает интриги. Лорен, наоборот, по-прежнему кипит праведным гневом.

– Он использует людей, Никки, я рада, что у тебя с ним всё. Он не в себе. Ты только послушай, что за странные сообщения он оставляет на автоответчике. Он явно какой-нибудь наркоман. Не звони ему. – Она закашливается. Жуткий кашель. Да и вообще, вид у нее неважный.

Даже Диана, которая никогда никого не критикует и не лезет в чужие дела, говорит:

– Хорошая мысль. – Потом она спрашивает у Лорен: – Ты что, простудилась?

– Просто кашляю, – говорит та и оборачивается ко мне: – Никки, он тебя недостоин.

Я молчу. Потому что мне это нравится, если честно. Мне нравится, что они затронули эту тему, мне нравится, что им не наплевать, раз они все-таки говорят об этом. Никки и Саймон. Обреченный союз? Обсуждаем. Но Дианы и Марка хватает совсем ненадолго, они слишком поглощены друг другом. Вскоре они уходят – я не знаю куда, наверное, к Марку. Трахаться.

Лорен принимает лемсип и идет ложиться. Вид у нее и вправду неважный. За окном уже стем-

нело, я сижу и читаю. Просто читаю, для удовольствия, а не по программе. Я очень рада, что экзамены наконец-то кончились. Я наслаждаюсь «Мандолиной капитана Корелли», Заппа сидит у меня на коленях, я перечитываю эпизод, когда Корелли в первый раз появляется в повествовании, и пытаюсь не думать о Саймоне. Глупость какая, нет у них ничего общего... просто... просто прошла уже неделя.

Раздается стук в дверь, и я вскакиваю с кресла. Бедный Заппа испуганно шарахается. Я одновременно и нервничаю, и радуюсь, потому что я знаю – это он. Это он. Я иду открывать, думая про себя всякие глупости типа: «Если это он, значит, мы будем вместе». Я одновременно надеюсь, что это он и что это не он.

Он. Я открываю дверь, и он пристально смотрит на меня, но при этом сжимает губы.

– Никки, прости меня. Я вел себя как эгоист. Можно мне войти?

За то время, как я начала жить активной половой жизнью, подобные эпизоды происходили уже миллион раз.

– Зачем? – говорю я. – Ты хочешь поговорить? Его ответ меня ошарашил:

– Нет. Я не хочу разговаривать. – Он качает головой. Меня удивляет, что Саймон, несмотря ни на что, очень хорошо выглядит: фигура в порядке, загар на месте, взгляд немного усталый, но если все остальное в порядке, то такой взгляд свидетельствует о зрелости натуры. – Я уже достаточно наговорился. – Он смотрит на меня с болью во взгляде, и я знаю, что это всего лишь способ воздействия, но... – И вообще это все дерьмо, – решительно добавляет он. – Я хочу слушать. Я хочу послушать, что скажешь ты. Если ты, конечно, решишь, что я достоин того, чтобы со мной разговаривать, если честно, я не буду винить тебя, если ты выставишь меня за дверь.

Я смотрю на него и молчу.

– Ладно. – Он поднимает руку и печально улыбается. – Я просто хотел сказать, что я извиняюсь за все неудобства, которые я тебе причинил. Мне казалось, что я все правильно делаю, – говорит он ожесточенно, потом разворачивается и идет к лестнице.

Страх накрывает меня, как волна. Я уже не могу контролировать свои действия и слова. У меня кружится голова, все мои ожидания оказались вывернуты наизнанку.

– Саймон... подожди... можешь зайти, ненадолго. Там холодно. – Я открываю дверь, а он пожимает плечами, опять поворачивается ко мне и стоит на пороге, даже не пытаюсь зайти в квартиру. Вместо этого он тянет вверх руку, как ребенок, который пытается привлечь внимание учителя. И это срабатывает, я сама в это не верю, но ему удается заставить меня захотеть обнять его и сказать: «Ну ладно, ладно, солнышко, пойдем в кроватку, я тебя трахну».

– Никки, я пытаюсь как-то реабилитироваться в твоих глазах, – говорит он, и взгляд у него грустный-грустный. – Если ты мне не поверишь, у нас ничего не получится. Я подозревал, что для этого мне придется пройти долгий путь, но, судя по твоему взгляду, я не добрался и до середины.

– Саймон. – Я слышу тоненький блеющий голос, который вроде как и не мой голос. – Ты можешь расслабиться? Это все кокаин, он будит все худшее, что в тебе есть.

Я задумываюсь о том, что только что сказала, и с ужасом понимаю, что я не помню ни одной минуты, когда он не был под коксом.

И сегодняшний вечер – не исключение.

– Да, все правильно, – говорит он неожиданно резко. А потом его взгляд снова становится очень печальным. – Никки, я тону. Только ты можешь заставить меня стать лучше, чем я есть, только твоя любовь может помочь мне стать другим человеком, – тихо говорит он, а я замечаю капельки пота у него на лбу.

Это одновременно ужасный и восхитительный, горько-сладкий тупик, когда ты знаешь, что тебе вешают лапшу на уши, но это делается так убедительно и красиво... нет, это все из-за того, что человек говорит именно то, что ты хочешь услышать, что тебе необходимо услышать, именно здесь и именно сейчас. Он стоит в дверном проеме, припав плечом к косяку. Он совсем не такой, как Колин, он вообще не такой, как все, потому что он неотразим, бля.

– Заходи. – Я почти шепчу.

64. Просто игра

Похмелье меня убивает, и я решаю прогуляться по городу, чтобы малость проветритца. По улице Святого Эндрю, где строят новую автобусную станцию. Старая уже совсем разваливалась, и по-

следний раз я там был сто лет назад. На самом деле это было тогда, когда я, Рент, Псих, Франко и Второй Приз ездили в Лондон, загрузившись наркотой. Это была паранойя, *прут*, чистая паранойя. Если бы нас поймали, это был бы полный пиздец.

Солнца нету, друг, покупатели пытаются скрытца от морозящего дождя и холодного ветра, и они все норовят пришибить тебя своими пакетами с покупками. Да, покупательская лихорадка у нас здесь налицо, приятель.

Я решил прогулятца, штобы подумать. О Достоевском, об этом его идеальном преступлении. Мерзкая старая процентщица, которую никто не любил, которую никто не стал бы искать, как и мерзкого Чиззи. В газете было написано, што его убили два каких-то молодых парня, так сказал Чарли в баре «У Николь». Но я зуб даю, это Бегби заставил его так сказать. Нет, Чиззи никому не нужен, никто не будет по нему скучать, потому што он зверь, и он нарк. Вот где облажался Раскольников. Он потому что сломался от психологического давления, он мучился, потому што убил человека. Но я не сломаюсь, нет. Да и прибыли от этого преступления я никакой не поимею, выиграют от этого только мои близкие.

На Роуз-стрит я вижу его, он весь из себя такой радостный, смеетца, руками размахивает. Потом сует одну руку в карман, а другой обнимает свою девушку.

Я пытался позвонить ему на мобилу, хотел выпить с ним пива, сказать, што хочу забрать Заппу, потому што я по нему скучаю. Эта его девочка, она приятельница той, с которой вроде как встречался Саймон. Близкая подруга, и все такое. Не знаю, занимались они там групповухой или нет, вряд ли, конечно, но так сразу и не поймешь. Ренту-то – запросто, а вот подружка его явно не из таких. Вот и думаешь: может, да, может, нет. Тут дело такое: Рент знал эту девочку раньше, я в этом уверен. А теперь они идут, держась за руки. Ренту, кажетца, наплевать на Бегби. Кажетца, он вообще не верит, што Бегби опасен. Может, он даже не слышал того, што говорят про Чиззи.

– Урод! Как дела, друг? – говорит он и обнимает меня. – Это Диана.

Она смотрит на меня, вроде как оценивая, потом чмокает меня в щеку, я ее – тоже.

– Как жизнь? – говорю.

– Неплохо, а у тебя? – весело спрашивает она, очень милая девочка, друг, вот што я те скажу. Не похожа на всех остальных телок Рента, он себе обычно других выбирал. Ему всегда нравились бабы, из-за которых сплошные проблемы, готские или там нью-эйджеские подруги, с порезами на руках, у которых одни разговоры, што об «излечении» и «росте». Его всегда привлекала темная сторона, друг.

– Ну, понимаешь, я все болтаюсь, по старому Лейту шатаюсь. – Вроде как рэп получился. Даже вот в рифму.

А Рент изменился, друг, да. Раньше он бы мне подыграл, тоже начал бы гнать, а теперь просто стоит – улыбаетца так снисходительно, типа вот какой у меня идиот-приятель.

– Был на футболе? – спрашивает он.

– Ага. Этот Саузи – просто супер, – говорю я ему. Рентой на мгновение задумываетца.

– Ну да, я, правда, не знаю, какой смысл болеть за команду, которая вечно выигрывает. Это как-то уж слишком просто, не понтово, одним словом, – говорит он, и не поймешь, то ли серьезно говорит, то ли прикалываетца.

– Ага, я потому и болею за «Хартс», – смеетца Диана. Когда она улыбаетца, ее лицо совершенно меняетца, очень милая девочка.

– Ну, с ними все кончено, детка. Мертвый альбатрос на шее, мертвее некуда, – смеетца он, и они начинают толкатца.

– Ты здесь надолго? – спрашиваю я.

– Да собирался на пару недель, но думаю остатца еще ненадолго. Хочешь пива?

И мы идем в один из этих понтовых баров, для отдыхающих и туристов. Диана уходит в туалет, и Рент шепчет мне:

– Все собирался тебе позвонить, попить пива вытащить, но я не хотел появлятца в городе, ну, с учетом сложившихся обстоятельств. – Он кривитца.

– Будь осторожнее, друг, ты знаешь, о чем я, – шепчу я в ответ.

Рент улыбаетца, как будто ему наплевать. Может, и правда наплевать. Мне кажетца, он просто не понимает, насколько Франко опасен. Он же вообще без башни. Отморозок законченный. Мы разошлись, каждый пошел своей дорогой, не знаю, куда уж кого привело, а моя дорога почему-то вернула меня обратно, в Порт, к старому приятелю Бегби. И теперь у меня в голове все складываетца в одну

картину: афера, Достоевский, Рентой и Бегби. Вот приколы: у Рентона есть то, што мне нужно. Бегби – как раз то, что мне сейчас нужно.

Так што я направляюсь обратно в Лейт, и вот што я думаю: если ты живешь в Лейте, ты живешь как бы в двух городах одновременно – в Лейте и в Эдинбурге. Да, именно так. Передо мной появляетца старый порт, зажигаютца фонари, заливая желтым светом все, что было коричневым, серым, синим и белым. И вот я иду и думаю: а ведь мы только немного южнее Санкт-Петербурга, и, может быть, для Раскольникова все было так же, как и для меня.

Вниз по Бульвару, мимо баров, манящих громкими разговорами, музыкой и дымом. Мимо гадючников с алкашами и какими-то вообще непонятными ребятами, что тусуютца у входа. Мимо автобусных остановок, где стоят нервные пожилые теткы, может быть, возвращаютца домой из какой-нибудь задницы после игры в бинго, и старые местные алканавты, и все те, кто уже много лет не живет в Лейте, но все равно остаетца здесь, все эти люди – по-прежнему жители Лейта, это у них в крови.

Я поворачиваю на Лорн-стрит, поднимаюсь по лестнице, подхожу к двери в квартиру Бегби и громко стучу. Я слышу за дверью какой-то шум, как будто кто-то собираетца уходить. Дверь открывается, и оттуда вываливаетца здоровяк Лексо.

– Помни, што я тебе сказал, – кричит ему Бегби с озверевшим лицом, а здоровяк Лексо только кивает и проходит мимо меня, отпихнув меня в сторону.

Бегби смотрит, как он спускаетца по лестнице, потом глядит на меня, в первый раз за все время, входит в квартиру и кивает мне, мол, заходи. Я иду за ним, и он захлопывает дверь.

– Этому пидору лучше побольше башкой своей думать, чего он делает. Я, бля, когда-нибудь точно его убью, этого жирного мудака, не, правда, Урод, – говорит он и проходит на кухню. Открывает холодильник, достает две бутылки пива и протягивает одну из них мне.

– Твое здоровье, парень, – говорю я, озираясь по сторонам. – А што случилось-то?

Судя по запахам, в квартире есть мелкий ребенок, на кухню выходит девчонка, симпатичная, но какая-то вся встревоженная, она кивает мне, но Бегби не представляет нас друг другу. Он ждет, пока она заберет из кухонного шкафа утюг и уйдет.

– Этот, блядь, Лексо пытается меня наебать. Я, бля, ему говорил, я ему и сейчас сказал, мол, мы с тобой, бля, партнеры, пока не решим обратное... – Франко занюхивает дозу кокса. – А он перестал навещать меня в тюрьме, и ни хера мне не сказал про это блядское Тайское кафе, и ваще ничего мне не сказал, што, мол, наш договор расторгнут. А стало быть, половина этого кафе принадлежит мне. И вот он, блядь, приходит и парит мне про долги, и што ему нужно выплатить бабки кому-то там, я не знаю, штобы разрулить ситуацию с этим кафе, но я, бля, ему говорю, што мы, бля, не о бабках сейчас говорим, а о дружбе, блядь. Вот в чем дело.

Я смотрю на большой нож для хлеба, который лежит на столе. Это было идеально, друг, но не здесь... здесь эта девушка и ребенок. Я втягиваю дорогу.

– Это была последняя, – говорит он и вытаскивает мобильник, – но я щас достану еще.

– Не, не надо, у меня дома еще што-то есть, пойдём ко мне, посидим, а потом сходим выпьем по пиву.

– Ну, пойдём, бля, – говорит Франко, надевая пиджак. Он кричит своей девушке: – Я пойду, бля, прогуляюсь, – и мы выходим из квартиры.

Он продолжает гнать про Лексо.

– Этот пидор пусть лучше крепко думает, што он делает, или я, бля, убью его, на хуй.

Меня начинает трясти, но не от страха, может быть, от наркоты, и я говорю:

– Да, да, Франко, у тебя это здорово получаетца. Взять, к примеру, Доннелли.

Франко резко останавливаетца посреди улицы и смотрит на меня. От него прямо арктическим холодом веет. Все говорили, тут либо он, либо Доннелли, типа бой не на жизнь, а на смерть. Франко тоже досталось, два тяжелых ранения, потому што тот парень пытался заколоть его заточкой.

– Ты чего сказал, бля?

– Ничего, Франко, пошли, заберем кокс, а потом где-нибудь посидим.

Бегби еще пару секунд смотрит на меня, потом все-таки сдвигаетца с места, и мы идем ко мне. Мы поднимаемся по лестнице, и я долго и усердно делаю вид, што ищу по карманам наркоту. Я захожу на кухню и вытаскиваю несколько ножей. Я надеюсь, што меня быстро отпустит.

– Франко, иди сюда, – кричу я. Франко заходит на кухню.

– Ну и где, бля, твоя наркота, придурок никчемный?

– Ты, стало быть, убил Доннелли, – говорю я.

– Ты и половины всего не знаешь, Урод, – смеетца он этак зловеще и вытаскивает мобильник. – Я сейчас сам все достану, от тебя все равно толку хрен, – говорит он, набирая номер.

– Чиззи, зверь Чиззи, – говорю я. Франко резко закрывает мобилу.

– Ты к чему, бля, клонишь? – нервно говорит он и смотрит на меня, и вот от этого взгляда вполне может замерзнуть ад, друг. Когда смотришь в эти глаза, тебе начинает казатца, што у тебя больше нет кожи, и одежды больше нет, ты просто пульсирующая масса из мяса и крови, которая вот-вот расплещетца по полу.

Не знаю, не то из-за кокса, не то из-за нервов, но я рассказываю ему все – про свой план, про то, какую услугу он мне оказал. Но он просто злитца, друг, пока што только злитца, и тогда я решаю перейти к плану Б, я киваю на ножи, которые вытащил, и говорю:

– Да, Франко, друг, я еще кое-што забыл...

– Какого...

И я бью его по морде, друг, но попадаю не в нос, а в челюсть. На мгновение мне кажетца, я поймал то состояние, в котором обычно бывает Бегби во время своих приступов ярости. И я стою, сжав кулаки, приготовившись к драке, и просто смотрю на него. К моему удивлению, он не бросаетца на меня. Он дотрагиваетца до губы, смотрит на кровь у себя на пальце. Потом он еще пару секунд стоит и таращится на меня.

– ТЫ, БЛЯДЬ, ПСИХБОЛЬНОЙ! – шипит Бегби, потом наклоняетца и бьет меня головой в лицо. Меня складывает пополам, потому што эта боль, чистая, как электрический разряд, попадает прямо в центр мозга. Я получаю еще удар и оказываюсь на полу, не понимая, когда я успел упасть. В глазах стоят слезы, а он бьет меня ногами, и я не могу больше дышать, я блюю, меня всего колотит от шока, и кровь идет горлом. Я не хотел, штобы все было так... убей меня побыстрее, што ли...

– ...только, пожалуйста, побыстрее... – говорю я со стоном.

– Я не собираюсь тебя убивать, ебанный в рот! Ты не умрешь! ЕСЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ ЗАСТАВИТЬ МЕНЯ ТЕБЯ ПРИКОНЧИТЬ, ТЫ ПОКОЙНИК, БЛЯ... ТЫ, БЛЯДЬ...

Бегби на секунду застывает, а я нахожу в себе силы посмотреть вверх, и смотрю на него, и он вроде как собираетца рассмеятца, но потом кривитца и начинает орать:

– ПИДОР, БЛЯДЬ! МЫ, БЛЯ, НЕ СДАЕМСЯ! МЫ, БЛЯ, КРУТЫЕ! МЫ, БЛЯ, ИЗ ЛЕЙТА! ТАКОГО ДЕРЬМА МЫ НЕ ДЕЛАЕМ, ЕБАНЫЙ В РОТ! – Он почти плачет и потом спокойно говорит мне: – Ладно, Урод... не зли меня. – А потом его снова сносит с катушек. – Я, бля, понимаю, чего ты добиваешься! Я ПОНИМАЮ! ТЫ ПЫТАЕШЬСЯ МЕНЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ, ПИДОР ДРАНЬИ!

Мне удаетца приподнятца на локте, и я стараюсь обратца с мыслями.

– Да... я хочу умереть... Рентой отдал деньги мне, не тебе... тебя он кинул, а меня – нет. Он отдал мне деньги. А я их потратил, на наркоту.

Я не вижу выражения его лица, я вижу только кухонную лампу, но я чувствую, што он смотрит на меня.

– Ты... я понимаю, што ты пытаешься сделать...

– Я много бабок потратил, друг, – я улыбаюсь, несмотря на боль, – извини, дружище...

Франко морщитца, как будто я только што ударил его в живот, и я собираюсь сказать еще што-нибудь, но чувствую, што меня ударили по лицу, и слышу жуткий отвратительный хруст, судя по всему, он сломал мне челюсть. Боль ужасная, но скоро все кончитца. Потом я слышу его голос, он опять изменился, теперь Бегби как будто бы просит меня:

– У тебя же есть Элисон и ребенок! Што будет с ними, если ты сдохнешь, тварь эгоистичная!

Он снова бьет меня ногами, но я уже не чувствую этих ударов, потому што думаю о его словах... Элисон, маленький Энди... и я вспоминаю то лето, когда мы ездили на Побережье... Лейт... она в широком платье для беременных, и я глажу ее по животу и чувствую, как там шевелитца наш ребенок. И я говорю ей, я плачу от радости и говорю ей, што наш ребенок добьется всего, чего не добился я. И мы оба плачем. А потом – больница, откуда я их забирал. Ее улыбка, его первые шаги, и его первое слово, «папа»... и я вспоминаю все это и понимаю, што все-таки хочу жить. Франко прав, друг, он прав... я поднимаю руку и шепчу:

– Ты прав, Франко... ты прав. – У меня получаетца только стонать, но это искренние слова. – Спасибо, приятель... спасибо, што помог мне разобратца. Я хочу жить дальше...

Я не вижу лица Франко, только взвихренную темноту, я не вижу его лица глазами, но в сознании я его вижу, я представляю его себе. Лицо у него холодное и злое, и я слышу, как он говорит:

– Слишком поздно, мутила, тебе, бля, надо было подумать как следует, прежде чем пытатца меня использовать...

И он снова бьет меня ботинком.

И я пытаюсь сказать хоть што-то, но, кажетца, я отрубаясь, и ничего у меня не получаетца, и я уплываю... темно... холодно... потом меня бьют по щекам, и я прихожу в себя, и думаю, што я в больнице, но вижу перед собой лицо Франко.

– Просыпайся, ублюдок, я не хочу, штобы ты пропустил самое интересное! Потому што ты, бля, подохнешь, я тебя, бля, убью, но я буду делать все медленно и обстоятельно...

И он бьет меня кулаком в лицо, а я вижу только Али, которая улыбаетца мне, и своего сына, и думаю о том, как я буду скучать по ним, а потом я слышу крик Али.

– ДЭННИ! ЧТО ПРОИСХОДИТ... ЧТО ТЫ С НИМ ДЕЛАЕШЬ, ФРЕНК?

Она пришла сюда, вместе с ребенком, нет... а Бегби орет на нее:

– ДА ОН, БЛЯДЬ, БОЛЬНОЙ! УРОД ОТМОРОЖЕННЫЙ! Я ШТО, БЛЯ, ЕДИНСТВЕННЫЙ НОРМАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ЭТОМ ГОРОДЕ?!

И он уходит, выходит за дверь, а Али подбегает ко мне, садитца рядом и кладет мою голову себе на колени.

– Што случилось, Дэнни? Это из-за наркотиков? Я выплевываю кровь.

– Нет, просто во мнениях не сошлись... вот и все... – Я смотрю на своего сына, который испуганно подходит ко мне. – Это была просто игра, мы с дядей Франком чуть-чуть поиграли... просто поиграли.

Я пытаюсь поднять голову, я пытаюсь быть храбрым, для них, ради них, но у меня все болит, и все медленно начинает кружитца, и я теряю сознание, и проваливаюсь в какую-то крутящуюся черную дыру.

65. Афера № 18750

Я пью со своим старым приятелем и свежобретенным деловым партнером в Городском Кафе и сообщаю ему хорошие новости. Рентон, который явно набрал пару лишних килограммов, читает письмо, которое я ему отдал, потом переводит взгляд на меня. На лице у него читается явное благоговение.

– Не знаю, как тебе это удалось, Саймон.

– Я просто послал демокопию, – говорю я. Судя по его взгляду, он уверен, что тут явно не обошлось без Миза с его связями. Ну и ладно, пусть думает, что хочет.

Рентон пожимает плечами и расплывается в довольной улыбке.

– Ну что ж, пока что все было по-твоему, и получалось вполне неплохо, – говорит он, снова перечитывая письмо. – Полноценный показ на Каннском фестивале порнографического кино. Это круто, с какой стороны ни глянь.

В обычных условиях лесть – это лучший бальзам для эго, но когда этот бальзам льется из уст Рентона, невольно ловишь себя на том, что ожидаешь удара по почкам. Мы обсуждаем, как должен выглядеть наш сайт www.sevenrides.com и что мы там разместим. Однако моя основная цель – убедиться, что у нас есть продукт на продажу. Это значит, что кому-то придется сидеть на складе в Амстердаме и раскладывать кассеты по коробкам. И я знаю только одного человека, который вечно твердит, что у него масса дел в Даме.

Так что мы снова едем в Голландию, но сидеть целыми днями на складе и выполнять идиотскую работу – удовольствие очень сомнительное. Меня начинают мучить приступы клаустрофобии. По возвращении в Эдинбург я понимаю, что мне нужно хоть пару часов провести в Банях Порти, так что я скрепя сердце беру такси прямо до места. Рентой доезжает со мной до центра и неохотно отдает мне десятку.

И вот я сижу в теплой ванне с джакузи и думаю: вот чего мне не хватало в Лондоне последние десять лет. Да, именно, ванны в Банях Порти. Непосвященному не понять этого состояния полутранса, в которое ты погружаешься здесь. Сауна или турецкая баня – это совсем не то. Ни с чем не сравнимая старая школа, огромный резервуар в стиле Жюль Верна, со всеми этими циферками, клапанами и трубами. В общем, здесь замечательно.

Я думаю, что именно в таком блаженно-расслабленном состоянии и нужно сообщать людям хорошие новости, поэтому я вылезаю из ванны и, обмотавшись полотенцем, иду к шкафчику и достаю

мобильник. Ловит здесь хорошо, пусть даже и в помещении. Я звоню всем, кого могу вспомнить, и рассказываю им о том, что нас выбрали для показа в Каннах. Никки кричит от радости, Биррел от восторга не выражает, такое впечатление, что я сообщил ему, что десятилетний срок, который он только что получил, скостили на пару месяцев. Терри реагирует в своей обычной манере:

– Канны ждут. Французенки и прочие шикарные бабы.

Я отправляюсь в Лейт, нужно проверить, как там дела в пабе. Мне уже почти удастся проскользнуть к себе в кабинет, чтобы проверить почту «Бананацурри», но тут меня отлавливает Мораг. Ее безумные глаза под свеженькой перманентной завивкой заставляют меня застыть в удивлении.

– Мо. Ты подстриглась. Тебе идет, – улыбаюсь я.

Но Мо как-то не радуется, кажется, мои чары на нее не действуют.

– Да фиг с ней, с прической. Тут приходил человек из «Вечерних новостей». Спрашивал про тебя, спрашивал, знаю ли я, что на втором этаже снимаетца порнуха, и все такое.

– И что ты сказала?

– Я сказала, что я ни хрена не знаю, – отвечает она, качая головой.

Мораг нас не заложит, в этом я совершенно уверен.

– Спасибо, Мо. Чего, интересно, они до нас докопались? Если этот урод придет еще раз, скажи мне. Я пристрелю его, а потом сожгу его дом. – Я выплевываю эту фразу прямо в ее изумленное лицо.

И я почти уже собираюсь сбежать наверх, но тут эта старая корова опять начинает ныть:

– Ты должен больше мне помогать, Саймон, я одна не справляюсь. Али поехала в больницу, с ее мужиком что-то случилось.

– С кем, с Уродом?!

– Ага.

– А что случилось?

– Не знаю, но дела, кажись, совсем хреновы.

– Ладно, дай мне пять, – говорю я, ощущая странное беспокойство по поводу Мерфи. То есть мы уже, разумеется, не лучшие кореша, но я все равно не желаю ему зла. Я поднимаюсь по лестнице, помахав Мо рукой.

– Нужно почту проверить.

– Пола вернулась из Испании, спрашивает, как дела. Я говорю ей, што все нормально, но она моя подруга, и я не буду тебя прикрывать перед ней, Саймон. Я не буду врать Поле.

Я резко замираю на месте.

– Ты о чем?

– Ну, этот мистер Крессвелл с пивоваренного завода, приятный человек, говорит, што ты не заплатил ему за прошлую неделю. Я сказала ему, што ты вернешься и все прояснишь.

Я обдумываю услышанное и только потом отвечаю Мо:

– Крессвелл – паникер, корпоративный человек. Он не понимает, что бизнес базируется на кредитах и движении наличности. Он просто сидит в своем замечательном офисе в Фаунтенбридж и делает вид, что он прекрасно разбирается в бизнесе. Если он проведет один день в забое, у него не выдержит сердце. Я с ним поговорю, – пафосно заявляю я и поднимаюсь-таки в офис, чтобы проверить почту до открытия бара.

Я созываю общий сбор, вечером, в пабе. Хер знает, зачем мне это надо, может быть, чтобы они не расслаблялись. Я временно вывожу из игры Форрестера, если они с Рентоном вновь окажутся в одном помещении, могут возникнуть проблемы. Разумеется, Рентой не приезжает. Вваливаются Рэб и Терри, который прямо с порога начинает просить денег. Бля, свихнулись все, что ли, на этих бабках. Они меня за кого принимают? Это все сука Рентой, бля буду, небось всех обзвонил и проебал всем мозги.

– Извини, Тер, временные финансовые трудности, короче говоря, бабок нет и не будет.

– То есть вот так вот, за все, што я сделал, я ни хера не получу?

– Ты не получаешь процентов от прибыли, Терри, – объясняю я. – Тебе заплатили как актеру, точнее – как ебарю. А я разруливал все остальное.

– Ну-ну, – говорит он с усмешкой, от которой мне становится не по себе. – Значит так вот все, ладно.

С Терри приятно работать. На определенном этапе. Из-за его не слабеющего энтузиазма. Отсутствие амбиций означает, что он никогда не сделает карьеру в этой индустрии. Ты из кожи вон ле-

зешь, чтобы дать им возможность расти и учиться. А все остальное зависит только от них. Но он хорошо это понял. Слишком хорошо.

– У нас проблема. Мы все не сможем поехать в Канны, слишком дорого получается. Так что еду я, Никки, Мел и Кертис. Наши таланты. А, и еще Рентой. Он нужен мне для решения деловых вопросов. Остальные? Остальные в полете.

– Я в любом случае не смог бы поехать, – заявляет Рэб. – У меня ребенок, учеба и все такое.

Терри резко встает и идет к выходу.

– Тез, – кричу я ему вдогонку.

Он оборачивается ко мне и говорит:

– Какого хуя мне тут делать, если бабок мне не платят и в Канны я тоже не еду? – Честно говоря, я не могу так вот с ходу придумать ни одной причины, поэтому молчу, а он продолжает: – Не хер тратить зря время. Я еду в больницу навестить Урода, – и он уходит.

– Я тоже... того, – говорит Рэб, встает и идет за ним. Я задумываюсь над этим и прихожу к выводу, что, поскольку Рэб не знает Урода, он просто уходит, а не собирается кого-то там навещать.

В этот момент входит Никки и извиняется за опоздание. Она смотрит, как эти двое уходят. Я поворачиваюсь к ней.

– Ну и пусть катятся на хер. Они нам уже не нужны, да и не были нужны никогда. Нельзя позволять хвосту вилять собакой, и я устал потакать их мании величия.

Крейг явно напрягается, Урсула смеется, Ронни улыбается. Никки, Джина и Мел смотрят на меня в ожидании продолжения.

– Когда мы начнем получать прибыль с продаж, мы будем делить ее на всех, – объясняю я. – Понятно? Я не могу дать вам денег, если у меня у самого их нету!

Остальные вроде бы успокаиваются, но Никки все еще недовольна. Судя по всему, ей не нравится, как я обошелся с Рэбом и Терри. Я напрягаюсь, потому что начинаю ее презирать, а это само по себе ужасно, потому что я влюблен в эту женщину. Теперь она чувствует, что что-то не так, и говорит мне, что думает уходить из сауны, и я говорю ей, что это хорошая мысль, потому что подобные заведения держат одни слизняки. Мне интересно, решится ли она попросить у меня денег. В конечном итоге она отправляется на работу, а я назначаю ей свидание.

Так, судя по всему, в наших рядах воцарились разброд и шатание, но я не могу позволить себе переживать из-за всяких мелких мошенников вроде Терри. Я иду к себе в кабинет, занюхиваю приличную дозу, и тут мне звонит пидарас из газеты.

– Могу я поговорить с Саймоном Уильямсоном?

– Мистера Уильямсона в данный момент нет на месте, – говорю я ему. – Кажется, он сейчас в Джеке Кейне... или, может быть, в Портобелло.

– И когда он вернется?

– Не знаю, честно сказать. В последнее время мистер Уильямсон очень занят.

– А с кем я разговариваю?

– Я мистер Френсис Бегби.

– Хорошо, если мистер Уильямсон появится, передайте ему, чтобы он со мной связался.

– Я оставлю ему записку, но Саймон все время гуляет сам по себе, – говорю я своему собеседнику, одновременно сворачивая купюру в пятьдесят фунтов, чтобы занюхать очередную дорогу.

– Пожалуйста, убедитесь, что он прочтет вашу записку. Это важно. Мне нужно прояснить некоторые моменты, – говорит этот пафосный урод.

– Можешь у меня отсосать, – говорю я ему, бросая трубку, потому что мне как раз вставляет. Я разворачиваю купюру и люблюсь на нее. Деньги дают тебе роскошь не думать о деньгах. Может быть, это вульгарно и грубо, но посмотрим, как это будет вульгарно и грубо, когда ты окажешься на мели.

Но я не о том. Нас ждут великие дела. Нас ждут Канны.

66. Шлюхи из города Амстердама (Часть 9)

Хватит с меня высоких отношений. Да, я снова вернулся в Дам, на этот раз – в новом амплуа. Потому что Псих опять что-то задумал.

Мы сидим на мерзком, холодном складе в Лейланде, на окраине города, и распихиваем по коробкам кассеты. Склад принадлежит Мизу, и это полнейший отстой, кучи всякого хлама возвышают-

ся аж до самого потолка. Тошнотворные люминесцентные лампы прикреплены к алюминиевым панелям, закрепленным, в свою очередь, на проржавевших каркасах. Я пытаюсь прикинуть в уме, какова будет прибыль: $2000 \times 10 \text{ фунтов} / 2 = 10\,000 \text{ фунтов}$, но это будет не быстро, и Псих начинает ныть. Я уже успел позабыть о потрясающей способности этого человека жаловаться на жизнь и высказывать вслух претензии, которые по большому счету полная херня и которые стоило бы держать при себе. Но даже это нытье все-таки лучше молчаливых раздумий, от которых, кажется, самый воздух становится густым, как деготь. Понятно, что он считает, будто этот расклад для него – недостаточно круто, но он забыл одну важную вещь: если он ноет и плачется, все его жалобы и стенания меня только радуют. Из серии: когда тебе плохо, мне хорошо.

– Нам не хватает рабочих рук, Рент, – говорит он, барабанив по пустой коробке. – Где эта твоя пташка, Краут? Судя по всему, с появлением Дианы она позаброшена-позабыта?

Я продолжаю работать, памятуя свой старый принцип: Псих и твоя личная жизнь – две вещи несовместимые. И в этот раз он не сделал ничего, чтобы меня переубедить.

– Не твое дело. Сиди, пакуй и не выебывайся, – говорю я ему и думаю про себя, а правда, где она в самом деле; я продолжаю надеяться. Я опускаю голову ниже, чтобы он не прочел эту надежду в моих глазах.

Я прямо чувствую, как на меня светят эти огромные лампы.

– Будь осторожен с этой Дианой, возобновление старых связей и все такое, – говорит он. – У нас, в Италии, есть хорошее выражение про разогретый суп. Он никогда не бывает по-настоящему вкусным. Подогретая капуста. *Minestra riscaldata!*

Мне очень хочется вьебать этому мудаку по морде. Но вместо этого я ему улыбаюсь.

Потом он как будто о чем-то задумывается и наконец кивает, вроде как с одобрением.

– Ну, по крайней мере у нее правильный возраст. Никогда не встречайся с бабами за тридцатник. Это желчные и язвительные коровы с давно установленной программой. На самом деле лучше всего, если бабе меньше двадцати шести. Но только не молоденькие нимфетки, они какие-то недоделанные и быстро надоедают. Нет, с двадцати до двадцати пяти – вот самый правильный возраст для женщины, – говорит он и начинает швыряться в меня хламом из своего заглазника предпочтений. Я получаю все старые экземпляры: кино, музыка, Алекс Миллер, Шон Коннери, – и парочку новых: бабы с «химией», в смысле, завивка такая, шлюхи на крэке, Алекс МакЛейш, Фрэнк Сузи, телеведущие, кино про наркоту.

Он все говорит и говорит, но меня это мало волнует. Я мог бы, к примеру, ответить что-нибудь вроде: по сравнению с «Солярисом» «2001-й» сосет, а потом долго выслушивать, как он будет с пеной у рта доказывать мне обратное. Опять же я могу подождать, пока он сам это скажет, и начать отстаивать противоположную точку зрения. И мы смотрим друг на друга с таким вызовом во взглядах, как будто согласие между нами, даже если бы мы и вправду сошлись во мнениях, приравнивалось бы к занесению нас в ряды латентных гомиков. Правда, меня это тоже не очень ебет, причем не ебет настолько, что мне даже лень сообщать ему об этом.

Я засовываю очередную бумажку с задницей Никки в коробку и понимаю, что у меня тихо едет крыша. У Никки просто отличная задница, без сомнения, но когда ты засовываешь ее изображение в трехсотую по счету коробку, она как-то теряет свою привлекательность. Может быть, порнографические картинки действуют только при однократном просмотре, может быть, по накоплении критической массы они снижают твою чувствительность и ослабляют сексуальное влечение? А Псих продолжает гнать: планы, предательства, тонкий и ранимый человек, окруженный торчками, работягами, подонками, неудачниками, шлюхами и бабами, которые понятия не имеют, как правильно одеваться.

Я мычу в знак согласия. Но тут Псих начинает трясти меня и орать:

– Рентой! Ты чего, бля, совсем Ли Ван?

Я слегка задзабыл рифмованный сленг Лейта и не в курсе последних нововведений, поэтому до меня доходит не сразу. – Нет.

– Тогда, бля, слушай, придурок! Охуенная маза! – Что?

– Я сказал, что хочу выпить чаю из чашки тонкостенного фарфора, – говорит он. Он понимает, что наконец привлек к себе мое внимание, потому что я ни хера не понимаю, о чем он говорит. Потом он озирается по сторонам и все же снисходит до объяснений.

– Нет, на самом деле я хочу выпить чай в той среде, где это как культ, все эти церемонии, вся херня. – Он поднимает кружку с эмблемой «Аякса». – А тонкостенный фарфор – это такая метафора, – говорит он и вдруг бросает коробку от видеокассеты и резко встает. Кадык у него ходит ходу-

ном, как поросенок в желудке у змеи.

Потом он швыряет кружкой об стену, и я вздрагиваю, когда она разлетается на куски.

– Ты что, охуел, это же чашка Миза, – говорю я.

– Прости, Марк, – кротко отвечает он, – это все нервы. Слишком много кокса в последнее время. Надо бы взять себя в руки.

Мне никогда особо не нравился кокс, но очень многие, кого я знаю, тоже его не любят, но тем не менее продолжают загонять его себе в носоглотку. Просто потому, что он есть. Люди пихают в себя всякое дерьмо, которое причиняет им кучу вреда, лишь потому, что они могут себе это позволить. Наивно было бы думать, что наркотики можно как-то изъять из современного общества потребителей. Тем более что в качестве продукта они помогают определить, из кого это самое общество состоит.

Проходит еще два напряженных, тошнотворных часа, и мы наконец заканчиваем свою не в рот ебаться важную работу. У меня все руки в мозолях, пальцы болят, запястья ноют. Я смотрю на стопку видеокассет, что возвышается перед нами. Ну да, теперь у нас есть «продукт», как любит называть это Саймон, готовый для распространения в Каннах. Я до сих пор не могу поверить, что он пробил нам участие в Каннском фестивале. Не в самом Каннском кинофестивале, разумеется, а в фестивале порнофильмов, который проходит параллельно с основным. Я слышу это каждый раз, когда он разговаривает по телефону с очередной бабой, иногда мне кажется, что ничем другим он вообще не занимается, и это действует мне на нервы.

– Это таки да кинофестиваль. И он таки да проходит в Каннах. Так в чем проблема, бля?

Я просто счастлив свалить наконец с этого склада и вернуться в город. В этот раз мы решили шикануть и поселились в Американском Отеле на Лейдсеплейн. Я пару раз пил в местном баре, но никогда, никогда не думал, что мне доведется здесь поселиться. Мы сидим в баре и платим за напитки бешеные бабки. Но мы можем себе это позволить. Да, теперь можем.

67. Футбол на Скай¹⁹

Я жду, когда вернетца Кейт с ребятенком, штобы она, бля, сделала мне чаю, прежде чем я пойду в этот драный паб смотреть футбол. Ей бы, бля, лучше поторопитца, потому што время-то тикает. И вот я, нах, сижу, пялюсь в этот огромный телик, я теперь его вообще не выключаю. Можно, конечно, и этот мудацкий ящик переключить на Скай, но сегодня я буду смотреть игру в пабе. Мне там атмосфера нравитца.

Я все думаю о Пасхе и об этом животном, бля. Это было сто лет назад, и вроде как даже все говорили об этом деле, но обычная в таких случаях шняга: кто-нибудь видел группу молодых людей, выходящих из паба... и бла-бла-бла. Хорошее время, штобы кого-нибудь замочить, всенародный, бля, праздник. Людям есть о чем думать, кроме как о каком-то там трупаче. Иногда мне кажетца, што было бы очень неплохо опять повидатца с Чарли и двумя этими старыми пердунами, штобы убедитца, што они там ничего лишнего не напиздели.

Потому што я сделал этот мир чище, бля, потому што такие твари должны подыхать, они не заслуживают того, чтобы жить, так мне кажетца. Да. Полиция, если бы у них там была возможность говорить начистоту, сказала бы вам то же самое. Я согласен с этой газетой, как ее, «Новости со всего мира». Только скажите нам, где живут эти ублюдки, и мы уничтожим их всех. Сразу решим эту проблему, бля, раз и навсегда. Как с этим психованным Мерфи... приятель, бля, называетца... как и с Рентоном... этому пидору я ваще вырву сердце и еще помочусь в дырку, которая получитца.

Вот так. А потом начинаешь переживать. Волноватца, што ты превращаешься в одного из них. Психи гребаные, как в Америке. Так они говорят.

А потом смотришь книгу, эту мудацкую Библию, стало быть. В тюрьме этого было навалом. Понятия не имею, какой мудак вообще может читать это дерьмо, иже еси, сие есть хорошо, бля, там даже язык какой-то завернутый, да. Но мне говорили, што если типа по Библии, так Господь Бог создал человека по своему образу и подобию. Так што я так понимаю, што не пыатца стать Богом – это получаетца охуительная ошибка, мне опять же так кажетца. Так што все правильно, я Господа Бога изображал, когда убил этого извращенца. Ну и хуйли?

Я щелкаю пультом, но по этому блядскому телевизору везде показывают одно и то же: извра-

19 Смысл существования (фр.). – Примеч. пер.

щенцы, педофилы, пидоры, куча всякого дерьма. Какой-то ублюдочный пидор-психолог говорит, што они все тоже когда-то подверглись насилию, поэтому все так и получаетца. Дерьмище. Насилию, блядь, подвергаетца хренова туча народу, но не все они становятся мудаками. Так што можно вообще сказать, што я типа сделал ему хорошо, этому пидору, потому што иначе он бы еще хренову тучу раз подвергся насилию, тюрюга там, и все такое. Так што куда ни глянь, со всех сторон получаетца, што все правильно сделал.

От сидения дома у меня едет крыша, и хрен знает, куда подевалась эта баба притыренная, так што я выхожу на улицу, штобы купить газету. На улице холодно, блядь, так што я быстренько возвращаюсь с газетой домой. Обычное дерьмо, но тут я вижу одну статью, и...

ПИЗДЕЦ

У меня сердце заходитца, потому што я читаю следующее:

НОВЫЕ ПОДРОБНОСТИ ОХОТЫ ЗА ГОРОДСКИМ УБИЙЦЕЙ

Полиция все еще ищет улики по делу об убийстве жителя нашего города, произошедшем в общественном заведении Лейта. Полицейские заявили, что они получили анонимный звонок от человека, который поделился с ними «интересной» информацией. Они просят звонившего связаться с ними. В четверг, перед пасхальными праздниками, житель Эдинбурга Гари Чизхолм (38) был найден мертвым на полу в одном из пабов Лейта. Владелец этого паба Чарли Винтере (52) находился внизу, менял бочки в подвале, когда услышал крики, доносившиеся из бара. Он побежал наверх и увидел мистера Чизхолма, который лежал на полу с перерезанным горлом, и двух молодых людей в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет, которые убежали с места происшествия. Он попытался помочь мистеру Чизхолму, но было уже слишком поздно.

По поводу новой информации следователь Дуглас Гиллман заявил следующее: «Да, мы получили дополнительную информацию по этому делу, однако мы не знаем, будет она нам полезной или же наоборот. Мы просим мужчину, который нам звонил, связаться с нами».

Между тем скорбящие родственники жертвы пытаются привлечь к расследованию этого дела как можно больше представителей общественности. Его сестра, миссис Дженис Ньюман, сказала: «Гари был замечательным человеком, он был просто святым. Я не понимаю, как может кто-то прикрывать монстра, который убил моего брата».

Если у вас есть информация, касающаяся этого преступления, наш контактный номер 0131-989-7173.

Дерьмо какое. Это первое, што мне сказали в тюрюге: если полиция делает что-то подобное, значит, они в тупике и таким образом пытается привлечь внимание к делу. Потом я думаю про этого пидора, Второго Приза, – я его уже хер знает сколько времени не видел и не слышал. Алкаш сраный, дерьмо недоделанное, еще один так называемый друг...

ЕБАТЬ БОГА В ДУШУ

Я не верю во все это религиозное дерьмище, от этих ублюдков еще больше проблем, чем от извращенцев, а в Ирландии так и вообще. Давно доказано, што все священники – те же самые извращенцы и все такое, так што если задуматься над всем этим, получаетца любопытная картинка. Мерфи – покойник. Вот основная проблема некоторых уродов: они никогда не думают головой, прежде чем што-то делать. Мозгов у них нет ни хуя.

Приходит Кейт, она делает мне чай и укладывает ребенка, а потом идет в ванную мыть голову. Теперь она ее сушит. Я ни хуя не понимаю, зачем ей проделывать всю эту поебень с волосами, если она остаетца дома. Может быть, это она к утру готовитца, для работы, в этом своем сраном магазине одежды. Бля буду, есть какой-нибудь пидор, который работает там же или в каком-нить еще магазине поблизости, какой-нибудь пидор, который положил на нее глаз. Такой смазливый мальчишечка, типа нашего Психа, у таких обычно никакой совести ни хуя нет, они просто пользуют женщин и все.

Если только она не положит глаз на такого, как он. Что заставляет меня задуматца.

– Ты помнишь, што у нас было, когда мы с тобой познакомились? – спрашиваю я.

Она смотрит на меня и выключает фен.

– Ты о чем? – говорит она.

– Ну, когда мы в первый раз занимались сексом и все такое?

Теперь она смотрит на меня так, как будто до нее наконец доперло, о чем я говорю. То есть она думает об этом и все такое.

– Это было сто лет назад, Френк. Ты тогда только вышел из тюрьмы. Это не имеет значения, – говорит она, слегка поморщившись.

– Теперь не имеет. Зато имеет значение другое – знает ли про это еще кто-нибудь? Ты ведь никому ничего не рассказывала, а?

Она закуривает сигарету.

– Нет.

– Даже этой сучке Эвелин? – уточняю я. И прежде чем она успевает ответить, я говорю: – Потому что я знаю, что бывает, когда бабы собираются вместе. Они начинают трепаться. Так ведь?

И вот тут она задумывается как следует. Ей бы лучше мне не врать, бля, ради ее же блага.

– Нет, об этом я никому не рассказывала, Френк. Это личное, да и случилось все это давным-давно. Я и думать об этом забыла.

Ага, она, значит, об этом не думает. Она думать забыла о том, что провела две недели с парнем, который даже выебать ее не мог как следует. Хуя с два она об этом не думает.

– Значит, вы, бля, об этом не говорите, ты и эта блядь Эвелин и эта еще, с волосами, как, бля, ее зовут...

– Рона, – говорит она.

– Ну да, бля, Рона. Ты что, хочешь сказать, что вы об этом не говорите? О своих мужиках и все такое?

Глаза у нее становятся большие и испуганные. Интересно, бля, чего это она так боится?

– Ну да, говорим, – отвечает она. – Но не о таком...

– Не о каком?

– Ну, не обо всяких интимных вещах, о том, что происходит в постели.

Я пристально смотрю ей в глаза.

– Значит, ты не разговариваешь со своими подругами о том, что у нас с тобой происходит в койке?

– Разумеется, нет... а что такое Фрэнк? Что случилось? – спрашивает она.

Я тебе, бля, сейчас расскажу, что случилось.

– Ладно, а что по поводу того раза, когда мы всей когдой сидели в «Черном лебеде», помнишь? Там еще Эвелин была, и эта, с волосами, как, ты сказала, ее зовут?

– Рона, – говорит она, явно нервничая. – Но Френк... Я щелкаю пальцами.

– Рона, ну да, бля. Так, теперь помнишь того урода, с которым ты была до меня, которого я тогда отпиздил в городе? – спрашиваю я, глаза у нее становятся, словно два блюдца. – Я помню, мы тогда в «Черном лебеде» были, и ты сказала, что он все равно был полным дерьмом в постели, ведь ты так тогда сказала, помнишь?

– Френк, это глупо...

Я показываю на нее пальцем.

– Отвечай на вопрос, бля! Ты это говорила или не говорила?

– Ну да... но я сказала так, потому что... я была рада, что мы расстались... я была рада, потому что у меня появился ты!

Рада, что у нее появился я. Рада была расстаться с этим пидором.

– Так, значит, ты это просто так сказала, ради красного словца. Чтобы произвести впечатление на своих недобанных подруг.

– Нуда! – Она торжествует, ей кажется, что она наконец сорвалась с крючка.

Она не понимает, что таким образом она только что загнала себя еще глубже в это дерьмо. Все эти драные бляди просто не умеют держать язык за зубами, и поэтому вляпываются по самые уши.

– Так. Значит, это было вранье, и он не был дерьмом в постели. Он был просто великолепен. Он был, бля, куда лучше меня. Так, что ли?

Она почти плачет.

– Да нет, нет, я имею в виду... не важно, какой он был в постели, я сказала это только потому, что я его ненавижу... потому что я была рада избавиться от него. Не важно, хорош он был в постели или нет.

В ответ на это я только улыбаюсь.

– Значит, ты это сказала только потому, што у вас все закончилось.

– Ну да.

Она порет херню. Это ей не поможет.

– А што случитца, если мы с тобой разбежимся? Если у нас все закончится? Ты начнешь говорить то же самое про меня, во всех кабаках по всему Лейту? Так, што ли?

– Нет... нет... все не так... Я ее предупредил, бля: Што... ну, понимаетца, не рассказывала. Это только между нами. Кому какое дело.

– Правильно, – говорю я. – То есть ты никому ничего не говорила?

– Нет.

– Даже этой сучке Эвелин? – уточняю я. И прежде чем она успевает ответить, я говорю: – Потому што я знаю, што бывает, когда бабы собираютца вместе. Они начинают трепатца. Так ведь?

И вот тут она задумывается как следует. Ей бы лучше мне не врать, бля, ради ее же блага.

– Нет, об этом я никому не рассказывала, Френк. Это личное, да и случилось все это давным-давно. Я и думать об этом забыла.

Ага, она, значит, об этом не думает. Она думать забыла о том, што провела две недели с парнем, который даже выебать ее не мог как следует. Хуя с два она об этом не думает.

– Значит, вы, бля, об этом не говорите, ты и эта блядь Эвелин и эта еще, с волосами, как, бля, ее зовут...

– Рона, – говорит она.

– Ну да, бля, Рона. Ты што, хочешь сказать, што вы об этом не говорите? О своих мужиках и все такое?

Глаза у нее становятца большие и испуганные. Интересно, бля, чего это она так боитца?

– Ну да, говорим, – отвечает она. – Но не о таком...

– Не о каком?

– Ну, не обо всяких интимных вещах, о том, што происходит в постели.

Я пристально смотрю ей в глаза.

– Значит, ты не разговариваешь со своими подругами о том, што у нас с тобой происходит в койке?

– Разумеетца, нет... а што такое Фрэнк? Што случилось? – спрашивает она.

Я тебе, бля, сейчас расскажу, што случилось.

– Ладно, а што по поводу того раза, когда мы всей кодлой сидели в «Черном лебеде», помнишь? Там еще Эвелин была, и эта, с волосами, как, ты сказала, ее зовут?

– Рона, – говорит она, явно нервничая. – Но Френк... Я щелкаю пальцами.

– Рона, ну да, бля. Так, теперь помнишь того урода, с которым ты была до меня, которого я тогда отпиздил в городе? – спрашиваю я, глаза у нее становятца, словно два блюдца. – Я помню, мы тогда в «Черном лебеде» были, и ты сказала, што он все равно был полным дерьмом в постели, ведь ты так тогда сказала, помнишь?

– Френк, это глупо...

Я показываю на нее пальцем.

– Отвечай на вопрос, бля! Ты это говорила или не говорила?

– Ну да... но я сказала так, потому што... я была рада, што мы расстались... я была рада, потому што у меня появился ты!

Рада, што у нее появился я. Рада была расстатца с этим пидором.

– Так, значит, ты это просто так сказала, ради красного словца. Штобы произвести впечатление на своих недоебанных подруг.

– Нуда! – Она торжествует, ей кажетца, што она наконец сорвалась с крючка.

Она не понимает, што таким образом она только што загнала себя еще глубже в это дерьмо. Все эти драные бляди просто не умеют держать язык за зубами, и поэтому вляпываютца по самые уши.

– Так. Значит, это было вранье, и он не был дерьмом в постели. Он был просто великолепен. Он был, бля, куда лучше меня. Так, што ли?

Она почти плачет.

– Да нет, нет, я имею в виду... не важно, какой он был в постели, я сказала это только потому, што я его ненавижу... потому што я была рада избавитца от него. Не важно, хорош он был в постели или нет.

В ответ на это я только улыбаюсь.

– Значит, ты это сказала только потому, што у вас все закончилось.

– Ну да.

Она порет херню. Это ей не поможет.

– А што случитца, если мы с тобой разбежимся? Если у нас все закончится? Ты начнешь говорить то же самое про меня, во всех кабаках по всему Лейту? Так, што ли?

– Нет... нет... все не так... Я ее предупредил, бля:

– Вот и славненько! Потому што, если ты хотя бы словом об этом обмолвишься, от тебя ничего не останетца. Вообще ничего, даже мокрого места, бля!

Она смотрит в сторону детской, потом опять поворачиваетца ко мне. И начинает реветь. Она что себе думает?! Што я собираюсь што-то такое сделать с ее блядским ребенком, как будто б я, бля, извращенец какой-то?!

– Слушай, – говорю я. – Не плачь, Кейт, перестань... слушай, я не хотел тебя обидеть. – Я подхожу к ней и обнимаю. – Просто понимаешь, есть очень много людей, которые меня ненавидят. И эти пидоры всякое про меня болтают, за моей спиной... всякое дерьмо... и посылают мне всякое дерьмо... по почте... не надо давать им оружие, понимаешь... вот я о чем говорю, бля... просто не надо давать им оружие, которое они смогут использовать против меня...

Она прижимаетца ко мне и говорит:

– От меня никто не услышит про тебя ничего плохого, Френк, потому што ты хорошо ко мне относишься и не бьешь меня, но, пожалуйста, не заставляй меня тебя боятца, как сегодня, Френк, потому што он то же самое делал, а я так не могу, Френк... ты ведь совсем не такой, как он, Френк... он был полным дерьмом...

Я сажусь и прижимаю ее голову к своей груди:

– Все хорошо, – говорю я и думаю: ты меня очень плохо знаешь, подруга, очень плохо. Я чувствую, што у меня начинает болеть голова, и сердце опять колотитца, как бешеное. Я думаю про них, про всех этих пидоров: Второй Приз, который ваше не умеет держать язык за зубами, Лексо, этот урод Рентой и блядский псих Мерфи. Да, этому мудаку просто повезло, што я не успел закончить начатое. Но еще не все потеряно. В смысле, у меня еще будет время с ним разобратца. Он пытался меня подставить, блядь! Это образ мышления настоящего извращенца. Нет, блядь, ему повезло. Просто повезло.

И этот пидор, похоже, все знает про Чиззи, и все такое. И уж я выясню, откуда он все это знает, и выбью из него это дерьмо. Может быть, это его спасет.

Если его што-то может спасти.

Нет, бля, в тюрюгу я не вернусь, иначе это будет уже полный пиздец. Мне нужно быть поосторожнее. Похоже, што здесь каждый пидор все про меня знает, и хотя я сам понимаю, што это только мое воображение, мне кажетца, што они подбираютца ко мне все ближе и ближе. И я глажу Кейт по волосам, но я все равно какой-то напряженный, мне надо срочно отсюда свалить, иначе я за себя не ручаюсь, бля. Так што я встаю и говорю ей, што я иду в бар смотреть футбол.

– Ладно, – говорит она и смотрит на телевизор, как бы давая мне понять, што я могу посмотреть футбол и дома.

Я киваю в сторону телика.

– Я лучше в пабе игру посмотрю, со своими ребятами. Типа нужна соответствующая атмосфера.

Она задумываетца на пару секунд, а потом говорит:

– Да, Фрэнк, сходи, это будет тебе на пользу. Тебе надо куда-нибудь выбиратца, а не сидеть в кресле целыми днями.

Я пытаюсь понять, што она имеет в виду. Может быть, ей подозрительно, што я все время торчу дома. А мне надо куда-нибудь выбиратца. Бля, да она просто хочет избавитца от меня на сегодняшний вечер. Она сама не сможет никуда уйти, у нее ребенок, но она может пригласить к себе какое-нибудь чмо.

– А ты чего? Дома будешь сидеть?

– Ну да.

– И никто сюда не придет? Никакая блядская Рона?

– Нет.

– И Мелани тут ошиватца не будет? Она все время шляетца по Лейту.

– Нет, я просто книжку читаю, – говорит она, показывая мне книгу.

Книжку она почитает, блядь. Дерьмо это все, просто промывка мозгов.

– Значит, тут никого не будет? – Неа.

– Ладно, тогда я пошел. – Я надеваю пиджак и выхожу на холод. Главное, чтобы никакой пидор сюда не приперся в мое отсутствие. Пидор вроде того же Психа, я знаю, што творитца в голове у таких, как он. Он может сказать той же Мелани, у тебя, типа, наверное, много подружек, которых можно выебать и заснять это на пленку...

БЛЯДЬ.

Я со злости пинаю стенку.

Этот пидор знает, што будет, если он попробует сделать што-нибудь в этом роде.

По пути в бар я вижу Джун, она идет по Бульвару, и я перехожу дорогу, чтобы с ней поговорить. Я объясню этой дуре, в чем дело, наглая тварь, я бы с ней на одном поле срать не сел. Я просто хочу объяснить ей, што это все Мерфи и Псих, што я тут ни при чем, бля, што все просто перепуталось, но эта тварь разворачиваетца и убегает! Я кричу ей, чтобы она остановилась, потому што мне надо ей все объяснить, но она убегает. Да пошла она в жопу, блядь!

Я достаю мобилу и напоминаю народу, чтобы они подтягивались в бар, Нелли и Ларри, потому што я знаю, што Малки уже там, опять бухает по-черному. Малки, алкаш хренов. Ну конечно, он уже там, да и Ларри с Нелли не отстают. Вся херня в том, што здесь меня пробивает на те же измены. Мне кажетца, што все смотрят на меня и думают: «Да, я знаю, што ты собой представляешь, урод». И мы, бля, говорим о друзьях, точнее, так называемых, мать их, друзьях.

Мы смотрим футбол по Скаю, «Хибсы» сегодня в ударе. Хорошая игра, да, впрочем, на Скае они всегда хорошо играют. Дзителли вообще забивает гол головой. Три один, все просто.

Все, бля, как сговорились, пиздят только про этого зверя. А я, бля, сижу молчу, и мне очень хочетца, чтобы они уже сменили тему, хотя, с другой стороны, мне это нравится.

– Я думаю, это был кто-то из мелких, – говорит Малки. – Наверное, этот ублюдок когда-то кого-то из них домогался или што-то такое, давно, когда тот был еще совсем пацаном, а вот теперь он, значит, вырос, и вот такая херня получаетца. Получай, извращенец хуев!

– Может быть, – говорю я, глядя на Ларри, который весь расплылся в идиотской ухмылке. Хуй знает, чего это он так радуется.

Теперь этот пидор затеял рассказывать анекдот.

– Бакалейщик в Файфе, ну, стоит он в своем магазине, а на улице охренительно холодно, и он стоит рядом с грилем. Входит баба, смотрит на прилавок и спрашивает его: это што, ваш эрширский бекон? А бакалейщик смотрит на нее и говорит: нет, это я просто руки грею.

Я никогда ни хера не понимал чувство юмора этого идиота. Смеетца только Малки.

Нелли поворачиваетца и говорит:

– Знаете, если бы я встретил парня, который грохнул эту тварь, я бы ему пивом проставился, не задумываясь.

Забавно, после того как он это говорит, мне хочетца заорать: ну што, бля, суй руку в карман и гони бабки, потому што я здесь, бля. – Но я молчу, друзья или не друзья, но чем меньше народу в курсе, тем лучше. Я все думаю про Второго Приза. Если он развязался с выпивкой и начал пиздеть не в тему... Ларри по-прежнему лыбитца, меня это напрягает, так что я прусь в сортир и занюхиваю там хорошую такую дорогу.

Я возвращаюсь и сажусь на свое место, а эти пидоры уже взяли себе по второй пинте. Малки показывает на полную кружку.

– Это твоя, Френк.

Я киваю ему и делаю глоток, глядя поверх кружки на Ларри, который пялитца на меня, и на морде у него все та же кретинская ухмылка.

– Ты какого хера уставился? – интересуюсь я. Он пожимает плечами.

– Да так просто.

Ну да, бля, просто сидит и пялитца на меня, как будто он знает все, што творитца у меня в голове. Нелли это тоже замечает, когда я под столом передаю ему наркоту.

– Чего происходит? – спрашивает он. Я киваю на Ларри.

– Это урод сидит тут и пялитца на меня, и морда у него при этом дебильная. Смотрит на меня, как будто бы я тоже дебил какой-то, – говорю я.

Ларри трясет головой, поднимает руки и говорит:

– Чего такое?

А у Нелли стекленеют глаза. Малки оборачиваетца и смотрит на стойку. Там квасят Сэнди Рэ и Томми Фолдс, и еще какие-то малолетние уроды играют в бильярд.

– Так што ты там говорил, Ларри? – спрашиваю я.

– Да ничего я не говорил, Франко, – говорит Ларри, строя из себя святую невинность. – Я просто думаю о том голе, – и он кивает на экран у меня за спиной, где показывают повторы моментов из последней игры.

И я думаю, ладно, пока што спущу ему это с рук, просто этому пидору надо бы поменьше выебыватца.

– Ладно, только больше не надо пялитца на меня с этой дурацкой улыбочкой, словно ты пидор какой-то. Если хочешь мне што-то сказать, скажи прямо.

Ларри пожимает плечами и отворачиваетца, а Нелли идет в сортир. Наркота, кстати, хорошая – лучшее, што было у Сэнди. Мне он всегда только самое лучшее предлагает. Потому что он знает: лучше продать мне нормальный товар, чем потом получить пизды.

– А твой приятель, Псих, высоко метит, а, Франко? Порнуху снимает, и все такое, – ухмыляетца Ларри.

– Не упоминай при мне этого пидора. У него там есть парочка блядей, которых он пялит на втором этаже у себя в пабе, и теперь почему-то решил, будто он охуительно крутой голливудский продюсер. Типа этого сраного Стивена Спилберга или как там, блядь, его зовут.

Нелли возвращаетца из сортира, Малки смотрит на него и говорит:

– А это еще што за дерьмо приперлось?

Но Нелли не обращает на него внимания, по нему видно, он торчал в сортире и думал о чем-то таком, очень замысловатом, и теперь ему хочетца рассказать это всем остальным, его прет.

– Знаете, што мне тут в бошку пришло, – говорит он и продолжает, прежде чем кто-нибудь успеает ответить: – Вот все наши обычно тут заседают, – говорит он и делает хороший глоток пива. Пиво проливаетца на его синий Бен Шерман, но он этого не замечает. Урод.

Мы переглядываемся и киваем друг другу.

– А знаете, чего не хватает? Ты знаешь, – он смотрит на меня, – я знаю, – он показывает на себя, – и ты знаешь, – говорит он Ларри, который опять начинает лыбитца.

Я первым делом думаю про Лексо, про этого толстого ублюдка Лексо, это первое, што приходит мне в голову, но Нелли меня удивляет:

– Алек Дойл. Куда он подевался? Сколько он тут уже не появляетца? Год? Полтора? У него, наверное, охуительно интересная жизнь.

Малки серьезно так смотрит на Нелли.

– Ты чего говоришь-то? Ты што, пытаешься сказать, будто Дойл скурвился?

Взгляд Нелли опять стекленеет.

– Да нет, я просто говорю, што у него, наверное, жизнь интересная.

Ларри вдруг тоже становитца очень серьезным.

– Ты не прав, Нелли, – мягко говорит он.

– Ну да, бля, разумеетца, я не прав, – говорит Нелли, его явно все заебал.

Малки поворачиваетца ко мне и спрашивает:

– А ты што по этому поводу думаешь, Френк? Я оглядываю их всех и смотрю Нелли в глаза.

– Дойл всегда был у меня на хорошем счету. И нельзя просто так говорить, што, мол, чувак скурвился, если у тебя нет доказательств. У тебя есть какие-то факты? Причем такие, бля, факты, штобы мы сразу поверили.

Нелли это не нравитца, но он молчит. А ему это, бля, ни хера не нравитца. За этим уродом надо приглядывать, потому што он может нагородить херни, но я вроде как за ним слежу.

– Хорошая мысль, Френк, – говорит Ларри и хитро кивает мне. – Но у Нелли своя точка зрения, – говорит он, забирает у Нелли кокс и уходит в сортир.

– Я не говорил, што кто-то там скурвился, – говорит мне Нелли, когда Ларри уходит. – Но ты подумай о том, што я сказал, – говорит он и кивает Малки.

Ну да, Ларри надо думать головой, и все такое. Вечно он пытаетца устроить бардак – из всего. Постоянно што-то мутит, и лучше мне выяснить, што именно он мутит.

Мы все уже приняли свою дозу, так что мы начинаем гулять уже по-настоящему. Выпиваем по

кружечке в «Лозе», потом еще парочку – в «У Свонни». Это все еще старый добрый Лейт, но кое-что уже начинает меняться. Больше всего меня бесит то, што они сделали с «Трактиром у дороги». Даже не верится, что так можно. А ведь я в свое время очень неплохо там оттягивался. Мы обходим еще пару гадючников и возвращаемся туда, откуда начали.

Теперь там болтаетца этот мелкий пидор Филипп. Здесь, в этом пабе. Я не хочу, штобы этот урод и его уродские приятели обретались в том же пабе, в котором пью я.

– И хуйли ты здесь забыл? – говорю я ему.

– Я жду Кертиса, он должен на тачке подвалить, – говорит он. Потом с надеждой так спрашивает: – Слушай, можешь кокса надыбать, а?

Я смотрю на него.

– А бабки у тебя откуда?

– Кертис дал.

А, ну да, теперь все понятно. Актер блядского Саймона. Кажетца, у него всегда есть бабки. Мне тут несколько человек говорили, што видели Рентона, што он в город вернулся и все такое. Если Псих знал об этом и не сказал мне...

Но мелкий урод Филипп по-прежнему болтаетца под ногами. Я киваю Сэнди Рэ, который сидит с Нелли у барной стойки. Ларри и Малки уже нехерачились и засели за игровые автоматы. Сэнди подходит. Он продает этому мелкому пидору пару граммов. Входит какой-то здоровый урод, они с Филиппом выходят, и я слышу, как они уезжают.

Ко мне подходит Нелли, и мы с ним смотрим на Малки и Ларри.

– Слушай, этот мудака меня весь вечер достает, – говорит Нелли.

– Ну да, – отвечаю я.

– Вот што я тебе скажу, Франко, ему очень повезло, што он твой приятель, иначе бы я его уже по стене размазал, – говорит он, глядя на Ларри. – Умник хренов.

– Пусть это тебя не смущает, – говорю я ему.

И Нелли идет, хватает Ларри и пару раз прикладывает его головой об игровой автомат. Потом он херачит его по лицу. Ларри падает, а Нелли начинает пиздить его ногами. Малки кладет руку Нелли на плечо и говорит:

– Хватит.

Нелли останавливаетца, а Малки помогает Ларри встать и выйти на улицу. Он смотрит на Нелли и што-то говорит, поднимает руку и пытается показать на него пальцем, но Малки вытаскивает его из паба.

– Мудила, – говорит Нелли, глядя на меня.

А я думаю про себя: вот мы с Нелли вроде как приятели, но очень скоро мы разбежимся, это я точно знаю.

– Да, этот урод весь вечер напрашивался, – киваю я. Входит Малки.

– Я посадил его в такси и отправил домой за десятку. С ним вроде бы все нормально, только охуевший совсем.

– Он што, отомстить собираетца? – спрашивает Нелли. – Потому што я готов повторить в любой момент.

– Ты поаккуратнее, Нелли, – говорит Малки, – он все-таки дилер неслабый и злопамятный дальше некуда.

– Я тоже злопамятный, – говорит Нелли, но по нему видно, што ему уже явно не по себе. Утром он проснетца и начнетца полный пиздец, он решит, што перебрал кокса и пива и поэтому отмудохал Ларри. Потому што таким, как он, для того чтобы кого-нибудь отмудохать, нужно много кокса и много пива. И в этом разница между такими, как я, и такими, как он.

68. Афера № 18751

Каждый раз, когда я прихожу к Никки, он уже там – болтается по квартире, прыгает вокруг Дианы, словно влюбленный школьник. Это странно: мы встречаемся с двумя девушками, которые живут в одной квартире. Прямо как в старые добрые времена. Теперь Рент валяется на диване, читает книгу про работников порно – и сексиндустрии и ждет мисс Диану. Он нашел себе правильную женщину, она ему очень подходит, я представляю себе, как они сидят рядышком и ведут интеллектуальные беседы про секс, вместо того чтобы им заниматься. Я предложил ему малость развлечься, вместе

с его новой пассией, на что он мне ответил: «Я люблю свою девушку. На хрена мне все это надо?»
Прошу прощения, мистер Возвышенное Дерьмо.

– Слушай, Сай, – говорит он вдруг, отрываясь от книги. – Я хочу повидатца со Вторым Призом. Ты его не видел?

А вот это мне совершенно не нравится. Никакого Второго Приза. Только через мой труп.

– За ради какого, прости меня, хуя тебе с ним видатца? Рент садится, наклоняется вперед, раздумывает пару секунд и ложится обратно. Я вижу, как у него в голове идет натужный мыслительный процесс.

– Да хочу ему подкинуть денегат. За тот раз, когда мы ездили в Лондон. Я всем вроде все отдал, кроме него и ты-сам-знаешь-кого.

Рентой – идиот. Все остатки моего к нему уважения испаряются тут же. И как этот придурок умудрился меня обокрасть? Нет, этому тупому нарку просто повезло.

– Ты с ума сошел?! Только деньги зря тратить. Выпиши чек и отошли его на пивоваренный завод «Теннет Каледони-ан», все больше пользы.

В комнату входят Диана с Никки, и Рентой встает.

– А я слышал, что он завязал. Говорят, он теперь на Библии двинулся.

– Не знаю. Попробуй тогда поискать его в церковных приходах. Или в церкви. Или в монастыре. Они, кажется, собираются на Скрабберс-Клоуз, все эти придурки религиозные.

Надо признать, что Диана выглядит весьма сексуально, хотя до Никки ей все равно далеко. (Да и встречается она с Рейганом.)

– Великолепно выглядите, дамы, – улыбаюсь я. – Наверное, в прошлой жизни мы были хорошими мальчиками, если в этой заслужили такое, а, друг? – Я подмигиваю Рентону.

Рентой отвечает мне слегка обиженным взглядом, подходит к Диане и целует ее.

– Ну ладно... ты готова?

– Ага, – говорит она, и они уходят. А я кричу им вслед:

– Как нож мясника! Поверь глазам своим, Рентой!

Ответа я не получаю! Диане я откровенно не нравлюсь, и она настраивает против меня Рентона. Я смотрю на Никки.

– Да уж, хорошая пара, – говорю я, пытаюсь убрать из голоса язвительные интонации.

– О Господи, – говорит она с волнением. – Они же так ВЛЮБЛЕНЫ друг в друга.

Мне очень хочется ей сказать, чтобы она присмотрела за своей подружкой, потому что от этого тощего и холодного змея из Северной Европы можно всякого ожидать. Но в этом, похоже, нет смысла. С тех пор как Никки узнала про Канны, она занята исключительно собой и теперь ходит такая вся гордая, этакая голливудская звезда старой закалки. Все это заметили. Терри теперь называет ее Никки Хренова Примадонна.

Она настолько опьянена собой, что решает переодеться еще раз, надевает синий с черным костюм, которого я раньше не видел. Тот, что был на ней раньше, был ей больше к лицу, но я изображаю бурный восторг, просто чтобы не зависнуть тут на весь вечер, бля. Она продолжает болтать о Каннах.

– Бог знает, кого мы там встретим!

Достала! Я скрываюсь в комнате Дианы и быстренько осматриваюсь. Вижу эту хваленую диссертацию, над которой она работает, и читаю отрывок:

С неуклонным ростом потребления секс-индустрия, как и другие отрасли, в настоящее время обслуживает специальный рыночный спрос. И хотя связь между нищетой, наркозависимостью и уличной проституцией по-прежнему существует, как таковая уличная проституция представляет собой только малый сегмент того, что в настоящее время является одной из крупнейших и наиболее разнообразных отраслей индустрии развлечений «для взрослых» в Соединенном Королевстве. Тем не менее массовый имидж работниц секс-индустрии все еще во многом формируется стереотипом «уличной проститутки».

Какой же хуйне их там учат, в этом их универе? Ученая степень по теории блядства?! Надо бы мне самому поступить туда в аспирантуру и сделать заявку на почетную докторскую.

Мы идем в Городское Кафе, и я вижу Терри, который пытается разговорить студентку-барменшу. Похоже, он выбрал это местечко в качестве постоянного секс-плацдарма. Я пытаюсь подать Никки сигнал, что нам надо валить отсюда и двигаться в «ЕН1», но она не замечает моих отчаянных знаков, и вот мы уже попались на глаза Лоусону.

– Психхи и Никки! – орет он радостно и поворачивается к барменше: – Бев, ну-ка сделай ребятам выпить. Чего они скажут. Это мои друзья, – улыбается он, потом хватается Никки за задницу. – Крепка, что твоя скала. Куколка, ты хорошо потрудились. Подкачалась что надо.

– На самом деле я что-то в последнее время совсем обленилась, – говорит она с таким дремотно-каменным видом. Что она себе думает, что позволяет ему вот так себя лапать?! В следующий раз она что, даст ему ей впиндюрить, если он скажет: «М-м-м, крепкие стенки влагилица. Делала какие-то специальные упражнения?» Я красноречиво смотрю на Терри, мол, это, блядь, моя птичка, Лусон, мудака недоделанный.

А он меня даже не видит.

– Да не. На твою задницу тока молища. Я вот готов прямо сейчас бухнуться на колени. Так что если вот этот счастливчик, – он снисходит до небрежного кивка в мою сторону, – тебя вдруг расстроит, ты знаешь, кому позвонить.

Никки улыбается, выворачивается из любовных тисков Терри и говорит:

– Зная тебя, Терри... ты же не ограничишься только молитвой? Тебе же захочется большего?

– Как ты права. Кстати о птичках, как насчет ночной съемки в порно? Я тут ходил на обследование, и мне сказали, что все нормально. Так что я теперь в полной боевой готовности.

– Ага, – говорю я, – а в венерической клинике ты не обследовался?

– Так что я готов, хочу и могу, – говорит он, как будто меня и не слыша.

– Ладно, Терри, у нас небольшая проблема. – Я объясняю ситуацию с «Новостями» и говорю, что хочу поддержать все в секрете, пока фильм не выйдет.

– Ну, так можно прямо у меня снимать, дома. А щас давайте-ка выпьем за Канны. Вот это будет отпад! Рад за вас, – улыбается он, а меня пробирает холод. Потом он кладет руку мне на плечо. – Прости, приятель, что я тогда так психанул. Просто немного завидую. Но успех старого друга – это и для меня тоже радость. Нет, правда. Я жутко за тебя рад.

– Без тебя, Тел, я б ничего не добился, – говорю я, потрясенный его великодушием. – И ты, правда, не обижайся. Я сейчас на мели. Поехать в Канны – это стоит целое состояние, даже всего на несколько дней. Вот начнутся продажи, тогда все будет. Я сразу тебе сообщу, как только деньги поступят.

– Ладно, забей. Я по-любому не смог бы поехать, у меня тут дела. Рэб тоже в порядке. Мы тут с ним на днях встретились, поговорили. У него там ребенок, учеба, и все дела.

– Ну и как наш Роберто? – спрашиваю я.

– Да вроде ниче. Ребенок вроде тоже ниче, – говорит Терри. – Сам бы я точно не смог так жить, тихой семейной жизнью. Однажды попробовал, но быстро понял, что не для меня.

– Со мной та же хуйня, – признаюсь я, – я просто не приспособлен к длительным отношениям. Это все из-за южного темперамента. Я не бегу от ответственности, но семейная жизнь – это совсем не мое.

– В общем, типичный обманщик, который тебя непременно кинет, – говорит Никки беззлобно. Выпивка ударила ей в голову, должно быть, «легла» на траву, которую она курила весь день. Растаманка, бля, чертова, и она еще удивляется, как это у нее с гимнастикой не сложилось! – Но за это мы его и любим.

– Ну, иногда, – говорит Терри.

– Да. А почему он такой? Почему он так любит манипулировать людьми? Я думаю, что все потому, что он рос среди женщин, которые слепо его обожали. Да, это чисто итальянская заморочка. Он умеет разбудить в женщине дремлющий материнский инстинкт, – говорит Никки.

Она начинает меня раздражать. Эта тенденция к психоанализу со временем утомляет. Моя бывшая жена делала то же самое, и какое-то время мне это нравилось. Мне казалось, что это проявление заботы. Потом я понял, что она вела себя так со всеми, это была просто привычка. В конце концов она была еврейкой из Хэмпстеда, и ее папа с мамой работали в СМИ, так что чего еще можно было ожидать? В итоге это меня так запарило, что мы благополучно расстались.

А теперь меня Никки изводит. Я уже начинаю искать причины, чтобы тихонечко с ней расстаться. Я знаю признаки опасности: когда я начинаю заглядываться на страшеньких, хуже воспитанных, менее изящных, менее интеллигентных птичек, и при этом у меня стоит. Я понимаю, что это только вопрос времени, когда я променяю Никки на кого-то, кого возненавижу уже через пять минут, и я сам себе из-за этого отвратителен. Но мне нужна постоянная новизна. И она не так хороша в постели, как сама о себе думает, со всеми ее гимнастическими изъебствами. Да и вообще она про-

сто ленивая корова. Вечно ей хочется спать. Может весь день проваляться в постели, типичная, блядь, студентка, а я встаю вместе с жаворонками. Никогда не любил много спать: мне хватает двух-трех часов за ночь. Меня задолбало просыпаться ночью со стояком и пытаться отыметь теплый мешок с картошкой.

Она такая красивая, так почему я готов сейчас хоть вагоны грузить, лишь бы только не идти с ней домой и не залечь с ней в койку? Прошло всего несколько месяцев. Я что, уже пресытился ею? Мне что, так мало надо? Однозначно, нет. Потому что иначе я, блядь, обречен.

Мы идем к ней, и она заставляет меня смотреть фотки в одном из этих околпорнографических мужских журналов для дрочил. Там на обложке – еще одна экс-гимнастка, эта Каролин Павитт. С которой Никки была знакома. Которой она одержима.

– Она просто уродина, – сказал я. – Просто из-за того, что она была на Олимпиаде и ее показывают по ящику, куча парней хочет на ней прокатиться. Призовая ебля, только и всего.

– А ты бы тоже на ней прокатился, будь у тебя такая возможность? Вот если б она сейчас появилась тут, ты бы наверняка позабыл обо мне и стал бы виться вокруг нее, – говорит она с желчью в голосе.

Все, с меня хватит. Она, блядь, ревнует, обвиняет меня в том, что у меня есть виды на какую-то телку, которую я в жизни не видел, до тех пор, пока она не ткнула мне в нос этой фоткой в журнале. Я поднимаюсь и собираюсь уходить.

– Что еще за психозы? – говорю я в дверях. – Учись себя контролировать.

Я выхожу, а она со всей дури захлопывает за мной дверь, и я слышу с той стороны поток довольно-таки выразительной ругани.

Ладно, Никки меня достала, но еще не так сильно, как в свое время – Аманда. Те выходные в Тоскании стали тем поворотным моментом, когда я уже больше не мог терпеть, и вот я снова еду в Средиземноморье, в первый раз с тех кошмарных выходных. Канны. Я уже дни считаю.

69. Полиция

У этого мудилы Доннелли с собой перо, и он втыкает его в меня, а я не могу поднять руки, чтобы ударить его, не могу – хоть ты тресни, как будто их кто-то держит или они сделаны из свинца, блядь, и вот этот пиздюк, который зверь, этот Чиззи идет ко мне, и я пытаюсь его пнуть, а он говорит:

– Я люблю тебя, малыши... спасибо, малыши... И я ору:

– ОТВАЛИ ОТ МЕНЯ, ТЫ, МУДАК ЗВЕРЬ ХУЕВ, А ТО УБЬЮ, НА ХУЙ... – Но я все еще не могу двинуть руками, и этот мудака приближается... и раздается стук...

Я просыпаюсь у себя в кровати, и ее голова лежит у меня на руке, и это все – просто сон, но мудацкий стук продолжается, и вот оно что, это стук в дверь, и она просыпается, и я говорю:

– Иди открой...

И она встает, мутная, сонная, но когда возвращается, она вся такая вдруг напряженная и встревоженная и говорит сдавленным шепотом:

– Френк, это полиция, к тебе. ПОЛИЦИЯ, БЛЯДЬ...

КАКОЙ-ТО МУДАК НАСТУЧАЛ ПРО ЗВЕРЯ... МЕРФИ... МОЖ, ЭТОТ ПИДОР СДОХ В ГОСПИТАЛЕ ИЛИ ЭТА ПИЗ-ДА АЛИСОН НАКАПАЛА НА МЕНЯ... ВТОРОЙ, БЛЯДЬ ПРИЗ... МУДАКИ НЕДОДЕЛАННЫЕ...

– Хорошо... я сейчас встану, а ты их пока задержи, – говорю я, и она снова выходит.

Я быстренько одеваюсь. Ладно, наверняка этот пидор Второй Приз проболтался про Зверя! Не убий, бля, или как там... или Мерфи... сдастся мне, он слишком много знает...

БЛЯДЬ... БЛЯДЬ... БЛЯДЬ... БЛЯДЬ...

Я смотрю вниз в окно, я бы мог спуститься по водосточной трубе на задний двор. Но может быть, там еще копы – сидят снаружи, в машине... нет, если я сбегу, меня точно за жопу возьмут... можно ведь забашлять, кому надо... заполучить адвоката Доналдсона, блядь... где этот ебучий мобильник...

Я лезу в карман куртки... мобильник умер, я никогда его не заряжаю... нах...

Стук в дверь.

– Мистер Бегби? Пиздец. Полиция.

– Да, уже выхожу.

Если эти мудилы станут до меня доебываться, я ни хуя не скажу, я просто позвоню Доналдсону. Делаю глубокий вдох и выхожу. Их двое, полицейских: парень с оттопыренными ушами, торчащими из-под фуражки, и девчонка.

– Мистер Бегби? – спрашивает она. – Да.

– Мы к вам по поводу инцидента на Лорн-стрит, произошедшего ранее на этой неделе.

Я задумываюсь. Чиззи был раньше, чем «ранее на этой неделе»... и это было не на Лорн-стрит...

– Ваша бывшая жена, госпожа Джун Тейлор, подала на вас жалобу. Мы пришли, чтобы предупредить: вам определили судебный запрет, действующий до тех пор, пока ваше дело не будет рассмотрено в суде, – говорит девушка-полицейская, вся такая, блядь, важная, на козе не подъедешь.

– Да... ладно...

Я смотрю на этот клочок бумаги, который она мне протягивает.

– Вот копия судебного приказа. Вам должен был быть предоставлен один экземпляр. Напоминаю его основные положения, – эта полицейская птичка почти поет, – вам строго-настрого запрещено иметь какие-либо контакты с мисс Тейлор.

Второй коп вмешивается:

– Госпожа Тейлор подала заявление, что вы подошли к ней на лейтском Бульваре, накричали на нее и преследовали ее до Лорн-стрит.

СЛАВА ЯЙЦАМ!

Это всего лишь Джун! У меня отлегло от сердца. Мне так хорошо, что я даже расхохотался, а эти двое стоят и смотрят на меня, как будто я сумасшедший. Я говорю, отсмеявшись:

– Да... прошу прощения, офицер. Я просто случайно встретил ее на улице и хотел извиниться за то, как я себя вел с ней раньше. Хотел ей сказать, что это было обычное недопонимание, да. Я просто не с той стороны подошел. Кстати, примите к сведению, – говорю я, задирая рубашку и демонстрируя им рану, – она мне бок ножом пропоролла, и у нее еще хватает наглости на меня жаловаться.

Кейт согласно кивает и говорит:

– Это правда! Она ударила Фрэнка ножом. Вот посмотрите!

– И я, однако же, на нее не жаловался, – я пожимаю плечами, – ради детей, знаете.

Девушка-полицейский говорит:

– Ну, если вы хотите подать жалобу на вашу жену, вы в своем праве. В то же время вы должны выполнять эти условия и держаться от нее подальше.

– На этот счет не беспокойтесь. – Я прям весь смеюсь. Другой полицейский, который с оттопыренными ушами, пытается быть суровым, хочет, наверное, произвести впечатление на свою напарницу.

– Это серьезно, мистер Бегби. У вас могут быть крупные неприятности, если вы будете преследовать вашу бывшую жену. Я понятно выражаюсь?

Я думаю, что мне надо просто посмотреть этому мудаку в глаза, посмотреть, как они у него заслезятся и он отвернется, я ведь знаю, что так все и будет, но я не хочу, чтобы они посчитали меня большим умником, так что я просто ему улыбаюсь:

– Я буду держаться от нее подальше, не волнуйтесь об этом, офицер. Жалко, вас не было рядом тогда, десять лет назад. Тогда мне никто не сказал, что от нее надо держатца подальше. Сберег бы время и нервы.

Они продолжают этак серьезно тарашитца на меня. Я вот о чем: если очень старатца, у тебя так или иначе проявитца чувство юмора, бля, но есть, бля, мудаки, которые лишены его напрочь. Чувства юмора, в смысле. К Джун я действительно близко не подойду, но есть тут парочка злобучих уродов, к которым я подойду непременно – еще как подойду.

70. Покатушки

Али – она просто супер, приходит ко мне каждый день. Мы сказали сынишке, что я попал в ава-

рию, а «дядя Френк» меня спас. Она сходила поговорила с Джо, брательником Френка, и сказала ему, что никто даже и не собирался ни на кого подавать жалобу. Вроде об этом и говорить не надо, но Фрэнк – это ваше абзац. Я сказал Али, чтобы она взяла деньги и положила их на свой счет в банке. Это – для нее и ребенка, она может их тратить, как сама захочет.

У меня сломана челюсть, она теперь вся прикручена проволокой, и я не могу есть ниче твердо-го. Треснули три ребра. Плюс к тому – сломанный нос и перелом бедра. И восемнадцать швов на голове. В общем, он меня отмудохал по полной программе. Как будто я и вправду попал в аварию.

Меня скоро выпишут, и Али говорит, что хочет вернуться. Но я чиста сам не хочу, чтобы она и Энди были поблизости, когда Бегби вышел на тропу войны. Сперва надо с ним разрулить. Это пиздец, полный пиздец, но вот что странно: меня это действительно кое-чему научило, брат. Я теперь более сосредоточен, что ли. Я сказал Али:

– Я очень хочу, чтобы ты вернулась, но ты права. Я должен сам в себе разобратца, научиться справлятца со всем, типа, с готовкой или по дому там чего сделать. Чтобы не все на тебе, когда ты вернешься. А пока я хочу просто видетца с вами, с тобой, с пацаном. Ну, вроде как на свидание тебя пригласить, и все такое.

Она засмеялась и поцеловала мое избитое лицо.

– Это было бы здорово. Но ты же не сможешь сейчас один, Дэнни. В таком состоянии.

– Это все типа фигня, – бурчу я сквозь перемотанную челюсть.

Али надо идти забирать малыша, но когда меня выписывают, за мной приезжает мама, и Шона, и Лиз, и они отвозят меня домой. Там они сразу идут на кухню и готовят какую-то жрачку, чтобы хватило на пару дней, а потом собираются уходить, но так неохотно.

– Это глупо, Дэнни, – говорит Лиз, – давай ты у нас поживешь.

– Да, сынок, поехали домой, – говорит мама.

– Не, я в порядке, – говорю я, – не волнуйтесь.

Они уходят, и это хорошо, потому что уже ближе к вечеру вдруг раздается негромкий стук в дверь. Ни хрена. Никому не открою.

– Мерфи, ты дома, блядь? – кричит этот мудака, приподняв крышку почтового ящика. Хоть я сижу с выключенным светом, я прямо воочию вижу эти злые глаза, сканирующие прихожую. – Лучше б тебя тут не было, потому что если ты здесь и не подходишь к этой ебучей двери...

Я чуть в штаны не наделал, но Франко, похоже, поверил, что меня нету. А что бы было, если бы я открыл ему дверь? В общем, он отвалил.

Я заснул прямо в кресле, потому что мне так удобно, но потом все-таки перебрался в кровать и опять отрубился. Уже до утра. А утром меня разбудил стук в дверь. Я испугался, что это он, опять притащился по мою душу, мудила. Но это не он.

– Урод... ты дома?

Это Кертис. Я открываю дверь, почти ожидая увидеть там Бегби, стоящего с ножом, прижатым к горлу бедного пацана.

– Да, привет, Кертис, я тут, чиста, лежу себе, сплю.

– Это Бегби, да? Я знаю, потому что Фи-Филипп с ним, типа, теперь скорешился.

– Не, брат, это были какие-то мудаки, которым я задолжал дозу. Франко, наоборот, помог мне с ними, ну, разобратца, – говорю я ему, и он знает, что врун из меня дерьмовый, ко он также знает, что я вру для того, чтобы его защитить, чтобы его в это не втягивать. – Я слышал, ты тут на Каннский фестиваль собираешься. Неплохо.

– Ага, – говорит он, весь такой из себя в приподнятом настроении, – хотя это не настоящий фестиваль, то есть настоящий, но только для порно... – добавляет он. Ну что же, удачи ему. Кертис – хороший парнишка. Я в том смысле, он в больницу ко мне приходил регулярно, и все такое. У него сейчас лучшее время в жизни, с его-то членом, но он не забыл старых приятелей, а это сейчас дорогого стоит. Сейчас слишком многие забывают, откуда они вообще вышли. Как Псих, например. У него сейчас, типа, большой успех, и он весь из себя на понтах, но Кертису лучше об этом не говорить, потому что ему Псих нравицца. У него хоть какая-то жизнь началась: трахаетца с хорошенькими девчонками и получает за это деньги. Неплохая работа, если подумать. Я в том смысле, что есть и худшие варианты, как зарабатывать себе на жизнь. Потом он говорит:

– Пошли, я на машине. Покатаемся, малость развеешься. Ну и ваще.

Так что мы едем по А1 к Хэддингтону, и машина у него старая, и я говорю ему, чтобы ехал быстрее, и он едет быстрее, а я думаю про себя, что я мог бы просто расстегнуть ремень, и нажать ногой

на педаль тормоза, и вылететь, на хрен, через лобовое стекло. Но, с моей-то удачей, я просто останусь парализованным на всю жизнь или еще что-нить в таком роде. И это будет нечестно по отношению к Кертису, и я чиста хочу разобраться сам, потому что у меня есть Али и Энди или по крайней мере у меня есть шанс снова быть с ними. Достоевский. Аферы со страховкой. Полный том чепухи.

Мы заходим в такой маленький деревенский паб, всего в нескольких милях от Лейта, но это – совсем другой мир. Я бы здесь жить не смог, брат. Иногда я думаю: жить втроем в маленьком домишке, в каком-нибудь тихом местечке, как это было бы здорово, – но потом я понимаю, что мне стало бы скучно, не из-за Али и Энди, а, типа, из-за отсутствия общего драйва. Я прошу у Кертиса мобильный телефон и звоню Ренту, договариваюсь встретиться с ним вечером в пабе в Грассмаркете. Бегби в Грассмаркете не бывает, а нам, знаешь, обоим чиста не хочется видеться с Бегби.

71. Шлюхи из города Амстердама (Часть 10)

Выглядит Урод хреново. Его челюсть распухла так, будто на лице вторая голова растет, и он совсем запыхался, взбираясь по лестнице к Гэву. Он так и не говорит, кто его так отделал, просто невнятно бормочет сквозь свою сломанную челюсть о каких-то придурках, которым он задолжал денег. Сара видит его и замирает в потрясении. Она в жизни не видела, чтобы человека вот так вот отделили. Если это был Бегби, то он ничуть не смягчился, ни капельки. Гэв с Сарой идут с нами выпить, а потом уходят в кино.

– Все исчезают, когда я появляюсь, – говорит он слабым приглушенным голосом. – Что-то во мне есть такое, что напрочь отпугивает людей. И все-таки хорошо, что мы снова встречаемся, да, Марк? – бормочет он, весь напряжение и надежда.

Я не хочу его огорчать, не хочу разрывать его маленький кокон, в котором он прячется от всего, но я поднимаю кружку, ставлю ее обратно и глубоко вздыхаю.

– Послушай, Урод, я не собираюсь здесь зависать надолго.

– Из-за Бегби? – спрашивает он, и огонек жизни в его усталых глазах мгновенно гаснет.

– Частично да, – признаюсь я, – но не только из-за него. Я хочу уехать, с Дианой. Она всю жизнь прожила в Эдинбурге и хочет чего-нибудь нового.

Урод грустно смотрит на меня.

– Ну, хорошо... только прежде, чем уезжать, принеси мне обратно Заппу, ага? Я бы сам за ним съездил, но очень трудно управлять с кошачьей клеткой с забинтованными ребрами и только одной рукой. – Он с отвращением смотрит на свою повязку.

– Без проблем, – говорю я ему. – Но ты тоже можешь кое-что для меня сделать.

– Правда? – Урод так удивляется, что сразу становится ясно: он не привык, чтобы о нем думали как о человеке, который может кому-то чем-то помочь.

– Подскажи, где найти Второго Приза?

Он смотрит на меня так, как будто я сошел с ума, что, по-моему, со мной и случилось, с учетом всего дерьма, в котором я увяз по уши. Потом он улыбается и говорит:

– Хорошо.

Мы допиваем, и я подбрасываю Урода до дома, но сам из такси не выхожу. Потом я возвращаюсь к Диане, и мы занимаемся с ней любовью всю ночь, и встречаем так новый день. А потом до меня вдруг доходит, что она малость нервничает и смущается. В конце концов она говорит:

– Мне надо работать. Закончить свою диссертацию. Ты не обижайся. Я сегодня ее сдаю, так что больше она нам мешать не будет.

Я неохотно ухожу и иду к Гэву, чтобы дать ей спокойно позаниматься. Блядь, какой противный, холодный день. Лето уже, считай, за углом, а погода прямо осенняя. Мобильник вибрирует у меня в кармане. Это Псих, и он сразу становится весь из себя подозрительный, когда я ему говорю, что не могу ехать в Канны. Миз там будет по-любому, а мне нужно сперва съездить в Дам и разобраться с делами в клубе.

Я прихожу к Гэву, и он говорит, что встретил в городе Психа и Никки и пригласил их пообедать с нами – со мной и с Дианой. Подобная перспектива меня вовсе не радует, и я сомневаюсь, что Диана будет в восторге. Но когда мне удастся поймать ее по телефону, она реагирует на это нормально, наверное, потому что Никки – ее подруга.

Когда мы встречаемся, Псих демонстрирует свои лучшие манеры или, вернее, лучшее из того, на что он вообще способен. Он откровенно флиртует с Сарой, но Никки вроде бы не обращает на это

внимания, она суетливо опекает Гэва, который выглядит озадаченным, как будто боится, что его пригласят поучаствовать в оргии «пара на пару», что в отношении этих двоих может вполне соответствовать действительности.

После обеда Псих отлавливает меня на кухне.

– Ты мне нужен в Каннах! – чуть ли не стонет он. Я не понимаю, с чего бы ему так расстраиваться. Он же сам говорил, что нам нужно экономить деньги, в смысле, на этой поездке, вот пусть на мне и сэкономит.

– Я не могу просто так взять и уехать. Все мои вещи в Голландии, и я хочу их забрать. Я не хочу, чтобы Катрин прибрала их себе, а так все и будет, если я не потороплюсь.

Он досадливо шипит, куда там Дейдре из «Улицы Коронации».²⁰

– А когда ты туда приедешь?

– К четвергу точно буду.

– Да, ты уж, пожалуйста, приезжай, а то я уже номера заказал в отеле, – говорит он, и его бренди плещется в бокале. – Давай, Марк, пришло наше время. Мы всю жизнь этого ждали. Парни из Лейта в Каннах, ебать-колотить! Мы наконец-то востребованы. Это будет такой улет!

– И я ни за что на свете этого не пропущу, – говорю я ему. – Просто мне надо сперва разобраться с Катрин. Она дама капризная... и я не хочу, чтобы она выкинула на помойку мои вещи. И я не могу просто так бросить Мартина. Типа, прости, приятель, я понимаю, что мы с тобой вместе держали клуб целых семь лет, повидали и хорошее, и плохое, но теперь проявился мой старый друг Саймон, и он хочет, чтобы мы с ним занялись производством порнофильмов.

Он поднимает руки и опускает голову, и тут входит Сара со стопкой грязных тарелок.

– Хорошо, хорошо...

Я продолжаю:

– Все-таки все эти девять лет у меня была какая-то жизнь, и я не могу вот так просто все бросить, блядь, только из-за того, что ты снова считаешь меня persona grata.

Сара выходит, ступая так, словно идет по битому стеклу.

Он что-то отвечает, и какое-то время мы просто сидим и вяло переругиваемся, но потом замечаем озорной огонек в глазах друг у друга и взрываемся хохотом.

– Так больше нельзя, Саймон, – говорю я ему. – Это было нормально для молодых парней, но теперь это похоже на свару двух старых дам. Ты можешь представить, какими мы станем еще лет через десять?

– Я лучше не буду себе этого представлять, – отвечает он, и, похоже, его не прельщает подобная перспектива. – Единственное, что нас может спасти, это: а) куча денег и б) толпа молоденьких девочек. В двадцать лет ты еще можешь чего-то добиться одними пылкими взглядами, в тридцать – своей интересной личностью, но в сорок тебе нужны деньги и слава. Элементарная математика, блядь. Все считают, что я очень целеустремленный, но ни фиги подобного. Это просто во мне инерция, что-то вроде кризисного менеджмента.

Меня тревожит, что он вот так открывается, потому что я вижу: под этой нигилистической бравадой скрывается искренность. И я опять его кину. С этой нашей аферой. Наверное, это жестоко. Но как бы он меня кинул, если бы Бегби меня нашел? Нет уж, Псих. Извини. Не то чтобы ты уж совсем нехороший ублюдок, просто ты, блядь, выдающийся эгоист. Когда плаваешь вместе с акулами, единственный способ выжить – стать самой акулистой из всех акул.

И вот что странно. Он вроде как меня понимает, в смысле, что я собираюсь покинуть Англию.

– Тут все отжило свой срок, и если у тебя нет положения или денег – ты гражданин третьего сорта. Америка – вот это место, что надо, – говорит он, – мне надо было туда податься, замутить, например, свою собственную Церковь и выжимать соки из этих наивных, доверчивых янки.

Входит Никки и говорит мне, приподняв бровь:

– Саймон на кухне? Неужели все так плохо? – Она внимательно смотрит на него. – Ты хорошо себя вел?

– Образцово-показательно, – отвечает он. – Ладно, Ренте, пойдем к остальным. А то я боюсь

20 Имеется в виду британский сериал «Улица Коронации» (Coronation Street), рассказывающий об обитателях вымышленного района Уэзэр-фидц в Манчестере и занесенный в Книгу рекордов Гиннеса как самая длинная мыльная опера. Ее начали показывать по телевидению с 1960 года и показывают до сих пор – по меньшей мере две серии в неделю. – Примеч. пер.

оставлять Темпса наедине с девочками.

Мы снова садимся за стол, и мы с Психом и Гэвом заводим спор о тексте песенки группы The Who «Just A Boy».

– Там: «I'd know better now, giving it all away», – говорит Псих.

– Не, – трясет головой Гэв. – Там: «I know better now». Я машу рукой.

– Разница в ваших позициях – это лишь незначительная перепалка двух упертых педантов, которая ничего не меняет в изначальном смысле песни. Но если вы вслушаетесь, действительно вслушаетесь, вы услышите, что там поется: «I'm no better now», в смысле, что я не стал лучше. Я такой же, каким и был. Я ничему не научился.

– Дебилизм, – фыркает Псих. – Песня о том, как ты оглядываешься на прожитые годы, имея все преимущества зрелого взгляда.

– Ага, – соглашается Гэв, – что-то вроде: «Если бы только тогда я знал все, что я знаю сейчас».

– Нет. Здесь вы оба не правы, – говорю я. – Вы послушайте голос Далтри, это же плач, в нем есть что-то пораженческое; рассказ о парне, который наконец осознал свою несостоятельность и ограниченность. «I'm no better now», я все такой же придурок, каким был всегда.

Псих как-то уж очень враждебно все это воспринимает, бесится, словно его обидели лично.

– Ты сам, блядь, не знаешь, о чем говоришь, Рентой. – Он поворачивается к Гэву: – Скажи ему, Гэв, ну скажи!

Наш мистер Уильямсон, кажется, принял все близко к сердцу. Спор продолжается до тех пор, пока не вмешивается Диана:

– Ну и что вы так рьяно спорите о какой-то фигне? – Она встряхивает головой и оборачивается к Никки и Саре. – Мне бы очень хотелось провести хоть один денек у кого-то из них в голове, просто чтобы почувствовать, каково это – когда весь этот вздор крутится там внутри. – Она проводит рукой мне по лбу, а другая ее рука ложится мне на бедро.

– Мне бы и часа хватило, – говорит Сара.

– Ага, – говорит Псих и улыбается мне. – В старые добрые времена у нас был Бегби для коронной финальной реплики: «Это все куча дерьма, блядь, нах, и меня уже это достало, так что заткнитесь или я вам пасть порву».

– Ага, а то когда демократии слишком много, это приводит к смертоубийству, – смеется Гэв.

– Этот Бегби, похоже, очень интересный персонаж. Вот бы с ним познакомиться, – вдруг заявляет Никки.

Псих качает головой.

– Нет, лучше не надо. Я имею в виду, ему девушки не особенно нравятся, – хмыкает он.

– Но и мальчики ему тоже не нравятся, – добавляю я, и теперь мы подзуживаем друг друга.

Потом Никки заводит разговор о Каннах. Как мне сказала Диана, Никки в последнее время только и говорит, что о Каннах. А Сара и Гэв углубляются в приватный, междусобойный разговор. Мы с Дианой понимаем это так, что нам пора уходить, она что-то говорит о том, что ей нужно еще распечатать свою диссертацию. К несчастью, Никки и Псих решают уйти вместе с нами, так что мы все садимся в одно такси.

– Эта Сара такая вся из себя, типа, порядочная, – говорит Псих.

– Да нормальная девчонка, – отвечает Никки. Лицо у нее покраснелось от выпивки.

– Я предложил им секс «пара на пару», но она отказалась, – подтверждает Псих мои подозрения. – Мне показалось, Темпе тоже слегка смутился, – добавляет он и поворачивается к Диане: – Я не спрашивал у тебя, Ди, не потому, что ты мне не нравишься, просто ты вроде как занята, а одна только мысль про голого Рента...

Вот мудака. У нее он не спрашивал, да. А вот мне предлагал. И я рассказал об этом Диане. Она смотрит на него испепеляющим взглядом, потом что-то говорит Никки, которая, кажется, сильно под мухой. Мы поднимаемся в квартиру и расходимся по разным комнатам, и я слышу, как Психи и Никки, как называет их Терри, заводят какой-то громкий пьяный спор.

Пока Диана плещется в ванной, я пытаюсь читать последний черновик ее диссертации. Мне почти ничего не понятно, что там написано, но выглядит это очень солидно; данные статистического исследования, ссылки, сноски, обширные библиографии и так далее – да и читается это все неплохо.

– Впечатляющая работа, – говорю я Диане, когда она входит в комнату. – То есть насколько я вообще понимаю в подобных вещах. Но это хотя бы удобочитаемо для неспециалиста.

– Это так, проходной вариант, и не такой уж и хороший, – отвечает она без малейшего намека

на уныние.

Мы заговариваем о том, что она сейчас собирается делать, когда ее работа закончена, и она целует меня и говорит:

– Что ты там говорил о неспециалистах? – Она расстегивает мне ширинку и вытаскивает мой твердеющий член. Нежно держа его в руке, она проводит языком по губам. – Я сейчас тебе кое-что сделаю, очень приятное, – говорит она. – А потом сделаю еще приятнее.

И я думаю про себя, что приятнее, чем у нас уже есть, наверное, просто невозможно.

Мы засыпаем и просыпаемся только под вечер на следующий день. Я приношу нам чай прямо в постель и решаю, что, наверное, пришло время рассказать Диане обо всем, полностью. И я ей рассказываю. Я точно не знаю, как много она уже знала или о чем догадывалась, но вид у нее не особенно удивленный. Я одеваюсь, натягиваю толстовку и джинсы, а она садится в кровати и смотрит на меня.

– То есть ты собираешься разыскать дружка-алкоголика, которого ты не видел почти десять лет, и отдать ему три тысячи фунтов наличными?

– Ага.

– Ты уверен, что хорошо все обдумал? – спрашивает она сквозь зевок. – Не так уж часто я соглашаюсь с Психом, но в данном конкретном случае твои благие намерения могут принести парню больше вреда, чем пользы, если ты отдашь ему эти деньги все сразу.

– Это его выбор. Если он упьется до смерти, значит, сам дурак, – говорю я ей, но в душе-то я знаю, что думаю только о самом себе, о том, что мне нужно честно произвести расчет.

Холод, похоже, заморозил весь город до самого сердца. Это как хроническая болезнь, от которой уже не избавиться никогда. Капризная дама-погода на высоких каблучках постоянно грозит отступить обратно в студеную зиму перед лицом ледяных ветров с Северного моря. Майл кажется призрачной, хотя еще только вечер, даже темнеть толком не начало. Я устало бреду по улице и нахожу Клоуз-сквер. Сворачиваю в тесный, узенький переулок, который открывается в небольшой темный скверик, окруженный громоздкими старыми зданиями. Маленькая дорожка бежит вниз, в направлении к Новому Городу.

Маленький скверик забит народом; все слушают какого-то бородатого старого кренделя с дикими, больными глазами, проповедующего по Библии. Народ самый разный: безнадежные алкаши, реабилитирующиеся анонимные алкоголики и наркоманы, у которых экзальтированная фиксация на евангелических излияниях служит заменой стакана и дозы. Я разглядываю толпу и вижу его. Он стал стройнее, чисто выбрит, но выглядит как человек после тяжелой болезни, потому что так оно и есть, замороженное состояние выздоровления – состояние, которое движение трезвенников стремится увековечить в камне. Вот он. Рэб МакНаутон, Второй Приз. И мне нужно отдать ему три штуки фунтов наличными.

Я осторожно подхожу к нему. В свое время Второй Приз был близок с Томми, нашим старым дружкой, который умер от СПИДа. Он обвинял меня в том, что я посадил Томми на наркоту, и даже однажды сам попробовал, как это. У парня всегда был характер, этого у него не отнять.

– Что... Роберт, – быстренько поправляюсь я.

Он косится на меня, регистрирует мое присутствие легким презрением во взгляде и оборачивается обратно к бородатому проповеднику, его глаза горят, он жадно ловит каждое слово, а губы произносят «аминь» в надлежащих местах.

– Как дела? – Я делаю еще одну попытку.

– Что тебе нужно? – Он даже не смотрит в мою сторону.

– У меня для тебя кое-что есть, – говорю я. – Деньги, которые я тебе должен... – Я сую руку в карман пальто, нащупываю пачку денег и думаю про себя: смех, да и только.

Второй Приз наконец оборачивается ко мне.

– Сказать тебе, куда их засунуть, деньги твои? Ты – зло; ты, Бегби, этот порнографический Саймон Уильямсон, Мерфи-наркоман... вы все – зло. Вы убийцы, и вы делаете работу для дьявола. Дьявол живет в порту Лейта, а вы – его работники. Это место – средоточие зла... – говорит он, закатывая глаза.

Странное чувство – нечто среднее между весельем и злостью – вскипает во мне, и я с трудом сдерживаю себя, чтобы не ответить ему в том смысле, что еще за пургу ты, приятель, несешь.

– Я тебе должен. Я просто хочу отдать долг. Вот, просто возьми – и встретимся в следующей жизни, – говорю я, запихивая пачку денег ему в карман. Тучная женщина с кудрявыми волосами и сильным белфастским акцентом подходит и спрашивает:

– Че происходит-та? Че происходит-та, Роберт? Второй Приз достает из кармана деньги и размахивает пачкой у меня перед носом.

– Вот! Вот что происходит! Ты думаешь, сможешь купить меня на этот мусор?! Что вы сможете купить мое молчание, вы с Бегби? Не убий! – говорит он с горящими глазами и вдруг вопит мне в лицо, брызжа слюной: – НЕ УБИЙ!

Он бросает деньги в воздух, и купюры кружатся на ветру. Толпа неожиданно осознает происходящее. Один заляпанный грязью мужик в заношенном пальто хватается пятидесятифунтовую бумажку и смотрит ее на свет. Бомж ныряет на мостовую, и вот уже все охвачены безумием жадности, никто больше не обращает внимания на старого проповедника, который, увидев порхающие в воздухе деньги, забывает о своей душеспасительной проповеди и ползает по асфальту вместе с остальными. Я отхожу назад, подхватываю пару-тройку купюр, до которых могу дотянуться, и запихиваю их в карман. Я говорю себе: я отдал ему деньги, чтобы он поступил с ними согласно своим желаниям, но раз уж он решил устроить раздачу слонов, то и я себе пару слонят отхвачу. Я направляюсь к аллее, вон из этого сквера, на Майл, размышляя о том, что, вероятно, моими стараниями популяция городских пьяниц сократилась примерно наполовину, и еще я нарушил течение многих десятков реабилитационных программ.

Я возвращаюсь к Диане и вижу, что Псих все еще там. Он, видимо, только что вышел из душа – весь мокрый, бедра обернуты полотенцем.

– Завтра в Канны, – улыбается он.

– Я уже жду не дождусь, когда сам туда прилечу, – говорю я. – Но у меня, блядь, еще дела в Даме. Дела, которые нужно сделать. У вас когда самолет?

Он говорит, что в одиннадцать утра, так что на следующий день я вызываю такси, и мы все вместе едем в аэропорт. За завтраком он нюхает кокаин, и еще раз – уже в такси. Он что-то парит про Фрэнка Саузу.

– Этот мужик – просто Бог, блядь. Нет, Рентой, правда, блядь, Бог. Я видел, как он вчера выходил из «Вальво и Кролла» с бутылкой дорогого вина, и я подумал, вот то, чего у нас никогда не было на Истер-роуд, тот самый класс, класс и шик, – трещит он, и глаза у него совершенно больные. Никки сама вся укуренная, и ее так трясет от предканнской лихорадки, что она просто не замечает его состояния. Я провожаю их до выхода на посадку и говорю, что я сам полечу в Амстердам рейсом в двенадцать тридцать. На самом деле я собираюсь во Франкфурт, чтобы там пересесть в самолет до Цюриха.

Швейцария – охуенно унылое место. Я потерял всякое уважение к Боуи, когда услышал, что он здесь живет. Но местные банки – это действительно что-то с чем-то. Они тут и вправду не задают никаких вопросов. Так что когда заполнил бланк на перевод фондов со счета «Бананацурри» на другой счет, который я открыл в Сити-банке, никто даже глазом не моргнул. В общем, пухлый услужливый клерк в костюме и при очках спрашивает у меня:

– Вы не будете закрывать этот счет?

– Нет, – говорю я ему, – нам необходим немедленный доступ к деньгам, поскольку мы занимаемся съемками фильмов. Но фонды скоро пополнятся, потому что у нас уже есть инвесторы для следующей картины.

– У нас есть эксперты по финансированию кино. Может быть, вам с мистером Уильямсоном стоило бы поговорить с Густавом, в следующий раз, когда вы к нам зайдете, мистер Рентой. Мы можем открыть специальный счет для текущих расходов на съемки, позволяющий вам выписывать чеки прямо на месте и мгновенно расплачиваться с кредиторами.

– Гм-м... это интересно. Это определенно избавит нас от лишней нервозности, если мы сможем проводить все операции, так сказать, под одной крышей, – говорю я, глядя на часы, не желая возбуждать подозрения, но и не желая задерживаться. – Мы обязательно это обсудим, но в следующий раз. У меня самолет...

– Конечно... прошу прощения... – говорит он, и процесс перевода денег существенно ускоряется.

Вот как все просто. Псих, стало быть, уже в Каннах, а я возвращаюсь в Эдинбург.

72. «...как волны Средиземного моря...»

Мы летим в бизнес-классе «Британских авиалиний», прямой рейс из Глазго на Лазурный берег.

Мы уже приближаемся к аэропорту Ниццы, небо – чистое и голубое, и я вижу, как волны Средиземного моря набегают на золотой песок. Включаются светящиеся таблички «Пристегните ремни», но Саймон уже в четвертый раз направился в туалет и выходит оттуда, как говорится, весь горя возбуждением и предвкушением.

– Вот оно, Никки, вот оно. Ты ведь хочешь увидеть аферы, то есть настоящие аферы, подводные камни, раболепие и мошенничество?

– Вообще не особенно... – говорю я, отрываясь от «Elle». Ноздри у него красные, а волосы в носу белые от кокаина.

– Эти уроды никогда не узнают, что их ударило. Они понятия не имеют, что такое настоящая сделка. – Он шмыгает носом и трет его пальцем. Потом смотрит на меня чуть ли не с болью во взгляде и нежно целует меня в щеку.

– Ты – просто произведение искусства, детка, – говорит он и указывает глазами на девушку с длинными вьющимися волосами, в темных очках, сдвинутых вверх, и одетую в жакет от Прада. – Вот посмотри на нее, – громко говорит он и показывает пальцем, – все впечатление испорчено плохой «химией». Готов поспорить, она из рекламного бизнеса или чего-то из связей с общественностью. Ей надо бы гнать своего парикмахера в три шеи... нет, ей надо бы пристрелить мудака! – говорит он, и его нижняя челюсть вызывающе выпячивается вперед, и люди, которые сидят поблизости, с неодобрением косятся на него и отворачиваются.

Я лишь улыбаюсь. Я знаю, что это без толку – просить его говорить потише. Теперь он рассказывает мне историю своей жизни.

– Бегби швырнул стакан и пробил девочке голову... я обычно стрелял в мудаков из духовушки... Рентой мучил животных, когда был маленьким, было в нем что-то такое... я был уверен, что он, когда вырастет, станет серийным убийцей... Мерфи спиздил моих солдатиков... Я их нашел у него дома, а он ну вот только что их купил, сразу же после того, как исчезли мои... мои родители были совсем не богаты... это была большая покупка... моя мама, достойная, святая женщина, она спросила: «А где эти твои солдатик, что мы тебе купили, сынок?»... и что я мог ей сказать? «Они у этого дурака, мама. И вот сейчас в этот самый момент, когда мы о них говорим, они там валяются на грязном полу, у этого воришки немытого, они ломаются под ногами пьяных придурков, что вламываются в спальни, чтобы мучить детей...» Как можно было такое сказать своей матери?! Ох уж этот дом Мерфи, блядская навозная куча...

Я рада, что мы наконец садимся. Мы забираем багаж, и Саймон направляется прямо на стоянку такси.

– А мы разве не подождем остальных, которые другим самолетом летят? – удивляюсь я.

– Ой, как-то я не подумал... – говорит он осторожно. – Слушай, Никки, да, «Карлтон» был весь забит, так что мне пришлось заказать для них номера в «Беверли». Это тоже в центре.

– И там дешевле?

– Ну, в общем, да, – ухмыляется он. – Наш номер стоит примерно четыре сотни фунтов за ночь, а их номера – по двадцать восемь каждый.

Я встряхиваю головой в насмешливом отвращении, надеясь, что он не заметит выражения моего лица.

– Мне это нужно для представительства, в смысле, для бизнеса... – говорит он. – Если я посилюсь в крысятнике, это отрицательно скажется на моем имидже... ну, «Беверли», конечно же, не крысятник.

– Что-то я сомневаюсь, – говорю я. – Что еще за разделение, Саймон? Мы же вроде как одна команда.

– Мы сейчас говорим о народе из Лохэнда и Западного Хэйлза. Это будет для них настоящая роскошь! Я думаю об этом, Никки, в нашем отеле они бы чувствовали себя, как рыбы, вытасненные на берег. Вот честно, ты можешь представить себе Кертиса в «Карлтоне»? Мел с ее татуировками? Нет, я не буду смущать ни их, ни себя, – говорит он важно, голова высоко поднята, очки на носу.

– Какой же ты сноб, Саймон, – говорю я.

– Вздор! Я же из Лейта, как я могу быть снобом? Если уж мы об этом заговорили, то я социалист. Я просто играю политикой мира бизнеса, вот и все, – огрызается он, а потом говорит: – Лучше бы Рентой меня не наебывал, а то получится, что я просто выкинул деньги на ветер... в смысле, за номер... хотя мне и хватило ума отменить его бронь в «Карлтоне» и заказать ему номер тоже в «Беверли»... этот мудака доиграется...

– Марк нормальный мужик. Он встречается с Дианой, а она просто лапочка.

– Это если учесть, что он умеет внушить доверие, когда захочет. Но ты не знаешь его так, как я. Имей в виду, мы с ним вместе росли. Я его знаю. Он мошенник. Мы все такие.

– Как низко ты себя оцениваешь, Саймон! Вот никогда бы не подумала.

Он трясет головой, как собака, выходящая из моря.

– Я имею в виду в положительном смысле, – говорит он. – Но я знаю его натуру. Если эта Диана твоя подружка, я бы на твоём месте посоветовал ей приглядывать за своей сумочкой.

Мы садимся в такси и едем вдоль побережья, по забитой машинами дороге.

– Я хотел обосноваться в «Отель дю Кап», – объясняет Саймон, – но это далеко от центра, пришлось бы тратиться на такси. Это прямо на Ла Круазетт, – говорит он и начинает ругать медлительного таксиста-латиноса на выразительном французском. – Vite! Je suis tres presse! Est-se qu'il y a un itineraire de degagement?

В конце концов мы приезжаем на место и выбираемся из такси. Два носильщика направляются напрямиком к нашим сумкам.

– У нас поселяетесь, месье, мадемуазель?

– Oui, mesie, – отвечаю я, но Саймон не торопится заходить. Стоит, смотрит на море, наблюдает за деловитой толпой, текущей по Круазетт, а потом вдруг резко оборачивается ко мне. – Саймон, ты в порядке?

Он снимает свои рэйбэновские очки и сует их в нагрудный карман своего желтого льняного пиджака.

– Просто хочу насладиться моментом, – вздыхает он, стискивая мою руку, и я вижу, что у него на глазах – слезы.

Мы заходим в фойе, где все так и пышет роскошью, в которой господствуют черные с золотым колонны. Присутствует мрамор трех оттенков: серый, оранжевый и белый, – и обильная лепнина из золотых листьев. Эти хрустальные люстры, надменно висящие на огромных медных цепях, мраморный пол, белые стены и проходы в виде арок – они просто кричат о богатстве и шике.

Полы в нашем номере застланы коврами с таким длинным ворсом, что кажется, будто идешь сквозь слой патоки. Кровать – не просто большая, она огромная. Телевизор с 50 каналами. Здоровенная ванная комната буквально забита всевозможными туалетными принадлежностями, а в ведерке со льдом стоит приветственная бутылка «Розы Прованса». Саймон тут же ее открывает, наливает нам по бокалу и выносит их на балкон с видом на море. Я выглядываю наружу – и прямо вижу, какое впечатление производит на людей этот отель. Они гуляют по приморскому бульвару, глаза на нас. Саймон, очки опять на носу, устало машет рукой каким-то туристам, и они толкают друг друга локтями и снимают нас на свои камеры! Вот интересно, за кого они нас принимают?!

Мы отдыхаем на балконе в центре мира, радостные и довольные, попивая розовое вино. От жары и вина меня клонит в сон, тем более что я вчера малость перебрала у Гэва.

Но мы здесь. Я здесь. Я актриса, звезда, бля, здесь, в Каннах.

– Интересно, кто еще сейчас остановился в этом отеле? Том Круз? Леонардо Ди Каприо? Брэд Питт? Может, прямо в соседнем номере!

Саймон пожимает плечами и хватается за мобильный.

– Да кто угодно. Но им придется считаться с нашими планами, – говорит он лениво, набирая номер. – Мел! Вы в отеле... Прекрасно. Кертис нормально себя ведет?... Хорошо... Развлекайтесь пока сами, а мы за вами заедем в семь. После показа будет вечеринка, и я надыбаю всем приглашенные... Не слишком там напивайтесь... Ага, правильно... Хорошо, идите на пляж или телик посмотрите... Встречаемся в холле, у вас в гостинице, в семь... Хорошо, – говорит он, отключая телефон. – Какая неблагодарность, – говорит он и изображает Мел. – У нас с Кертисом бабок нету, Саймон, как же ж мы в магазины без бабок пойдем?

Я вдруг понимаю, что я ужасно устала.

– Я, может, часок подремлю, Саймон, – говорю я ему и иду в комнату.

– Ага, – говорит он, встает и идет за мной.

Он включает порнографический фильм из списка на телетексте канала «для взрослых». Он выбирает фильм под названием «Через заднюю дверь: войти через выход».

– Вот это круто, я никогда раньше не думал, что название этого альбома Led Zeppelin как-то связано с анальным сексом. Подтверждает мои подозрения, что Пэйдж был тот еще фантазер, ну, знаешь, все эти штучки Кроули, все это дерьмо.

– Зачем ты это включил... – сонно бормочу я.

– Во-первых, это возбуждает, во-вторых, мы проверяем противника. Вот посмотри!

Женщина лежит на спине, и ее ебут. Дальше мы видим, что ее ноги закинута на плечи парню. Смысл в том, что он давит ей на спину, чтобы достать до задницы, и он ебет ее в анус, но при таком ракурсе съемки невозможно понять, ебет он ее в задницу или в пизду. Еще я замечаю, что у женщины большие синяки на запястьях, некоторые из них уже желтеют. Это не столько противно, сколько безвкусно, и мне совершенно не интересно на это смотреть, и меня клонит в сон. Честно говоря, меня вообще не прикалывает смотреть, как ебутся другие люди, меня это утомляет. Этот матрас такой мягкий, такой удобный, как и халат, предоставляемый отелем, и я уплываю...

Я просыпаюсь из-за того, что немного замерзла. Халат на мне раскрыт, пояс развязан, и я вижу Психа, который сидит на кровати, склонившись надо мной, и неистово мастурбирует. Я быстро запахиваю халат.

– Блядь... ты все испортила, – говорит он.

– Ты что... драчишь на меня?!

– Ну и что?

Я резко сажусь на постели.

– А может быть, мне еще надо покрасить губы синей помадой и притвориться мертвой?

– О нет, – говорит он, – я же не некрофил какой-нибудь. Здесь все вполне невинно. Это как поклонение женскому телу. Ну что за на хуй, ты что, никогда не слышала о «Спящей красавице»?

– Вместо того чтобы просто заняться со мной любовью, ты сидишь и драчишь на меня и смотришь при этом дрянную порнушку. Что же это за поклонение такое, Саймон?

– Ты не понимаешь... – Он фыркает, и у него течет из носа, а потом он говорит: – Мне нужна... мне нужна какая-то перспектива, нах.

– Что тебе нужно, так это кокса поменьше нюхать, – кричу я, но только наполовину искренне, потому что действительно хочу спать.

И когда я уже засыпаю, я слышу его монотонный голос:

– А ты-ы-ы... ты куришь слишком много травы и вечно порешь какую-то чушь, – говорит он, – но за это я тебя и люблю. Никогда не меняйся, Ники. Травка – это прекрасный наркотик для девочек, травка и экстази. Я так рад, что ты не употребляешь кокс. Это наркотик для парней, девушкам его принимать нельзя. Я знаю, что ты на это скажешь, что это мужской шовинизм. Но нет, это лишь наблюдение, основанное на признании различий между мужчиной и женщиной, различий в смысле анатомии, что и составляет позицию феминисток. Так что я тебе аплодирую, детка, мысленно аплодирую... – говорит он и выходит из номера.

За ним закрывается дверь, а я думаю про себя: ну и слава Богу.

73. Афера № 18752

Возвращаясь на Круазетт, я лавирую по узеньким боковым улочкам, внимательно приглядываясь ко всему на своем пути, выжигая в мозгу несмыслимые отпечатки планировки города. Я оцениваю меховые манто, как очень опытный фермер на Инглистонском Королевском Шоу Хайленда оценивает породистый скот. Я слышу кудахтанье девочек на сексуальной ярмарке, и мне достаточно одного взгляда, чтобы дать им исчерпывающую оценку и прикинуть их стоимость. Пиар просачивается в мобильные телефоны сквозь улыбки, похожие на парализованные гримасы, хозяева дорогих магазинов и разносчики, преисполненные надежд, все они – только предмет для жадного «небрежного» взгляда.

Вся эта постановочная игра – это просто кусок дерьма. Зачем останавливаться на порно, почему бы не сделать нормальный фильм? Достать какие-нибудь случайные деньги – и вперед. Все так и делают. Каждый крупный бандит понимает, что лучший преступник – это бывший преступник. Вкладывай деньги в дело и становись законопослушным гражданином, при первой же возможности. Надо работать по-крупному, а тюрьма – это для таких, как Бегби, которые, несмотря на все их понты, все равно жертвы и неудачники. А человек с головой, даже если он и попадет в тюрьму, так, на полгодика, за какую-нибудь ерунду, по молодости, так ему этого полугода вполне достаточно. В общем-то невысокая плата за то, чтоб научиться уму-разуму.

А если после полугода отсидки ты так и не понял, что это не для тебя, тогда у тебя и вправду нелады с мозгами. Никто не любит тюрьму, но некоторые мудаки не любят ее недостаточно сильно.

Канны – вот это для меня. Это – олицетворение реализованных возможностей. Но дело даже не в том, что это не Лейт и не Хакни, дело не в положении в пространстве, дело во мне. Теперь я не просто отчаявшийся жулик, ничего не имеющий на продажу. Я вполне понимаю, что вне зависимости от того, сколько я заплатил за все это в прошлом, я никогда бы не смог избавиться от этой легкой предсказуемости, на грани отчаяния. И раньше я ничего не мог, потому что, когда доходило до дела, все это было простой показухой – мне было не с чем выйти на рынок. И вот, по прошествии многих лет, собрав несколько тел в потную кучу и засняв результаты на пленку, я получил готовый продукт – что-то, что можно продать. Что-то, что я сделал сам. У Саймона Уильямсона есть продукт, и Саймон Уильямсон – это уже не Псих. Это бизнес, тут ничего личного. Я рекламирую фильм Саймона Дэвида Уильямсона.

Я возвращаюсь в отель, намереваясь позагорать и вообще отдохнуть, может быть, пообщаться с какими-нибудь симпатичными цыпочками. У нас не так много времени, а этот шут гороховый из отеля меня просто взбесил: четыре сотни за ночь, так еще надо платить пятнашку в день за пользование частным пляжем перед отелем – так же, как и не проживающему в отеле плебсу, которых по-любому надо бы держать подальше отсюда.

Никки уже проснулась, но поскольку у нас мало времени, мы обедаем прямо в отеле. Она, в общем, не особенно напрягается – после того как застала меня онанирующим на нее. Мне вроде как удалось убедить ее, что это не оскорбление ее достоинства, а вовсе даже наоборот. После обеда мы заезжаем за Мел и Кертисом, чтобы всем вместе ехать на показ «Семи раз для семи братьев».

Кинотеатр, в котором его показывают, – это маленький, но модный зальчик на одной из боковых улочек. Ходили слухи, что на показе должны появиться Ларе Лэвиш, Бен Доувер, Линей Дрю и Нина Хартли (кумир Никки), но я не вижу ни одного знакомого лица. Народу собралось довольно много, где-то с ползала, и еще несколько человек проскользнули в зал уже после того, как погасили свет. Я внимательно изучаю аудиторию, пытаюсь оценить реакцию публики.

Я так возбужден, что мне сейчас никакой кокс не нужен, но я все равно втягиваю чуток. Мел и Кертис следуют моему примеру. Я не могу удержаться и издаю тихий стон.

– О-о-ох, – когда обнаженная Мелани в первый раз появляется на экране. Мел игриво тычет меня под ребра. Но уж кто производит фурор – так это Никки. С того момента, как она стягивает с себя узкий топ из лайкры и тонкие трусики, выставляя на всеобщее обозрение выбритую промежность, и высокомерно глядит с экрана, в воздухе собираются электрические разряды. В зале раздаются несколько громких одобрительных возгласов, и я смотрю на нее и вижу, что она робеет. Я ободряюще сжимаю ее руку. Потом следует настоящий удар – это Кертис, вернее, член Кертиса. Стоило зрителям только увидеть эту могучую дуру, как в зале опять раздалось восхищенные восклицания, и я вижу, как наш мальчик улыбается во все свои тридцать два зуба.

После показа мы все получаем положенную порцию поздравлений и рукопожатий, происходит непрерывный обмен визитками, но нам надо спешить, чтобы успеть на тусовки. Я знаю одну, куда мне очень охота попасть, на вечеринку в клубе «Марке» на Круазетт. Все, кто снимается в порно, буквально рвутся туда, и это вроде как полузакрытое мероприятие, но мне удалось достать четыре пригласительных – и вот мы внутри.

После нескольких бокалов Никки развозит, и она начинает действовать мне на нервы.

– Почему у тебя такой голос смешной, а, Саймон? – встревает она в мой разговор с этой пиздатой куколкой с длинными и прямыми светлыми волосами, которая, несомненно, является большой фигурой в «Фокс Серчлайт». – Он всегда мне пеняет, что у меня идиотский акцент, а сам, едва вышел из самолета, тоже заговорил совершенно по-идиотски.

Девочка из «Фокса» приподнимает бровь, а я изображаю вымученную улыбку.

– Какой акцент, Николая? Я так всегда разговариваю, – медленно говорю я.

Никки пихает Мел локтем и говорит:

– Я так ражговариваю, Никола. Мя жовут Уильямшон. Шаймон Дэфид Уильямшон.

– Или попросту Псих! – гогочет Мел, и эти ебливые, испорченные, ревнивые мегеры, не умеющие себя вести в приличном обществе, скалят зубы, как, блядь, ведьмы в «Макбете», и тут к нам подходит какой-то противный пидор, берет «Фокс Серчлайт» под ручку и уводит ее прочь.

Я просто киплю от злости.

– Так мы вряд ли чего-то добьемся, если тут под меня будут подкапываться, когда я стараюсь наладить связи и продать этот блядский фильм, на который мы все угробили полгода жизни, – цежу я сквозь зубы, глядя на эту лисичку из «Фокса». В общем, охота сорвалась.

Я иду в туалет и уже собираюсь втянуть в себя кокс, но тут входят какие-то парни и заходят в кабинку, а я увязываюсь за ними и разживаюсь у них парой дорожек на шару. Возвращаюсь уже подзаряженным, осматриваюсь и вижу, что Никки и Мел как-то слишком уж увлеклись флиртом с какими-то ублюдочными козлами. Кертис, похоже, куда-то пропал. Я направляюсь к девушкам. Один из парней, тот, который трепался с Никки, видит, как я подхожу, и заносчиво спрашивает:

– А ты кто такой?

Я подступаю к нему вплотную.

– Я тот мудака, который сейчас тебе нос сломает. За то, что ты мою птичку разводишь, – говорю я, приобнимая Никки за талию. Этот задрот что-то вякает, но как-то сразу сникает и быстренько ретируется. К сожалению, Никки с Мел тоже уходят, делая вид, что идут за напитками, и я понимаю, что мое выступление не произвело на них ни малейшего впечатления.

Я возвращаюсь обратно в сортир, и один из парней, у которых я разжился коксом, подходит ко мне и смотрит с надеждой.

– Прошу прощения, приятель, частная вечеринка, – говорю я.

– Так не честно... – жалобно тянет он.

– Постдемократия, приятель. А теперь отъебись. – Я захлопываю дверь кабинки у него перед носом и закидываюсь порошком.

И вот я опять наверху, плыву белым лебедем в своей стихии, и тут мое плавное продвижение прерывает этот певучий акцент прямо над ухом:

– Са-аймон! Как дела, дружище?

Это тот отвратительный пидор, Миз, и я уже собираюсь проявить по отношению к нему вопиющую бесцеремонность, если не откровенную грубость, поскольку теперь он уже исчерпал для меня всю свою полезность, но он вдруг говорит:

– Хочу тебя кое с кем познакомить. – Он кивает на высокого парня с усами, который стоит у него за спиной. И вид у него смутно знакомый. – Это Ларе Лэвиш.

Ларе Лэвиш – один из первых европейских порнозвезд, ставших продюсерами. О его способности к эрекции ходят легенды, и он известен как крестный отец эксцентричного порно – он знакомился с девушками на улицах Парижа, Копенгагена и Амстердама и заманивал их к себе в студию, где они с ним снимались в порноимпровизациях. У мужика – поразительная способность уламывать и уговаривать. С упором на личное обаяние, ну и, конечно же, с привлечением денежных и половых интересов. Недавно он заключил крупную сделку с одним из ведущих кинопрокатчиков, и теперь сам делает все, что хочет, а также имеет полный режиссерский контроль. Другими словами, я перед ним благоговею. Это мой герой, мой наставник. У меня в голове все плывет, я и думать-то не могу толком, не говоря уж о том, чтобы что-то сказать.

Ларе Лэвиш.

– Ларе. – Я пожимаю его руку и даже не обращаю внимания на то, что свободной рукой он обнимает Никки.

– Рад с тобой познакомиться, Саймон, – усмехается он, поглядывая на Никки. – Эта девочка – просто супер. Она – самая-самая! «Семь раз», парень, это действительно классно! Я думаю, что нам надо бы обсудить прокат этого фильма. Я даже думаю, что можно будет устроить ограниченный показ в кинотеатрах.

Я, наверное, умер и попал на небеса.

– В любое время, Ларе, в любое время, приятель.

– Вот моя визитка. Пожалуйста, позвони мне, – говорит он, потом чмокает Никки в щечку и уходит в толпу вместе с Мизом, который оглядывается на меня и удовлетворенно кивает головой.

У нас с Никки выходит какой-то странный разговор, который немного меня напрягает.

– Почему это все эти мужские журналы типа Loaded, FHM, Maxim так похожи на порнографические, вроде Playboy, Penthouse и Playboy, строгая обложка, а внутри – снимки ню? Потому что мужские журналы – они для мужчин, которые любят драть, то есть для всех мужчин, просто некоторые мужчины никогда не признаются в том, что они драчат. Если ты нормальный мужик, с воображением, и с половым влечением у тебя все в порядке, то как же тебе не драть? Все это дерьмо, которое там несет Рентой, ну, что у него встает при одной только мысли об определенных вещах, и тогда он идет и начинает приятный, взрослый разговор со своей приятной и взрослой девушкой, и они обсуждают чувственность, и разыгрывают свои фантазии, морально поддерживая друг друга, питая при этом взаимное уважение и стремясь сделать друг другу приятное...

– Но...

– ВСЕ ЭТО ХУЙНЯ! Нет, нам нужны сиськи и задница, и они должны быть доступны для нас всегда, чтобы их можно было облапать, выебать, подрочить на них. Потому что мы мужчины? Нет. Потому что мы – потребители. Потому что нам это нравится, в нас это природой заложено. Нам надо чувствовать себя полноценными. Нам нужна самореализация, удовлетворение. И есть вещи, которые помогают нам это почувствовать. Мы их ценим, и нам нужна по крайней мере иллюзия их доступности. Вместо сисек и задницы может быть кокс, деньги, катера, машины, дома, компьютеры, лэйблы дизайнеров, модельные рубашки. Вот почему реклама и порнография – это одно и то же; они продают иллюзию доступности и не отвечают за потребление.

– Твои рассуждения меня утомляют, – говорит Никки и уходит.

Ну и пошла ты на хуй. Я парю в вышине, блядь, и все вокруг, все, что меня окружает, оно будет со мной считаться. Будет, блядь. Можете не сомневаться.

74. «...начало убийственного цистита...»

Ларе Лэвиш пытается залезть ко мне в трусы. Эти мужики из порно, они напористые и тупые – прут напролом. Это скучно, но все-таки поинтереснее, чем общество Саймона. Саймон – он словно заноза в заднице, причем заноза, насквозь пропитанная кокаином. Я не хочу быть с ним слишком жесткой, потому что это действительно его звездный момент, и пусть он им насладится, чтобы удовлетворить свое самолюбие по самое нехочу, и все в таком духе. Но он просто невыносим. Он хочет выебать все, что движется и попадает на глаза, совсем как Кертис, который и в самом деле ебет все, что движется. Шикарные девочки, болезненные, нервные и изнеженные, чуть ли не в очередь выстраиваются за этим хуем, весть о котором уже разлетелась по залу. И его важный вид явно указывает на то, что в конце концов этот молоденький парень станет просто одним большим членом. Из дешевой закуской – в порнозвезды.

Он опять ненадолго исчезает, понятно, что не в одиночестве, и вот они снова здесь.

– Как ощущения, Кертис?

– Классно, – говорит он, таща за собой эту девушку. У нее выпучены глаза, и она с трудом может идти. – Никогда в жизни так не отрывался!

И мне трудно с ним поспорить.

Я притягиваю его к себе и шепчу ему на ухо:

– Помнишь, что ты говорил о тех парнях? Ну, с которыми ты ходил в школу? Как они над тобой насмеялись, говорили, что ты урод? Ну, и кто оказался прав, а кто нет?

– Они ошибались, а я был прав, – говорит он. – Но... жалко только, что здесь нет Дэнни, и Филиппа, и остальных. Им бы тут точно понравилось.

Саймон слышит эти слова и вмешивается в разговор:

– Это как лондонское метро, приятель. Они там заранее для себя решили, что все пассажиры – тупое стадо. Знаешь, что там нет урн для мусора, так что ты типа должен с ним таскаться. А я вот не таскаюсь, я просто бросаю его, где придется. Но большинство-то как раз и таскается, вот и выходит, что их стараниями получается, что там и не нужно ставить эти урны.

– Я тя не понял...

– Я вот о чем, друг: ты просто бросаешь мусор, ты никогда не таскаешь его с собой и прекрасно себя чувствуешь, – говорит он важно.

Псих, Боже мой. Это все из-за Ронни, той девушки, ну, которая, как он говорит, из «Фокс Серчлайт».

– Ронни пригласила нас всех на вечеринку в «Фокс Серчлайт», завтра, – сияет он лучезарной улыбкой.

Я отвожу его в сторону:

– Найди ее, Саймон, и выеби прямо сейчас, она явно против не будет. Или у вас чисто назальный роман?

– Не глупи, Никки. Я ее и обхаживал только затем, чтобы попасть на эту гулянку.

Он просто куча дерьма. Вечеринка заканчивается, и мы идем в клуб, но там столько народу, что не протолкнуться, и мы решаем пойти к нам в отель.

– Круто, – говорит Кертис, явно под впечатлением от роскоши этого места.

Нашу маленькую вечеринку прерывает швейцар, который надменно интересуется:

– Вы гости этого отеля?

– Нет, даже если очень сильно напрячь воображение, я все равно не смогу утверждать, что мы гости, – церемонно отвечает Саймон. А когда одетый в униформу чинуша уже собирается вышвырнуть всех нас вон, он достает ключ от номера. – Положение гостя предполагает некоторую долю гостеприимства со стороны хозяев, ну, хотя бы элементарную вежливость. Да, мы остановились в этом отеле, но нет, повторяю, я бы не стал утверждать, что мы гости.

Швейцар собирается что-то сказать, но Саймон проходит в отель, заканчивая обсуждение раздраженным взмахом руки, как будто отмахиваясь от неприятного запаха. Я иду следом, изображая что-то вроде извиняющейся улыбки. Мел с Кертисом тоже слегка смущены. Мы поднимаемся в наш номер и опустошаем бар досуха, Саймон меня раздражает, так и вьется вокруг этой мисс «Фокс Серчлайт». Меня просто пугает, как они убирают кокаин на пару.

– Порнографический фильм... и вот этот Кертис – звезда? – спрашивает она, тупо глядя на Кертиса. Тот лежит на диване, а Мел качает головой.

– Ага, Кертис, и Мел, и Никки тоже, конечно же. – Псих снисходит до разъяснений. – В порно девушки всегда главные. Но у Кертиса есть кое-что, достояние, так сказать... что сразу его поднимает над толпой порноактеров, которые по пятаку за пучок. Конечно же, у меня тоже есть роль...

– Ой, и правда-а... – говорит мисс «Серчлайт» и гладит его по руке, и они пожирают друг друга глазами.

От их жаркого флирта меня подташнивает, как будто я объелась сахарной ваты. Какое-то время я еще слушаю Саймоновские разглагольствования, а потом чувствую, что засыпаю. В общем, я ухожу в спальню и заваливаюсь на кровать. А ночью я просыпаюсь, потому что мне очень хочется писать, и я, шатаясь, иду в туалет и там долго, мучительно писаю, как сквозь битое стекло, что предвещает начало убийственного цистита. Мини-бар пуст, Саймон с «Фокс Серчлайт» ушли, а Кертис и Мел спят, обнявшись, в шезлонге, полностью одетые.

Я сижу в туалете, пытаюсь выдавить из себя эту ядовитую мочу. Звоню в сервисное обслуживание номеров и прошу прислать мне нурофен. К счастью, у меня с собой есть циланол, и я принимаю одну таблетку. Тем не менее это мука; я не могу заснуть, меня лихорадит. Я вся в поту. И тут входит Саймон и видит, в каком я состоянии.

– Что с тобой, детка?

Я ему говорю, что со мной, и тут как раз появляется парень из обслуживания номеров. Саймон подает мне нурофен.

– Все пройдет, не волнуйся... ты приняла свой циланол? Я слабо киваю.

– Я не спал с этой Ронни, – вдруг говорит он, – мы просто пошли прогуляться по пляжу, потому что все остальные вырубались. Сейчас у меня только одна женщина, да. Ну, вне экрана, во всяком случае.

Прогулка по пляжу. Звучит так романтично... я предпочла бы, чтобы он просто по-быстрому ее выебал у нее в номере. Он видит Мел с Кертисом. Подходит к ним и трясет, чтобы разбудить.

– Уже почти утро. Может быть, вы нас оставите ненадолго одних, а, народ? Ну пожалуйста?

Лицо Мел кривится, но она встает:

– Ладно... пошли, Кертис.

Кертис поднимается и видит, что я вся заплаканная.

– А что с Никки?

– Женские проблемы. Скоро все будет в порядке. Увидимся, – говорит Саймон.

Однако Кертису этого недостаточно, и он подходит к кровати.

– Ты в порядке, Никки?

Он действительно за меня беспокоится. Он наклоняется и целует меня в разгоряченный лоб, и я обнимаю его. Потом подходит Мел, и я обнимаю и целую и ее тоже.

– У меня все нормально, таблетка, кажется, начала действовать. Это просто цистит. Слишком много вина и крепких напитков. Я думаю, что все из-за шампанского, какое-то оно было едкое.

Когда они уходят, мы с Саймоном ложимся в постель, спиной друг к другу, холодные и напряженные: я – из-за болей, он – из-за кокаина.

В конце концов я расслабляюсь, ложусь поудобнее и засыпаю. Просыпаюсь уже после полудня. Меня разбудило какое-то шевеление рядом. Саймон подходит и садится на кровать, с подносом в руках: круассаны, кофе, апельсиновый сок, сладкие булочки и свежие фрукты.

– Ну как, тебе лучше? – спрашивает он и целует меня.

– Да, намного. – Я смотрю ему в глаза, и мы оба молчим.

А потом он сжимает мне руку и говорит:

– Никки, вчера я вел себя отвратительно. И это не из-за выпивки или кокса, это из-за успеха. Я хотел, чтобы все было правильно, но я – полный урод, просто фашист.

– Что в этом нового? – говорю я устало.

– Но пусть это будет сегодня. До того, как мы поедем в «Фокс Серчлайт», – говорит он, расплываясь в улыбке. – У меня есть хорошие новости.

Он прямо весь светится. Надо ему подыграть:

– Что такое?

– Нас внесли в список вероятных лауреатов в номинации лучший фильм на Фестивале кино для взрослых! Мне звонили сегодня утром!

– Ух ты... это... это же просто здорово. – Мой собственный голос звучит словно издали.

– Еще бы не здорово, – радостно отвечает Саймон. – А ты, я и Кертис номинированы в категории лучший дебют. Как актриса, режиссер и актер.

Я чувствую такой прилив восторга, что меня почти что подбрасывает к потолку.

Чтобы отпраздновать это дело, Саймон ведет меня обедать. В ресторан, который, как он утверждает, один из лучших – и не только в Каннах, но и во всей Франции. Что, конечно же, означает – во всем мире.

Я надела платье цвета зеленой груши с блестками от Прада и туфли на шпильках от Гуччи. Волосы подняты в высокую прическу, из украшений – пара маленьких золотых сережек, ожерелье и несколько браслетов. Саймон, который оделся в желтый хлопчатобумажный костюм и белую рубашку, смотрит на меня и качает головой.

– Ты просто сама суть женственности, – говорит он, и, похоже, его восхищение искреннее.

Меня так и подмывает спросить, а не говорил ли он то же самое «Фокс Серчлайт» вчера вечером, но я все-таки сдерживаю свой порыв, потому что не хочу портить момент. Такие моменты бывают нечасто.

Ресторан и впрямую замечательный, такой маленький и уютный прованский рестораник, где приготовление пищи возведено в ранг высокого искусства. Мы начинаем с *amuse-bouches*, потом берем очищенные *homard bleu, sue de truffe noire et basilic piles* и куриные грудки-*demi-deuil*, с чернильным соусом из трюфелей *piece de resistance*, и зеленый салат с креветками. Восхитительно.

На десерт я беру *sofie-chocolate soupe giasee* с чашечкой жидкого шоколада и кусочком *brioche*, который надо макать в шоколад. Все это мы запиваем бутылкой шампанского «Кристалл» от Louis Roederer, шардонне Clos du Bois и двумя большими бокалами коньяка «Реми Мартэн».

Мы в упоении, мы сидим, все такие довольные и расслабленные, что-то обольстительно шепелявим друг другу на ломаном французском, и тут у Саймона звонит мобильный, который зеленый. Меня раздражает, что он вообще никогда их не отключает.

– Алло?

– Кто это? – шиплю я с досадой. Мне очень не хочется, чтобы сейчас нам мешали.

Саймон закрывает трубку рукой. Вид у него немного встревоженный, но потом он выдает язвительную улыбку.

– Это Франсуа. Какие-то дико важные новости про карточную школу в Лейте. – Он спокойно говорит в трубку. – Я во Франции, Френк, на Каннском кинофестивале.

На другом конце линии слышится резкий и громкий голос. Саймон отводит телефон подальше от уха. Потом он игриво подмигивает мне и говорит в трубку, приложив свободную руку к другому уху:

– Френк? Ты еще здесь? Алло?

Он закрывает рукой микрофон и посмеивается.

– Франсуа – натура сложная. А я как-то забыл, что Каннский кинофестиваль и игры Лейтской карточной школы проходят одновременно. И что мне теперь делать? Срочно искать вертолет и мчаться в Лейт? – хихикает он, пожимая плечами, и я тоже смеюсь. – Ты еще здесь, Френк? Алло? – кричит он в трубку. Потом скребет ногтем по поверхности мембраны микрофона. – Я тебя не слышу, и ты пропадаешь. Я тебе потом перезвоню, – говорит он, захлопывает телефон и отключает его. – Он такой долбоеб, что его даже нельзя ненавидеть. Это уже за пределами ненависти, – говорит он, изображая ошеломленное восхищение. – Мужик просто выше всего, и любви, и ненависти... он просто... есть.

Потом он тянется через стол и берет меня за руку.

– Знаешь, я не понимаю, как такое возможно, что вы существуете в одном мире – ты и он. Как может планета Земля производить таких разных людей?

И мы опять погружаемся друг в друга. Саймон периодически окидывает зал высокомерным взглядом, но в основном мы смотрим друг на друга – просто пожираем друг друга глазами. После такой близости душ далее хорошая ебля покажется жалким подобием интимности. Ну, почти.

– У нас еще будет время вернуться в номер перед тем, как мы встретимся с остальными? – спрашиваю я.

– Даже если его не будет, я его все равно найду, – отвечает он, помахивая мобильным.

Я иду в туалет и сую два пальца в горло, чтобы меня стошнило, потом полощу рот специальной жидкостью, которую всегда ношу в сумочке. Еда была просто роскошная, но слишком жирная и калорийная. Как и большинство современных, интеллигентных женщин, я юнгианка, но у Фрейда была одна заморочка, которую я разделяю целиком и полностью: он ненавидел толстых. Скорее всего потому, что толстяки, как правило, люди уравновешенные и довольные жизнью, и они не пополняли его карманы, как дерганые, костлявые невротики. Но сейчас, в этот конкретный момент, я счастлива. Я получила свой кусок пирога и съела его целиком, а потом исторгла его из себя, до того, как он успел мне навредить.

Когда я возвращаюсь обратно в зал, там слышен какой-то шум, причем шум происходит от нашего столика. И мне это очень не нравится.

– Быть такого не может, чтобы лимит этой карточки был превышен, – кричит Саймон на официанта. Его лицо покраснелось от выпитого, а может быть, и от кокаина.

– Но пожалуйста, месье...

– МНЕ КАЖЕТСЯ, ВЫ МЕНЯ НЕ СЛЫШИТЕ! ЭТОГО ПРОСТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, БЛЯДЬ!

– Но, месье, пожалуйста...

Голос Саймона превращается в тихое шипение:

– Это тебе так не пройдет, мудила-лягушатник! Ты хочешь, чтобы сюда заходил Том Круз? Чтобы здесь обедал Ди Каприо? Завтра я собирался встретиться здесь с Билли Бобом Торнтоном, чтобы обсудить грандиозный проект, нах...

– Саймон! – кричу я. – Что происходит?

– Извини... ладно, ладно. Произошла какая-то ошибка. Возьмите вот эту. – Он подает официанту другую карточку, которая тут же проходит. Метрдотель кисло кивает, а Саймон весь так и пышит праведным гневом, он не только не оставляет чаевых, он еще и кричит на весь зал, выходя: – JE NE REVIENDRAI PAS!

Я даже не знаю, как отнестись к этому маленькому инциденту: то ли злиться, то ли смеяться. Поскольку настроение у меня все еще благодушное, я склоняюсь ко второму и нервно смеюсь.

Саймон кисло смотрит на меня, потом качает головой и тоже смеется:

– Хрень какая-то получается, это карточка компании «Бананацюрри», ну, по которой я хотел расплатиться. На ней куча денег. Все деньги с аферы один-шесть-девять-ноль лежат на ней, и только у нас с Рентом есть право подписи, а он сейчас в Да... – Он замирает на секунду, и холодная паника пламенеет в его глазах. – Если. Этот. Мудак...

– Не будь параноиком, Саймон. – Я продолжаю смеяться. – Марк будет здесь завтра, как мы и договаривались. Давай вернемся в отель, – шепчу я ему на ухо, – и займемся любовью...

– Любовью? Любовью, блядь? Когда рыжий пидор, может быть, забирает, на хуй, все, над чем я столько трудился, блядь?!

– Не глупи... – говорю я.

Саймон вытягивает руки вперед, сцепив пальцы в замок, как будто пытаюсь успокоиться.

– Ладно... ладно... может быть, я веду себя глупо. Вот что я тебе скажу, возвращайся в отель и дай мне пятнадцать минут, чтобы собраться с мыслями и сделать пару звонков.

Я хмуро смотрю на него, но он не сдвигается с места. Я возвращаюсь в отель, наливаю себе выпить и думаю об ублюдке, как он прогуливался по пляжу с этой сукой «Фокс Серчлайт».

Вскоре подходит и Саймон. Он абсолютно спокоен, и настроение вроде бы у него поднялось.

– Ты нашел Марка, я правильно понимаю?

– Нет, но я поговорил с Дианой. Она сказала, что он только что звонил ей из Амстердама. Он будет еще ей звонить, так что я ей сказал, чтобы она ему передала, чтобы он сразу же мне перезвонил, – говорит он и добавляет умоляющим тоном: – Прости, малыш, я был весь на нервах. Опять этот

кокс...

Я подхожу к нему и нежно беру его за яйца, прямо сквозь брюки. Я чувствую, как напрягается его член. Его губы растягиваются в улыбке.

– Ах ты, сексуальная маньячка, – смеется он, и вот он уже на мне и во мне, и мы занимаемся любовью с такой отчаянной одержимостью, даже жарче, чем когда в первый раз.

Потом мы встречаемся с Мел и Кертом и отправляемся на вечеринку в «Фокс Серчлайт». Поначалу там скучно, но у них там хороший диджей, и он оживляет обстановку, и уже очень скоро нас снова колбасит. По окончании сейшна мы садимся на катер и едем на прием на корабле «Private», это старое судно для морских круизов, оно стоит на вечном приколе, и там теперь киностудия. Это специальная вечеринка для порнозвезд, с грохочущим, модным европейским техно и бесплатной выпивкой. Саймон весь как комок нервов, все время висит на мобильном, дозванивается до Марка. Он пытается держать удар.

– Если и после этой музыки ты не захочешь анального секса, Никки, то не захочешь уже никогда.

– Ты прав, – говорю я ему, – никогда.

Мы с Мел и Кертисом идем на танцевальную палубу, хотя Кертис периодически исчезает и возвращается с довольной усмешкой на лице и очередной ненормальной старлеткой на буксире. Нас с Мел отчаянно атакуют ражие парни, включая Ларса Лэвиша и Миза, но мы наслаждаемся упоением власти, отшиваем их всех, только сначала флиртуем самым возмутительным образом и играем своей сексапильностью. Потом мы с ней уединяемся в туалетной кабинке и занимаемся там любовью, доводя друг друга до оргазма, а ведь мы всего-навсего во второй раз вот так вот интимно общаемся не перед камерой.

Когда мы возвращаемся обратно на палубу, возбужденные и довольные, мы видим, что Саймон все еще терзает мобильник. Прибывают еще катера, и яхта наполняется народом. Краем глаза я вижу стройную девушку с длинными светлыми волосами, что меня совершенно не удивляет, но вот голос парня, который обращается к ней, заставляет меня быстренько обернуться в ту сторону. Саймон тоже стоит и смотрит с отпавшей челюстью, чуть мобильник, бедняга, не выронил.

– ...ага, все считают, што меня называют Терри Сок из-за количества сока, который я выплескиваю из себя на этих любительских порносьемках. Но не-ет, это еще раньше пошло, когда я занимался доставкой соков, ну и прочих напитков, которые вы там у себя, в Америке, называете содовой и газировкой, но технический термин для этого дела – аэрированная вода, да. Слушай, куколка, как насчет сходить вниз ненадолго, посмотреть корабль и все такое? Мож, и не только корабль?

– Лоусон! – кричит Саймон.

– Психхи! – ревет в ответ Терри, потом видит меня и Мел. – Никки! Ну и ну! Мел! Вот класс какой! – Он поворачивается к своей спутнице. – Это Карла, она из нашего бизнеса, ну, работает в долине Сан-Фернандо. Еще раз, как твой фильм называется, куколка?

– «Любитель анальных игр в Городе Влагалищ», – криво улыбается американка.

– Ага, и Биррел здесь, то есть старший Биррел, вот как. Сказал, собирается навестить свою птичку в Ницце, а я вроде как сел на хвост. Раз меня не приглашали, я, значит, сам пригласился. Сел себе в поезд и зарулил за пригласительным в павильон фестиваля порнофильмов. Сказал там, что я Терри Сок из «Семи раз», и мне дали пропуск. – Он показывает на оранжевый бэджик с надписью ЧАСТНЫЙ ПОКАЗ ФИЛЬМОВ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ, ТЕРРИ «СОК» ЛОУСОН, АКТЕР, четким красивым шрифтом. – Не могу уже прямо дожидаться, когда я вернусь в Эдинбург и пройду по Слатлэнду в Уэст-Энде с вот этой вот штукой.

– Рад, что ты с нами, Тел, – сухо говорит Саймон кратко, – прошу прощения, я на минутку. – Он направляется к правому борту, нажимая кнопки на зеленом мобильнике.

Терри игриво хватая меня за задницу, потом повторяет это упражнение с Мел и, небрежно нам подмигнув, исчезает с Карлой, которая, очевидно, уверена – благодаря тому, что Саймон там режиссировал в «Семи разях», – что у Терри член, как у Кертиса.

– Она будет разочарована, – хохочет Мел, – хотя не так уж и сильно.

Этот европейский техно такой драйвовый, что мне уже почти жалко, что у меня нет экстази, хотя вообще-то я химией не увлекаюсь. Через какое-то время к нам подходит встревоженный Саймон с очередным сообщением:

– До Рентона не дозвониться, но он сейчас должен быть в дороге, а эта очкастая крошка, Лорен, говорит, что и Диана уехала! То есть это я так понял, что она уехала. Эта мелкая сварливая шлюшка

не хочет со мной разговаривать, Никки. Позвони ей сама. – Он сует мне свой белый мобильник. – Пожалуйста, – просит он.

Я звоню Лорен и спрашиваю, как дела, как здоровье. Потом я спрашиваю про Диану. Потом поворачиваюсь к Саймону:

– Диана всего лишь уехала к маме, на пару дней, вот и все. У нее со здоровьем какие-то нелады.

– А какой там, телефон, у матери? Мне нужно поговорить с Дианой!

– Саймон, чего ты психуешь? Марк завтра приедет. Он же сам говорил, он ни за что на свете этого не пропустит! – говорю я, покачиваясь в такт музыке.

Но Саймон трясет головой. Он совершенно меня не слушает.

– Нет... нет... – стонет он, а потом бьет кулаком по раскрытой ладони, – этот мудила Рентой... ну ладно, уебок, раз так! – Он достает свой зеленый мобильный.

– А теперь ты кому звонишь?

– Бегби!

Мелани в изумлении смотрит на меня.

– Почему он звонит Бегби с зеленого, а Лорен – с белого?

Он как-то раз мне объяснил насчет этих мобильных разноцветных, но это было так скучно, что я не вникала. Теперь Саймон со все возрастающим нетерпением выслушивает шумную тираду по телефону, а за спиной у него пламенеет закат. В конце концов он орет в трубку:

– Да на хуй все то дерьмо. Ты меня послушай. Рентой вернулся. Куда?! Туда! В Эдинбург!

Потом следует краткая пауза, и вид у Саймона недоверчивый, и вдруг он орет благим матом:

– Что?! Через дорогу?! Какого хуя... Задержи его, Франко! НЕ УПУСТИ ЕГО! У НЕГО МОИ ДЕНЬГИ, БЛЯДЬ!

Он пристально смотрит на умолкший телефон у себя в руке, потом грубо трясет его:

– МУДАК БЕЗГОЛОВЫЙ, БЛЯДЬ!

Подходят Миз с Ларсом Лэвишем. Миз тянет Саймона за рукав.

– Знаешь, Саймон, мы тут подумали...

К моему несказанному ужасу, Саймон разворачивается и со всей дури бьет его головой в лицо, и вот он уже сидит верхом на бедном Мизе и орет:

– ВЫ, МУДИЛЫ ГОЛЛАНДСКИЕ, ВЫ МОИ ДЕНЬГИ ЗАБРАЛИ, НАХ, ГРЯЗНЫЕ РЫЖИЕ ПИДОРЫ...

Наконец мы его оторвали от Миза – то есть все мы, и еще шесть громил-шведов, очень вовремя подоспевших на помощь. Терри опять появился на палубе, и он смеется, глядя, как эти амбалы подталкивают Саймона к сходням.

– Тебе еще повезло, что нам тут полиция совершенно не в тему, а то мы бы вызвали пару нарядов, – кричит один из громил Саймону, а мы тоже спускаемся на катер: я, Кертис, Мел, две какие-то девушки, Терри и Карла. Терри исподтишка бьет разговорчивого шведа по кумполу.

– Поговори мне еще, – говорит он. Парень остается стоять на месте, недовольно потирая челюсть, и вид у него такой, как будто он сейчас расплатится, а катер уже отходит от лайнера. Направляясь к берегу, мы слышим истошные вопли Миза:

– Он сумасшедший! Псих – Псих и есть! Терри оборачивается к Кертису:

– Твой член сослужил мне хорошую службу, приятель, – говорит он, приобнимая Карлу за плечи. Потом он внимательно смотрит на Керта, у которого с каждого боку стоит по девушке.

– Думаю, он и тебе тоже вреда не приносит.

Я смотрю на Саймона, который сидит, плотно зажмурив глаза и обхватив плечи руками, и бормочет сдавленным шепотом:

– ...toleranza zero... toleranza zero... – снова и снова.

– Саймон, что это значит?

– Я только надеюсь, что Френсис Бегби убьет Марка Рентона. Я очень на это надеюсь. Я об этом молюсь, – говорит он и крестится.

75. Карточная школа

Выпивка после полудня: это губит тебя, ты знаешь, но ты просто не можешь сопротивляться, блядь. Тем не менее мне иногда кажется, что я их вижу, вижу, как они в бар заходят. Этот придурочный пидор Доннелли и скотина Чиззи. Вот в чем проблема: при том, что дел куча, времени на чтобы

думать все равно слишком много, особенно дома. Вот почему я хожу в кабак. Просто чтобы ни о чем не думать.

Нелли замолкает и начинает крутить свою кружку.

– Что с тобой, блядь, такое? – спрашиваю.

– Ларри вчера звонил. Когда я тут с вами сидел. – Он кивает Малки. – Моя была дома одна, с детьми. Он говорит: «Я шас за вами приду». Потом он ей говорит: «Если у тебя голова хоть немного работает, ты уедешь обратно в Манчестер или откуда ты там...»

– Твоя ведь из Уэльса, да? – спрашивает Малки.

– Ага, из Суонси, – сварливо отвечает Нелли, – но он этого не знает. Я с ней в Манчестере познакомился. И знаете, что сказал этот мудака? У меня на автоответчике все записано.

Мы с Малки дружно качаем головами, нах.

– Я вам сейчас покажу, блядь, – говорит Нелли. – Я вам покажу, с каким мудаком мы вместе выпивали, – говорит он и смотрит на нас с таким обиженным видом, как будто это мы его заставляли пить с Ларри. Я ничего, нах, не говорю, потому что от этой хуйни мне смеяться охота.

В общем, мы идем к Нелли, и он запускает свой автоответчик. Отматывает на одно сообщение назад, и мы слышим голос Ларри, ну, такой тихий противный шепот:

– Уезжай, бля, из города. Уезжай, на хрен, а то я до тебя доберусь. Приду к тебе в гости, чтобы пожелать вам всем спокойной ночи.

– Этот уебок насмотрелся боевиков, – смеется Малки. Нелли косится на него.

– Моя просто с ума сходит от страха. Она уже поговаривает о том, чтобы уехать с детьми к своей матери в Уэльс.

Я смотрю на него, но молчу. Зато Малки разговорился, куда деватца.

– Мне нужно с ним разобраться. Если он будет продолжать так и дальше, я его просто урою, мудилу.

Кого он пытается обмануть? Он никогда никого не убивал, ни разу в жизни. Все это пиздобольство про то, что он сделал с кодлой Читэма Хилла в Манчестере... Если он там был такой крутой, то какого же хуя вернулся сюда?

– Это уже ни в какие ворота не лезет, – говорит Малки и смотрит на меня. – Франко, ты с Ларри поговоришь, ну, разберешься?

Теперь еще этот уебок Малки будет мне говорить, что мне делать, чего не делать, что ли, так получается? Ладно, посмотрим, блядь. Но потом я думаю: ладно, хер с ним, сыграем в его игру. Я смотрю на Нелли:

– Ну, если хочешь. А Малки ему говорит:

– Но ты должен будешь сказать мудаку, что ты был не прав и извиняешься за то, что натворил в пабе.

Нелли пару секунд молчит, а потом говорит:

– Если он извинится за эти звонки мне домой, совершенно ублюдочные, я извинюсь перед ним за то, что его отмудохал.

– Хорошо, – говорю. – И хватит дерьмо разводить. Вроде как мы все друзья. Надо по-человечески разобратца. Вечером, на карточной школе у Психа.

– А Ларри придет? – интересуется Малки.

– Если я ему скажу, то придет, – отвечаю.

Вот опять получается, что я совершаю по доброму делу в день, ну чиста весь из себя миротворец, нах. Если б не я, эти уроды уже давно бы друг друга поубивали. Все это хуйня, но у меня из-за этих дел, натурально, мигрень начинается, так что по дороге домой я забегаю в аптеку на Бульваре и беру нуро-фен-плюс. Звоню на мобилу Психу, чтобы напомнить, что сегодня вечером у нас карточная школа.

– Я во Франции, Френк, на Каннском кинофестивале, – отвечает мне этот мудака.

И до меня вдруг доходит, что он ни хуя, ни разу не шутит.

– А что насчет нашей карточной школы? Я же тебе говорил, что сегодня мы собираемся у тебя!

– Френк? Ты еще здесь? Алло?

– ЧТО С НАШЕЙ КАРТОЧНОЙ ШКОЛОЙ, БЛЯДЬ?! МНЕ СКАЗАЛИ, ЧТО РЕНТОНА ВИДЕЛИ В ГОРОДЕ! НАМ НАДО ПОГОВОРИТЬ, ТЫ, МУДИЛА!

– Ты еще здесь, Френк? Алло? Какую игру он затеял, этот пидорас...

– НАША КАРТОЧНАЯ ШКОЛА, БЛЯДЬ! Я ТЯ ПРИКОНЧУ, УЕБОК!

В трубке только трещит. А потом этот мудака говорит:

– Я тебя не слышу, и ты пропадаешь. Я тебе потом перезвоню, – и отключается, блядь!

НЕДОУМОК ЕБУЧИЙ!

Этот мудака что, считает, что можно со мной как с дерьмом обращацца, съебаться во Францию, улететь белым лебедем, нах, со всеми своими дружками из этого грязного клуба, с этим придурком Терри Соком и остальными ебучими извращенцами и отморозками... ну, блядь, я ему покажу, этому мудаку...

Так что, выпив чаю, я звоню Нелли, и Малки, и Ларри и говорю им, что этот мудила нас кинул, и забиваю всем стрелку в Центральном Баре. Когда я туда прихожу, Нелли и Малки уже на месте, только Ларри что-то не видать. Он звонит мне на мобилу и говорит, что чуток опоздает, но точно придет. Я думаю, это он для того, чтобы заставить Нелли еще подергацца. Видно, что крендель весь на нервах. По-любому мы достаем карты, усаживаемся в кабинке, и кружки «Гиннеса» пустеют одна за другой. Вообще-то я нечасто бываю в Центральном, но если уж захожу, то кружку-другую уж выпью наверняка.

Время идет, от Ларри по-прежнему ни слуху ни духу.

У меня звонит мобила, но это не Ларри. Это наш добрый друг Псих, мудила. Ох, как я щас его расстрою... Я выхожу из бара, чтобы прием был получше. Да, это действительно Псих. Перезвонил все-таки. Вот и славно. Ему же лучше.

– Ты где, блядь, шляешься? – говорю. – Нам с тобой есть за что поговорить! Про нашу карточную школу!

– Да на хуй все это дерьмо, – кричит он, и я уже тоже собрался наорать на него, как положено, и тут он вдруг говорит: – Рентой вернулся. В Эдинбург!

Так это правда... я пытаюсь придумать, что мне на это ответить, и поднимаю глаза, и на другой стороне улицы вижу его! Этот рыжий ворюга стоит себе у банкомата, прямо напротив меня!

– Он... – Я просто, ну, блядь, ору в трубку. – ВОТ ОН, Я ЕГО ВИЖУ, БЛЯ! ОН ТУТ, ПРЯМО ЧЕРЕЗ ДОРОГУ!

Псих что-то вопит в телефоне, типа: «Непусти его, мне надо с ним поговорить, когда я вернусь...», – а потом этот уебок Рентон смотрит прямо на меня, и я отключаю мобилу, нах.

76. Шлюхи из города Амстердама (Часть 11)

Вот блин, на фиг, чертов Урод! Я звоню ему сразу, как только возвращаюсь в Эдинбург. Он говорит, что отдал все деньги Али и чего, собственно, и следовало ожидать, спрашивает, не могу ли я дать ему в долг, ну, сотни три фунтов. Что на это сказать, кроме как «да, могу»? Он сидит дома, боится выходить на улицу.

Так что я из аэропорта еду к Диане, чтобы захватить кота. Пока запикивал эту тварь в переноску, весь обчихался – у меня на них аллергия, так что из носа течет в три ручья. Диана тоже не так чтобы очень уж любит кошек, так что я благополучно теряю терпение и просто хватаю зверюгу за шкурку, получая в ответ царапину на руке.

– Не делай ему больно, Марк, – говорит Диана, когда я запикиваю этот фырчащий ужас в переноску и закрываю дверцу. Диана уже собралась, так что я отвожу ее к Гэвину. Мы договариваемся встретиться в аэропорту в восемь, чтобы успеть на девятичасовой рейс, последний на Лондон, где мы пересядем на самолет до Сан-Франциско.

Я вполне понимаю Урода, мне тоже вовсе не улыбается светиться на улице, но ведь вот он я, еду в такси, прямиком в Лейт, с этим ублюдским котом. Голова у меня гудит, и я думаю: вот вам и здрасте, получается, я опять кинул Психа. Впрочем, так ему и надо. Я выхожу у банкомата на Пилриг.

Клайдсдейлский банкомат подвис, и рядом тусуется пожилой мужик, судя по акценту – из Глазго, стоит и в расстройстве попикивает автомат. Да еще и все эти такси куда-то подевались. Ни одного не видать. Так что я надвигаю шляпу пониже на лоб и, с некоторым внутренним трепетом, иду к Галифаксу в начале Бульвара. Кошачья переноска бьет меня по ноге при каждом шаге. Кот предательски мяучит, как будто специально стараясь привлечь внимание. Раньше я себя чувствовал на Бульваре как дома. Раньше я себя чувствовал здесь в безопасности. А теперь я как будто спустился в

ад. Впрочем, я же не собираюсь здесь зависать, отдам Уроду его кота злоебучего и сразу же сяду в машину и поеду на встречу с Дианой, а потом мы с ней сядем в большую железную птицу и улетим прочь отсюда.

Настроение стремительно улучшается, когда я вижу, что банкомат в начале Бульвара работает. Рядом стоит какой-то алкаш, пытается что-то там делать. Я осторожно приближаюсь к этому кренделю. Я весь на нервах, меня чуть ли не трясет. Слышу, как какие-то парни громко угрожают друг другу на Джанкшн-стрит. В Амстердаме этого нет – этой атмосферы сдержанного и небрежного насилия и агрессии, источника паранойи. Ее там просто не может быть. По определению.

Давай, приятель. По-быстрому.

И тут я слышу знакомый голос, и мне натурально становится плохо. Неимоверным усилием воли я заставляю себя посмотреть в ту сторону.

Бегби.

Кричит что-то в мобильный телефон.

Потом он видит меня и замирает с отвисшей челюстью, на выходе из Центрального Бара. Он действительно замирает, словно его парализовало от потрясения. То есть нас обоих парализовало.

Потом он захлопывает телефон и ревет:

– РЕЕННТОООН!!!

У меня кровь леденеет в жилах, когда я вижу, что Френк Бегби мчится ко мне через дорогу, с лицом, перекошенным от ярости, и у меня возникает странное впечатление, что он сейчас пронесется мимо меня, совсем рядом, и оприходует кого-то другого, потому что теперь он меня не знает, у нас с ним давно уже нет ничего общего. Но я знаю, что это ко мне он несется, и что это будет печально и больно, и мне нужно бежать, но я не могу сдвинуться с места. В эти несколько секунд жизнь разлетается на миллионы осколков-мыслей. Я размышляю, какими нелепыми и безнадежными оказались мои претензии на владение боевыми искусствами. Все тренировки и практика – это не в счет. Одно выражение его лица сводит все на нет. Я не могу ничего сделать, потому что у меня в голове неумолимо играет кассета из детства: Бегби – Зло – Страх. У меня общий паралич воли. Те части меня, которые представляют себе, как надо принять стойку вадориу, заблокировать его удар, вбить ему нос прямо в мозг одним быстрым ударом ладони или уклониться от его броска и ударить локтем в висок – да, они где-то и как-то присутствуют. Но их слабые импульсы заглушаются унижительным страхом, от которого я весь дрожу крупной дрожью.

Бегби идет ко мне, и я ничего не могу поделать.

Я не могу закричать.

Я не могу умолять.

Я ничего не могу, ничего.

77. Дома

Сестра Али, Кэт, всегда меня недолюбливала, и ей чиста не нравитца, что Али снова со мной. А Али хочет вернуться домой. Вместе с Энди. Я ведь боюсь выходить на улицу, но она пришла ко мне сама, и мы вместе пошли в киношку. Мне уже сняли проволоку с челюсти, так что я опять могу есть нормальную твердую еду, хотя челюсть вся такая жесткая, словно одеревенелая, да. Мы с Али годами так не обжимались, и челюсть – это не единственное, что у меня есть жесткого. Я все думаю, как бы мне ей сказать, чтобы она сегодня осталась со мной на подольше, и тут вспоминаю, что ко мне едет Рент!

Так что я отрываюсь от нее, выхожу из квартиры и иду на Бульвар, возбужденный, но настороженный на случай нечаянной встречи с Бегби. А то были всякие разные разговоры, хотя это могли быть просто слухи. Никогда и ни в чем нельзя быть уверенным. Рент сказал, что он едет ко мне вот прямо шас, и я уже начинаю тревожитца, типа, вдруг мы с ним разминулись. Выхожу на Бульвар, там какая-то странная суета, «скорая помощь», полиция и толпа зевак. У меня мурашки бегут по коже, как будто я только что хорошо ширнулса, потому что когда видишь в Лейте полицию и «скорую», на ум сразу приходит пара-другая имен, но у меня в голове сейчас крутится только одно. А что, если Бегби достал Марка?!

Сердце просто грохочет, брат.

ОХ, БЛЯДЬ, НЕТ...

Сперва я увидел его. Бегби. Он лежит на земле. Бегби лежит на земле! То есть не на земле – на носилках. Франко! Ему крепко досталось, потому что он лежит на носилках, а над ним стоят эти парни из «скорой помощи», и там еще мельтешит какая-то рыжая дылда, и он, этот парень, похож... ой, бля... это ведь Рент, и он вроде как в полном порядке. Это Рент и Бегби... и это...

Нет.

Нет...

Как будто это Рент отмудохал Бегби, причем отмудохал порядочно... а потом я опять весь холодею, потому что где же мой кот, брат, где Заппа?

Ни за что... я не дам себя во все это вовлечь. Я даже вот тут останавливаться не стану. Ни за что, блядь. Но мне нужно найти кота. Я поднимаю воротник, натягиваю бейсболку пониже на лоб и протискиваюсь сквозь толпу. Потом я вижу, как из толпы выходит Нелли и бьет Рента в челюсть.

Рент малость пошатывается и трогает рукой челюсть, а Нелли что-то ему кричит и удирает обратно в толпу. Полицейский подходит к Ренту, но Марк качает головой, как будто он не обвиняет Нелли, и потом просто усаживается в машину «скорой», куда уже затащили Бегби.

И вдруг я вижу его, своего Заппу. Мой бедный котяра, его просто бросили посреди улицы! Так что я подхожу и беру переноску здоровой рукой. Девчонка, которая сидела рядом на корточках и глядела Заппу сквозь прутья решетки, награждает меня убийственным взглядом.

– Я знаю, чей это кот, – говорю я ей, – я отнесу его к хозяину.

– Это правильно, нельзя так вот просто взять и оставить кота на улице, – говорит девчонка.

– Ага, точно, – говорю я и собираюсь уже убираться оттуда, потому что все это – полный бред, мои нервы чиста гудят от напряжения, понимаешь?

Нелли видит меня, и вот он уже нависает надо мной. Он тычет в меня пальцем и шипит:

– Наркоман, блядь, мудацкий.

Никогда не любил этого кренделя, но я его не боюсь, даже такой весь размазанный, как сейчас. Я собираюсь что-нить сказать в ответ, и тут вижу этого пацана, который в последнее время вертелся около Франко, и он подходит к Нелли сзади и бьет его в спину, не так уж и сильно, потом отходит, эдак пританцовывая, и растворяется в толпе. Нелли изворачивается назад, будто хочет спину почесать, словно она у него зудит, и вдруг видит, что у него все руки в крови.

Я вижу в его глазах страх, а тот пацан пробирается сквозь толпу с широкой ухмылкой на морде. Он мне легонько подмигивает, а потом исчезает. И я тоже, брат. Я просто иду домой вместе с Заппой. Я думаю, Марк поступил очень плохо, что оставил кота на улице, это было как-то не по-людски, но, с другой стороны, он явно был весь под стрессом, ну; из-за Франко, и все такое.

А теперь кое-что обо мне: я вернул Заппу, и скоро вернутся Али и Энди, и все будет опять хорошо, адназначна.

78. Шлюхи из города Амстердама (Часть 12)

Я ничего не мог сделать

Я не мог ничего сделать.

Ни кричать, ни умолять, ничего.

А парни в машине его не видели.

Я ничего не мог сделать.

Все это случилось буквально в нескольких футах от меня. Машина на полной скорости сбила Франко. Его перебросило через крышу, и он упал на асфальт. Он лежит неподвижно, из носа течет струйка крови.

Я уже рядом, причем я понятия не имею, какого хуя я тут вообще делаю. Я опускаюсь рядом с ним на колени, поддерживаю его голову, смотрю ему в глаза, полыхающие огнем и бессмысленно бегающие туда-сюда. Глаза, напоенные недоумением и злобой. Я не хочу, чтобы все было вот так. Действительно не хочу. Я хочу, чтобы он пинал меня, бил смертным боем...

– Франко, брат, мне так жаль... это неправильно... прости, брат...

Я плачу. Я держу голову Бегби в руках и плачу. Я вспоминаю старые времена, старые добрые времена, и смотрю ему в глаза, и злость уходит из них, как будто отдернули темную занавеску, чтобы впустить ясный свет, а его тонкие губы складываются в слабое подобие улыбки.

Он, блядь, улыбается мне. Потом он пытается заговорить:

– Ты мне всегда нравился. – Или это я просто ослышался, может быть, это просто оговорка. Потом он начинает кашлять, и изо рта у него брызжет кровь.

Я пытаюсь что-то сказать, но вдруг понимаю, что над нами кто-то стоит. Поднимаю голову и вижу лицо, которое кажется одновременно знакомым и незнакомым. До меня постепенно доходит, что это Нелли Хантер, только он свел с морды татуировки, и только я собираюсь сказать ему, типа, привет, как он со всей дури бьет меня в челюсть.

Меня аж подбрасывает. Бля, вот это удар. Когда я нетвердо встаю на ноги, я вижу, как он вливается обратно в толпу, а толпа собралась немаленькая – люди любят, когда что-нибудь происходит. Мне на плечо ложится рука, и я резко оборачиваюсь, опасаясь, что сейчас дружки Франко будут делать из меня котлету, но это всего лишь медбрат из «скорой». Они кладут Франко на носилки и переносят его в машину. Я иду следом за ними, но рядом стоит полицейский, и он что-то мне говорит, только я не понимаю что. Другой полицейский кивает на врачей, потом – первому копу. Тот освобождает мне дорогу, и вот я уже внутри «скорой», а они закрывают дверцу и отъезжают. Я склоняюсь над Франко и говорю ему, ты, мол, держись.

– Все в порядке, Френк, я здесь, приятель, – бормочу я, – я здесь. С тобой.

Я скребу челюсть, которая жутко болит после удара Нелли. Добро пожаловать в Лейт. Добро пожаловать домой, именно так. Но где теперь мой дом? Лейт... нет. Амстердам... нет. Если дом там, где сердце, тогда сейчас мой дом – это Диана. Мне нужно в аэропорт.

Я сжимаю руку Франко, но он сейчас без сознания, и врачи надели ему на лицо кислородную маску.

– Вы с ним разговаривайте, не молчите, – говорит мне один из них.

Все это, блядь, не очень-то хорошо. На самом деле все просто хуево. И вот что странно: многие годы я думал, как было бы здорово, если бы с Франко случилось вот что-то подобное, я представлял себе, как это будет, но теперь, когда это произошло, я бы отдал что угодно, лишь бы этого не было. Этим ребятам из «скорой» не надо меня уговаривать, потому что я все равно не смог бы заткнуться, даже если бы и хотел.

– Ага... я хотел с тобой встретиться, Френк, поговорить, разобраться. Я действительно очень жалею о том, что случилось тогда в Лондоне, но, Френк, я тогда просто не мог ни о чем думать, мне надо было спастись, унести ноги. Я был в Амстердаме, но сейчас я вернулся, на время, Френк. Встретил хорошую девушку... тебе бы она понравилась. Я много думаю о приколах, которые мы вместе творили, о футболе, и как твоя мама всегда хорошо ко мне относилась, когда я к вам приходил, мне всегда были рады. Я часто вообще вспоминаю то время. Помнишь, как мы ходили в «Стэйт» на Джанкшн-стрит утром по субботам, смотрели мультики, или в тот еще старенький кинотеатр в начале Бульвара, как он назывался-то... а, «Салон»! Если у нас были деньги, то после полудня мы шли на Истер-роуд, помнишь, тебе всегда удавалось договориться, чтобы нас кто-то подбросил... А потом нас поймали, когда мы писали свои имена и рисовали эмблему Y.L.T. на задней стене Лейтской начальной школы, и нам было всего одиннадцать, и мы едва не расплакались, так что полицейские просто нас отпустили! Помнишь? Мы с тобой, Урод, Томми и Крейг Кинкейд. А помнишь, как мы все вместе трахали Карен Макки? А как насчет того случая, в Матеруэлле, когда ты отделал какого-то здоровенного мудака, а поймали за это меня?

И вот что еще странно: когда я все это говорю, вспоминаю и заново переживаю моменты из прошлого, какая-то часть моего сознания думает о каких-то совершенно посторонних вещах. Я думаю, что Псих – прирожденный эксплуататор, на инстинктивном уровне, порождение своего времени. Но эффективность его эксплуататорской деятельности уменьшается из-за того, что он слишком уж вовлечен в процесс; в интригу и в социальную сторону всего того, что он делает. Он думает, это существенно, что это действительно что-то значит. Он только об этом и думает. И он никогда не остановится, чтобы просто сесть и спокойно вспомнить, как делаются самые элементарные вещи.

Например, как взять общие деньги и с ними сбежать.

Вряд ли он сильно обрадуется, когда узнает, что деньги ушли, и я – вместе с ними. У него явно проявится комплекс неполноценности, из-за того, что его кинули уже дважды, такого всего из себя умного и проницательного мужика, может быть, с ним приключится даже что-то похожее на нервный срыв. Может, в конце концов я обыграю их обоих: и Психа, и бедного Франко. Франко... если не обращать внимания на кислородную маску, он выглядит совсем как обычно. Потом от него слышится звон, это звонит его мобильник. Я смотрю на мед-брата, и тот мне кивает. Я лезу к Франко в карман, достаю мобилу и принимаю звонок. Мне в ухо бьет крик:

– ФРЕНК! Голос Психа.

– ТЫ ДОСТАЛ РЕНТОНА? ОТВЕЧАЙ, ФРЕНК! ЭТО Я, САЙМОН! Я! Я! Я!

Я отключаюсь и вообще выключаю телефон.

– По-моему, это была его девушка, – говорю я медбрату, и мой собственный голос звучит словно издалека. – Я ей потом позвоню.

Мы приезжаем в больницу, и я весь в каком-то ватном тумане, а тощий нервный молодой врач говорит мне, что Франко все еще без сознания, что я в общем-то понял и так, и что его забирают в реанимацию.

– Мы попытаемся стабилизировать его состояние. Мы проведем обследование, чтобы понять, какие там у него повреждения, – говорит он, причем так нерешительно, как будто он знает, кого им сейчас привезли.

Я больше уже ничего не могу сделать, но я все равно поднимаюсь наверх, в палату интенсивной терапии, где натыкаюсь на медсестру, которая ставит Френку капельницу. Я киваю ей, и она отвечает мне сдержанной профессиональной улыбкой. Сейчас я хочу быть с Дианой в аэропорту, да где угодно, лишь бы не здесь, когда Нелли или кто-то еще из приятелей Френка могут вломиться сюда в любую минуту.

– Прости, Френк, – говорю я, направляясь на выход. В дверях я медлю, оборачиваюсь к нему и добавляю: – Ты держись, друг.

Измучив сестру на посту, я прохожу коридор быстрым шагом, спускаюсь по мраморной лестнице, едва не поскользнувшись на ступеньках, выхожу на улицу и бросаюсь к стоянке такси. Мы достаточно быстро добираемся до аэропорта, потому что движение не плотное, но я все равно опоздал. Причем опоздал очень сильно.

Мы останавливаемся у зала вылетов, и я вижу Диану, которая машет мне, и я бегу к ней. Она вся злая и раздраженная, и ее можно понять, но, когда я подхожу ближе, и она видит, в каком я состоянии, ее раздражение сразу проходит.

– Господи... что случилось? А то я уже думала, что ты решил меня здесь оставить. Покинул ради какой-нибудь длинноногой блондинки...

Я почти что смеюсь.

– Вот уж этого можешь не опасаться, – говорю я, обнимаю ее и вдыхаю ее запах. Одновременно я пытаюсь взять себя в руки, потому что мне нужно попасть на этот самолет, мне это жизненно необходимо.

Мы спешим на регистрацию, но они даже не регистрируют наши билеты. Мы опоздали на лондонский рейс и соответственно на пересадку. Опоздали буквально на пару минут, но все равно опоздали. К счастью, у нас билеты с открытой датой, так что мы бронируем места на самый ближайший рейс в Сан-Франциско через Лондон – завтра, около полудня. Мы оба согласны, что в город мы не вернемся – глаза бы наши его не видели, – и мы вписываемся в отель рядом с аэропортом, и там я ей подробно рассказываю, что случилось.

Мы с Дианой сидим на постели с красно-зеленым клетчатым покрывалом, я держу ее за руку, и меня все еще трясет.

– Это безумие, но он бы меня убил, наверняка... меня как будто парализовало... я бы не смог защититься... Но самое шизоидное началось потом... как будто мы с ним по-прежнему большие друзья, как будто я никогда его не обкрадывал. Это так странно, но знаешь, на самом деле он мне всегда нравился... ты вот психолог, ты мне объясни почему?

Диана сжимает губы и широко открывает глаза.

– Наверное, это все потому, что он – часть твоей жизни. Ты чувствуешь себя виноватым за то, что его сбило машиной?

Меня накрывает волна ледящего холода.

– Нет. Он сам виноват. Надо было смотреть, а не выскакивать на дорогу.

В комнате тепло, но Диана держит кофейную чашку обеими руками, как будто греясь от нее, и мне вдруг приходит в голову, что она тоже вроде как в шоке – из-за того, что случилось с Бегби, – хотя она его даже ни разу не видела. Это вроде как передается ей от меня.

Мы пытаемся сменить тему, как-то встряхнуться. Строим планы на будущее. Она говорит, что сама она не очень довольна своей диссертацией по порно, да и вообще ей хотелось бы годик отдохнуть от учебы. Может быть, она запишется в какой-нибудь колледж в Штатах, но она еще не решила.

Что мы будем делать в Сан-Франциско? Да просто тусоваться. Может, я снова открою клуб,

хотя нет – слишком это геморройно. Может, мы вместе с Дианой займемся всей этой байдой с веб-сайтами, станем крутыми дизайнерами или что-нибудь в этом роде. Мы и раньше с ней обсуждали все это, и мне это по-прежнему интересно, вот только конкретно сейчас я не могу думать вообще ни о чем, кроме Бегби, ну и Дианы, конечно. Она оказалась такой замечательной женщиной. Она всегда была замечательной. Просто я был слишком молод и еще не созрел до того, чтобы быть с такой женщиной еще тогда. Но теперь мы вместе и будем вместе, насколько хватит любви или денег.

На следующее утро мы просыпаемся рано и завтракаем прямо в номере. Я звоню в больницу узнать, как там Франко. Никаких изменений нет, он по-прежнему без сознания, но рентген подтвердил масштаб повреждений: у него сломана нога, раздроблена тазовая кость, а еще несколько треснувших ребер, перелом руки и череп проломлен. Есть и какие-то внутренние повреждения. По идее, я должен сейчас чувствовать несказанное облегчение, что Франко выведен из строя, но почему-то я себя чувствую просто ужасно – из-за того, что случилось. И да, вот прямо сейчас я чувствую себя виноватым.

Мы направляемся обратно в аэропорт, Диана в восторге от того, что мы наконец улетаем, да и мне самому тоже не терпится поскорее отсюда убраться. Потому что мне даже страшно представить, что будет, если мы здесь задержимся дольше, чем необходимо – хоть на лишнюю секунду.

79. «...чтобы успеть на самолет...»

Саймон все утро висит на телефоне. Мы поднимаемся ни свет ни заря и мчимся в аэропорт, чтобы успеть на самолет в Эдинбург, на самый быстрый из существующих рейсов. Терри с Карлой, его американской порнодевочкой, нас провожают, но исключительно потому, что Терри хочет забрать ключи от нашего номера, забронированного на два дня вперед, а Саймон не расстанется с ними до последней минуты.

Он продолжает подозрительно коситься на Терри.

– Я очень ценю, что ты едешь со мной, Никки, – говорит он. – Ты ведь могла бы остаться здесь с Кертом и Мел и пойти на церемонию награждения. Может, еще передумаешь, Никки? Это твой звездный час.

– Нам нужно быть вместе, милый, – говорю я и беру его за руку.

– Не волнуйся, Псих. Мы с Карлой используем номер по полной, да, куколка? – говорит Терри, глядя на свою новую девушку, потом вопросительно – на меня. Он заметно волнуется, а вдруг я действительно передумаю.

– Да-а... это так мило с твоей стороны... – счастливо мурлычет она.

Видно, что Саймона раздражают самые противоречивые чувства. Терри тоже это замечает и говорит очень серьезно:

– Я буду твоим представителем «Семи раз» и не буду особенно разгоняться, ну, в смысле, в отеле. В смысле, не буду особенно тратить деньги.

Но Саймон его не слышит. Он дозвонился до паба и сейчас разговаривает с Алисой, и вид у него еще более убитый, чем раньше – если такое вообще возможно.

– Ты, блядь, шутишь... Я не верю... – Он поворачивается ко мне с Терри. – Эта полиция злоебучая, и таможня, и акцизники, бля – они все побывали в пабе. Конфисковали видеокассеты... меня закрывают... Али! – кричит он в трубку. – Никому ничего не говори, скажи всем, что я уехал во Францию, это правда. Что-нибудь слышно про Бегби или Рентона?

Повисает короткая тишина, а потом Саймон рывкает:

– ЧТО! – Он чуть ли не задыхается. – Мудака положили в больницу? Кома, блядь? Рент?

У меня падает сердце. Марк...

– Что случилось? Саймон выключает телефон.

– Рентой уделал Бегби! Его в больницу отправили, в коме. Врачи говорят, что вряд ли он оклемается. Урод сказал Али, что он это видел, своими глазами, вчера вечером, на Бульваре!

– Слава Богу, Марк в порядке... – вырывается у меня, и Саймон смотрит на меня с подозрением. – Ну, Саймон, – я изображаю святую невинность, – у него же наши деньги...

– О каких деньгах речь, – спрашивает Терри, ушки сразу на макушке.

– Да так, мелочь, что я ему одолжил, – быстро говорит Саймон. – Ладно, Терри, вот ключ от номера. – Он достает ключ из кармана, бросает его Терри и с горечью добавляет: – Веселитесь, ребята.

– Ура, ура. – Терри хватается Карлу за руку. – Уж мы-то повеселимся, на этот счет можешь не

волноваться. – Он подмигивает, а потом задумчиво говорит: – Никогда бы не подумал, что Марк выключит Бегби. Темная лошадка, в натуре. А я-то думал, что все эти кун-фу – так, дерьмо. Только для шоу и годится, да. Ну, ладно, – улыбается он, – увидимся, – и он быстро уходит, волоча со собой свою порнотелку. Я смотрю ему вслед. Парень счастлив по самое нехочу, радости полные штаны, сбьлись его самые фантастические мечты, жизнь прекрасна, а Саймон, который сейчас по идее тоже должен бы радоваться своему взлету, стоит с кислой миной, весь такой из себя несчастный. Хотя, надо признать, у него есть причины для беспокойства. А тут еще Терри, который сейчас остается в Каннах на два дня без присмотра. В общем, я где-то Саймона понимаю.

В самолете Саймон сидит весь злой, и эта злость не проходит, когда мы садимся в эдинбургском аэропорту.

– Ты же еще ничего точно не знаешь, это ты так считаешь, что Марк нас обокрал, но еще ничего не известно... так что расслабься пока. Мы же здорово провели время. Фильм имел успех. Есть чему радоваться.

– Кх, кх, – кашляет он. Пока мы забираем багаж, он то и дело беспокойно озирается по сторонам, вытянув шею. Мы проходим паспортный контроль и таможню.

И тут он вдруг замирает на месте, потому что всего в пятидесяти ярдах от нас стоят Марк и Диана, готовясь пройти на посадку.

Диана проходит первой, и, когда Марк протягивает свой билет служащему аэропорта, Саймон вопит на пределе своих голосовых связок:

– РЕННННТАННН!

Марк оборачивается к нему, изображает улыбку и машет рукой, а потом как ни в чем не бывало проходит на посадку. Саймон бросается следом за ним и пытается пробежать через выход, но охрана его не пускает.

– ОСТАНОВИТЕ ЭТОГО ВОРА! – кричит он, а я подхожу и вижу лишь спины Марка и Дианы. Я смотрю на Диану и думаю, обернется она или нет, но она не оборачивается. – СКАЖИ ИМ, НИККИ!

Я стою в полной прострации.

– Что я могу им сказать?

Он оборачивается к охраннику и служащему аэропорта. Подходят еще два охранника.

– Послушайте, – говорит он умоляюще, – пропустите меня, пожалуйста. Мне очень нужно туда.

– У вас должен быть посадочный талон, сэр, – говорит служащий аэропорта.

Саймон весь раздувается, пытаясь держать себя в руках.

– Послушайте, этот человек украл у меня... одну вещь.

– В таком случае, сэр, обратитесь в полицию аэропорта. Я могу вызвать наряд по рации...

Саймон стискивает зубы и трясет головой.

– Ладно, забыли. За-бы-ли! – цедит он сквозь зубы, разворачивается и отходит к табло вылетов. Я иду следом за ним.

– Ебать-колотить, там сейчас куча посадок сразу: Лондон Хитроу, Лондон-Сити, Манчестер, Франкфурт, Дублин, Амстердам, Мюнхен... хрен знает, куда они вылетают... РЕНТОН И ЭТА ПИЗДА ХИТРЮЩАЯ! – кричит он, не обращая внимания на людей, которые уже начинают на нас коситься, а потом, держась руками за голову, садится прямо на пол посреди зала и сидит неподвижно, как будто он – каменное изваяние.

Я кладу руку ему на плечо. Какая-то женщина с рыжей, даже скорее оранжевой «химией» спрашивает:

– Он в порядке? – Я улыбаюсь ей, мол, я ценю ваше участие, большое спасибо, с ним все нормально. Потом я шепчу ему на ухо:

– Саймон, нам надо идти. Мы привлекаем слишком много внимания.

– Правда? – говорит он тоненьким детским голосом. – Нам надо идти? – Потом он встает и идет прямо к выходам, на ходу нажимая на кнопки мобильного.

Мы встаем в очередь на такси, и он наконец убирает телефон и смотрит на меня с напряженной улыбкой.

– Рентой, – он вдруг начинает захлебываться рыданиями и бьет себя по лицу, –... Рентой забрал мои деньги... Он очистил банковский счет... У Рентона в Амстердаме есть мастер-копия, все готовые копии – на складе у этого Миза. У кого мастер-копия, тот и владеет фильмом. У него и моя мастер-копия, и мои деньги! Вот только где он информацию-то надыбал? – завывает он, заходясь в без-

утешных рыданиях.

Я звоню Лорен, и она мне говорит, что Диана уехала. Собрала все вещи и уехала. Мы садимся в такси и я говорю грустно:

– В Лейт.

Саймон запрокидывает голову.

– Он забрал наши деньги!

Он все о деньгах. А чему, собственно, удивляться?

– А что же фильм? – спрашиваю.

– Да хуй с ним, с фильмом, – огрызается он.

– Но как же наша великая миссия? Как же революционная роль порнографии в...

– Да хуй с ним со всем. Это просто огромная куча дерьма для задротов, которые даже не могут заполучить себе птичку, чтобы по-человечески оттянуться, а для остальных – это способ поддерживать себя в форме, чтобы рьяно кончать в молодую, тугую пизду. Есть две категории. Категория первая: я. Категория вторая: все остальные. Остальных можно еще разделить на две подгруппы: те, кто делает, как я говорю, и уже полный отстой. Это все было для развлечения, Никки, забавы ради. А что нам действительно нужно, так это деньги. БЛЯДСКИЕ ДЕНЬГИ! БЛЯДСКИЙ РЕНТОЙ!

Мы приезжаем к Саймону. Вскоре приходит Рэб. Приносит газету «Вечерние новости». Там очень подробно написано, как полиция забрала все кассеты из бара. Банковские счета бара временно заморожены. В статье говорится, что и полиция, и таможня, и ребята из Акцизного управления – все ищут Саймона, а когда найдут, ему будут предъявлены обвинения по целому ряду статей. О Саймоне там отзываются в очень нелестном ключе, и все это обозвали «скандалом с наркотиками и порнографией».

– Так что получается, они ищут только меня?! Только меня одного! А как же вы, мудаچه?

– Может быть, это все потому, что ты по телику засветился со своими пламенными речами? – язвит Рэб, и мне стоит громадных трудов, чтобы не рассмеяться.

Саймон полностью деморализован и открывает бутылку виски. Рэб полон решимости сражаться в суде.

– Я сам этим займусь. Подготовлю речь, – говорит он невнятно, когда бутылка уже допита. Я понимаю, что Рэб слегка навеселе, и он сам это чувствует.

– А что ты, Никки? – интересуется он.

– Я пока ничего. Посмотрю, как все пойдет, – отвечаю я.

Саймон выхватывает у меня газету. У него еще хватает наглости возмущаться насчет того, что его называют в статье порноделом.

– Идиотское определение для человека, который принял высокопрофессиональное решение креативно работать в сфере эротического кино для взрослых, – говорит он с натужным самодовольством. А потом добавляет с униженно-жалким стоном: – Это убьет мою мать.

С выражением совершеннейшего ужаса на лице он включает автоответчик, чтобы проверить сообщения. Там есть одно и от Терри.

– Народ, есть хорошие и плохие новости. Керт победил как лучший актерский дебют. Он сейчас где-то празднует. Но какой-то француз получил лучший режиссерский дебют. А лучшую женскую роль взяла девица из фильма Карлы.

Я чувствую опустошительное разочарование, Саймон бросает на меня напряженный взгляд, а потом говорит:

– Я ж говорил, что тебе нужно было сделать анал. Терри на автоответчике продолжает:

– Но это еще не все плохие новости, потому что лучшим фильмом выбрали «Любителя анальных игрищ в Городе Влагалищ», фильм Карлы. Там хорошая команда, и все остальное, так что я теперь с ними.

Саймон с горечью фыркает и вроде как хочет что-то сказать, но следующее сообщение заставляет его умолкнуть. Это его мать, и она очень расстроена, плачет прямо в телефон. Он встает и берет куртку.

– Мне нужно к маме.

– Хочешь, я пойду с тобой? – говорю я.

– Нет, я лучше один, – говорит он и уходит, а Рэб, которому не терпится вернуться к жене и ребенку, идет вместе с ним.

Я расслабляюсь и сажусь на диван, у меня в голове все гудит, и меня буквально трясет при од-

ной только от мысли о том, что я сейчас собираюсь сделать.

80. Афера № 18754

Я в шоке. Как будто все, что было хорошего, прошло, а все остальное перевернулось с ног на голову. Мама плачет на автоответчике, все не поймет, как такое могло случиться, что в газете написали такого ужасного вранья про ее сына. Зашел Рэб, явно очень довольный собой, но я слишком заебан, чтобы обращать на это внимание. В общем, я сразу срываюсь и еду к маме, и мне вроде бы удастся ее убедить, что это все измышления завистников, и ситуация уже под контролем моих адвокатов.

Это было то еще представление, я даже не подозревал, что во мне столько актерских способностей. Я ухожу, думая о Франко, как же этот задрот так вот все проебал, и для меня, и для себя самого.

Я еду к Никки и все думаю, кто же мог на меня настучать. Мысленный список голове включает: Рентой: ТАК ОХУИТЕЛЬ-НО ОЧЕВИДНО, Терри: ЭТОТ МУДАК, ПОТОМУ ЧТО Я ЕГО КИНУЛ! Пола: ЖИРНУЮ КОРОВУ ПРЕДУПРЕДИЛИ, ЧТО У МЕНЯ НА УМЕ... НЕТ, Мо: ХОТЕЛА ЗАПОЛУЧИТЬ ПАБ, Урод: ЗАВИСТЛИВЫЙ УЕБОК-НАРК, Эдди: СТАРЫЙ МУДАК, Филипп и его команда: УБЛЮДКИ МЕЛКИЕ! Бегби: «Я НЕ СТУКАЧ, БЛЯДЬ, НО Я ДУМАЮ, ЧТО ДАМОЧКА ПРОТЕСТУЕТ СЛИШКОМ АКТИВНО», Биррел: ПЕРВЫЙ, КТО БУДЕТ ЗЛОРАДСТВОВАТЬ, снова Рентой: КОВАРНЫЙ ВЫСТРЕЛ В СПИНУ, НАПОСЛЕДОК...

Я звоню Мел и Кертису в Канны, говорю им, что скоро я соберусь с силами, мне просто нужно немного времени, чтобы зализать раны и отплатить некоторым мошенникам, которые злобно меня наебали.

– Я потом с вами свяжусь. А пока что хватайтесь за любую возможность и используйте все, что подвернется. Только хорошенько читайте контракт, прежде чем подписать, – предупреждаю я их.

На Бульваре я покупаю цветы для Никки и думаю, что надо бы нам сегодня сходить с ней в Стокбриджский ресторан поужинать, потому что все это время она классно держалась, а потом мы сбежим в Лондон. Когда я прихожу, ее нет дома, наверно, в магазин пошла, прикупить что-нибудь на ужин. Однозначно, насрать на полицию и таможенников, я хочу выйти – развеяться, показать им всем, что я не сломлен. Это просто временное отступление.

На кофейном столике я вижу записку:

Саймон,

Я уехала к Марку с Дианой. Ты нас не найдешь, это я гарантирую. Мы обещаем тебе оттянуться по полной с этими деньгами.

С любовью Никки.

P.S.: Когда-то я говорила, что ты – лучший любовник из всех, кто у меня был, так вот, это было преувеличение. Хотя ты не так уж и плох, если стараешься. Мы все разыгрываем оргазм.

P.P.S.: Как ты сам говорил о британцах, нам очень нравится наблюдать, как ебут других.

Я читаю записку дважды. Пристально смотрю на свое отражение в зеркале на стене. Потом, со всей дури, бьюсь головой в отражение дурака, которое я там вижу. Стекло разбивается и выпадает из рамы, рушится на пол. Я смотрю вниз на осколки и вижу, как на них брызжет кровь, словно брызги дождя.

– Есть ли на свете придурок глупее тебя? – спрашиваю я у окровавленного лица, отражающегося в осколках. – Теперь семь лет счастья не будет, – смеюсь.

Я сажусь на диван и опять беру в руки записку. Рука заметно дрожит. Я сминаю листок и бросаю его через всю комнату. Есть ли на свете придурок глупее тебя? А потом у меня перед мысленным взором всплывает лицо.

– Франсуа в реанимации, – говорю я вслух, подражая коварному голливудского римскому сенатору из «Спартака», – надо его навестить.

Я заматываю голову бинтом, повязываю поверх старую линялую бандану и отправляюсь в больницу. Проходя мимо больничного канцелярского магазина, я подумываю об открытке, типа, скорейшего выздоровления, и все такое, но вместо этого покупаю толстый черный маркер.

Иду по длинному и пустынному больничному коридору и думаю обо всех тех страданиях и муках, которые люди терпели в этом доме боли. На душе тяжело, кажется, от самих стен веет холодом. Взамен этого старого здания построили новое, в Малой Франции, а это крыло закрывают. Здесь даже лампы какие-то тусклые, и когда я поднимаюсь по лестнице, ступеньки громко скрипят у меня под

ногами, и я вдруг понимаю, что мне страшно. Я боюсь, что он вышел из комы, пришел в сознание.

Захожу в палату реанимации – на душе сразу же отлегло. В палате лежат шесть человек, пятеро стариков, которые кажутся совершенно обдолбанными, и Франко – в коме. Весь такой неподвижный, кожа – как воск, как будто он уже умер. На нем нет респиратора, значит, он дышит сам, но это как-то незаметно. К нему подсоединены три трубки. Две вроде как входящие, для физраствора и крови, и одна, чтобы отводить мочу. Я – его единственный посетитель. Сажусь рядом с ним.

– *Rauvre, rauvre Francoise*, – говорю я неподвижной фигуре, убранной в бинты и гипс. Где-то там. внутри всего этого – Бегби.

Он, блядь, безнадежен. Я смотрю его карту.

– Все довольно хреново, Френк. Сестра сказала: «Он очень плох, ему, чтобы выкарабкаться, нужна небывалая воля к жизни». А я ей ответил: «Френк – настоящий боец».

Я смотрю на этот прозрачный мешочек, из которого плазма течет по трубке прямо Бегби в вену. Как же я раньше-то не догадался. Надо было нассать в бутылку из-под молока и подсоединить ее к этой трубке. Вместо этого я беру маркер и пишу у него на гипсе в стиле граффити, продолжая говорить:

– Он опять меня сделал, Френк. Я снова все проебал, забыл важный урок: никогда не возвращайся. Двигайся только вперед. Надо двигаться только вперед, или закончишь как... ну, вот как ты, Френк. Знаешь, как я безумно рад, что ты теперь вот такой, Франко. Всегда приятно осознавать, что есть кто-то, какой-нить печальный уебок, которому хуже, чем тебе, – улыбаюсь я, любуюсь плодами своего труда:

ПИДОР ГНОЙНЫЙ

– Помнишь, как мы с тобой познакомились, Френк, когда ты впервые со мной заговорил? Я помню. Я тихо-мирно играл в футбол на Линке с Томми и еще там с ребятами из микрорайона. Потом заявили вы. Ну, ты там был, Рент и Урод. Мы тогда еще в младших классах учились. Это было на выходных после того, как «Ювентус» побил «Хибсов» 4:2 на Истер-роуд. Альтафани сделал хет-трик²¹ на чужом поле. Ты подошел ко мне и спросил, уж не итальяшка ли я. Я ответил, что я шотландец. И тут Томми, честно пытаюсь помочь, говорит: «У него только мама итальянка, да, Саймон?»

Ты схватил меня за волосы и намотал их на руку, сказал что-то типа «по шотландским правилам, блядь» и «вот что мы делаем с маленькими ублюдками-макаронниками», потащил меня за собой по улице, крича мне в лицо «обосрались на войне», и все в таком духе. Я пытался вопить, что я за «Хибсов», я за них всегда болею, как я с ума сходил, когда Стэнтон вывел нас вперед 2:1. Но все было бесполезно, мне пришлось терпеть твои тупые, хулиганские выходки до тех пор, пока тебе не стало скучно и ты не выбрал себе другую жертву. А ты помнишь, кто тебя тогда подзуживал, поощрял тебя быть таким нехорошим ублюдком, и жестокость сверкала в его глазах? Ага, улыбочка мудака Рентона была шириной с док Виктории.

Но Франко просто лежит, его кривой рот крепко сжат.

– Все так хорошо начиналось, Френк. С тобой когда-нибудь было такое, Франко? Вот ты чувствуешь, что ты играешь свою игру, что ты рулишь, а потом какие-то пидоры наебывают тебя по полной программе? Потому что, Франко, должны же быть хоть какие-то правила, нах. Даже ты бы так не поступил со своими. И я бы так не поступил. Потому что своих не кидают. Если ты занимаешься настоящим делом, то есть реальным бизнесом, тут без доверия не обойтись. Да, я тоже играю в игры, Франк; тебе этого никогда не понять, но я больше воин, чем ты. Я верю в классовую войну. Я верю в битву полов. Я верю в свой клан. Я верю в праведный, справедливый и интеллигентный рабочий класс против серой, безмозглой, бездушной буржуазии. Я верю в панк-рок. В «Northern Soul». В эйсид хаус. В молодежь. В рок-н-ролл. И еще я верю, что порядочность выше коммерции. В рэп и хип-хоп. Это и есть мой манифест, Франко. А ты вот никак не соответствуешь положениям этого манифеста. Да, твои преступные инстинкты достойны всяческого восхищения, но меня как-то не трогает психически неуравновешенный криминалитет. Их тупые банальности обижают мой тонкий вкус.

21 Имеется в виду британский сериал «Улица Коронации» (Coronation Street), рассказывающий об обитателях вымышленного района Уэзэр-фидц в Манчестере и занесенный в Книгу рекордов Гиннеса как самая длинная мыльная опера. Ее начали показывать по телевидению с 1960 года и показывают до сих пор – по меньшей мере две серии в неделю. – Примеч. пер.

А вот Рентой... я думал, что Рентой разделяет мое мировоззрение, мою панковскую точку зрения. Но что он такое? Растяпа Мерфи, пусть даже и башковитый растяпа, но при полном отсутствии моральных устоев.

Мне интересно, слышит меня этот козел или нет. Скорее всего не слышит. Врачи говорят, что он вряд ли очнется. А если даже и очнется, то останется полным овощем.

– Я очень расстроен, Френк. Знаешь, на сколько он меня нагрел, этот мудила? Я тебе по-простому скажу: шестьдесят с лишним кусков, блядь. Да, по сравнению с этой суммой, твои три тысячи – это так, тьфу. Но деньги даже не главное. Да он забрал мои деньги. Но он забрал и мою мечту, Френк. Понимаешь? До тебя дошло? Ау? Тук-тук. Есть кто дома? Нет. Похоже, что нет.

Алекс МакЛейш?

В дисциплинарном журнале мальчика Бегби сплошные неуды, в общем, все очень печально, и вряд ли кто-то захочет иметь с ним дело.

Я уверен, что все мало-мальски разумные люди подпишутся под этими мудрыми замечаниями Алекса, и, если совсем уже начистоту, я бы пошел еще дальше: я бы обвинил Френсиса Бегби в нечестной игре. И раз уж мы заговорили о Френке, давайте послушаем еще одного знаменитого Френка из Лейта. Фрэнк Саузи?

Эта... все правильно ты говоришь. Монсеньор Бегби, конечно, боец, но неменяемый совершенно. Хотя, если отнять у него агрессию, это будет уже не он.

Я продолжаю расписывать маркером гипс Франко.

Я love СОСАТЬ ХУЙ

– Но я помогал этому мудаку Рентону. Я к нему не подпускал тебя. Почему? Может быть, из-за того раза в Лондоне, когда ты впал в бешенство и обвинил меня в том, что я с ним заодно. Ты меня ударил и сломал мне зуб. Ты меня изуродовал. Пришлось ставить коронку. И ведь потом даже не извинился. Но я был охуенно не прав, что берег его от тебя. Этого больше не повторится. Я найду его, Френк, и клянусь тебе, если ты сможешь выйти из этой комы и полностью восстановиться, ты будешь первым, кто узнает о том, где он прячется.

Я наклоняюсь над этим овощем и говорю:

– Поправляйся быстрее... Франко, нищий духом. Всегда хотел назвать тебя так в лицо... – И у меня сердце едва не выпрыгивает из груди, когда что-то хватает меня за запястье. Я опускаю глаза – и это его рука, зажала меня, как клещами. Я поднимаю взгляд, и глаза у него открыты, и они так и пышут злобой, и глядят прямо мне в душу, больную, израненную...